

P. 3. Ф.

№ 7

ОТЕЧЕСТВЕННЫЯ ЗАПИСКИ.

ГОДЪ ЧЕТЫРНАДЦАТЫЙ.

ОТЕЧЕСТВЕННЫЯ

ЗАПИСКИ,

УЧЕНО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛЪ,

ИЗДАВАЕМЫЙ

АНДРЕЕМЪ КРАЕВСКИМЪ.

Beatae plane aures, quae non vocem foris sonantem, sed intus auscultant veritatem docentem.

Gersonius.

ТОМЪ LXXXIII.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФІИ ШТАБА ВОЕННО-УЧЕБНЫХЪ ЗАВЕДЕНІЙ.

1852.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Цензурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ.

Санктпетербургъ, 1 іюля 1852 года.

Цензоръ *А. Фрейгангъ.*

ОГЛАВЛЕНІЕ СЕДЬМОЙ КНИЖКИ.

ІЮЛЬ.

I. Словесность.

Стр.

ЛОЛА МОНТЕЗЪ. *(Изъ записокъ путешественника.)* **С. БАБУШКИНА** 1

ПРОСЕЛОЧНЫЯ ДОРОГИ. *Романъ безъ интриги.* **Д. В. ГРИГОРОВИЧА.** *Часть шестая и послѣдняя* 53

ОПЕКУНЪ. *Романъ мистриссъ* **КАРОЛИНЫ НОРТОНЪ,** переводъ съ англійскаго *И. И. Введенскаго. Продолженіе первой части.* (Въ особомъ приложеніи.)

II. Науки и Художества.

КАРОЛИНГИ ВЪ ИТАЛІИ (801 — 814). **П. Н. КУДРЯВЦЕВА.** . 1

III. Современная Хроника Россіи.

Обозрѣніе современнаго движенія русскаго законодательства и распоряженій по государственному управленію за *май* . . . 1

Событія въ отечествѣ (Отчетъ Почтоваго Управленія за 1851 годъ. — Торговля Самары. — Караванная торговля Оренбургскаго Края въ 1851 году. — Вѣсти изъ Иркутска. — Метеоры. — Наводненія. — Саранча. — Курганы Владимірской Губерніи. — Казанскій и Курскій Театры) 9

V. Критика.

Стр.

Изслѣдованія о Древностяхъ Южной Россіи и береговъ Чернаго Моря, *графа Алексѣя Уварова*. Выпускъ первый. *Статья* **П. М. Леонтьева** 1

VI. Библіографическая Хроника.

Книги, вышедшія въ іюнѣ.

Новыя Сочиненія.

Очеркъ Исторіи Живописи Итальянской, сосредоточенной въ Рафаэлѣ и его произведеніяхъ, лекціи *С. Шевырева* 1
Опытъ Общесравнительной Грамматики Русскаго Языка . . . 13
Грамматика Старославянскаго Языка, изд. *П. Перевлѣсскимъ*. . 15
О видахъ русскихъ глаголовъ въ синтаксическомъ отношеніи, *С. Шафранова*. 16
Чтенія о предметахъ физики, сост. *М. Пчельниковымъ* 17
Памятная Книжка Виленской Губерніи на 1842 годъ. 20
О ядахъ и противоядіяхъ, изд. *Александромъ Никитинымъ*. . . 22
Deutsche Schulgrammatik, von *Ed. Krull* 24
Хозяинъ Пчеловодъ, почерпнувшій свѣдѣнія изъ 46-лѣтнихъ практическихъ опытовъ и наблюденій 25
Сила Воли, романъ *г. Токарева* . . . . —
Новый Образцовый Письмовникъ 26

Продолженіе прежде-начатыхъ изданій.

Маленькія Повѣсти и Сказки для дѣтей 27
Полное Русское Садоводство, Цвѣтоводство и Огородничество, соч. *Финтельмана*, части III и IV. . . . . —

Новыя переводы.

Общепонятная, Практическая Перспектива, соч. *Тено* 27
Земледѣльческая Механика, графа *Гаспарена* 29
Опыты достовѣрные и испытанные объ уничтоженіи сырости въ домахъ и въ стѣнахъ дома, соч. *Гиббона* 32
Леченіе холодною водою по методѣ Присница, соч. д-ра *Бижеля*. —

Новыя изданія.

Басни и Сказки *И. И. Хемницера* 33
Гуакъ или непреоборимая вѣрность. . . . . —

Стр.

Русскіе Простонародные Разсказы, соч. *Өедора Русанова* . . . 33
Нѣмецкая Азбука, сост. *Робертомъ Байеромъ* . . . . —
Сказка о трехъ братьяхъ: Семенѣ, Пахомѣ да Иванѣ . . . . —
Гибель отъ пустаго чванства, соч. *Авдотьи Глинки* . . . . . —

Журналистика.

Литературные фёльетоны. Филаретъ Шаль. — Романъ *г. Писемскаго* «Богатый Женихъ». — Романы-біографіи. — Разсказъ *г. Авдѣева* «Нынѣшняя Любовь» 34

VII. Иностранная Литература.

Исторія Литературы. — I. Томасъ Муръ *(статья первая)*. — Всеобщая Исторія. — II. Аттила и Гунны *(статья вторая и послѣдняя)*. (Походъ Аттилы въ Галлію. — Взятіе Меца. — Спасеніе Парижа Женевьевою. — Осада Орлеана. — Битва при Шалонѣ. —Разбитіе Аттилы.—Вторженіе Аттилы въ Италію.— Взятіе Аквилеи.—Посольство папы.— Смерть Аттилы.— Имперія его распадается.—Астрономія.—III. Падающія звѣзды.— Исторія Обычаевъ. — IV. Роскошь стола въ-отношеніи къ образованности. — Путешествія и Этнографія. — V. Воспоминанія морскаго офицера индо-китайской эскадры *(статья вторая и послѣдняя)*. (Острова Маріанскіе и Лу-чу. — Портъ Шанг-Гаи и Сѣверные Китайцы.) — VI. Кафры до послѣдней войны съ Англичанами.—VII. Спаситель вдовъ.—Естественныя Науки. — VIII. Объ отношеніяхъ между животными и срединами, въ которыхъ они обитаютъ. — Искусства. — IX. Жозефина Грассини. 1

VIII. Смѣсь.

Каліостро у герцога Ришльё. *Разсказъ*. 1

Описаніе театральнаго увеселенія, чрезъ французскихъ комедіантовъ ея императорскаго величества (Елизаветы Петровны) представленнаго. (Доставлено **т. Шишкинымъ.**) . . . 20

Новости Наукъ, Искусствъ и Литературы.

Отчетъ за 1851 годъ г. академика Купфера, директора Центральной Физической Обсерваторіи. 25
Опыты Депре надъ постоянствомъ гальваническихъ батарей . . 29
Летучая щелочь (ammoniaque) въ атмосферѣ. 33
Температура теплыхъ пещеръ въ окрестности Монпелье . . . —

Стр.

Излеченіе іодомъ водяной худосочности (cachexie aqueare) у овецъ. *(Изъ записки Романе.)* 35
Вѣсъ и цѣна алмазовъ и жемчуговъ. 36
Донесеніе Араго о Парижской Обсерваторіи. 37
Историко-филологическое Отдѣленіе Санктпетербургской Академіи Наукъ. 41
Англійское пароходство. 42
Вѣсти о капитанѣ Франклинѣ. 46
Археологическое открытіе 47
Литературныя Извѣстія 48

Моды (*съ парижскою картинкою модъ*).

I.

ЛОЛА МОНТЕЗЪ.(*)

(ИЗЪ ЗАПИСОКЪ ПУТЕШЕСТВЕННИКА.)

Въ 1844 году жилъ я въ Парижѣ, въ улицѣ Лафитъ, въ домѣ подъ № 27-мъ. Онъ состоялъ изъ трехъ этажей; каждый изъ нихъ былъ первоначально расположенъ для одной квартиры. Мадамъ Бель де-Монбель, снявшая этотъ домъ у хозяина на извѣстное число лѣтъ, по контракту, раздѣлила каждый этажъ на нѣсколько нумеровъ, мёблировала ихъ съ бòльшей или мèньшей изъисканностью и открыла одно изъ тѣхъ заведеній, которыхъ такъ много въ Парижѣ; они извѣстны подъ названіемъ *hotels garnis*.

Я занималъ половину втораго этажа, окнами на улицу, прямо противъ отели Ротшильда, чтò, скажу мимоходомъ, было для меня не утѣшительно, по той причинѣ, что, несмотря на довольно-красивую отдѣлку моей квартиры и на довольство, которымъ средства мои позволяли мнѣ окружать себя, образъ жизни моей казался мнѣ скуднымъ по сравненію, находящемуся безпрестанно у меня передъ глазами, съ великолѣпнымъ жилищемъ знаменитаго банкира и его роскошными привычками. Вторая же половина, составлявшая прежде одно цѣлое съ первой, выходила окнами во дворъ. Половина моя состояла изъ большой залы, кабинета и спальни; изъ послѣдней

(*) Разсказъ этотъ былъ сообщенъ мнѣ однимъ Англичаниномъ, котораго я и заставляю говорить здѣсь отъ своего лица. *С. Б.*

былъ ходъ въ небольшую темную комнату, служившую мнѣ уборной, которая также имѣла сообщеніе и съ сосѣдней половиной, отдѣленной отъ моей стѣною спальни и кабинета; но такъ-какъ она была свободна, когда я переѣхалъ, то уборная поступила въ мое владѣніе... Эти подробности необходимы для объясненія послѣдующихъ сценъ.

Уже прошло нѣсколько мѣсяцевъ, какъ я поселился на этой квартирѣ; по тишинѣ, царствовавшей во все это время въ сосѣдней половинѣ, я заключилъ, что она продолжала оставаться незанятою, или что живущій тамъ постоялецъ ведетъ чрезвычайно-скромную жизнь: никогда не слыхалъ я за стѣной никакого разговора, ни шума, и не видалъ, чтобы кто-нибудь выходилъ изъ двери, которая была рядомъ съ моею на площадкѣ лѣстницы; или, лучше-сказать, я не обращалъ на окружавшую меня тишину особеннаго вниманія: мнѣ казалось, что это такъ и должно быть. Правда, иногда встрѣчалъ я на лѣстницѣ *мадамъ* Бель, съ связкой ключей въ рукахъ, провожавшую какого-нибудь искателя квартиры: тогда раздавался металлическій звукъ ключа въ замкѣ, дверь растворялась, и за стѣной слышны были голоса; но черезъ нѣсколько минутъ все приходило въ обычное молчаніе, и дверь запиралась опять надолго; вѣроятно, приходившіе жильцы не находили почему-нибудь ту квартиру для нихъ удобною. Я былъ этимъ весьма-доволенъ: ничто не нарушало моего спокойствія. Что́ можетъ быть несноснѣе безпокойнаго сосѣда, или вообще сосѣда, если васъ отдѣляетъ отъ него одна тонкая перегородка? Вы возвратились поздно домой и хотите утромъ предаться сну долѣе обыкновеннаго, а сосѣдъ вашъ встаетъ рано, кашляетъ, ходитъ, стучитъ, наконецъ будитъ васъ. Вы встаете рано, будите сосѣда вашего и слышите, по скрипу его кровати, что онъ поворачивается на другую сторону съ бранью. Если онъ не помѣшалъ вамъ выспаться и вы не встали поутру съ головной болью, вы хотите заняться чѣмъ-нибудь серьёзнымъ, а сосѣдъ вашъ собрался завтракать съ своими друзьями; шумныя восклицанія ихъ прерываютъ безпрестанно нить вашихъ идей, и вы, съ отчаянія, ломаете перо и бросаете книгу. Къ вамъ пришелъ нужный человѣкъ; вы хотите переговорить съ нимъ о весьма-важномъ дѣлѣ, вы должны говорить шопотомъ, боясь возвысить свой голосъ, чтобъ сосѣдъ не подслушалъ вашихъ тайнъ. О! сосѣдъ способенъ васъ вывести изъ

себя, унизить ваши чистѣйшія наслажденія, отравить ваше существованіе, наконецъ выгнать васъ изъ квартиры!.. Я былъ избавленъ отъ всѣхъ этихъ страданій и вполнѣ наслаждался жизнью. Ничто не пробуждало меня ранѣе положеннаго часа, ничто не развлекало когда я занимался, а въ минуты, посвященныя друзьямъ, я бы могъ шумѣть, кричать, стучать, небоясь безпокоить никого.

Такимъ-образомъ протекло нѣсколько мѣсяцевъ; никакое особенное обстоятельство не нарушило обычнаго образа моей жизни.

Однажды утромъ—это было въ началѣ марта—сидя передъ каминомъ, я читалъ послѣдній нумеръ газеты «Times». Шумъ дверей въ сосѣдней квартирѣ и звуки голосовъ, покрываемыхъ звучнымъ органомъ г-жи Бель, отвлекли меня на минуту отъ занятія. Полагая, что это опять какой-нибудь искатель квартиры, и въ надеждѣ, что онъ, подобно всѣмъ своимъ предшественникамъ, уйдетъ ненанявъ ее, я углубился снова въ чтеніе журнала. Журналъ въ Гамбургѣ въ этотъ разъ подробно разсказывалъ какое-то приключеніе извѣстной сеноры Лолы-Монтезъ, вслѣдствіе котораго прекрасная наѣздница поспѣшно уѣхала во Францію неуспѣвъ даже заплатить счета въ той отели, гдѣ жила, и взять съ собой самыя необходимыя вещи.

Между-тѣмъ голоса за стѣной не умолкали; вскорѣ дверь снова затворилась и на лѣстницѣ раздались тяжеловѣсные шаги хозяйки, а за стѣной все-таки продолжался разговоръ двухъ женскихъ голосовъ. Не-уже-ли Богъ послалъ мнѣ наконецъ сосѣда?

Въ три часа я вышелъ со двора.

Читателю, вѣрно, не интересно знать, гдѣ и ка̀къ я въ тотъ день обѣдалъ, съ кѣмъ встрѣтился, въ какомъ театрѣ былъ вечеромъ. Скажу прямо, что, возвратясь домой часу въ первомъ пополуночи, я легъ въ постель и сталъ читать только-что вышедшее въ свѣтъ послѣднее сочиненіе Шатобріана: *Vie de Rancé*. Едва пробѣжалъ я нѣсколько страницъ, сонъ началъ овладѣвать мною, въ глазахъ запестрѣло, и мнѣ читалось совсѣмъ не то, что̀ было напечатано; но вдругъ глухой ударъ въ стѣну, подлѣ которой стояла моя кровать, вывелъ меня изъ этого полусоннаго состоянія.

«Дѣйствительно кто-то нанялъ эту квартиру», подумалъ я, опомнясь. Прислушиваюсь и среди окружавшей меня тиши-

ны, отличаю ясно дыханіе спящаго по ту сторону человѣка. Впрочемъ, что жь за бѣда! Лишь бы только сосѣдъ мой былъ человѣкъ смирный и не часто стучалъ во снѣ въ стѣну. Успокоивъ себя этимъ размышленіемъ, я сталъ продолжать чтеніе; но скоро книга выпала у меня изъ рукъ, глаза закрылись, и я заснулъ. Вставъ на другой день, я совсѣмъ забылъ объ этомъ обстоятельствѣ и пошелъ въ уборную для обычныхъ утреннихъ умовеній; но лишь-только отворилъ я дверь, какъ почти подлѣ меня раздался пронзительный крикъ, и въ ту жь минуту кто-то бросился въ дверь, ведущую на сосѣднюю половину, захлопнувъ ее за собой съ быстротой молніи. Сначала я не могъ различить никакого предмета, какъ это обыкновенно бываетъ, когда изъ свѣтлой комнаты входишь въ темную; но когда другая дверь растворилась и сквозь нея проникъ свѣтъ, ка̀къ ни мгновенно было это дѣйствіе, я успѣлъ разсмотрѣть, что мелькнувшее передо мной существо было—молодая женщина, въ легкомъ утреннемъ костюмѣ, съ распущенными по плечамъ длинными черными волосами; силуетъ ея испуганнаго лица ясно вырѣзался на свѣту растворенной двери: оно показалось мнѣ прекраснымъ.

Едва-пробужденный отъ сна, я протиралъ себѣ глаза и ощупывалъ самого себя; но вновь налитая вода въ мою фарфоровую умывальную вазу, опущенное въ нее розовое мыло и оставленныя на туалетномъ столикѣ два золотыя кольца, убѣдили меня, что это было наяву. Тогда только вспомнилъ я о толчкѣ въ стѣну и о дыханіи, слышанныхъ мною наканунѣ —и все объяснилось.

Нѣтъ сомнѣнія, мнѣ Богъ послалъ сосѣдку, и сосѣдку прекрасную. Но дѣйствительно ли она прекрасна? Часто женщины намъ кажутся хорошенькими, когда мы застаемъ ихъ въ-расплохъ, въ кокетливомъ неглиже, именно тогда, когда онѣ думаютъ, что онѣ намъ не нравятся и стыдятся показаться; но когда гребень и щетка пригладятъ, закрутятъ ихъ волнистую косу, и жестокій корсетъ затянетъ до безобразія ихъ очаровательныя формы, о, тогда женщина теряетъ сто процентовъ, и весьма-часто случается, что та, которая намъ показалась прекрасной въ своемъ неглиже, дѣлается дурна въ нарядѣ. Но нѣтъ, это не относится къ моей сосѣдкѣ...

Не оскорбило ли ея мое нечаянное появленіе? Что̀ если она,

для избѣжанія впредь подобной встрѣчи, вздумаетъ перемѣнить квартиру? Во что̀ бы ни стало, надобно удержать ее здѣсь, успокоить на будущее время! Но какъ же это сдѣлать? какъ видѣть ее? какой найдти для этого предлогъ? Нельзя же мнѣ идти къ ней такъ рано: она еще не одѣта; а черезъ часъ, можетъ-быть, уже будетъ поздно: она упорхнетъ отъ меня, и притомъ я не знаю, кто она... Несносныя приличія свѣта: быть такъ близко и не имѣть права съ ней говорить!

Я стоялъ еще на томъ же мѣстѣ, изъискивая въ умѣ своемъ средства познакомиться съ моей прекрасной сосѣдкой, какъ услышалъ, что кто-то стучится робко въ дверь моей залы. Надобно вамъ сказать, что хотя у меня и былъ человѣкъ, я не любилъ, чтобъ онъ безпрестанно торчалъ передо мной, какъ въ старинныхъ комедіяхъ, гдѣ слуга на всякомъ шагу входитъ въ разгово̀ръ съ своимъ господиномъ, разсуждаетъ и даже даетъ ему совѣты. Я звалъ Франциска въ самыхъ крайнихъ случаяхъ, когда содѣйствіе его было неизбѣжно. Обыкновенно онъ приготовлялъ все, что̀ мнѣ было нужно, и удалялся въ свою комнату, которая была въ верхнемъ этажѣ.

Итакъ, услышавъ стукъ въ дверь, я пошелъ самъ отворить ее. Вы, вѣроятно, знаете, что во Франціи, хотя дверь ваша и не заперта, никто не рѣшится войдти къ вамъ, непостучавшись предварительно и неполучивъ въ отвѣтъ обычнаго: *entrez!*

Когда я отворилъ дверь, передо мной стояла молодая дѣвушка, довольно-смазливенькая, кругленькая, свѣженькая, со вздернутымъ носикомъ, съ плутовскими глазами. По костюму, я принялъ ее за горничную, и не ошибся.

— Что вамъ угодно?

— Госпожа моя пріѣхала только вчера и остановилась возлѣ васъ; она не знала, что туалетный кабинетъ принадлежитъ къ вашей квартирѣ; изъ ея спальни есть также въ него ходъ, и дверь не была заперта.

— Передайте своей госпожѣ, что я также не зналъ, что она была въ этомъ кабинетѣ; въ противномъ случаѣ, я бы никакъ туда не вошелъ.

— Сенора не думаетъ, что вы это сдѣлали умышленно, и нисколько на васъ не въ претензіи; она прислала меня только просить васъ позволить мнѣ взять вещи, которыя она оставила въ поспѣшности на туалетномъ столикѣ.

Я пригласилъ горничную слѣдовать за мной и, не давъ ей время войдти въ уборную, заперъ въ нее дверь и вынулъ ключъ.

— Скажите своей госпожѣ, чтобъ она впередъ ничего не опасалась: я оставляю этотъ кабинетъ въ ея полное распоряженіе и болѣе не войду въ него; а для совершеннаго ея спокойствія, вотъ ключъ отъ двери.

— Сенора вамъ будетъ очень-благодарна, отвѣчала горничная, съ лукавой улыбкой, и взявъ ключъ, поспѣшно вышла изъ моей квартиры.

Я смотрѣлъ ей вслѣдъ, сожалѣя, что не спросилъ имени ея госпожи, и только замѣтилъ, что, говоря про нее, она называла ее сенорой.

Минутъ черезъ пять, легкій шумъ въ уборной убѣдилъ меня, что предложеніе мое не отвергнуто; но каково было мое удивленіе, когда послышался шорохъ у самой двери и въ то же время выскользнулъ изъ-подъ нея запечатанный конвертъ. Я подымаю его; по вѣсу, въ немъ что-то тяжелое; надписи нѣтъ, а на печати вырѣзаны двѣ готическія литеры: L. M.— Не сомнѣваясь, что это ко мнѣ, я срываю конвертъ... О удивленіе! мой ключъ, и при немъ записка, на розовой, пропитанной духами бумагѣ, написанная на французскомъ языкѣ, женскимъ, но смѣлымъ почеркомъ.

Вотъ она:

«Ваше любезное предложеніе напомнило мнѣ, что я во Франціи, посреди этой рыцарской націи, которая всегда была извѣстна своимъ уваженіемъ къ моему полу. Обѣщаніе ваше мнѣ достаточно; а потому, возвращая вамъ ключъ, я вполнѣ полагаюсь на ваше слово

«Лола-Монтезъ.»

Я не вѣрилъ глазамъ своимъ. Странный случай! Желаніе познакомиться съ ней покороче во мнѣ усилилось; я почти раскаявался, что далъ слово не переступать черезъ порогъ ея жилища; слово это было тѣмъ священнѣе, что, положившись на него, она дала мнѣ возможность нарушить его. Она считаетъ меня Французомъ; докажемъ ей, что и Англичанинъ можетъ имѣть рыцарскія правила... Впрочемъ, возвращая мнѣ ключъ, не хотѣла ли она дать мнѣ, напротивъ, средство проникнуть къ ней? Выходка оригинальная, но въ характерѣ предпріимчивой наѣздницы... Какая мысль! Она меня совсѣмъ не знаетъ...

Вотъ то-то и есть что я Англичанинъ. Что бъ на моемъ мѣстѣ сдѣлалъ Французъ? Герцогъ Ришльё, этотъ человѣкъ, въ которомъ такъ рѣзко отражается весь характеръ Французовъ прошедшаго столѣтія, говорилъ, что въ жизнь свою онъ никогда не солгалъ ни одному мужчинѣ и не сказалъ правды ни одной женщинѣ, и что ему надобно только 24 часа времени, чтобъ овладѣть сердцемъ самой строгой Лукреціи. Я увѣренъ что Ришльё истолковалъ бы полученную мной записку такъ: «Я въ васъ не узнаю вашей любезной націи, которая всегда преклоняла колѣна передъ моимъ поломъ. Вотъ вамъ ключъ; посмотримъ, достанетъ ли у васъ твердости, будете ли вы столько дерзки, чтобъ остаться подлѣ меня равнодушнымъ». Нѣтъ сомнѣнія, что письмо ея выражаетъ эту мысль. Чѣмъ женщина сильнѣе чувствуетъ свою слабость, тѣмъ болѣе стыдливость заставляетъ ее скрывать свои желанія; но вмѣстѣ съ тѣмъ самолюбіе ея такъ велико, что она не прощаетъ, если мы не угадываемъ ихъ; ей кажется, что мы поступаемъ такъ не изъ уваженія къ ней, а отъ равнодушія; и чтобъ оградить и свое самолюбіе и свою стыдливость, а вмѣстѣ съ тѣмъ чтобъ дать намъ ясно понять чего она желаетъ, женщина говоритъ діаметрально-противное тому, что чувствуетъ. Это относится не ко всѣмъ безъ исключенія женщинамъ, но къ большей половинѣ, особенно же къ нашей неустрашимой наѣздницѣ, которая въ то время, если и была знаменита, то ужь, конечно, не своей неприступностью.

Несмотря на это разсужденіе, я все-таки рѣшился дождаться болѣе-удобнаго случая познакомиться съ сосѣдкой.

Я вышелъ позже обыкновеннаго. На дворѣ на меня напала моя дородная хозяйка. Все, черные волосы, смуглое лице, живые глаза, а особенно южное произношеніе обнаруживали въ мадамъ Бель дочь Гаскопіи. Въ молодости она была хороша, нравилась, и даже, по собственному ея признанію, вела довольно-бурную жизнь до-тѣхъ-поръ, пока гармонія ея прекрасныхъ формъ не нарушилась отъ излишней полноты и черты лица, потерявъ свою тонкость, приняли отпечатокъ неумолимыхъ 40 лѣтъ. Видя, что кругъ ея поклонниковъ уменьшается, по мѣрѣ того, какъ она увеличивалась сама въ окружности, мадамъ Бель взялась за умъ раньше, нежели это обыкновенно случается съ подобными ей дамами, и, обративъ въ деньги всѣ свои цѣнныя вещи, сказала навѣкъ прости

кварталу Бреда и сдѣлалась содержательницей мёблированной отели въ улицѣ Лафитъ. Злые языки утверждали, что она не могла рѣшиться совершенно оставить всѣ привычки своихъ юныхъ лѣтъ и, какъ слабая женщина, избрала себѣ постояннаго покровителя. Я часто встрѣчалъ ее, опиравшуюся всею тяжестью своей таліи на руку высокаго, тощаго, блѣднаго, съ черной бородой, лѣтъ 35 мужчину, котораго звали мсьё Артюръ.

Мадамъ Бель имѣла обыкновеніе сидѣть до обѣда въ большихъ креслахъ у дверей своей столовой, на дворѣ, прямо противъ лѣстницы, ведущей въ квартиры жильцовъ. Пость этотъ былъ весьма-удобенъ для наблюденія за всѣми выходящими изъ дома и входящими въ него лицами. Этотъ классъ содержателей гостинницъ вообще бываетъ любопытенъ; но въ мадамъ Бель любопытство было развито до необыкновенной степени: она была любопытна вдвойнѣ, вопервыхъ, какъ домохозяйка, и вовторыхъ, какъ женщина. Подобно собачонкѣ, постоянно лежавшей у нея подъ креслами, она считала нужнымъ облаять всѣхъ проходящихъ:

— У васъ теперь есть сосѣдка? сказала она мнѣ своимъ крикливымъ голосомъ, стараясь смотрѣть на меня съ сардонической улыбкой; но улыбка эта, отъ полноты лица, никакъ не повиновалась ея чувствамъ, и что̀ бъ она ни хотѣла ею выразить—насмѣшку, удовольствіе, презрѣніе—она всегда была одинакова: улыбка ея означалась расширеніемъ щекъ, которыя отъ этого движенія совершенно скрывали ея глаза.

— Сосѣдка! ктожь это?

— Извѣстная Лола Монтезъ... Вѣроятно, вы ужь про нее слышали? Мнѣ сказали, что она красавица... но я этого не нашла: она слишкомъ-худа, прибавила мадамъ Бель протяжно, облокотясь на кресла такъ, что часть ея пухлой руки обнаружилась. Она держала ее въ этомъ положеніи, смотря на меня съ выраженіемъ: вотъ какъ должна быть настоящая женщина! Я, раскланявшись, ушелъ.

Въ тотъ день я обѣдалъ безъ всякаго аппетита и за кофе обжегъ себѣ языкъ сигарой, взявъ, въ разсѣяніи, зажженный конецъ въ ротъ. Воображенію моему безпрестанно представлялась сосѣдка въ утреннемъ костюмѣ. Все, что́ я ни дѣ-

лалъ, дѣлалъ торопясь, какъ-будто этимъ могъ ускорить часъ, въ который имѣлъ обыкновеніе возвращаться домой; я имѣлъ полное право придти къ себѣ ранѣе, но не хотѣлъ этого сдѣлать изъ какого-то страннаго самолюбія: я старался быть равнодушнымъ. Вечеромъ отправился я въ оперу, и пришелъ туда прежде всѣхъ. Давали «Норму», одну изъ моихъ любимыхъ оперъ; но въ этотъ разъ она мнѣ показалась слишкомъ-длинна, а Гризи, которая въ то время была еще очень-недурна, я нашелъ безобразною. Я безпрерывно смотрѣлъ на часы и готовъ былъ передвинуть стрѣлку, чтобъ обмануть самого-себя. Наконецъ спектакль кончился. При разъѣздѣ я столкнулся съ другомъ моимъ, Эрнестомъ Нод...

— А! тебя-то мнѣ и надо! сказалъ онъ, удержавъ меня за руку. Куда ты такъ бѣжишь?

— Спѣшу домой.

— Какой вздоръ! еще нѣтъ одиннадцати часовъ. Хочешь ужинать въ *Maison d'Or*. Тамъ будетъ вся наша молодежь.

— Не могу... очень-важное дѣло... ко мнѣ долженъ быть мой повѣренный... отвѣчалъ я второпяхъ, стараясь освободиться изъ рукъ Эрнеста.

Онъ захохоталъ такъ громко, что я смѣшался.

— Помилуй, какія теперь дѣла! ужь ночь на дворѣ... А! понимаю какой повѣренный... Давно бы сказалъ... Въ такомъ случаѣ, я не мѣшаю.

Только-что пробило одиннадцать часовъ, я возвратился домой. За стѣной слышался говоръ.

«Сосѣдка моя еще не спитъ» подумалъ я, входя въ свою спальню, куда звуки голосовъ доходили явственнѣе; я вынужденъ былъ, совершенно противъ своего желанія, подслушать слѣдующій разговоръ:

— Который часъ, Бетти?

— Половина двѣнадцатаго, отвѣчалъ голосъ горничной.

— Такъ поздно! пора ложиться. Раздѣнь меня, Бетти, продолжалъ первый голосъ, зѣвая. Нынѣшній день потерянъ: я ни отъкого не могла добиться толку; но завтра непремѣнно надобно будетъ отъ кого-нибудь узнать...

— Не обратиться ли вамъ къ нашему сосѣду? Онъ, кажется, очень-привѣтливый молодой человѣкъ.

— Вотъ прекрасная мысль! На него можно положиться; онъ такъ вѣренъ своему слову...

Тонъ, которымъ были произнесены послѣднія слова, мнѣ показался насмѣшливымъ; я весь превратился въ слухъ и почти-невольно приложилъ ухо къ стѣнѣ. Тотъ же голосъ продолжалъ:

— Когда я бросила вчера подъ дверь ключъ съ запиской, признаюсь, я ожидала...

Въ эту самую минуту громъ ѣдущей по улицѣ кареты заглушилъ конецъ фразы. Я проклиналъ карету и тѣхъ, кто въ ней ѣхалъ, желая, чтобъ они всѣ провалились сквозь землю. Когда карета удалилась и опять стало тихо, за стѣной раздавался только одинъ звонкій женскій хохотъ.

Вскорѣ все умолкло.

Чего бы она могла ожидать отъ меня? спрашивалъ я самого-себя, думая о недоконченной фразѣ, и, взявъ съ камина возвращенный мнѣ поутру ключъ, смотрѣлъ на него, какъ-будто ожидая отвѣта на вопросъ свой... Проклятая карета! помѣшала мнѣ услышать то, что̀ я болѣе всего желалъ знать. Съ этими словами я бросилъ ключъ и, стараясь отогнать искусительную мысль, улегся осторожно въ постель, чтобъ не разбудить сосѣдки. По привычкѣ, я хотѣлъ читать и съ большимъ вниманіемъ смотрѣлъ въ страницы; но, пролежавъ въ этомъ положеніи съ полчаса; я замѣтилъ, что держу книгу вверхъ ногами. Я прислушивался къ дыханію сосѣдки, самъ едва переводя духъ.

Я хотѣлъ заснуть, но не могъ... Я сбросилъ съ себя покрывало, одѣлся и вышелъ на улицу.

Долго шелъ я безъ цѣли, вдыхая съ жадностью свѣжій воздухъ ночи; но, поравнявшись съ *Maison d'Or*, который находится на углу Итальянскаго Бульвара и улицы Лафитъ, я вспомнилъ, что Эрнестъ Нод... звалъ меня ужинать, и я взбѣжалъ на лѣстницу.

Теперь, вспоминая объ этомъ хладнокровно, я понимаю, что это была не любовь, о! нѣтъ, я конечно не былъ влюбленъ, но мнѣ было тогда двадцать лѣтъ...

Солнце ужь высоко поднялось и въ улицахъ Парижа давно проснулась дѣятельность, когда я вышелъ изъ *Maison d'Or*. Возвращаясь къ себѣ, я встрѣтилъ неизбѣжную мадамъ Бель.

— Вы, вѣрно, сегодня рано вышли со двора? сказала она мнѣ; но я такъ былъ утомленъ, что, неотвѣчая на ея вопросъ, продолжалъ свой путь.

— А жаль, что вы съ нами вчера не обѣдали! кричала она мнѣ вслѣдъ, недовольствуясь моимъ молчаніемъ: — вы бы увидали вашу сосѣдку; она и сегодня обѣдаетъ съ нами...

Послѣднія слова дошли до ушей моихъ, невозбудивъ моего вниманія. Почти полусонный, я взошелъ къ себѣ и, нераздѣвшись, бросился на диванъ и заснулъ.

Въ пять часовъ разбудилъ меня звонокъ, призывавшій жильцовъ къ обѣду; я только тогда вспомнилъ, что Лола Монтезъ будетъ за столомъ, и рѣшился воспользоваться этимъ удобнымъ случаемъ съ ней познакомиться. Приведя въ порядокъ свой туалетъ, я сошелъ въ столовую. Это со мной случилось въ первый разъ съ-тѣхъ-поръ, какъ я жилъ въ домѣ. Признаюсь, никогда не любилъ я общихъ столовъ: обязанность просидѣть часъ или два съ людьми совершенно-незнакомыми, подлѣ сосѣдей, посылаемыхъ случаемъ и которыхъ физіономіи возбуждаютъ въ васъ часто антипатію, казалась мнѣ всегда тягостною; я подчинялся ей только во время путешествія, въ самой крайней необходимости.

Въ небольшой, но опрятной комнатѣ, передъ затопленнымъ каминомъ, былъ накрытъ столъ на семь персонъ. Пять мѣстъ были ужъ заняты незнакомыми мнѣ лицами, исключая *мсьё* Артюра. Сама хозяйка сидѣла на первомъ мѣстѣ, или, лучше сказать, обширность ея придавала ей такой величественный видъ, что гдѣ бы она ни сѣла, все казалось, что она сидитъ на первомъ мѣстѣ. По лѣвую ея руку расположился старичокъ лѣтъ шестидесяти, въ бѣломъ галстухѣ, съ жабо, пришпиленномъ брильянтовой булавкой, съ сѣдыми точно напудренными волосами и въ синемъ фракѣ; передъ нимъ на столѣ лежала золотая табакерка. Въ ожиданіи обѣда, онъ повернулъ свой стулъ къ камину и читалъ газету, водя надъ строчками большое четвероугольное увеличительное стекло, въ черепаховой оправѣ. Повидимому это былъ какой-нибудь капиталистъ, старый другъ дома. По правую руку хозяйки оставались два пустыя мѣста; одно изъ нихъ, ближайшее къ ней,

было замѣчено свернутой въ трубку салфеткой; я занялъ другое. Рядомъ со мной былъ какой-то бѣлокурый юноша; по его гладко-причесаннымъ длиннымъ волосамъ, цвѣтущимъ здоровьемъ щекамъ, а особенно по покрою платья, я принялъ его за сына *туманной* Германіи. Въ пятомъ лицѣ самый неопытный наблюдатель узналъ бы одинъ изъ замѣчательныхъ типовъ Франціи. Онъ на сухомъ пути то же, что̀ морякъ на океанѣ; походка, манеры, разговоръ — все въ немъ отличается отъ другихъ: это путешествующій прикащикъ *(commis voyageur)*, существо дѣятельное общежительное, неумолкающее. Нашего звали г. Калико.

Лола Монтезъ еще не сходила. Я невольно посматривалъ на дверь всякій разъ, какъ она отворялась. Мадамъ Бель, вѣроятно, поняла причину моего нетерпѣнія, потому-что, обратясь къ вошедшей служанкѣ, сказала:

— Шарлотъ, предупреди даму нумера десятаго, что обѣдъ готовъ; она, вѣрно, не слыхала звонка.

Но Шарлотъ еще не успѣла выйдти изъ столовой, какъ дверь растворилась и вошла Лола Монтезъ.

Исключая капиталиста, который не сводилъ глазъ съ журнала, глаза всѣхъ устремились на нее съ различнымъ выраженіемъ: взоръ г-жи Бель выражалъ завистъ, *мсьё* Артюра—самонадѣянность, путешествовавшаго прикащика — желаніе заговорить, бѣлокураго Нѣмца — глупость, мой... вѣроятно, любопытство, хотя я и старался казаться равнодушнымъ.

Если я, слѣдуя принятымъ правиламъ повѣствователей, буду вамъ описывать черные волосы, голубые глаза, окоймленные длинными рѣсницами, тонкія, точно-нарисованныя брови, бѣлые, какъ перлы, зубы, то всѣ эти подробности не дадутъ вамъ никакого понятія о красотѣ Лолы Монтезъ. Подобныя качества могутъ соединиться въ одномъ лицѣ, и все-таки оно можетъ быть не хорошо. Красота Лолы заключалась въ выразительной и пріятной гармоніи всѣхъ этихъ частей, которой описать невозможно.

Портреты ея, гравированные Ипполитомъ Гарнье съ извѣстнаго портрета, писаннаго съ натуры Юліемъ Лоръ, гдѣ Лола изображена въ амазонкѣ, съ хлыстикомъ въ рукѣ, весьма на нее похожи.

Войдя въ столовую, она сбросила съ плечъ черную бархатную мантилью и осталась въ шелковомъ, такого же цвѣ-

та платьѣ; къ головѣ ея былъ пришпиленъ длинный вуаль, который, падая за спину, напоминалъ испанскій костюмъ.

Такъ-какъ наканунѣ Лола познакомилась за обѣдомъ со всѣми присутствовавшими, исключая меня, то она сдѣлала имъ очень-любезный поклонъ, посмотрѣвъ на меня довольно-пристально, какъ на новое лицо; должно-быть, она узнала меня, потому-что легкій румянецъ покрылъ ея щеки, и она улыбнулась: она вспомнила про нашу первую встрѣчу.

Разговоръ началъ, разумѣется, г. Калико.

— Какъ ваше здоровье? спросилъ онъ, обращаясь къ Лолѣ.

На эту оффиціальную фразу она отвѣчала ему только наклоненіемъ головы.

— Довольны ли вы своей комнатой? спросила ее мадамъ Бель.

— Очень-довольна; жаль только, что она окнами на дворъ.

— Другая половина выходитъ на улицу.

— Но она, кажется, занята.

— Сосѣдъ вашъ за столомъ есть также сосѣдъ и по комнатамъ.

Это можно было принять за представленіе. Я молча поклонился Лолѣ.

— Ахъ, это вы! сказала она, притворясь, что меня не узнала. — Я должна благодарить васъ за уборную, которую вы мнѣ уступили съ такой любезностью. Не стѣсняетъ ли это васъ?

— Нисколько.

— Такъ ужь вы познакомились? подхватила мадамъ Бель, наблюдая за нами пристально.

— Нѣтъ, я въ первый разъ имѣю удовольствіе видѣть мою сосѣдку; но вчера, узнавъ, что кто-то занялъ другую половину, я заперъ дверь въ уборную; она мнѣ была не нужна... притомъ, она больше принадлежитъ къ той квартирѣ.

Мадамъ Бель, вѣроятно, не удовольствовалась этимъ объясненіемъ, потому-что смотрѣла на меня съ своей многозначительной улыбкой, которая на этотъ разъ выражала недовѣріе.

— Теперь любезность можно найдти только между иностранцами; у насъ она съ каждымъ днемъ дѣлается рѣже.

— Вы иностранецъ! Я бы никакъ этого не отгадала! воскликнула Лола съ необдуманностью, которая составляла отличи-

тельную черту ея характера. Но потомъ, замѣтивъ свою неловкость:—Я приняла васъ за Француза, по произношенію, поспѣшила она прибавить болѣе длятого, чтобъ поправиться, потому-что ей трудно было судить о произношеніи: она сама говоритъ довольно-дурно, хотя смѣло.

— Теперь Англичанъ нельзя отличить отъ Французовъ: они дѣлаются на насъ похожи во всѣхъ отношеніяхъ, сказалъ г. Калико, давно-искавшій случая вмѣшаться въ разговоръ.

— Скажите лучше, что вы начинаете подражать имъ во многомъ, отвѣчалъ я.

— Но вы, вѣрно, долго жили во Франціи, потому-что вашихъ соотечественниковъ можно узнать съ перваго слова.

— Самый непріятный французскій выговоръ, это у Нѣмцевъ, сказала Лола, незная, вѣроятно, что одинъ изъ присутствовавшихъ принадлежалъ къ этой націи.

— *Ше не бё ба брандръ сетъ фіантъ* (*), произнесъ Нѣмецъ въ эту минуту, какъ нарочно, чтобъ доказать справедливость замѣчанія сосѣдки. Воткнувъ свою вилку въ одинъ изъ кусковъ, поднесеннаго ему Шарлотой блюда съ ростбифомъ, онъ тащилъ его къ себѣ на тарелку; но такъ-какъ кусокъ былъ несовсѣмъ отрѣзанъ, то онъ никакъ не могъ успѣть въ своемъ предпріятіи. Наконецъ, чтобъ оторвать его, собравшись съ силами, онъ дернулъ—и всѣ прочіе куски, увлеченные за первымъ, упали на колѣни къ бѣдному юношѣ.

— *Се домашъ*, возопилъ онъ, покраснѣвъ до ушей и смотря на Лолу умоляющими глазами. Она хохотала отъ-души.

Мнѣ стало жаль его; неловкость эта происходила отъ робости, а робость отъ взглядовъ Лолы, которые, кажется, произвели на него сильное дѣйствіе.

Шарлота, по знаку хозяйки, пришла къ нему на помощь. Къ-счастью, это блюдо было ужь всѣмъ подано, исключая г-на Калико, которому это приключеніе не помѣшало удовлетворить свой могучій аппетитъ.

— О, да... Нѣмца можно легко узнать, продолжала Лола, даже неудерживаясь отъ смѣха.

Мадамъ Бель, какъ хозяйка, желая прекратить эту сцену, наклонилась къ своей сосѣдкѣ и сказала ей вполголоса:

(*) Je ne peux pas prendre ce morceau de viande.

— Это баронъ К., сынъ одного богатаго банкира въ Германіи. Онъ путешествуетъ для своего удовольствія и занимаетъ у меня весь первый этажъ. И, для бо́льшаго убѣжденія, она прибавила, понизивъ еще голосъ: — у него есть рекомендательное письмо къ Ротшильду на тридцать тысячъ франковъ.

Мадамъ Бель не ошиблась. Послѣднія слова ея произвели на Лолу магическое вліяніе. Смѣхъ ея вдругъ прекратился.

— Впрочемъ, и въ Германіи я знала много очень-милыхъ молодыхъ людей, сказала она, чтобъ ободрить барона.

— Въ какомъ городѣ? спросилъ онъ робко.

— Во многихъ... Въ Баденѣ, въ Вѣнѣ, въ Дрезденѣ...

— Я изъ Ганновра! произнесъ онъ жалобнымъ голосомъ.

— О, Германія! продолжала Лола, какъ-бы мечтая: — я провела тамъ лучшіе годы моего дѣтства.

— Вашего дѣтства? А я думалъ, что отечество ваше Испанія? замѣтилъ я.

— Да̀, я родилась въ Испаніи, воспитывалась въ Англіи, а потомъ долго жила въ Германіи. Я и теперь изъ Гамбурга... куда я была приглашена для балета... и я бы никакъ не оставила этого города, еслибъ со мной не случилось маленькое несчастіе...

— Такъ это были вы? вскричалъ капиталистъ, опуская свой журналъ. — Я только-что прочелъ статью о вашемъ приключеніи.

— Какъ! ужь о немъ напечатано?

— Со всѣми подробностями.

— Мнѣ бы хотѣлось знать, что̀ про меня говорятъ.

— Говорятъ, что амазонка къ вамъ очень идетъ.

— Прочтите, прочтите вслухъ, вскричали всѣ въ одинъ голосъ.

Капиталистъ сквозь свое увеличительное стекло началъ чтеніе статьи.

Всѣ слушавшіе и сама Лола улыбались; но когда онъ дочиталъ до того мѣста, гдѣ говорили, что танцовщица оставила Гамбургъ незаплативъ счета въ отели, гдѣ жила, мадамъ Бель устремила на нее подозрительный взоръ, и Лола, смутясь, прервала чтеніе:

— Довольно, довольно! это неправда! Вотъ ка̀къ журналы всегда и все преувеличиваютъ.

— Я ѣду надняхъ въ Гамбургъ; не угодно ли вамъ поручить мнѣ привезти ваши вещи? сказалъ услужливый г. Калико.

— Благодарю; я вамъ говорю, что это выдумка. Я оставила Германію потому, что мы не сошлись въ цѣнѣ съ директоромъ одного театра: онъ давалъ мнѣ пять тысячъ талеровъ, а я просила десять. Тамъ очень-мало платятъ хорошимъ артистамъ. Только въ Парижѣ умѣютъ ихъ цѣнить.

— Вы намѣрены танцовать на здѣшней сценѣ? спросилъ я.

— Дà; я для этого сюда и пріѣхала. Сцена всегда была мое поприще; я люблю ее до безумія. А балетъ... о, это моя жизнь! Вы, вѣрно, ужь обо мнѣ слышали?

Я никогда не слыхалъ, чтобъ Лола Монтезъ была извѣстна какъ танцовщица, и даже, чтобъ она танцовала когда-нибудь на сценѣ. Вопросъ ея меня затруднилъ: однакожь, я отвѣчалъ:

— Дѣйствительно, я слышалъ о васъ прежде, нежели имѣлъ удовольствіе васъ видѣть.

— Я въ этомъ была увѣрена. Я танцовала въ Лиссабонѣ, въ Мадритѣ и въ другихъ городахъ Испаніи, гдѣ провела первые годы своей юности.

— А не въ Германіи? замѣтилъ г. Калико.

— Я была въ Германіи послѣ, отвѣчала Лола, нисколько нетеряясь. — Мнѣ было пять лѣтъ, когда меня привезли въ Мадритъ, и я тамъ выучилась танцовать.

— Вы, кажется, сказали, что родились въ Испаніи? продолжалъ неотвязный г. Калико.

— Нѣтъ, я родилась въ Англіи; но такъ-какъ мать моя была изъ Андалузіи, то я считаю Испанію своей родиной.

Сколько мнѣ ни случалось говорить съ Лолой Монтезъ о ея происхожденіи, я не помню, чтобъ она когда-нибудь разсказала два раза сряду свою исторію одинаково: то она меня увѣряла, что родилась въ Испаніи, и что отецъ ея былъ Англичанинъ, а мать Испанка; то — въ Англіи, но что отецъ ея былъ испанскій генералъ, а мать Англичанка; то она мѣшала все это вмѣстѣ, такъ-что я никогда не могъ узнать, ни отъ нея, ни отъ другихъ, ея настоящаго происхожденія, котораго, вѣроятно, она и сама не знаетъ. Я думаю, что она принадлежитъ къ извѣстному племени Хитанъ, и въ дѣтствѣ была увезена въ Индію, гдѣ выучилась говорить немного по-

англійски. Замѣчательно также, что она говоритъ на многихъ языкахъ, но ни на одномъ чисто и правильно, даже и на испанскомъ, несмотря на то, что все въ ея наружности напоминаетъ самый рѣзкій южный испанскій типъ.

— А кто здѣсь директоромъ оперы? спросила она, обращаясь ко мнѣ.

— Леонъ Пилье.

— Вы его знаете?

— Да̀, у меня годовое кресло въ этомъ театрѣ; а здѣсь кто абонированъ, тотъ имѣетъ входъ за кулисы, гдѣ я познакомился съ директоромъ.

— Ахъ, вотъ прекрасно! Вы, вѣрно, не откажете дать мнѣ случай видѣть его.

— Это очень-легко.

— Я знала, что вы можете мнѣ помочь; я говорила объ этомъ вчера.

Я вспомнилъ о разговорѣ, слышанномъ мною за стѣной, и обѣщалъ ей сдѣлать съ своей стороны все, что̀ будетъ отъ меня зависѣть.

— Ка̀къ же вы думаете лучше къ этому приступить? спросила она меня.

— У меня есть много знакомыхъ въ кор-де-балетѣ, прервалъ г. Калико, который не зналъ, чѣмъ угодить: — и если вы желаете...

Лола, неслушая его, ожидала моего отвѣта.

— Лучше всего къ нему написать, пригласить его къ вамъ.

— И онъ прійдетъ?

— Я въ этомъ увѣренъ.

— Прекрасно, превосходно!... Ка̀къ я вамъ благодарна! Послѣ обѣда я васъ попрошу къ себѣ, и мы напишемъ къ нему вмѣстѣ.

Пылкое воображеніе Лолы перенесло ее съ быстротой молніи черезъ всѣ затрудненія этого предпріятія и уже рисовало передъ ней неизбѣжный успѣхъ.

— На первый разъ я соглашусь заключить контрактъ за двадцать-пять тысячъ франковъ въ годъ.

Я закусилъ губы.

— Какъ вы думаете, согласится онъ на это?

— Можетъ-быть. Карлотта получаетъ сорокъ тысячъ въ годъ.

— Мнѣ въ Германіи предлагали десять тысячъ талеровъ.

— А не пять? замѣтилъ г. Калико.

— Десять.

Она никогда не помнила, что̀ ужь одинъ разъ сказала. Послѣ этого я убѣдился, что и то и другое было несправедливо.

— Но вотъ бѣда: со мной нѣтъ костюмовъ; они остались въ Гамбургѣ, въ отели, гдѣ...

Лола опомнилась, но поздно; мадамъ Бель уловила эту фразу, и подозрѣнія ея возобновились; но въ надеждѣ, что Лола заключитъ выгодный контрактъ съ театромъ, она успокоилась, и возраженіе умерло на устахъ ея. Двадцать-пять тысячъ франковъ, представлявшіеся ей въ пріятной перспективѣ, обезпечивали расходы ея жилицы.

— Я оставила нарочно свои костюмы: они мнѣ не нравились, продолжала Лола:—я хочу заказать новые. Здѣсь, вѣрно, ихъ дѣлаютъ гораздо-лучше.

— Я могу вамъ предложить свои услуги, сказалъ г. Калико: — я здѣсь имѣю сношенія со многими магазинами. Особенно, если вамъ нужны шелковыя матеріи — это моя спеціальная часть. Я могу васъ очень-хорошо рекомендовать.

На этотъ разъ услужливый прикащикъ вмѣшался въ разговоръ очень-кстати; послѣднія его слова не прошли мимо ушей Лолы.

— Мнѣ нужно много кой-чего купить, отвѣчала она съ поспѣшностью, обрадованная такой находкой. — Я здѣсь никого не знаю и съ благодарностью принимаю ваше предложеніе.

— Завтра же я приведу къ вамъ разныхъ купцовъ; вы найдете у нихъ большой выборъ. Въ которомъ часу прикажете?

— Завтра въ одиннадцать часовъ поутру я буду дома.

Обѣдъ кончился. Мсьё Артюръ, который во все время стола не сказалъ ни слова, а старался только принимать самыя граціозныя позы и водилъ глазами, чтобъ придать имъ больше выраженія, видя, что на него никто не обращаетъ вниманія, вышелъ изъ столовой вслѣдъ за мадамъ Бель, вѣроятно, искать утѣшеній въ ея пріятной бесѣдѣ.

— Пойдемте же ко мнѣ писать письмо.

Лола схватила меня подъ-руку, какъ-будто мы были давно

знакомы, бросивъ выразительный взглядъ влюбленному барону, который отъ него остался на мѣстѣ, какъ прикованный.

— До завтра, сказала она г. Калико, и увлекла меня за собой на лѣстницу.

Квартира моей сосѣдки состояла изъ двухъ комнатъ; первая была въ родѣ гостиной, а вторая — спальня, изъ которой былъ ходъ въ знакомый намъ туалетный кабинетъ.

Окинувъ быстрымъ взглядомъ обѣ комнаты, я нашелъ въ нихъ большую пустоту: въ спальнѣ стоялъ только одинъ небольшой чемоданчикъ; на коммодѣ замѣтилъ я маленькій кинжалъ въ бархатныхъ ножнахъ, съ рукоятью изъ рѣзной слоновой кости. Но не видно было ни одной изъ тѣхъ бездѣлушекъ женскаго туалета, безъ которыхъ самая неприхотливая дама не можетъ обойтись, даже когда собирается въ короткій путь. По всему было замѣтно, что Лола выѣхала изъ Гамбурга весьма налегкѣ. Журналъ не солгалъ.

Такъ-какъ въ гостиной расположилась горничная, Лола, введя меня въ спальню, затворила за собой дверь.

— Чтó же мы ему будемъ писать? спросила она меня, садясь на диванъ и разложивъ передо мной на столѣ дорожный тисненаго бархата бюваръ.

— Напишите ему отъ себя простое приглашеніе въ третьемъ лицѣ; а я, съ своей стороны, объясню ему въ чемъ дѣло, и мы пошлемъ оба письма сейчасъ же въ театръ; онъ долженъ быть теперь тамъ; сегодня играютъ новую оперу «Донъ-Себастіанъ».

Мы принялись писать. Лола, недумая, набросала живо нѣсколько строкъ и, пока я кончалъ свое письмо, вышла въ другую комнату.

Черезъ нѣсколько минутъ она возвратилась переодѣтая: шелковое платье замѣнилъ черный бархатный пеньюаръ, который, драпируя свободнѣе стройный станъ ея, шелъ къ ней гораздо-лучше.

Я перечитывалъ свое письмо, но увидавъ ее, невольно остановился и принялся любоваться ею. Она, вѣроятно, замѣтила дѣйствіе, произведенное на меня этой перемѣной, потому-что подошла, улыбаясь лукаво. Посмотримъ, чтò вы написали, сказала она и, опираясь рукой на спинку моего стула, наклонилась такъ близко ко мнѣ, что волосы ея касались моего лица, и я чувствовалъ теплоту ея дыханія. Вполнѣ-очарованный,

смотрѣлъ я на нее молча, продолжая держать передъ ней письмо. Она прочла его сама вслухъ, непеременяя своего положенія:

«Пріятный случай доставилъ мнѣ удовольствіе познакомиться съ Лолой Монтезъ, о которой вы ужь, вѣрно, слышали. Она пріѣхала сюда съ намѣреніемъ показаться парижской публикѣ на сценѣ вашего театра. Она пишетъ къ вамъ сама. Зная вашу любезность, я увѣренъ, что вы не откажетесь отъ ея приглашенія, чѣмъ много обяжете преданнаго вамъ, и проч.»

— Чудесно! вскричала Лола:—благодарю васъ. А я, вотъ что̀ написала ему, продолжала она, показывая свое письмо:

«Долорезъ Монтезъ, первая танцовщица Королевскаго Театра въ Мадритѣ, проситъ господина директора Парижской Оперы пожаловать къ ней завтра утромъ въ двѣнадцать часовъ».

Я вложилъ ея письмо въ свое и, запечатавъ, отдалъ горничной, чтобъ она отправила его въ театръ съ моимъ человѣкомъ.

Мы были съ Лолой наединѣ. Я не рѣшался, остаться ли мнѣ, или уйдти; признаюсь, мнѣ хотѣлось остаться. Замѣтивъ мое недоумѣніе, она подошла ко мнѣ и, какъ-будто желая удержать, облокотилась на мое плечо.

— Можетъ-быть, вы находите меня очень-странной или безумной?

— Я нахожу васъ очаровательной!

— Нѣтъ, скажите правду, безумной? Это происходитъ отъ моего воспитанія. Я лишилась матери въ самомъ нѣжномъ возрастѣ и выросла подъ жаркимъ небомъ южной Испаніи, вдали отъ всѣхъ свѣтскихъ приличій. Дѣтство мое было возлелѣяно не въ душныхъ гостиныхъ, подъ надзоромъ старыхъ нянекъ, а на воздухѣ, подъ тѣнью лимонныхъ рощей. Я была окружена пламенными юношами, которые ужь тогда соперничали за мою улыбку и ссорились за то, кто первый возьметъ меня на руки; вмѣсто колыбели, я засыпала у нихъ на колѣняхъ, подъ звуки гитары и пѣсни любви; первыя слова, которыя они выучили меня лепетать, были слова любви; первыя мои игрушки были ихъ черныя кудри, которыя я то развивала, то навивала себѣ на пальцы. (Говоря это, Лола, въ задумчивости и какъ-бы перенесясь мыслями въ прошед-

шее, дѣлала то же съ своими волосами, которые отъ этого падали ей на лицо). На четырнадцатомъ году моего возраста меня увезли въ Индію, гдѣ отдали замужъ за одного офицера индійской арміи. Мы вели жизнь бивуачную; онъ бралъ меня съ собой повсюду. Часто, во время сраженія, я одѣвалась въ мужское платье, брала ружье и, подбѣжавъ къ передовой цѣпи застрѣльщиковъ, пускала нѣсколько пуль въ непріятеля. Послѣ битвы, товарищи моего мужа собирались у него въ палаткѣ и пили ковшами пылавшій пуншъ, напѣвая какія-то полудикія пѣсни. Ихъ красныя лица и грубыя привычки не могли мнѣ нравиться послѣ поэтическихъ юношей моей Андалузіи. Мужъ мой былъ убитъ въ перестрѣлкѣ съ Индійцами. На другой же день я уѣхала на кораблѣ одного пирата.

Я слушалъ внимательно эту романическую исторію. Она противорѣчила тому, чтó Лола говорила за столомъ, и я не зналъ, вѣрить ли ей. Не сказка ли это? Я не думаю, хотя впослѣдствіи она часто описывала мнѣ свою жизнь совершенно-иначе. Въ этотъ разъ, въ голосѣ ея звучала истина, и я почти увѣренъ, что этотъ разсказъ справедливѣе всѣхъ другихъ. Я слыхалъ отъ многихъ, что, дѣйствительно, она была замужемъ въ Индіи.

— Возвратясь въ Европу, я надѣялась снова найди невинныя удовольствія моего дѣтства; но мнѣ ужь было шестнадцать лѣтъ: я попала совсѣмъ въ другой міръ. Окружавшіе меня люди не забавлялись со мной, какъ съ ребенкомъ...

Лола произнесла послѣднія слова съ такимъ презрѣніемъ, что я невольно отъ нея отодвинулся, но она, взявъ мою руку, продолжала:

— Я никогда и никого не любила; любовь моя — *капризъ*.

Лола замолчала. Капризъ! Это слово выражало весь ея характеръ...

Ужь пробило два часа. Лола сидѣла на диванѣ съ закрытыми глазами, какъ-бы мечтая; рука ея была забыта въ моей рукѣ. Я молча любовался чертами ея прекраснаго лица. Нѣтъ, не можетъ быть, чтобъ въ столь совершенной оболочкѣ не было души, способной къ воспріятію болѣе-нравственныхъ и благородныхъ ощущеній!

Но вдругъ Лола, какъ-будто пробудясь, оттолкнула меня и вскочила.

— Пора! сказала она.

— Уже?

— До завтра, прибавила она съ улыбкой, протягивая мнѣ руку.

Я хотѣлъ выйдти отъ нея черезъ гостиную, но Лола остановила меня и, подбѣжавъ къ двери, посмотрѣла въ скважину замка́:

— Тамъ спитъ Бетти; можно пройдти здѣсь, сказала она, входя въ туалетный кабинетъ.—Гдѣ ключъ?

Случайно онъ былъ при мнѣ. Выходя поутру, я взялъ его съ собой, чтобъ безъ меня кто-нибудь не вошелъ въ уборную.

— Вотъ онъ, сказалъ я, отдавая ей ключъ.—Я далъ вамъ слово не переступать черезъ порогъ этой двери; вы однѣ имѣете право отворить ее.

Лола взяла у меня ключъ и отперла дверь.

На другой день, въ 11-ть часовъ, войдя къ сосѣдкѣ, я нашелъ ея гостиную заваленную разными вещами и дорогими матеріями, которыя ей принесли изъ магазина по рекомендаціи г. Калико. Онъ и самъ тутъ присутствовалъ, давая Лолѣ совѣты, когда вкусъ ея затруднялся въ выборѣ посреди этого множества товаровъ. На ней было то же черное платье, что́ и наканунѣ; гардеробъ ея, какъ мы видѣли, былъ весьма-ограниченъ, и она вполнѣ пользовалась случаемъ, чтобъ его пополнить. Если изъ нѣсколькихъ кусковъ одинаковаго достоинства она не знала которому отдать преимущество по рисунку, то она оставляла ихъ всѣ за собой.

— Ка́къ вы находите мой вкусъ? спросила она, увидѣвъ меня и показывая мнѣ на отложенные товары, на которые палъ ея выборъ.

— Все это прекрасно, отвѣчалъ я, окинувъ ихъ взглядомъ.

— Вотъ еще не нужно ли вамъ? сказалъ магазинщикъ, развертывая три турецкія шали. У Лолы разбѣжались глаза.

— Ахъ, какъ это хорошо! вскричала Лола, любуясь шалями и примѣряя ихъ одну за другой передъ зеркаломъ.—Но которую бы мнѣ взять, голубую, зеленую, или бѣлую? Ка́къ вы думаете?

Я удивлялся больше ей, нежели шалямъ.

— Голубой цвѣтъ къ вамъ очень идетъ, сказалъ г. Калико.

— Я возьму ихъ всѣ три.

Такимъ-образомъ шали, бархатныя и шелковыя матеріи, кружева, батистъ — все откладывалось въ сторону по мѣрѣ того, какъ магазинщикъ раскладывалъ ихъ.

— Теперь довольно, сказала наконецъ Лола, когда у него остались одни почти пустые картоны.—Послѣ я возьму у васъ еще. Что̀ это все стòитъ?

— Три тысячи-четыреста-сорокъ франковъ, отвѣчалъ купецъ, сосчитавъ на своей записной книжкѣ цѣны отложенныхъ товаровъ, и лицо его просіяло пріятной надеждой получить эту сумму.

— Хорошо, я вамъ заплачу все вмѣстѣ... послѣ. Я должна получить двадцать-пять тысячъ франковъ отъ директора оперы.

— Когда вамъ угодно, отвѣчалъ купецъ, переглянувшись съ г-мъ Калико, который дѣлалъ ему знаки, что можно повѣрить. Собравъ облегченные картоны, они вышли оба.

Трудно себѣ вообразить, до какой степени довѣрчивы парижскіе купцы. Иностранецъ, пріѣхавшій съ однимъ чемоданомъ, можетъ достать въ кредитъ все, что̀ ему нужно съ неимовѣрной легкостью и безъ всякаго ручательства. Для этого ему стòитъ только зайдти въ любой магазинъ и, выбравъ товары, которые ему нужны, дать свой адресъ: онъ можетъ быть увѣренъ, что черезъ часъ они будутъ у него въ квартирѣ. Мнѣ даже случалось не выбрать, а только полюбоваться какой-нибудь вещью; возвратясь домой, я находилъ ее у себя на столѣ. Портные, сапожники и вообще всѣ эти мелкіе продавцы, извѣстные въ Парижѣ подъ именемъ *фурнисёровъ*, приходятъ къ вамъ въ отель сами съ предложеніемъ услугъ, и если дверь ваша заперта, они подсовываютъ подъ нее свои адресы, присылаютъ вамъ по почтѣ свои *prospectus*, приносятъ вамъ образчики, и если, наконецъ, вы что-нибудь у нихъ купили, они отказываются даже отъ денегъ, прося васъ заплатить за все вдругъ, не подаютъ по цѣлому году своихъ счетовъ, лишь бы только вы забирали преимущественно у нихъ. Конечно, у нихъ есть, быть-можетъ, своя полиція, и прежде нежели откроютъ кредитъ, они узнаютъ стороной, что̀ вы за человѣкъ, нѣтъ ли у васъ рекомендательнаго письма къ банкиру, спрашиваютъ у содержателя отели, гдѣ вы жи-

вете, много ли вы тратите денегъ и тому подобное; но большею частью вамъ вѣрятъ на слово, или, какъ они выражаются, на ваше лицо (sur votre bonne mine). Зато горе иностранцу, если, сдѣлавъ долги, онъ не въ-состояніи будетъ ихъ заплатить; фурнисёръ можетъ посадить его въ Клиши (*) безъ всякаго суда, даже неимѣя расписки: кредиторъ докладываетъ президенту Коммерческаго Трибунала, что должникъ его собирается уѣхать, и въ ту же минуту получаетъ право арестовать его.

Пока Лола выбирала товары, они занимали ее, какъ игрушки въ лавкѣ занимаютъ ребенка; но съ той минуты, какъ она видѣла въ нихъ свою собственность, она не обращала на нихъ никакого вниманія. Еслибъ я былъ самолюбивъ, я могъ бы приписать это къ удовольствію видѣть меня; но хотя она была со мной очень-любезна, однако я ужь замѣтилъ въ ней большую перемѣну противъ того, что̀ она была наканунѣ: все, что̀ она ни дѣлала, всѣ ее ласки, всѣ ея слова казались принужденными, какъ-будто Лола дѣйствовала не по внушенію чувствъ своихъ, а играла дурно-изученную роль. Я начиналъ понимать характеръ этой странной женщины; все, что̀ я узналъ о ней впослѣдствіи, утвердило меня еще больше въ томъ мнѣніи, которое составилъ я съ самаго начала. Въ ней искренно только первое влеченіе; нетерпѣливый, безпокойный духъ ея не позволяетъ ей сосредоточить долго свое вниманіе на одномъ и томъ же предметѣ, и она безпрестанно во всемъ ищетъ перемѣны.

Это открытіе много охладило мой восторгъ къ прекрасной наѣздницѣ. Съ этой минуты я ужь смотрѣлъ на нее, какъ на авантюристку.

— Лола, сказалъ я, когда мы остались одни: — напрасно вы не заплатили теперь же за всѣ эти вещи.

— Я заплачу послѣ.

— Напрасно.

— Отчего?

— Съ васъ возьмутъ вдвое дороже. Иностранцу надобно здѣсь быть очень-осторожнымъ. Кредитъ завлечетъ васъ незамѣтно въ большія издержки, и послѣ вамъ будетъ трудно поправиться.

(*) Тюрьма за долги.

— Это бездѣлица.

— Позвольте мнѣ отдать ее.

— Такъ и вы хотите со мной поступать подобно всѣмъ другимъ! вскричала Лола съ видомъ упрека.

— Вы не поняли меня; я сказалъ это изъ участія къ вамъ.

— Изъ участія! Я понимаю или любовь, или ненависть. Андалузія—моя родина! прибавила она трагическимъ тономъ.

— Мы живемъ въ такомъ обществѣ, гдѣ самая нѣжная, самая поэтическая любовь требуетъ иногда весьма-прозаическихъ доказательствъ.

— У меня много денегъ, твердила Лола, прыгая по комнатѣ съ нетерпѣніемъ и вертя меня съ собой за руку, чтобъ прекратить этотъ разговоръ, который ее утомлялъ. — У меня много денегъ!

Я зналъ навѣрное, что у нея ничего не было.

На моей половинѣ послышался звонокъ. Я обошелъ кругомъ и отперъ. Это былъ Леонъ Пильè.

— Я получилъ ваше письмо вчера въ театрѣ.

— Меня просила Лола Монтезъ написать къ вамъ.

— Журналы наполнены разсказами о ея странностяхъ. Давно ли она здѣсь?

— Дня три.

— И вы успѣли съ ней познакомиться?

— Мы ужь друзья. Это преоригинальное созданіе.

— Я слыхалъ о ней. Прошлаго года въ Германіи, въ припадкѣ своего восторга, она поцаловала Листа въ театрѣ, передъ всей публикой. Но я не зналъ, что она танцуетъ.

— Пойдемте къ ней; она вамъ много кой-чего разскажетъ.

Я повелъ его къ сосѣдкѣ. Предупрежденная о визитѣ Леона Пильè, она приготовилась принять его и успѣла приколоть къ головѣ своей черный длинный вуаль, чтобъ придать своему платью испанскій характеръ.

Послѣ первыхъ вѣжливостей, Лола нашла средство вставить въ разговоръ съ директоромъ цѣлую исторію о своемъ происхожденіи, которая совсѣмъ не походила на все то, чтò она разсказала мнѣ наканунѣ.

— Въ первый разъ, какъ я дебютировала на театрѣ въ Мадритѣ, говорила она съ неимовѣрной смѣлостью:—публика пришла въ такой восторгъ, что, послѣ спектакля, дожидалась меня у подъѣзда; и когда я вышла, толпа молодыхъ людей

отпрягла лошадей отъ моего экипажа и несла меня на себѣ до самаго дома. Въ Лиссабонѣ я танцовала качучу передъ всѣмъ дворомъ. . королева надѣла на меня своими руками брильянтовую діадему. О, я бы никогда не оставила моей пламенной Испаніи, еслибъ директоръ гамбургскаго театра не сдѣлалъ мнѣ самыхъ блестящихъ прелложеній!

Бѣдная Лола! послѣ всѣхъ своихъ тріумфовъ, она пріѣхала во Францію въ одномъ платьѣ.

Леонъ Пильè слушалъ всю эту галиматью очень-внимательно; но, какъ человѣкъ, привыкшій угадывать съ перваго взгляда съ кѣмъ имѣетъ дѣло, не показывалъ ни недовѣрія, ни удивленія, и ожидалъ, чѣмъ всѣ это кончится.

Наконецъ Лола замолчала, ожидая, что послѣ подобнаго предисловія, директоръ первый предложитъ ей выгодныя условія; но видя, что онъ молчитъ, она спросила:

— Вы читали журналы?

— Дà.

— Такъ вы, вѣрно, знаете, почему я уѣхала изъ Гамбурга?

— Теперь только объ этомъ и говорятъ, отвѣчалъ Леонъ Пильè, улыбаясь.

— Я не могла согласиться на условія гамбургскаго театра.

Новое молчаніе и ожиданіе.

— Какую же сцену вы думаете теперь обогатить вашимъ талантомъ? спросилъ наконецъ Леонъ Пильè.

— Меня осаждаютъ со всѣхъ сторонъ приглашеніями, поспѣшила сказать Лола, принявъ насмѣшку за наличную монету.—Директоръ вѣнскаго театра вызывалъ меня, чтобъ замѣнить Фанни Эльслеръ: онъ давалъ мнѣ пятнадцать тысячъ флориновъ въ годъ, но я отказалась. Въ Петербургѣ — меня пугаетъ климатъ, тамъ такъ холодно... я привыкла къ южному небу. Въ Лондонъ я намѣреваюсь ѣхать на лѣто, а пока я избрала Парижъ, и если мнѣ здѣсь предложатъ выгодныя условія, я готова заключить контрактъ хоть на нѣсколько лѣтъ.

— На какихъ же условіяхъ?

Лола, сочтя этотъ вопросъ, внушенный болѣе любопытствомъ, за настоящее предложеніе, сказала разомъ:

— Двадцать-пять тысячъ франковъ въ годъ, одинъ бенефисъ и трехмѣсячный отпускъ.

— Это недорого, отвѣчалъ Леонъ Пильè хладнокровно.

— Въ другомъ мѣстѣ я бы взяла дороже; но для парижской публики я готова сдѣлать уступку.

— Это очень-любезно съ вашей стороны; нѣтъ сомнѣнія, что здѣшняя публика будетъ умѣть оцѣнить вашъ талантъ. Парижъ вѣнчаетъ славу артистовъ.

— О, я знаю! поэтому и беру дешево... Мнѣ бы только хотѣлось получить половину годоваго жалованья впередъ.

— Это будетъ зависѣть отъ директора театра, съ которымъ вы заключите контрактъ, сказалъ Леонъ Пильѐ вставая.

Лола смотрѣла на него съ удивленіемъ. Она-было думала что ужь все кончено; но хитрый директоръ, знавшій вполнѣ свое ремесло, давно смекнулъ все, чтò ему можно было извлечь изъ знаменитости этого рода, и на томъ основаніи, что товаръ предложенный стоитъ дешевле требуемаго, незамѣтно довелъ нетерпѣливую наѣздницу до того, что она высказала ему всѣ сво́и намѣренія и должна была первая предложить свои услуги.

— Я хочу заключить контрактъ съ вами, сказала она тономъ ниже.

— Благодарю за честь; очень радъ...

— На тѣхъ условіяхъ, о которыхъ я вамъ говорила.

— На тѣхъ условіяхъ о которыхъ вы мнѣ говорили.

Лицо Лолы сново просіяло.

— Такъ потрудитесь составить контрактъ, сказала она.

— Очень хорошо... если вы понравитесь публикѣ... въ чемъ я не сомнѣваюсь... По нашимъ правиламъ, кàкъ бы артистъ извѣстенъ ни былъ, онъ долженъ прежде дать для своего дебюта одно представленіе даромъ—и тогда, смотря по пріему, который ему сдѣлала публика, составляются условія контракта.

Это не понравилось Лолѣ.

Когда же я могу дебютировать? Мнѣ бы хотѣлось поскорѣе.

— Прежде вамъ надобно пожаловать къ намъ въ театръ и показать свое искусство передъ комитетомъ артистовъ, и если они признаютъ его достойнымъ... въ чемъ я не сомнѣваюсь.. мы васъ представимъ публикѣ.

— Когда я могу пріѣхать къ вамъ?

— Не угодно ли вамъ явиться къ намъ завтра на репетицію? сказалъ Леонъ Пильѐ, раскланиваясь.

Отъ брильянтовой діадимы до школьнаго испытанія—какой скачокъ!

Несмотря на явную неудачу этого свиданія, пылкое воображеніе Лолы рисовало ей все въ розовомъ цвѣтѣ: она осталась очень-довольна визитомъ директора. Я не хотѣлъ отравлять ея пріятнаго заблужденія и пожелалъ ей успѣха въ этомъ предпріятіи. Выходя отъ нея, я встрѣтилъ нѣмецкаго барона, который, спустясь съ лѣстницы, началъ снова подниматься. Такъ-какъ наканунѣ мы вмѣстѣ обѣдали, то онъ счелъ нужнымъ мнѣ поклониться и заговорить со мной.

— Вы прійдете сегодня за общій столъ? спросилъ онъ меня.

— Не думаю.

— А вы не знаете... продолжалъ онъ, запинаясь:—эта хорошенькая дама... будетъ обѣдать?

— Не знаю.

— Вы сейчасъ отъ нея вышли... ка̀къ я вамъ завидую!

— Вы имѣете такое же право, какъ и я, съ ней познакомиться.

— О ja!.. но когда она на меня смотритъ... ich habe Furcht... я страхъ имѣю. У нея такіе колючіе глаза... Scharfe Augen, verstehen sie... я влюбленъ.

— Это вамъ надобно объяснить ей самой, сказалъ я, едва удерживаясь отъ смѣха.

— Я не нахожу случая. Вотъ ужь цѣлый часъ, какъ я хожу взадъ и впередъ по лѣстницѣ, въ надеждѣ ее встрѣтить и поклониться ей.

— Это васъ ни къ чему не поведетъ.

— Что̀ жь мнѣ дѣлать?

— Старайтесь ей нравиться.

— Нравиться... ка̀къ?.. Ich verstehe nicht.

— Сдѣлать что-нибудь ей пріятное, чтобъ она васъ замѣтила.

— Пріятное... замѣтила... а! понимаю... замѣтила... ка̀къ? Ich verstehe nicht.

Сколько ни былъ забавенъ этотъ разговоръ, онъ начиналъ мнѣ надоѣдать, и видя, что̀ онъ можетъ продолжиться до безконечности, я оставилъ моего влюбленнаго Нѣмца на по-

слѣдней ступени лѣстницы, предоставя ему самому искать въ бѣлокурой головѣ своей, чѣмъ бы онъ могъ обратить на себя вниманіе предмета своей страсти.

— Успѣхъ, успѣхъ! вскричала Лола, вбѣжавъ ко мнѣ на другой день черезъ уборную.—Я сейчасъ была на репетиціи, танцовала передъ комитетомъ артистовъ; всѣ эти господа отъ меня въ восторгѣ... они единогласно говорятъ, что ничего подобнаго до-сихъ-поръ не видали... Даже Карлота мнѣ апплодировала, хотя я замѣтила, что внутренно она завидовала мнѣ. Птипà (*) отъ меня безъ ума; я съ нимъ танцовала *pas de deux*... Онъ увѣряетъ, что я гораздо-легче, нежели Тальйони и Фанни Эльслеръ. Онъ просилъ у меня позволенія прійдти ко мнѣ... я согласилась... онъ такой душка!

Я не раздѣлялъ ея восторга. Я очень-хорошо понималъ, что Леонъ Пильè, дѣйствуя чисто изъ одной спекуляціи, разсчитывалъ не столько на танцовальный талантъ Лолы Монтезъ, сколько на извѣстность этой наѣздницы. Онъ зналъ, съ какой жадностью публика ищетъ случая посмотрѣть изъ любопытства на знаменитости всякаго рода. Директоры парижскихъ театровъ не пренебрегаютъ ничѣмъ, чтобъ заманить ихъ къ себѣ и увеличить сборъ вечера.

— Когда жь назначенъ вашъ дебютъ?

— Черезъ недѣлю. Я хотѣла явиться прямо въ какомъ-нибудь балетѣ, но Леонъ Пильè говоритъ, что постановка отъиметъ много времени; онъ совѣтуетъ мнѣ для перваго раза протанцовать только качучу и болеро. Вы, вѣрно, будете на моемъ представленіи и пригласите всѣхъ своихъ друзей.

— Безъ-сомнѣнія.

— Теперь только остановка за костюмами. Я сейчасъ ѣду заказывать ихъ и купить, чего мнѣ еще недостаетъ.

(*) Птипà, знаменитый танцоръ Парижской Оперы, о которомъ здѣсь идетъ рѣчь, не имѣетъ ничего общаго съ г. Птипà, находящимся у насъ, въ Петербургѣ.

Съ этого дня къ Лолѣ не было приступа. До нея не иначе можно было добраться, какъ черезъ груды картоновъ съ платьями, шляпками, костюмами, которыми были завалены ея комнаты. *Фурнисёры* не выходили отъ нея. Я слышалъ безпрестанно на ея половинѣ шумъ отворяемыхъ и затворяемыхъ дверей и многочисленные голоса. Въ какое бы время я къ ней ни вошелъ, всегда заставалъ нѣсколько человѣкъ посѣтителей, большею-частью журналистовъ, актёровъ, режиссёровъ — словомъ весь театральный міръ. Чаще всего я встрѣчалъ у нея Птипà, перваго танцовщика балетной труппы. Онъ сидѣлъ у нея съ утра до вечера. Я никогда не видалъ болѣе-изношеннаго лица. На сценѣ румяна и блестящій костюмъ скрывали его недостатки, и такъ-какъ онъ дѣйствительно хорошо танцовалъ, то парижская публика любила его.

Дня два или три сряду я не навѣщалъ моей сосѣдки; постоянный шумъ выгонялъ меня часто изъ квартиры. Въ одинъ вечеръ у Лолы были гости. Около двѣнадцати часовъ всѣ разошлись, исключая Птипà, который въ этотъ разъ остался позже обыкновеннаго.

«Капризъ!» подумалъ я, смѣясь и на другой день заперевъ дверь уборной, взялъ ключъ и вошелъ къ сосѣдкѣ черезъ ея *парадный* ходъ. Гостиная ея совершенно преобразилась съ-тѣхъ-поръ, какъ я въ ней не былъ. Сверху до низу, въ полномъ смыслѣ этого слова, она была убрана гирляндами и корзинками цвѣтовъ; ихъ такъ было много, что ужь на полу не было мѣста; многія были развѣшаны на стѣнахъ и даже на потолкѣ, подобно люстрамъ. Всѣ столы были уставлены красивыми конфектными коробочками.

Лола порхала одна въ этомъ цвѣтникѣ. На ней ужь не было этого чернаго платья, въ которомъ она пріѣхала. Съ-тѣхъ-поръ, какъ она, стряхнувъ съ себя произведеніе германскаго вкуса, прошла черезъ руки парижскихъ модистокъ и набрала въ долгъ разныхъ вещей, она одѣвалась съ большимъ вкусомъ.

— Наконецъ! воскликнула она, увидѣвъ меня: — что́ съ вами сдѣлалось? Вы меня совсѣмъ забыли.

— У васъ теперь много друзей, Лола, сказалъ я, указывая ей на цвѣты и всю эту дань ея обожателей.

— Вы ревнивы.

— Нѣтъ. Я принесъ вамъ ключъ; возьмите его къ себѣ; онъ теперь вамъ полезнѣе, чѣмъ мнѣ.

— Чтó это значитъ?

— Я могу вамъ иногда помѣшать, проходя черезъ туалетный кабинетъ.

— Вы на меня сердитесь.

— Нисколько; и чтобъ доказать вамъ, что нѣтъ, я прошу васъ принять это отъ меня на память, сказалъ я, подавая ей въ сафьянномъ экранѣ золотой браслетъ, который я нарочно приготовилъ для нея, въ воспоминаніе нашего знакомства.

— Ахъ, какой миленькій браслетъ! вскричала Лола, раскрывъ экранъ. — Я надѣну его въ день моего дебюта: онъ принесетъ мнѣ счастье.

— По-крайней-мѣрѣ я отъ души этого желаю, отвѣчалъ я.

Черезъ минуту Лола уже не думала о браслетѣ.

Мы разстались друзьями.

Наконецъ наступилъ давно-ожидаемый день дебюта. Заранѣе о немъ прокричали всѣ журналы, превознося красоту и талантъ дебютантки. Не было фёльетона, который бы не заключалъ въ себѣ какого-нибудь эпизода изъ ея жизни. Вотъ одна изъ этихъ статей:

Journal des Débats. Понедѣльникъ, 18-го марта 1844 года.

Театральныя новости. — *Лола Монтезъ въ Парижѣ.*

«Кто-то стучится. *Entrez!*» — Это я! — «Кто вы?» Дѣйствительно, кажется, ее можно узнать даже невидавъ никогда. Черный и живой глазъ Испаніи, ножка Андалузянки, желѣзная рука, но желѣзо скрыто подъ тонкой и прозрачной кожей, а вмѣсто ржавчины, черная, горячая кровь бѣжитъ въ жилахъ какъ огонь. «Я прискакала изъ Испаніи, изъ Мадрита, изъ Гамбурга, прискакала сюда танцовать и кружить вамъ головы жестомъ, взглядомъ, волей». Однакожь, я ищу ея имя и, наконецъ, называю наудачу. Точно, это она! въ пѣшей въ ней та же буря, что и на конѣ.

«— А, а! это вы, легкая рука? вскричалъ я. — Зачѣмъ вы пріѣхали въ Парижъ? Чтò вы, другъ или недругъ? Осторож-

нѣе; у васъ преоригинальное опахало; вы играете имъ страннымъ образомъ. — «Я пришла, отвѣчаетъ она, немного краснѣя: — какъ другъ въ страну друзей; я пѣшкомъ, а не верхомъ; мой взоръ потупленъ, рука въ перчаткѣ. Я привезла съ собой самые игривые, самые живые танцы Испаніи, настоящіе, танецъ безъ прикрасъ, звонкій кастаньетъ и черный вуаль. Такъ она говоритъ. Это совершенно въ ея духѣ, въ ея языкѣ, въ ея поступи, въ ея взглядѣ, въ чемъ-то энергическомъ, гордомъ, чего я выразить не умѣю.

«Нѣтъ сомнѣнія, мы ей будемъ рады, лишь бы только она танцовала такъ же хорошо, какъ ѣздитъ верхомъ. Но такъ-какъ за счастьемъ идетъ вслѣдъ другое, Черито, это диво, которое отъ насъ ужь два раза ускользало, это воздушная танцовщица, которую Италія ставитъ выше даже самой Тальйони, Черито, бывшая вчера во Флоренціи (какъ это она могла оставить Флоренцію?), сегодня въ Парижѣ.

«Такъ-что Опера на этой недѣлѣ должна рѣшить важный споръ: Лола Монтезъ и синьйора Черито, Испанія и Италія, мантилья и обнаженное плечо, пламя и огонь.

«*J. J.*»

У входа театра была прибита аффиша, на которой было напечатано колоссальными буквами:

«Въ среду, 27-го марта

ЛОЛА МОНТЕЗЪ,

первая танцовщица Королевскаго Театра, въ Мадритѣ, будетъ танцовать для своего дебюта, качучу и болеро.

Почти всѣ билеты были разобраны впередъ. Въ кофейняхъ и публичныхъ мѣстахъ только и разговора было, что о знаменитой амазонкѣ. Встрѣчались ли знакомые на улицѣ, первый вопросъ былъ:

— Вы слышали?

— Чтó такое?

— Лола Монтезъ дебютируетъ сегодня.

— Дà, я ужь взялъ билетъ.

— Говорятъ, она красавица, и т. д.

Лола удержала нѣсколько билетовъ, которые она раздавала своимъ друзьямъ; въ томъ числѣ и на мою долю досталось десять; въ свою очередь, я роздалъ ихъ моимъ знакомымъ.

Съ самаго утра Лола отправила свои костюмы въ театръ и безпрестанно смотрѣла на часы, чтобъ не опоздать, дѣлала антрша передъ зеркаломъ, изучала различные *па* своихъ танцевъ, играла кастаньетками. Она даже не хотѣла ничего ѣсть цѣлый день, чтобъ быть легче; а послѣ представленія у нея былъ назначенъ ужинъ, на который пригласила она человѣкъ десять своихъ знакомыхъ, въ томъ числѣ Леона Пильѐ и Птипа.

— Вы бы отдохнули, а то вы слишкомъ себя утомите, сказалъ я Лолѣ, влетѣвшей въ два прыжка ко мнѣ въ гостиную.

— О, ничего! я привыкла, отвѣчала она, продолжая скакать. — Это моя сфера...

И съ этимъ словомъ она сдѣлала такой пируэтъ, какого и на сценѣ не увидишь. Я вполнѣ убѣдился, что дѣйствительно это была ея сфера.

— До представленія еще три часа.

— Только! вскричала она.—Такъ мнѣ пора. Мнѣ еще нужно убрать голову и одѣться.

Она выбѣжала или, лучше сказать, перепрыгнула изъ моей квартиры въ свою. У подъѣзда дожидалась ея наемная карета, и Лола отправилась въ театръ, въ сопровожденіи своей горничной.

Послѣ обѣда въ восемь часовъ пошелъ и я въ Оперу. Въ кассѣ билетовъ уже не было, и запоздавшіе, постучавъ въ окошко и получивъ въ отвѣтъ: *всѣ разобраны*, уходили съ недовольными физіономіями. При мнѣ какой-то аматёръ предлагалъ золотой за мѣсто въ партерѣ одному изъ перепродавателей билетовъ, которые всегда стоятъ у подъѣзда, но и у нихъ ничего не оставалось.

Лола должна была танцовать, въ заключеніе спектакля, на балѣ Дон-Жуана. Прежде шла какая-то опера въ двухъ дѣйствіяхъ, кажется, *Comte Ory*. Первое дѣйствіе только-что кончилось, когда я пришелъ въ театръ; зрители, въ ожиданіи втораго акта, прогуливались въ корридорахъ; имя дебютантки было во всѣхъ устахъ. Продавецъ газетъ (le crieur) предлагалъ проходящимъ за пять *су* листокъ журнала театровъ, въ которомъ заключалась біографія Лолы Монтезъ; при входѣ въ фойѐ, на прилавочкѣ, между портретами Карлоты и Тальйони, былъ

выставленъ (Богъ-знаетъ, когда его успѣли сдѣлать!) литографированный портретъ Лолы Монтезъ въ испанскомъ костюмѣ; разносчицы (marchandes du plaisir) продавали на лоткахъ новаго рода печенья *a la Montez*; цвѣточницы—букеты *a la Montez*.

Въ коррпдорѣ на меня наткнулся бѣлокурый Нѣмецъ, завитой, съ огромнымъ букетомъ изъ красныхъ камелій въ рукахъ. Недоставъ билета въ кассѣ, онъ заплатилъ втрое дороже капельдиперу за табуретку, которую ему приставили у входа въ кресла, подлѣ самаго турецкаго барабана.

— *Поншуръ мосьё*, сказалъ онъ, увидѣвъ меня.

— А! здравствуйте! и вы здѣсь.

— Да̀; но у меня очень-дурное мѣсто.

— Жаль, что вы мнѣ не сказали прежде: я бы могъ вамъ предложить кресло.

— Я не зналъ. Я заплатилъ *цвѣй наполеонепъ* за табуретку... мнѣ хотѣлось сидѣть поближе. Вы мнѣ совѣтовали поискать средство *ей* понравиться... я нашелъ его, прибавилъ онъ, опуская глаза на букетъ. Я хочу *ей* это бросить.

— Да почему же она узнаетъ, что это бросили вы?

— Это мой секретъ, сказалъ онъ съ довольнымъ видомъ, расправляя камеліи.

— О, если это секретъ, я не хочу знать его!

Я вошелъ въ залу. Второй актъ ужь начался. Публика, собравшаяся болѣе для дебютантки, слушала музыку безъ вниманія, разговаривала, шумѣла; мужчины переходили изъ ложи въ ложу; многія мѣста еще не были даже заняты; актёры торопились и играли дурно. Наконецъ опера кончилась. Антрактъ показался всѣмъ чрезмѣрно-длиннымъ, хотя онъ продолжался не болѣе четверти часа.

Но вотъ, торжественная минута наступила. Капельмейстеръ постучалъ, махнулъ смычкомъ, и оркестръ заигралъ качучу. По залѣ пробѣжалъ шопотъ вниманія, и всѣ взоры устремились на одну точку. Занавѣсь поднялась. Для бо̀льшаго эффекта, весь кор-де-балетъ былъ расположенъ полукругомъ на сценѣ.

Лола выскочила.

Ободрительныя рукоплесканія привѣтствовали ее довольно-согласно.

На ней былъ желтый атласный костюмъ, съ воланами въ три ряда изъ чернаго кружева; а на головѣ пунцовый уборъ. Соединеніе этихъ двухъ цвѣтовъ шло къ ея смуглому лицу.

Такъ-какъ качуча состоитъ болѣе изъ однихъ граціозныхъ движеній съ аккомпаниментомъ кастаньетокъ, то стройная Лола исполнила этотъ танецъ довольно-удачно. Публика хлопала изъ снисхожденія, которое всегда внушаютъ ей красота и молодость. Но когда Лола вышла во второй разъ и начала болеро—это другое дѣло. Несмотря на всю свою смѣлость, она такъ неловко пустилась, что съ перваго же па сбилась съ такта; прыжки не имѣли легкости; вмѣсто носка, тяжело падала она на всю ступню, пируэтовъ не доканчивала, спотыкалась — словомъ, послѣдняя крыса изъ кор-де-балета (*) протанцовала бы лучше; видно было, что Лола никогда не училась танцовать. Трудно повѣрить, до чего простирается смѣлость этой наѣздницы! Я боялся за нея, ожидая ежеминутно, что откуда-нибудь сорвется пронзительный свистокъ. Однакожь, со всѣхъ сторонъ раздавалось браво — но не то браво, которое невольно вылетаетъ изъ устъ восторженнаго зрителя, когда передъ нимъ находится истинный талантъ, когда партеръ трепещетъ и весь театръ содрогается отъ рукоплесканій; но браво насмѣшки или сострадапія — это жосткое, ужасное браво, которому артистъ предпочитаетъ даже свистокъ.

Шума все-таки было много и Лола, объясняя его въ свою пользу, продолжала скакать. Но вдругъ на одномъ изъ своихъ антрша, она зацѣпилась ногой за ногу, и ленточка башмака ея лопнула. Нисколько не теряясь, она отрываетъ ее, подбѣгаетъ къ самому оркестру и, дунувъ на нее, бросаетъ ее къ зрителямъ; но легкая ленточка не можетъ летѣть далеко по назначенію и падаетъ на носъ капельмейстеру въ ту самую минуту, когда ему нужно было слѣдовать за партиціей. Мой влюбленный Нѣмецъ, считая этотъ моментъ удобнымъ для исполненія своего замысла, пускаетъ со всего размаха свой колоссальный букетъ; но отъ слишкомъ-сильнаго напряженія, ветхая табуретка подламывается и влюбленный летитъ съ нея вверхъ ногами; а букетъ, совращенный отъ этого паденія съ настоящаго направленія, ударяется прямо

(*) Les rats de l'opera.

въ турецкій барабанъ и извлекаетъ изъ него совсѣмъ-некстати фальшивый тонъ. Музыканты фыркаютъ въ свои духовые инструменты и не слушаютъ капельмейстера, который сбился самъ. Отъ всего этого произошелъ такой дикій, оглушительный ералашъ, что дамы затыкàли себѣ уши. Мужчины, смѣясь, хлопали и кричали. «Браво Лола! браво! Ай-да Лола!» раздавалось повсюду; но Лола, которой слухъ не привыкъ къ различнымъ оттѣнкамъ этихъ восклицаній, принимаетъ ихъ за восторгъ, произведенный ея талантомъ, и раскланивается на всѣ стороны. Посреди этой общей суматохи занавѣсь опускается позади Лолы, которая остается на авансценѣ. Хохотъ, хлопанье и браво усиливаются, со всѣхъ сторонъ сыплются на нея букеты, и она, чтобъ избавиться отъ этихъ душистыхъ снарядовъ, должна бѣжать за кулисы.

Зала опустѣла. Толпа съ хохотомъ выбиралась изъ театра. Выходя одинъ изъ послѣднихъ, я встрѣтилъ въ коррилорѣ Леона Пилье, шедшаго скорыми шагами; за нимъ кассиръ несъ шкатулку.

— Ну что? спросилъ я его.

— Полный сборъ, отвѣчалъ онъ.

Цѣль его была достигнута.

Такъ кончился этотъ знаменитый дебютъ.

Я возвратился домой. Квартира Лолы была очень-тѣсна для ея ужина, и потому она просила меня заранѣе дать ей на этотъ вечеръ мою залу; столъ былъ ужь накрытъ на двѣнадцать персонъ. Вскорѣ послѣ меня дверь съ шумомъ отворилась, и явилась Лола въ-сопровожденіи своихъ гостей, которые оглушали ее преувеличенными похвалами: они пришли поужинать на ея счетъ. Между-ними я не замѣтилъ ни Леона Пилье, ни Птипа.

— Побѣда! вскричала Лола, входя въ залу и подымая вверхъ огромный букетъ изъ красныхъ камелій, въ которомъ я узналъ знаменитый букетъ барона, переданный ей изъ оркестра.

— Побѣда! вторили ей голоса гостей. — Браво, Лола! мы до-сихъ-поръ ничего подобнаго не видали и не слыхали.

— О, друзья мои, какой блестящій успѣхъ! Вы слышали, какъ мнѣ аплодировали!

— Мы думали, что театръ обрушится.

— Посмотрите, какой мнѣ поднесли букетъ... Я думаю, въ немъ больше ста камелій.

— Несчитая всѣхъ тѣхъ, которыя бросили къ ногамъ вашимъ, и для которыхъ было бы мало цѣлаго фургона, еслибъ вы вздумали взять ихъ съ собой. Во всемъ Парижѣ и въ окрестностяхъ его не осталось больше ни одной камеліи.

— Но гдѣ же директоръ? сказала Лола, смотря кругомъ. — Онъ заставляетъ себя ждать, я не люблю этого. Вѣрно, онъ спѣшитъ составить контрактъ; но теперь мнѣ не до того, и притомъ я не подпишу его за двадцать-пять тысячъ франковъ въ годъ. Мнѣ надо сорокъ тысячъ.

— Мало, Лола; требуйте больше: онъ на все согласится.

— До завтра дѣла! Теперь же, друзья мои, за столъ!

Бѣдная Лола! въ чаду своего заблужденія, она не замѣчала, что всѣ эти господа надъ ней смѣются. Мнѣ стало душно въ этой атмосферѣ низкой лести, и, нежелая быть свидѣтелемъ всѣхъ этихъ наглыхъ насмѣшекъ, я ушелъ незамѣтно изъ своей квартиры.

Я возвратился на другой день утромъ въ одиннадцать часовъ. Хотя Лола пировала почти всю ночь съ своими мнимыми друзьями, я засталъ ее ужь на ногахъ, въ кокетливомъ неглиже. Входя къ ней, я замѣтилъ, что она поспѣшила сѣсть на диванъ и взять въ руки книгу, притворяясь будто читаетъ, какъ дѣлаютъ часто тѣ, которые ожидаютъ съ нетерпѣніемъ какого-нибудь визита, но не хотятъ этого показать. Передъ ней на столѣ, въ фарфоровой вазѣ, красовался знакомый намъ букетъ изъ красныхъ камелій.

— Ахъ, это вы! сказала Лола, складывая книгу. — Я на васъ сердита; отчего вы не остались съ нами ужинать?

— Чтобъ не было тринадцати за столомъ, отвѣчалъ я, шутя.

— Во всякомъ случаѣ, не вы были бы тринадцатый гость.

— Нѣтъ, серьёзно я не могъ остаться: у меня былъ мигрень.

— Общая отговорка. — А вы знаете, прибавила она потомъ съ видомъ удивленія: — Леонъ Пилье не былъ.

— Понастоящему, ему бы слѣдовало дать вамъ пиръ.

— Отчего?

— Благодаря вамъ, онъ собралъ вчера болѣе двѣнадцати тысячъ франковъ.

— А, какой дебютъ? Онъ, вѣрно, придетъ сейчасъ съ контрактомъ... я его жду всякую минуту... Когда вы отворили дверь, я думала, что это онъ. Но вы увидите, ка̀къ я его приму. Онъ прежде не хотѣль дать мнѣ двадцати-пяти тысячъ франковъ, теперь я не возьму и сорока.

Едва Лола произнесла эти слова, какъ кто-то постучался въ дверь.

— А-а! вотъ онъ! сказала она вполголоса. — Останьтесь здѣсь: я хочу чтобъ вы были свидѣтелемъ моего тріумфа. — *Entrez!*

Дверь отворилась, и вошелъ... магазинщикъ, у котораго Лола набрала въ долгъ разныя матеріи.

— Вы за мной присылали?

— И не думала.

— Г. Калико сказалъ мнѣ, что вы изъявили желаніе меня видѣть... касательно отпущенныхъ вамъ товаровъ... Я принесъ реестръ, прибавилъ онъ въ заключеніе, вынимая изъ бумажника счетъ.—Всего на 3440 франковъ... я ужь расписался въ полученіи.

— Напрасно; я вамъ не заплачу сегодня; зайдите черезъ три дня.

— Очень-хорошо, когда вамъ угодно, отвѣчалъ онъ, вкладывая счетъ обратно въ бумажникъ. — Я пришелъ сегодня потому, что вы сами приказали прійдти послѣ вашего дебюта.

Магазинщикъ вышелъ, раскланиваясь.

— Ка̀къ вѣжливы здѣсь купцы! замѣтила Лола. — Но, что это не идетъ Леонъ Пилье? Ужь первый часъ.

Снова послышались три легкіе удара въ дверь.

— Наконецъ!

Лола еще не успѣла сказать: *entrez!*

— Не здѣсь ли живетъ Долорезъ Монтезъ! спросилъ вошедшій въ комнату мальчикъ.

— Что надо?

— Я прикащикъ отъ Марля, брильянтщика; онъ прислалъ вамъ счетъ взятыхъ вами драгоцѣнныхъ вещей и поручилъ мнѣ получить 870 франковъ.

— Скажите, что я сама къ нему зайду.

Мальчикъ, оставя счетъ, вышелъ. Только-что за нимъ затворилась дверь, какъ опять тукъ-тукъ-тукъ.

— *Entrez!*

Въ этотъ разъ явилась дама съ картономъ въ рукахъ.

— Отъ мадамъ Борень. Я принесла вамъ шляпку, которую вы ей заказывали.

— Поставьте... мнѣ теперь нѣкогда... Я занята... сказала Лола, начиная терять терпѣніе.

Модистка медлила, какъ-будто еще не кончила даннаго ей порученія.

— Мадамъ Борень проситъ васъ... не можете ли вы заплатить ей хоть половину вашего счета: ей очень-нужны деньги.

— Хорошо, завтра.

— Да они, кажется, всѣ сговорились! вскричала Лола съ сердцемъ, когда модистка вышла. — Я сказала имъ, что̀ расплачусь послѣ моего дебюта, но это не значитъ на другой же день. Мнѣ кажется, они могли бы подождать немножко, дать мнѣ опомниться.

Я смотрѣлъ на нее съ сожалѣніемъ, потому-что зналъ чѣмъ все это кончится, но прежде времени не хотѣлъ выводить ее изъ заблужденія, предоставляя это обстоятельствамъ.

Лола долго ждала директора. Прошелъ день, другой, а онъ все не являлся. Зато кредиторы не забывали ея и приходили или присылали безпрестанно за деньгами. Вѣроятно, молва о неудачѣ дебюта дошла до нихъ, и они начинали безпокоиться за свою собственность. Сначала они представлялись вѣжливо, просили, но потомъ сдѣлались докучливѣе и даже нѣкоторые изъ нихъ угрожали взъисканіемъ. А Леонъ Пилье все не являлся; Птипа также пересталъ къ ней ходить; всѣ друзья ея, встрѣчаясь всякій разъ въ дверяхъ съ недовольными фурнисёрами и, замѣтивъ на столѣ кучу неуплаченныхъ счетовъ, благоразумно исчезли, одинъ за другимъ, чтобы не подвергнуть своей дружбы испытанію и не заплатить за тотъ ужинъ, который они скушали съ такимъ аппетитомъ. Впрочемъ, можно ли ихъ за это осуждать? жизнь исполнена по-

добныхъ примѣровъ; это общій характеръ людей. Мы часто проходимъ равнодушно мимо истиннаго страдальца, которому для утѣшенія стоитъ только протянуть руку: какое же имѣла право на участіе Лола Монтезъ, эта искательница приключеній, которой было бы мало и крезова богатства? Она хороша, скажутъ мнѣ. Такъ; но посмотримъ, тронетъ ли чье-нибудь сердце это достоинство.

Спустя пять дней, Лола точно такъ же сидѣла на диванѣ, ожидая Леона Пилье, который не являлся. Передъ ней печально стоялъ знакомый намъ букетъ изъ камелій, уже поблекшій, вмѣстѣ съ надеждами Лолы, которыя также опадали одна за другой, какъ листочки цвѣтковъ. Но пылкое воображеніе Лолы все еще боролось съ дѣйствительностью, осаждавшею ее со всѣхъ сторонъ; самолюбіе не позволяло ей сознать настоящаго своего положенія.

— Странно, сказала она мнѣ:—Леонъ Пилье не приходитъ. Вѣрно, его кто-нибудь предупредилъ, что послѣ такого успѣха я не соглашусь заключить контракта за двадцать-пять тысячъ франковъ; онъ не хочетъ подать вида, что имѣетъ во мнѣ нужду. Нечего дѣлать, я бы теперь согласилась и за эту цѣну; мнѣ надоѣли фурнисёры: они не оставляютъ меня ни на минуту въ покоѣ; сегодня опять всѣ приходили. Не съѣздить ли мнѣ самой къ директору?

— Напишите ему, поспѣшилъ я сказать, пользуясь этимъ расположеніемъ духа, чтобъ раскрыть ей наконецъ глаза.

— Въ-самомъ-дѣлѣ, подхватила Лола, садясь за письменный столъ, съ той живостью, съ которой она принималась за исполненіе всякой новой мысли.

Вотъ что̀ она написала:

«Получая со всѣхъ сторонъ, послѣ моего дебюта, самыя выгодныя предложенія, особенно отъ директора Ковен-Гардена въ Лондонѣ, но не желая нарушить даннаго мною вамъ слова, я прошу васъ увѣдомить меня немедля, согласны ли вы заключить со мной контрактъ на тѣхъ условіяхъ, о которыхъ мы говорили.

«Лола Монтезъ.»

— Хорошо ли? спросила она, прочтя мнѣ письмо.

Несмотря на странность содержанія его, я не хотѣлъ отговаривать Лолу, увѣренный, что отвѣтъ Леона Пилье не замедлитъ вывести ее изъ заблужденія.

— Пошлите, отвѣчалъ я.

— Надѣюсь, что послѣ этого онъ явится, продолжала она, позвавъ свою горничную:—Бетти, отошли это письмо съ коммиссіонеромъ.

Такъ-какъ Леонъ Пилье жилъ близко отъ улицы Лафитъ, то коммиссіонеръ возвратился съ отвѣтомъ черезъ четверть часа.

— Отъ директора, сказала Бетти, подавая Лолѣ довольно-толстый пакетъ.

Лола выхватила его съ нетерпѣніемъ изъ рукъ горничной. Судя по судорожной поспѣшности, съ которою она сорвала печать, можно было подумать, что она ожидала найдти подъ оберткой пукъ банковыхъ билетовъ; но изъ нея выпало на столъ нѣсколько нумеровъ разныхъ газетъ.

— Что́ это значитъ? воскликнула удивленная Лола, перебирая ихъ; — журналы! Даже нѣтъ письменнаго отвѣта. Я не понимаю.

Я очень-хорошо понялъ, что отвѣтъ заключался въ фёльетонахъ. Развернувъ первый попавшійся подъ руки нумеръ, кажется, *Journal des Débats,* я прочелъ вслухъ слѣдующую статью:

«*Театральныя новости.* Въ среду 24-го января, мы присутствовали при дебютѣ Лолы Монтезъ въ Театрѣ Оперы. Отдавая полную справедливость красотѣ дебютантки, мы считаемъ долгомъ замѣтить, что она имѣетъ все, что̀ нужно, чтобы быть очаровательной танцовщицей: стройную талію, маленькую ножку, прекрасное личико, пріятную улыбку; но какъ надобно быть увѣренною въ своемъ талантѣ, чтобъ явиться передъ нашей избалованной публикой, на той сценѣ, гдѣ всякій вечеръ порхаетъ воздушная Карлотта! J. J.»

Эта статья Жюля Жанена была одна изъ самыхъ снисходительныхъ. Строгость сужденія была облечена въ такую деликатную форму, что ослѣпленная Лола не почувствовала съ перваго раза остраго лезвея этихъ выраженій, которыя даже льстили ея самолюбію; но всѣ прочіе фёльетоны высказывали

свое мнѣніе о дебютанткѣ прямо и рѣзко, не скрывали жестокости замѣчаній своихъ подъ риторическими цвѣтами, и ударяли какъ молотомъ по ея самолюбію, рвали его на части безъ сострадапія.

Вотъ одинъ изъ нихъ :

«Знаменитая наѣздница Лола Монтезъ, прискакавъ къ намъ изъ Гамбурга, попала, вѣроятно, ошибкой въ Оперу вмѣсто Цирка. Она танцовала на сценѣ, какъ можно танцовать только на сѣдлѣ. Подобнымъ образомъ дурачить публику непростительно. Директоръ театра, прежде нежели пустилъ Лолу на сцену, долженъ былъ бы посовѣтовать поучиться.»

— Вздоръ! клевета! низкая ложь! вскричала Лола внѣ себя, разрывая журналъ въ куски. — Это какая-нибудь закулисная интрига... зависть... Имъ досадно, что публика меня хорошо приняла... аплодировала мнѣ. Продажные писаки! я знаю, чего они хотятъ... я не заплатила имъ... имъ надо денегъ...

Лола бросалась изъ стороны въ сторону, какъ разъяренная тигрица, задыхаясь отъ гнѣва; глаза ея сверкали, пѣна клубилась изъ рота.

— Я проучу ихъ! прибавила она. — Я покажу имъ, ка̀къ со мною шутить!

Она была величественна и смѣшна въ своемъ гнѣвѣ.

— Успокойтесь, Лола, сказалъ я, когда первая вспышка прошла:—вы себя напрасно разстроиваете; здѣсь журналисты почти всегда, къ-несчастію, высказываютъ не мнѣніе публики, какъ бы это слѣдовало, а свое собственное, и такъ деспотически, съ такою увѣренностью, что приговоръ одного дѣлается часто общимъ. Самые извѣстные и любимые публикой артисты склоняются передъ критиками и платятъ имъ большія деньги, чтобъ они отзывались о нихъ съ похвалой.

— Да̀, я знаю, имъ надо денегъ, сказала Лола нѣсколько успокоившись, и сѣла на диванъ. Но едва она начала приходить въ себя, какъ новый ударъ нанесла ей жестокая судьба.

Бетти принесла письмо.

— Отъ кого?

— Отъ Птипа. Онъ принесъ его самъ.

— Гдѣ же онъ?

— Ушелъ.

Лола раскрыла письмо съ своимъ обыкновеннымъ нетерпѣніемъ; по-мѣрѣ-того, какъ она его читала, яркій румянецъ выступалъ на ея смуглое лицо, потомъ она вдругъ вскочила, несказавъ ни слова, схватила кинжалъ, лежавшій на этажеркѣ, и прежде нежели я успѣлъ опомниться, выбѣжала изъ комнаты въ своемъ пеньюарѣ, съ полураспущенными волосами. Я не могъ понять, куда она побѣжала. Чтобъ объяснить себѣ эту странную выходку, быть-можетъ, предупредить какое-нибудь несчастіе, я невольно пробѣжалъ оставленное на столѣ письмо.

Вотъ его содержаніе :

«Мой человѣкъ сказалъ мнѣ, что вы приходили ко мнѣ нѣсколько разъ и настоятельно требовали, чтобъ васъ впустили, несмотря на то, что меня не было дома. Для избѣжанія впредь подобныхъ сценъ, я вынужденнымъ нахожусь объявить вамъ разъ навсегда, что не могу принимать васъ у себя и давать вамъ танцовальные уроки; къ вамъ я также приходить болѣе не намѣренъ, и потому не трудитесь писать ко мнѣ : письма ваши будутъ вамъ возвращены нераспечатанныя, какъ и приложенное присемъ.

«Желаю вамъ имѣть болѣе успѣха тамъ, куда вы поѣдете, нежели здѣсь и проч.

«Птипа.»

Въ конвертъ было вложено нераспечатанное письмо.

На лѣстницѣ послышались шаги и голосъ мосьё Артюра:

— Полноте, Лола, не горячитесь, говорилъ онъ, входя въ первую комнату. — Можно ли бѣгать по улицѣ съ кинжаломъ! Вѣдь вы не въ Испаніи; у насъ за это сажаютъ въ тюрьму. Вы лучше подумайте, какъ бы заплатить счетъ вашъ госпожѣ Бель; вотъ ужь пятый разъ, какъ я къ вамъ прихожу.

— У меня нѣтъ денегъ, подождите, отвѣчала Лола.

— Подождите, подождите! да долго ли это будетъ? Вы сами назначили нынѣшній день. — Есть средство все устроить, Лола, продолжалъ мосьё Артюръ, смягчивъ голосъ и взявъ ея руку : — я уговорю мадамъ Бель принять отъ васъ заемное письмо на три мѣсяца, если вы...

Лола, въ негодованіи, топнула ногою.

— О, если такъ, вскричалъ мосьё Артюръ : — то это кончится худо, и я бы вамъ совѣтовалъ обратиться къ вашему сосѣду : онъ, кажется, васъ протежируетъ.

Онъ не замѣтилъ меня. Съ перваго раза, какъ я увидѣлъ этого человѣка, я получилъ къ нему антипатію.

— Вы не ошиблись, сказалъ я, выходя изъ спальни. — Сколько вамъ слѣдуетъ по счету?

— Шестьсотъ-пятьдесятъ франковъ, отвѣчалъ онъ, смутясь.

— Возьмите, сказалъ я и, отдавъ ему деньги, указалъ на дверь.

Мосьё Артюръ былъ столько же трусъ, сколько дерзокъ, Онъ не заставилъ себѣ повторить въ другой разъ одно и то же, и вышелъ, раскланиваясь и пятясь задомъ.

— Вы истинный другъ мой, воскликнула Лола, схвативъ мою руку.

— Я вамъ говорилъ, Лола, что самая нѣжная дружба требуетъ иногда матеріальныхъ доказательствъ, сказалъ я, улыбаясь. — Но если вы хотите доказать мнѣ вашу дружбу, сдѣлайте, что́ я васъ попрошу.

— Все, что хотите.

— У васъ еще много долговъ — посмотрите, сколько счетовъ; кредиторы не даютъ вамъ покоя; они могутъ ежеминутно принять строгія мѣры. Иностранцы здѣсь не пользуются правами жителей, и тогда, при всемъ моемъ желаніи, я не въ-состояніи буду помочь вамъ. Я здѣсь самъ человѣкъ чужой; состояніе мое въ Англіи; я получаю только то, что̀ мнѣ необходимо для жизни. Послушайтесь меня, уѣзжайте изъ Парижа; вы теперь ничего не должны въ отели; мадамъ Бель задержать васъ не можетъ. Поѣзжайте въ Лондонъ, въ Мадритъ, въ Нью-Йоркъ, куда хотите, но только не оставайтесь здѣсь. Въ этомъ нѣтъ ничего предосудительнаго: вы заплатите послѣ свои деньги; какая нужда подвергать себя преслѣдованію раздраженныхъ кредиторовъ?..

— А что̀ они могутъ мнѣ сдѣлать? спросила она, выслушавъ меня внимательно.

— Посадить васъ въ тюрьму, отвѣчалъ я прямо, чтобъ она скорѣй рѣшилась.

Средство это подѣйствовало на Лолу.

— Возможно ли? Я этого и не знала. Въ такомъ случаѣ, не надобно терять времени, сказала она съ безпокойствомъ.

— Бетти, укладывайся; мы ѣдемъ въ Лондонъ, скорѣй, скорѣй!

Бетти начала собирать вещи; но такъ-какъ она дѣлала это довольно-медленно, то нетерпѣливая Лола, на которую внезапно нашелъ паническій страхъ, помогала ей сама, комкая свои платья, шали, бѣлье и толкая ихъ въ безпорядкѣ въ ящики. Черезъ пять минутъ все было уложено. Остались только на столѣ счеты фурнисёровъ и завялый букетъ изъ камелій. Бетти привела съ улицы двухъ коммиссіонеровъ, чтобъ перенести вещи въ контору дилижансовъ. Лола торопила ихъ, прислушиваясь къ малѣйшему шуму; но лишь-только они взвалили чемоданы къ себѣ на спину, какъ вдругъ дверь растворилась. Передъ нами стоялъ какой-то господинъ въ поношенномъ гороховаго цвѣта пальто, съ лисьей физіономіей, рыжими волосами и портфёлемъ подъ мышкой. Изъ-за него, на лѣстницѣ, выглядывали еще двѣ подозрительныя фигуры.

Лола, которой воображеніе ужь было настроено на все ужасное, невольно вздрогнула.

— Вы дѣвица Долоресъ Монтезъ? спросилъ рыжій господинъ, болѣе для формы, потому-что, недожидаясь отвѣта, подошелъ прямо къ Лолѣ и развернулъ передъ ея глазами нѣсколько листовъ бумаги со штемпелемъ, изображавшимъ богиню Правосудія — этой сѣрой бумаги, употребляемой во Франціи во всѣхъ исковыхъ дѣлахъ и столь знакомой несостоятельнымъ должникамъ: она извѣстна подъ названіемъ *papier timbré*.

— Кредиторы ваши, продолжалъ рыжій человѣкъ: — довѣрили мнѣ получить съ васъ деньги за забранные вами у нихъ товары, а именно: г. Марле, брильянтщикъ, 785 франковъ, г. Делиль, содержатель магазина шелковыхъ и другихъ товаровъ, 3,440 фр.; г. Леклеръ, костюмеръ Театра Оперы, 323 фр., м-мъ Борень, модистка, 410 фр.; расходы по взысканію 143 франка 65 сантимовъ. Итото 5,101 фр. 65 сантимовъ.

Все это выговорилъ онъ однозвучнымъ голосомъ.

— Я завтра заплачу, отвѣчала наивно-смущенная Лола.

— Когда вамъ будетъ угодно, сказалъ рыжій господинъ, смотря съ недовѣрчивой улыбкой на уложенные чемоданы. — Но покамѣстъ, по силѣ статьи второй приложенія къ Кодексу касательно иностранцевъ, проживающихъ во Франціи, и по разрѣшенію президента Коммерческаго Трибунала, господина Дебелейма, вслѣдствіе жалобы вышеупомянутыхъ негоціантовъ, я долженъ васъ арестовать и пригласить васъ слѣ-

довать за мной въ Клиши. Я стряпчій (garde du commerce), прибавилъ онъ, вынимая изъ кармана трехцвѣтную палочку— знакъ его должности.

Лола устремила на меня умоляющій взоръ своихъ голубыхъ глазъ.

— Вы исполните свою обязанность; но вы, вѣрно, согласитесь, для пользы вашихъ довѣрителей, подождать здѣсь часа два, сказалъ я стряпчему, сунувъ ему въ руку луидоръ.

— Даже и больше, отвѣчалъ онъ, почувствовавъ въ рукѣ пріятную тяжесть благороднаго металла, который во всѣхъ странахъ имѣетъ одинаковое вліяніе на слабое сердце человѣка. Обязательный стряпчій расположился съ своими помощниками въ гостиной; разумѣется, онъ напередъ убѣдился, окинувъ обѣ комнаты своимъ рысьимъ взглядомъ, что изъ квартиры не было другаго выхода, какъ черезъ парадную лѣстницу.

— Намъ остается одно средство, сказалъ я Лолѣ, отведя ее въ спальню: — собрать всѣхъ вашихъ кредиторовъ и уговорить ихъ дать вамъ мѣсяцъ срока. Я готовъ поручиться за васъ, если это будетъ нужно; вотъ все, что̀ я могу теперь сдѣлать.

Видя во мнѣ свое единственное спасеніе, Лола слушала меня, какъ оракула, ощипывая безъ вниманія уцѣлѣвшія камеліи въ завяломъ букетѣ. Но, взглянувъ на него, я нечаянно, замѣтилъ, что, по мѣрѣ того, какъ листки опадали подъ судорожнымъ движеніемъ ея руки, между обнаженными стебельками показывалась какая-то свернутая бумажка. Я вспомнилъ, что букетъ этотъ былъ брошенъ на сцену въ день знаменитаго дебюта влюбленнымъ барономъ; въ тотъ вечеръ, на вопросъ мой, почему Лола узнаетъ, чья именно эта дань, Нѣмецъ отвѣчалъ мнѣ, что это его секретъ. Не объяснитъ ли теперь его скрытая между камеліями бумажка. Не записка ли это? Я указалъ Лолѣ на высунувшійся изъ букета уголокъ сложеннаго листа. Она выдернула его. Дѣйствительно. это было посланіе, написанное преуморительнымъ слогомъ. Вотъ его содержаніе:

«Очаровательная Лола!

«Я влюбленъ въ васъ до безумія, но до-сихъ-поръ не могъ «найдти случая сказать вамъ это *языкомъ;* у меня, впрочемъ, «не стало бы на это смѣлости; а потому я рѣшился написать

«къ вамъ эту записку и вложить ее въ букетъ, который я «бросаю къ ногамъ вашимъ вмѣстѣ съ моимъ сердцемъ.

«Баронъ К...»

Лола смѣялась отъ души, забывъ о своемъ несовсѣмъ-комическомъ положеніи.

— Вотъ пламенная любовь! сказалъ я ей, когда она прочла записку.

— Да̀, я давно замѣтила въ немъ что-то странное: онъ такъ пристально на меня смотрѣлъ, когда я выходила, я всегда встрѣчала его на лѣстницѣ...

Потомъ, какъ-будто счастливая мысль мелькнула въ головѣ ея:

— Говорятъ, онъ очень-богатъ, прибавила она и, нетеряя времени, позвала Бетти.

— Поди въ нумеръ барона К... и если онъ дома, попроси его ко мнѣ. Скажи, что я очень желаю его видѣть. Скорѣй, скорѣй!

Бетти недолго искала барона; она встрѣтила его на лѣстницѣ и привела безъ труда. Онъ вошелъ, раскланиваясь неловко.

— Вы меня любите? спросила Лола безъ приготовленій, показывая записку.

Баронъ, неожидавшій подобнаго вопроса, и видя, что хитрость его открыта, сталъ въ-тупикъ. Потомъ, отступивъ два шага назадъ, онъ положилъ руку на сердце и, собравшись съ духомъ, началъ формепное объясненіе, вѣроятно, выученное заранѣе на случай; но, пробормотавъ невнятно нѣсколько словъ, онъ сбился, и могъ только сказать: *О іа, шемъ фу поку.*

— Такъ дайте мнѣ 6,000 франковъ, сказала вдругъ Лола, протягивая руку.

Мой Нѣмецъ выпучилъ глаза отъ этого внезапнаго перехода.

— Шесть тысячъ франковъ! отвѣчалъ онъ, шаря въ карманахъ: — со мной только *дрей экю.*

— Этого мало. Если вы меня любите, то заплатите за меня вотъ этимъ господамъ, сказала она, выводя его въ гостиную, гдѣ дожидался стряпчій.—Я вамъ послѣ возвращу эту сумму.

— О! за вашу любовь, сказалъ сантиментальный сынъ Германіи, мое состояніе, мою жизнь, все...

— Скорѣй, скорѣй! прервала Лола, почти выталкивая его изъ комнаты.

Баронъ, въ припадкѣ своего восторга, побѣжалъ стремглавъ съ лѣстницы, вѣроятно, къ своему банкиру.

— Сама судьба посылаетъ вамъ этого благороднаго молодаго человѣка, сказалъ я Лолѣ.

— Жаль только, что онъ глупъ, отвѣчала она.

— Онъ влюбленъ, Лола!

— Не то, что вы, замѣтила она, улыбаясь. — Но, нѣтъ, простите меня; я не должна упрекать васъ; вы меня предупреждали, я васъ не слушала, и теперь, безъ васъ, Богъ-знаетъ, чѣмъ все бы это кончилось. Меня всѣ оставили, исключая васъ—я этого никогда не забуду. Не думайте, что у меня дурное сердце.

Потомъ, вынувъ изъ кармана небольшую книжку, она продолжала:

— Возьмите это, возьмите въ воспоминаніе вѣтренной Лолы, которая вамъ такъ надоѣла. Это нравоученія; до-сихъ-поръ я всегда носила ее при себѣ; мнѣ ее подарила моя мать... умирая...

На глазахъ ея навернулись слезы.

— Это должно быть для васъ дорого, Лола.

— Я попрошу васъ возвратить мнѣ книжку тогда, когда образъ жизни моей измѣнится. Сохраните ее.

— Съ этимъ условіемъ, я принимаю.

Книжка эта на испанскомъ и латинскомъ языкахъ, въ бархатномъ гранатнаго цвѣта переплетѣ, съ серебряными вызолоченными застежками и уголками, съ шифромъ L. M. и до-сихъ-поръ у меня хранится; на первой страницѣ есть надпись:

«El remedio de l'alma
à mi hija» (*).

Вотъ ужь восемь лѣтъ тому назадъ — а книжка все у меня. Странный залогъ дружбы отъ подобной женщины!

Въ тотъ день Лола Монтезъ, заплативъ свои долги, переѣхала на другую квартиру, въ сопровожденіи барона К...

(*) «Лекарство для души дочери моей.»

Привычки мои, прерванныя безпокойнымъ сосѣдствомъ, возвратились одна за другой, и все пошло постарому.

Черезъ недѣлю я получилъ слѣдующую записку :

«Мой лучшій другъ.

«Вы меня совсѣмъ забыли. Теперь я завожусь домомъ и «могу принять васъ у себя, какъ добрая хозяйка. Навѣстите «свою сосѣдку, которая васъ отъ души полюбила.»

«Лола.

«*Въ улицѣ Нотр-Дамъ-де-Виктуаръ.*»

Мнѣ было пріятно видѣть, что урокъ подѣйствовалъ на Лолу : я немедленно отправился къ ней.

Домъ, въ которомъ она наняла квартиру, имѣлъ весьма-опрятную наружность, какъ вообще всѣ недавновыстроенные домы въ улицахъ новаго Парижа.

— Долоресъ Монтезъ? спросилъ я у дворника.

— Въ третьемъ этажѣ, налѣво, отвѣчалъ онъ, осмотрѣвъ меня внимательно, какъ-бы желая судить о новой жилицѣ по первымъ ея посѣтителямъ.

Я поднялся въ третій этажъ по чугунной чистосодержанной лѣстницѣ, позвонилъ; Бетти отворила мнѣ дверь въ пріемную, въ которой не было ничего, кромѣ четырехъ стѣнъ.

«Она еще не успѣла мёблировать ее», подумалъ я; «нельзя же все вдругъ». Изъ пріемной Бетти ввела меня въ залу — та же пустота. Въ надеждѣ найдти наконецъ признаки жизни, я иду дальше. Въ третьей комнатѣ—назовемъ ее по порядку—гостиной, стояли только два плетеные стула, а на каминѣ я замѣтилъ большіе бронзовые часы, изображавшіе групу Лаокоона, съ двумя великолѣпными канделабрами по сторонамъ. Вещи эти, отличной работы *à la renaissance*, какія только можно найдти въ роскошныхъ жилищахъ, тѣмъ больше обращали на себя вниманіе, что во всей квартирѣ царствовала совершенная пустота, исключая двухъ плетеныхъ стульевъ, изъ которыхъ одинъ шатался.

— Гдѣ жь ваша сенора? спросилъ я горничную.

— Я сейчасъ доложу ей.

Лола, услыхавъ мой голосъ, выбѣжала изъ спальни — должно-быть спальни, потому-что сквозь растворенную дверь я видѣлъ кровать.

— Какое чудо! вскричала Лола, вы вспомнили старую сосѣдку. Какъ вы находите мою квартиру?

— Квартира чистая, отвѣчалъ я, осматривая пустыя стѣны.

— Это, вы видѣли? спросила она, указывая на гарнитуру камина.

— Что это такое?

— Это я мёблируюсь, завожусь хозяйствомъ.

— Вы начали съ того, чѣмъ бы слѣдовало кончить.

— Я вчера была у Сюсса̀: мнѣ такъ понравились эти часы!..

— А сколько это стоитъ?

— Недорого, восемьсотъ франковъ.

— Вы неисправимы, Лола или, лучше сказать, вы рождены съ тѣмъ, чтобъ получать сто тысячъ ливровъ дохода. Дай Богъ вамъ когда-нибудь имѣть ихъ; но до-тѣхъ-поръ вы можете опять задолжать. Что̀ вы будете тогда дѣлать?

— О, я найду средство! ко мнѣ всякій день приходитъ директоръ театра Портъ-Сен-Мартенъ; онъ уговариваетъ меня заключить съ нимъ контрактъ.

— Опять та же исторія!..

Видя, что никакая сила не можетъ укротить Лолу, это безпокойное созданіе, и что принимать въ ней участіе, давать ей совѣты — совершенно потерянный трудъ, я оставилъ ее на произволъ судьбы, такой же своенравной, какъ и она сама, пожелавъ ей отъ души счастія и успѣха во всѣхъ предпріятіяхъ.

Послѣ этого визита, я потерялъ совершенно изъ виду Лолу Монтезъ. Говорили, что она поступила въ балетную труппу театра Порт-Сен-Мартень; но всегда случалось такъ, что когда я туда заходилъ, она не танцовала.

Вѣроятно, я бы наконецъ совсѣмъ забылъ о моей прекрасной сосѣдкѣ, еслибъ, годъ спустя, одно происшествіе, надѣлавшее много шума въ Парижѣ, не вывело ея снова на сцену.

Вотъ что̀ я прочелъ однажды утромъ (12 марта 1845 года) въ *Journal Des Débats* :

«Сегодня утромъ, въ Булонскомъ Лѣсу близь Шато-Мад-«рита (*), г. Дюжарье, главный редакторъ журнала *La Presse*

(*) Извѣстная ресторація въ Булонскомъ Лѣсу.

«и г. Розомонъ-де-Бовалонъ, вышли на дуэль, по причинѣ со-«вершенно-чуждой политикѣ. Оружіемъ были пистолеты. Г. «Дюжарье выстрѣлилъ первый, г. де-Бовалонъ отвѣтилъ, и г. «Дюжарье былъ убитъ на мѣстѣ пулей въ голову. Говорятъ, «что г. Дюжарье, умѣвшій своими трудами пріобрѣсти до-«вольно-блестящее положеніе въ обществѣ, оставилъ духов-«ное завѣщаніе, въ которомъ, кромѣ родныхъ покойнаго, «участвуетъ извѣстная Лола Монтезъ.»

Г. де-Бовалонъ, по окончаніи слѣдствія, былъ преданъ уголовному суду. Дѣло это — цѣлый романъ, въ которомъ героиня наша играетъ второстепенную роль, а потому я умолчу о немъ. Если читатель желаетъ знать подробности этого происшествія, и почему Дюжарье не забылъ въ своемъ завѣщаніи Лолу, которая получила по окончаніи процеса тридцать тысячъ франковъ акціями театра Пале-Ройяля, то онъ можетъ прочесть современные журналы. Стенографы, присутствовавшіе при допросахъ, уловили и передали вѣрно каждое движеніе, каждое слово Лолы. Ихъ отчеты могутъ служить подтвержденіемъ многаго сказаннаго мною здѣсь объ этой странной женщинѣ.

Итакъ, Лола получила въ наслѣдство тридцать тысячъ франковъ. Впродолженіе нѣкотораго времени только и было слуха, что о причудахъ Лолы. Всякій день видѣли, какъ она прогуливалась по улицамъ Парижа въ легкомъ *купе*, останавливаясь передъ всѣми извѣстными магазинами или въ амазонкѣ, съ хлыстикомъ въ рукахъ, на арабскомъ конѣ галопировала, съ кавалькадой своихъ поклонниковъ въ Булонскомъ Лѣсу, проѣзжая не разъ, быть-можетъ, безъ вниманія по тому самому мѣсту, гдѣ недавно палъ Дюжарье. Лола вполнѣ удовлетворяла свои капризы; она вся была въ дорогихъ горностаяхъ, бархатѣ, кружевахъ, золотѣ. Продавалась ли какая-нибудь рѣдкая вещь, кто ее купилъ?— Лола. На публичныхъ балахъ, кто былъ лучше всѣхъ одѣтъ? — Лола. Давался ли обѣдъ въ какой-нибудь ресторацiи Пале-Рояля, кто былъ амфитріонъ? — Лола... Лола повсюду!

Но на подобную жизнь въ Парижѣ надолго ли станетъ тридцати тысячъ франковъ? Медленно собранные, быть-можетъ, тяжкими трудами, деньги эти, едва попались Лолѣ, вспыхнули какъ порохъ отъ прикосновенія ея руки: черезъ мѣсяцъ ихъ какъ не бывало; и, какъ почти всегда къ-несча-

стію случается, что тотъ, кто соритъ деньгами, пользуется большимъ кредитомъ, Лола, кромѣ своихъ денежныхъ расходовъ, не забывала забирать и насчетъ, гдѣ было можно; а потому, когда источникъ ея истощился, тридцати тысячъ франковъ не стало, у нея оказалось столько же долга; но она, вѣрно, помнила урокъ, полученный въ отели г-жи Бель, и чтобъ не попасть въ Клиши, Лола, прежде нежели кредиторы ея спохватились, продала свою мёбель и въ одно прекрасное утро исчезла изъ Парижа.

С. Бабушкинъ.

ПРОСЕЛОЧНЫЯ ДОРОГИ.

РОМАНЪ БЕЗЪ ИНТРИГИ.

Часть шестая и послѣдняя.

ГЛАВА XXXVI.

ЖАЛКІЕ КОМАРЫ И МОШКИ СТАРАЮТСЯ ЗАТМИТЬ ЛУЧЕЗАРНЫЙ БЛЕСКЪ ВЕЛИЧАВАГО СОЛНЦА. ВЕСЕЛАЯ ИГРА ВЪ ФАНТЫ ПОВЕРГАЮЩАЯ ОДНОГО ГОСПОДИНА ВЪ ГЛУБОЧАЙШЕЕ ОТЧАЯНЬЕ.

Въ то время, какъ Аристархъ Ѳедоровичъ разъѣзжалъ въ своей колякѣ, мысленно созерцая великую уѣздную драму, въ которой готовился играть роль тріумфатора, и въ то время, какъ умственный взоръ его, обнималъ безграничную панораму уѣзда съ его деревнями, селами, большими и проселочными дорогами, въ этомъ самомъ уѣздѣ ходили неблагопріятные слухи о томъ, что дѣла Аристарха Ѳедоровича разстроиваются, что... Ханскіе-Пруды перезакладываются и приходятъ въ упадокъ, что Аристархъ Ѳедоровичъ не платитъ своихъ долговъ, что сосѣдъ его, Порфирій Павловичъ Васильковъ, надняхъ еще, былъ жертвою несостоятельности Аристарха Ѳедоровича, и что та же самая несостоятельность отразилась жесточайшимъ образомъ въ поступкѣ великаго мужа съ дѣвицей Розаліей Владиміровной Сараманаевой и проч. и проч. и проч.

Всѣ эти сплетни — которымъ трудно пріискать названіе на языкѣ человѣческомъ, но которыя, тѣмъ неменѣе, подобно свирѣпому потоку, грозили затопить въ скоромъ времени весь уѣздъ — проистекали, однакожь, изъ очень-чистаго, свѣтлаго и мирнаго источника.

Источникомъ этимъ былъ маленькій, уютный и вполнѣ-живописный домикъ барышень Кокуркиныхъ.

Домикъ этотъ составлялъ честь, славу и украшеніе небольшой деревушки : Веселыя-Горки, принадлежавшей восьмерымъ владѣтелямъ, изъ которыхъ два, а именно: Кондей Ивановичъ Свищовъ и Проклъ Ивановичъ Полу́шкинъ, уже знакомы читателю. Благодаря своимъ одиннацати душамъ, барышни Кокуркины занимали въ Веселыхъ-Горкахъ самое видное, почетное мѣсто и составляли нѣкоторымъ образомъ центръ, вокругъ котораго любили группироваться нетолько владѣтели Веселыхъ-Горокъ, но даже бо̀льшая часть мелкихъ сосѣдей и сосѣдокъ ближайшихъ деревушекъ. Отличительное свойство трехъ сестеръ заключалось въ томъ, что онѣ никакъ не могли жить безъ гостей. Пріятная, веселая бесѣда была для нихъ такою же точно естественною потребностью, какъ вода для рыбы, воздухъ для человѣка. Земное существованіе Кокуркиныхъ, можно смѣло сказать, ограничивалось исключительно двумя цѣлями: принимать у себя гостей или самимъ ѣздить въ гости. Нельзя утверждать положительно, чтобъ такая потребность проистекала у Кокуркиныхъ единственно изъ любви, или сочувствія къ ближнему, или человѣчеству вообще. Если говорить правду, ближній, самъ-по-себѣ, занималъ даже ничтожное мѣсто въ сердцѣ трехъ барышень; на ближняго смотрѣли вообще какъ-то несовсѣмъ-доброжелательно и, при случаѣ, готовы были на него насплетничать, или, какъ говорится въ провинціи, обернуть къ нему слушателя лицомъ въ лѣсъ, а затылкомъ въ поле; но стоило ближнему лишь явиться къ барышнямъ въ качествѣ гостя, онъ дѣлался тотчасъ же въ ихъ глазахъ чѣмъ-то неприкосновеннымъ, ни-дать-ни-взять какъ у Арабовъ Большой Степи. Для гостя ничего не было дорогаго въ домѣ Кокуриныхъ. Его усаживали на лучшее мѣсто, истощали предъ нимъ весь запасъ привѣтливыхъ фразъ и любезностей и уступали ему самыя мягкія перины; все это подтверждается фактами; такъ, напримѣръ, въ домѣ находился

всего-на-все одинъ фаянсовый умывальникъ; совсѣмъ-тѣмъ драгоцѣнный этотъ предметъ роскоши поступалъ всегда въ полное, исключительное распоряженіе гостя; нѣсколько лѣтъ тому назадъ, сестры выстегали соединенными силами превосходнѣйшій ситцовый халатъ, предназначавшійся исключительно для тѣхъ особъ мужскаго пола, которыя случайно заночевывали подъ ихъ кровлею, и т. д. Чтожь касается собственно до угощенья, гостепріимство барышень не знало никакихъ предѣловъ и доходило часто до полнѣйшаго самоотверженія. Барышни слыли во всемъ уѣздѣ первыми мастерицами варить варенья, сберегать плоды на зиму, солить грузди и рыжики, дѣлать водицы, перегонять разныя сладкія, горькія, и болѣе или менѣе-желудочныя настойки; всего этого наготовляли онѣ великое множество. Кто бы повѣрилъ, однакожь, что во все продолженіе года хозяйки не прикасались ни къ одному грибку, не съѣдали ни одной ложки варенья? все сберегалось для гостей; сами Кокуркины пользовались мастерскими издѣліями своихъ рукъ тогда лишь, когда издѣлія эти оказывались неудачными или обнаруживали впослѣдствіи очевидную порчу. Послѣ всего сказаннаго, трудно было бы не остолбенѣть отъ удивленья, еслибъ въ маленькомъ домѣ Кокуркиныхъ оказался недостатокъ въ обществѣ.

Въ одинъ осенній, сырой вечеръ, общество барышень было какъ-то особенно-многочисленно. Къ этому, впрочемъ, сильнѣйшимъ образомъ способствовала веселая Вѣра Андреевна, та самая, что̀ похожа на откормленнаго дрозда, увеличеннаго въ полторы тысячи разъ; недовольствуясь тѣмъ, что въ домѣ ея находились ужь гости, она отправилась тотчасъ послѣ обѣда вербовать еще кой-кого изъ ближайшихъ сосѣдей. Цѣль ея была, разумѣется, достигнута: Вѣра Андреевна не замедлила вернуться домой въ-сопровожденіи двухъ дамъ: Капитолины Лукиничны Дядиньковой и Лукерьи Ѳоминичны Крепышовой. Нельзя сказать, чтобъ послѣдняя была драгоцѣннымъ пріобрѣтеніемъ для общества Кокуркиныхъ и особенно для Вѣры Андреевны, искавшей прежде всего въ гостяхъ своихъ ничѣмъ несокрушимой веселости. Лукерья Ѳоминична Крепышова была дѣва лѣтъ тридцати-двухъ, мрачнаго и крайне-несообщительнаго свойства; носилась достовѣрная молва, что она дала даже обѣтъ молчанія и приписывали такую рѣшимость, съ ея стороны, несчастной любви, приключившейся буд-

то бы десять лѣтъ тому назадъ. Лукерья Ѳоминична влюбилась, изволите видѣть, въ одного пріѣзжаго изъ столицы, который, какъ на зло, въ это самое время женился на одной богатой вдовѣ. Вотъ съ этой-то минуты, такъ по-крайней-мѣрѣ говорили, она замкнула свои уста и сердце. Не слѣдуетъ, однакожь, никакимъ образомъ не слѣдуетъ удивляться послѣ всего сказаннаго, что Лукерья Ѳоминична отказывалась съ той поры отъ многихъ выгодныхъ партій и упорствовала оставаться дѣвственницей. И въ-самомъ-дѣлѣ, странно было бы съ ея стороны и даже неумѣстно, выйдти за какого-нибудь жалкаго сосѣда — своего брата, тогда-какъ она питала ужь разъ въ душѣ слабую надежду быть столичной барыней. Все это было совершенно-справедливо; но было также справедливо и то, что другая дама, приглашенная Вѣрой Андреевной, представляла самый рѣзкій контрастъ съ Лукерьей Ѳоминичной. Капитолина Лукинична Дядинькова была живая, тороторливая вдова лѣтъ сорока, преисполненная юркости. Капитолина Лукинична принадлежала къ разряду дамъ съ весьма-обширными познаніями; ей было извѣстно въ совершенствѣ все то, что̀ за послѣднія десять лѣтъ совершилось въ Горшковкомъ Уѣздѣ; она проникала, казалось, въ сокровеннѣйшіе закоулки сердецъ самыхъ отдаленныхъ жителей губерніи; мельчайшія событія, случившіяся за пятьдесятъ верстъ и болѣе, были ей такъ же хорошо извѣстны, какъ-будто произошли передъ ея глазами; она все знала, и многіе помѣщики уѣзда не даромъ называли ее: «Горшковскимъ Вѣстникомъ». Наружность ея была, однакожь, обманчива — обманчива въ томъ именно смыслѣ, что не заставляла предполагать въ Капитолинѣ Лукиничнѣ съ перваго взгляда ничего особенно-геніальнаго. Все почти ограничивалось рыженькими веснушками, бойко-вздернутымъ носомъ и рыжими волосами, тщательно-гофрированными на вискахъ и подобранными на затылкѣ въ пучокъ, величиною съ грецкій орѣхъ. Но дѣло вовсе не въ наружности.

Капитолинѣ Лукиничнѣ стоило только показаться въ маленькой залѣ Кокуркиныхъ, гдѣ расположилось общество, чтобъ завладѣть нитью разговора; не прошло и пяти минутъ послѣ ея появленія, какъ она успѣла ужь затронуть за-живое почти всѣхъ присутствовавшихъ, сообщивъ имъ кучу но-

востей, изъ которыхъ весьма-многія имѣли самое-близкое отношеніе къ слушателямъ.

Надлежитъ теперь сказать два слова о томъ, гдѣ происходила бесѣда и кто такіе были присутствовавшіе.

Бесѣда происходила въ небольшой низенькой комнатѣ о двухъ окнахъ, обставленной кругомъ сосновыми стульями, выкрашенными темною краской; стѣны, выбѣленныя мѣломъ, не представляли рѣшительно никакихъ украшеній, если не взять въ разсчетъ темныхъ кружковъ, находившихся немного-повыше спинокъ стульевъ и отпечатанныхъ напомаженными затылками нѣсколькихъ сотенъ гостей. Это была зала, куда преимущественно собиралось общество, ибо въ гостиной съ большимъ трудомъ умѣщались четыре человѣка.

У перваго окна, недалеко отъ двери передней, сидѣла Варвара Андреевна — старшая Кокуркина; противъ нея находился овальный столъ, заставленный тарелками съ вареньемъ, мочеными яблоками и калеными орѣхами; вокругъ стола располагались слѣдующія замѣчательныя особы : на самомъ почетномъ мѣстѣ, подлѣ Варвары Андреевны, сидѣла Капитолина Лукинична и рядомъ съ нею молчаливая Лукерья Ѳоминична Крепышова; къ нимъ примыкала веселая, цвѣтущая Вѣра Андреевна, первая хороводница, первая затѣйница всѣхъ возможныхъ увеселеній и первая танцовщица своего уѣзда. Насупротивъ, по ту сторону стола, располагался Павелъ Павловичъ Чибезовъ, мужъ хорошенькой дочери Фукола Ивановича, мастеръ сочинять замысловатыя исторіи юмористическаго свойства и писать экспромтомъ стихи и басни. То былъ господинъ лѣтъ тридцати-пяти, небольшаго роста съ физіономіей, преисполненной необычайнаго движенія даже тогда, когда онъ ничего не говорилъ; лицо его было, казалось, исключительно составлено изъ однихъ лишь черныхъ, прыгающихъ, свѣтящихся глазъ и блестящихъ зубовъ; тщедушно-хрупкіе члены господина Чибезова и зеленоватая, болѣзненная блѣдность лица его заставляли предполагать, что онъ опорожнилъ въ молодости своей безчисленное множество стклянокъ съ декоктомъ и разными другими цѣлебными специями; хриплый, шипящій голосъ его подтверждалъ краснорѣчивѣйшимъ образомъ такое предположеніе; подлѣ Чибезова сидѣлъ Аполлонъ Егоровичъ Дрянковъ, творецъ «Непризнанной Индѣйки», извѣстный ужь

теперь нетолько читателю, но даже всякому мало-мальски знающему грамотѣ. У втораго окна сидѣла стыдливая, застѣнчивая Надежечка Кокуркина и подлѣ нея, на разстояніи четверти аршина, красовался сердобольный Порфирій Павловичъ Васильковъ; огромные глаза, составлявшіе исключительную принадлежность Василькова, страстно впивались въ опущенныя рѣсницы Наденьки, тридцати-пяти лѣтняя грудь которой обозначала неописанное волненіе. Въ маленькой залѣ находилось еще одно существо, никѣмъ незамѣченное, никому, повидимому, ненужное, но которое мы ни подъ какимъ видомъ не можемъ пропустить отъ вниманія читателя; существо это— Прокисай Захаровичъ Копковъ, бѣдный проживальщикъ Ханскихъ-Прудовъ, обратившій, какъ говорилъ Аристархъ Өедоровичъ, Фіону Ивановну въ *страдательный глаголъ,* и самъ, въ свою очередь, обращенный въ тотъ же страдательный глаголъ невозмутимою холодностью младшей Кокуркиной. Прокисай Захаровичъ былъ вовсе не изъ числа тѣхъ людей, которые рвутся напроломъ и бушуютъ подобно огнедышащей горѣ, какъ-скоро страсть закрадывается въ ихъ душу; совсѣмъ нѣтъ! Прокисай Захаровичъ могъ бы страдать молча и безропотно десять, двадцать лѣтъ, еслибъ, напримѣръ, сказали ему, что, по прошествіи этого срока, сердце обожаемой имъ особы забьется исключительно для него одного; но присутствіе такого страшнаго соперника, каковъ былъ Порфирій Павловичъ, и очевидные успѣхи, какіе дѣлалъ этотъ соперникъ въ сердцѣ Наденьки, отнявъ у Прокисая Захаровича всякую надежду, сразили его окончательно. Ему оставалось только сидѣть въ почтительномъ разстояніи у двери и дѣлать безотрадныя наблюденія надъ счастливою четою. По-мѣрѣ-того, какъ пространство между Васильковымъ и Наденькой сокращалось, лицо Прокисая Захаровича становилось длиннѣе и выражало всѣ признаки глубочайшаго отчаянія; нѣтъ сомнѣнія, что оно обратило бы на себя вниманіе присутствовавшихъ, еслибъ взоры ихъ не были обращены въ настоящую минуту на лицо Аполлона Егоровича, которое было почти такъ же мрачно и длинно, какъ лицо Прокисая Захаровича.

— Полноте, Аполлонъ Егорычъ, какъ вамъ не стыдно огорчаться такими пустяками; вы человѣкъ умный; къ тому же, никто, разумѣется, не повѣритъ этому, говорила разсудительно-спокойнымъ тономъ старшая Кокуркина. — Капито-

лина Лукинична, Лукерья Ѳоминична, сдѣлайте милость, крыжовничку, неожиданно заключила она, поднося двумъ сосѣдкамъ тарелку съ вареньемъ.

— Нѣтъ, знаете, Варвара Андревна, это... это просто возмутительно! воскликнулъ Дрянковъ, нетерпѣливо проводя рукою по вихрамъ своимъ.

— Ну, вотъ, есть чѣмъ возмущаться! живо подхватила средняя сестра: — говорятъ вамъ, никто этому не повѣритъ: слава-Богу, неужто вамъ этого недовольно! Полно вамъ въ-самомъ-то дѣлѣ хмуриться; всякій знаетъ, что Бобоховъ лгунъ, хвастунъ... и больше ничего!

— Я готовъ подтвердить это тысячью исторій, тысячью фактовъ! энергически замѣтилъ Чибезовъ, поспѣшно вынимая изо рта чубукъ и окидывая быстрымъ взглядомъ присутствовавшихъ.

— Нѣтъ, какъ хотите, это... это просто возмутительно! повторилъ мрачный Аполлонъ Егоровичъ.

— Послушайте, Аполлонъ Егорычъ, начала, въ свою очередь, рыженькая Капитолина Лукинична, которая, нужно замѣтить, была единственной виновницей отчаянныхъ выходокъ и злобнаго выраженія, отпечатаннаго на лицѣ знаменитаго повѣствователя: — послушайте: я передала вамъ только то, что говорила мнѣ вчера жена горшковскаго аптекаря и еще кое-кто изъ общихъ нашихъ знакомыхъ; за вѣрность слуховъ я не ручаюсь; очень-можетъ быть, что Бобоховъ и не думалъ даже распространять слухи, будто помогалъ вамъ писать ваше сочиненіе... не правда ли, Лукерья Ѳоминична?

Лукерья Ѳоминична Крепышова была истиннымъ другомъ Капитолины Лукиничны, что̀ и явствуетъ изъ того, что исторія ея любви извѣстна была всему уѣзду; сверхъ-того, Капитолина Лукинична жила нахлѣбахъ у Лукерьи Ѳоминичны, и это послѣднее обстоятельство, взятое вмѣстѣ съ упорною молчаливостью истиннаго друга, доказываетъ, почему Капитолина Лукинична обращалась преимущественно къ г-жѣ Крепышовой въ тѣхъ случаяхъ, когда надлежало возбудить къ себѣ довѣріе посторонняго лица.

Приведенная въ крайнюю необходимость удовлетворить отвѣтомъ свою нахлѣбницу, Лукерья Ѳоминична сказала:

— Да̀. . конечно... и снова погрузилась въ молчаніе.

— Извольте видѣть, и Лукерья Ѳоминична то же говоритъ! живо подхватила Капитолина Лукинична, разводя руками передъ Дрянковымъ.

— Помилуйте, Капитолина Лукинична, за кого же вы меня принимаете? за олуха, непонимающаго даже тѣхъ людей, посреди которыхъ привелось ему жить?.. нетерпѣливо воскликнулъ Дрянковъ: — я слишкомъ-хорошо знаю Бобохова, и вѣрю, что онъ въ-состояніи сказать, будто помогалъ мнѣ писать повѣсть! О, вы не знаете, отъ него все можно ожидать!

— Я, съ своей стороны, готовъ подтвердить это тысячью исторій и сотнями фактовъ! подтвердилъ еще энергичнѣе Чибезовъ.

— Тсс... что̀ же это такое? господа... Павелъ Павлычъ... оставьте все это; вотъ варенье, вишня, крыжовникъ; Аполлонъ Егорычъ, возьмите моченое яблоко и забудьте все это... Капитолина Лукинична, Капитолина Лукинична, охота была вамъ заводить рѣчь объ этомъ! заговорили въ одинъ голосъ старшія Кокуркины.

— Извольте, чтобъ доставить вамъ удовольствіе, я возьму яблоко, но ужь извините меня, если я повторю, что Бобоховъ лгунъ, нестоящій вниманія!.. въ этомъ не сомнѣвается и, конечно, не можетъ сомнѣваться ни одинъ порядочный человѣкъ!.. Да вотъ, чего же лучше, подхватилъ Аполлонъ Егоровичъ, поворачиваясь неожиданно ко второму окну: — Порфирій Павлычъ служилъ съ нимъ когда-то и можетъ подтвердить вамъ слова мои...

Порфирій Павловичъ быстро оторвалъ глаза свои отъ рѣсницъ Надеженьки, еще быстрѣе откинулся въ сторону и закинулъ правую ногу на лѣвую:

— Виноватъ, сказалъ онъ съ безпечною веселостью:—виноватъ, я не вслушался хорошенько...

— Дѣло идетъ о Бобоховѣ, лгунъ онъ или нѣтъ? нетерпѣливо возразилъ Дрянковъ.

— Да̀... конечно... если хочешь... но, впрочемъ, надо судить съ точки... я не видался съ нимъ почти съ того времени, какъ полкъ нашъ стоялъ на травяномъ продовольствіи...

Сказавъ это, Порфирій Павловичъ окинулъ разсѣяннымъ взглядомъ присутствовавшихъ и убѣдившись, что Дрянковъ, а за нимъ и всѣ остальные, сѣли къ нему кто бокомъ, кто

спиною, снова припалъ къ туго-напомаженной головѣ Наденьки, причемъ лицо его приняло мгновенно такое разслабленное, тающее выраженіе, какъ-будто превратилось въ воскъ, а голова собесѣдницы — въ ярко-пылающую печку.

— Да̀, барышни, вы правы, совершенно-правы, говорилъ между-тѣмъ Аполлонъ Егоровичъ, постепенно воодушевляясь: — дѣйствительно было бы смѣшно, скажу болѣе: было бы глупо и безразсудно съ моей стороны возмущаться словами какого-нибудь Бобохова — словами, порожденными мелочною завистью, хвастовствомъ и злобою... Бобоховъ! безграмотный Бобоховъ помогалъ мнѣ! Хорошъ сотрудникъ, нѐчего сказать! Съ такимъ помощникомъ я, вѣрно, не получилъ бы пяти тысячъ за мою «Непризнанную Индѣйку»!..

— Пять тысячъ! воскликнула съ изумленіемъ Варвара Андреевна.

— Пять тысячъ! подхватила Вѣра Андреевна, всплеснувъ руками.

— Пять тысячъ! повторила Капитолина Лукинична Дядинькова, откидываясь на спинку стула и вперяя удивленные глазки на Аполлона Егоровича, который смѣло встрѣтилъ направленные на него взгляды и значительно раздулъ ноздри.

— Помилуйте, mesdames, что жь тутъ такого удивительнаго, сказалъ съ необычайною живостью г. Чибезовъ: — я могу привести вамъ, если хотите, тысячу фактовъ, изъ которыхъ вы увидите, что сочинители получаютъ даже больше пяти тысячъ! Былъ у меня одинъ пріятель, который получилъ разъ восьмнадцать тысячъ; другой получилъ десять тысячъ, третій... все это, какъ честный человѣкъ, ничего не значитъ! примолвилъ онъ, съ видомъ знатока: — главное дѣло, сударыни, не въ деньгахъ, продолжалъ г. Чибезовъ, приводя въ движеніе тощіе мускулы своего лица: — совсѣмъ не въ деньгахъ! Я знаю навѣрное и даже могу разсказать вамъ сотню исторій, которыя покажутъ, что нѣтъ на свѣтѣ такого сочинителя, который не былъ бы душевно радъ отдать даромъ свое произведеніе. Главная цѣль вдохновеннаго человѣка — слава, извѣстность. Я сужу по себѣ. Еслибъ я написалъ какое-нибудь дивное твореніе и мнѣ сказали бы: возьми мильйонъ съ тѣмъ, что сожгутъ твое твореніе и разлучатъ тебя со славой, я отказался бы напрямикъ, какъ честный человѣкъ, отказался бы! Я увѣренъ, что Аполлонъ Егорычъ, какъ человѣкъ

съ вдохновеніемъ, раздѣляетъ мое мнѣніе! довершилъ Чибезовъ, задыхаясь отъ черезчуръ-сильнаго напряженія ввалившейся груди его и пересохнувшаго горла.

Во время этого жаркаго монолога, прерываемаго такими быстрыми движеніями глазъ, рукъ и ногъ, какъ-будто Чибезовъ защищался отъ цѣлаго легіона непріятелей, Аполлонъ Егоровичъ расправлялъ вихры и неистово раздувалъ ноздри; съ окончаніемъ монолога, Дрянковъ кашлянулъ, гордо обвелъ глазами присутствовавшихъ и, положивъ коренастую ладонь на руку собесѣдника, произнесъ съ чувствомъ:

— Благодарю васъ, Павелъ Павлычъ, вы меня поняли!

Тутъ Аполлонъ Егоровичъ обратился къ дамамъ и выразивъ на лицѣ своемъ скромную улыбку, принялся распространяться о колоссальномъ успѣхѣ «Непризнанной Индѣйки», успѣхъ которой, если вѣрить словамъ даровитаго автора, вознаградилъ его вполнѣ за всю горечь, испытанную имъ во время долгаго, тернистаго литературнаго поприща. Аполлонъ Егоровичъ привелъ въ справедливое изумленіе своихъ слушателей разсказами о томъ, какъ общество писателей, незная чѣмъ высказать свою признательность творцу «Непризнанной Индѣйки» поднесло ему собраніе сочиненій всѣхъ членовъ общества, и въ подтвержденіе сказаннаго, выбѣжалъ изъ залы, порылся минутъ пять въ чемоданчикѣ и возвратился съ брошюрками: «Пелопонезо-таврическихъ Мелодій», «Заоблачныхъ Трель» и проч. и проч. Затѣмъ Аполлонъ Егоровичъ передалъ вѣрно и подробно о томъ, какъ не было ему рѣшительно никакого прохода въ Петровскомъ Паркѣ, какъ поминутно дребезжала въ ушахъ его собственная его фамилія, произносимая сотнями голосовъ, какъ многія знатныя дамы, завидя его издали, останавливали свои кареты и восторженно направляли на него лорнетки; какъ редакторы всевозможныхъ газетъ и журналовъ убѣждали его подарить имъ нѣсколько драгоцѣнныхъ строчекъ, предоставляя на его волю выборъ сюжета и вмѣстѣ съ тѣмъ, предоставляя ему назначить за свой трудъ какія угодно условія. Предшествовавшія слова Дрянкова могли возбуждать недовѣріе, но это послѣднее доказательство успѣха его повѣсти мигомъ разсѣяло всѣ сомнѣнія, и съ этой минуты на него стали смотрѣть какъ на что-то выходящее изъ разряда обыкновенныхъ смертныхъ.

— И послѣ этого вы можете огорчаться тѣмъ, что̀ говоритъ какой-нибудь Бобоховъ! воскликнули въ одинъ голосъ присутствовавшіе, за исключеніемъ несчастнаго Прокисая Захаровича, который сидѣлъ попрежнему у двери и продолжалъ наблюдать съ отчаянно-зловѣщимъ видомъ Василькова и Надеженьку.

Внезапно Павелъ Павловичъ Чибезовъ, ходившій быстрыми шагами по залѣ, подбѣжалъ къ столу съ вареньемъ и, размахивая руками, проговорилъ съ необычайнымъ воодушевленіемъ:

— Конечно, Аполлонъ Егорычъ не долженъ огорчаться словами этого Бобохова; но, во-всякомъ-случаѣ, какъ честный человѣкъ, слѣдуетъ проучить Бобохова!.. У меня блеснула счастливая мысль!.. Я сейчасъ сочинилъ нѣсколько стиховъ на Бобохова! Мы перепишемъ эти стихи, запечатаемъ ихъ въ пакетъ и пошлемъ въ Голодаевку отъ неизвѣстнаго—превосходно! Итакъ, знаете, случайно, неожиданно, блеснула такая мысль... право даже странно какъ-то...

— Что вы! что вы, Павелъ Павлычъ! какъ, вотъ въ это время?.. въ одну минуту какую-нибудь вы успѣли сочинить?! сказала всплеснувъ руками Вѣра Андреевна.

— Да-съ, у меня, знаете, все это вдругъ! возразилъ Чибезовъ, заливаясь самодовольнымъ смѣхомъ, причемъ глаза его засверкали еще пуще прежняго: — такъ, знаете, со мной всегда бываетъ: и не думаешь, вдругъ засверкаютъ мысли! Иногда ночью, знаете, спишь, вдругъ мысль! бужу жену: «садись, говорю, пиши подъ диктовку»; закуриваю трубку, хожу по комнатѣ... не успѣваетъ записывать...

— Ахъ! Боже мой, вотъ ужь подлинно-то, талантъ!..

— Ха, ха, ха, ха!.. а... а... залился Чибезовъ, сверкая восторженно глазами.

— Такъ что̀ же вы такое сочинили на Бобохова, Павелъ Павлычъ? скажите намъ, скажите... ахъ какъ это весело и пріятно! нетерпѣливо проговорила Вѣра Андреевна.

Павелъ Павловичъ не заставилъ себя дожидаться; онъ отпрянулъ шагъ назадъ, кашлянулъ, и, устремивъ на присутствовавшихъ быстрые глаза, въ которыхъ сверкали молніи, произнесъ безъ одышки — и съ такою поспѣшностью, что слышались только окончанія словъ — слѣдующіе стихи:

Въ Перми разъ жилъ съ румяною женою
Богатый, удалой купецъ.
Онъ торговалъ желѣзною рудою,
И прижилъ сына наконецъ!..
. . . .

— Ахъ какъ мило! Какой умъ! И какъ это все скоро! Прекрасно! Прекрасно! воскликнули дамы, когда импровизаторъ запнулся и остановился.

— Когда я расположенъ, клянусь вамъ, это у меня всегда такъ бываетъ! сказалъ Чибезовъ, одолѣваемый хриплымъ кашлемъ. — Итакъ, Аполлонъ Егорычъ, мы спишемъ эти стихи и пошлемъ ихъ къ Бобохову.

— Завтра же. Благодарю васъ...

— О, это будетъ ему горче ревеню; ручаюсь, ночь не будетъ спать!

— Бѣдный Бобоховъ!

— Ахъ, несчастный!

— Впрочемъ, клянусь честью, онъ этого вполнѣ заслужилъ.

— Сплетникъ и негодяй! подхватилъ Дрянковъ: — хуже всего то, что сплетни, распускаемыя имъ на мой счетъ, могутъ дойдти до Балахнóва... вотъ это-то, признаться, болѣе всего меня и возмущаетъ.

— Отчего-жь такъ?

— Балахнòвъ чувствовалъ ко мнѣ всегда и постоянно непримиримую ненависть, гордо сказалъ Дрянковъ: — я никогда не льстилъ ему, не покланялся и всегда говорилъ правду въ глаза. Онъ будетъ очень-радъ воспользоваться сплетнями этого Бобохова, чтобъ повредить мнѣ въ мнѣніи людей, которые, изъ угожденія ему, никогда не отдавали мнѣ должной справедливости...

— Пускай это случится, я буду очень-радъ, вскричалъ Чибезовъ: — у меня, клянусь честью, давно вертится въ головѣ басня на Балахнòва... Пускай онъ только попробуетъ оклеветать Аполлона Егорыча, мы пошлемъ ему эту басню!

— О, какой вы злой, Павелъ Павлычъ!.. Съ вами, просто, опасно быть знакомымъ... Вы, чего добраго, и на насъ напишете что-нибудь... произнесли старшія Кокуркины.

— На этотъ счетъ, барышни, вы можете быть спокойны! возразилъ съ горячностью Чибезовъ: — особы, которыхъ я люб-

лю и уважаю, никогда не будутъ предметомъ моего пера!.. Господинъ Балахнòвъ совсѣмъ-другое... я давно ищу случая запустить шпильку господину Балахнòву.

— За что же такъ?..

— У меня найдется на этотъ счетъ тысяча причинъ и исторій!..

— И у меня также! мрачно замѣтилъ Дрянковъ.

— Полноте, полноте, господа! Вы, право, кажется, слишкомъ ужь нападаете на Аристарха Өедорыча! весело воскликнула Вѣра Андреевна: — Аристархъ Өедорычъ... конечно, гордъ... но... разумѣется... если хотите... но во всякомъ случаѣ онъ прелюбезный человѣкъ и въ его домѣ очень-пріятно... онъ очень, очень-милый человѣкъ...

— Гм! гм! произнесла Капитолина Лукинична сомнительнымъ тономъ.

Взоры всѣхъ устремились мгновенно на Капитолину Лукиничну, но она сдѣлала видъ какъ-будто ничего не замѣчаетъ и, глядя въ окно, разглаживала весьма-усердно гофрированные бандо рыженькихъ волосъ своихъ.

— Конечно, Аристархъ Өеодорычъ премилый человѣкъ, продолжала неувѣреннымъ голосомъ толстая Вѣра Андреевна: — а впрочемъ, я не знаю, можетъ-быть, съ нимъ случилось еще что-нибудь, можетъ-быть, это из-вѣ-стно Капитолинѣ Луки-нич-нѣ?..

— Какъ мнѣ? отчего же мнѣ именно? сказала Капитолина Лукинична голосомъ невинности: — я ничего не знаю, право ничего...

— Полноте, полноте, голубушка Капитолина Лукинична, этого быть не можетъ, вы все знаете!..

— Ей-Богу же ничего не знаю! съ увѣренностью возразила Капитолина Лукинична: — я полагаю, что вамъ, Варвара Андревна, и вамъ, Вѣра Андревна, извѣстно болѣе моего: вы такъ часто бываете въ Ханскихъ-Прудахъ. Я знаю только то, чтó знаютъ всѣ, весь уѣздъ, вся губернія.

— Что же такое? спросили присутствовавшіе, придвигаясь ближе.

— Не знаю, вѣрить ли этому. Говорятъ, будто Аристархъ Өедорычъ, въ бытность свою въ Москвѣ, перезаложилъ Ханскіе-Пруды, и теперь у него ничего не остается, кромѣ неоплатныхъ долговъ...

— Это такъ вѣрно, сударыня, воскликнулъ Дрянковъ: — такъ вѣрно (вы знаете, дѣла Балахнòва извѣстны мнѣ какъ свои пять пальцевъ); не даромъ прожилъ я въ его домѣ почти четыре года! Да-съ, съ минуты-на-минуту надо ожидать его гибели... помяните меня, если черезъ нѣсколько мѣсяцевъ не пуститъ онъ по міру жену и дѣтей...

— Охъ! вздохнули всѣ дамы, неисключая даже безсловесной Крепышѐвой.

— Человѣкъ, безъ чувства и сердца! неистово прокричалъ пылкій Чибезовъ.

— Главное дѣло еще не въ томъ-съ! продолжалъ Дрянковъ съ возраставшимъ жаромъ: — главное дѣло въ томъ, что онъ предательскимъ образомъ вовлекъ въ свои запутанныя обстоятельства многихъ изъ бывшихъ его друзей... Да вотъ чего же лучше, вотъ вамъ живая жертва балахнòвскаго пронырства, спросите его... подхватилъ Дрянковъ, неожиданно поворачиваясь къ Василькову, который быстро оторвалъ глаза отъ рѣсницъ Надеженьки, обдернулъ жилетъ и привсталъ съ мѣста.

— Виноватъ, сказалъ Порфирій Павловичъ, разсѣянно взбивая свои волосяныя пряди: — виноватъ, я не вслушался хорошенько...

— Я хотѣлъ напомнить этимъ дамамъ твою исторію съ Балахнòвымъ...

— Дà, Аристархъ Ѳедорычъ обошелся со мной вовсе не подружески, проговорилъ Порфирій Павловичъ, мысли и чувства котораго были заняты въ это время одною Надеженькой.

— А что̀ вы скажете, напримѣръ, объ исторіи съ Сарамаевой? продолжалъ Дрянковъ съ торжествующимъ видомъ.

— Ахъ дà, ужасная исторія! подхватили дамы.

— Черная исторія! воскликнулъ Чибезовъ, вызывая на лицѣ своемъ цѣлый рядъ неистово-рѣзкихъ выраженій.

— Дà, Аристархъ Ѳедорычъ поступилъ съ Розаліей Владиміровной несовсѣмъ-благородно...

— Скажите: низко, отвратительно! снова воскликнулъ нервозный Чибезовъ, размахивая руками съ такою быстротою, какъ-будто Аристархъ Ѳедоровичъ стоялъ передъ нимъ и онъ принялъ твердое намѣреніе разбить его въ-дребезги.

— Скажите пожалуйста, что̀ же будетъ теперь дѣлать Лизавета Семеновна?..

— Я вамъ говорю: пойдетъ по міру...

— Охъ! простонала Варвара Андреевна.

— Бѣдная, несчастная Лизавета Семеновна! сказала Вѣра Андреевна съ такимъ чувствомъ, какъ-будто Балахнòва была сто разъ ея сестрою.

— Говорятъ, однакожь, будто... пробормотала несвязно Капитолина Лукинична.

— Что такое?..

— Нѣтъ... такъ... я хотѣла спросить про Карачаева...

— Вы развѣ слышали что-нибудь?..

— Нѣтъ, право ничего... я хотѣла только спросить: правда ли, что Карачаевъ жилъ въ Ханскихъ-Прудахъ въ то время, какъ Аристархъ Ѳедорычъ былъ съ вами въ Москвѣ?

— Правда, совершенная правда-съ. Повѣрьте мнѣ: Балахнòву совершенно все-равно!.. Онъ давно принесъ Лизавету Семеновну въ жертву своему эгоизму. Да вотъ, Варвара Андреевна знаетъ какова ея жизнь...

— Охъ! простонала вмѣсто отвѣта Варвара Андреевна, возводя глаза къ потолку.

— Что до меня касается, сказала средняя Кокуркина, — я сожалѣю болѣе-всего о дѣтяхъ. Скажите пожалуйста: чѣмъ виноваты невинныя малютки?..

— Бѣдныя дѣти! сказала со вздохомъ Варвара Андреевна.

— Жалкія малютки! подхватила Капитолина Лукинична.

— Достойныя всякаго состраданія сироты! произнесъ, въ свою очередь, Дряпковъ.

— Нѣтъ, скажите лучше: несчастныя дѣти! воскликнулъ съ отчаяньемъ Чибезовъ: — несчастныя дѣти!..

— Именно такъ: несчастныя и вполнѣ несчастныя дѣти! подтвердили въ одинъ голосъ всѣ присутствовавшіе.

ГЛАВА XXXVII,

СЛУЖАЩАЯ ПРОДОЛЖЕНІЕМЪ ПРЕДШЕСТВУЮЩЕЙ.

Вмѣстѣ съ этимъ восклицаніемъ, въ которомъ весьма-легко могли прозвучать двѣ-три ноты истиннаго соболѣзнованія о судьбѣ дѣтей Балахнòва, въ залѣ показалась горничная, извѣстная въ Веселыхъ-Горкахъ подъ названіемъ: «Агашеньки». Горничная эта, дочь мрачнаго Кузьмы, кучера Кокуркиныхъ.

Бѣлокурорыжеватые волосы Агашеньки были тщательно расчесаны, намасляны и прилизаны; но голова ея, сверкавшая какъ полированное золото, далеко не соотвѣтствовала, однакожь, затасканному платью изъ скромной полосушки, которое, въ свой очередъ, окончательно уже не могло соотвѣтствовать обуви, состоявшей исключительно изъ однихъ толстыхъ, шерстяныхъ чулковъ, прорванныхъ на пяткахъ. Агашенька могла такимъ-образомъ напоминать въ цѣломъ одну изъ аллегорическихъ статуй древности, у которой голова была золотая, туловище желѣзное, а ноги глиняныя. Агашенька, не мѣшаетъ замѣтить, ходила бо́льшею-частью босикомъ; чулки надѣвались тогда лишь, когда предстояло являться въ залѣ или гостиной, чтобъ, вопервыхъ, соблюсти приличіе, вовторыхъ, сохранить полъ въ надлежащей чистотѣ — обстоятельство, за которымъ строго наблюдали сами хозяйки.

— Что́ ты, Агашенька? спросили старшія барышни.

— Кондей Ивановичъ и Софья Кузьминична прислали батрака...

— Ѳектиску?

— Ѳектиску-съ. Приказали кланяться и приказали спросить: будете ли вы нынче дома: оченна желаютъ васъ видѣть...

— Дома! дома! вскрикнула Вѣра Андреевна, припрыгивая на стулѣ при мысли, что къ вечеру маленькая зала окончательно запрудится гостями. — Скажи: оченно-рады; приказали, дескать, кланяться и приказали просить къ себѣ!..

Агашенька юркнула въ переднюю.

— Кстати о Свищовыхъ. Скажите на милость, что̀, ка̀къ они теперь?.. все еще ссорятся съ Полушкиными?.. спросилъ Чибезовъ.

— Какъ прежде было, такъ и теперь: ссорятся безпрестанно; только и слышишь объ этомъ...

— Ха, ха, ха! залился Чибезовъ, приводя въ движеніе черты своего лица.

— Просто ужасти, да и только! проговорила, въ свою очередь, рыженькая Капитолина Лукинична: — хоть бы, право, людей-то постыдились; хоть бы, наконецъ, постыдились ближайшихъ сосѣдей: домъ Лукеріи Ѳоминичны, какъ вамъ извѣстно, находится между ихъ домами и что̀ жь? повѣрите-ли, день-деньской слышишь однѣ только перебранки... такое, право, неудовольствіе!.. вотъ хоть бы вчера, напримѣръ...

— А что́, развѣ вчера опять что-нибудь случилось? спросили Кокуркины.

— Ужь будто вы ничего не слыхали?..

— Нѣтъ, голубушка, ничего не знаемъ...

— Ужасти, ужасти, что было такое!.. заговорила Капитолина Лукинична: — началось, съ чего начинаются у нихъ обыкновенно всѣ ссоры: Софья Кузьминична повздорила за что-то съ Матреной Васильевной Полушкиной... кажется, что за куръ Матрены Васильевны, которыя влетѣли въ огородъ Свищовыхъ... Вдругъ, что́ же мы слышимъ съ Лукерьей Ѳоминичной: прибѣгаетъ къ намъ полушкинская Анисья... знаете та, что́ мужъ умеръ на святой — прибѣгаетъ и говоритъ: «Матушки-барышни, говоритъ, одолжите ушатъ воды. Кондей Иванычъ поссорились, говоритъ, съ Прокломъ Иванычемъ и не подпускаютъ Прокла Иваныча и людей его брать воду въ прудѣ; а прудъ-то, матушка», говоритъ Анисья, «сами знаете, принадлежитъ Свищовымъ. Какъ быть?» Это насъ, признаться сказать, изумило! особливо Лукерью Ѳоминичну.— «Что ты, врешь»?! говоримъ мы Анисьѣ. — «Право, матушки-барышни», говоритъ она, «извольте хоть сами поглядѣть.» Мы подошли къ окну... и что жь бы вы думали? видимъ: стоитъ Кондей Иванычъ у берега, машетъ руками и не подпускаетъ къ пруду полушкинскихъ бабъ...

— Ха, ха, ха!.. а... а... снова залился Чибезовъ: — превосходно! какъ честный человѣкъ, превосходно! Позвольте, у меня блеснула по этому случаю счастливая мысль, неожиданно примолвилъ онъ, придавая задумчивое выраженіе своему лицу и принимаясь тереть лобъ: — сейчасъ, сію минуту... отлично!

Тутъ Чибезовъ съ жадностью припалъ губами къ чубуку, затянулся дымомъ и, впиваясь сверкавшими глазами въ присутствовавшихъ, принялся отхватывать скороговоркою:

Вотъ два сосѣда жили,
Знакомство межь собой водили.
Одинъ изъ нихъ, маститый воропѣгій конь ..
Другой. . . . .

Но въ ту самую минуту, какъ Павелъ Павловичъ сталъ приходить въ то раздраженное состояніе, какое овладѣваетъ каждымъ импровизаторомъ въ минуты поэтическаго вдохнове-

нія, минуты, весьма-близкія къ помѣшательству, слово замерло на устахъ его и онъ долженъ былъ остановиться.

Дѣло въ томъ, что въ это время въ маленькой прихожей послышался ужаснѣйшій шумъ, возвѣстившій прибытіе семейства Свищовыхъ.

Чибезовъ сдѣлалъ полунетерпѣливый, полуугрожающій жестъ, поставилъ трубку на окно и заходилъ изъ угла въ уголъ; гостепріимныя барышни поспѣшно приподнялись съ своихъ мѣстъ; Капитолина Лукинична пригладила волосы; Порфирій Павловичъ откинулъ голову отъ плеча Надеженьки; Прокисай Захаровичъ испустилъ протяжный, безотрадный вздохъ и направилъ глаза на дверь передней. Могучій басъ Кондея Ивановича раздавался между-тѣмъ за дверью:

— Здравствуйте барышни, говорилъ онъ, снимая мѣховые сапоги, которые, при паденіи своемъ на полъ, производили звукъ пудовой гири: — здравствуйте, вотъ и мы къ вамъ!..

— Здравствуйте, барышни, вотъ и мы къ вамъ, послышался вслѣдъ за тѣмъ слабый голосъ госпожи Свищовой.

— Здравствуйте, барышни, вотъ и мы къ вамъ, проговорили еще слабѣе дочери Кондея Ивановича, находившіяся покуда еще въ сѣняхъ.

— Милости просимъ! милости просимъ! закричали Кокуркины съ такимъ же радостнымъ выраженіемъ, какъ матросы Колумба, когда увидѣли берега Америки.

— Вотъ и я на лицо! Уфъ, уфъ! запыхался совсѣмъ, уфъ! забасилъ съ одышкою Кондей Ивановичъ, появляясь въ дверяхъ и расшаркиваясь. — Ба, ба, ба! гостей-то у васъ, гостей-то! продолжалъ онъ, растопыривая руки. — Ну, матушка Вѣра Андревна, уфъ, уфъ! честь имѣю, матушка, поздравить васъ съ наступающимъ днемъ вашего рожденья!

— Честь имѣю поздравить васъ съ наступающимъ днемъ вашего рожденья! произнесла въ отдаленіи Софья Кузьминична Свищова.

— Честь имѣемъ поздравить васъ съ наступающимъ днемъ вашего рожденья, проговорили еще дальше дочери Кондея Ивановича, снимавшія салопы.

Кокуркины разсыпались въ благодарностяхъ и тутъ же изъявили желаніе видѣть у себя завтра на праздникѣ семейство почтеннаго сосѣда, на что̀, конечно, получили тотчасъ же согласіе; затѣмъ онѣ пошли на встрѣчу Софьи Кузьми-

ничны и ея дочекъ, между которыми особенно отличалась старшая, полная какъ огурчикъ и цвѣтущая какъ піонъ, словомъ, та самая, что̀ принимала граціозныя позы передъ Бобоховымъ въ саду Аристарха Ѳедоровича.

Въ мелкомъ провинціальномъ обществѣ поцалуи находятся еще до-сихъ-поръ въ сильнѣйшемъ употребленіи. Дамы, даже такія, которыя за глаза уничтожаютъ другъ друга, рѣшительно не могутъ встрѣтиться безъ того, чтобъ не обмѣняться тремя жаркими поцалуями. Какъ только Софья Кузьминична и дѣвицы Свищовы переступили порогъ прихожей, въ залѣ послышался батальный огонь звонкихъ поцалуевъ, приправленный густымъ чмоканьемъ, производимымъ толстыми губами Кондея Иваныча на пухлыхъ рукахъ Кокуркиныхъ и остальныхъ дамъ.

— А! а, а, а! здорово, братъ Порфирій Павлычъ, голосилъ Кондей Ивановичъ, между-тѣмъ, какъ дамы любезничали и продолжали цаловаться: — давненько, братъ, уфъ, уфъ! давненько не видались! Павелъ Павлычъ, здравствуй! Ну, братецъ, уфъ, уфъ, како̀го, скажу, кобелька я тебѣ припасъ, спасибо скажешь!.. Здорово Дрянковъ... у-у-у-и... Прокисай здѣсь! Здравствуй молодецъ! Ну что̀, гитару-то, я чай, привезъ съ собой?.. Привезъ! ой-ли?! ну ладно! ай-да молодцы, право-слово молодцы! заключилъ Свищовъ, похлопывая въ ладоши и незамѣчая холодности, съ какою приняты были его безцеремонныя выходки Дрянковымъ и Чибезовымъ. Въ первыя пять минутъ общество находилось въ самомъ смѣшанномъ, неопредѣленномъ состояніи, какъ это водится обыкновенно, не знало гдѣ и какъ расположиться. Чай, поданный Агашенькой и еще какою-то нечесаною дѣвчонкой съ исполинскими шерстяными чулками, замѣнявшими башмаки, усадилъ присутствовавшихъ. Старшая Кокуркина, Свищова и Кондей Ивановичъ отправились въ гостиную. Молодежь, которой въ-совокупности было по-крайней-мѣрѣ лѣтъ триста, расположилась въ залѣ. Павелъ Павловичъ Чибезовъ выступилъ тогда на сцену и явился во всемъ своемъ блескѣ; поддерживаемый Дрянковымъ, онъ сыпалъ остроты, бо̀льшую часть которыхъ приводилось ему, неизвѣстно по какимъ причинамъ, нашептывать на ухо однимъ мужчинамъ, импровизировалъ стихи и басни и такъ расходился подъ-конецъ, что хриплымъ кашлемъ своимъ и перхотой покрылъ говоръ,

шушуканье и смѣхъ остальныхъ собесѣдниковъ и собесѣдницъ.

Впиваясь глазами въ пурпуровыя губки Надеженьки, сложенныя въ видѣ тѣхъ сердецъ, которыя рисуютъ надъ жертвенниками въ альбомахъ; отданный весь, душею и тѣломъ предмету своего созерцанія, страстный Порфирій Павловичъ не замѣчалъ пытливыхъ глазъ Прокисая Захаровича непропускавшихъ ни одного движенія влюбленныхъ; уши Порфирія Павловича, въ которыхъ звенѣли колокола каждый разъ, какъ Надеженька обращала на него глаза свои, были глухи къ отчаяннымъ вздохамъ несчастнаго Копкова. Съ эгоизмомъ, свойственнымъ всѣмъ влюбленнымъ, Порфирій Павловичъ не обратилъ бы вниманія на Прокисая Захаровича даже и въ томъ случаѣ, еслибъ зналъ, что Копковъ умретъ завтра же отъ измѣны Надеженьки. Ни воспоминанія о Сусловкѣ и маленькомъ домикѣ на берегу живописной рѣчки, ни даже извѣстіе, что Антониночка лежитъ въ настоящую минуту въ злѣйшей чахоткѣ, ничто уже не въ-силахъ было остановить пылкаго Василькова. Любящія души, разъ обманутыя, не охладѣваютъ, но только переносятъ избытокъ своего огня къ лицу болѣе-достойному. На этомъ основаніи, Порфирій Павловичъ и самъ не зналъ ка̀къ случилось, что онъ безъ памяти влюбился въ младшую Кокуркину. Нетерпѣливый и взыскательный, онъ требовалъ, чтобъ сердце Надеженьки дѣлало такіе же быстрые успѣхи, какъ его собственное. Сорокъ разъ на-день Васильковъ приходилъ въ отчаянье и сорокъ разъ въ необузданный восторгъ. Въ исторіи новой любви своей, какъ и всегда, впрочемъ, Васильковъ имѣлъ болѣе причинъ огорчаться чѣмъ радоваться. На этотъ разъ, источникъ всѣхъ его бѣдствій заключался въ природной молчаливости Надеженьки. При существующихъ обстоятельствахъ, Порфирій Павловичъ приписывалъ эту молчаливость необъяснимой холодности. Проговоривъ своей возлюбленной за утреннимъ чаемъ все то, что̀ говорено было наканунѣ, Порфирій Павловичъ начиналъ приставать, чтобъ она, въ свою очередь сказала ему что-нибудь. «Что же мнѣ вамъ сказать, ей-Богу не знаю; я вамъ все уже сказала...» произносила Надеженька, пришепетывая, опуская рѣсницы и дѣлая изъ губъ своихъ сердце. «Какъ, не-уже-ли ни одного слова, не-уже-ли ровно ничего не находите сказать мнѣ?» шепталъ

Порфирій Павловичъ, уныло вращая своими глазами. «Ни одного слова! повторилъ онъ окончательно безотраднымъ голосомъ: — «не-уже-ли вы не чувствуете той потребности... не-уже-ли вы мнѣ такъ-таки ничего не скажете?». Наденька опускала рѣсницы и молчала. Тогда Порфирій Павловичъ дѣлалъ отчаянные жесты, быстро вскакивалъ съ мѣста и начиналъ расхаживать по комнатѣ съ такимъ видомъ, какъ-будто черезъ часъ предстояло ему разстаться съ жизнью. Въ такихъ переговорахъ проходили у нихъ часто цѣлые вечера и даже дни.

Въ описываемыя нами сумерки, послѣ двухъ-трехъ словъ любви, на которыя Порфирій Павловичъ не получилъ ожидаемаго отвѣта, влюбленнымъ овладѣла внезапно одна изъ самыхъ мрачныхъ меланхолій. Онъ откинулся на спинку стула, спустилъ руки, свѣсилъ голову и, незамѣчая Вѣры Андреевны, которая входила въ залу со свѣчами, пробормоталъ въ полголоса:

— Зачѣмъ ввѣрился я... о! зачѣмъ я ввѣрился этимъ прекраснымъ, но обманчивымъ чертамъ!.. нѣтъ, не стоитъ жить, я не жилецъ здѣшней жизни! не стоитъ жить!... не стóитъ жить! повторилъ Порфирій Павловичъ, обращаясь неожиданно къ входившей Вѣрѣ Андреевнѣ.

Вѣра Андреевна остановилась, нагнулась къ влюбленной группѣ и, окутавъ ласковымъ взглядомъ сестру и перваго мазуриста, шепнула выразительно:

— Живите! живите! живите!

Порфирій Павловичъ взглянулъ на Наденьку, Наденька взглянула на Порфирія Павловича; оба улыбнулись, заговорили, помирились и съ этой минуты до окончанія вечера ничто уже не могло сравниться съ восторженнымъ настроеніемъ Василькова.

Вѣра Андреевна, между-тѣмъ, поднявъ подсвѣчники въ-уровень съ головою, торжественно направлялась къ остальнымъ гостямъ, которымъ Чибезовъ импровизировалъ какую-то сатиру на провинціальную жизнь вообще и на ея скуку въ-особенности.

— Господа-кавалеры, барышни! что̀ это̀ вы разсѣлись по уголкамъ какъ старички, право, какіе-нибудь! воскликнула Вѣра Андреевна, ставя на столъ подсвѣчники, причемъ толстыя, румяныя щеки ея задрожали какъ студень: — нѣтъ, я этого рѣшительно не могу допустить, вопервыхъ, какъ хозяйка здѣш-

ней хижины, а вовторыхъ... вовторыхъ... ну да какъ себѣ тамъ хотите... продолжала она обращая къ присутствовавшимъ веселое, беззаботное лицо свое: — сестрица Варвара, Капитолина Лукинична, Софья Кузьминична и Кондей Иванычъ засѣли въ *преферанецъ*, а мы давайте-ка танцовать!

— Вѣра Андреевна, какъ честный человѣкъ, цалую ваши ножки! воскликнулъ Чибезовъ, прикладывая ладонь къ губамъ и припрыгивая на одной ногѣ.

— Весело! ахъ, весело! воскликнули барышни Свищовы.

— Ну и прекрасно, оченна-рада! Музыка у насъ подъ рукою: Прокисай Захарычъ привезъ съ собой гитару, сказала Вѣра Андреевна. — Прокисай Захарычъ, голубчикъ, поиграйте намъ, примолвила она, подходя къ несчастному приживальщику, который вскочилъ какъ пружинная кукла.

— Ей-Богу не могу-съ, Вѣра Андреевна... право нельзя-съ... застѣнчиво пробормоталъ Копковъ.

— Да отчего же?.. что̀ же такое?..

— Всѣ струны порвались... разстроена-съ совсѣмъ-съ... проговорилъ Копковъ, бросая изподтишка выразительный взглядъ на Надеженьку, которая, къ-сожалѣнію, не замѣтила его, потому-что слушала внимательно страстное воркованье Василькова.

— Ахъ, Боже мой, какая досада! Но что̀ же мы будемъ дѣлать завтра? неужто мы останемся безъ музыки? съ испугомъ сказала Вѣра Андреевна. — Прокисай Захарычъ, подумайте, голубчикъ, вѣдь завтра день моего рожденья!

— Къ завтраму какъ-нибудь наладимъ, произнесъ Копковъ, подавленный горькимъ сознаніемъ своего ничтожества.

— То-то, то-то, голубчикъ, подумайте объ этомъ и не посадите насъ на мель, подхватила Вѣра Андреевна успокоившись. — Ну, господа-кавалеры и барышни, на нѣтъ и суда нѣтъ; танцовать нельзя. Давайте, по-крайней-мѣрѣ, играть въ какую-нибудь игру... нельзя же такъ сидѣть цѣлый вечеръ!..

— Вѣра Андреевна, снова цалую ваши ножки! воскликнулъ Чибезовъ, закашливаясь отъ черезчуръ-сильнаго напряженія голоса.

— Но въ какую же игру мы будемъ играть, въ какую? въ какую? жмурки? гулючки? прятки?.. закричали Свищовы.

— Нѣтъ, барышни, я думаю вотъ въ какую: давайте играть въ *да и нѣтъ*; это нынче въ большой модѣ: всѣ играютъ, и игра-то веселая такая...

Предложеніе было принято съ восторгомъ; всѣ встали съ своихъ мѣстъ, расположили стулья амфитеатромъ и снова усѣлись. Порфирій Павловичъ и Наденька не заставили себя дожидаться; довольные и счастливые послѣ примиренья, они расположились рядышкомъ; Прокисай Захаровичъ молчаливо усѣлся подлѣ Дрянкова, который продолжалъ думать о гнусныхъ сплетняхъ Бобохова, имѣвшихъ цѣлью подорвать его авторскую славу, и потому, не переставалъ быть мрачнымъ.

— Итакъ, я начинаю, сказала Вѣра Андреевна, сіявшая отъ удовольствія. Не забудьте, господа мужчины и барышни, что я жаловать ни за что не буду: за малѣйшую ошибку — фантъ; а тамъ, какъ себѣ хотите!..

Тутъ Вѣра Андреевна весело тряхнула головой, подошла къ старшей Свищовой и сказала:

Барыня прислала вамъ сто рублей: что хотите, то купите, бѣлаго и чернаго не покупайте, да и нѣтъ не говорите... что вы купите?..

— Я куплю... шолковое розовое платье... съ фалбалами... и бантами... произнесла, кривляясь, Свищова.

— Точно, розовое ли хотите вы купить? спросила серьёзнымъ тономъ Вѣра Андреевна.

— Розовое... гнуся и картавя повторила Свищова.

— Вамъ, можетъ-быть, хочется имѣть на эти деньги крепрашелевое съ воланами? допытывалась Вѣра Андреевна.

— Нѣтъ не хочу крепрашелеваго...

— Фантъ! фантъ! восторженно закричала Вѣра Андреевна, вы сказали: *нѣтъ;* пожалуйте фантъ!..

Свищова дала фантъ и игра продолжалась.

На стѣнныхъ часахъ въ передней (которые, скажемъ мимоходомъ, имѣли похвальное свойство импровизировать и хрипѣть не хуже самого Чибезова) пробило девять, когда Вѣра Андреевна объявила, что слѣдуетъ прекратить игру и пора приступить къ выниманію фантовъ.

На этомъ основаніи, по общему востребованію, изъ гостиной принесенъ былъ ридикюль Софьи Кузьминичны Свищовой, ридикюль, какъ ужь извѣстно, невѣроятной вмѣстимости.

— Господа кавалеры и дамы! съ восхищеннымъ выраженіемъ лица воскликнула Вѣра Андреевна, болтая рукою въ ридикюлѣ, гдѣ умѣстились фанты, чей фантъ вынется, что тому дѣлать?..

— Оракула!

— *Стоять въ статую!*

— Простоять на одной ногѣ!

— Пѣть пѣсню!

— Мѣрить ленты. Я предлагаю мѣрить ленты, мелонхолически сказалъ Порфирій Павловичъ, бросая страстный взглядъ Надеженькѣ.

— А я предлагаю вотъ что̀: — воскликнулъ Чибезовъ, дѣлая конвульсивныя движенія бровями и глазами:—я предлаю, что тотъ, чей фантъ вынется, долженъ будетъ сочинять экспромтомъ какіе-нибудь стихи!..

— Экой добрый какой! сказала Вѣра Андреевна. Хорошо, если фантъ вынется вамъ или Аполлону Егорычу: вамъ это ровно ничего не будетъ стоить, вы сочинители, авторы... а если кому-нибудь другому, мнѣ, напримѣръ, что́ я буду дѣлать?.. какіе я сочиню стихи?...

— Что жь дѣлать, Вѣра Андревна, таковъ приговоръ игры, произнесъ Чибезовъ, пожимая плечами и корча гримасу.

— Я стою на томъ, чтобъ мѣрить ленты, повторилъ Васильковъ таявшимъ голосомъ.

— А я стою за стихи! сказалъ настойчиво Чибезовъ.

— Ну-такъ хорошо же, пусть будетъ повашему, произнесла Вѣра Андреевна, опуская руку въ ридикюль.—Итакъ, господа, чей фантъ, тому читать стихи! заключила она торжественно вынимая зубочистку въ бисерномъ чахлѣ.

— Павелъ Павлычъ! Павелъ Павлычъ! вскричали присутствовавшіе восторженно хлопая въ ладоши.

Но Чибезовъ не слышалъ ужь послѣднихъ восклицаній; какъ существо у котораго вдохновеніе всегда на готовѣ, онъ тутъ же почувствовалъ приближеніе какой-то волшебной силы, которая заставила его тотчасъ воздѣть глаза къ потолку; лицо его приняло строгое, задумчивое выраженіе; забросивъ лѣвую руку за спину и приложивъ палецъ правой руки ко лбу, онъ принялся расхаживать быстрыми шагами по залѣ, дѣлая изрѣдка жесты рукою, чтобъ ему не мѣшали... Вне-

запно, онъ вбѣжалъ въ кружокъ присутствовавшихъ, выставилъ правую ногу впередъ, простеръ руку и, сверкая глазами, произнесъ скороговоркою:

Я не цыганъ, да удалецъ-молодецъ!
Зато баринъ, ни крестьянинъ, ни купецъ,
Эхъ-ма! поди прочь, берегись, берегись,
Скинь-ка шапку, скинь-ка шапку,
Да пониже поклонись!..
. . . .

Импровизація Павла Павловича привела всѣхъ въ истинный, неподдѣльный восторгъ. Не мѣшаетъ здѣсь замѣтить, что въ мелкомъ и провинціальномъ обществѣ сочувствіе къ печатной литературѣ и особенно стихамъ, ровно ничего не значитъ сравнительно съ сочувствіемъ къ доморощенной, скорописной, словомъ, своей поэзіи. Стишки разныхъ двоюродныхъ братцевъ, вдохновленныхъ, фантовъ въ венгеркѣ, возбуждаютъ несравненно-болѣе восторга, чѣмъ стихи даже первоклассныхъ поэтовъ. Въ провинціяхъ каждый кружокъ пользуется преимуществомъ имѣть своего любимаго поэта; такой поэтъ пользуется огромною славой; и хотя въ общемъ мнѣніи онъ не такъ *цвѣтистъ*, напримѣръ, какъ Пушкинъ, написавшій: «Кавказскаго Плѣнника», и не такъ *боекъ*, какъ Лермантовъ, сочинившій «Демона», но ужь, во всякомъ случаѣ, стихи его веселѣе, забавнѣе и способнѣе возбудить восторгъ, чѣмъ стихи вышеупомянутыхъ поэтовъ, которые описываютъ все какія-то страсти да ужасти.

— Господа! чей фантъ вынется, что̀ тому дѣлать? продолжала Вѣра Андреевна, между-тѣмъ, какъ Чибезовъ простывалъ отъ волненія и отиралъ потъ на лбу.

— Мѣрить ленты! мѣрить ленты! настаивалъ страстный Васильковъ.

— Ну что это, право, какіе вы, Порфирій Павлычъ... ишь какой сластунъ право... А помоему вотъ что̀: чей фантъ, тому разъигрывать затворника и выспрашивать у каждаго секреты! прибавила Вѣра Андреевна, радостно подпрыгивая отъ своей выдумки.

Всѣ согласились. Вѣра Андреевна пошарила въ ридикюлѣ и вынула платокъ Надеженьки.

Порфирій Павловичъ неистово захлопалъ въ ладоши, и всѣ послѣдовали его примѣру.

— Ну, Надечка, ангелъ мой, ступай въ переднюю... спрячься, душечка подъ шубы и салопы, а мы будемъ приходить къ тебѣ поодиночкѣ разсказывать свои секреты! проговорила Вѣра Андреевна, нѣжно взглядывая на свою любимицу и поправляя ей косынку.

Надежечка съузила свои губы, зардѣлась, застыдилась и пошла въ лакейскую сопровождаемая новымъ взрывомъ восторженныхъ рукоплесканій.

— Кто первый пойдетъ къ затворнику? вопросъ этотъ вырвавшійся неожиданно изъ устъ Вѣры Андреевны возвратилъ мгновенно тишину и спокойствіе. Возникъ ужаснѣйшій споръ о томъ, кому идти первому, кому послѣднему; наконецъ рѣшили бросить жеребій. Жеребій выпалъ на долю Чибезова, и онъ отправился; за Чибезовымъ пришла очередь Свищовымъ, потомъ Вѣрѣ Андреевнѣ, потомъ молчаливой дѣвицѣ Крепышёвой, Дрянкову, Василькову и наконецъ Прокисаю Захаровичу. Какъ только Порфирій Павловичъ юркнулъ въ прихожую, Прокисай Захаровичъ, томимый какимъ-то мрачнымъ предчувствіемъ, подошелъ къ двери и скрылся за ту половинку, которая была отворена въ залу.

— Прокисай Захарычъ... э — э! что это вы?.. смòтрите, вы, кажется, хотите подслушать чужіе секреты! воскликнула Вѣра Андреевна, грозя ему пальцемъ.

— Нѣтъ-съ... жду своей очереди... проговорилъ Копковъ, выставляя изъ-за двери взбудораженное лицо.

— Прокисай Захарычъ, извольте пожаловать къ намъ... вы подсматриваете! закричали Свищовы.

— Нѣтъ-съ... пробормоталъ Копковъ, прикладывая поспѣшно глазъ къ скважинѣ.

Внезапно Прокисай Захаровичъ позеленѣлъ: убійственный звукъ поцалуя прозвучалъ въ ушахъ его, и все на минуту помутилось и зашаталось передъ нимъ. Онъ схватилъ себя обѣими руками за голову, потерялъ балансъ, половинка двери откинулась и Прокисай Захаровичъ кубаремъ покатился на землю.

— Ахъ Боже мой! воды! воды! Прокисаю Захарычу дурно! Агашенька, Ѳеклушка, воды! прокричали десять голосовъ.

На крикъ сбѣжались Кондей Ивановичъ и остальные гости; изъ дверей дѣвичей высыпали горничныя; всѣ окружили и начали подымать Копкова.

— Ничего-съ... это такъ, голова закружилась... пробормоталъ съ болѣзненнымъ стономъ Прокисай Захарычъ.

Кроткій и покорный даже въ эту роковую минуту своей жизни, минуту, которая окончательно рѣшила судьбу его, Копковъ выпилъ нѣсколько стакановъ воды и успокоился. Минутъ пять послѣ того, игра, въ которой принялъ на этотъ разъ участіе самъ Кондей Ивановичъ, продолжалась, къ всеобщему удовольствію.

Но ужь съ этой минуты до окончанія вечера Прокисай Захаровичъ не принималъ ни въ чемъ участія. Передъ глазами его *мѣрили ленты, становились въ статую,* стояли на одной ногѣ, онъ не могъ преодолѣть болѣзненныхъ ощущеній своего сердца и оставался ко всему равнодушенъ. Занимательные анекдоты, тысячи смѣшныхъ фактовъ и исторій, которыя струились во время ужина изъ краснорѣчивыхъ устъ вдохновеннаго Чибезова, не въ-силахъ были даже вырвать улыбки у Прокисая Захаровича.

Какъ только семейство Свищовыхъ отправилось восвояси, онъ тотчасъ же ушелъ спать въ приготовленную для него у Кокуркиныхъ комнатку. Но сонъ бѣжалъ съ упорствомъ отъ глазъ Прокисая Захаровича. Онъ лежалъ какъ на угольяхъ и чувствовалъ, съ замираніемъ сердца, что Надеженька погибла для него невозвратно. Вмѣстѣ съ этою мыслью, деревушка Веселыя-Горки и домикъ Кокуркиныхъ окутались передъ нимъ зловѣщимъ туманомъ, посреди котораго возникла, какъ привидѣнье, грозная фигура Фіоны Ивановны. Прокисай Захаровичъ затрепеталъ всѣмъ тѣломъ, опустилъ глаза и поспѣшно скрылся подъ одѣяломъ.

Ворочаясь съ боку-на-бокъ, терзаясь совѣстью, раскаяніемъ и угрызеніями всякаго рода, Прокисай Захаровичъ рѣшился провести завтрашній день — день рожденія Вѣры Андреевны, въ домѣ Кокуркиныхъ, рѣшился поиграть въ послѣдній разъ на гитарѣ и уѣхать въ Ханскіе-Пруды съ тѣмъ, чтобъ никогда ужь не возращаться въ Веселыя-Горки.

— Богъ съ ними!..

Такова была послѣдняя и, можетъ-статься, первая опредѣленная мысль, созрѣвшая, когда бы то ни было, въ головѣ несчастнаго приживальщика.

ГЛАВА XXXVIII.

Путешествія по проселочнымъ дорогамъ сопряжены часто съ большими неудобствами; тѣмъ неменѣе, однакожь, благодаря этимъ самымъ неудобствамъ, одинъ знаменитый мужъ попадаетъ въ весьма-веселое и пріятное общество.

Аристархъ Ѳедоровичъ, если только припомнитъ читатель, выѣхалъ отъ Бирюкова около полудня. Отъ «Сычовки» Кормонолѣя Семеновича, до «Золотыхъ-Прудовъ» Старобѣльскаго, куда долженъ былъ теперь направиться нашъ герой, считалось верстъ тридцать. Никто, впрочемъ, не могъ поручиться за вѣрность такихъ показаній. Иные утверждали, что отъ «Сычовки» до «Золотыхъ-Прудовъ» тридцать-пять верстъ, другіе—тридцать, третьи—двадцать-пять, и т. д. Что жь касается до дурныхъ или хорошихъ свойствъ дороги и до того, много ли будетъ мостовъ, деревушекъ, поворотовъ и какіе-именно повороты слѣдуетъ принять, чтобъ не сбиться съ пути, понятія были еще неопредѣленнѣе. Дѣло извѣстное: ѣхать по проселкамъ безъ проводника или маршрута, то же, что̀ пуститься по морю безъ компаса и магнитной стрѣлки! Слѣдствіемъ всего этого было то, что Аристархъ Ѳедоровичъ, послѣ двухъ-трехъ часовъ ѣзды, окончательно сбился съ дороги. Пожуривъ, какъ водится въ такихъ случаяхъ, кучера и слугу, Аристархъ Ѳедоровичъ рѣшился лично наблюдать за проселкомъ; на этомъ основаніи, онъ отстегнулъ кожаный фартукъ коляски, высунулъ на воздухъ голову и приказалъ направиться къ виднѣвшейся неподалеку деревушкѣ.

Деревушка была, въ полномъ смыслѣ слова, жалкая деревушка; она состояла изъ шести-семи лачужекъ, расположенныхъ въ рядъ, по глинистому, грязному косогору. Сѣрыя бревна, мокрыя ворохи соломы съ сидѣвшими кое-гдѣ галками, тусклый цвѣтъ осенняго неба и самый грунтъ почвы, бурый, слизистый, изрытый копытами коровъ и клячей, придавали картинѣ какой-то плаксивый и вовсе непривлекательный видъ. Подъ косогоромъ, шагахъ въ десяти отъ ближайшей избушки, изгибался оврагъ съ крутыми берегами, обросшими кустарникомъ, между корнями котораго журчалъ мутный потокъ.

Достигнувъ мостика, который, какъ казалось, служилъ единственнымъ сообщеніемъ между этой деревушкой и остальнымъ крещенымъ міромъ, Аристархъ Ѳедоровичъ приказалъ остановиться. Сдѣлавъ затѣмъ два-три замѣчанія, касательно двухъ-трехъ дыръ, обращавшихъ мостъ въ рѣшето, онъ направилъ глаза свои на окна избушекъ.

Наблюденія великаго человѣка не замедлили увѣнчаться успѣхомъ.

Онъ вскорѣ различилъ въ одномъ изъ волоковыхъ оконъ голову бабы, которая какъ-будто спала, но совсѣмъ-тѣмъ пристально разсматривала проѣзжавшихъ.

— Эй, баба! баба! закричалъ Аристархъ Ѳедоровичъ, размахивая рукою, вооруженною фуляромъ.

Та, къ которой обращалось воззваніе, тряхнула головой, минуты двѣ молча глядѣла на проѣзжавшихъ и, въ заключеніе, повернула лицо въ совершенно-противоположную сторону; все это сдѣлала она съ такимъ видомъ, какъ-будто дѣло касалось вовсе не до нея, а исключительно до ея сосѣдки.

— Эй, баба! баба! баба! повторилъ еще громче Аристархъ Ѳедоровичъ.

Баба снова тряхнула головой, снова устремила глаза на проѣзжавшихъ и вдругъ выразивъ на лицѣ своемъ всѣ признаки крайняго замѣшательства, быстро спрятала голову и еще быстрѣе захлопнула окно.

— Эка дурища! право дурища! сказалъ Аристархъ Ѳедоровичъ, мгновенно опуская руку, которая поднялась-было длятого, чтобъ производить пояснительные жесты: — ну чего она испугалась, чего?... чего? дура, право, дура!... Эй баба! баба! баба! заговорилъ вдругъ съ необычайною поспѣшностью Балахно̀въ, обращаясь къ другому окну, изъ котораго медленно показывалась другая голова.

На этотъ разъ, глазамъ его предстало желтое, сморщенное старушечье лицо.

— Эй, тётка, послушай! повторилъ Аристархъ Ѳедоровичъ, высовываясь изъ коляски.

— Чего надыть? отозвалась старуха.

— Далече ли отсюда до «Золотыхъ-Прудовъ?»

— Асинька?

— До «Золотыхъ-Прудовъ» далече ли?

— Далече, касатикъ.

— А сколько?

— Да кто ее знаетъ!

— Фу, никакого толку не добьешься! произнесъ Аристархъ Ѳедоровичъ, съ досадою потирая переносицу. — Эй, тётка, подхватилъ онъ, обратившись снова къ старухѣ: — нѣтъ ли у васъ здѣсь какого-нибудь мужика? кликни-ка его сюда; авось онъ знаетъ дорогу.

— Нѣтъ, родимый, окромя малыхъ ребятъ никого нѣтути; съ обозомъ поѣхали...

— Не знаешь ли ты, по-крайней-мѣрѣ, ка̀къ проѣхать въ «Золотые-Пруды?»

— Въ «Золоты-те-Пруды-то?

— Да́, да̀, да̀... въ «Золотые-Пруды...»

Тутъ старуха словно оживилась. Она высунулась по самую грудь изъ окошка и, размахивая правою рукою, принялась пояснять дорогу. По словамъ ея, Аристарху Ѳедоровичу слѣдовало ѣхать по тому самому проселку, по которому онъ ѣхалъ прежде; не слѣдовало только, никакъ не слѣдовало пропускать старой берёзы на правой рукѣ и поворота; вотъ этотъ-то поворотъ и долженствовалъ привести путешественника прямо-прямёхонько въ «Золотые-Пруды.»

Воодушевляемая воспоминаніями, которыя, при этомъ удобномъ случаѣ, зашевелились въ головѣ ея, старуха исчислила даже мельчайшія примѣты проселка.

— Вотъ только верстъ-то сколько, не припомню, касатикъ; продолжала словоохотливая тётка: — не то двадцать, не то болѣе; мужики сказываютъ двадцать, да кто ихъ знаетъ! само̀й-то, родимый, не приводилось ѣздить! заключила она спокойно-разсудительнымъ тономъ, который соотвѣтствовалъ какъ-нельзя-болѣе, почтенной сѣдинѣ ея и зрѣлымъ лѣтамъ.

«Ну да что̀ тутъ, не въ верстахъ дѣло», подумалъ Балахно̀въ, закутываясь въ шубу, «лишь-бы знать дорогу, а тамъ, рано ли, поздно ли, авось доберемся какъ-нибудь до Старобѣльскаго... Пошелъ! заключилъ онъ громко: — да смотрѣть, не зѣвать у меня и не пропускать берёзы и поворота!»

Сказавъ это, Балахно́въ погрузился самымъ комфортэбльнымъ образомъ на дно коляски и, минуту спустя, покатилъ по проселку.

Мыслительныя силы Аристарха Ѳедоровича, какъ ужь извѣстно, находились всегда въ напряженномъ состояніи; не

было минуты во все продолженіе сознательной жизни нашего героя, когда бы силы эти утрачивали свою упругость и оставались безъ возвышенныхъ занятій. Мысли Аристарха Өедоровича, направленныя сначала на Старобѣльскаго, но сбитыя потомъ на серединѣ дороги вопросами о неудобствахъ путешествія по проселкамъ, ни мало не испугались двойной работы. Аристархъ Өедоровичъ думалъ о Старобѣльскомъ и въ то же время размышлялъ съ большимъ успѣхомъ о проселкахъ. Переходя постепенно отъ одного предмета къ другому, Балахнòвъ соединилъ наконецъ оба эти предмета въ одно цѣлое и ужь съ этой минуты сталъ разрѣшать вопросы о проселочныхъ дорогахъ не иначе, какъ ставъ въ положеніе Старобѣльскаго.

По его мнѣнію, Старобѣльскому, какъ богачу и притомъ человѣку бездѣтному и безсемейному, ничего не стоило разровнять дороги отъ главныхъ пунктовъ уѣзда (въ томъ числѣ и Ханскихъ-Прудовъ, разумѣется) до своей вотчины; ничего не стоило ему приказать поправить на свой счетъ мостишки, завалить фашинникомъ дыры и придѣлать, для окончательной безопасности проѣзжающихъ, перилы на этихъ мостахъ. «Въ этомъ случаѣ», думалъ Аристархъ Өедоровичъ, «конечно никто изъ насъ не былъ бы на него въ претензіи; всякой, напротивъ того, принесъ бы ему свою искреннѣйшую признательность! Хоть-бы я, напримѣръ: да пожелай онъ только перестроить у меня въ Ханскихъ-Прудахъ всѣ мосты или выровнять дороги! Строй, строй сколько хочешь, строй, хочешь, изъ чугуна или мрамора, что жь такое, оченьрадъ! Вотъ и все тутъ!» Далѣе, по соображеніямъ горшковскаго дипломата, чтò стоило, напримѣръ, богатому Старобѣльскому, поставить на всѣхъ перекресткахъ уѣзда маленькія пирамиды или обелиски, или, пожалуй, если не то и другое, такъ хоть столбы съ обозначеніемъ верстъ и направленія какое слѣдуетъ принять для достиженія въ «Золотые-Пруды?» — Эхъ! «Золотые-Пруды», «Золотые-Пруды»—эхъ! эхъ! думалъ Аристархъ Өедоровичъ, саркастически улыбаясь и выразительно потряхивая головою:—хороши вы «Золотые-Пруды», великолѣпны, чтò говорить, да ты-то братъ, Старобѣльскій... эхъ! хе-хе... возишься ты, братъ, съ одними лошадьми, да съ конюхами; ну, кому ты нуженъ? Какая польза въ твоемъ богатствѣ! какая польза твоимъ соотечественникамъ? Эхъ,

дали ли бы мнѣ твои «Золотые-Пруды», дали ли бы мнѣ твои средства, не то было бы, любезнѣйшій: я показалъ бы всѣмъ вамъ, ка́къ надо жить! Всѣ сосѣди тѣснились бы въ моихъ живописью украшенныхъ палатахъ! продолжалъ онъ: — весь уѣздъ сбѣгался бы на мои пиршества, которымъ подобныхъ не нашли бы въ записяхъ давнопротекшихъ временъ!...

На этомъ самомъ мѣстѣ мысли Аристарха Ѳедоровича были прерваны толчкомъ коляски, которая неожиданно остановилась.

— Чтò тамъ еще? спросилъ онъ тономъ человѣка, котораго пробуждаютъ въ минуту сладкаго сновидѣнія.

— Пріѣхали, сударь, къ березѣ, отвѣчалъ смущеннымъ голосомъ Сидоръ, почтительно приподымаясь одною рукою на козлахъ, тогда-какъ другая рука его приподымала шляпу, обшитую галуномъ.

— Ну, такъ что́ жь такое, что пріѣхали? Вѣдь тебѣ сказала старуха, что тутъ будетъ поворотъ. Сворачивай и пошелъ!

— Поворота-то тутъ, сударь, три и всѣ три дороги идутъ вправо; по которой ѣхать, я и самъ не знаю! добавилъ Сидоръ, обращаясь съ сокрушеннымъ видомъ къ старой березѣ.

— Какъ! вскричалъ Аристархъ Ѳедоровичъ, покрываясь краской негодованія и ударяя съ такою силою по кожаному фартуку, что принужденъ былъ тотчасъ же приложить кулакъ къ собственнымъ губамъ своимъ.

— Ну, что́ жь мы теперь будемъ дѣлать? не стоять же на мѣстѣ! сказалъ Балахно́въ, овладѣвая собою: — надо же на что-нибудь рѣшиться; надо куда-нибудь ѣхать, хоть до ближайшей деревушки. А чтò не видать тамъ какой-нибудь деревни?

— Никакъ нѣтъ-съ, отвѣчалъ Сидоръ, поворачиваясь во всѣ стороны съ быстротою флюгера, который не успѣлъ еще заржавѣть.

Сидоръ говорилъ сущую правду: нигдѣ не было замѣтно признака деревушки; совершеннѣйшій пустырь распространялся какъ по правую сторону коляски, такъ равно и по лѣвую; спереди и сзади тянулись такія же точно темныя, гладкія поля, которыя, подобно морю, убѣгали въ необозримую даль и терялись за горизонтомъ. Весь этотъ земляной океанъ оживлялся одною лишь старою березой, которая стояла пригорю-

нясь на перекресткѣ и сбрасывала послѣдніе листья свои, уносимые тотчасъ же вѣтромъ.

Наши путешественники, очевидно, находились въ положеніи пальчика-мальчика и его братцевъ, затерянныхъ посреди глухаго, непроходимаго лѣса. Такія сокрушительныя и отчаянныя положенія постигаютъ, впрочемъ, слишкомъ-часто отважнаго смертнаго, покушающагося пуститься по лабиринту проселочныхъ дорогъ; каждому почти приводилось испытывать то же, что́ испытывалъ Аристархъ Ѳедоровичъ, и потому-то считаю лишнимъ долго распространяться объ этомъ слишкомъ-обыкновенномъ предметѣ.

— Вотъ, сударь, сказалъ, наконецъ, Сидоръ, когда коляска уже готова была тронуться съ мѣста и покатиться на произволъ судьбы: — вотъ, сударь, кто-то идетъ; никакъ мужикъ; спросить бы у него...

— А, ну, слава-Богу! произнесъ Аристархъ Ѳедоровичъ не безъ внутренняго удовольствія: — кричите ему, чтобъ шелъ скорѣе! заключилъ онъ, бросаясь нетерпѣливо въ глубину коляски.

Сидоръ и кучеръ принялись попеременно надсаживать горло; минутъ десять продолжалась эта перекличка, и столько рвенія приложено было со стороны обоихъ слугъ, что Аристархъ Ѳедоровичъ, выведенный наконецъ изъ всякаго терпѣнья, приказалъ имъ замолчать.

Мужикъ приближался, между-тѣмъ, ровнымъ, валкимъ шагомъ и, повидимому, не торопился.

То былъ малый лѣтъ тридцати, приземистаго и крайне-несообщительнаго вида, съ крошечными сѣрыми глазками, глядѣвшими изподлобья; на плечѣ его покоилась палка, а на концѣ палки болтались лапти.

Вскорѣ онъ поравнялся съ коляской.

— Скажи-ка, любезный, какой поворотъ взять, чтобъ пріѣхать въ Золотые Пруды? спросилъ Аристархъ Ѳедоровичъ, выглядывая изъ-подъ кузова.

— Да сами-то вы отколѣ? спросилъ парень, встряхивая лаптишками.

— Отколѣ бы не были, это все-равно; скажи только, куда намъ проѣхать въ Золотые Пруды?

— А далече отселева эвти *пруды-те?* спросилъ парень.

— Такъ, стало, ты не знаешь? произнесъ Аристархъ Өедоровичъ.

— Не знаю! равнодушно отвѣчалъ парень.

— Фу! вскричалъ Балахновъ, сжимая кулаки, но тотчасъ же овладѣлъ собою и подхватилъ спокойнѣе: — не знаешь ли, по-крайней-мѣрѣ, куда проѣхать до ближайшей деревни?

— Какъ не знать! По которой дорогѣ ни поѣзжай, вездѣ будутъ деревни.

— А до которой будетъ ближе?

— Пожалуй, что и всѣ не больно-далече, отвѣчалъ парень, поправляя шапку.

— Пошелъ направо! крикнулъ Аристархъ Өедоровичъ, снова бросаясь на дно коляски и укутываясь съ головою въ шубу, чтобъ скрыть слѣды негодованія, которые отпечатывались теперь самыми яркими красками на величественномъ лицѣ его.

Часъ спустя послѣ этой сцены, глазамъ Сидора и кучера предстало большое село; еще полчаса—и коляска очутилась на широкой улицѣ, расположенной, по всѣмъ признакамъ, на топкомъ болотѣ, потому-что, какъ-только коляска поравнялась съ первой избушкой, колеса ушли по самую ступицу. Къ-счастью еще, на встрѣчу попалась толпа мужиковъ, возвращавшихся съ молотьбы, что̀ доказывалось длинными цѣпами, торчавшими, какъ ружья, на плечѣ каждаго мужика.

Немедля ни минуты, Аристархъ Өедоровичъ приступилъ къ разспросамъ. Забабуринскіе мужики (село называлось Забабурино) оказались столько же услужливыми, сколько встрѣченный парень былъ несообщителенъ и двѣ первыя бабы безтолковы. Они тотчасъ же окружили коляску и принялись объяснять дорогу съ такимъ единодушіемъ, что Аристарху Өедоровичу представилось въ первую минуту, будто онъ присутствуетъ на мірской сходкѣ. Забабуринскіе мужики говорили всѣ вмѣстѣ, кричали, размахивали руками, перебивали другъ друга, такъ-что не было рѣшительно-никакой возможности выпутать одного яснаго и дѣльнаго показанія.

— Эхъ, братецъ ты мой, ласково говорилъ одинъ, обращаясь къ кучеру: — вамъ и незачѣмъ было сворачивать направо, ѣхали бы прямо...

— Э! прямо! прямо! восклицалъ другой:—а куда бы они прямо-то пріѣхали! ну, куда? куда?..

— Въ Семянйкино...

— То-то въ Семянйкино; а на что ихъ благородію ѣхать въ Семянйкино? я чай на Глиновскую-Слободку...

— Дядя Андрей, а дядя Андрей, дай я-те скажу: на Сосновку ближе, право, ну, ближе. Изъ Сосновки въ Голопятово, изъ Голопятова въ Дроздовку, а изъ Дроздовки пойдетъ прямая дорога въ Золотые Пруды — ра̀зи не знашь?..

— И то на Глйновскую Слободку ближе!..

— Эй, кучеръ, братъ, послушай, что я тебѣ скажу: поѣзжай назадъ; какъ пріѣдешь къ той берёзѣ-то, направо не сворачивай, смотри не сворачивай, а пропусти еще поворотъ, да тамъ прямо и ступай съ Богомъ!

— Да кто васъ посылалъ-то туда? Кто дорогу-то указывалъ?

— Баба! въ одинъ голосъ и съ одинаковымъ нетерпѣніемъ отвѣчали кучеръ и Сидоръ.

Въ толпѣ раздался хохотъ.

— Эхъ кого послушали!

— Баба! ну, вистимо, что̀ мудренаго!

— Двадцать верстъ сказывали! эхва! да и въ сорокъ не вопрешь!

— Мѣрила, знать, баба клюкой, да махнула рукой!

Послышался новый взрывъ хохота.

Нѣтъ сомнѣнія, что Аристархъ Ѳедоровичъ не сталъ бы такъ долго слушать болтовню мужиковъ и не замедлилъ бы положить конецъ всей этой болтовнѣ, еслибъ мысли его не перешли внезапно на другой предметъ. Разсудивъ, не безъ основанія, что начинало ужь смеркаться, и что, слѣдовательно, прійдется пріѣхать къ Старобѣльскому поздно ночью, онъ рѣшился пожертвовать еще однимъ днемъ и отложить поѣздку до слѣдующаго утра.

Хотя часть губерніи, по которой разъѣзжалъ теперь нашъ герой, была ему нехорошо извѣстна, Аристархъ Ѳедоровичъ, если припомнитъ читатель, распространялъ ужь кругъ своихъ честолюбивыхъ дѣйствій за предѣлы Горшковскаго Уѣзда, топографія котораго была ему такъ же хорошо знакома, какъ его пять пальцевъ; онъ разсчелъ, однакожь, что отъ Забабурина до Горшкова было неочень-далеко. Забабурино лежало почти на самой границѣ Горшковскаго Уѣзда. Балахно̀въ принялъ намѣреніе поѣхать немедленно въ Горшковъ,

переночевать на извѣстномъ уже постояломъ дворѣ, взять надежнаго проводника и завтра же утромъ, часамъ къ двѣнадцати, прибыть въ Золотые Пруды. На этомъ основаніи Аристархъ Ѳедоровичъ приказалъ выѣхать на большую дорогу; минутъ десять спустя, онъ благополучно миновалъ улицу, благодаря услужливымъ Забабуринцамъ.

Успокоенный на этотъ разъ прямизною дороги, Аристархъ Ѳедоровичъ свернулся на подушкахъ коляски, приподнялъ мѣховой воротникъ, опустилъ кожаный фартукъ, уложилъ ноги, крякнулъ нѣсколько разъ и погрузился въ то полусонливое, полусладкое состояніе, какое овладѣваетъ каждымъ путешественникомъ, когда колеса вязнутъ въ грязи словно въ пуховикѣ, землю окутываютъ сумерки, а на небѣ висятъ сизыя тучи, которыя, того и смотри, обратятся въ мелкій, холодный дождикъ... Дождикъ дѣйствительно не замедлилъ пойдти. Сначала онъ какъ-будто жалѣлъ своихъ капель, но потомъ зарядилъ дружною дробью и полилъ какъ изъ ведра. Къ полнѣйшему отчаянію Сидора, вѣтеръ, сдѣлавшійся къ ночи еще сильнѣе, началъ посылать, время-отъ-времени, цѣлые снопы воды на его голову. Онъ принялъ наконецъ твердое намѣреніе защитить хоть сколько-нибудь свою одежду отъ такой напасти; предстояло одно, впрочемъ, средство, да и то весьма-слабое: надлежало повернуться спиною къ дождю, вѣтру и кучеру, подобрать подъ себя ноги, скорчиться и съёжиться до крайне-возможной степени. Такъ и сдѣлалъ Сидоръ. Кучеръ, съ своей стороны, находившійся съ камердинеромъ несовсѣмъ въ миролюбивыхъ отношеніяхъ, продолжалъ междутѣмъ, помахивать кнутомъ и посвистывать. Изрѣдка лишь поглядывалъ онъ на Сидора, насмѣшливо потряхивалъ головой и, выбравъ удобную минуту, пригибался всѣмъ корпусомъ къ лошадямъ, чтобъ дать дождю полную возможность погулять по спинѣ своего недоброжелателя. Потомъ онъ снова принималъ перпендикулярное положеніе и снова принимался покрикивать и посвистывать. Такого рода продѣлки повторялись, впрочемъ, до той лишь поры, пока сумерки позволяли еще различать предметы; но когда ночь окутала небо и землю, когда не стало видно не только лошадей, но и спины Сидора, кучеръ махнулъ еще разъ кнутомъ и, положившись вполнѣ на разсудительность коренника и правой пристяжной, немедленно погрузился въ сладкій сонъ.

Съ этой минуты дорожная коляска Аристарха Өедоровича, поѣхала медленнѣе и ужь окончательно исчезла во мракѣ ночи.

Не могу опредѣлить съ точностью, сколько разъ разсудительный кореникъ и подруга его, разсудительная пристяжная, останавливались и сколько сдѣлали они верстъ съ той минуты, какъ заснулъ возница; знаю только, что, по прошествіи довольно-длиннаго срока, кучеръ и Сидоръ были внезапно пробуждены страшнымъ крикомъ, раздавшимся передъ самой мордой кореника, который фыркалъ и упирался передними ногами.

— Стой! стой! неистово кричалъ какой-то хриплый голосъ.

— Ишь куда лѣзете! закричали еще громче Сидоръ и балахновскій кучеръ, принимаясь дергать возжами, суетиться, какъ-будто весь этотъ случай произошелъ единственно отъ оплошности сидѣвшаго противъ нихъ кучера.

— Сворачивай съ дороги, ну, ну, ну!.. басилъ, междутѣмъ, незнакомый кучеръ.

— Долой съ дороги! Прочь! надрывался хриплый голосъ.

Минуты двѣ, обѣ коренныя стояли плотно упершись лбами. Никто не хотѣлъ уступить другъ-другу колеи; обстоятельство это показывало, впрочемъ, опытность обоихъ кучеровъ: выѣхать изъ колеи, значило засѣсть навѣрняка въ такую грязь, изъ которой не вытащить экипажа десяткомъ лошадей.

— Что тамъ такое? спросилъ Аристархъ Өедоровичъ, протирая глаза и поспѣшно высовываясь изъ-подъ фартука.

— Кто ѣдетъ? крикнулъ еще неистовѣе хриплый голосъ.

— Помѣщикъ Балахно̀въ, отозвался Сидоръ.

— Ба-лах-но̀въ! повторилъ Аристархъ Өедоровичъ густымъ, но сдержаннымъ басомъ.

Но не успѣлъ онъ произнести этого слова, какъ въ противоположномъ экипажѣ раздался такой эстерически-восторженный хохотъ, отъ котораго вздрогнули разомъ и люди и лошади; вслѣдъ затѣмъ кто-то прыгнулъ на землю и поспѣшно зашлёпалъ по грязи. Секунду спустя, незнакомецъ подбѣжалъ къ коляскѣ, смѣлою рукою отстегнулъ фартукъ и, просунувъ голову во внутрь экипажа, залился новымъ восторженнымъ хохотомъ.

— Карачаевъ? сказалъ удивленный Аристархъ Өедоровичъ.

— Я, душа моя, *Aristarque*! я! я!.. Ну, братъ, самъ Богъ тебя послалъ! воскликнулъ Карачаевъ. Я въ восхищенiи, что мы встрѣтились. Спасибо, дружище! Спасибо ребята, молодцы, удружили! подхватилъ онъ, обращаясь неожиданно къ Сидору и кучеру.

Тутъ, Павелъ Петровичъ поспѣшно спряталъ руки подъ мокрую шинель, пошарилъ въ карманахъ и, вынувъ наобумъ двѣ мелкiя монеты, протянулъ ихъ балахновскимъ людямъ, прибавивъ: «спасибо ребята, спасибо, удружили!»

— За что же, Павелъ Петровичъ, помилуйте, сударь, за что же?.. бормотали люди.

— Бери когда даютъ! бери! ну! нетерпѣливо крикнулъ Карачаевъ. — Ну, братъ, душа *Aristarque*, какъ радъ, какъ радъ, что тебя встрѣтилъ! подхватилъ онъ, снова просовывая голову въ коляску, причемъ поля его войлочной шапки пустили цѣлую струю воды на колѣни Аристарха Ѳедоровича: — повѣришь ли, *écoutè*: вѣдь вотъ второй день мечусь какъ угорѣлый по всему уѣзду и тебя отъискиваю!..

— Какъ? Что такое? Развѣ дома случилось что-нибудь? перебилъ Балахновъ.

— Нѣтъ, душа моя, нѣтъ, нѣтъ, успокойся, ничего не случилось! съ живостью сказалъ Карачаевъ. — Лизавета Семеновна, дѣтки — всѣ слава Богу здоровы, все обстоитъ благополучно; я вѣдь, братъ, ты знаешь, маху не дамъ, за всѣмъ самъ присматривалъ, все хорошо слава Богу!..

— Что жь тебя понудило меня отъискивать съ такимъ рвенiемъ? спросилъ Балахновъ.

— Нѣтъ, ты душа моя, скажи мнѣ прежде, куда ты теперь намѣренъ ѣхать?

— Въ Горшковъ...

— Ну нѣтъ, братъ, атанде-съ, дудки; этому не бывать! Мы сейчасъ же отсюда ѣдемъ къ Кокуркинымъ! Сегодня день рожденiя Вѣры Андреевны; я вѣдь, братъ, затѣмъ тебя и отъискивалъ!

— Коли затѣмъ только, такъ я скажу тебѣ, что напрасно безпокоился.

— Че-е-во?

— Напрасно безпокоился, повторилъ Балахновъ.

— Какъ, напрасно безпокоился; это отчего? спросилъ недовольнымъ голосомъ Карачаевъ.

— Оттого, что я къ Кокуркинымъ не поѣду!

— Нѣтъ, поѣдешь! я тебѣ говорю, что поѣдешь! воскликнулъ Карачаевъ, мгновенно разгорячаясь и принимаясь дѣлать неистовые жесты: — поѣдешь я тебѣ говорю, или, иначе, это будетъ съ твоей стороны очень-нехорошо: слышишь ли! Какъ! онѣ прислали тебѣ приглашеніе, оказываютъ тебѣ всякія учтивости, а ты не поѣдешь! Четвертаго-дни, какъ только ты уѣхалъ, онѣ прислали нарочнаго въ Ханскіе-Пруды съ приглашеніемъ! заключилъ Карачаевъ, переходя внезапно къ убѣдительному тону.

— Какъ бы то ни было, любезный, сказалъ небрежно-насмѣшливымъ тономъ Аристархъ Ѳедоровичъ: — а я не поѣду; не поѣду, вопервыхъ, потому, что не вижу надобности, вовторыхъ, погода скверная да и поздно, втретьихъ, чувствую себя вовсе нерасположеннымъ...

— Че-е-во! А ты думаешь я расположенъ? Ты думаешь, мнѣ весело на душѣ, а? Ты думаешь, мнѣ пріятно было слоняться двои сутки, да мокнуть на дождѣ? а? а? Но я дѣлалъ это, имѣя въ виду отъискать тебя и повезти къ Кокуркинымъ, которымъ ты не отдавалъ визита болѣе года, вотъ она штука-то въ чемъ! Этого требуетъ учтивость, деликатность, да! Ты думаешь, что ты и Богъ знаетъ что́ за птица? остальные всѣ дрянь, меркантель какая-нибудь! Къ тебѣ всѣ станутъ ѣздить, потѣшать твое самолюбіе, а ты будешь лежать-себѣ сложа руки, какъ этотъ... какъ бишь его?.. богдыханъ, или султанъ у этого Пушкина, который лежитъ-себѣ на софѣ, кругомъ всѣ раболѣпствуютъ, тѣснятся... а у него въ зубахъ янтарь шипитъ... Вотъ она штука то въ чемъ... Нѣтъ, братъ, нѣтъ, этого братъ... да...

Весь этотъ монологъ Аристархъ Ѳедоровичъ выслушалъ очень-разсѣянно. Въ головѣ его внезапно сверкнула мысль, что у Кокуркиныхъ, по случаю рожденія толстой Вѣры Андреевны, могло съѣхаться изрядное количество мелкихъ сосѣдей; что авось-либо удастся ему пріобрѣсть въ общей сложности еще одинъ лишній голосъ и что, слѣдовательно, не поѣхать ли ему лучше на вечеръ къ «барышнямъ», чѣмъ провести безплодную ночь на постояломъ дворѣ уѣзднаго города?

— Полно пустяки-то молоть, произнесъ онъ, обратясь вдругъ къ Карачаеву: — скажи-ка лучше, насколько мы отъ

Горшкова и сколько верстъ, слѣдовательно, до «Веселыхъ-Горокъ?»

— Помилуй, братецъ, отъ Горшкова верстъ десять, а до «Веселыхъ-Горокъ» всего три версты, я думаю и того не будетъ, воскликнулъ съ живостью Карачаевъ: — повернемъ назадъ, полверсты всего, а тамъ, по проселку, двѣ съ половиной... какое! двухъ верстъ не будетъ! заключилъ онъ, снова орошая помощью своей шляпы ноги Балахнòва.

— Ну, Богъ съ тобой, быть по-твоему: поѣдемъ къ Кокуркинымъ! сказалъ Аристархъ Ѳедоровичъ, снисходительно улыбаясь.

— Ну, дà, душа моя, разумѣется такъ. Спасибо, я, братъ, признаться, никогда не сомнѣвался въ твоемъ благородствѣ! восторженно закричалъ Карачаевъ, простирая руки, чтобъ обнять своего пріятеля и поливая его въ то же время какъ изъ лейки.

— Я надѣюсь, однакожъ, любезнѣйшій, ты поѣдешь въ своемъ экипажѣ? произнесъ Аристархъ Ѳедоровичъ: — въ противномъ случаѣ, чего добраго, здѣсь произойдетъ наводненіе...

— Фу! извини, душа моя, я и забылъ совсѣмъ, что съ меня льетъ какъ изъ жолоба! Конечно, я поѣду въ своей тележкѣ!.. Ну, да что объ этомъ; коли дѣло, такъ дѣло: ѣдемъ, Аристархъ Ѳедоровичъ, ѣдемъ! Ты, братъ, очень обрадуешь барышень!.. Завернись покрѣпче, смотри, дьявольски-холодно!.. Я поѣду впереди; мой Васютка укажетъ дорогу... Ну, ребята, сворачивай—и за мной! да смотрѣть въ оба и не отставать!

Тутъ Карачаевъ закрылъ кожаный фартукъ, взялъ подъ уздцы коренную Балахнòва, поворотилъ коляску, причемъ раза два чуть не грохнулся въ лужу, потомъ сѣлъ въ свою тележку, закричалъ: «Съ Богомъ!» и поѣхалъ впередъ.

Съ того мѣста, гдѣ произошла встрѣча, было дѣйствительно не болѣе трехъ или четырехъ верстъ до «Веселыхъ-Горокъ». Наши путешественники не замедлили въѣхать въ околицу и, минутъ пять спустя, увидѣли передъ собою маленькій домикъ Кокуркиныхъ, въ которомъ всѣ окна свѣтились самымъ радостнымъ, привѣтливымъ блескомъ.

Коляска бултыхнулась послѣдній разъ въ лужу и остановилась у крыльца.

Когда Аристархъ Өедоровичъ и Карачаевъ вошли въ переднюю, глазамъ ихъ предстала слѣдующая картина: направо возвышалась до самаго потолка гора изъ шубъ, салоповъ, мѣховыхъ сапоговъ и старенькихъ, поистасканныхъ шерстяныхъ платковъ, которыми въ мелкомъ провинціальномъ кругу окутываютъ голову барышни и дамы, отправляющіяся на балъ; прямо, на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ располагалась дверь въ комнаты, возвышалась другая гора, но только состоявшая вся изъ спинъ, затылковъ ногъ кучеровъ, лакеевъ и остальныхъ членовъ дворни, головы которыхъ просунуты были въ залу, откуда излетало бряцанье гитары.

— Позволь поблагодарить тебя еще разъ, душа моя, что ты пріѣхалъ! неожиданно сказалъ Карачаевъ, съ чувствомъ пожимая руку своего друга и торопливо принимаясь обчищать свое платье. Аристархъ Өедоровичъ улыбнулся, приподнялъ брови и отдалъ себя въ полное распоряженіе Сидора. Шепнувъ затѣмъ камердинеру, чтобъ не распрягали лошадей, но только засыпали бы имъ корма, Балахнòвъ принялъ ту величаво-вельможную осанку, которая такъ отличала его всегда въ обществѣ мелкихъ сосѣдей, протискался, благодаря заботливому усердію Карачаева, сквозь гору спинъ, и выпучивъ грудь, улыбаясь и кивая направо и налѣво, вошелъ въ залу.

Трудно представить себѣ эффектъ, произведенный его появленіемъ. Мнѣ кажется даже, если не ошибаюсь, одинъ видъ его мигомъ разсѣялъ въ сердцахъ всѣхъ присутствовавшихъ даже самыя подозрѣнія, относительно тѣхъ пунктовъ, въ которыхъ еще наканунѣ обвиняли его съ такимъ рвеніемъ. Единодушный, неподдѣльный восторгъ изобразился на всѣхъ почти лицахъ. Звуки гитары тотчасъ же умолкли. Барышни прокричали въ одинъ голосъ «ахъ!» и бросились къ Балахнòву на встрѣчу; Порфирій Павловичъ Васильковъ, стоявшій подлѣ двери съ Надеженькой, удостоился первый подойти къ Аристарху Өедоровичу и протянулъ ему руку съ такимъ видомъ, какъ-будто былъ одолженъ имъ неоплатными суммами и въ-вѣкъ не могъ съ нимъ расквитаться; Кокуркины надрывались въ произнесеніи именитому гостю благодарственнаго монолога; вдохновенный Чибезовъ, которому Балахнòвъ пожалъ съ особенною любезностью руку, восторженно сверкалъ глазами; между-тѣмъ, какъ Свищовъ и Полушкинъ, стоявшіе по сторонамъ великаго человѣка и покуда еще незамѣчаемые имъ,

отвѣшивали поклоны. Одинъ Аполлонъ Егоровичъ (въ этомъ слѣдуетъ отдать ему справедливость) не обнаружилъ увлеченья; онъ коротко и сухо шаркаетъ сапогомъ и, мрачно насупивъ брови, отходитъ тотчасъ же въ сторону. Но Аристархъ Ѳедоровичъ не замѣчаетъ Дрянкова; онъ наклоняетъ голову, говоритъ «благодарю!» снисходительно пожимаетъ руки и добродушно улыбается. Хозяйки дома настаиваютъ на томъ, чтобъ именитый гость расположился въ гостиной. — «Помилуйте, Аристархъ Ѳедорычъ», говорятъ онѣ въ одинъ голосъ, «тамъ вамъ будетъ покойнѣе... Какъ же это можно, чтобъ вы сидѣли на этомъ стулѣ? этого мы никакъ не дозволимъ, вопервыхъ, какъ хозяйки, а вовторыхъ... вовторыхъ, въ гостиной мягкій диванъ и вамъ будетъ несравненно-покойнѣе!..» Но Аристархъ Ѳедовичъ говоритъ, съ свойственною ему скромностью, что онъ рѣшительно не видитъ, почему онъ лучше другихъ, находящихся здѣсь добрыхъ и честныхъ людей, и напрямикъ отказывается отъ гостиной. Тогда барышни обставляютъ гостя непроходимою стѣною тарелокъ съ вареньемъ и разными съѣстными издѣліями своихъ рукъ. Новыя лица обступаютъ и окружаютъ Аристарха Ѳедоровича. Аристархъ Ѳедоровичъ наклоняетъ голову, говоритъ «благодарю!», снисходительно пожимаетъ руки и добродушно улыбается, незабывая въ то же время дѣлать свои наблюденія касательно тѣхъ лицъ, которыя, въ общей сложности, могутъ составить на выборахъ одинъ лишній голосъ. Взоръ его случайно падаетъ на Чибезова и онъ вторично протягиваетъ ему руку. Такое лестное отличіе производитъ на нервознаго Чибезова необыкновенно-сильное впечатлѣніе. Пріемъ великаго человѣка пробуждаетъ въ Чибезовѣ сознаніе собственнаго достоинства; въ эту минуту пылкій Чибезовъ готовъ привести тысячу фактовъ и исторій, изъ которыхъ видно, какъ дважды-два — четыре, что Аристархъ Ѳедоровичъ величайшій и благороднѣйшій мужъ своего уѣзда; ядовитая сатира, приготовленная наканунѣ Чибезовымъ на этого самаго мужа — забыта, забыта совершенно; въ эту минуту Чибезовъ готовъ сочинить въ пользу Аристарха Ѳедоровича панегирикъ и заклеймить сатирой ближайшихъ своихъ знакомыхъ. Онъ располагается подлѣ Балахнова и принимаетъ видъ человѣка съ возвышенными понятіями.

Аристархъ Ѳедоровичъ бросаетъ на окружающихъ благо-

склонную улыбку, обличающую внутреннее сознаніе превосходства и силы; затѣмъ онъ обнаруживаетъ надежду, что не будетъ служить помѣхою для всеобщаго веселья и проситъ продолжать танцы.

Прокисай Захарычъ беретъ два-три аккорда на гитарѣ — и пары устанавливаются.

Карачаевъ выступаетъ впереди всѣхъ, почтительно ведя за руку старшую изъ барышень. Варвара Андреевна ни подъ какимъ видомъ не соглашалась танцовать; она увѣряла Карачаева, что ужь двадцать лѣтъ не танцуетъ; но Павелъ Петровичъ, проникнутый непреклонною мыслью, что учтивость требуетъ непремѣнно пригласить прежде другихъ старшую хозяйку дома, настоялъ на своемъ; онъ даже разсердился не на шутку, когда Варвара Андреевна замѣтила, что онъ приглашаетъ ее, вѣроятно, для смѣха. Движенія Павла Петровича преисполнены необычайной важности, спокойствія, и по всей справедливости удивляютъ присутствующихъ, непривыкшихъ встрѣчать его въ такомъ степенномъ видѣ. Еще вначалѣ, при первомъ появленіи своемъ, онъ успѣлъ изумить всѣхъ, отказавшись наотрѣзъ налить рому въ свой чай и ограничившись ложкою морса. Въ первую минуту рука его дѣйствительно протянулась-было къ графину, но пальцы его, какъ-будто удерживаемые какою-то мыслью, отъ которой покраснѣли даже его лобъ и щеки, долго не рѣшались обхватить горлышко графина и, наконецъ, съ какою-то отчаянною рѣшимостью, схватили бутылку съ морсомъ. Поступки эти и солидный видъ Карачаева изумили даже Аристарха Ѳедоровича.

Прокисай Захаровичъ исторгаетъ изъ своей гитары плачевно-меланхолическіе звуки, возвѣщающіе начало кадрили.

— Чаще! чаще! вы слишкомъ тихо играете, Прокисай Захарычъ; скорѣе; что это вы! такъ танцовать нельзя; чаще, говорятъ вамъ! восклицаютъ танцующіе, внезапно останавливаясь послѣ первыхъ двухъ прыжковъ и устремляя глаза на приживальщика.

Прокисай Захаровичъ смущается, обливается потомъ и, въ припадкѣ замѣшательства, принимается осматривать свою гитару. Онъ хотя и рѣшился, твердо рѣшился отказаться отъ Надеженьки и завтра же утромъ покинуть «Веселыя-Горки», но совсѣмъ-тѣмъ, никакъ не можетъ равнодушно взирать на

счастливаго соперника; игра его находится въ совершенной зависимости отъ степени любезности Надеженьки съ Васильковымъ. Игра его замираетъ и слабѣетъ каждый разъ, какъ Надеженька улыбается, и наоборотъ, частитъ онъ немилосердно, когда лицо Порфирія Павловича проявляетъ тоску и взоры соперника уныло обращаются къ потолку.

— Ну что жь ты, братецъ, тебя ждутъ! говоритъ Карачаевъ, выразительно подымая брови и становясь на первую позицію.

Во все продолженіе кадрили Карачаевъ представляетъ изъ себя образчикъ самаго предупредительнаго, учтиваго и деликатнаго кавалера; ноги его, забрызганы кое-гдѣ грязью, но совсѣмъ-тѣмъ не измѣняютъ первой позиціи; онъ тщательно обходитъ дамъ, безпрестанно останавливается, раскланивается, поворачиваетъ во всѣ стороны свою лысину, извиняется, кричитъ: «pardoné!» мало того: онъ считаетъ своимъ долгомъ извиняться и кричать «pardoné» каждый разъ, какъ кто-нибудь изъ кавалеровъ дѣлаетъ маленькую оплошность. Лицо Павла Петровича, важное и спокойное, обнаруживаетъ неудовольствіе тогда лишь, когда встрѣчается съ лицомъ Василькова; Карачаевъ начинаетъ слѣдить за каждымъ движеніемъ Порфирія Павловича.

Но Порфирій Павловичъ ничего не видитъ; упоенный счастіемъ, онъ, впивается страстными глазами въ рѣсницы Надеженьки, наклоняетъ голову къ ея уху и шепчетъ ей сладостнымъ голосомъ:

— О, какъ бы я хотѣлъ быть мухой, чтобъ порхать вокругъ этихъ роскошныхъ плечъ...

Губы Надеженьки принимаютъ мгновенно видъ сердца и щеки ея, и безъ того уже красныя, паливаются чистѣйшимъ пурпуромъ; она подымаетъ наконецъ голову, съуживаетъ глазки и, лукаво грозя пальцемъ, шепчетъ своему кавалеру:

«Кто чаще всѣхъ твердитъ: люблю!»
«Тотъ меньше всѣхъ любить умѣетъ!»

Глаза Карачаева устремляются еще пристальнѣе на Василькова.

— Проксисай Захарычъ, вы, просто, спите, голубчикъ! чаще! чаще! чаще! говорятъ вамъ! восклицаетъ веселая Вѣра Андреевна, подпрыгивая отъ нетерпѣнія на одномъ мѣстѣ.

Кадриль кончился.

Глаза Карачаева все-таки продолжаютъ слѣдить за эволюціями Василькова; улучивъ минуту, когда танцоры окружали Аристарха Ѳедоровича, Карачаевъ подошелъ къ Василькову, взялъ его за руку, отвелъ въ гостиную и вдругъ, неожиданно прижалъ его въ уголъ.

— Чѣмъ бы здѣсь бѣсноваться, ты бы лучше съѣздилъ къ женѣ! сказалъ онъ, грозно насупивая брови: — она больна и лежитъ въ постели... ты думаешь я не знаю твоихъ шашень... а?

— Да... что жь ты замѣчаешь?.. я... я... пробормоталъ Васильковъ.

— Колпакъ и больше ничего! произнесъ Карачаевъ. Тутъ онъ презрительно толкнулъ Василькова и вышелъ въ залу.

Съ этой минуты, восторженное настроеніе Порфирія Павловича смѣнилось глубочайшей меланхоліей; на замѣчанія, которыми осадили его по поводу такой перемѣны, онъ опускалъ только голову и говорилъ уныло вопросительнымъ тономъ:

— Когда я умру, кто пріидетъ на мою могилу?!..

— Полноте, полноте, Порфирій Павлычъ, что это за вздоръ за такой! восклицала веселая Вѣра Андреевна, Христосъ съ вами! Вопервыхъ, еслибъ и случилось такое несчастіе, мы не только посѣтили бы вашу могилу, но усыпали бы ее цвѣтами и выплакали надъ нею всѣ свои слезы... но все это пустяки! Прошу васъ быть веселымъ, и не забывать, что сегодня день моего рожденія!.. Въ ожиданіи вашей могилы, надѣюсь, вы не откажете мнѣ танцовать со мною мазурку... Видите, я сама васъ приглашаю!

Радостныя привѣтствія и особенно мазурка оживили Порфирія Павловича, но ненадолго; послѣ первыхъ двухъ скачковъ, которые привели въ справедливое восхищеніе всѣхъ поклонниковъ перваго мазуриста Горшковскаго Уѣзда, глаза Василькова случайно встрѣтили грозный взглядъ Карачаева и уже съ этого времени онъ впалъ въ такую меланхолію, противъ которой не подѣйствовали даже плѣнительныя улыбки младшей Кокуркиной.

Наблюдая всѣ эти сцены и подсмѣиваясь надъ ними въ глубинѣ необъятной души своей, Аристархъ Ѳедоровичъ не пропустилъ, однакожь, случая употребить съ пользою сосѣдство Чибезова; онъ успѣлъ освѣдомиться о числѣ душъ Чи-

безова, успѣлъ замѣтить ему, что число его душъ въ-совокупности съ душами Свищова и Полушкина составляетъ довольно-круглое число, имѣющее полное право на одинъ голосъ; успѣлъ обѣщать этотъ голосъ растроганному Чибезову и конечно не преминулъ пригласить его въ пятницу на обѣдъ, сказавъ ему при этомъ, что если онъ не привезетъ съ собою жены, то пусть лучше и не является. Затѣмъ, великій дипломатъ дождался окончанія мазурки, приподнялся съ своего мѣста и началъ раскланиваться.

Обстоятельство это привело въ истинное отчаяніе радушныхъ хозяевъ дома.

— Какъ, Аристархъ Ѳедорычъ! нѣтъ, нѣтъ, мы этого ни какъ не допустимъ! День такой сегодня, что вы должны остаться! Сегодня Вѣрочкинъ праздникъ! Нѣтъ, нѣтъ, этого никакъ нельзя! говорили барышни, обступая именитаго гостя, между-тѣмъ, какъ Карачаевъ, стоявшій позади всѣхъ, моргалъ глазами и кивалъ ему головою съ видомъ укора.

— Къ-сожалѣнію, не могу принять радушнаго приглашенія вашего, говорилъ Аристархъ Ѳедоровичъ; благодарю, благодарю отъ чистаго сердца! Я долженъ ѣхать въ Горшковъ; вы знаете, въ пятницу, черезъ три дня, у меня обѣдъ, на которомъ надѣюсь васъ видѣть; между-прочимъ, я долженъ еще сдѣлать два визита—это необходимо!

— Успѣете еще, успѣете! воскликнули въ одинъ голосъ барышни и за ними всѣ присутствовавшіе. Ну хорошо, мы васъ отпустимъ, вы поѣдете, но только не иначе какъ послѣ послѣдняго вечерняго дѣйствія! Ужь какъ хотите, а мы безъ ужина васъ не отпустимъ!

— Благодарю, благодарю отъ чистаго сердца, но...

— Нѣтъ, нѣтъ вы останетесь; мы всѣ просимъ васъ объ этомъ... Господа, барышни... Что же это такое: Аристархъ Ѳедоровичъ не хочетъ дождаться послѣдняго вечерняго дѣйствія!.. Кондей Иванычъ! Проклъ Иванычъ! Софья Кузьминична, Павелъ Петровичъ... уговорите Аристарха Ѳедорыча. Но Павелъ Петровичъ стоялъ уже подлѣ Балахнова и, дергая его за рукавъ, шепталъ ему въ ухо:

— Вѣдь это, братецъ, позволь тебѣ сказать, просто невѣжество! ну чего ты ломаешься?.. Обидѣть ты хочешь ихъ что ли? Ты думаешь, что если это меркантель, такъ ты мо-

жешь себѣ... это, просто, братецъ, извини, невѣжество съ твоей стороны!..

Тонъ съ которымъ прошептаны были эти слова, доказывалъ ясно, что еще одна секунда сопротивленія — и Павелъ Петровичъ разразится громомъ на всю залу.

Аристархъ Ѳедоровичъ улыбнулся, шутливо потрепалъ Карачаева по плечу и одобрительно кивнувъ головой, объявилъ, что онъ готовъ раздѣлить трапезу, столь радушно предложенную.

Столы не замедлили явиться и общество сѣло ужинать.

Послѣднее вечернее дѣйствіе не ознаменовалось ничѣмъ особенно-замѣчательнымъ. Пробки съ шипучкой и водицами поминутно хлопали въ потолокъ, провозглашались тосты въ честь новорожденной, причемъ новорожденная дѣлала каждый разъ книксенъ, а старшая сестра ея проливала нѣсколько слезъ; Кондей Ивановичъ пробовалъ всѣхъ напитковъ и опустошалъ всѣ соусники, что̀ не мѣшало его супругѣ запрятывать въ свой ридикюль разнаго рода съѣстные предметы; вдохновенный Чибезовъ неистово сверкалъ глазами и принялся уже читать какой-то экспромтъ блеснувшій въ головѣ его при взглядѣ на новорожденную, но закашлялся, захрипѣлъ и вышелъ наконецъ изъ-за стола, чтобъ откашляться въ прихожей; Аристархъ Ѳедоровичъ благосклонно кивалъ головою и смѣялся густымъ, добродушнымъ смѣхомъ; словомъ, было необычайно-весело за ужиномъ у Кокуркиныхъ!

Два только человѣка: Порфирій Павловичъ и Карачаевъ представляли два темныя пятна посреди этой улыбавшейся картины. Васильковъ случайно посаженъ былъ противъ Карачаева и этимъ объясняется отчасти его мрачное настроеніе; что жь касается до Павла Петровича, лицо его, важное и спокойное, напоминало выраженіе тѣхъ физіономій, которыя являются посреди шумнаго сборища единственно съ тою лишь цѣлью, чтобъ исполнить свою обязанность. Во все время ужина онъ не прикоснулся ни къ одному напитку и пилъ одну только воду, причемъ въ глазахъ его отражалось всякій разъ присутствіе какой-то назойливой мысли, а на губахъ бродила широкая улыбка самодовольствія. Но общество, увлекаемое всеобщею радостью, принимавшею самые широкіе размѣры по случаю исчезновенія со стола изряднаго количества шипучки, не обращало ни малѣйшаго вниманія на двухъ задумчивыхъ рыцарей.

*

По окончаніи ужина, Аристархъ Өедоровичъ обнаружилъ желаніе выкурить сигару, но въ-сущности, это была только хитрость, придуманная имъ съ тѣмъ, чтобъ удалить подозрѣнія о его отъѣздѣ. Выбравъ удобную минуту, когда хозяйки дома, главныя лица общества, и особенно Карачаевъ, развлеклись какимъ-то предметомъ, онъ поспѣшно вьюркнулъ изъ залы и, нѣсколько минутъ спустя, благополучно достигъ коляски, которая тотчасъ же покатила по дорогѣ къ Горшкову.

ГЛАВА XXXIX.

Посмѣявшись отъ души надъ жалкими смертными, великій человѣкъ направляетъ стопы свои къ одному господину, столько же богатому, сколько эксцентрическому.

На другой день утромъ Сидоръ привелъ проводника, одинъ видъ котораго, въ высшей степени смѣлый и рѣшительный, не оставлялъ ни малѣйшаго сомнѣнія, что онъ въ-совершенствѣ знаетъ дорогу изъ Горшкова въ «Золотые-Пруды». Благодаря такому счастливому обстоятельству и, сверхъ-того, морозу, который, какъ извѣстно, быстро и успѣшно исправляетъ дороги, Аристархъ Өедоровичъ очутился къ полудню на землѣ Старобѣльскаго.

Нимало не намѣреваясь совершить торжественный въѣздъ въ-сопровожденіи проводника, сидѣвшаго на какой-то клячонкѣ, Балахно̀въ заплатилъ ему условленную плату и отослалъ его назадъ; затѣмъ, онъ велѣлъ кучеру и Сидору оправиться, привести въ порядокъ одежду, обчистить коляску, тщательно осмотрѣть лошадей, обтянуть хомуты и проч. и проч. Когда все это было исполнено надлежащимъ образомъ, Аристархъ Өедоровичъ поправилъ волосяной свой галстухъ и приказалъ ѣхать ровною рысью по направленію къ высокой каменной церкви, бѣлѣвшейся въ отдаленіи.

Аристархъ Өедоровичъ не былъ въ «Золотыхъ-Прудахъ» лѣтъ восемь или девять, съ того времени, когда отецъ настоящаго владѣльца не думалъ еще умирать и находился въ полномъ, вожделѣнномъ здравіи. Пріѣзжая на поклонъ въ «Золотые-Пруды» (покойникъ занималъ, по своему положенію и богатству, первое мѣсто въ губерніи), Балахно̀ву удалось

встрѣтить раза два молодаго Старобѣльскаго, служившаго тогда въ кавалерійскомъ полку и пріѣзжавшаго въ отпускъ. Но съ того времени, какъ можете себѣ представить, много утекло воды; старикъ умеръ, сынъ вступилъ во владѣніе имѣньемъ, вышелъ въ отставку, поселился въ наслѣдственной вотчинѣ и, какъ сказывали, до-того пристрастился къ деревенской жизни, что никуда рѣшительно не выѣзжалъ.

Воображеніе нашего героя, переносясь къ былому, старалось припомнить черты молодаго Старобѣльскаго съ тѣмъ, чтобъ, помощью ихъ, нарисовать себѣ въ наивозможно-вѣрныхъ краскахъ наружность человѣка, съ которымъ предстоитъ теперь вести бесѣду. Но сколько ни напрягалъ онъ пружинъ мыслительнаго своего органа, воображеніе измѣняло ему; черты Старобѣльскаго представляли совершеннѣйшій хаосъ, въ которомъ умственный взоръ горшковскаго дипломата отъискивалъ дюжины носовъ, глазъ, губъ и подбородковъ самаго темнаго и неопредѣленнаго очертанія. Неимѣя съ этой стороны ни малѣйшаго успѣха, умственный взоръ Аристарха Өедоровича старался проникнуть во внутренній міръ Старобѣльскаго, старался припомнить, не было ли у него какихъ-нибудь особенныхъ склонностей, привычекъ и проч.; но и съ этой стороны, точно также, воображеніе не оказало никакого успѣха. Балахно̀въ принадлежалъ именно къ числу тѣхъ замѣчательныхъ людей, которые, подобно нѣкоторымъ драгоцѣннымъ камнямъ, принимаютъ цвѣтъ предмета, съ которымъ находятся въ соприкосновеніи. Онъ былъ знатокъ человѣческаго сердца и въ объясненіяхъ своихъ, вмѣсто того, чтобъ держать собесѣдника за пуговицу сюртука, какъ это дѣлаютъ многіе люди, предпочиталъ держать собесѣдника за слабую его струнку. Въ чемъ же состояла слабая струнка Старобѣльскаго?.. Аристархъ Өедоровичъ долго думалъ и всетаки не могъ пріидти къ желанному результату. Случай, этотъ помощникъ всѣхъ великихъ открытій, вывелъ его изъ затрудненія. Онъ встрѣтилъ на полѣ табунъ матокъ изъ завода «Золотыхъ-Прудовъ», и ужь съ этой минуты мысли его потекли стройнымъ порядкомъ; этотъ табунъ навёлъ его на мысль, что Старобѣльскій питалъ сильное пристрастіе къ лошадиной породѣ и сосредоточивалъ даже всю свою дѣятельность на конномъ заводѣ. Такія данныя, безъ всякаго сомнѣнія, были бы недостаточны для обыкновеннаго смертнаго, но Аристархъ

Өедоровичъ остался ими очень-доволенъ. Принимая въ соображенie страсть Старобѣльскаго, онъ создалъ тотчасъ же маленькiй планъ, ка́къ успѣшнѣе подѣйствовать на умъ и сердце богатаго сосѣда. Положившись во всемъ остальномъ на свою проницательность и умѣнье распознавать людей съ перваго взгляда, онъ углубился въ уголъ коляски и приказалъ прибавить рыси.

Коляска успѣла между-тѣмъ, проколесить изрядное пространство. Ужь церковь и бо́льшая часть села остались влѣвѣ; со всѣхъ сторонъ подымались каменныя, безконечно-длинныя и тщательно-выбѣленныя зданiя съ остроконечными кровлями и рядами крошечныхъ, полукруглыхъ оконъ извѣстной архитектуры, оконъ, которыя служили несомнѣннымъ доказательствомъ, что конный заводъ обращалъ на себя особенное вниманiе владѣльца; конюшенный запахъ, охватившiй нашихъ путешественниковъ при самомъ въѣздѣ въ околицу, краснорѣчиво подтверждалъ такое доказательство, свидѣтельствуя вмѣстѣ съ тѣмъ объ огромномъ количествѣ лошадей, которыя должны были находиться въ «Золотыхъ-Прудахъ». На соломенныхъ кровляхъ сараевъ, избушекъ и построекъ для дворни, мелькали то-и-дѣло мертвыя лошадиныя головы, замѣнявшiя, какъ видно, въ этомъ краю скворечницы, рѣзные деревяные пѣтушки и прочiя обыкновенныя украшенiя деревенскихъ кровель; такiя же точно головы попадались весьма-часто въ зубахъ тощихъ борзыхъ собакъ, которыя, распустивъ хвостъ, носились взадъ и впередъ съ своею добычей; съ каждымъ поворотомъ колеса попадались конюхи и коновалы съ сѣдлами, уздечками и попонами; лошадиное ржанье, топотъ копытъ, глухо-раздававшiеся за стѣнами, приводили Аристарху Өедоровичу на память кавалерiйскiе маневры. Миновавъ кузницу, въ которой непрерывный гулъ мѣховъ ясно показывалъ обилiе работы, Аристархъ Өедоровичъ въѣхалъ въ каменныя ворота и очутился наконецъ на такъ-называемомъ красномъ дворѣ.

Красный или барскiй дворъ занималъ огромное пространство; съ трехъ сторонъ его обступили выбѣленныя мѣломъ конюшни; съ той стороны, къ которой обращено было лицо Аристарха Өедоровича, подымался высокiй, двухэтажный дубовый домъ, на каменномъ фундаментѣ, одинъ изъ тѣхъ домовъ, которые строились въ концѣ прошлаго столѣтiя бога-

тыми помѣщиками; тутъ былъ и фасадъ съ колоннами, и бельведеръ съ оранжерейными рамами, и широкая терраса, спускавшаяся ступенями въ садъ, разбитый когда-то въ англійскомъ вкусѣ, но въ настоящую минуту представлявшійся пустыней, заросшей полынью и крапивой; за этимъ садомъ виднѣлся другой, состоявшій исключительно изъ однихъ столѣтнихъ, синеватыхъ елей, которыя, казалось, мрачно и уныло смотрѣли на все окружающее.

Всѣ эти предметы, хотя и напоминали Балахнòву прежняго знакомаго, но совсѣмъ-тѣмъ, въ настоящую минуту, мало занимали нашего героя. Вниманіе его устремлялось на дальнюю часть двора, куда выходило боковое крылечко дома и посреди которой былъ водруженъ столбъ; подлѣ этого столба находилась группа изъ пяти-шести конюховъ; одни хлопали арапниками, другіе держали конецъ веревки, которую натягивала лошадь, бѣгавшая и скакавшая вокругъ столба; за кругомъ, описываемымъ на землѣ копытами лошади, виднѣлась другая, болѣе-значительная группа конюховъ, также хлопавшихъ арапниками; въ сторонѣ отъ всѣхъ стоялъ высокій мужчина, у котораго, впрочемъ, не было арапника; выставивъ правую ногу впередъ, погнувшись назадъ всѣмъ корпусомъ, онъ пристально наблюдалъ за эволюціями лошади и ограничивался тѣмъ только, что пощелкивалъ языкомъ каждый разъ, какъ животное проносилось мимо.

Аристархъ Ѳедоровичъ узналъ въ немъ тотчасъ же Александра Степановича Старобѣльскаго.

Онъ приказалъ остановиться, ловко выпрыгнулъ изъ коляски и пошелъ къ Старобѣльскому тѣмъ твердымъ, но ускореннымъ шагомъ, который составляетъ принадлежность людей очень-довольныхъ собою. При видѣ гостя, Старобѣльскій не обнаружилъ ни радости, ни досады, ни даже удивленія; онъ сохранилъ такое же точно сонливое равнодушіе, какъ-будто видѣлъ передъ собой пріятеля, который вышелъ за минуту передъ тѣмъ, чтобъ закурить трубку; онъ не измѣнилъ даже на волось своего положенія. Дождавшись минуты, когда дресируемая лошадь пронесется мимо, и пощелкавъ ей въ слѣдъ языкомъ, онъ медленно повернулся къ Аристарху Ѳедоровичу, еще медленнѣе приподнялъ мѣховую шапку и устремилъ на него выпуклые, безжизненные глаза.

Аристархъ Ѳедоровичъ остановился и также приподнялъ

фуражку, причемъ лицо его казалось сіявшимъ отъ восторга и добродушія.

— Вы, конечно, не узнаéте меня, Александръ Степанычъ? сказалъ онъ, раскланиваясь съ обворожительной любезностью.

— Мм... нѣтъ... протянулъ флегматическимъ басомъ Старобѣльскій.

— Балахнòвъ... произнесъ Аристархъ Ѳедоровичъ тономъ человѣка, который думаетъ сдѣлать пріятнѣйшій сюрпризъ. Старобѣльскій сонливо приподнялъ шапку, также сонливо поклонился; во всей наружности его не проявилось ни малѣйшаго движенія, и только глаза отрывались каждую секунду, чтобъ слѣдить за бѣгомъ лошади.

— При жизни покойнаго вашего батюшки, Степана Петровича, я часто бывалъ въ Золотыхъ-Прудахъ, началъ Аристархъ Ѳедоровичъ: — скажу безъ лести, но съ грустью въ сердцѣ, съ грустью, возбужденною сладкимъ воспоминаніемъ: покойный Степанъ Петровичъ питалъ ко мнѣ истинно-дружеское расположеніе... Смѣю надѣяться, что достойный наслѣдникъ почтеннаго и знаменитаго Степана Петровича пойдетъ, въ-отношеніи ко мнѣ, по стопамъ благороднаго своего родителя!.. добавилъ дипломатъ, откидываясь назадъ и протягивая обѣ руки съ увѣренностью искренняго душевнаго чувства.

— Очень-радъ... пробормоталъ Старобѣльскій съ такимъ видомъ, который ясно показывалъ, что ему было совершенно все-равно. Разговаривая такимъ-образомъ, Аристархъ Ѳедоровичъ продолжалъ осматривать фигуру Старобѣльскаго съ большимъ участіемъ.

То былъ высокій, худощавый, заспанный мужчина съ необычайно-широкими, хотя бѣлыми и нѣжными ладонями; лицо Старобѣльскаго, пропитанное выраженіемъ лѣни, дошедшей до крайнихъ своихъ предѣловъ, отличалось отсутствіемъ какого бы то ни было оживленія; губы его были безкровны; тонкія, правильныя, изящно-нарисованныя черты лица его, могли бы составлять въ общемъ прекрасную, благородную наружность, еслибъ не вредила всему какая-то опухлость, какое-то размягченіе и желтизна мясистыхъ частей—обыкновенное слѣдствіе лежачей жизни и бездѣйствія. Ему было, однакожь, никакъ не болѣе тридцати-пяти или, много-много тридцати-семи лѣтъ; онъ былъ, чтó называется, мужчина въ полномъ соку и цвѣтѣ лѣтъ. Фигура его имѣла постоянно-на-

клоненное, въ высшей степени вялое, меланхолическое положеніе; онъ, казалось, всегда думалъ о чемъ-то, хотя не было никакой возможности прочесть на его лицѣ, лбу и въ глазахъ отпечатокъ какой-нибудь положительной мысли.

Въ настоящую минуту, какъ и всегда впрочемъ, на немъ былъ коричневый суконный казакинъ, подбитый сѣрыми мерлушками, плотно-перетянутый ременнымъ поясомъ, выложеннымъ серебряными бляхами съ чернью. Черный галстухъ, завязанный повоенному, и синіе широкіе шаравары, запрятанные въ сапожки съ вострыми носками, загнутыми потурецки, довершали его одежду. Лѣвая рука его держала трубку, съ огромнымъ, вычурнымъ янтаремъ на концѣ.

Какъ мы ужь сказали, неподалеку отъ Старобѣльскаго находилась группа конюховъ, вооруженная бичами и арапниками; но зоркій и проницательный взглядъ Аристарха Ѳедоровича умѣлъ отъискать въ этой группѣ четырехъ человѣкъ, одежда и аттрибуты которыхъ ясно показывали, что они не принадлежали къ кучерскому сословію: то былъ, вопервыхъ, мальчикъ, съ старымъ шолковымъ кисетомъ и всѣми принадлежностями для чистки и набиванія трубки; потомъ еще мальчикъ, державшій обѣими руками серебряный подносъ съ колотымъ сахаромъ; потомъ какой-то коренастый малый съ красными щеками, нѣчто въ родѣ форрейтора, съ залихватскими, вертлявыми пріемами и такимъ наглымъ взглядомъ, который тотчасъ же напомнилъ Аристарху Ѳедоровичу Попельковскаго; было, наконецъ, еще одно существо, удостоившееся обратить на себя особенное вниманіе нашего героя: существо это имѣло два горба, спереди и сзади и, сверхъ-того, прихрамывало немилосерднѣйшимъ образомъ на лѣвую ногу; лицо этого человѣка заостренное, какъ у лисицы, и почти такое же желтое, не оставалось ни минуты въ покоѣ и производило, одну за другой, самыя страшныя гримасы; уродливое туловище, какъ-бы повинуясь движеніямъ физіономіи, ёжилось, принимало комическія позы, между-тѣмъ, какъ кривая нога выкидывала разныя, болѣе или менѣе, забавныя колѣнца. Онъ былъ въ замасляномъ жабо и во фракѣ. Въ рукахъ его находилась большая двѣнадцати-струнная гитара; каждый разъ, какъ костлявые пальцы горбуна прикасались къ струнамъ, лицо его, а за нимъ и все туловище, переполнялись корчами; онъ выставлялъ впередъ хромую ногу, мур-

лыкалъ какую-то пѣсню и вытягивалъ лицо по направленію къ Старобѣльскому, обнаруживая явное намѣреніе разсмѣшить его.

Для всѣхъ этихъ наблюденій Аристарху Өедоровичу достаточно было, разумѣется, одного бѣглаго взгляда.

Онъ кашлянулъ и поспѣшилъ завязать разговоръ.

— Вы, Александръ Степанычъ, сколько я замѣчаю, большой охотникъ до лошадей? началъ Балахновъ.

— Да, я охотникъ, сказалъ разсѣянно Старобѣльскій.

— Впрочемъ... ну да, конечно... разумѣется, съ живостью подхватилъ Аристархъ Өедоровичъ : — обладая такимъ заводомъ, какъ вашъ, весьма-естественно сдѣлаться охотникомъ... Впрочемъ, и то сказать надо: вѣдь благороднѣйшее животное, это—лошадь! Я всегда удивлялся, право, за что̀ льва величаютъ благороднѣйшимъ четвероногимъ? Это несправедливо, совершенно-несправедливо! Лошадь заслуживаетъ несравненно-болѣе такой эпитетъ... Посмотрите, ну, посмотрите Бога-ради... посмотрите! добавилъ онъ восторженно, указывая Старобѣльскому на лошадь, бѣгавшую на кордѣ.

— Добрый конь! сказалъ Старобѣльскій...

— Какая грація! сила! могущество! воскликнулъ Аристархъ Өедоровичъ.

— Неудивительно, вымолвилъ Старобѣльскій : — Полканъ, отецъ этой лошади, тотъ самый Полканъ, что̀ выигралъ прошлаго года второй призъ на московской скачкѣ...

Аристархъ Өедоровичъ обнаружилъ восторженное желаніе увидѣть Полкана.

— Эй, Костыль! забасилъ Старобѣльскій, медленно поворачиваясь къ конюхамъ.

Изъ ближайшей группы выскочилъ дюжій, приземистый кучеръ, съ черными волосами, черными глазами и такими толстыми губами, которыя занимали почти третью часть лица.

— Вывести Полкана! произнесъ Старобѣльскій.

Тутъ Старобѣльскій обратился къ другой группѣ, стоявшей у столба, сказалъ, чтобъ перестали гонять лошадь, и приказалъ подвести ее къ себѣ.

— Какое ей прозвище? спросилъ Аристархъ Өедоровичъ.

— Побѣда! отвѣчалъ Старобѣльскій, подзывая мальчика, державшаго подносъ съ сахаромъ.

— Ужь, подлинно что такъ! настоящая Побѣда! воскли-

нулъ Аристархъ Өедоровичъ, когда два конюха подвели взмыленную лошадь: — о Побѣда, Побѣда, милая Побѣда, Побѣдушка! подхватилъ онъ, осторожно поглаживая лошадь и пощелкивая языкомъ, между-тѣмъ, какъ Старобѣльскій давалъ лошади сахаръ.

— Александръ Степанычъ, Сан...дръ... Ст...чъ, зашипѣлъ неожиданно горбунъ, подходя къ Старобѣльскому и принимаясь производить самыя страшныя кривлянья.

— Пошелъ дуракъ! сказалъ Старобѣльскій, необращая на него ни малѣйшаго вниманія.

— Сндръ... Ст...пчъ... продолжалъ шипѣть горбунъ, поддерживая одною рукою гитару, тогда-какъ другая рука его протягивалась къ барину: — а мнѣ-то чтожь сахарку?.. молодую-то лошадь холите, а чтожь старой-то клячѣ... и старой клячѣ сахарку пожалуйте, сударь...

— Пошелъ дуракъ! повторилъ тѣмъ же однообразнымъ тономъ Старобѣльскій.

Горбунъ сдѣлалъ жалкую гримасу, закатилъ глаза подъ лобъ, вытянулъ голову по направленію къ барину и прильнувъ къ его поясу, запѣлъ тоненькимъ, дрожащимъ голосомъ:

Берточка! милочка!..
Тра-та-та, тра-та...

— Пошелъ, дуракъ! повторилъ Старобѣльскій, неизмѣняя на волосъ прежней интонаціи, между-тѣмъ, какъ дворня и конюхи скалили зубы, фыркали отъ удовольствія и подмигивали другъ другу.

— Поставить «Побѣду» въ конюшню! сказалъ Старобѣльскій. — Не угодно ли вамъ, мсьё Балахнòвъ, пройдти въ домъ? примолвилъ онъ флегматически, обращаясь къ гостю.

— Очень-радъ; это будетъ тѣмъ пріятнѣе для меня, что каждый шагъ, каждый предметъ перенесетъ меня, такъ-сказать, къ тѣмъ незабвеннымъ временамъ, когда покойный Степанъ Петровичъ удостоивалъ меня своей дружбы... отвѣчалъ Балахнòвъ, выступая за сосѣдомъ и соображая въ то же время, чтó бы значило, что бòльшая часть конюховъ и дворни направляется въ комнаты вслѣдъ за своимъ бариномъ.

Вступивъ въ переднюю, Аристархъ Өедоровичъ увидѣлъ знакомый ему рядъ комнатъ, обитыхъ старымъ, полинялымъ штофомъ или оштукатуренныхъ подъ фальшивый мраморъ.

— Я живу наверху, сказалъ Старобѣльскій, приглашая гостя подняться по дубовой лѣстницѣ, съ массивными точеными балясами.

Стѣны, окружавшія лѣстницу, оклеены были обоями изображавшими похожденія Телемака на островѣ Калипсо; потолокъ расписанъ былъ гирляндами изъ розъ, посреди которыхъ, красовались бѣлые голубки съ голубыми ленточками на шеѣ. Пыль и паутина покрывали углы и карнизы этого входа, отъ котораго пахло цѣлымъ столѣтіемъ. Комната Старобѣльскаго располагалась непосредственно послѣ небольшой прихожей и выходила тремя окнами на ту часть двора, гдѣ, нѣсколько минутъ назадъ, гоняли на кордѣ «Побѣду». Внутренній видъ этой комнаты нелишенъ былъ нѣкоторой оригинальности. На одной стѣнѣ красовался коверъ и на этомъ коврѣ висѣли въ безпорядкѣ: калмыцкая нагайка, башкирская уздечка, тунгузскій мохнатый колчанъ съ обломанными стрѣлами, мѣдный рогъ, два-три кинжала, казацкое сѣдло и проч.; надъ печкой висѣлъ портретъ Полкана, котораго держалъ за узду извѣстный ужь губастый конюхъ; картина была, впрочемъ, написана извѣстнымъ Сверчковымъ. Промежутки между окнами заняты были полочками съ блиставшими на нихъ серебряными кубками, блюдами и другими призами, выигранными на скачкахъ лошадьми Старобѣльскаго. За исключеніемъ этихъ предметовъ, не было ничего достойнаго вниманія, если не считать, однакожь, остова дяди Полкана довольно-искусно сохраненнаго и укрѣпленнаго въ доску, выкрашенную подъ цвѣтъ зелени. Полдюжины англійскихъ литографій изображавшихъ болѣе или менѣе-знаменитыхъ скакуновъ; диванъ, покрытый обношеннымъ зеленоватымъ сафьяномъ, пара такихъ же креселъ, столъ изъ краснаго дерева, на немъ раскрашенная статуэтка лошади, гербовая фамильная печать, два-три конверта съ пятью печатями, «Руководство къ верховой ѣздѣ» и еще другая брошюрка въ пять страницъ «О различныхъ способахъ вылечиванія сапа и прочихъ конскихъ болѣзней», довершали общій видъ этой комнаты.

Изумленіе Аристарха Ѳедоровича возрасло до неимовѣрной степени, когда увидѣлъ онъ, что толпа, сопровождавшая его по лѣстницѣ, вошла въ кабинетъ и расположилась у двери. Впереди всѣхъ выступалъ горбунъ, непереставашій бренчать на своей гитарѣ.

— Зачѣмъ пускаете вы сюда этого дурака?.. сказалъ Старобѣльскій , очевидно съ тѣмъ только, чтобъ сказать что-нибудь. — Эй, Грызловъ! промолвилъ онъ, поворачиваясь къ двери.

Изъ толпы выскочилъ сѣдоволосый старецъ, въ синемъ фракѣ и бѣломъ миткалевомъ галстухѣ.

— Что, жаворонокъ пѣлъ? заботливо спросилъ Старобѣльскій.

— Никакъ-нѣтъ-съ...

— Странно... отчего жь онъ не поетъ?

— Не могу знать-съ...

— Хорошо, ступай...

— Что это за жаворонокъ? спросилъ Аристархъ Өедоровичъ, сообщая своему голосу интонацію дѣтскаго добродушія.

— Нѣтъ... такъ... третьягодня мнѣ принесли жаворонка... отвѣчалъ нѐхотя Старобѣльскій.

— И онъ не поетъ? съ жалостливымъ участіемъ спросилъ Аристархъ Өедоровичъ.

— Нѣтъ...

«Не поетъ .. жаворонокъ...
Не поетъ... Берточка, милочка!...

Зашипѣлъ неожиданно горбунъ, прихрамывая и закатывая глаза подъ лобъ.

— Пошелъ дуракъ! произнесъ Старобѣльскій.

— Странно... я, право, не постигаю, отчегожь, въ-самомъ-дѣлѣ, не поетъ этотъ жаворонокъ!.. сказалъ Аристархъ Өедоровичъ; а впрочемъ, знаете что̀, прибавилъ онъ наивно: — я слышалъ, имъ не мѣшаетъ иногда подсвистывать...

Но Старобѣльскій, неизвѣстно почему, перемѣнилъ разговоръ и обратилъ вниманіе гостя на призы. Вытягивая каждое слово на три аршина, онъ сообщилъ гостю подробную исторію о томъ, какая лошадь выиграла какой призъ, на сколько шаговъ опередила свою соперницу; разсказалъ затѣмъ весьма интересную біографію одной гнѣдой кобылы по имени «Юнона» и заключилъ біографію трогательнымъ повѣствованіемъ о томъ, что эта самая Юнона приводилась внучатной сестрой дяди Полкана, остовъ котораго Аристархъ Өедоровичъ видѣлъ теперь передъ собою.

Аристархъ Өедоровичъ запылалъ страстнымъ желаніемъ увидѣть какъ-можно-скорѣе Юнону.

— Эй, Костыль! крикнулъ Старобѣльскій. Явился губастый конюхъ.

— Сказать, чтобъ вывели Юнону, сонливо продолжалъ Старобѣльскій.—Постой, какъ будешь въ конюшнѣ, загляни-ка, кстати, что̀ подѣлываетъ Побѣда... Ступай!

Минутъ пять спустя, губастый Костыль объявилъ, что Юнону сейчасъ выведутъ.

— Ну, а Побѣда что̀? спросилъ Старобѣльскій.

— Попрежнему, сударь: хрипитъ и бьетъ копытами...

— А!... ну такъ постой же... есть ли у ней овесъ?

— Какже, сударь, только-что засыпали.

— Ну, такъ сходи же опять на конюшню... возьми у ней двѣ пригоршни овса—смотри, такъ только, чтобъ она не видала, заботливо прибавилъ Старобѣльскій—и всыпь эти пригоршни въ стойло козлу. Ступай, заключилъ онъ, проявляя на губахъ задумчивую улыбку и приглашая гостя къ окну, за которымъ раздавалось ужь фырканье и нетерпѣливый топотъ копытъ.

Въ то время, какъ Аристархъ Ѳедоровичъ расточалъ похвалы неподражаемымъ свойствамъ Юноны, сѣдовласый камердинеръ Старобѣльскаго и еще два какіе-то лакея внесли въ кабинетъ столъ, покрытый скатертью и снабженный всѣмъ нужнымъ для обѣда.

Хозяйствомъ Старобѣльскаго завѣдывала какая-то Анна Егоровна, да еще старая его нянька, которая, сверхъ своей должности, обязана была являться каждое утро съ тѣмъ, чтобъ сдѣлать питомцу проборъ на головѣ и разсказать ему сказку — и потому нѣтъ ничего удивительнаго, если обѣдъ Старобѣльскаго доставилъ голодному Аристарху Ѳедоровичу новый случай къ изумленію; главнымъ поводомъ къ изумленію послужилъ, впрочемъ, самъ хозяинъ, который не переставалъ освѣдомляться о томъ, что̀ подѣлываетъ та или другая лошадь, ка̀къ ведетъ себя козелъ; приказывалъ овесъ, данный козлу, пересыпать украдкою Полкану, потомъ измѣнялъ неожиданно свою строгость въ-отношеніи къ козлу и т. д. Разъ, впрочемъ, одинъ только разъ, хозяинъ дома обратился къ гостю съ вопросомъ о томъ, пробовалъ ли онъ когда-нибудь лошадиное мясо, на что Аристархъ Ѳедоровичъ объявилъ съ сожалѣніемъ, что никогда не удавалось.

Послѣ того, какъ мальчикъ, приставленный къ табачному

кисету, подалъ гостю и хозяину трубки, Старобѣльскій пригласилъ Аристарха Ѳедоровича прогуляться въ конюшню; гость изъявилъ живѣйшую готовность.

И хорошо сдѣлалъ, очень-даже хорошо сдѣлалъ Аристархъ Ѳедоровичъ, потому-что конюшни Старобѣльскаго представляли дѣйствительно нѣчто весьма-замѣчательное въ своемъ родѣ.

Перегородки, обозначавшія стойла, были сдѣланы изъ лакированнаго дуба; повсюду воздвигались точеные столбы изъ такого же дерева, увѣнчанные мѣдными шарами, сіявшими, какъ золото; на каждомъ столбѣ висѣла мѣдная доска, коротко, но краснорѣчиво извѣщавшая о томъ, передъ какою лошадью имѣете вы честь находиться, сколько ей лѣтъ, кто такіе были ея предки и проч. Лошади (а ихъ было около двухсотъ) блистали — словно ихъ заодно покрыли лакомъ, вмѣстѣ съ стойлами. Тщательно-убитый и посыпанный пескомъ полъ, красныя рубашки кучеровъ, пурпуровыя попоны, пестрые банты, вплетенные въ гривы нѣкоторыхъ любимыхъ лошадей Старобѣльскаго — все это зарябило страшнѣйшимъ образомъ въ глазахъ Аристарха Ѳедоровича. Показавъ гостю отдѣленіе скаковыхъ лошадей, Старобѣльскій провелъ его въ отдѣленіе рысаковъ, иноходцевъ и, такъ-называемыхъ, троечныхъ скакуновъ. Аристархъ Ѳедоровичъ увидѣлъ, что при окончаніи каждаго отдѣленія, тамъ, гдѣ былъ выходъ, устроено было особенное мѣсто, обшитое коврами, снабженное двумя отличными диванами, столомъ, лампою, словомъ, всѣмъ нужнымъ для комфортэбльнаго отдыха; будуары эти, какъ разсказывалъ впослѣдствіи Балахнòвъ, служили дѣйствительно любимымъ мѣстопребываніемъ Старобѣльскаго. Изъ отдѣленія троичныхъ скакуновъ Аристархъ Ѳедоровичъ перешелъ въ отдѣленіе кобылъ, кормившихъ сосуновъ; проникнулъ даже въ лазаретъ. Затѣмъ пошли отдѣленія хомутовъ, уздечекъ и подсѣдельниковъ, отдѣленіе бѣговыхъ дрожекъ и щегольскихъ казанскихъ тележекъ, отдѣленіе саней и возжей, и т. д. Но сколько бы ни было отдѣленій, будь ихъ хоть вдвое, втрое, вчетверо больше, Аристархъ Ѳедоровичъ и тутъ не истощилъ бы своего запаса восторженныхъ восклицаній и похвальныхъ монологовъ въ честь достойнаго потомка покойнаго Степана Петровича! Аристархъ Ѳедоровичъ полагалъ... нѣтъ, онъ твердо увѣренъ

былъ, что до-сихъ-поръ ничѣмъ нельзя было удивить его, что всѣ предметы, какъ внутренняго, такъ и внѣшняго міра были ему равно извѣстны; но онъ горько ошибался; да̀, къ чему лукавить! онъ горько ошибался! Онъ чистосердечно сознался Старобѣльскому, что̀ не только не встрѣчалъ, но даже во снѣ не видывалъ ничего такого, что̀ могло бы хоть сколько-нибудь уподобиться величію его конюшень!

Рѣчь Аристарха Өедоровича звучала такою искренностью, въ ней было столько истиннаго, неподдѣльнаго добродушія и восторга, что, слушая ее, Старобѣльскій проявилъ оживленіе и на безцвѣтныхъ губахъ его сохранилась улыбка до того самаго времени, какъ оба они снова переступили порогъ дома.

Ихъ давно ужь ожидалъ чай.

— Эй, Грызловъ! сказалъ Старобѣльскій, входя въ кабинетъ.

Явился сѣдоволосый камердинеръ.

— Что́ жаворонокъ пѣлъ? спросилъ Старобѣльскій, дѣлая на лбу своемъ двѣ–три морщины.

— Пѣлъ, сударь, только потихоньку...

— Не-ужь-то?..

— Точно такъ-съ: пѣлъ, но только потихоньку, повторилъ Грызловъ.

Морщины, появившіяся на лбу Старобѣльскаго, мигомъ исчезли и на губахъ его снова появилась улыбка.

Ничего неизвѣстно о томъ, что̀ подумалъ въ эту минуту Аристархъ Өедоровичъ; неизвѣстно также, какое благопріятное предзнаменованіе заключалось для Аристарха Өедоровича въ улыбкѣ Старобѣльскаго; достовѣрно одно, что вмѣстѣ съ этой улыбкой лицо великаго человѣка мгновенно просіяло, какъ-будто мысль, зародившаяся мгновенно въ головѣ его, была зажженною свѣчкой, а самое лицо приняло свойство лучшаго бемскаго стекла. Онъ свирѣпо потеръ ладонями, какъ-будто готовился исторгнуть изъ нихъ пламя, устремилъ проницательный взглядъ на собесѣдника, кашлянулъ и сказалъ голосомъ, исполненнымъ невообразимой пріятности:

— А знаете ли что̀, мой почтеннѣйшій Александръ Степанычъ, если сказать правду — таково, впрочемъ, всегдашнее мое обыкновеніе — вѣдь я пріѣхалъ къ вамъ за дѣломъ...

— Очень-радъ... протянулъ флегматически Старобѣльскій.

— Изволите видѣть: я пріѣхалъ къ вамъ за добрымъ совѣтомъ... и надѣюсь, скажу болѣе, увѣренъ, что вы Александръ Степанычъ, не откажите въ этомъ совѣтѣ тому, который нѣкогда—зачѣмъ не могу сказать: теперь?—пользовался дружбой, достойнаго родителя вашего... Такъ ли, Александръ Степанычъ?.. добавилъ великій человѣкъ, протягивая собесѣднику руку.

Старобѣльскій отвѣтилъ лѣнивымъ пожатіемъ и сонливо наклонилъ голову, въ знакъ одобренія.

— Я въ этомъ не сомнѣвался! торжественно произнесъ Балахнòвъ:—итакъ, я долженъ сказать вамъ прежде всего, что давно имѣю намѣреніе завести конный заводъ!

Аристархъ Өедоровичъ устремилъ пристальный взглядъ на собесѣдника и продолжалъ, воодушевляясь:

— Дà, я имѣю это намѣреніе! Для этой цѣли я объѣздилъ всѣ заводы нашей губерніи... Долженъ ли сказать вамъ... дà, я скажу, скажу съ тою искреннею прямизною, которая всегда меня отличала, скажу, что ничего не нашелъ въ этихъ заводахъ удовлетворительнаго. Пріѣхалъ я тогда въ Золотые-Пруды pour la bonne bouche, какъ говорится... Но вы сами знаете, какое впечатлѣніе произвело на меня вездѣ царствующее здѣсь великолѣпіе породъ и образцовый порядокъ! Основываясь на этомъ, я рѣшился, вопервыхъ, произвести закупку всѣхъ матокъ въ вашемъ заводѣ; вовторыхъ, испросить у васъ совѣтовъ для первоначальнаго устройства обширнаго предпріятія, цѣль котораго не столько спекулятивная, разумѣется, сколько та именно, чтобъ удовлетворить собственному задушевному стремленію... Я самъ страстный коннозаводчикъ, Александръ Степанычъ! заключилъ Балахнòвъ тономъ торжественной откровености.

— Что жь, очень-радъ, вымолвилъ Старобѣльскій, лѣниво протягивая руку къ стакану.

— Я въ этомъ не сомнѣвался! воскликнулъ дипломатъ, горячо пожимая ему руку.— Предметъ, какъ видите, достоинъ того, чтобъ посвятить ему нѣкоторое время... примолвилъ Балахнòвъ, снова устремляя проницательный взглядъ на сосѣда.

— Конечно... протянулъ Старобѣльскій.

— Безъ сомнѣнія! подтвердилъ Аристархъ Өедоровичъ.

Тутъ великій человѣкъ кашлянулъ и придвинулся къ собесѣднику.

— Изволите ли видѣть въ чемъ дѣло: предпріятіе, касательно завода, хочется мнѣ начать какъ-можно-скорѣе, до зимы; а такъ-какъ времени остается мало, и притомъ намъ, какъ вамъ извѣстно, предстоитъ еще прожить на выборахъ безмалаго три недѣли, то просьба моя будетъ заключаться въ слѣдующемъ: Александръ Степанычъ, не откажите удѣлить мнѣ нѣсколько часовъ въ губернскомъ городѣ... Тамъ, на свободѣ, мы переговоримъ обо всемъ и заключимъ всѣ условія... досказалъ Аристархъ Өедоровичъ, проникая испытующимъ взглядомъ въ мельчайшіе изгибы души своего собесѣдника.

— Пріѣзжайте ко мнѣ лучше послѣ выборовъ... сказалъ Старобѣльскій.

— Но отчего же не можемъ сговориться мы въ губернскомъ городѣ?.. вѣдь время-то, время не терпитъ, Александръ Степанычъ! произнесъ Балахно̀въ, и при этомъ голосъ его замѣтно вздрогнулъ.

— Я не поѣду на выборы, отвѣчалъ Старобѣльскій, проникнутый теперь, какъ и прежде, безпредѣльной сонливостью.

— Ка̀къ?... воскликнулъ Аристархъ Өедоровичъ тономъ человѣка, подъ которымъ неожиданно проламывается мостъ.

— Я никогда не ѣзжу на выборы, сказалъ Старобѣльскій, медленно поднимая глаза на портретъ Полкана.

— Ка̀къ... ка-а-а-къ? (тутъ Аристархъ Өедоровичъ поставилъ на столъ стаканъ, изъ опасенія пролить на столъ остатокъ чая:—такъ вы *рѣшительно* не поѣдете на выборы? примолвилъ онъ, дѣлая особенное удареніе на слово «рѣшительно», чтобъ въ вопросѣ его не оказалось ни малѣйшаго недоумѣнія.

— Рѣшительно не поѣду! подтвердилъ Старобѣльскій.

Но Аристархъ Өедоровичъ все-еще не вѣрилъ словамъ своего сосѣда и продолжалъ отшучиваться до-тѣхъ поръ, пока тотъ окончательно не отнялъ у него послѣдней надежды.

— Ай да Александръ Степанычъ! ну. ужь нѣчего сказать, не подозрѣвалъ я, признаться, въ васъ такого равнодушія. Ха! ха! добродушно заливался Аристархъ Өедоровичъ, между-тѣмъ, какъ багровые кружки замѣтно начинали проступать на щекахъ его, а нижняя губа, выступая впередъ, выражала презрѣніе и жалость. — Ну, скажите же, по-крайней-мѣрѣ,

какъ вы распорядились на этотъ счетъ?.. Кому отдали вы свой голосъ?.. Послушайте, ха, ха, отдайте его мнѣ... право... хи! хи, хи... залился онъ снова, чтобъ скрыть волненіе, которое, подобно антонову огню, разбѣгалось невольно по всѣмъ его членамъ.

— Къ-сожалѣнію... произнесъ Старобѣльскій.

Аристархъ Ѳедоровичъ обмеръ.

— Къ-сожалѣнію, не могу, подхватилъ Александръ Степановичъ:—на дняхъ писалъ ко мнѣ Окатовъ... и я отдалъ ему свой голосъ.

Не успѣлъ Старобѣльскій произнести роковыя эти слова, какъ уже багровые кружкй разлились и мигомъ охватили благородную физіономію нашего героя. Онъ зашатался, проворно опустилъ правую руку, чтобъ предостеречь себя отъ паденія, но при всемъ томъ, имѣлъ все-еще столько твердости духа, что остался въ перпендикулярномъ положеніи и даже протянулъ лѣвую руку къ стакану, какъ-бы ни въ чемъ не бывалъ!

Во все это время Старобѣльскій сидѣлъ на диванѣ и, сонливо опустивъ голову, глядѣлъ съ видомъ печальнаго раздумья на остовъ полканова дѣда. Мысли его, попавъ разъ на этотъ замогильный предметъ, блуждали въ немъ до-тѣхъ-поръ, пока Аристархъ Ѳедоровичъ не вызвалъ ихъ въ дѣйствительный міръ слѣдующими словами:

— Прощайте, мой почтеннѣйшій!

Къ-несчастію, послѣднія слова, сказанныя Аристархомъ Ѳедоровичемъ Старобѣльскому, не сохранились для назиданія потомства.

Конюхи, и въ томъ числѣ хромой горбунъ, провожавшій гостя до крыльца, увѣряли, однакожь, что послѣднія слова великаго человѣка, когда онъ сѣлъ въ коляску (разумѣется, они не поняли глубокаго значенія этихъ словъ) состояли изъ слѣдующихъ отрывковъ: «Пропалъ день!.. драгоцѣнное время!.. обѣдъ въ пятницу!. идіотъ!.. черезъ недѣлю выборы!.. авось!.. уповаю!.. наша возьметъ!» и т. д.; но какъ бы то ни было, справедливы ли показанія кучеровъ и конюховъ или несправедливы, слова эти останутся, безъ сомнѣнія, драгоцѣнными памятниками въ исторіи горшковскаго краснорѣчія...

ГЛАВА XI.

ПРЕДСТАВЛЯЕТЪ ДОСТОВѢРНЫЙ ОТЧЕТЪ О ПЕРВЫХЪ ДѢЙСТВІЯХЪ И ПЕРВЫХЪ ВПЕЧАТЛѢНІЯХЪ АРИСТАРХА ѲЕДОРОВИЧА ВЪ ГУБЕРНСКОМЪ ГОРОДѢ ЧЕРНОРЯЖСКѢ.

18.. неизвѣстнаго и притомъ вовсе неинтереснаго года — такого года, который, по какому-то странному стеченію обстоятельствъ, не ознаменовался ни землетрясеніями, ни затмѣніями, ни историческими событіями, ни даже сильными морозами и мятелями — въ послѣднихъ числахъ октября, въ губернскомъ городѣ Черноряжскѣ происходило необычайное оживленіе. Изъ этого ясно, кажется, слѣдуетъ, что вышеозначенный годъ могъ утратить свое значеніе для одного лишь ученаго міра. Что жь касается до обыкновенныхъ смертныхъ, онъ, безъ сомнѣнія, возбудитъ въ каждомъ заслуженное удивленіе и, сверхъ-того, глубокое сочувствіе. О черноряжскихъ жителяхъ и говорить нечего: достойный годъ этотъ изгладилъ изъ ихъ памяти всѣ остальныя воспоминанія и, само-собою разумѣется, никогда не перестанетъ служить любимымъ предметомъ разговора. По-крайней-мѣрѣ тамошніе старожилы о-сю-пору еще указываютъ на него съ гордостью; экспромпты, сочиненные черноряжскими бардами въ честь этого славнаго года, не перестали еще пользоваться всѣми преимуществами самой свѣжей новости; черноряжскія кумушки, мамушки и вдовушки, живущія на форштатахъ въ перекосившихся домикахъ, повѣствуютъ о немъ на всѣхъ перекресткахъ какъ о вчерашнемъ событіи. Такъ понастоящему оно и слѣдуетъ.

Дѣло въ томъ, что въ этотъ достопамятный годъ въ Черноряжскѣ происходили губернскіе выборы. Всякому, я полагаю, извѣстно, что выборы имѣютъ такое же точно значеніе въ жизни губернскихъ городовъ, какъ именины, день рожденія, крестины или свадьба въ существованіи смертныхъ. Благотворное вліяніе выборовъ можно сравнить только съ дѣйствіемъ іюльскаго ливня на пересохнувшую ниву: какъ тутъ, такъ и тамъ, каждый цвѣтокъ, каждая травка получаетъ первобытную свою свѣжесть и приподымаетъ голову. Все оживаетъ тогда въ губернскомъ городѣ; даже такіе господа, которымъ прежде въ тягость было набить трубку помощью

собственныхъ рукъ, проявляютъ во всѣхъ членахъ своего организма необычайную суету и прыткость.

Недѣли еще за три до назначеннаго срока, Черноряжскъ, какъ-бы повинуясь тайному дѣйствію волшебнаго жезла, мгновенно измѣнилъ свою повседневную наружность. По всѣмъ улицамъ: по Никольской, Московской, Дворянской и т. д. потащились тарантасы, рыдваны, щегольскія коляски и другіе болѣе или менѣе-затѣйливые экипажи; на всемъ этомъ рѣзко проступали слѣды долгаго, труднаго странствія по проселкамъ; подножки и кузовы забрызганы были грязью, колеса переплетены веревками; искалѣченныя, хотя новыя оси, лопнувшія шины и сломанныя втулки ясно свидѣтельствовали о неоднократныхъ поправкахъ, произведенныхъ ненадежными подорожными кузнецами. Изъ-подъ кожаныхъ фартуковъ, отверстій, щелей и оконъ экипажей выглядывали физіономіи, принадлежавшія особамъ всѣхъ половъ и возрастовъ; коегдѣ высовывались углы и крышки коробкòвъ, картонокъ для дамскихъ шляпъ, узелковъ, шкатулокъ, бауловъ; торчали также кое-гдѣ подушки, одѣяла, полосатые тюфяки. Усталость, изнеможеніе проступали на всѣхъ лицахъ безъ исключенія; но все это постепенно сглаживается выраженіемъ того радостнаго нетерпѣнія, какое испытываетъ каждый смертный, когда, утративъ ужь надежду, достигаетъ наконецъ обѣтованной цѣли. Взоры многихъ съ безпокойствомъ устремляются въ отдаленныя части улицъ, стараясь встрѣтить какъ-можно-скорѣе слугу, посланнаго за недѣлю прежде, съ тѣмъ, чтобъ пріискать удобную квартиру. Движеніе тарантасовъ увеличивается и поражаетъ своимъ бряцаньемъ непривычный слухъ черноряжскихъ мѣщанокъ, которыя принимаютъ повидимому твердое намѣреніе не покидать ворòтъ своихъ домиковъ. Иначе, впрочемъ, и нельзя сдѣлать: многія за мѣсяцъ еще отдали свои покойчики, клѣтушки и даже самоваръ и корову въ наемъ пріѣзжимъ помѣщикамъ. Народонаселеніе Черноряжска увеличивается съ каждымъ днемъ, съ каждымъ часомъ. Вмѣстѣ съ этимъ увеличивается, безъ-сомнѣнія, и цѣна на самые потребительные припасы: сѣно, овесъ, куры, яйца, овощи получили вдругъ сверхъестественное значеніе. Торговля принимаетъ самые-широкіе размѣры; столовое вино вздорожало неимовѣрно; сахаръ отпускается въ учетверенномъ и даже ушестеренномъ количествѣ;

то же самое происходитъ съ чаемъ и другими колоніальными продуктами. Купцы не успѣваютъ отмѣривать ленты на чепцы и кисею на платья. Аптека приняла также свои мѣры въ-отношеніи наивозможно-болѣе поспѣшной дистиллировки о-де-колона, розовой и мятной воды, и другихъ специій, общеупотребительныхъ въ дамскомъ туалетѣ. Заѣзжая прислуга показывается чаще-и-чаще въ распивочныхъ, штофныхъ и трактирахъ, гдѣ, за парою чая, или другимъ болѣе-крѣпительнымъ напиткомъ прислушивается къ разсказамъ половаго, повѣствующаго о текущихъ новостяхъ, предстоящихъ увеселеніяхъ, только-что отстроенномъ театрѣ и проч. Черезъ дворы поминутно перебѣгаютъ вертлявыя горничныя съ утюгами, шемизетками, юбками и крахмаломъ, взятымъ въ лавочкѣ; исполинскія кисти на фуражкахъ писцовъ и протоколистовъ замелькали въ воздухѣ и въ трактирахъ. Народонаселеніе продолжаетъ между-тѣмъ усиливаться, и вмѣстѣ съ нимъ усиливается, разумѣется, пестрота и движеніе. Ужь многіе экипажи наполнили дворы и, за неимѣніемъ мѣста, высунулись кое-гдѣ изъ воротъ на улицу. Слышно ужь, что въ гостинницахъ и на постоялыхъ дворахъ не остается порожняго уголка. Черноряжскъ наполняется какъ улей. Чаще-и-чаще начинаютъ появляться на улицахъ коляски и кареты, въ которыхъ сидятъ разодѣтыя дамы, отправляющіяся дѣлать визиты. Мужчины также отправляются дѣлать визиты; но лица ихъ при этомъ далеко не выражаютъ того легкомыслія, той безпечности, какая видна на лицахъ женъ и дочерей: лица мужчинъ отличаются глубокомысліемъ и носятъ всѣ признаки сильной головоломной работы; шопотъ, многозначительное подмигиванье, таинственное движеніе бровей тотчасъ же даютъ знать о важности предстоящаго событія. Въ ожиданіи этого событія, визиты заступаютъ повидимому мѣсто всѣхъ дѣлъ и помышленій. Вмѣстѣ съ визитами каждый домъ въ Черноряжскѣ, каждая почти квартира обращаются въ маленькій департаментъ иностранныхъ дѣлъ. И тогда-какъ въ Черноряжскихъ гостиныхъ раздаются веселые голоса женъ и дочерей, въ кабинетахъ слышится густой дѣловой гулъ мужей, отцовъ, братьевъ и дѣдовъ, которые съ безпристрастіемъ, свойственнымъ вообще человѣческому роду, толкуютъ о томъ или другомъ сосѣдѣ, созидаютъ проекты, планы, рѣшаютъ самые многосложные вопросы, опрокидываютъ навзничь дивныя со-

ображенія, обдуманныя на досугѣ, или въ тяжелое время безсонной ночи, оспориваютъ запутанныя предложенія и, нимало незадумываясь, излагаютъ въ краснорѣчивѣйшихъ формахъ такія дипломатическія тонкости, которымъ позавидовалъ бы самъ Талейранъ.

Но всѣ эти планы, проекты, мысли, все это броженіе умовъ, происходившее въ Черноряжскѣ, показалось бы слабымъ, младенческимъ, ничтожнымъ и нестоющимъ вниманія сравнительно съ тѣмъ, что̀ совершалось въ это время въ головѣ одного Аристарха Θедоровича. Оно дѣйствительно такъ и было.

Вотъ ужь третій день, какъ Аристархъ Θедоровичъ поселился въ Черноряжскѣ. Поселился онъ на главной улицѣ и занялъ бельэтажъ огромнаго каменнаго дома. Богатый купецъ, владѣлецъ дома, еще мѣсяцъ тому назадъ, извѣщенъ былъ письмомъ, въ которомъ Балахно̀въ просилъ уступить ему на время выборовъ бельэтажъ съ тѣмъ, чтобъ, по истеченіи срока найма, вознаградить владѣльца весьма-значительною суммой. Купецъ, побѣжденный задаткомъ искусно-вложеннымъ между страничками письма, изъявилъ полнѣйшее согласіе, и бельэтажъ, украшенный балкономъ, съ котораго можно было обозрѣвать весь Черноряжскъ, остался такимъ-образомъ за Балахно̀вымъ.

Мы застаемъ Аристарха Θедоровича за письменнымъ столомъ. Отпечатокъ глубокихъ думъ сіяетъ какъ звѣзда на благородномъ челѣ горшковскаго дипломата. Передъ нимъ листъ бумаги, испещренный именами, увы! тѣхъ немногихъ особъ, которыя обѣщали ему свой голосъ; по лѣвую руку возвышается пачка дѣловыхъ писемъ, календарь и яркихъ цвѣтовъ фуляръ; по правую руку находится его знаменитая записная книжка. Одинъ изъ ящиковъ стола раскрытъ съ тою предусмотрительною цѣлью, чтобъ, въ случаѣ неожиданнаго визита, успѣть скрыть въ немъ списокъ голосовъ. Нечего и говорить, что пачка дѣловыхъ бумагъ и писемъ, такъ эффектно воздвигнутая по лѣвую руку, избѣгнетъ этой участи.

Намъ неоднократно представлялись случаи изумляться тому необычайному мужеству, съ какимъ Аристархъ Θедоровичъ переносилъ борьбу съ злѣйшими обстоятельствами жизни, такими обстоятельствами, передъ которыми человѣкъ, неодаренный особенной организаціей, непремѣнно склонилъ бы гордую голову и разсыпался въ-дребезги. Было ли то дѣйствительно

мужество, или умѣнье владѣть собою, основывалось ли то на упругости душевныхъ и сердечныхъ свойствъ, или, наконецъ, не было въ-самомъ-дѣлѣ такихъ крутыхъ обстоятельствъ, которыя были бы въ-состояніи сокрушить нашего героя — все это такіе вопросы, которые рѣшить очень-трудно. Обязанность наша ограничивается покуда изложеніемъ фактовъ; основываясь на этомъ, мы скажемъ, что никогда еще, быть-можетъ, не встрѣчали нашего героя въ такой тревогѣ. Мысли его были устремлены повидимому въ одно и то же время на всѣ возможные пункты губернскаго города, театра настоящихъ его дѣйствій. Продольная морщина, помѣщенная на высокомъ лбу его, проявляетъ нетерпѣливое движеніе всякой разъ, какъ у подъѣзда или даже въ отдаленіи раздается звукъ какого-нибудь экипажа.

— Сидоръ! кричитъ Аристархъ Ѳедоровичъ.

Въ дверяхъ временнаго кабинета показывается Сидоръ, въ синемъ фракѣ, обшитомъ позументомъ, и красномъ жилетѣ съ свѣтлыми пуговицами; платье это, заказанное въ Москвѣ и хранимое до времени въ Ханскихъ-Прудахъ, обращаетъ на себя всякій разъ вниманіе Аристарха Ѳедоровича.

— Тамъ, братецъ, кажется, кто-то проѣхалъ?.. смотри, не къ намъ ли?.. говоритъ онъ, кивая головой къ окну.

— Никакъ нѣтъ, сударь, мимо... отвѣчаетъ Сидоръ.

Продольная морщина, приведенная въ движеніе бровями, которыя сильно нахмуриваются, принимаетъ видъ опрокинутаго ужа надъ глазами Аристарха Ѳедоровича; онъ нетерпѣливо отсылаетъ Сидора и еще сильнѣе задумывается.

И въ-самомъ-дѣлѣ, въ эти три дня никто еще не посѣтилъ Аристарха Ѳедоровича. Былъ одинъ лишь старичокъ — Пщеницынъ съ сыномъ, долговязымъ Ѳедей; но его, разумѣется, считать нечего, точно также, какъ Попельковскаго, Ардаліона Александровича, котораго Аристархъ Ѳедоровичъ не удостоилъ даже принять. Что же касается до Балаклеева и другихъ, болѣе или менѣе-значительныхъ городскихъ лицъ, которымъ Балахнòвъ сдѣлалъ визитъ на второй же день пріѣзда своего въ Черноряжскъ, всѣ они ограничились тѣмъ только, что остановились у подъѣзда Аристарха Ѳедоровича, вручили Сидору карточку съ загнутымъ угломъ и, не сказавъ слова, уѣхали дальше. Пріемъ госпожи Балаклеевой, несмотря на то, что Аристархъ Ѳедоровичъ изобразилъ ей въ красно-

рѣчивыхъ выраженіяхъ трогательное повѣствованіе о спасеніи сестры ея, былъ необычайно-холоденъ; впрочемъ, Балахно̀въ встрѣтилъ у нея Софью Алексѣевну Окатову, и холодность пріема объяснилась сама-собою. Кормонолѣй Степановичъ Бирюковъ, на котораго сильно разсчитывалъ теперь нашъ герой, не пріѣзжалъ еще; пріятели Чиндаласова, Крано̀вичъ и Сербинъ, которымъ Аристархъ Ѳедоровичъ, согласно задуманному плану, долженствовалъ проиграть въ карты, также не пріѣзжали. Мясоитяновъ, солидный племянникъ Бирюкова, не былъ даже въ Ханскихъ-Прудахъ, въ пятницу, на знаменитомъ обѣдѣ (сказать мимоходомъ, обѣдъ этотъ далеко не достигъ своей цѣли). Все это было въ высшей степени скверно и неблагопріятно, но Аристархъ Ѳедоровичъ все еще обнадеживалъ себя мыслью, что ожидаемыя лица пріѣдутъ не сегодня, такъ завтра—и все пойдетъ какъ по маслу.

Хуже-всего, по мнѣнію Балахно̀ва, было то, что Окатовы готовятся дать балъ тотчасъ же послѣ бала Балаклеевыхъ. Вотъ этого-то бала онъ никакъ не могъ переварить. Онъ твердо былъ увѣренъ, что окатовскій балъ будетъ чѣмъ-то въ родѣ конгреса, на которомъ, весьма-легко можетъ статься, рѣшится его собственная судьба, точно такъ же, какъ судьба всѣхъ его приверженцовъ. Прибытіе Бирюкова, Мясоитянова, Сербина, Крано̀вича и другихъ не будетъ ли въ этомъ случаѣ безполезно? При-всемъ-томъ, духъ Аристарха Ѳедоровича былъ еще бодръ; великій человѣкъ все еще не терялъ надежды выйдти побѣдителемъ изъ многотрудныхъ обстоятельствъ. Впрочемъ, Аристархъ Ѳедоровичъ сдѣлалъ уже всѣ необходимыя распоряженія, чтобъ хоть сколько-нибудь предотвратить зло окатовскаго бала. Надлежало, во что̀ бы ни стало, задать балъ или празднество, которое заставило бы говорить весь городъ и затмило бы все видѣнное донынѣ въ Черноряжскѣ. Съ первыми слухами о празднике Окатова, Аристархъ Ѳедоровичъ послалъ въ Ханскіе-Пруды письмо съ нарочнымъ. Въ письмѣ ясно значилось, что Лизавета Семеновна должна немедленно прибыть въ Черноряжскъ; вмѣсто объясненій, Аристархъ Ѳедоровичъ написалъ только: «Взять всѣ бальныя платья и также для визитовъ; перчатки и цвѣты найдешь въ Черноряжскѣ...» Внизу, вмѣсто постскриптумъ, Аристархъ Ѳедоровичъ просилъ захватить всѣ бумаги, касающіяся женинаго и дѣтскаго имѣнія; бумаги

эти, писалъ онъ, необходимы для справокъ, касательно общаго положенія дѣлъ имѣнья въ Опекунскомъ Совѣтѣ.

Вотъ и все. Аристарха Ѳедоровича бѣсило, слѣдовательно, то только, что Окатовъ опередитъ его. «А впрочемъ, посмотримъ! думалъ онъ:—постараемся пригнать такимъ образомъ, чтобъ задать балъ наканунѣ самыхъ выборовъ... Свѣжее впечатлѣніе всегда сильнѣе дѣйствуетъ... Посмотримъ, гм! да̀, посмотримъ..!» Въ одну изъ тѣхъ минутъ, когда Аристархъ Ѳедоровичъ, проникнутый насквозь такою утѣшительною мыслью, потиралъ себѣ руки, Сидоръ доложилъ, что пришелъ Иванъ, служившій когда-то у Карачаева, пришелъ вмѣстѣ съ Калиною, и оба просятъ позволенія повидаться съ Аристархомъ Ѳедоровичемъ.

— Хорошо, скажи, чтобъ вошли, произнесъ Балахно̀въ, улыбаясь при мысли, что Иванъ и Калина, извѣщенные, по всѣмъ вѣроятностямъ, людьми Окатова о предстоящемъ балѣ, сообщатъ ему кой-какія подробности:—скажи, чтобъ вошли, повторилъ онъ.

Минуту спустя, въ дверяхъ показалась веселая, добродушная физіономія карачаевскаго Ивана.

Онъ былъ во фракѣ; изъ-подъ его пестраго жилета, украшеннаго бронзовой цѣпочкой съ застежкою, изображавшею сердце, гордо выпучивалась туго-накрахмаленная манишка; въ лѣвой рукѣ его находилась шляпа, въ правой держалъ онъ свертокъ печатныхъ листовъ. Наружность Ивана отражала вообще довольство, достигшее высшихъ предѣловъ.

— Здравствуйте, сударь, сказалъ Иванъ, свободно раскланиваясь и почтительно закладывая за спину руку, вооруженную шляпой: — осмѣлился, сударь, обезпокоить васъ своимъ поклономъ... все ли вы, сударь, въ добромъ здоровьѣ?..

— Спасибо, любезный, спасибо, вымолвилъ Аристархъ Ѳедоровичъ, покачиваясь въ креслахъ.—Ну, а гдѣ жь Калина?.. мнѣ сказывали, что и онъ пришелъ...

— Здѣсь, сударь... произнесъ хриплый голосъ въ сосѣдней комнатѣ, причемъ изъ-за половинки двери показались фалды затрапезнаго казакина и исполинскіе, загнутые вверхъ носки сапоговъ.

— Добро пожаловать, Калина Васильичъ! шутливымъ тономъ крикнулъ Балахно̀въ:—дайте на себя взглянуть...

Калина медленно, словно нѐхотя, вошелъ въ кабинетъ, от-

вѣсилъ сухой поклонъ, сталъ у двери и мрачно нахмурилъ брови. Въ наружности горшковскаго живописца произошли значительныя перемѣны: брови его и волоса посѣдѣли совершенно; клюковный носъ его изсиза-бирюзоваго цвѣта перешелъ въ ярко-малиновый и принялъ издали такой видъ, какъ-будто на него налѣпили листокъ краснаго маку.

— Здравствуй, старина! сказалъ Аристархъ Ѳедоровичъ, и вдругъ разразился смѣхомъ.

При этомъ глаза Калины исчезли окончательно подъ бровями.

— Здравія желаю, ваше благородіе, проговорилъ онъ самымъ недовольнымъ тономъ.

— Ну, что̀, ка̀къ поживаешь?..

— Ничего, ваше благородіе, подхватилъ художникъ тѣмъ же обиженнымъ тономъ:—живемъ, слава-Богу... чужаго хлѣба не ѣдимъ!..

— Гдѣ жь ты живешь? спросилъ Балахно̀въ.

— Я вездѣ найду мѣсто, потому-что, ваше благородіе, я все могу сполнить, все могу! подтвердилъ Калина голосомъ язвительнаго укора.

— Калина Васильичъ живетъ, сударь, покуда у меня, сказалъ Иванъ. — Я, какъ полагаю, извѣстно вамъ изъ газетъ, открылъ здѣсь театръ... такъ вотъ Калина Васильичъ насчетъ, то-есть, кулисъ и декорацій... всѣ эти дѣла у него на рукахъ... Хлопотѣ, сударь, какъ вы изволите знать, много; безъ Калины Васильича мы не знали бы, что̀ и дѣлать; здѣсь, сударь, не столица...

Калина расправилъ брови, развелъ руками и произнесъ словоохотливо:

— Извѣстно, что не столица... какая столица!.. поди-ка поищи... У насъ, сударь, живетъ также при труппѣ... тотъ бишь... знаете, ваше благородіе...

— Кто такой? разсѣянно спросилъ Аристархъ Ѳедоровичъ.

— Нѣтъ, сударь, Калина Васильичъ хотѣлъ вамъ сказать насчетъ своей дочери... изволите помнить, что̀ Палашкой-то звали? заговорилъ съ поспѣшностью Иванъ, толкая сзади Калину и давая ему знать глазами, что онъ чуть-было не проболтался:—такъ и она, сударь, также находится при труппѣ, продолжалъ Иванъ съ увѣренностью: — покуда еще, ко-

нечно, ничего не дѣлаетъ, учится только; но авось Богъ дастъ выучится, произойдетъ нашу науку, выпустимъ на сцену и станетъ доставать хлѣбъ старику своему... Сами изволите видѣть, человѣкъ ужь въ лѣтахъ, не молодой, пора ему на покой! заключилъ Иванъ, указывая на Калину.

Калина стоялъ потупя голову и потиралъ ладонью глаза, въ которыхъ навертывались слезы.

— А дѣвчонка рѣзвая, славная такая, подхватилъ Иванъ: — ужь на что̀, кажется, сударь, наше ремесло очень-трудное, терпѣнія много надо, да и доброй воли также; а она старается; нечего сказать, дѣвочка славная!

Калина провелъ рукою по глазамъ и сдѣлалъ нетерпѣливое движеніе.

— Ничего нѣтъ хорошаго! проговорилъ онъ, махнувъ рукою: — какъ есть, ваше благородіе, хорошаго ничего въ ней нѣтъ... проку не вижу никакого!..

— Полно, Калина Васильичъ, возразилъ Иванъ:—говоришь ты, братецъ, противъ своей совѣсти!.. Вотъ вѣдь и Адольфъ Карлычъ говорилъ тебѣ то же самое...

— Какой это Адольфъ Карлычъ? спросилъ Аристархъ Ѳедоровичъ, начинавшій уже повидимому терять терпѣніе.

— А это, сударь, прежній мой товарищъ, изъ компаніи Вейнерта; можетъ-быть, слышали по газетамъ? Его всѣ знаютъ въ Москвѣ и въ Петербургѣ; любимецъ, можно сказать, всей публики!.. Первымъ силачомъ считается послѣ Карла Карлыча Рапо; на масляницу онъ уѣдетъ въ Москву, а до того времени, помня старую дружбу, нанялся у меня представлять Геркулеса; въ досужее время обучаетъ онъ кой-кого изъ ребятъ... вотъ также и дочь Калины Васильича... Да вотъ, сударь, не угодно ли вамъ взглянуть на аффишу; я, признаться, затѣмъ и пришелъ... Надѣюсь, сударь, вы удостоите посѣтить наши представленія?.. Все здѣшнее дворянство у меня бываетъ!.. заключилъ Иванъ, поспѣшно развертывая аффишу и подавая ее Аристарху Ѳедоровичу.

— Спасибо, любезный, спасибо, непремѣнно пріиду. Когда же у васъ представленія?.. я разумѣю въ какіе дни и часы?..

— Извольте прочесть... на аффишѣ все сказано, произнесъ Иванъ, самодовольно выпрямляясь и разводя рукою.

Аристархъ Ѳедоровичъ кашлянулъ и прочелъ сквозь зубы:

«И. О. ИВАНОВЪ.
съ обществомъ, состоящимъ изъ восьми человѣкъ, въ-теченіе октября мѣсяца будетъ имѣть честь дать:

Большія *чрезвычайныя* представленія
въ двухъ отдѣленіяхъ:

1. Отдѣленіе.
(доселѣ здѣсь невиданное)
Африканско-Индійско-Сирійскія игры.
(*съ новыми декораціями*).

1) Соперничество людей съ лягушками. 2) Испанскій столъ. 3) Желѣзныя руки представитъ знаменитый Адольфъ Мейеръ. 4) Помпейская колонна, представленная г. Ивановымъ. 5) Пирамида Индійцевъ. 6) Прогулка съ пятью человѣками на двухъ плечахъ. 7) Мельница, представленная г. Ивановымъ.

2. Отдѣленіе.
(доселѣ здѣсь невиданное).
Академія живыхъ картинъ и галерея новыхъ и древнихъ образцовыхъ произведеній ваянія:

1) Гнѣвъ Геркулеса (антикъ) Г. А. Мейеръ и Ивановъ.
2) Грація (антикъ) Г-жа Глафира Пшеславская.
3) Божества Олимпа (антикъ): Юпитеръ (Г. Ивановъ), Аполлонъ (Г. Ардаліонъ П***), Венера (Г-жа Глафира Пшеславская...»

— Бà, да ужъ не жена ли твоя? спросилъ Аристархъ Ѳедоровичъ, отрывая глаза отъ аффиши и устремляя ихъ на Ивана.

— Такъ точно-съ, отвѣчалъ Иванъ, который не могъ замѣтить насмѣшливой улыбки на лицѣ Аристарха Ѳедоровича, потому-что во все время чтенія аффиши держалъ голову кверху и самодовольно прищуривалъ глаза.

— Любопытно, очень-любопытно. Ну, а что жь я не вижу имени Калины?.. Не-ужь-то онъ не участвуетъ въ картинахъ и не представляетъ какого-нибудь антика? продолжалъ шутить Балахнòвъ.

— Чего-съ? произнесъ Калина, покачивая головой съ выраженіемъ укоризны:—нѣтъ, ваше благородіе, старъ я сталъ *для* эвтакаго дѣла... Э-эхъ! вотъ, примолвилъ онъ, постукивая себя по сѣдой головѣ:—семьдесятъ лѣтъ не помѣха, то-то же, ваше благородіе...

Калина хотѣлъ еще что-то примолвить, но махнулъ рукой и отвернулся къ двери съ такимъ видомъ, который ясно высказывалъ слѣдующую мысль: «Что̀ говорить съ пустымъ человѣкомъ!»

— Непремѣнно прійду! непремѣнно! вымолвилъ Балахновъ, кладя аффишу на столъ.

— Сдѣлайте такое ваше одолженіе, сударь, подхватилъ Иванъ, раскланиваясь и разводя шляпой. — О насъ, сударь, писали во всѣхъ газетахъ, и всѣ господа, которые были на нашихъ представленіяхъ, остались весьма-довольны... Да вотъ, сударь, если вамъ будетъ угодно взглянуть сюда... присовокупилъ онъ, ставъ на одну ногу и развертывая на согнутомъ колѣнѣ другой печатный листъ:—это напечатано въ здѣшнихъ вѣдомостяхъ... извольте взглянуть...

— Хорошо, хорошо, я просмотрю послѣ... проговорилъ Аристархъ Ѳедоровичъ.

— Вотъ ужь, сударь, сдѣлайте милость прочтите теперь... сдѣлайте такое ваше одолженіе!.. примолвилъ Иванъ убѣдительнымъ тономъ.

Аристархъ Ѳедоровичъ умѣлъ, какъ ужь извѣстно, извлекать выгоды изъ ничтожнѣйшихъ обстоятельствъ. Желая употребить съ пользою визитъ Ивана и Калины, онъ рѣшился подавить въ себѣ чувство нетерпѣнія и расположить къ себѣ гостей своихъ. Основываясь на этихъ данныхъ, онъ благосклонно взялъ поданный ему листъ и съ снисходительностью, свойственною въ такихъ случаяхъ, прочелъ вслухъ слѣдующую статейку:

«Нигдѣ не скучно видѣть необыкновенные феномены природы или искусства; но на конной площади, въ только-что отстроенномъ театрѣ, и особенно при великолѣпіи декорацій, они принимаютъ характеръ болѣе-величественный, болѣе-привлекательный и, слѣдовательно, сильнѣе дѣйствуютъ на воображеніе и мысли зрителя даже самаго обыкновеннаго; словомъ: подвиги нашихъ Геркулесовъ, Иванова и Мейера въ Черноряжкѣ, увеселяютъ зрителей гораздо-болѣе, нежели гдѣ-либо въ другомъ мѣстѣ; а тѣмъ изъ нихъ, которые при всякомъ удобномъ случаѣ пользуются еще запасомъ памяти обогащенной классическимъ воспитаніемъ, сіи подвиги напоминаютъ въ Черноряжскѣ о немейскомъ подвигѣ Геркулеса-Иракла, одѣвшемъ мощныя рамена свои безсмертнымъ тро-

феемъ знаменитой побѣды, одержанной надъ лютѣйшимъ изъ владыкъ лѣсныхъ.»

«Въ-самомъ-дѣлѣ, кажется, что силы нашихъ двухъ Иракловъ еще болѣе развились на свѣжемъ воздухѣ Черноряжска и что, подобно древнему Самсону, Ивановъ и Мейеръ могли бы, кажется, взнесть на нашу прирѣчную гору врата Газы.

«Привыкши удивляться собственно силѣ новыхъ нашихъ Иракловъ, ужь смотришь равнодушнѣе на дѣйствіе ихъ мускуловъ; но все-таки невозможно надивиться тому, какимъ-образомъ члены этихъ силачей — съ виду довольно-тщедушныхъ и малорослыхъ — не разлетятся въ-дребезги отъ тяжестей, которыя падаютъ на нихъ, какъ на вражескія батареи... Вотъ вопросъ, и *физіологія* этого вопроса была бы въ изъясненіи своихъ законовъ чрезвычайно любопытна для науки. По-крайней-мѣрѣ, любопытство нашей публики до-сихъ-поръ еще не слабѣетъ. Таковы преимущества людей и вещей, ознаменованныхъ печатью рѣдкости!»

— Славно! прекрасно! о—очень... очень-хорошо! воскликнулъ Аристархъ Ѳедоровичъ. — Непремѣнно пріѣду: это дѣйствительно достойно вниманія... да... непремѣнно пріѣду... Ну, кстати объ увеселеніяхъ, примолвилъ онъ, опрокидываясь въ кресло и закидывая одну ногу на другую: — нѣтъ ли у васъ въ Черноряжскѣ еще чего-нибудь?.. не готовятся ли, напримѣръ, какіе-нибудь праздники, обѣды?.. Вы, я чай, и особенно, ты, Иванъ, должны были что-нибудь слышать?.. Ты, вѣдь, ходишь по всѣмъ домамъ съ аффишками, долженъ, слѣдовательно, быть свѣдущъ насчетъ того, что̀ дѣлается въ городѣ... Разсказывай, любезный, разсказывай...

— Много, сударь, всего готовится, добродушно отвѣчалъ Иванъ:—будутъ, какъ слышно, и балы и обѣды... Много готовится всякаго веселья! Говорятъ, ни въ одномъ году не было такихъ приготовленій въ Черноряжскѣ... Вотъ вы, я чай, слышали: господа Балаклеевы задаютъ балъ — никакъ въ четвергъ на будущей недѣли...

— Знаю, знаю... торопливо проговорилъ Аристархъ Ѳедоровичъ. Ну а еще что?.. Мнѣ сказывали... Окатовъ?..

— Да-съ, и они также: говорятъ балъ будетъ диковенный!.. Всю квартиру передѣлывали, даромъ-что наемная; да вотъ, Калина Васильичъ вамъ лучше скажетъ, онъ тамъ былъ...

— Ба! зачѣмъ же понадобился Калина?

— Призывали кое-гдѣ подкрасить, кое-гдѣ вновь расписать потолокъ залы, отвѣчалъ Иванъ, подталкивая декоратора черноряжскаго театра.

— Ну, разсказывай, разсказывай, Калина Васильичъ! ласково произнесъ Балахно́въ.

— Да̀, что разсказывать, вымолвилъ Калина: — призывали да и все тутъ!.. я свое дѣло всегда могу сполнить, вотъ, что̀; потому-что я, ваше благородіе, все могу! арабескъ ли, другое что... все могу!.. подхватилъ онъ съ увѣренностью.

Но Аристархъ Өедоровичъ, зная по опыту, что Калина, попавъ разъ на эту тэму, пойдетъ развивать ее до безконечности, снова обратился къ Ивану и осадилъ его вопросами.

— Однимъ-словомъ сказать, балъ, сударь, будетъ на удивленье — такъ всѣ говорятъ, повѣствовалъ Иванъ. — Вотъ теперь, сказываютъ, въ одномъ только у нихъ остановка...

— Въ чемъ же, въ чемъ? спросилъ Аристархъ Өедоровичъ поворачиваясь въ своемъ креслѣ.

— Въ цвѣтахъ, сударь.

— Въ какихъ цвѣтахъ?

— Извѣстно, сударь, въ обыкновенныхъ; здѣсь, изволите ли видѣть, верстахъ въ пяти находятся оранжереи, которыя принадлежатъ графинѣ... имя не запомню... живетъ она за границей; господинъ Окатовъ отнесся къ управителю: не можетъ ли, то-есть, дать цвѣтовъ въ наймы для бала; а управитель дорого очень проситъ, такъ у нихъ идутъ теперь переговоры...

При этомъ восторженная улыбка озарила лицо Аристарха Өедоровича и онъ поспѣшилъ отвернуться къ окну, чтобъ скрыть ее отъ своихъ собесѣдниковъ. Давъ себѣ слово послать немедленно или самому поѣхать къ управителю и порѣшить съ нимъ во что̀ бы ни стало, статью о цвѣтахъ — онъ осадилъ Ивана новыми вопросами въ-отношеніи къ окатовскому балу.

— Ну хорошо, любезный; спасибо тебѣ; спасибо и тебѣ Калина, что навѣстилъ меня, сказалъ Аристархъ Өедоровичъ, когда любопытство его насытилось въ полной мѣрѣ. — Въ театръ я непремѣнно прійду... Ну а теперь... теперь мнѣ покуда некогда, прощайте! заключилъ онъ, дѣлая выразительный жестъ рукою.

— Виноватъ, сударь, если я обезпокою васъ своею прось-

бою... проговорилъ Иванъ, снова приподымая колѣно и свертывая на немъ статью черноряжскихъ вѣдомостей.

— Что такое? спросилъ Аристархъ Өедоровичъ, обнаруживая на этотъ разъ явное нетерпѣніе.

— Я хотѣлъ, сударь, спросить у васъ о Павлѣ Петровичѣ... Вамъ, я полагаю извѣстно, гдѣ они теперь находятся: здоровы ли они и въ какомъ живутъ положеніи?..

— Живетъ онъ у меня покуда, въ Ханскихъ-Прудахъ, здоровъ какъ быкъ... ну что̀ еще?

— Да ничего сударь, покорно васъ благодарю; съ меня и этого достаточно; знаю по-крайней-мѣрѣ, что они здоровы и покойны... Признаться сказать, очень бы хотѣлось взглянуть на нихъ, да вотъ и жена моя, если вы изволите припомнить: Глафира, также о немъ вспоминаетъ... И то, сударь, сказать надо: трудно и забыть-то его...

— Ну, хорошо, хорошо, перебилъ Аристархъ Өедоровичъ, обо всемъ этомъ ты пріидешь поговорить завтра или въ другое утро; теперь мнѣ некогда, прощайте!.. примолвилъ онъ, вставая и выразительно указывая гостямъ на дверь временнаго кабинета. Какъ только шаги Ивана и Калины замолкли, Аристархъ Өедоровичъ позвалъ Сидора и приказалъ ему немедленно съѣздить за управителемъ, о которомъ упомянулъ Иванъ. «Если ему нельзя пріѣхать сей же часъ, сказалъ Балахновъ:—такъ передай ему отъ моего имени, чтобъ онъ оставилъ за мною цвѣты; что я согласенъ дать назначенныя имъ деньги и что завтра же утромъ пусть пріѣдетъ за задаткомъ... да смотри, не болтать; чтобъ никто не зналъ объ этомъ!» заключилъ онъ строгимъ тономъ. Остатокъ дня посвященъ былъ различнымъ планамъ и соображеніямъ. Въ числѣ новостей, сооообщенныхъ Иваномъ, заключалось извѣстіе о томъ, что Солонѣевъ и его богатый дядя, пріѣхавшіе ужь въ Черноряжскъ, даютъ передъ выборами блистательный обѣдъ; это то же не мало занимало Аристарха Өедоровича по той именно причинѣ, что и ему, слѣдовательно, представлялась теперь крайняя необходимость противопоставить обѣду Солонѣева свой собственный обѣдъ. Иначе и быть не могло. На слѣдующее утро, статья о цвѣтахъ была окончательно рѣшена между управителемъ графини и Аристархомъ Өедоровичемъ, къ совершенному удовольствію обѣихъ сторонъ. Оставалось теперь заняться другими неменѣе-важными статьями—касательно пред-

стоящаго бала и обѣда; надлежало переговорить заблаговременно съ мёбельщиками, нанять повара, оффиціантовъ, устроить такъ, если это возможно, чтобы скупить такое количество стеариновыхъ свѣчъ, которое могло бы поставить въ затруднительное положеніе Окатова, и проч. и проч. Аристархъ Ѳедоровичъ принялся дѣятельно за работу. Съ этого дня кабинетъ его представлялъ по утрамъ сборище купцовъ, лакеевъ и подрядчиковъ; всѣ, можно сказать, выходили отъ него очень-довольными; каждый получалъ или задатокъ, или на-водку съ тѣмъ, однакожь, чтобъ не болтать лишняго. Впродолженіе этого дѣятельнаго и вполнѣ-заслуженнаго періода своей жизни, Аристархъ Ѳедоровичъ получилъ пригласительный билетъ на балъ къ Балаклеевымъ; но, занятый своими планами и соображеніями, онъ не обратилъ тогда на него особеннаго вниманія. Тревожное безпокойство, овладѣвшее Аристархомъ Ѳедоровичемъ въ первые дни пріѣзда его въ Черноряжскъ, было повидимому совершенно-вытѣснено изъ сердца. Изрѣдка лишь, когда возвращался онъ домой и спрашивалъ: «Пріѣзжалъ ли кто-нибудь безъ меня?» и когда Сидоръ отвѣчалъ: «Никто не бывалъ-съ!» — брови его хмурились и на лицѣ проступало неудовольствіе; но вообще это продолжалось недолго. Онъ питалъ твердую увѣренность, что какъ только пріѣдутъ его приверженцы, все пойдетъ какъ по маслу. Главный разсчетъ его основывался на Лизаветѣ Семеновнѣ: вмѣстѣ съ ея появленіемъ и, особенно, послѣ того, какъ она объѣздитъ съ визитомъ черноряжскихъ барынь, общественное положеніе его приметъ, естественнымъ образомъ, самый благопріятный колоритъ. Въ-ожиданіи этого счастливаго переворота, онъ послалъ въ Ханскіе-Пруды еще два письма, содержаніе которыхъ было равносильно содержанію первыхъ двухъ писемъ.

ГЛАВА XLI.

Аристархъ Ѳедоровичъ присутствуетъ на одномъ балѣ и выноситъ оттуда самое невыгодное мнѣніе въ-отношеніи къ человѣчеству и касательно хозяевъ дома въ-особенности.

Время, между-тѣмъ, бѣжало, по своему обыкновенію, подъ гору, увлекая за собою дни, часы, минуты и секунды съ та-

кою быстротою, что Аристархъ Ѳедоровичъ пришелъ даже въ нѣкоторое изумленіе, когда насталь, наконецъ, знаменитый четверкъ, долженствовавшій сдѣлаться еще знаменитѣе, благодаря балу Балаклѣева. Это обстоятельство набросило нѣсколько капель холодной воды на разгоряченную голову великаго мужа. Онъ заперся въ кабинетѣ, никого не приказалъ пускать и мысленно погрузился въ созерцаніе предстоящаго бала. Появленіе Аристарха Ѳедоровича, безспорно, должно будетъ произвести громадный эффектъ—это не подлежитъ сомнѣнію. Главный вопросъ состоялъ, слѣдовательно, въ томъ только: какого рода будетъ этотъ эффектъ — благопріятный, или неблагопріятный? Настоящія обстоятельства требовали, разумѣется, самаго благопріятнаго эффекта. Это было бы ясно грудному младенцу. Мало того, появленіе Аристарха Ѳедоровича долженствовало заронить искру стыда и раскаянія въ сердца враговъ его, заставить ихъ содрогнуться при мысли, ка̀къ опрометчиво поступали они, идя постоянно наперекоръ возвышеннымъ стремленіямъ благороднаго Балахно̀ва.

Сознавая всю важность такого предмета, Аристархъ Ѳедоровичъ принялся обдумывать каждое движеніе, каждый шагъ, каждое слово, которому суждено излиться изъ краснорѣчивыхъ устъ его. Затѣмъ, онъ обратилъ исключительное вниманіе на дамъ; зная, какимъ авторитетомъ пользуются нѣкорыя изъ нихъ въ домашнемъ быту, онъ поспѣшилъ обогатить свой умъ запасомъ риторическихъ фигуръ и оборотовъ самаго обворожительнаго свойства. Фигуры эти заняли въ мозгу его совершенно особенное отдѣленіе, двери котораго предназначалось раскрывать однѣмъ только особамъ прекраснаго пола.

Часовъ въ десять вечера Аристархъ Ѳедоровичъ вышелъ изъ своего кабинета, вооруженный съ головы до ногъ, какъ Минерва. Наружная броня его, состоявшая изъ чернаго фрака, черныхъ панталонъ, высокаго, бѣлаго, непомѣрно-туго накрахмаленнаго галстуха и такого же жилета, казалась столько же надежною, сколько нравственное его вооруженіе.

Музыка гремѣла ужь полнымъ оркестромъ, къ великому удовольствію танцоровъ и вящему наслажденію уличной черни, которая мѣсила грязь подъ окнами балаклеевскаго дома, когда Аристархъ Ѳедоровичъ вступилъ въ большую залу.

То была пространная бѣлая комната, освѣщенная безчисленнымъ множествомъ свѣчъ (къ какому бы разряду ни при-

надлежали провинціальные балы, блестящее освѣщеніе играетъ всегда главную роль); въ дверяхъ, расположенныхъ направо и налѣво, открывались перспективы другихъ комнатъ, заставленныхъ ломберными столами и запруженныхъ посѣтителями. Но въ первую минуту Аристархъ Өедоровичъ ничего не могъ различить. Ослѣпительный блескъ огней, грохотъ оркестра и его собственное волненіе сильно къ тому способствовали. Ему показалось, что онъ упалъ съ неизмѣримой высоты въ бушующее море кисейныхъ юбокъ, наколокъ, цвѣтовъ, локоновъ, фраковъ, завитковъ, батистовыхъ платковъ, лакированныхъ сапоговъ и дамскихъ атласныхъ башмаковъ. Онъ поспѣшилъ, однакожь, овладѣть собою и грудь его мгновенно приняла свою всегдашнюю величавую выпуклость. Первый предметъ, поразившій глаза Аристарха Өедоровича, былъ Солонеевъ, не дядя Солонеевъ, но племянникъ, заклятой врагъ его, танцовавшій съ хозяйкою дома. Госпожа Балаклеева принадлежала къ разряду такихъ дамъ, у которыхъ преждевременное развитіе стана и другихъ частей корпуса совершилось съ очевиднымъ ущербомъ для ногъ; лицо ея, пухлое и румяное, отличалось необыкновенною свѣжестью и веселостью; послѣднее обстоятельство приписывала она всегда своей беззаботной жизни и особенно тому, что не имѣла дѣтей; при этомъ мысль была та, разумѣется, что очень-хорошо не имѣть дѣтей въ тѣхъ случаяхъ, когда необходимо скрывать настоящее число лѣтъ. Пораженный довольно-непріятно первымъ впечатлѣніемъ, Аристархъ Өедоровичъ обратилъ глаза въ другую сторону; но второе впечатлѣніе было чуть ли еще не непріятнѣе перваго. Онъ увидѣлъ, что хорошенькая Анна Васильевна Кошкина, танцовала съ хозяиномъ дома. Анна Васильевна (такъ по-крайней-мѣрѣ показалось Балахнову), кокетничала нестерпимымъ образомъ съ Балаклеевымъ; она поминутно наклоняла на бокъ голову съ тою очевидною цѣлью, чтобъ кавалеръ ея могъ любоваться ея шейкой; небрежно бросалась на стулъ, причемъ маленькая ножка ея, обутая въ атласный башмачокъ, выглядывала какъ-бы невзначай изъ-подъ платья; Анна Васильевна вызывала на лицѣ своемъ цѣлый рядъ очаровательныхъ улыбокъ, и черными, блестящими глазками окутывала своего танцора. Балаклеевъ вертѣлся, пыхтѣлъ, улыбался и не оставался минуты въ покоѣ; всему этому, какъ ясно замѣтилъ Аристархъ Өедоровичъ, конечно, способствовала Анна Васильевна Кошкина.—«Со сто-

роны Балаклеева плохая надежда... съ этой стороны почти все пропало!», подумалъ Балахно̀въ, подавляя болѣзненное ощущеніе въ своемъ сердцѣ. Мысль эта укрѣпилась еще сильнѣе, когда Аристархъ Ѳедоровичъ увидѣлъ неподалеку Семена Семеновича Кошкина, который корчилъ свое лицо и дѣлалъ, помощью своихъ золотыхъ очковъ, телеграфическіе знаки женѣ, знаки (Аристархъ Ѳедоровичъ не сомнѣвался въ этомъ), имѣвшіе цѣлью поощрить кокетство Анны Васильевны. Кошкинъ стоялъ облокотившись на спинку стула и, въ минуты свободныя отъ таинственной пантомимы, униженно нашептывалъ что-то на ухо Софьѣ Алексѣевнѣ Окатовой, сидѣвшей на сосѣднемъ стулѣ. Гордый, величавый видъ Окатовой, пробудилъ въ сердцѣ Аристарха Ѳедоровича сознаніе ничтожества собственной жены. — «Этой женщинѣ слѣдовало бы быть не Окатовой, а Балахно̀вой», подумалъ Аристархъ Ѳедоровичъ, «а Балахно̀ву слѣдовало бы имѣть женою не Лизавету Семеновну, а Софью Алексѣевну!» Роскошныя плеча Окатовой, урожденной княжны Жирофле-Никитской, не удостоивали даже повертываться къ Кошкину и сохраняли неподвижность мрамора; движенія ея ограничивались помахиваніемъ пушистаго вѣера изъ страусовыхъ перьевъ съ зеркальцемъ посерединѣ; презрительная, надменная улыбка была на губахъ ея, когда она слушала Кошкина, и та же презрительная улыбка обращалась ко всему, что̀ окружало ея. Вниманіе Аристарха Ѳедоровича удвоилось, когда Балаклеева, выбравъ свободную минуту, подошла къ Окатовой. Балаклеева наклоняется и шепчетъ ей что-то на ухо. Семенъ Семеновичъ также наклонился и сказалъ, повидимому, что-то очень-забавное, потому-что обѣ дамы засмѣялись, причемъ Балаклеева обвела глазами залу и сдѣлала какой-то предостерегательный знакъ. Аристархъ Ѳедоровичъ замѣтилъ тогда, что глаза Кошкина и обѣихъ дамъ стали медленно и какъ-бы машинально обращаться въ его сторону. Онъ поспѣшилъ принять равнодушный видъ, незабывъ выпучить грудь и представить изъ всей своей фигуры образецъ благородства и привлекательной сановитости.

— Здравствуйте, мсьё Балахно̀въ, bonjour, или, лучше сказать: bon *souar*... чрезвычайно-пріятно, послышалось неожиданно за его плечами. Но Аристархъ Ѳедоровичъ, узнавъ голосъ Бобохова, и зная съ другой стороны, что его наблюда-

ютъ, не тронулся съ мѣста, не пошевелилъ волоскомъ, чтобъ не испортить впечатлѣнія, которое должна была пробуждать въ эту минуту его благородная наружность.

Онъ поневолѣ принужденъ былъ, однакожь, поклониться выскочкѣ, когда безконечно-длинный бѣлый жилетъ и львиные бакенбарды Бобохова очутились передъ его глазами.

— Чрезвычайно-пріятно... когда вы пріѣхали? заговорилъ Бобоховъ, прищуривая свои рысьи глазки.

— Недѣли полторы... отвѣчалъ Аристархъ Өедоровичъ, наводя уголъ глаза на ту часть залы, гдѣ сидѣла Окатова и продолжая олицетворять неподвижный типъ благородства.

— А я пріѣхалъ всего только нынче утромъ прямо изъ Москвы, подхватилъ Бобоховъ. — Ахъ, знаете, мсьё Балахнòвъ, я привезъ чрезвычайно-непріятную новость: нашъ общій знакомый, мой другъ Чиндаласовъ очень-боленъ...

— Весьма сожалѣю, разсѣянно сказалъ Аристархъ Өедоровичъ: — ну, а не знаете ли вы что-нибудь о пріятеляхъ Чиндаласова: Сѐрбинѣ и Кранóвичѣ? Скоро они пріѣдутъ сюда?.. вѣдь они, какъ сказывалъ мнѣ Чиндаласовъ, собирались сюда на время выборовъ? примолвилъ онъ, обращая въ первый разъ глаза свои на выскочку.

— Помилуйте, какъ же мнѣ не знать этого! Сербинъ и Кранòвичъ задушевные мои пріятели... Я могу сказать вамъ положительно, что они отложили намѣреніе пріѣхать въ Черноряжскъ; оба остались въ Москвѣ и не отходятъ отъ Чиндаласова...

При этомъ извѣстіи, Аристархъ Өедоровичъ сдѣлалъ нетерпѣливое движеніе, и лицо его утратило на минуту величаво-благородное выраженіе. — «Сербинъ и Кранòвичъ ускользнули изъ рукъ... еще двумя меньше!..», подумалъ онъ.

— Я слышалъ... началъ опять Бобоховъ: — я слышалъ, мсьё Балахнóвъ, что вы на-дняхъ даете балъ?

Аристархъ Өедоровичъ вздрогнулъ, какъ-будто его окатили ведромъ холодной воды.

— Балъ! я даю балъ! произнесъ онъ, стискивая вагенгеймовскіе зубы, чтобъ пріудержать восклицаніе изумленія, готовое вырваться изъ груди его: — дà, дѣйствительно, я даю балъ; но кто жь вамъ сказалъ объ этомъ? присовокупилъ онъ спокойнѣе.

— Помилуйте, всѣ говорятъ объ этомъ... весь городъ; я

объѣздилъ нынче утромъ всѣ здѣшніе салоны и вездѣ слышалъ о вашемъ балѣ.

Аристархъ Ѳедоровичъ ясно увидѣлъ, что купцы, подрядчики и офиціанты, которымъ строго предписано было держать языкъ за зубами, не сдержали своего обѣщанія и протрубили о его балѣ по всему Черноряжску. При этой мысли негодованіе забушевало самымъ неистовымъ образомъ въ груди его. Но дѣлать было нѣчего; сказанное слово — не воробей, не поймаешь. Аристархъ Ѳедоровичъ рѣшился вознаградить себя слухами о томъ, что̀ говорилось по-крайней-мѣрѣ о будущемъ его балѣ; основываясь на этомъ, онъ обратился къ Бобохову и произнесъ слѣдующую предварительную рѣчь:

— Надѣюсь видѣть на этомъ балѣ сосѣда своего Ивана Дормидоныча Бобохова?..

— Ахъ, помилуйте... чрезвычайно-пріятно...

Аристархъ Ѳедоровичъ протянулъ собесѣднику руку и примолвилъ :

— Ну, что̀ жь, скажите, говорятъ о моемъ балѣ?..

Но, къ-сожалѣнію, Аристархъ Ѳедоровичъ остался при своемъ вопросѣ. Въ самую эту минуту, кадриль кончилась и Бобоховъ побѣжалъ стремглавъ приглашать даму.

Аристархъ Ѳедоровичъ поспѣшилъ отойдти къ рѣзной жардиньеркѣ, уставленной цвѣтами, отчасти длятого, чтобъ дать мѣсто дамамъ, но преимущественно съ тою цѣлью, чтобъ занять выгодное мѣсто и рельефнѣе выставить свою фигуру. Замѣтивъ, что хозяйка дома направлялась въ его сторону, онъ закинулъ правую руку за спину, граціозно перегнулъ корпусъ и, уткнувъ свой носъ въ кустъ левкоя, принялся вдыхать въ себя его запахъ съ видомъ страстнаго любителя цвѣтовъ.

Когда госпожа Балаклеева была уже въ трехъ шагахъ, Аристархъ Ѳедоровичъ сдѣлалъ очаровательный жестъ пріятнаго изумленія и поклонился; при этомъ ясно, о́днакожь, значилось, что поклонъ этотъ не имѣлъ ровно никакого отношенія къ Солонееву, который поддерживалъ руку Балаклеевой. Но Солонеевъ не замѣтилъ этого маневра, потому-что самъ глядѣлъ совершенно въ противоположную сторону.

— Вы, кажется, очень любите цвѣты, мсьё Балахно́въ?.. сказала госпожа Балаклеева такимъ безцеремонно-выразительнымъ тономъ, который ясно показалъ Аристарху Ѳедоровичу,

что Балаклеева намекала ему на цвѣты, такъ ловко перехваченные имъ у Окатовыхъ.

Буря негодованія закипѣла въ груди горшковскаго дипломата, но совсѣмъ тѣмъ, лицо его осталось такъ же прекрасно и спокойно, какъ гладкая поверхность моря, облитая лучами заходящаго солнца.

— Можно ли не любить цвѣтовъ? сударыня, сказалъ онъ съ выраженіемъ любезности, какою могъ только располагать: —цвѣты, это такъ сказать, эмблема женщины! добавилъ онъ съ граціознымъ наклоненіемъ головы.

Разговоръ, поддержанный такъ удачно Аристархомъ Ѳедоровичемъ принялъ бы, конечно, болѣе-широкіе размѣры, еслибъ не помѣшала этому Софья Алексѣевна Окатова; въ ту минуту, какъ Балахнòвъ дѣлалъ напряженіе, чтобъ приподнять шлюзы того мозговаго закоулка, гдѣ хранились риторическія фигуры, Софья Алексѣевна очутилась между нимъ и Балаклеевой; поравнявшись съ Балахнóвымъ, она повернулась къ нему спиною и, величественно размахивая своимъ строусовымъ вѣеромъ, прошла мимо, какъ-будто вовсе не замѣтила его присутствія, какъ-будто Аристарха Ѳедоровича вовсе и не было на свѣтѣ. Сдѣлавъ два-три шага, она повернула назадъ голову и подала дружелюбный знакъ Солонееву, который тотчасъ же послѣдовалъ за нею, увлекая хозяйку дома. Аристархъ Ѳедоровичъ ясно различилъ тогда, въ толпѣ, черный, лоснящійся паричокъ Кошкина; Семенъ Семеновичъ не замедлилъ очутиться между вѣеромъ Окатовой и цвѣтущимъ лицомъ Балаклеевой.

Аристархъ Ѳедоровичъ почувствовалъ досаду, какой, вѣрно, не испытывалъ еще ни одинъ смертный отъ сотворенія міра.

— Bon soir, cher мсьё Балахнòвъ! неожиданно воскликнулъ хозяинъ дома, останавливаясь передъ гостемъ: — comment vous... ah! pardon! pardon! заговорилъ онъ, снова проносясь молніею мимо Аристарха Ѳедоровича, и покатилъ, какъ кубарь, по направленію Анны Васильевны Кошкиной, которая показалась въ дверяхъ залы.

Патентованные зубы Аристарха Ѳедоровича невольно притиснули нижнюю губу и каблукъ праваго сапога его оставилъ неизгладимый знакъ на дубовомъ паркетѣ залы; сухой хряскъ, раздавшійся въ то же время за спиною знаменитаго мужа, возвѣстилъ краснорѣчиво, что новая шляпа его

послужила главнымъ проводникомъ электрическому сотрясенію. Эффектъ, на который такъ разсчитывалъ Аристархъ Өедоровичъ, былъ потерянъ. Никто не обращалъ на него малѣйшаго вниманія. Противъ истины такого горестнаго факта не могло быть возраженія. Аристархъ Өедоровичъ ошалѣлъ совершенно, если смѣемъ привести такое грубое слово для выраженія того душевнаго состоянія, въ которое повергло великаго человѣка поведеніе Балаклеева, Окатовой и прочихъ.

Оркестръ между-тѣмъ заигралъ новую кадриль; танцовавшіе заняли свои мѣста; все вокругъ задвигалось, засуетилось и кисейныя платья снова заволновались какъ пестрое море.

Но Аристархъ Өедоровичъ, успѣвшій уже овладѣть собою, мало обращалъ теперь вниманія на поверхностные предметы внѣшняго міра. Онъ ужь вдумывался въ мірскую суету, вдумывался въ сложные вопросы касательно мелочности человѣческаго общества; вдумывался еще сильнѣе въ ограниченность и страшное ничтожество нѣкоторыхъ лицъ, вертѣвшихся теперь передъ нимъ какъ куклы. Все въ немъ, какъ-нельзя-яснѣе, подтверждало, что въ настоящую минуту онъ дѣйствительно питалъ глубокое презрѣніе ко всѣмъ этимъ людямъ. Философскія истины, развиваемыя по этому поводу въ дипломатической головѣ Балахнова, не замедлили оправдаться новыми фактами и — странное дѣло! надо же чтобъ это случилось въ ту самую минуту, можетъ-статься, когда Аристархъ Өедоровичъ, снова переполненный сознаніемъ своего превосходства, задумывалъ ужь протянуть руку ничтожному человѣчеству и примириться съ жалкою, но, увы! существующею дѣйствительностью!

Вотъ какъ это было:

Наступилъ промежутокъ между танцами; Аристархъ Өедоровичъ сдѣлалъ шагъ впередъ, чтобъ завязать разговоръ съ хозяйкою дома, какъ вдругъ въ дверяхъ залы показались два молодые человѣка, которые мгновенно приковали вниманіе Балаклеевой, а за нею и вниманіе всѣхъ присутствовавшихъ. Одинъ изъ нихъ былъ какой-то графъ, какъ оказалось тотчасъ же изъ сосѣдняго шопота; другой былъ князь. Оба только-что пріѣхали изъ Петербурга и, узнавъ о балѣ, поспѣшили представиться Балаклеевымъ, съ которыми были еще прежде знакомы.

Аристархъ Өедоровичъ, затушеванный такимъ неумѣстнымъ

появленіемъ, подавилъ, однакожь, досаду и, пробравшись сквозь толпу, занялъ выгодное мѣсто.

Хозяйка дома, поспѣшившая на встрѣчу пріѣзжимъ, была въ восторгѣ; хозяинъ дома забылъ, повидимому, на этотъ разъ Анну Васильевну Кошкину и радостно пожималъ руки новымъ гостямъ.

При этомъ, каблукъ Аристарха Ѳедоровича сдѣлалъ новый знакъ на паркетѣ и шляпа его получила новое, значительное углубленіе на самой макушкѣ.

— Вы не танцуете? спросила пофранцузски госпожа Балаклеева, обращаясь къ графу.

— Mille pardons, m'ame... я даже пригласилъ даму; къ сожалѣнію, всѣ дамы ангажированы до девятой кадрили, отвѣчалъ графъ.

— А вы, князь? спросила госпожа Балаклеева, обращаясь къ другому гостю.

— Mille pardons, m'ame... къ сожалѣнію, меня постигла участь графа; я точно также не могу танцовать раньше девятой кадрили...

— Ахъ Боже мой, да это предосадно! воскликнула Балаклеева: — впрочемъ, все это можно исправить... attendez...

Тутъ госпожа Балаклеева выступила на середину залы, оглянулась направо и налѣво и, обращаясь къ группамъ танцоровъ, сказала съ любезною непринужденностью:

— Messieurs et mesdames, мы только-что танцовали третью кадриль... будемте танцовать теперь девятую, а потомъ опять четвертую, пятую и т. д. n'est ce pas?.. Eh bien c'est accordé! заключила она, подходя къ двумъ молодымъ людямъ и протягивая имъ руки.

Балаклеевъ поспѣшилъ дать знакъ музыкантамъ; оркестръ заигралъ девятую кадриль вмѣсто четвертой; танцоры заняли свои мѣста и вскорѣ графъ и князя заколыхались между остальными танцорами.

Аристархъ Ѳедоровичъ былъ сраженъ вниманіемъ и предпочтеніемъ, какія оказывались двумъ молодымъ людямъ; его окончательно-скомканная шляпа доказывала теперь ясно, что презрѣніе къ человѣческому роду укрѣпилось въ немъ навсегда.

Скрестивъ на груди руки, выставивъ немного правую ногу впередъ, онъ глядѣлъ на вертѣвшуюся, прыгавшую толпу и

невольно напоминалъ своею фигурой ту старинную литографію, гдѣ, между двумя плакучими березами, изображена тѣнь Наполеона, задумчиво-созерцающая собственную свою гробницу.

Но такова была энергія и твердость этого истинно-достойнаго мужа, что онъ и тутъ-таки находилъ случай занимать самыя выгодныя мѣста залы. Каждый разъ, какъ оркестръ умолкалъ и наступали промежутки, онъ становился всегда между графомъ и княземъ; неимовѣрно выпучивъ грудь и горделиво закинувъ голову, онъ думалъ завладѣть хоть приступомъ всеобщимъ вниманіемъ. Но старанія Аристарха Өедоровича не имѣли на малѣйшаго успѣха.

Всеобщее вниманіе все-таки исключительно устремлялось на двухъ молодыхъ людей и взоры присутствовавшихъ перебѣгали отъ одного къ другому, какъ-будто между ними находилось совершенно-пустое пространство.

Потерявъ, наконецъ, всякое терпѣніе, Аристархъ Өедоровичъ направился въ смежныя комнаты, но съ этой стороны... нѣтъ, я не могу продолжать... рука измѣняетъ мнѣ... Кто опишетъ его ужасъ, когда увидѣлъ онъ въ дверяхъ двухъ лютѣйшихъ враговъ своихъ, Окатова и дядю Солонеева, которые дружелюбно разговаривали, держа другъ друга подъ-руку.

Какъ! Аристархъ Өедоровичъ глазамъ не вѣрилъ: какъ! Окатовъ и Солонеевъ помирились! Помирились эти два бывшіе когда-то врага, и помирились въ такое время... Все кончено! подумалъ дипломатъ, враги торжествуютъ! тутъ ужь не поможетъ Бирюковъ!

Къ такому горестному заключенію привели его возмутительныя событія нынѣшняго вечера.

Какъ нѣкогда яркогорѣвшій свѣтильникъ, который уже потухаетъ, но передъ тѣмъ трещитъ и лучезарно вспыхиваетъ, Аристархъ Өедоровичъ выпучилъ грудь и гордо поднялъ голову... Напрасно, однакожь, бодрился великій мужъ изъ Горшкова; духъ его видимо ужь сокрушился. Чувствуя приближеніе роковаго кризиса, Аристархъ Өедоровичъ поспѣшилъ оставить домъ Балаклеевыхъ. Свѣжій воздухъ морозной осенней ночи произвелъ благодѣтельное дѣйствіе на разгоряченный организмъ владѣтеля Ханскихъ-Прудовъ. Буря, клокотавшая въ груди его, уступила мало-по-малу мѣсто кроткой меланхоліи. Такъ всегда бывало съ Аристархомъ Өедорови-

чемъ. Вернувшись домой, онъ заперся въ своемъ кабинетѣ, опустился въ кресла, подперся локтемъ правой руки, и съ этой минуты грустное, сосредоточенное раздумье окончательно овладѣло его мозгомъ.

— За что̀ все это? за что̀?.. Что̀ я имъ сдѣлалъ? воскликнулъ наконецъ Аристархъ Өедоровичъ, поднявъ неожиданно голову и воздѣвъ руки къ потолку, съ выраженіемъ истинной глубокой скорби.

Такой порывъ былъ, однакожь, не продолжителенъ.

Духъ смиренія снова овладѣлъ нашимъ героемъ. Онъ опустилъ голову на локоть, медленно придвинулъ къ себѣ знаменитую записную книжку и, обмакнувъ перо, начерталъ нетвердою рукой слѣдующія слова:

«Если люди отказываютъ въ справедливомъ возмездіи за добродѣтели ваши, то не ропщите, но утѣшайте себя цѣлительною мыслью, что вы заслужили оное!»

Послѣ этого Аристархъ Өедоровичъ значительно успокоился. Совсѣмъ-тѣмъ онъ долго еще не могъ сомкнуть глазъ. Сонъ овладѣлъ имъ тогда лишь, когда послѣдніе звуки каретъ, развозившихъ гостей Балаклеева, окончательно замолкли въ опустѣлыхъ улицахъ Черноряжска.

ГЛАВА XLII.

Подвиги черноряжскаго Геркулеса-Иракла приводятъ въ неописанный восторгъ одного изъ героевъ этой исторіи, тогда-какъ другой герой обнаруживаетъ къ нимъ совершеннѣйшее равнодушіе. Самоотверженіе стариннаго друга.

Сонъ Аристарха Өедоровича былъ очень тревоженъ. Звукъ экипажей, давно уже смолкнувшій, не переставалъ раздаваться въ ушахъ его во все продолженіе этой длинной, мучительной ночи. Безалаберныя, фантастическія грёзы осаждали поминутно его дипломатическій мозгъ. То казалось ему, что онъ снова присутствуетъ на балаклеевскомъ балѣ: Аристархъ Өедоровичъ съ изумленіемъ видитъ, ка̀къ Нилъ Степановичъ Лукьяновъ завладѣлъ теперь возвышеніемъ, предназначеннымъ для оркестра. «Что это значитъ?» спрашиваетъ Аристархъ Өедоровичъ. «Значитъ то, мой почтеннѣйшій и премногоуважаемый Аристархъ Өедоровичъ, что людская клевета и ядовитая

шипящая злоба мѣшали отдавать вамъ должную справедливость!» торжественно говоритъ Лукьяновъ. «Ахъ Боже мой, нѣтъ, мы никакъ не допустимъ, чтобъ вы, Аристархъ Ѳедорычъ, стали дожидаться послѣ этого девятой кадрили!» восклицаетъ госпожа Балаклеева. Господинъ Балаклеевъ, который, не извѣстно почему, сталъ вдругъ худощавъ и тощъ какъ флейта, даетъ знакъ Нилу Степановичу. Нилъ Степановичъ стучитъ по животу, расписанному наподобіе турецкаго барабана, бренчитъ пальцами по губамъ, и Аристархъ Ѳедоровичъ танцуетъ девятую кадриль съ Кошкиной. «Повѣрьте, мсьё Балахнòвъ, я никогда не прощу себѣ свое заблужденіе, говоритъ очаровательнымъ голосомъ Анна Васильевна:—съ этой минуты, я и мужъ мой...» Но тутъ голосъ Кошкиной начинаетъ слабѣть, наколка изъ цвѣтовъ на головѣ ея, принимаетъ неожиданно видъ бѣлой косынки, а сама она превращается въ Фіону Ивановну. «Зачѣмъ ты здѣсь?» спрашиваетъ Аристархъ Ѳедоровичъ, нахмуривая брови и бросая грозный взглядъ на экономку. Фіона Ивановна дѣлаетъ очевидныя усилія, чтобъ принести свое оправданіе, но вареная въ молокѣ фига, которую носитъ она постоянно за щекою для смягченія флюса, мѣшаетъ ей пошевелить языкомъ. Аристархъ Ѳедоровичъ быстро удаляется, но глаза его повсюду встрѣчаютъ плюшевые жилеты изумруднаго цвѣта, наподобіе того, какой видѣлъ онъ въ Москвѣ у Чиндаласова. То чудилось ему, что онъ находится въ ночное время посреди необъятнаго глухаго пустыря. Страшные раскаты грома не умолкаютъ ни на минуту; дождь льетъ ливнемъ, вѣтеръ только-что снесъ его шляпу и яростно играетъ полами его сюртука. Мало-по-малу въ отдаленіи начинаетъ показываться какое-то бѣлое пятно... ближе, ближе, и вдругъ, посреди пустыря, возникаетъ домъ Окатовыхъ. На балконѣ появляется Софья Алексѣевна съ своимъ страусовымъ вѣеромъ, украшеннымъ круглымъ зеркальцемъ. Аристархъ Ѳедоровичъ видитъ себя цѣликомъ въ томъ маленькомъ зеркалѣ и начинаетъ съ безпокойствомъ ощупывать свою грудь и голову, желая убѣдиться, занимаетъ ли онъ въ-дѣйствительности такое маленькое мѣсто на земли. Но ужь на балконѣ показались Кошкинъ, Окатовъ, Солонеевъ-дядя и Солонеевъ-племянникъ: всѣ они указываютъ пальцемъ на Аристарха Ѳедоровича и разражаются единодушнымъ хохотомъ; хохотъ этотъ

тотчасъ же объясняетъ Балахнову причину грома, слышаннаго имъ за минуту. Аристархъ Өедоровичъ свирѣпо скрежещетъ патентованными зубами, и все исчезаетъ за исключеніемъ зеркальца, въ которомъ долго еще видитъ онъ свое изображеніе въ самомъ уменьшенномъ видѣ. Потомъ Аристархъ Өедоровичъ ясно слышитъ какъ скрипнула дверь временнаго его кабинета. «Кто тамъ?» спрашиваетъ онъ. Нѣтъ отвѣта, но дверь продолжаетъ между-тѣмъ скрипѣть; слухъ его различаетъ шарканье и стукъ нѣсколькихъ сапоговъ. Онъ дѣлаетъ неимовѣрное напряженіе, чтобъ привстать съ постели, но напрасно, члены не повинуются ему и только послѣ многихъ усилій удается ему раскрыть глаза. Кровь застываетъ въ жилахъ Аристарха Өедоровича. Онъ видитъ, какъ въ двери кабинета вошли, одинъ за другимъ, Кошкинъ, Окатовъ и оба Солонеева. «Тссс... господа, говоритъ Кошкинъ, прикладывая указательный палецъ къ губамъ и таинственно прищуривая лѣвымъ глазомъ: — «мы застаемъ его теперь въ самую благопріятную минуту... не будите его!...» — «Ну вотъ, очень нужно съ нимъ церемониться! восклицаетъ дядя Солонѣева: — уничтожить его, такъ уничтожить!» — «Конечно уничтожать, такъ уничтожать!» мужественно подтвердилъ Окатовъ. «Но куда жъ мы его дѣнемъ?» — «Ничего нѣтъ проще, господа, подалъ голосъ Солонеевъ-племянникъ: — «мы спрячемъ его въ ту долину, гдѣ, помните, построилъ онъ скотный дворъ: тамъ нѣкогда стоялъ домъ моихъ предковъ!» — «Нѣтъ, господа, не согласенъ! запищалъ Кошкинъ, потрясая чернымъ, лоснящимся парикомъ: — «я былъ его другомъ и помнится даже, говорилъ рѣчь въ день его рожденія... изъ этого ясно слѣдуетъ, что прежде чѣмъ уничтожу его, я долженъ выкурить трубку...» — «Прекрасно! прекрасно... и знаете ли что, мы закуримъ трубку его волосянымъ галстухомъ?!..» — «Нѣтъ, господа, опять не согласенъ, подхватилъ Кошкинъ: — «отъ галстуха произойдетъ чадъ, а вотъ мы закуримъ трубку его записной книжкой, вотъ она штука-то въ чемъ! — «Вотъ она штука-то въ чемъ!» повторили въ одинъ голосъ всѣ присутствовавшіе. — «Да, вотъ она штука-то въ чемъ! закричалъ громче всѣхъ Карачаевъ: — «мнѣ какое дѣло, что онъ спитъ! Пора вставать! Скоро одиннадцать часовъ!»

Аристархъ Өедоровичъ сдѣлалъ сверхъестественное усиліе, приподнялся на кровати, протеръ глаза и проснулся.

Карачаевъ действительно расхаживалъ взадъ и впередъ по кабинету, пуская направо и налѣво длинныя струи дыма изъ своего коротенькаго чубука. Нанковый казакинъ его, перетянутый ременнымъ поясомъ, ветхіе мокрые сапоги, всклоконченные волосы, измятое, багровое лицо, ясно свидѣтельствовали, что онъ только-что совершилъ далекое путешествіе на открытомъ, холодномъ воздухѣ. Сидоръ стоялъ въ дверяхъ и шопотомъ упрашивалъ Павла Петровича не безпокоить барина.

— Карачаевъ!.. Какими судьбами?!.. ну что жена?.. гдѣ она, гдѣ?.. Когда пріѣдетъ?!..

Такими вопросами разразился Аристархъ Ѳедоровичъ, какъ только получилъ ясное сознаніе, что все видѣнное и слышанное имъ происходило не на яву.

— Здравствуй, душа моя! сказалъ Карачаевъ, мгновенно опуская чубукъ и подходя къ постели.

— Гдѣ Лизавета Семеновна?.. скоро ли она сюда пріѣдетъ? повторилъ Балахновъ, выказывая признаки сильнѣйшаго нетерпѣнія.

Вопросъ этотъ очевидно поставилъ Карачаева въ сильное затрудненіе. Онъ заморгалъ глазами, побагровѣлъ и суетливо пригладилъ свои рѣденькіе волосы.

— Не знаю, душа моя... не могу тебѣ сказать когда она пріѣдетъ... отвѣчалъ онъ, стараясь придать своему голосу какъ можно больше увѣренности.

— Какъ! такъ ты, стало-быть, не изъ Ханскихъ-Прудовъ? воскликнулъ Аристархъ Ѳедоровичъ, выражая досаду въ каждой чертѣ своего лица.

— Нѣтъ, душа моя... вотъ ужь недѣли полторы, какъ я слоняюсь по уѣзду... были, братъ, кой-какія дѣла... довершилъ Карачаевъ съ самымъ неловкимъ видомъ.

— Такъ ты, стало-быть, ничего не знаешь о томъ, получила ли жена мои письма?

— Нѣтъ, при мнѣ не получала она никакихъ писемъ... впрочемъ, я говорю тебѣ, душа моя, что вотъ ужь полторы недѣли, какъ я не былъ въ Ханскихъ-Прудахъ, поспѣшно присовокупилъ Карачаевъ, принимаясь тереть лицо ладонью, чтобъ скрыть свое замѣшательство.

Тутъ онъ отвернулся, подбѣжалъ къ окну и сталъ съ поспѣшностью набивать трубку.

— Хорошъ, любезнѣйшій, нечего сказать! вымолвилъ Ба-

лахнòвъ недовольнымъ тономъ: — сказалъ, что не оставишь ни на минуту моего дома, что будешь неотлучно находиться при женѣ, а между-тѣмъ, не успѣлъ я уѣхать, какъ ужь пошелъ рыскать по уѣзду—хорошъ другъ, нечего сказать! Можно послѣ этого въ чемъ-нибудь на тебя положиться!..

— Помилуй, душа моя, *Aristarque*! *ecouté*: клянусь честью, нельзя было сдѣлать иначе! воскликнулъ Карачаевъ, подбѣгая къ постели:—ты знаешь, что никто такъ не любитъ и не уважаетъ Лизавету Семеновну какъ я! Ужь на этотъ счетъ, братъ... какъ тамъ себѣ хочешь!.. Впрочемъ, всѣ слава Богу здоровы, успокойся, душа моя, всѣ здоровы и дѣтки, и сама Лизавета Семеновна... я за всѣмъ, братъ, самъ наблюдалъ... можешь быть увѣренъ! подхватилъ онъ, обтирая одною рукой потъ, струившійся по лицу, тогда-какъ другая рука горячо пожимала руку собесѣдника.

— Хорошо, хорошо, любезнѣйшій! ты, видно, также, какъ и другіе, хорошъ только на словахъ... произнесъ Аристархъ Ѳедоровичъ, махнувъ рукой.

— Фу! да тебѣ вѣдь говорятъ... запальчиво воскликнулъ Карачаевъ.

— Ладно, братъ, ладно! перебилъ Балахнòвъ, напяливая халатъ:—ну, да что объ этомъ говорить! Скажи-ка лучше, не слыхалъ ли чего-нибудь о Бирюковѣ?

— Нѣтъ, братецъ, ничего не слыхалъ; я былъ совершенно въ другомъ концѣ уѣзда! Съ этой стороны, братъ, я могу сообщить тебѣ печальную новость!

— Чтó жь такое? произнесъ Балахнóвъ, обнаруживая безпокойство.

— Да то, братецъ, что эта бѣдная Василькова приказала долго жить! сказалъ Карачаевъ, закрывая глаза и опуская голову.

— Дà, ну, это, конечно... пробормоталъ Аристархъ Ѳедоровичъ, мгновенно расправляя брови.

— Конечно, братъ, тебѣ это все равно... ты вѣдь, братецъ... извѣстно... ну, да чтò объ этомъ!.. выразительно сказалъ Карачаевъ: — я сообщилъ это извѣстіе единственно для того, чтобъ объяснить тебѣ причину моего отсутствія изъ Ханскихъ-Прудовъ; надо же было кому-нибудь устроить похороны и наблюдать за тѣмъ, чтобъ все это произошло какъ слѣдуетъ... Фанагорія Петровна въ Москвѣ; этотъ зюзя Ва-

сильковъ раскисъ совсѣмъ... Ну, я и поѣхалъ... больше вѣдь некому!..

— Такая заботливость, конечно, дѣлаетъ тебѣ величайшую честь! разсѣянно сказалъ Аристархъ Ѳедоровичъ.

— Ну, вотъ, братъ, честь! ужь и честь! Что жь такое?.. просто: такъ-себѣ! Надо же было кому-нибудь распорядиться... Я зналъ Антонину Васильевну, жалѣлъ о ней... ну, понимаешь, я и поѣхалъ... пробормоталъ Карачаевъ, моргая глазами и разводя толстыми своими пальцами.

— Какъ ты себѣ тамъ хочешь, а это все-таки дѣлаетъ тебѣ честь, продолжалъ Балахнóвъ, подходя къ письменному столу и опускаясь въ кресло: — во всемъ этомъ одно только обстоятельство кажется мнѣ довольно-страннымъ...

— Что жь такое? спросилъ Карачаевъ, тревожно двигая бровями.

Смущеніе Карачаева начинало даже забавлять Аристарха Ѳедоровича. Карачаевъ очевидно совѣстился, что, вопреки обѣщанію не покидать Лизавету Семеновну во все время отсутствія Аристарха Ѳедоровича, не переставалъ рыскать по уѣзду. Аристархъ Ѳедоровичъ не сомнѣвался въ вѣрности своей догадки. «Жалкій, но добрый и честный парень», снисходительно подумалъ Балахновъ: — «смущеніе и совѣстливость дѣлаютъ въ этомъ случаѣ величайшую честь его сердцу». Такое размышленіе не мѣшало ему, однакожь, засыпàть Карачаева вопросами, ставить его въ затруднительное положеніе. Аристархъ Ѳедоровичъ находился въ это утро въ желчномъ настроеніи духа.

— Вотъ видишь ли, братецъ, похороны, сколько мнѣ извѣстно, могутъ занять два дня, ну, положимъ, три, но ужь никакъ не болѣе, продолжалъ Балахновъ: — желательно было бы знать, безцѣннѣйшій мой Павелъ Петровичъ, гдѣ вы провели остальное время?..

— Че-е-во? произнесъ Карачаевъ, багровѣя какъ клюква и сильно потирая лысину.

— Ты забылъ, вѣроятно, что остается еще цѣлыхъ восемь или девять дней...

— Да ты скажи мнѣ одно только, запальчиво крикнулъ Карачаевъ: — что ты за допросчикъ такой? Я развѣ обязанъ отдавать тебѣ отчетъ въ своемъ поведеніи? а?.. Впрочемъ, если ты непремѣнно хочешь знать... и особенно, если это до-

ставляетъ тебѣ удовольствіе, изволь, я скажу тебѣ... подхватилъ онъ, мгновенно смягчая голосъ, между-тѣмъ, какъ Аристархъ Өедоровичъ корчилъ презрительную улыбку:—изволь, я скажу тебѣ: я былъ все это время у Барабанчикова... Нелегкая опять угораздила его свалиться съ лошади и сломить себѣ ногу... Онъ при смерти... Не бросить же его такъ, на произволъ... я поскакалъ въ Горшковъ за докторомъ... Потомъ... извѣстно... то, да сё... ну, время, конечно, и прошло!.. Эхъ! да что толковать съ тобой о такихъ вещахъ! Ты вѣдь, братецъ, извини, а извѣстно ужь... Тебѣ все равно!.. для тебя все прахъ, меркантель! мелюзга!.. Оно, можетъ-статься, и такъ повашему, да понашему не такъ, вотъ она штука-то въ чемъ! Ну, и баста, значитъ! и говорить, значитъ, нѣчего! Покуримъ-ка, братецъ, трубочку... дà *écoute:* вели-ка подать чаю, это будетъ лучше; съ дороги-то, знаешь, оно не мѣшаетъ, страхъ продрогъ! Вѣдь нынче, самъ знаешь, не іюль мѣсяцъ! заключилъ Карачаевъ, очевидно стараясь замять рѣчь касательно предшествовавшихъ обстоятельствъ.

Для полнѣйшаго достиженія такой цѣли, онъ подсѣлъ еще ближе къ Аристарху Өедоровичу и завязалъ разговоръ о предметахъ совершенно-посторонних. Онъ принялся разспрашивать о текущихъ новостяхъ, освѣдомился мимоходомъ о днѣ, назначенномъ для выборовъ, передалъ впечатлѣнія свои при въѣздѣ въ Черноряжскъ и не умолкалъ ни на минуту во все продолженіе завтрака. Аристархъ Өедоровичъ, между-тѣмъ, давно ужь не слушалъ своего собесѣдника; онъ, повидимому, совсѣмъ даже забылъ о немъ; тяжелыя воспоминанія вчерашняго дня, возникая мало-по-малу въ головѣ его, вытѣснили минутную, раздражительную веселость. Повернувшись бокомъ къ Карачаеву, упершись локтемъ, онъ не отрывалъ задумчиваго взора отъ окна. Но чѣмъ мрачнѣе становилось лицо Аристарха Өедоровича, тѣмъ сильнѣе болталъ Карачаевъ. Изрѣдка останавливался онъ, обнаруживая желаніе вычистить или продуть трубку; но въ-сущности останавливался онъ съ тою единственною цѣлью, чтобъ устремить на Аристарха Өедоровича пристальный, испытующій взглядъ; въ эти минуты каждый легко могъ прочесть въ глазахъ Карачаева чувство негодованія, которое мгновенно, впрочемъ, уступало мѣсто чувству истиннаго, задушевнаго, но тревожнаго участія. Ясно было въ эти минуты, что въ душѣ Карачаева хранилась ка-

кая-то тайна, которая имѣла прямое, но далеко неблагопріятное отношеніе къ Аристарху Ѳедоровичу. Вотъ это-то послѣднее обстоятельство и заставляло, можетъ-статься, Карачаева такъ усердно заботиться о томъ, чтобъ разсѣять Аристарха Ѳедоровича. Перебравъ тощій запасъ веселыхъ анекдотовъ, Карачаевъ перешелъ къ прежнему своему камердинеру Ивану, къ женѣ его Глафирѣ, мысленно перенесся въ черноряжскій театръ, изобразилъ двѣ-три комическія сцены изъ быта провинціальныхъ актёровъ, причемъ залился звонкимъ дребезжащимъ смѣхомъ — все было напрасно: Аристархъ Ѳедоровичъ продолжалъ глядѣть въ окно и съ каждой минутой становился мрачнѣе и мрачнѣе.

Карачаевъ замолкъ и принялся потирать свою лысину, причемъ глаза его ни на минуту не покидали Аристарха Ѳедоровича.

Минутъ пять длилось молчаніе.

— Знаешь ли что́ я скажу тебѣ, душа моя, началъ наконецъ Карачаевъ, придвигаясь вмѣстѣ со стуломъ къ собесѣднику:—скажу тебѣ, что съ-тѣхъ-поръ, какъ мы разстались послѣдній разъ, я замѣчаю въ тебѣ, братецъ, большую перемѣну! Худѣешь ты, что̊ ли... или, можетъ-статься, чувствовалъ себя несовсѣмъ-здоровымъ во все это время, а только, братъ, какъ хочешь, я замѣчаю въ тебѣ страшную перемѣну... Именно что-то такое, знаешь... какъ-бы это сказать?.. Ну, словомъ: и тотъ ты, да не тотъ! заключилъ Карачаевъ, поясняя пальцами то, чего не могъ сказать языкомъ.

Вмѣсто отвѣта, Аристархъ Ѳедоровичъ повернулъ лицо въ другую сторону, приподнялся съ креселъ и, подавивъ вздохъ, началъ расхаживать по кабинету.

Минуты двѣ Карачаевъ слѣдилъ глазами за Балахно́вымъ, потомъ всталъ, забросилъ руки за спину и также началъ ходить по кабинету.

— Эхъ, э-эхъ, душа моя! неожиданно заговорилъ Карачаевъ, выравниваясь съ Аристархомъ Ѳедоровичемъ и стараясь попасть съ нимъ въ ногу: — эхъ, душа моя, охота тебѣ, право!.. Ну, что изъ этого? Ну, самъ ты посуди... *Ecoutè: я,* конечно, не могу давать тебѣ совѣтовъ... я прошу только, послушай, душа моя, вникни, разсуди самъ хорошенько... ну, что̀ во всемъ этомъ!.. вѣдь это, братецъ ты мой, не что иное, какъ прахъ! дымъ! и больше ничего! примолвилъ онъ,

выпустивъ облако табачнаго дыма и выразительно разрѣзавъ его ладонью.

Аристархъ Ѳедоровичъ сдѣлалъ нетерпѣливое движеніе локтемъ и продолжалъ ходить по кабинету.

— Воля твоя, душа моя! заговорилъ опять Карачаевъ, останавливаясь и приподымая брови:—воля твоя, дѣлай, какъ знаешь! Совѣтовать тебѣ не могу. Мнѣ хотѣлось только, чтобъ ты вникнулъ, дà, именно такъ: вникнулъ! Да вотъ, чего же лучше, если ты мнѣ не вѣришь, самъ посмотрись въ зеркало! Я говорю это тебѣ по дружбѣ; подойди, взгляни на себя!.. Я готовъ отдать голову на отсѣченіе, готовъ держать какое угодно пари, что все это не спроста; вотъ она штука-то въ чемъ! Скрывайся, братъ, сколько хочешь, а я готовъ прозакладывать хоть сейчасъ послѣдній казакинъ, что всему этому причиной какія-нибудь непріятности!

— Какія непріятности?.. какія? гдѣ онѣ, эти непріятности? вскричалъ Аристархъ Ѳедоровичъ, неожиданно останавливаясь и приподымая голову.

Тутъ Аристархъ Ѳедоровичъ окончательно повернулся къ Карачаеву и, приподнявъ сжатые кулаки, продолжалъ съ возраставшимъ бѣшенствомъ:

— А вотъ я задамъ балъ! задамъ обѣдъ! пріѣдетъ жена, пріѣдетъ Бирюковъ, соберутся остальные — такъ я имъ покажу, какія у меня непріятности! довершилъ Аристархъ Ѳедоровичъ, опуская кулаки и принимаясь снова маршировать по кабинету.

Карачаевъ не отвѣчалъ на это ни слова; но выбравъ минуту, когда Аристархъ Ѳедоровичъ повернулся къ нему спиной, опустилъ голову, раздулъ губы и сдѣлалъ безнадежный жестъ рукою.

— Ты совсѣмъ не такъ меня понялъ, сказалъ онъ, когда Балахнòвъ обернулся къ нему лицомъ: — совсѣмъ не такъ, братецъ... Я хотѣлъ сказать, что ты принимаешь все это слишкомъ къ сердцу, и оттого такъ себя разстроиваешь.... вотъ чтò! Не вѣришь, взгляни въ зеркало. Вотъ этимъ-то самымъ ты, братъ, и вредишь себѣ. Я увѣренъ, что всѣ замѣтили въ тебѣ такую перемѣну и, чтó всего хуже, замѣтили тѣ именно, передъ которыми тебѣ слѣдуетъ быть молодцомъ! Право, такъ! Самъ знаешь, сейчасъ скажутъ: «Э-э-э!» повѣрь мнѣ... На твоемъ бы мѣстѣ, я старался

казаться веселѣе, молодцоватѣе, чѣмъ когда-нибудь, убѣдительно продолжалъ Карачаевъ, между-тѣмъ, какъ Аристархъ Ѳедоровичъ покручивалъ головой, выпрямлялся, выпучивалъ грудь и приглаживалъ волосы:—конечно, такъ, душа моя *Aristarque,* конечно такъ: на̀-те, молъ, на зло же вамъ, радуйтесь! Я показывался бы всюду: на гуляньяхъ, на вечерахъ, въ собраніи... старался бы всячески себя разсѣять... а то что̀: сидишь-себѣ въ кабинетѣ, ломаешь себѣ голову и, право, *écoulé:* только вредишь себѣ! Ну, вотъ хоть бы теперь! Ну, отчего бы, напримѣръ, не съѣздить тебѣ въ театръ?.. Вѣдь вонъ аффишка-то, я ее видѣлъ; представленіе чудесное! Да не въ томъ вовсе сила; дѣло не въ представленіи! А такъ, пошелъ бы разсѣяться; и я пошелъ бы съ тобою для компаніи; повидался бы кстати съ Ванюшей; пошли бы, взяли билеты, сѣли бы, посмѣялись и на людей посмотрѣли — право ну, душа моя, *Aristarque.*

Съ окончаніемъ этого монолога, Аристархъ Ѳедоровичъ успѣлъ ужь овладѣть собою; грудь его получила величавую выпуклость, голова гордо закидывалась назадъ.

— Все это прекрасно, любезнѣйшій, сказалъ онъ съ вельможественнымъ видомъ:—надѣюсь, однакожь, что прежде чѣмъ идти въ театръ, ты перемѣнишь нѣсколько свой костюмъ!..

— Ха, ха, ха! восторженно залился Карачаевъ:—неужто ты думалъ, что я въ этомъ... нѣтъ, братъ я взялъ съ собой фракъ... чай, онъ у меня тамъ въ чемоданчикѣ... Эй Сидоръ... если нѣтъ, я самъ схожу... одѣвайся же, душа моя, скоро, вѣдь, часъ, и если идти такъ идти! заключилъ онъ суетливо направляясь къ двери.

Какъ ни былъ ничтоженъ Карачаевъ въ глазахъ Аристарха Ѳедоровича, однакожь онъ рѣшился послѣдовать его совѣту и далъ себѣ слово, показываться всюду съ сіяющимъ, торжествующимъ лицомъ передъ глазами враговъ своихъ.

Основываясь на этомъ, онъ приказалъ Сидору подавать одѣваться.

— Ну вотъ я и готовъ, душа моя! сказалъ Карачаевъ появляясь въ кабинетѣ и принимаясь дѣлать развязные жесты, причемъ послышался тотъ легонькій трескъ, который сопровождалъ всегда Карачаева, когда онъ находился въ черномъ своемъ фракѣ.

— Мы пойдемъ пѣшкомъ, сказалъ Аристархъ Ѳедоровичъ.

— Ну и ладно, что̀ дѣло, то дѣло; погода стоитъ прекрасная. Идемъ же, душа моя, идемъ!.. подтвердилъ Карачаевъ, усердно напяливая огромныя коричневыя перчатки съ завитками на концахъ пальцевъ.

Четверть часа спустя, оба заворачивали за уголъ Никольской и выходили на площадь. Лѣвый полукругъ той площади былъ занятъ такъ-называемымъ лѣтнимъ садомъ, который во всякое время года сохранялъ видъ отрѣзаннаго черстваго ломтя, но въ настоящую эпоху представлялъ мерзлую пустыню, украшенную зелеными кольями. Въ правомъ полукругѣ, между двумя рядами маленькихъ досчаныхъ навѣсовъ съ баранками, жемками, изюмомъ и стручками, располагался театръ. То было досчатое, сѣрое зданіе, неотличавшееся ничѣмъ отъ балагановъ, которые воздвигаются на площадяхъ о масляной и святой.

— Ай да Ваня! ай да Иванъ Емельянычъ! воскликнулъ Карачаевъ: — я, братецъ, никогда, впрочемъ, не сомнѣвался въ немъ, погляди — погляди, какую, братъ, выстроилъ штуку; молодецъ! ей-Богу молодецъ!.. Но, что это? кажется, ужь начали... я слышу музыку... примолвилъ онъ, ускоряя шагъ.

Глухіе звуки тромбона и кларнета дѣйствительно раздавались ужь за стѣнами балагана.

Аристархъ Ѳедоровичъ и Карачаевъ вошли въ сѣни. Тутъ съ одной стороны находилась маленькая дверь въ спектакльную залу, охраняемую долговязымъ, оборваннымъ малымъ съ подбитымъ глазомъ; съ противоположной стороны продѣлано было четыреугольное окно съ надписью на косякѣ: *касса;* въ этомъ окнѣ суетился совершенно-лысый старичокъ съ птичьимъ носомъ и мѣдными очками, вздернутыми на лобъ.

Передъ кассой стояли старичокъ Пшеницынъ и долговязый Ѳедя.

— Какъ вамъ угодно, а мы никакъ, никакъ не можемъ этого сдѣлать! Сами взгляните... помилуйте, возможное ли это дѣло, говорилъ, размахивая руками, плѣшивый кассиръ.

— Да ка̀къ это такъ?.. ка̀къ же это?.. полно, благодѣтель, нельзя ли? умоляющимъ голосомъ произнесъ старикъ Пшеницынъ.

— Никакъ нельзя-съ!

— Да что жь это такое?.. Я самъ читалъ на аффишѣ... да

это... это просто мошенничество! съ отчаяньемъ воскликнулъ Пшеницынъ.

— Мошенничества тутъ нѣтъ никакого, а просто нельзя, да и все тутъ! возразилъ плѣшивый кассиръ.

— Что́ у тебя тутъ такое? спросилъ Аристархъ Ѳедоровичъ подходя къ Пшеницыну.

— Ахъ, благодѣтель, батюшка Аристархъ Ѳедоровичъ, сколько лѣтъ, сколько зимъ не видались... воскликнулъ Пшеницынъ, прикладывая руки къ колѣнямъ и кланяясь...

— О чемъ у васъ дѣло? перебилъ Балахно́въ.

— Охъ, родной, благодѣтель вы мой! да вотъ, просто, мошенничество, чистое мошенничество... Кланяйся, дурашка, подхватилъ неожиданно Пшеницынъ, толкая долговязаго Ѳедю, который шаркнулъ сапогомъ и поглядѣлъ изподлобья на Балахно́ва.

— Въ чемъ же дѣло? повторилъ Аристархъ Ѳедоровичъ.

— Да вотъ, благодѣтель, заговорилъ Пшеницынъ, указывая на кассира:—я отдалъ ему полтинничекъ за себя, да четвертачокъ за Ѳедю, а онъ не пускаетъ его... «Нѣтъ, говоритъ, и за него надо полтинничекъ...» просто мошенничесто! Самъ вѣдь, читалъ, благодѣтель, въ ихней аффишѣ, сами вѣдь отпечатали, что съ малолѣтныхъ берутъ половину, а теперь не пускаютъ...

— Да какой же онъ малолѣтный, сами извольте взглянуть! съ отчаяньемъ воскликнулъ кассиръ.

— Ну полно, братецъ, хлопотать объ этомъ; я возьму Ѳедѣ билетъ, сказалъ Аристархъ Ѳедоровичъ. — Дай четыре билета, примолвилъ онъ, бросая депозитку кассиру.

— Благодѣтель ты мой!.. Кланяйся же, дурашка, благодари... что стоишь! разразился Пшеницынъ, принимая билеты и подталкивая Ѳедю.—Хотѣлось, отецъ мой, потѣшить парня-то, подхватилъ онъ, радостно хлопая глазами:—вѣдь опредѣленъ, благодѣтель, опредѣленъ писцомъ въ здѣшнюю палату.

— Ба! сказалъ Аристархъ Ѳедоровичъ.

— Ей-Богу право!.. и все, вѣдь, благодѣтели постарались: Николай Степановичъ Окатовъ и Солонеевъ — ей-Богу такъ!..

Аристархъ Ѳедоровичъ тотчасъ же повернулся къ нему спиной. Нимало ненамѣреваясь войдти въ спектакльную залу вмѣстѣ съ Пшеницынымъ и долговязымъ Ѳедею, онъ рѣшился выждать пока оба они усядутся на свои мѣста.

— А что, давно началось представленіе? спросилъ Балахновъ, для препровожденія времени.

— Только-что начали, сударь, почтительно отвѣчалъ кассиръ, проводя рукою по лбу, причемъ очки его тотчасъ же упали на носъ и приняли свое обыкновенное мѣсто.

— Скажите пожайлуста, батюшка, нельзя ли мнѣ повидаться теперь какъ-нибудь съ Иваномъ Емельяновичемъ? спросилъ Карачаевъ, который во все продолженіе предъидущей сцены возился съ своими коричневыми перчатками.

— Я полагаю, сударь, онъ теперь одѣвается... а впрочемъ, можно сейчасъ узнать... да вотъ, кстати, кто-то идетъ со сцены, отвѣчалъ кассиръ: — эй! кто тамъ? вы, Иванъ Эмельяныччъ? заключилъ онъ, уходя во внутрь углубленія.

— Вмѣсто отвѣта кто-то засвисталъ.

— А, это вы, Ардаліонъ Александрычъ, сказалъ кассиръ! — Что Иванъ Емельяновичъ, еще не одѣвались?

— Геркулесъ-Ираклъ... сейчасъ на сцену... гремитъ музыка... сверкаютъ блестки... раздаются рукоплесканія! протрещалъ Попельковкій, неожиданно появляясь въ кассѣ и размахивая, какъ крыльями, полами затасканной шинели — обстоятельство, которое позволяло различать его фигуру, до половины обтянутую въ трико тѣлеснаго цвѣта, тогда-какъ другая половина казалась горѣвшею отъ позумента и пурпуровыхъ лохмотьевъ.

— А, такъ вотъ ты куда попалъ, каналья! Наконецъ-то я нашелъ тебя, разбойникъ! э-ге... нѣтъ, братъ, теперь ты отъ меня не уйдешь! закричалъ Карачаевъ мгновенно свирѣпѣя и бросаясь впередъ.

Но Попельковскій успѣлъ ужь исчезнуть какъ привидѣніе, заслышавшее пѣніе пѣтуха, и мѣсто его заступилъ плѣшивый кассиръ.

— Помилуйте, сударь, сказалъ кассиръ, слегка отслоняя Карачаева, который силился пролѣзть въ отверстіе кассы: — что вы? что вы? здѣсь не позволено... вы дѣлаете шумъ...

— Ты съ ума сошелъ, любезнѣйшій, говорилъ Аристархъ Ѳедоровичъ, толкая Карачаева: — съ тобой, просто, никуда нельзя показаться, срамъ, братецъ, срамъ!..

— Ну, да все-равно! произнесъ Карачаевъ, высовывая багровое лицо изъ кассы и запальчиво моргая глазами: — онъ отъ меня теперь не уйдетъ! Нѣтъ не уйдетъ! И развѣ Ваня

не знаетъ, кто онъ такой?.. и какъ вы держите у себя этакого негодяя!.. да онъ... да я его... чортъ возьми, не отвертится теперь. Какъ только кончится представленіе, я тотчасъ же его сцапаю!.. о! я буду его преслѣдовать! буду, во что бы то ни стало! Ну, душа моя, *Aristarque*, пойдемъ въ залу! заключилъ Карачаевъ, проводя ладонью по лбу, покрытому каплями пота.

Первый предметъ, поразившій Карачаева, когда онъ вошелъ въ залу, былъ Иванъ, который держался вверхъ ногами и ходилъ въ этомъ положеніи по сценѣ.

Карачаевъ бросился стремглавъ на свое мѣсто, наступилъ на нѣсколько носковъ, сказалъ: «pardon, *pardoné*» и мгновенно превратился весь въ восторгъ.

Недожидаясь ни времени, ни срока, онъ захлопалъ въ ладоши и такъ неистово крикнулъ: «Браво Ивановъ!» что Аристархъ Θедоровичъ принужденъ былъ толкнуть его подбокъ.

Но Карачаева въ минуты отчаянныхъ и восторженныхъ порывовъ удержать было трудно. Онъ не обращалъ ни малѣйшаго вниманія на толчки Аристарха Θедоровича и во все продолженіе «перваго отдѣленія» не переставалъ кричать и хлопать въ ладоши. Наконецъ «первое отдѣленіе» кончилось и занавѣсь опустилась. Но это обстоятельство далеко не укротило Павла Петровича; восторженность его тутъ только повидимому приняла всю свою силу.

Онъ быстро вскочилъ со стула оглянулъ партеръ и, подмигивая безъ различія во всѣ стороны, произнесъ: «Ну-ка, господа, Иванова-то, подхватывайте!»

Затѣмъ онъ повернулся лицомъ къ сценѣ, втянулъ въ себя какъ-можно-болѣе воздуху и потрясъ залу криками:

— Иванова! Иванова! кричалъ Карачаевъ, подмигивая то тому, то другому зрителю, И-ва-но-ва!

Занавѣсь поднялась и Ивановъ показался на сценѣ.

— Браво! брависимо... брр... аави! Молодецъ Ивановъ! браво Ваня! Молодецъ! захрипѣлъ Карачаевъ, напирая на оркестръ, выкатывая глаза, размахивая руками и хлопая въ ладоши съ такою силою, что коричневыя перчатки его, разлѣзлись въ клочки.

— Посмотрите на этого господина, онъ, кажется, намѣре-

вается насъ всѣхъ прибить, сказалъ пофранцузски какой-то молодой человѣкъ, стоявшій неподалеку.

— Не бойтесь, этого не случится! отвѣчалъ Карачаевъ, обращаясь неожиданно въ ту сторону и посылая послѣдній восторженный знакъ удалявшемуся Ивану: — только въ другой разъ совѣтую вамъ быть поосторожнѣе! заключилъ онъ, поворачиваясь къ нему спиной.

— А, здравствуй братъ, Иванъ Дормидонычъ, что такъ поздно! весело сказалъ Карачаевъ, протягивая руку Бобохову, который только-что вошелъ въ кресла.

— Здравствуйте... чрезвычайно-пріятно, пробормоталъ Бобоховъ, небрежно протягивая Карачаеву указательный палецъ и руководствуясь въ этомъ случаѣ, какъ и всегда, джентльменскимъ примѣромъ Тохтамышева. Но Карачаевъ отскочилъ на три шага и заморгалъ глазами.

— Че-е-во? сказалъ онъ: — че-е-во? ахъ ты выскочка! заговорилъ онъ, понижая голосъ, но такъ, однакожь, что слышно было каждое слово: — съ чего это ты взялъ? а? Тебѣ дѣлаютъ честь, подаютъ руку, а ты вздумалъ мизинцы протягивать... а? ахъ ты, буржуа-жантильйомъ этакой!.. да съ чего это ты взялъ, а? продолжалъ Карачаевъ грозно насупивая брови, между-тѣмъ, какъ Бобоховъ, раздувалъ позеленѣвшія щеки и боязливо оглядывался на всѣ стороны: — а впрочемъ, постой, братъ, я очень-радъ, что съ тобой встрѣтился... Я слышалъ, что ты хвасталъ тѣмъ, будто помогалъ сочинять Дрянкову повѣсть... а? такъ или нѣтъ? отвѣчай мнѣ, я тебѣ говорю: такъ или нѣтъ? Мнѣ самъ Дрянковъ разсказывалъ это у Кокуркиныхъ... Ты лгать вздумалъ... ахъ ты сочинитель! ну тебѣ ли быть сочинителемъ! Стóитъ только взглянуть на тебя, чтобъ этому не повѣрить! Погоди, братъ, я еще допеку тебя, буржуа-жан... выскочка ты этакой! проговорилъ Карачаевъ, провожая глазами Бобохова, который поспѣшно пробирался между рядами стульевъ, стараясь достичь какъ-можно-скорѣе противоположной двери.

Въ эту минуту поднялась занавѣсь. Отличное расположеніе духа тотчасъ же возвратилось къ Карачаеву; онъ занялъ свое мѣсто, снова задѣлъ нѣсколько носковъ и снова обратился весь въ восторгъ, который, казалось, ждалъ только удобнаго случая высказаться.

Случай этотъ незамедлилъ представиться.

Во время первой живой картины: *гнѣвъ Геркулеса*, въ которой главную роль занимали Адольфъ Мейеръ и Ивановъ, Карачаевъ, хотя и съ усиліемъ, но все еще владѣлъ собою; но когда, вслѣдъ затѣмъ, появилась картина: *Грація*, и глазамъ его предстала Глафира, Карачаевъ разразился новыми рукоплесканіями, которыя были чуть ли не яростнѣе прежнихъ.

— Какова, братецъ, а? какова наша Глафира Львовна? нѣтъ, ты мнѣ скажи только: какова, а? сказалъ онъ обратившись къ Аристарху Ѳедоровичу.

— Хороша, хороша!.. не мѣшало бы имъ, однакожь, поторопиться... отвѣчалъ Балахно̀въ, дѣлая видъ, будто Карачаевъ былъ для него совершенно-посторонній человѣкъ.

— Ну вотъ, погоди, сейчасъ начнутъ! произнесъ Павелъ Петровичъ, быстро поворачиваясь къ сценѣ.

Третья картина все еще не показывалась.

Прошла еще минута, потомъ еще: и еще, третьей картины какъ не бывало.

За сценой слышалась между-тѣмъ бѣготня и суматоха; можно даже было различать отрывочныя восклицанія: «Гдѣ?.. какъ? куда? бѣда, все пропало!..»

Публика начинала терять терпѣніе; посреди хлопанья въ ладоши, раздавался нетерпѣливый шопотъ; кто-то застучалъ даже каблуками.

Карачаевъ грозно посмотрѣлъ въ ту сторону и хотѣлъ ужь что-то сказать въ оправданіе случившагося промедленія, но, услышавъ за спиною знакомый голосъ, поспѣшилъ обратить лицо свое къ сценѣ.

Глаза его прямёхонько встрѣтили Ивана, который почтительно раскланивался. Лицо Ивана было блѣдно и волосы его, тщательно-завитые, свѣшивались теперь въ безпорядкѣ. Карачаевъ началъ-было съ того, что захлопалъ и закричалъ: «Браво Ивановъ»; но въ отвѣтъ на это публика зашикала немилосердымъ образомъ.

— Почтеннѣйшая публика... сказалъ Иванъ разстроеннымъ голосомъ: — честь имѣю извѣстить, что, по причинѣ внезапной болѣзни одного изъ главныхъ дѣйствующихъ лицъ, мы не можемъ... никакъ не можемъ продолжать живыхъ картинъ... но вмѣсто нихъ... прибавилъ Иванъ съ глубокимъ поклономъ

на всѣ три стороны залы: — мы будемъ имѣть честь показать вамъ новыя гимнастическія упражненія...

Карачаевъ снова захлопалъ и закричалъ: «Браво Ивановъ!» но снова заглушенъ былъ шиканьемъ.

Шиканье сопровождало Ивана до самыхъ кулисъ и не умолкало даже тогда, когда опустили занавѣсь.

— Я знаю, что все это значитъ! сказалъ Карачаевъ наклоняясь къ Аристарху Ѳедоровичу и подмигивая ему съ видомъ взаимнаго соучастія: — я догадываюсь... всему этому причиной эта каналья Попель... Клипель... Кококской... фу какъ бишь его! Все это онъ надѣлалъ... Я сейчасъ бѣгу на сцену... сверну ему шею... мерзавецъ!.. смотри не уходи безъ меня! довершилъ онъ, поспѣшно направляясь къ выходу, причемъ задѣлъ еще нѣсколько носковъ.

Аристархъ Ѳедоровичъ, безъ сомнѣнія, не обратилъ бы вниманія на просьбу Карачаева и не сталъ бы дожидаться гимнастическихъ упражненій, еслибъ не побуждали его къ тому весьма-важныя причины. Дѣло въ томъ, что за стуломъ его находился какой-то толстенькій, суетливый и совершенно-незнакомый господинъ, который повѣствовалъ своему сосѣду городскія новости и, между-прочимъ, излагалъ весьма-краснорѣчиво подробности окатовскаго бала. Балъ долженъ былъ происходить въ вечеръ того же дня, и слухи о немъ имѣли, слѣдовательно, для Балахнóва самый живой интересъ. Любопытство Аристарха Ѳедоровича приняло, однакожь, характеръ самаго глубокаго вниманія, когда, посреди шопота толстенькаго господина, услышалъ онъ неоднократно-повторенную фамилію Бирюкова. Къ-сожалѣнію, онъ ничего болѣе не услышалъ. Любопытство его возбуждено было тѣмъ сильнѣе, что онъ ждалъ Бирюкова съ минуты на минуту. Потерявъ, наконецъ, всякое терпѣніе, онъ перегнулся черезъ спинку стула и, обратясь къ толстенькому господину, сказалъ съ свойственною ему одному любезностью:

— Вы, кажется, изволили сейчасъ упомянуть фамилію Бирюкова, милостивый государь: скажите, что онъ, пріѣхалъ?

— Пріѣхалъ-съ, отвѣчалъ толстякъ, заботливо наклоняясь впередъ: — но, къ-сожалѣнію... позвольте спросить: онъ не родственникъ ли вашъ?

— Нѣтъ.

— Въ такомъ случаѣ, я могу вамъ сообщить истинно-прискорбное извѣстіе...

— Что жь такое? спросилъ Балахновъ, перевертываясь на стулѣ.

— Кормонолѣй Семенычъ пріѣхалъ вчера въ ночь... а сегодня... да-съ, сегодня на зарѣ умеръ...

— Умеръ! произнесъ Аристархъ Ѳедоровичъ, почувствовавъ что кровь застыла въ его жилахъ: — умеръ... да... но какъ же это случилось? повторилъ онъ, мгновенно овладѣвая собою.

— Изволите-ли видѣть: Кормонолѣй Семенычъ, былъ, какъ вамъ, вѣроятно, извѣстно, скупенекъ... ну-съ, вотъ и отправился онъ на выборы; его, знаете, дорога-то и запугала... Мнѣ разсказывала все это его сестрица, которая теперь при немъ; испугался онъ больше всего дороговизны на дорогахъ и постоялыхъ дворахъ... не выѣзжалъ, знаете, двадцать лѣтъ; «какъ, думаетъ, ограбятъ совсѣмъ ограбятъ...» Запуганный, знаете ли, этой мыслью, взялъ да и приказалъ повару сдѣлать яичницу во сто яицъ... да всю дорогу ею одною и питался... Время, знаете, сырое, человѣкъ преклонный... у него, знаете, это, и вышло разстройство... И никто даже не подозрѣвалъ этого... всю дорогу ни разу не пожаловался... напротивъ, хвалилъ эту яичницу... И только подъѣзжая къ Черноряжску, открылось, знаете, у него это воспаленіе... Въ ночь былъ очень-дуренъ, къ утру хуже... а сегодня приказалъ долго жить!.. вотъ какъ-съ!

Послѣ такого извѣстія, гимнастическія упражненія не могли ужь, конечно, представить большаго интереса Аристарху Ѳедоровичу. Полный тревожнаго, мрачнаго опасенія за свои планы и смутно сомнѣваясь за удачный результатъ, онъ поспѣшилъ выбраться изъ залы.

У выхода онъ наткнулся на Карачаева.

— Такъ и есть, душа моя, такъ и есть! я вѣдь тебѣ говорилъ: всему виноватъ этотъ Попли... пли... кокскій... да̀, Попельковскій! произнесъ Карачаевъ съ необычайнымъ воодушевленіемъ: — представь, братецъ, убѣжалъ! Скрылся... и... и костюмъ унесъ съ собою! и костюмъ, слышишь ли, костюмъ, я тебѣ говорю! Воръ! негодяй! О, я буду его преслѣдовать! Пойду хоть въ тартарары! Не убѣжитъ онъ отъ меня, не-увернется!.. Но куда жь ты, братецъ? пого-

ди! Сейчасъ начнутъ второе отдѣленіе... Иванъ сказалъ мнѣ, что оно будетъ во сто кратъ великолѣпнѣе прежняго.

— Я иду домой, нетерпѣливо отвѣчалъ Аристархъ Ѳедоровичъ, выходя на площадь.

— Ну, вотъ вздоръ какой! погоди, душа моя! Къ-тому же, Иванъ приглашалъ меня къ себѣ послѣ представленія... Ахъ, братъ, ты не повѣришь, какъ онъ и жена его обрадовались! Такіе, право, добрые, радушные люди... Я хотѣлъ попросить тебя дождаться окончанія, и тогда пошли бы мы къ нимъ вмѣстѣ... Они, Богъ-знаетъ, какъ бы тебѣ обрадовались...

— Ахъ, оставь меня, братецъ, въ покоѣ! съ досадою воскликнулъ Аристархъ Ѳедоровичъ.

Карачаевъ остановился какъ вкопанный, и лицо его приняло мгновенно самое недовольное выраженіе.

— Что жь ты гнушаешься моимъ предложеніемъ, что ли? вскричалъ онъ, двигая бровями: — а! когда такъ...

Но тутъ Карачаевъ взглянулъ на Аристарха Ѳедоровича и замѣтивъ на лицѣ его слѣды глубокой грусти, тотчасъ же подбѣжалъ къ нему, взялъ его за руку и сказалъ, мгновенно измѣняя интонацію:

— Я, душа моя, пріиду скоро... ты только не безпокойся... Э! все это перемелется — мука будетъ... все это вздоръ! и, повѣрь мнѣ, хорошо кончится!

Сказавъ это, Карачаевъ оставилъ Аристарха Ѳедоровича; минуты двѣ онъ слѣдилъ за нимъ глазами, наконецъ, покрутя головой, махнулъ рукой и вернулся въ театръ.

Аристархъ Ѳедоровичъ пришелъ домой въ самомъ мрачномъ расположеніи духа. Сидоръ подтвердилъ ему горестное извѣстіе о смерти Бирюкова. Злостныя обстоятельства очевидно умножались, расли и грозили заслонить дорогу Аристарху Ѳедоровичу. Бирюковъ, Бирюковъ — эта необходимая спица въ томъ могучемъ колесѣ, которое должно было переломать ноги врагамъ Аристарха Ѳедоровича — умеръ. Аристархъ Ѳедоровичъ ясно видѣлъ, что смерть Кормонолѣя Семеновича увлекала за собою звѣзду его славы, которая и безъ того ужь начинала блѣднѣть и опускаться къ горизонту. Да, Бирюковъ умеръ! дѣйствительно умеръ! Отъ искры Москва загорѣлась. Яичница была причиною, что Аристархъ Ѳедоровичъ лишался лучшей своей опоры! Конечно, перемелется—все мука бу-

детъ; все обратится въ прахъ и тлѣнъ! Но, въ ожиданіи такого результата, что̀ остается? рядъ безцвѣтныхъ годовъ подточенныхъ сознаніемъ своего безсилія и торжествомъ враговъ, перспектива новыхъ огорченій и затѣмъ могила на скромномъ деревенскомъ погостѣ!.. Голова Аристарха Ѳедоровича горѣла; лихорадочный жаръ пробѣжалъ по его жиламъ. Онъ, безъ-сомнѣнія, могъ утѣшить себя тѣмъ, что не сегодня, такъ завтра пріѣдетъ Лизавета Семеновна; что денегъ съ женнинаго имѣнія, которое давно уже рѣшился онъ перезаложить или даже продать въ крайнемъ случаѣ, будетъ совершенно достаточно длятого, чтобъ задать рядъ ослѣпительныхъ праздниковъ; что дѣло, слѣдовательно, еще не проиграно. Съ другой стороны, онъ содрогался при мысли, что весь городъ, всѣ, отъ мала до велика, знаютъ ужь о его намѣреніяхъ; всѣ говорятъ о его балѣ и приготовленіяхъ... И что жь, если вдругъ, Боже упаси! явятся какія-нибудь непредвидѣнныя обстоятельства, которыя помѣшаютъ исполненію всѣхъ этихъ плановъ?.. Что̀ скажетъ тогда городъ? Что́ скажутъ подрядчики, оффиціанты?.. Нѣтъ, нѣтъ, все это вздоръ, пустяки, безсвязный бредъ встревоженнаго воображенія. Дѣло еще не кончено и надо подождать результата. Тутъ Аристархъ Ѳедоровичъ снова овладѣлъ собой и снова началъ себя обнадеживать.

Карачаевъ, вѣрный, какъ и всегда, своему нраву, опоздалъ явиться къ назначенному сроку. Онъ пробылъ у Ивана почти весь день и пришелъ домой уже тогда, когда подавали свѣчи. Карачаевъ засталъ Аристарха Ѳедоровича въ совершенно спокойномъ расположеніи духа, по-крайней-мѣрѣ, такъ показалось ему. Обстоятельство это, какъ и слѣдовало ожидать, значительно развеселило Павла Петровича и мигомъ развязало ему языкъ.

— Ну, братецъ, какъ мнѣ жаль, что ты не пошелъ со мной къ Ивану... ну, словомъ, братъ, очень-жаль! Ей-Богу, право! заговорилъ онъ, усаживаясь противъ Балахно́ва и закуривая трубку: — ты представить себѣ не можешь, что это за добрые и честные люди!.. и этотъ Мейеръ, который у нихъ живетъ... и другой еще у нихъ есть, Петръ Захарычъ, ну, вотъ кассиръ-то, котораго мы видѣли... все это, братъ, отличнѣйшіе и добрѣйшіе ребята!.. *Ecoulé:* ты не повѣришь, братецъ, какъ я весело и пріятно провелъ съ ними время! И живутъ, знаешь, такъ мило, ей-Богу, право. Твоей Глафи-

ры узнать нельзя, просто, невозможно... Вездѣ такъ чистенько, уютно: и ширмочки, и утюжокъ, и канареечка въ клѣткѣ виситъ... все это, братъ, такъ, знаешь, миленько и чистенько... Да вотъ какъ: не будь я въ теперешнемъ моемъ положеніи — то-есть какое мое положеніе? ты понимаешь, я совсѣмъ не на то намекаю; не будь у меня, попросту, моихъ знакомыхъ, пріятелей, не будь у меня дружескаго угла — я, ей-Богу, съ радостью сталъ бы жить съ ними... Ей-Богу такъ! Ну, самъ посуди: что это такое? вѣдь это, признаться, братъ, все вздоръ, дребедень, пустяки, продолжалъ онъ.

Аристархъ Ѳедоровичъ ничего не отвѣчалъ; задумчивые глаза его и продольная морщина на лбу ясно доказывали, что мысли его находились за тридевять земель отъ предмета карачаевскаго разговора.

— Ну, а насчетъ, братецъ, этого Пли... Пло... кок... Попельковскаго, снова заговорилъ Карачаевъ, причемъ голосъ его возвысился на цѣлую октаву, а лицо изобразило всѣ признаки сильнѣйшаго негодованія: — скажу тебѣ, что я принялъ рѣшительное намѣреніе стереть его съ лица земли! Все припомню ему... припомню и бирюзоваго голубка, котораго утащилъ онъ тогда у этой несчастной Васильковой — все припомню! все! все!

— Послушай, Карачаевъ, я хотѣлъ поговорить съ тобой объ одномъ дѣлѣ... неожиданно перебилъ Аристархъ Ѳедоро̀вичъ, какъ-бы пробуждаясь отъ своей задумчивости. Тутъ Аристархъ Ѳедоровичъ провелъ ладонью по лбу, всталъ съ мѣста, прошелся нѣсколько шаговъ и снова остановился передъ Карачаевымъ.

— Дѣло, братецъ, большой важности и требуетъ отъ тебя всего твоего вниманія... скажу болѣе: требуетъ отъ тебя жертвы! примолвилъ Аристархъ Ѳедоровичъ, положивъ руку на плечо собесѣдника и пристально всматриваясь въ его лицо.

— Изволь, братецъ, я готовъ... ты знаешь, душа моя *Aristarque*, что я...

— Стой! словъ мнѣ не надо... мнѣ нужно дѣло, любезный, дѣло! слышишь ли? сказалъ Балахно̀въ рѣшительнымъ голосомъ.

— Ну да̀, разумѣется, душа моя... я иначе и не понимаю твоихъ словъ... Дѣло, такъ дѣло; я готовъ, отвѣчалъ Карачаевъ, поспѣшно вставая съ мѣста и запрятывая свою трубку

въ самый темный уголъ, какъ-будто она могла быть весьма опаснымъ свидѣтелемъ въ предстоящемъ объясненіи.

— Садись и слушай, произнесъ Аристархъ Ѳедоровичъ, указывая ему торжественнымъ жестомъ на стулъ.

Карачаевъ суетливо усѣлся на указанное мѣсто и каждая черточка на лицѣ его мгновенно приняла строгое, внимательное и въ высшей степени дѣловое выраженіе.

—Прежде всего я долженъ тебѣ сдѣлать слѣдующій вопросъ, началъ Аристархъ Ѳедоровичъ:—скажи мнѣ откровенно, прямо, безъ обиняковъ, чувствуешь ли ты ко мнѣ истинное, душевное расположеніе? добавилъ онъ, протягивая руку Карачаеву, который схватилъ ее поспѣшно и пожалъ съ такою силою, что захрустѣли всѣ суставчики собесѣдника.

— Хорошо! произнесъ Аристархъ Ѳедоровичъ поглаживая покраснѣвшую ладонь: — теперь слушай, вотъ въ чемъ дѣло...

Карачаевъ нагнулъ на бокъ голову и нахмурилъ глубокомысленно брови.

— Ты, знаешь, братецъ, что вотъ ужь полторы недѣли, какъ я жду сюда Лизавету Семеновну, продолжалъ Аристархъ Ѳедоровичъ: — почему я выписываю ее сюда... что̀ заставило меня безпокоить ее, подхватилъ онъ, стараясь смягчить свое выраженіе, потому-что Карачаевъ былъ страхъ–раздражителенъ въ–отношеніи ко всему, что́ касалось Лизаветы Семеновны—все это выходитъ изъ настоящаго предмета нашего разговора; дѣло въ томъ, что я жду ее, что присутствіе ея здѣсь необходимо, что у нея находятся, въ-добавокъ, бумаги, которыя почти такъ же необходимы, какъ сама она... Но ты самъ видишь, что время проходитъ, а жены, между-тѣмъ, нѣтъ-какъ-нѣтъ... Писемъ я отъ нея точно также не получаю... словомъ я теряюсь въ догадкахъ... Ужь не больна ли она? или не случилось ли съ нею, или дѣтьми, какого-нибудь несчастія?.. словомъ, безпокойство мое на этотъ счетъ доходитъ до крайнихъ предѣловъ...

Во время этого предварительнаго монолога, дѣловое лицо Карачаева сбрасывало постепенно выраженіе притупленнаго вниманія и съ каждой секундой все болѣе-и-болѣе хмурилось; въ глазахъ его, сначала глубокомысленно-опущенныхъ къ полу, но устремленныхъ теперь въ тотъ уголъ, гдѣ находилась

трубка, ясно можно было прочесть, что тайна, которую хранилъ онъ въ глубинѣ души своей, готова была вырваться изъ груди его. Онъ сдѣлалъ, однакожь, усиліе и ограничился только сухимъ кашлемъ.

— Ну хорошо, что жь дальше? сказалъ онъ неподымая глазъ на Аристарха Ѳедоровича.

— Дальше будетъ то именно, о чемъ я хотѣлъ просить тебя, началъ Балахнòвъ таинственнымъ голосомъ: — изъ всѣхъ близкихъ, знакомыхъ и преданныхъ мнѣ людей ты одинъ, на котораго я могу возложить это порученіе... Твоя искренняя привязанность къ женѣ...

— Дà, я люблю, почитаю, уважаю, глубоко уважаю Лизавету Семеновну!.. ну чтò жь дальше? нетерпѣливо сказалъ Карачаевъ.

— Безпокойство касательно этого непонятнаго, упорнаго молчанія съ ея стороны, должно, слѣдовательно, занимать точно также маленькое мѣсто въ твоемъ добромъ сердцѣ...

— Ну, ну, ну! вымолвилъ еще нетерпѣливѣе Карачаевъ.

— Послушай, любезный другъ, поѣзжай въ Ханскіе-Пруды, узнай все обстоятельно и привези жену какъ-можно-скорѣе сюда...

Волненіе и неловкость обозначились въ эту минуту съ такою силою во всей фигурѣ Карачаева, что Аристархъ Ѳедоровичъ усомнился наминуту въ привязанности Карачаева къ своей особѣ.

— Тебѣ, можетъ-быть, въ тягость такое порученіе? спросилъ Балахнòвъ тономъ человѣка, который очевидно желаетъ услышать благопріятный отвѣтъ.

— Помилуй, братецъ, я не думалъ даже объ этомъ... Изволь, я готовъ!.. чтобъ доказать тебѣ мое расположеніе... я готовъ ѣхать въ Ханскіе-Пруды... Полтораста верстъ для меня ровно ничего не значатъ; сѣлъ, завернулся въ шинель: «пошелъ!» да и баста! и вся недолгà! Изволь, братецъ, я ѣду хоть сейчасъ!

— Благодарю, милый мой, благодарю! Я никогда, впрочемъ, не сомнѣвался въ твоей дружбѣ! воскликнулъ Аристархъ Ѳедоровичъ, заключая Карачаева въ объятія.

Затѣмъ онъ тотчасъ же принялся дѣлать ему инструкцію, главный смыслъ которой заключался въ томъ, чтобъ привезти какъ-можно-скорѣе Лизавету Семеновну, и въ-особенности, не забыть сказать ей, чтобъ она захватила тѣ бумаги, о которыхъ было уже говорено въ письмахъ.

Карачаевъ слушалъ всѣ эти наставленія съ явнымъ невниманіемъ и пренебреженіемъ; но когда Аристархъ Ѳедоровичъ вышелъ изъ кабинета, чтобъ сдѣлать кой-какія распоряженія для скорѣйшаго отправленія Карачаева, Павелъ Петровичъ пришелъ внезапно въ неописанную ярость.

— Такъ! я поѣду!.. Полтораста верстъ для меня ничего не значатъ!.. Поѣду, но все равно, не сегодня, такъ завтра узнаешь... не миновать тебѣ, добрый отецъ... все узнаешь... вотъ она штука-то въ чемъ!.. Такъ, такъ, голубушка моя, Лизавета Семеновна, такъ не выдавайте себя, не жалѣйте, чего жалѣть?.. Его не проймешь, голубушка моя, ни калиной, ни хворостиной!.. заключилъ онъ, моргая глазами и свирѣпо почесывая лысину.

Минутъ десять спустя, сѣрый нанковый казакинъ красовался ужь на плечахъ Карачаева, а черный фракъ его занималъ свое обычное мѣсто въ маленькомъ чемоданчикѣ. Немного погодя, стукъ удалявшейся тележки возвѣстилъ объ отправленіи Карачаева.

Аристархъ Ѳедоровичъ позвалъ Сидора, который выходилъ на крыльцо провожать Павла Петровича...

— Что, какова погода? спросилъ Аристархъ Ѳедоровичъ.

— Такая-то дрянная, сударь... что Боже упаси....

— Какая дрянная?

— Да чичерь, сударь...

— Какой чичерь? дуракъ!

— Чичерь, сударь... снѣгъ, дождь... крупа... вѣтеръ такой... зги не видно!..

— Хорошо, ступай!

Аристархъ Ѳедоровичъ завернулся въ халатъ, погрузился въ мягкое кресло, вытянулъ ноги и улыбнулся при мысли, что сомнѣнія его въ-отношеніи къ привязанности Карачаева, были далеко неосновательны.

*

ГЛАВА XII,

ПОДМОСТКИ, НА КОТОРЫХЪ СТОЛЬКО ЛѢТЪ КРАСОВАЛСЯ АРИСТАРХЪ ѲЕДОРОВИЧЪ, НАЧИНАЮТЪ ТРЕЩАТЬ, ПОДЛАМЫВАТЬСЯ, НАКОНЕЦЪ ПАДАЮТЪ И УВЛЕКАЮТЪ ЗА СОБОЮ ВЕЛИКАГО МУЖА.

Прошла недѣля послѣ событій, описанныхъ въ предъидущей главѣ. Немного, кажется, но времени этого было уже достаточно, чтобъ произвести опустошительное дѣйствіе въ величественной физіономіи знаменитаго горшковскаго дипломата. Уже на пятый день послѣ отъѣзда Карачаева, багровые кружки появились на благородныхъ ланитахъ Аристарха Ѳедоровича; въ короткій промежутокъ послѣдующихъ двухъ дней багровые кружки успѣли распространиться по всему лицу его, которое, отражая такимъ-образомъ зарево внутренняго пожара, значительно осунулось и похудѣло.

Продолжительность этой зловѣщей красноты опредѣляла всегда, какъ ужь извѣстно, степень внутренняго разстройства великаго человѣка. Ясно было, слѣдовательно, что разстройство великаго человѣка достигло уже высшаго своего предѣла.

Могло ли быть иначе?

По всѣмъ разсчетамъ и соображеніямъ Аристарха Ѳедоровича, ему слѣдовало бы быть теперь наканунѣ своего бала; онъ твердо увѣренъ былъ, что къ этому времени, благодаря визитамъ жены, общественное положеніе его окончательно упрочится; такую же точно увѣренность питалъ онъ въ-отношеніи къ бумагамъ, которыхъ ожидалъ вмѣстѣ съ женою; бумаги эти давно должны были снабдить его роскошными принадлежностями для предположеннаго бала и обѣда. Такъ думалъ Аристархъ Ѳедоровичъ, но не такъ вышло на самомъ дѣлѣ.

Лизавета Семеновна не ѣхала; бумагъ какъ не бывало; балъ находился на степени простаго проекта; общественное положеніе было сомнительнѣе чѣмъ когда-нибудь. Въ этомъ крайнемъ случаѣ, Аристархъ Ѳедоровичъ имѣлъ полное право разсчитывать хоть на отвѣтъ отъ Лизаветы Семеновны или

Карачаева. Но отвѣта не было. Ханскіе-Пруды хранили упорное молчаніе; а между-тѣмъ роковое утро, къ которому столько лѣтъ стремились всѣ помыслы Аристарха Ѳедоровича, приближалось съ непостижимою быстротою.

До начала выборовъ оставалось всего-на-все пятеро сутокъ! прошло еще два дня, два адски-мучительные дня.

Ханскіе-Пруды не подавали признака жизни.

Пурпуръ замѣтно началъ сбѣгать съ величественнаго лица Аристарха Ѳедоровича, оставляя на немъ, по мѣрѣ исчезновенія, слѣды той лимонной желтизны, которая не предвѣщаетъ ничего добраго.

Прошелъ еще день, потомъ еще день, потомъ третій и наконецъ, до выборовъ остались всего одни сутки.

Ханскіе-Пруды молчали попрежнему.

Смотритель оранжерей, котораго переманилъ Балахно́въ у Окатова, подрядчики, обнадеженные задатками, оффиціанты и поваръ осадили его со всѣхъ сторонъ докучливыми разспросами о срокѣ бала и обѣда. Аристархъ Ѳедоровичъ, пожелтѣвшій уже окончательно, ничего не отвѣчалъ; онъ приказалъ не принимать ихъ, подъ предлогомъ легкой простуды. Ясно было, что балъ и обѣдъ не могли ужь никакимъ образомъ осуществиться. Счастіе еще, что Аристархъ Ѳедоровичъ не слышалъ сарказмовъ, расточаемыхъ по этому поводу на его счетъ Балаклеевыми и другими, болѣе или менѣе-значительными обывателями Черноряжска. Одна мысль о возможности неблагопріятныхъ толковъ приводила его въ неописанное бѣшенство. Впрочемъ, какъ въ этомъ случаѣ, такъ равно и во всѣхъ случаяхъ его жизни, отдадимъ Аристарху Ѳедоровичу должную справедливость.

Онъ все еще крѣпился, не падалъ духомъ и даже употреблялъ гигантскія усилія, стараясь подавить въ груди своей яростные порывы желчи. Но ка̀къ хотите, въ минуты, подобныя тѣмъ, какія переживалъ теперь нашъ герой, трудно, почти невозможно сохранить невозмутимое равнодушіе. Были мгновенія, когда чувствовалъ онъ, что желчь приступала къ горлу и давила его ; были мгновенія, когда кровь бушевала въ жилахъ Аристарха Ѳедоровича; наступали также минуты, когда онъ ровно ничего не могъ сдѣлать, чтобъ потушить пламень негодованія, который, вопреки всѣмъ усиліямъ, истор-

гался изъ его глазъ, какъ изъ люковъ театра, когда тамъ представляютъ пожаръ.

Все это, разумѣется, нимало не помѣшало наступить роковому утру, назначенному для начала выборовъ.

Такъ-какъ Аристархъ Ѳедоровичъ не смыкалъ глазъ впродолженіе трехъ послѣднихъ ночей, было бы совершенно-лишнимъ распространяться о томъ, ка̀къ поднялся онъ съ постели въ это достопамятное утро.

Достаточно сказать, что около восьми часовъ онъ вылилъ себѣ на голову три умывальника холодной воды, а часамъ къ девяти, приказалъ подавать одѣваться.

Не мѣшаетъ также замѣтить, что, несмотря на вышеизложенныя критическія обстоятельства, великій человѣкъ хранилъ въ душѣ непреклонное намѣреніе ѣхать на выборы; онъ не сомнѣвался, что присутствіе его все еще должно будетъ произвести сильный переворотъ въ мысляхъ черноряжскихъ обывателей.

Аристархъ Ѳедоровичъ стоялъ передъ зеркаломъ и приступалъ уже къ подвязыванію галстуха, какъ вдругъ на улицѣ послышался звонкій хляскъ копытъ и почти въ ту же минуту подъ самыми его окнами остановилась тройка.

При этомъ пальцы Балахно̀ва, и безъ того ужь несовсѣмъ-покорные, выпустили галстухъ; онъ быстро подошелъ къ окну и выглянулъ на улицу.

При видѣ Карачаева, вылѣзавшаго изъ тележки съ чемоданомъ подъ мышкою, губы Аристарха Ѳедоровича вздрогнули и лицо поблѣднѣло, какъ известь.

Онъ не успѣлъ еще пріийдти въ себя, какъ Карачаевъ очутился ужь въ кабинетѣ.

— Здравствуй, братецъ, сказалъ Карачаевъ, съ самымъ-спокойнымъ, обыкновеннымъ видомъ: — да что́ съ тобою? что̀ ты, братецъ?! подхватилъ онъ мгновенно, измѣняя интонацію: — успокойся, душа моя, ничего не случилось, клянусь тебѣ честью! всѣ, слава Богу, здоровы; и Лизавета Семеновна и дѣтки также! заключилъ онъ, подбѣгая къ собесѣднику и протягивая къ нему обѣ руки.

Но Аристархъ Ѳедоровичъ поспѣшилъ спрятать руки за спину, отступилъ три шага и бросилъ на Карачаева сокрушающій взглядъ.

— Я не объ этомъ тебя спрашиваю! сказалъ онъ глухимъ, задыхающимся голосомъ : — я спрашиваю тебя... гдѣ жена?..

— Лизавета Семеновна въ Ханскихъ-Прудахъ, братецъ, отвѣчалъ Карачаевъ такимъ тономъ, какъ-будто дѣло касалось самаго обыкновеннаго предмета.

— Что̀ же все это значитъ? вскричалъ Аристархъ Ѳедоровичъ, задыхаясь отъ бѣшенства.

— Полно, братецъ, ну что ты изъ себя выходишь?.. успокойся; вотъ тебѣ кресло, садись; садись, говорю тебѣ; все узнаешь... заботливо отвѣчалъ Карачаевъ.

— Ну... произнесъ Аристархъ Ѳедоровичъ, бросаясь на указанное ему мѣсто.

Карачаевъ поспѣшилъ занять сосѣдній стулъ, причемъ лицо его тотчасъ же приняло строгое и въ высшей степени дѣловое выраженіе.

Сжавъ свои узенькія губы патентованными зубами, скрестивъ судорожно руки на груди, Аристархъ Ѳедоровичъ подавилъ, казалось, въ себѣ на минуту порывы бѣшенства и приготовился слушать съ подобающимъ терпѣніемъ.

— Ну, что̀ жь все это значитъ? повторилъ онъ.

— Значитъ то, братецъ, что Лизавета Семеновна сюда не будетъ... выразительно сказалъ Павелъ Петровичъ.

— Ка-а-акъ! вскричалъ Балахно̀въ, ударяя кулакомъ по столу и быстро вскакивая съ мѣста.

— Полно, братецъ... ну, что ты, въ-самомъ-дѣлѣ... началъ-было Карачаевъ, но Аристархъ Ѳедоровичъ прервалъ его :

— А письма мои? произнесъ онъ.

— Письма твои получены всѣ до единаго... но Лизавета Семеновна все-таки не могла пріѣхать... На это, я тебѣ скажу, есть, братецъ, причины... примолвилъ Карачаевъ, разстегивая съ озабоченнымъ видомъ крючки своего нанковаго казакина и вынимая письмо : — на̀, читай! заключилъ онъ, нахмуривъ брови.

Аристархъ Ѳедоровичъ вырвалъ письмо изъ рукъ его, сломалъ печать и принялся читать.

Карачаевъ поспѣшилъ отодвинуть стулъ, всталъ и, съ свойственною ему скромностью, отошелъ въ сторону. Глаза его пристально устремились, однакожь, на Аристарха Ѳедоровича ; онъ, повидимому, напрягалъ все свое вниманіе, чтобъ

прослѣдить за впечатлѣніями, которыя должны были обозначиться въ чертахъ Балахнова при чтеніи письма. Выраженіе, постепенно-возраставшаго неудовольствія на лицѣ Карачаева, доказывало, что онъ былъ чрезвычайно-недоволенъ впечатлѣніями Аристарха Ѳедоровича. Но когда Аристархъ Ѳедоровичъ разорвалъ письмо въ мелкіе клочки, затопалъ ногами и разразился бранью, и особенно, когда, посреди этихъ неумѣренныхъ изліяній злобы, неоднократно произнесено было имя Лизаветы Семеновны, неудовольствіе Карачаева переступило всѣ границы и мигомъ превратилось въ самое сильное негодованіе. Съ именемъ Лизаветы Семеновны, произнесеннымъ безъ должнаго уваженія, Карачаевъ забушевалъ, какъ прорванная плотина, и слова его, подобно осколкамъ, сброшеннымъ въ потокъ, запрыгали съ неудержимою быстротою.

— Такъ, стало-быть, ты находишь, что Лизавета Семеновна поступила не такъ, ка̀къ слѣдуетъ? воскликнулъ онъ, багровѣя, какъ свекла, и неспуская грозныхъ, моргавшихъ глазъ съ Аристарха Ѳедоровича, который расхаживалъ по кабинету, судорожно подергивая бровями.—Что жь должна была она сдѣлать по-твоему? а? а? подхватилъ Карачаевъ, все болѣе-и-болѣе разгорячаясь: —она должна была пріѣхать сюда, отдать тебѣ бумаги и, ради прихоти твоей, лишить дѣтей... а?.. Я вѣдь все знаю, братъ, все знаю!.. Я, конечно, въ твои дѣла мѣшаться не смѣю, а правду тебѣ скажу, всегда скажу, потому-что люблю, уважаю, почитаю Лизавету Семеновну, и дѣтокъ люблю... привыкъ, привязался и желаю всѣмъ имъ добра; вотъ она штука-то въ чемъ! да̀! всю правду выскажу тебѣ... Правда эта, признаться, давно сидитъ у меня вотъ здѣсь, да случая только не было! примолвилъ онъ, ударяя себя кулакомъ въ грудь:—ты привыкъ, чтобъ тебѣ всѣ кланялись и льстили, да я, братъ, не Кокуркины и не Свищовъ, вотъ она штука-то въ чемъ! Мнѣ, братъ, все равно!.. Знаешь ли, отъ кого ты получилъ это письмо? Знаешь ли, кого ты бранилъ сейчасъ, а? Ты бранилъ самую благородную женщину, какая только есть на свѣтѣ! Стыдись, братецъ, стыдись! Это говорю тебѣ я, Карачаевъ, стыдись!..

Аристархъ Ѳедоровичъ остановился и непреклоннымъ жестомъ указалъ Карачаеву на дверь.

— Это ты мнѣ указываешь на дверь? я и самъ знаю, гдѣ она! вскричалъ Карачаевъ съ возраставшимъ жаромъ: — небезпокойся, уйду; уйду, когда надо будетъ; а до того выскажу тебѣ всю подноготную; сказалъ, что выскажу — и выскажу, хоть ты тутъ тресни! Всегда скажу, что ты слишкомъ, братъ, возмечталъ о себѣ, вотъ что́! Ну, что ты, взаправду, о себѣ думаешь? что̀ ты такое? а? Ученый, что ли? Будь ты заслуженый какой, сдѣлай ты полезное дѣло, будь ты хоть знатнаго рода, или будь у тебя какое-нибудь особое воспитаніе или образованіе... вотъ тогда могъ бы ты считаться лучше другихъ... Да и то не долженъ бы показывать этого! А то что̀ въ тебѣ: знаешь только ты, братъ, выпучивать грудь, озадачивать какого-нибудь кисляка Василькова, да строчить ябеды... да и то, слышалъ я, безграмотныя, такъ-что всякой писецъ изъ земскаго суда лучше напишетъ, вотъ что̀!

— Ты забываешься! я велю вывести тебя вонъ! вскричалъ Аристархъ Ѳедоровичъ, дѣлая угрожающій жестъ.

— Меня! меня вывести! нѣтъ, братъ, молода еще, въ Саксоніи не была! запальчиво крикнулъ Карачаевъ: — а впрочемъ, позови Сидора — я при немъ выскажу тебѣ все, что̀ надо; мнѣ, вѣдь, ты знаешь, все-равно! Да̀, братъ, да̀, да́, возмечталъ ты о себѣ слишкомъ-много! вотъ что̀! Такъ возмечталъ, что всѣ кажутся тебѣ какою-то меркантелью... и даже Лизавета Семеновна, которой, между-тѣмъ, ты башмака не стоишь! Вотъ она штука-то въ чемъ! Пріѣдетъ куда-нибудь или дома у себя: развалится на диванѣ, задеретъ ноги, да и думаетъ, чортъ-знаетъ что онъ такое! Ну, что ты хочешь этимъ сказать? что̀? Ну, что ты хотѣлъ сказать, когда, двѣ недѣли тому назадъ, послѣ твоего обѣда, разлегся при всѣхъ на диванѣ: «о-о, я спать хочу!» кого ты этимъ озадачилъ? Всѣ сказали, что ты невѣжда; вотъ что! Нечего глаза-то выпучивать, меня этимъ не испугаешь; я всегда скажу, что ты мизинца, подошвы, да еще старой, истасканной подошвы Лизаветы Семеновны не стоишь! Мы всѣ, да̀, всѣ, сколько насъ ни есть, уважаемъ и почитаемъ ее, какъ добрую и благородную женщину... а ты... ну, братъ, ты еще покуда погоди! Почему никто до-сихъ-поръ еще не сказалъ о тебѣ добраго слова? а? Потому-что ты мѣшаешься во всякое дѣло, лѣзешь всюду, гдѣ безъ тебя обойдутся и гдѣ тебя вовсе не спраши-

ваютъ!.. И добро бы имѣлъ на это право какое, а вѣдь у самого пушокъ на рыльцѣ; да еще, можетъ-статься, больше чѣмъ у тѣхъ, кого ты чернишь; вотъ что! Ты одинъ правъ, всѣ виноваты; это, братъ, что-то мудрено!.. Вотъ она штука-то въ чемъ! Я, вѣдь, правду говорю! Помнишь, ты читалъ мнѣ одно письмо, не помню только къ кому оно было... кажется, къ Солонееву... ты очернилъ его, да и говоришь потомъ: «теперь обращу строгій взглядъ на себя!» Я помню, какъ ты тамъ себя выставлялъ, любо-дорого слушать!.. Нѣтъ, ты, въ-самомъ-дѣлѣ, нешутя, обрати-ка этотъ строгій взглядъ на себя, посмотри-ка, каковъ ты есть на-самомъ-дѣлѣ, такъ и увидишь, можетъ-статься...

— Сидоръ! бѣшено вскричалъ Аристархъ Ѳедоровичъ, бросаясь, съ пѣною у рта, къ двери.

Но Сидоръ стоялъ ужь въ дверяхъ, и не успѣлъ Аристархъ Ѳедоровичъ произнести слова, какъ онъ выступилъ впередъ и сказалъ:

— Вы изволили, сударь, посылать кучера къ подъѣзду собранія, онъ пришелъ; всѣ съѣзжаются, сударь...

— Одѣваться! одѣваться! воскликнулъ Аристархъ Ѳедоровичъ, кидаясь къ зеркалу и, въ замѣшательствѣ, забывая присутствіе Карачаева и все, что̀ сейчасъ происходило.

— Ка̀къ! прохрипѣлъ Карачаевъ, дѣлая шагъ впередъ: — и послѣ всего этого ты все-таки хочешь ѣхать!.. Ступай! ступай! стремись, поѣзжай... заключилъ онъ, схватывая шапку и направляясь вонъ изъ кабинета, причемъ плюнулъ въ уголъ и яростно хлопнулъ дверью.

Нѣтъ никакой возможности передать словами того, что́ совершилось въ эту послѣднюю четверть часа въ величавой груди Аристарха Ѳедоровича. Въ этомъ случаѣ было бы даже совершенно-излишнимъ прибѣгать къ аллегоріи; никакое до-сихъ-поръ извѣстное аллегорическое сравненіе не нашло бы здѣсь мѣста. Предоставимъ, слѣдовательно, на-время, Аристарха Ѳедоровича самому-себѣ и обратимся къ Карачаеву, который маршируетъ быстрыми шагами по деревяннымъ троттуарамъ города Черноряжска.

Было бы также нелегко опредѣлить состояніе, въ какомъ находились взволнованныя чувства Павла Петровича; наружность и движенія его показывали, впрочемъ, что въ простомъ и безхитростномъ сердцѣ Павла Петровича происходила страш-

ная суматоха. Глазами моргалъ онъ точно такъ же, какъ во время объясненія съ Аристархомъ Ѳедоровичемъ, и лицо его было красно попрежнему. Руками онъ такъ размахивалъ, какъ-будто пробивался сквозь густую толпу или разрушалъ стѣны ненавистной тюрьмы, изъ которой давно ужь хотѣлъ высвободиться. Но, какой одушевленный или неодушевленный предметъ стремились уничтожить грозные жесты Карачаева — неизвѣстно. Были ли они обращены на несчастныя обстоятельства, которыя со всѣхъ сторонъ обступили Балахнòва, или на самого Балахнòва—опредѣлить также весьма-трудно. Необращая, повидимому, ни малѣйшаго вниманія на то, чтò происходило вокругъ, Карачаевъ дошелъ такимъ-образомъ до конца Никольской и переходилъ ужь въ Дворянскую Улицу, какъ за спиною его раздались неожиданные крики: «пади! пади! берегись!» Обернувшись, Карачаевъ увидѣлъ коляску Аристарха Ѳедоровича и въ коляскѣ самого Аристарха Ѳедоровича. Ни мало небезпокоясь, онъ медленно, шагъ за шагомъ, отошелъ въ сторону; выждавъ минуту, когда окно экипажа поравнялось съ его лицомъ, онъ ограничился лишь тѣмъ, что поспѣшно повернулся спиною къ Аристарху Ѳедоровичу.

Встрѣча эта произвела, однакожь, тотъ хорошій результатъ, что прояснила хаосъ, въ который до того времени повергнуты были мысли Павла Петровича. Съ этой минуты онъ исключительно уже занялся изслѣдованіемъ характера и поступковъ Аристарха Ѳедоровича.

Павелъ Петровичъ былъ возмущенъ до глубины души. Иначе, впрочемъ, и быть не могло. Во все продолженіе пути изъ Ханскихъ-Прудовъ до Черноряжска, Карачаевъ обдумывалъ наставительную рѣчь, которую хотѣлъ произнести передъ Балахнóвымъ, и которая такъ неожиданно превратилась въ рядъ грубыхъ упрековъ. Но, какъ бы то ни было, сущность наставительной рѣчи все-таки ярко выступала внаружу; Павелъ Петровичъ высказалъ все, чтò лежало у него на душѣ. Онъ нимало не сомнѣвался, что помощью рѣчи своей расшевелитъ до глубины души Аристарха Ѳедоровича, пробудитъ въ немъ стыдъ и совѣсть, разоблачитъ его безсиліе, укажетъ ему все ничтожество честолюбивыхъ уѣздныхъ замысловъ и возвратитъ его наконецъ къ обязанностямъ. Что жь вышло наповѣрку? Вышло, что, послѣ произнесенія этой рѣчи, Аристархъ Ѳедоровичъ не только не почувствовалъ раскаянія и

угрызенія совѣсти, но какъ-бы сильнѣе еще укрѣпился въ своихъ честолюбивыхъ замыслахъ, которые очевидно должны были погубить его.

Полный самыхъ тревожныхъ мыслей, Карачаевъ вернулся въ квартиру Балахнóва.

Весьма-любопытно было бы знать, сколько шаговъ и даже сколько верстъ сдѣлалъ Карачаевъ, разгуливая взадъ и впередъ по кабинету Аристарха Ѳедоровича; вышла бы также неменѣе-любопытная цифра, еслибъ сосчитать число трубокъ, выкуренныхъ имъ въ это достопамятное утро. Къ-сожалѣнію, то и другое осталось неизвѣстнымъ. Мы положительно знаемъ только, что моціонъ и трубки не произвели благодѣтельнаго вліянія на взволнованныя его чувства. Онъ видимо начиналъ ужь тяготиться своимъ положеніемъ, и желая, вѣроятно, разсѣяться во что бы то ни стало, взялъ шапку и снова вышелъ на улицу.

Было ужь около двухъ часовъ пополудни. Улицы Черноряжска представляли картину самаго полнаго оживленія; все показывало, что въ эту минуту въ городѣ происходило или произошло что-то необычайное. Карачаевъ тотчасъ же смекнулъ въ чемъ дѣло; онъ ускорилъ шаги и направился къ дому Собранія.

Онъ находился ужь недалеко отъ своей цѣли, какъ, поднявъ неожиданно голову, увидѣлъ дрожки и пару рыженькихъ вятокъ, которыя только-что оставили повидимому крыльцо Собранія. Въ дрожкахъ сидѣлъ, покачиваясь изъ стороны въ сторону, толстый Нилъ Степановичъ Лукьяновъ.

— Стой! стой! стой! закричалъ Карачаевъ, поспѣшно вынимая изъ кармана извѣстный клѣтчатый платокъ съ прорѣхою посерединѣ и размахивая имъ по воздуху.

Нилъ Степановичъ положилъ жирную руку свою на шею кучера—и дрожки остановились.

— Батюшки-свѣты, кого я вижу! Павелъ Петровичъ! вотъ говорятъ: въ одинъ день двѣ радости не живутъ! Какими судьбами? воскликнулъ Лукьяновъ, протягивая руки и перегибаясь всѣмъ корпусомъ на правую сторону дрожекъ, которыя издàли при этомъ жалобный пискъ.

— Здравствуйте, здравствуйте, Нилъ Степанычъ, Сказалъ Карачаевъ, пожимая ему руки: — вы теперь изъ собранія?

— Дà...

— Стало-быть, собраніе кончилось?...

— Кончилось, любезный, Павелъ Петровичъ, кончилось! Добрый конецъ, всему вѣнецъ, какъ говорится... хе... хе... хе... Видите, всѣ ужь разъѣзжаются!

— Вижу, вижу... ну, а скажите-ка, пожалуйста, Нилъ Степанычъ... я хотѣлъ спросить васъ, что Аристархъ Ѳедорычъ? проговорилъ Карачаевъ, переводя одышку на каждомъ словѣ. Нилъ Степановичъ выразительно подмигнулъ Карачаеву на кучера, приложилъ указательный палецъ къ уху и снова перегнулся черезъ дрожки.

— Ухайдакали! шепнулъ онъ.

— Какъ такъ?

— Да такъ—ухайда̀кали! повторилъ Лукьяновъ, выразительно приподнявъ брови:—забаллотировали въ чистую; накидали ему видимо-невидимо черняковъ... просто осрамился! Ни-то, ни-сё, кипѣло да и то прогорѣло, говорится... самъ накликалъ... То же самое, я вамъ скажу, случилось, десять лѣтъ назадъ, съ покойнымъ моимъ шуриномъ, то-есть сыномъ отца моей жены...

— Вѣдь я жь говорилъ ему не ѣздить! я говорилъ ему! воскликнулъ Карачаевъ.

— И я говорилъ ему то же самое! подхватилъ Лукьяновъ: —я говорилъ ему еще передъ началомъ баллотировки:—«премногоуважаемый Аристархъ Ѳедоровичъ» говорилъ я ему...

— Кого же избрали?

— Солонеева! шепнулъ Лукьяновъ.

— А еще?

— Балакле́ева...

— А кто перебилъ дорогу Аристарху Ѳедоровичу?

Тутъ Нилъ Степановичъ оглянулся на всѣ стороны площади, приложилъ толстыя свои губы къ уху Карачаева и прошепталъ:

— Кошкинъ...

Карачаевъ свирѣпо почесалъ затылокъ.

— А что, Нилъ Степанычъ, произнесъ Карачаевъ, указывая рукою на Собраніе и съ трудомъ подавляя безпокойство: — вы не знаете, Аристархъ Ѳедорычъ, все еще тамъ?

— Нѣтъ, мой почтеннѣйшій, сейчасъ только-что уѣхалъ... мы выѣхали почти въ одно время; теперь онъ долженъ быть дома.

— Въ такомъ случаѣ, прощайте, Нилъ Степанычъ! проговорилъ Карачаевъ.

— Куда жь вы?... Погодите, Павелъ Петровичъ... я хотѣлъ предложить вамъ партійку къ вечеру...

— Нѣтъ... нельзя... ей-Богу... дѣла... въ другой разъ, отвѣчалъ Карачаевъ, нетерпѣливо моргая глазами.

И, не дожидаясь возраженій Нила Степановича, онъ пустился безъ оглядки по направленію къ купеческому дому, занимаемому Балахновымъ.

Минутъ пять спустя, онъ былъ ужь на лѣстницѣ. Вступивъ въ переднюю, которая въ настоящую минуту была пуста, онъ бросилъ шапку, торопливо пригладилъ лысину и поспѣшилъ войдти въ кабинетъ.

— Я, вѣдь, тебѣ говорилъ, душа моя *Aristarque!* я вѣдь говорилъ тебѣ! воскликнулъ онъ, простирая впередъ руки — но въ ту же секунду остановился, пораженный неожиданнымъ зрѣлищемъ.

Аристархъ Ѳедоровичъ, въ полномъ облаченіи, лежалъ безъ признака жизни на диванѣ. Сидоръ и кучеръ стояли по бокамъ его недвижно, какъ столбы глубоко-вколоченные въ землю.

— Что же вы! закричалъ Карачаевъ, бросаясь къ дивану:— развѣ вы не видите, что ему надо развязать галстухъ!...

— Бѣги за докторомъ... жи-ва-а! бѣги скорѣй... ты, Сидоръ, или нѣтъ... ты Василій... спросить лучшаго доктора... сказать, что большая опасность... жи-ва-а-а! продолжалъ кричать Карачаевъ, освобождая Аристарха Ѳедоровича отъ остальной одежды. Карачаевъ забылъ ужь происшествіе утра; онъ ухаживаетъ теперь за Балахновымъ, какъ-будто тотъ былъ сто разъ его любимымъ братомъ.

Какъ-только кучеръ вышелъ, Павелъ Петровичъ услалъ Сидора за холодной водой и, оставшись наединѣ, ударилъ себя кулакомъ въ голову и заходилъ, какъ угорѣлый, по кабинету. Внезапно онъ остановился передъ Балахновымъ, простеръ надъ нимъ руки и прокричалъ голосомъ, полнымъ глубокаго отчаянія:

— Я-же говорилъ тебѣ, душа моя *Aristarque*!... я говорилъ тебѣ!... Въ эту самую минуту Сидоръ вошелъ съ водой и Карачаевъ поспѣшилъ отвернуться къ окну.

— Вотъ что! воскликнулъ онъ, когда капли воды, бро-

шенныя имъ на лицо Аристарха Өедоровича, не произвели никакого дѣйствія:—вотъ что̀... промолвилъ онъ, обнаруживая сильнѣйшіе признаки безпокойства: — Васька ни за что, ни за что не найдетъ доктора... Пробѣгаетъ попустому... Вѣрно такъ! фу! на̀, держи кувшинъ, я самъ пойду! заключилъ онъ, стремглавъ выбѣгая изъ кабинета.

Черезъ полчаса Карачаевъ, покрытый по̀томъ и едва переводя духъ отъ усталости, явился въ-сопровожденіи доктора.

— Ну, что̀, докторъ? спросилъ онъ, когда тотъ осмотрѣлъ Аристарха Өедоровича.

— Надо какъ-можно-скорѣе пустить ему кровь, флегматически отвѣчалъ медикъ.

— Сидоръ... бѣги скорѣе за цырюльникомъ, жива-а! тащи его за шиворотъ, или нѣтъ, стой! ты не найдешь... я самъ лучше сбѣгаю! прибавилъ онъ, пускаясь въ догонку за камердинеромъ.

Въ передней Карачаевъ остановился, снова стукнулъ себя въ голову и бросился развязывать маленькій чемоданчикъ, стоявшій подлѣ печки; вышвырнувъ на полъ все, что находилось въ чемоданѣ, онъ отъискалъ старенькій бумажникъ, вынулъ ободранную трехрублевую депозитку, тщательно уложенную между двумя бумажками, и суетливо возвратился въ кабинетъ.

— Вотъ, докторъ, пробормоталъ онъ, багровѣя, какъ клюква, и неловко подавая ему деньги:—вотъ... Послушайте, докторъ, примолвилъ онъ, отводя его къ окну и указывая ему на больнаго: — надѣюсь, вы ничего не скажете... *écoute*: какъ честный человѣкъ, вы ничего не должны разсказывать о томъ, что̀ съ нимъ случилось?..

— Помилуйте, это до меня не касается... Меня призвали— я пришелъ; а до остальнаго мнѣ нѣтъ дѣла...

— Какъ честный человѣкъ?

Докторъ утвердительно кивнулъ головой.

— Вотъ еще что, сказалъ Карачаевъ, когда онъ и докторъ очутились въ прихожей: — можно ли отвезти его въ такомъ положеніи домой?

— Можно; но только надо поторопиться; завтра, можетъ-статься, будетъ ужь поздно... По всѣмъ вѣроятіямъ, у него откроется горячка...

— Не можетъ быть!

Докторъ утвердительно кивнулъ головой.

Карачаевъ, всплеснувъ руками, отчаянно замоталъ головой и побѣжалъ за цырюльникомъ.

Кровопусканіе принесло Аристарху Ѳедоровичу очевидную пользу. Онъ раскрылъ глаза, сдѣлалъ усиліе, чтобъ приподняться на диванѣ, и попробовалъ даже выпучить грудь.

— Чтó я имъ сдѣлалъ? воскликнулъ Аристархъ Ѳедоровичъ разбитымъ, дребезжащимъ голосомъ:—за чтó все это?.. Кошкинъ!.. Солонеевъ!.. злодѣи!..

Но едва произнесъ онъ эти слова, лицо его покрылось смертельною блѣдностью, вагенгеймовскіе зубы притиснули нижнюю губу и онъ снова повалился на диванъ.

Принявъ такія выходки за первые пароксизмы начинавшейся горячки, Карачаевъ послалъ тотчасъ же кучера за подорожной, а самъ, съ помощью Сидора, поспѣшилъ приступить къ укладкѣ чемодановъ.

Въ ту же ночь голубая коляска Аристарха Ѳедоровича выѣхала изъ Черноряжска въ-сопровожденіи тележки, съ сидѣвшимъ въ ней Карачаевымъ, который курилъ трубку и хмурилъ брови съ крайне-озабоченнымъ видомъ.

ГЛАВА XLIV.

Аристархъ Ѳедоровичъ, свергнутый силою обстоятельствъ съ высоты своего величія, перестаетъ, кажется, выпучивать грудь и становится обыкновеннымъ смертнымъ.

Итакъ, Аристаръ Ѳедоровичъ палъ! Это несомнѣнно. Слѣдуетъ ли заключать, однакожь, что онъ послѣ этого не заслуживаетъ нашего уваженія? Ни-чуть не бывало. Чтò говорить: Аристархъ Ѳедоровичъ палъ, обнаруживая слабости, свойственныя самымъ обыкновеннымъ смертнымъ; въ паденіи его не было даже ничего геройскаго, ничего такого, чтó вызывало бы на размышленіе или возбуждало удивленіе, подобное тому, напримѣръ, какое возбуждаютъ въ насъ гладіаторы древняго Рима, которые, при послѣднемъ издыханіи, все еще гордо держали голову и умирали, стараясь сохранить повозможности ве-

личественно-граціозную позу. Все это совершенно-справедливо. Справедливо, можетъ-статься, и то также, что многія достойныя особы, многія слабонервныя, чувствительныя дамы, готовыя проливать обильные потоки слезъ при видѣ раздавленнаго комара, пройдутъ теперь мимо Арастарха Ѳедоровича, неудостоивъ его сострадательнымъ взглядомъ. Но смѣю увѣрить, всѣ эти особы, поступятъ въ такомъ случаѣ весьма-необдуманно. Величественный дубъ, сломанный грозою, занимаетъ на землѣ такое же точно пространство, какое занималъ онъ прежде въ вышинѣ? Развѣ обломки колосса Родосскаго (еслибъ таковые находились) не должны были пробуждать въ насъ изумленія? Намъ стоило бы только исчислить здѣсь заслуги Аристарха Ѳедоровича, какъ дипломата и оратора, представить всеобщему вниманію глубину его мыслей и проектовъ, выставить въ вѣрныхъ, но безпристрастныхъ краскахъ неисчислимыя его добродѣтели, чтобъ мгновенно возвратить ему высокое мнѣніе всѣхъ благомыслящихъ людей. Но... но мы не сдѣлаемъ этого; не сдѣлаемъ потому именно, чтобъ не нанести удара той необычайной скромности, которая такъ отличала всегда нашего героя на поприщѣ жизни.

Ограничимся лучше продолженіемъ разсказа:

Аристархъ Ѳедоровичъ, благодаря неусыпной заботливости Карачаева, совершилъ незамѣтно свой переѣздъ изъ Черноряжска въ Ханскіе-Пруды. Они пріѣхали ночью. Карачаевъ нарочно разсчитывалъ на позднее время, чтобъ не потревожить мирныхъ обитателей древняго дома. Такая предосторожность оказалась, впрочемъ, лишнею: Сидоръ передалъ свои опасенія женѣ, та поспѣшила сообщить роковое извѣстіе какой-то дворовой женщинѣ, дворовая женщина побѣжала къ Фіонѣ Ивановнѣ, Фіона Ивановна побѣжала къ старой нянѣ, старая няня разбудила Лизавету Семеновну, которая, спустя минуту, очутилась въ кабинетѣ, къ великому недоумѣнію предусмотрительнаго Павла Петровича.

Недоумѣніе его мгновенно уступило, однакожь, мѣсто глубочайшему отчаянію, когда Лизавета Семеновна, остановившись передъ постелью мужа, закрыла лицо руками и горько заплакала. Онъ тотчасъ же принялся ее уговаривать, увѣрять, что все это ничего не значитъ, что черноряжскій докторъ справедливо пользуется заслуженной извѣстностью, что онъ объявилъ положеніе Аристарха Ѳедоровича далеко-неопаснымъ

и кончилъ тѣмъ, наконецъ, что сталъ умолять Лизавету Семеновну вытолкать его вонъ изъ Ханскихъ-Прудовъ, въ томъ случаѣ, если онъ говорилъ неправду. Все это мало по-видимому подѣйствовало на Лизавету Семеновну, и ночь, проведенная ею у изголовья мужа, была не изъ самыхъ спокойныхъ въ ея жизни.

Съ разсвѣтомъ послали за Карломъ Готлибовичемъ Газенпотомъ, горшковскимъ эскулапомъ.

Газенпотъ подтвердилъ слова своего собрата и вмѣстѣ съ тѣмъ подтвердилъ слова Карачаева.

Съ того же дня въ древнемъ домѣ наступила мертвая тишина. Было такъ тихо, какъ въ то время, когда Аристархъ Өедоровичъ занимался сочиненіемъ знаменитыхъ своихъ писемъ, или когда его не было дома; впрочемъ, самъ Карачаевъ наблюдалъ за этимъ; всякій зналъ, слѣдовательно, очень-хорошо, что горе тому смертному, у котораго дерзнули бы заскрипѣть сапоги. Онъ потребовалъ себѣ прежде всего полное, безконтрольное наблюденіе надъ Аристархомъ Өедоровичемъ; въ первыя двѣ недѣли онъ рѣшительно не отходилъ отъ постели больнаго. Послѣ этого срока, Аристархъ Өедоровичъ началъ обнаруживать признаки къ выздоровленію. Тогда только Карачаевъ рѣшился сдѣлать нѣкоторыя отступленія въ отношеніи къ роли сидѣлки, которую такъ настоятельно на себя принялъ. Отступленія эти заключались въ слѣдующемъ: какъ-только замѣчалъ онъ, что Аристархъ Өедоровичъ приходитъ въ сознаніе и готовится раскрыть глаза, онъ поспѣшно приподымался съ мѣста, бѣжалъ изъ кабинета, стучалъ въ дверь къ Лизаветѣ Семеновнѣ и, производя пальцами какіе-то таинственные знаки, посылалъ ее къ мужу. Затѣмъ, бережно затворивъ дверь кабинета за Лизаветой Семеновной, онъ уходилъ на цыпочкахъ въ залу или поднимался наверхъ, къ Өіонѣ Ивановнѣ, съ которой находился теперь въ самыхъ дружескихъ отношеніяхъ.

Эти дружескія отношенія основывались единственно на томъ, что съ-нѣкоторыхъ-поръ дурное и постоянно-сварливое расположеніе духа экономки получило значительное улучшеніе. Благопріятная перемѣна замѣтна была не только въ нравѣ Өіоны Ивановны, но распространялась даже на ея физіономію. Когда Карачаевъ дѣлалъ ей на этотъ счетъ замѣчанія, она отвѣчала всегда, что сама видитъ въ себѣ перемѣну и

приписываетъ ее постепенному облегченію отъ несноснаго флюса, съ которымъ провозилась столько лѣтъ. Слушая ее, Карачаевъ улыбался и недовѣрчиво потряхивалъ головой. Онъ давно ужь догадался, въ чемъ состояло дѣло; на второй же день послѣ пріѣзда своего изъ Черноряжска, онъ засталъ Прокисая Захаровича въ комнатѣ экономки. Фіона Ивановна, извѣщенная, вѣроятно, во-время о продѣлкахъ Надеженьки Кокуркиной и Василькова, поспѣшила воспользоваться случаемъ и снова завладѣла Копковымъ. Румянецъ и даже нѣкоторая полнота, появившаяся на щекахъ Прокисая Захаровича, мягкая перина, замѣнившая его тюфячокъ, и сдобныя лепешечки съ фестончиками, неускользнувшія отъ вниманія Карачаева, подтвердили какъ-нельзя-лучше его догадки. Онъ не передавалъ, однакожь, своихъ замѣчаній и ограничивался тѣмъ только, что въ душѣ подтрунивалъ надъ счастливою четою. Поговоривъ минутъ десять съ Копковымъ или вдовою Чивадзи, Карачаевъ снова возвращался къ своимъ обязанностямъ сидѣлки. Нерѣдко въ то время, какъ подходилъ онъ къ кабинету, за дверью слышался нетерпѣливый, разбитый голосъ Аристарха Ѳедоровича, прерываемый нѣжнымъ голосомъ Лизаветы Семеновны, который весьма-часто заглушали рыданія. Тогда Карачаевъ убѣгалъ въ гостиную, багровѣлъ, принимался размахивать руками и разражался яростными монологами, которые обращались по-бо́льшой-части къ тиціановской нимфѣ, доставшейся Балахно̀ву отъ его предковъ.

Порывы эти мгновенно утихали, какъ только въ дверяхъ гостиной показывалось заплаканное, печальное лицо Лизаветы Семеновны.

— Не унывайте, голубушка моя, Лизавета Семеновна, не унывайте!.. главное дѣло не поддавайтесь ему ни за что̀, не поддавайтесь—и все будетъ хорошо! говорилъ Карачаевъ, суетливо подбѣгая къ ней:—дѣлайте, какъ я вамъ говорю; послушайтесь меня, голубушка вы моя: куйте желѣзо, пока горячо, то-есть говорите ему всю правду, всю подноготную, ничего не скрывайте... Пускай все узнаетъ! Вы еще не говорили ему, что Ханскіе-Пруды велѣно описывать? Нѣтъ? ну, и ненадо; сдѣлайте это, когда онъ совершенно выздоровѣетъ... а я покуда его подготовлю... Главное дѣло не унывайте, голубушка моя, не робѣйте... Вотъ я вчера собрался съ духомъ и сообщилъ ему о кой-какихъ дурныхъ обстоятельствахъ по хо-

зяйству... онъ хоть бы пикнулъ; вѣдь это добрый знакъ, голубушка моя, Лизавета Семеновна... чего робѣть, э! помилуйте! Авось, Богъ дастъ, мы все это устроимъ; онъ, я замѣчаю, начинаетъ уже поддаваться... Нѣтъ, перемѣна въ немъ большая; все это, я вамъ скажу, сильно его подкузьмило... то-есть... фу!.. Ну, да все равно, перевернуло, что ли! Главное дѣло, я вамъ говорю, не унывайте... исподоволь, знаете: сегодня слово, завтра слово... Авось, Богъ дастъ, все устроимъ!...

Проговоривъ все это безъ одышки, Карачаевъ провожалъ Лизавету Семеновну до дверей дѣтской, возвращался въ кабинетъ и снова садился у изголовья больнаго.

Выздоровленіе Аристарха Ѳедоровича совершалось медленно.

Снѣгъ давно уже покрывалъ поля; морозъ давно ужь оковалъ пруды съ плававшими на нихъ искусственными лебедями; мятели и вьюги занесли сугробами пирамиды, обелиски и вычурныя заставы, украшавшія Ханскіе-Пруды. Аристархъ Ѳедоровичъ все-еще не могъ приподняться съ постели, хотя владѣлъ ужь полнымъ сознаніемъ.

Мало-по-малу силы его начали возвращаться и Газенпотъ, являвшійся по два раза въ недѣлю аккуратно, объявилъ, что недѣли черезъ четыре Аристархъ Ѳедоровичъ будетъ совершенно-здоровъ.

И дѣйствительно, мѣсяцъ спустя, Аристархъ Ѳедоровичъ могъ ужь прогуливаться по кабинету безъ помощи Карачаева.

Было превосходное зимнее утро. Вокругъ балахновскаго дома трещалъ морозъ, а въ самомъ домѣ трещали еще немилосерднѣе печки, затопленныя Моисеемъ Акишевымъ, тѣмъ самымъ бѣлокурымъ лакеемъ, который преклонился когда-то передъ геніемъ Калины и талантами карачаевскаго Ивана. Но яркое пламя печки дѣлалось незамѣтнымъ передъ лучами солнца, которые врывались въ окна балахновскаго кабинета, освобожденныя уже отъ зеленыхъ занавѣсокъ. Аристархъ Ѳедоровичъ сидѣлъ въ широкихъ вольтеровскихъ креслахъ насупротивъ письменнаго стола; Карачаевъ сидѣлъ по другую сторону стола и не сводилъ моргающихъ глазъ съ собесѣдника. Наблюденія Павла Петровича ограничивались съ нѣкоторыхъ поръ одними и тѣми же выводами: онъ убѣждался съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе, что выборы дѣйствитель-

но *подкузьмили* Аристарха Өедоровича и произвели въ немъ разительную перемѣну.

— Ну, что̀, душа моя, какъ ты сегодня себя чувствуешь? спросилъ Карачаевъ.

— Совершенно-хорошо, отвѣчалъ Аристархъ Өедоровичъ.

— А не чувствуешь ли ты этакъ... знаешь, аппетита, а?

— Да̀, таки-порядочно...

— Превосходно! поздравляю, братъ; значитъ, ты совсѣмъ-здоровъ! Карлъ Готлибовичъ разрѣшилъ тебѣ курицу... Ну, братъ, скажу тебѣ, какую ужь зато мы курицу тебѣ дадимъ сегодня, такъ просто!.. я самъ сейчасъ былъ на кухнѣ... ты знаешь, я вѣдь вездѣ самъ, за всѣмъ, братъ, присматриваю...

— Благодарю! благодарю! произнесъ Аристархъ Өедоровичъ, протягивая Карачаеву руку.

— Вотъ славно! Ха, ха, ха! благодарю! воскликнулъ Павелъ Петровичъ: — да за что ты меня благодаришь-то? Ха, ха, ха! благодаритъ, какъ-будто я въ-самомъ-дѣлѣ что-нибудь сдѣлалъ... Нѣтъ, братъ, если надо кого благодарить тебѣ, такъ не меня—я что?—надо благодарить Лизавету Семеновну! Вотъ это другое дѣло! примолвилъ онъ, придавая лицу своему серьёзное выраженіе: — да, братъ, ее долженъ ты благодарить, ее, которая ухаживала за тобою какъ за малымъ ребенкомъ; отъ постели твоей не отходила, ночи не спала—вотъ она штука-то въ чемъ! Я вотъ что́ скажу тебѣ: не будь Лизаветы Семеновны, ты бы теперь не разговаривалъ со мною, а знаешь ли... да, лежалъ бы тамъ, куда всѣ мы, рано или поздно, отправимся—вотъ дѣло-то въ чемъ! заключилъ онъ, сдѣлавъ выразительный жестъ.

При этомъ румянецъ показался на блѣдномъ лицѣ Аристарха Өедоровича; онъ медленно отвернулся отъ собесѣдника, подперся ладонью, задумался и покраснѣлъ еще сильнѣе прежняго.

Карачаевъ кашлянулъ и, сдѣлавъ видъ какъ-будто ничего не замѣчаетъ, подошелъ къ окну и принялся глядѣть на дворъ; созерцаніе снѣжныхъ бугровъ ни мало повидимому не мѣшало Карачаеву отодвигаться постепенно отъ окна и приближаться къ дальнему углу кабинета; достигнувъ угла, онъ украдкою пробрался вдоль стѣны и поспѣшно выпырнулъ въ дверь. На все это потребовалось безмалаго минутъ десять; но за

то одной секунды было достаточно Карачаеву, чтобъ добѣжать до спальни Лизаветы Семеновны.

— Голубушка моя, заговорилъ онъ, когда на стукъ его вышла Балахнова: — ступайте къ нему скорѣе, ступайте съ Богомъ! Я уловилъ, кажется, самую удобную минуту! Другой, можетъ-статься, не будетъ: я его подготовилъ... все хорошо... Ступайте... смотрите только не унывайте, голубушка моя... Скажите ему все напрямикъ; теперь бояться нѐчего: онъ совершенно-здоровъ! Такъ-таки возьмите, укрѣпитесь, да и скажите ему всю подноготную: объявите ему сначала о векселяхъ, которые поданы ко взъисканію, а потомъ бухните... то-есть объявите о томъ, что Ханскіе-то Пруды описывать велѣно... ну, и то, помните, о чемъ мы толковали съ вами... все это передайте ему и постарайтесь уговорить, усовѣстить его... авось, можетъ-статься... Богъ-дастъ... а я въ это время, помните, какъ я говорилъ, дѣтокъ подготовлю... какъ только онъ этакъ поддастся, я съ дѣтками-то и брякну...

— Нѣтъ, этого ненадо, сказала Балахнòва, которая, несмотря на взволнованное состояніе души своей, все-таки не могла удержаться отъ улыбки, слушая предположеніе Карачаева: — дѣти будутъ въ этомъ случаѣ совершенно-лишнія... мы, можетъ-быть, и безъ нихъ обойдемся...

— Эхъ, какія вы, право, голубушка моя! перебилъ Павелъ Петровичъ: — ужь вы сдѣлайте божескую милость, предоставьте мнѣ распорядиться... вы поспѣшите только въ кабинетъ, а ужь остальное я самъ берусь устроить!..

Сказавъ это, онъ суетливо пригладилъ лысину и побѣжалъ въ дѣтскую.

Немного погодя, онъ возвратился въ залу. Строгое, дѣловое выраженіе отпечатывалось болѣе, чѣмъ когда-нибудь, на лицѣ Павла Петровича. Закинувъ руки за спину, онъ принялся расхаживать взадъ и впередъ, прислушиваясь время-отъ-времени къ отрывчатому, затаенному говору, который выходилъ изъ растворенныхъ дверей кабинета. Какъ только въ залѣ или въ концѣ корридора показывался кто-нибудь изъ людей, Карачаевъ дѣлалъ выразительные жесты, отсылалъ назадъ и поручалъ сказать, чтобъ никто не осмѣливался подходить къ крыльцу дома впредь до его приказанія. Въ этихъ занятіяхъ и въ расхаживаніи взадъ и впередъ по залѣ прошло у него часа два времени. Разговоръ въ кабинетѣ за-

мѣтно между-тѣмъ оживлялся, и вмѣстѣ съ нимъ оживлялся и самъ Карачаевъ; шагъ его ускорился и съ каждымъ новымъ поворотомъ приближался онъ на вершокъ къ кабинетной двери. Маневры Карачаева оправдывались тѣмъ, что въ послѣднія десять минутъ онъ явственно услышалъ свою собственную фамилію, неоднократно произнесенную Аристархомъ Ѳедоровичемъ. Онъ почувствовалъ, наконецъ, что ужь не можетъ владѣть собою; онъ подошелъ къ кабинетной двери, остановился и затаилъ дыханіе.

— Дà, намъ суждено ошибаться... и, чтò всего хуже, ошибаться въ лучшихъ друзьяхъ нашихъ, говорилъ Аристархъ Ѳедоровичъ спокойнымъ, но меланхолическимъ голосомъ: — ну полно же, перестань, не плачь... (тутъ Павелъ Петровичъ не узналъ даже голоса Аристарха Ѳедоровича — до-того показался онъ ему мягокъ), время исправитъ все... и, можетъ-быть, откроетъ даже нѣкоторымъ людямъ, всегда на меня злобствовавшимъ, чистоту моихъ... ну, дà, что объ этомъ!.. Теперь предстоитъ заняться другими дѣлами... Ты совершенно-справедливо замѣтила, что я никогда не умѣлъ цѣнить достойнымъ образомъ Карачаева... дѣйствительно, подъ грубою его оболочкой скрывается честнѣйшая душа и благороднѣйшее сердце; поэтому-то, хотя обстоятельства мои очень-дурны, я позабочусь прежде всего заплатить ему свой долгъ... пятнадцать тысячъ для Карач....

Но едва произнесъ онъ эти слова, какъ ужь Карачаевъ очутился въ кабинетѣ.

— Кàкъ!.. мнѣ?.. долгъ... Че-е-во? закричалъ Павелъ Петровичъ, обнаруживая замѣшательство въ каждой чертѣ побагровѣвшаго лица: — мнѣ возвратить долгъ! мнѣ! Карачаеву! Что жь, за кого ты меня считаешь? за негодяя, за безчувственнаго скота?! Нѣтъ, чортъ побери... извините, голубушка моя, Лизавета Семеновна, да, чортъ возьми! не будетъ сказано, что Карачаевъ... постой, я жь тебѣ докажу это!.. заключилъ онъ, и вдругъ сломя голову выбѣжалъ изъ кабинета.

Онъ миновалъ залу, опрокинулъ въ передней два стула и бросился въ маленькую комнатку съ кривымъ зеркальцемъ, гдѣ нѣкогда спалъ съ Васильковымъ. Тутъ Карачаевъ раскрылъ чемоданчикъ, вытрясъ на полъ все свое имущество; отъискалъ извѣстный уже читателю бумажникъ, вынулъ изъ

него какую-то бумагу и съ тою же поспѣшностью вернулся въ кабинетъ.

Балахнòвъ и жена его быстро приподнялись съ своихъ мѣстъ.

— Стой! стойте и вы, голубушка моя, Лизавета Семеновна, закричалъ Карачаевъ, торжественно протягивая впередъ руку: — такъ ты хочешь уплатить мнѣ мой вексель? а? Ты думаешь, можетъ-быть, что Карачаевъ дни и ночи сокрушается объ этомъ векселѣ .. Сокрушается о томъ только, какъ-бы запрятать эти деньги въ карманъ? а? а?.. Нѣтъ, не будетъ этого сказано; нѣтъ!.. Нà-же тебѣ, нà тебѣ! нà вотъ тебѣ! заключилъ Карачаевъ, разрывая вексель на безчисленное множество кусковъ.

— Чтò ты сдѣлалъ? вскричалъ Аристархъ Ѳедоровичъ.

— А вотъ чтò сдѣлалъ, подхватилъ Карачаевъ, посылая носкомъ сапога лохмотья векселя въ уголъ: — вотъ чтó сдѣлалъ! Не нужно мнѣ твоихъ денегъ, не хочу я ихъ, ничего не хочу, ничего мнѣ не надо! Ну самъ ты разсуди... нѣтъ, позвольте, голубушка моя, Лизавета Семеновна, дайте мнѣ ему все высказать: ну самъ разсуди, чтò я, семейный человѣкъ, чтò ли? Кому мнѣ оставлять послѣ себя? Зачѣмъ мнѣ деньги? зачѣмъ добро? разсуди, душа моя, *Aristarque,* куда мнѣ все это? Зачѣмъ?! Мнѣ, скажу тебѣ, одно только нужно: дай ты мнѣ какой-нибудь чуланчикъ, или уголъ, ну вотъ хоть тотъ подъ лѣстницею, гдѣ жилъ Дрянковъ, больше мнѣ ничего ненадо! Я привыкъ къ вамъ... привыкъ къ тебѣ... люблю и почитаю Лизавету Семеновну пуще родной матери... привыкъ къ дѣткамъ твоимъ, продолжалъ Карачаевъ, моргая глазами и прикладывая поперемѣнно то правый указательный палецъ къ лѣвому глазу, то лѣвый указательный къ правому глазу: — останусь я съ вами, поселюсь въ этомъ углу и пробуду тамъ до-тѣхъ-поръ, пока не стукнетъ меня кондрашка, или не вынесутъ ногами впередъ...

И долго еще говорилъ Карачаевъ; ничто ужь, повидимому, не могло остановить его; монологъ его, приправляемый морганьемъ, прикладываніемъ пальцевъ къ глазамъ и другими болѣе или менѣе-выразительными движеніями, выросталъ какъ потокъ во время ливня.

Внезапно онъ остановился, взглянулъ на Лизавету Семеновну, которая во все это время дружески улыбалась ему, по-

томъ взглянулъ на Аристарха Өедоровича, сидѣвшаго въ креслахъ и задумчиво склонившаго голову, потомъ снова обратилъ глаза свои на Лизавету Семеновну и, подмигнувъ ей съ видомъ взаимнаго соучастія, быстро скрылся изъ кабинета.

Минуту спустя, онъ снова появился въ дверяхъ, обвѣшанный дѣтьми, ни дать ни взять какъ извѣстная античная статуя, изображающая рѣку Нилъ.

— Аристархъ Өедоровичъ, взгляни-ка сюда, душа моя, полюбуйся! закричалъ Карачаевъ.

И недожидаясь отвѣта, подбѣжалъ къ Аристарху Өедоровичу и облѣпилъ его дѣтьми.

Минута была торжественная, по-крайней-мѣрѣ неменѣе торжественная, какъ та, когда Аристархъ Өедоровичъ выслушивалъ поздравительныя рѣчи дѣтей въ день своего рожденія. На этотъ разъ, однакожъ, разсудокъ не сказалъ ему, что сердечные порывы несовмѣстны съ строгой торжественностью иныхъ случаевъ. На этотъ разъ Аристархъ Өедоровичъ не выпучилъ величественно грудь и не сказалъ даже: «благодарю!» Онъ попросту посадилъ дѣтей на колѣни и принялся цаловать ихъ поочереди.

— Ура! голубушка моя, Лизавета Семеновна! ура-а! воскликнулъ Карачаевъ посреди тишины, воцарившейся въ кабинетѣ: — ура! повторилъ онъ и, бросившись со всѣхъ ногъ къ Аристарху Өедоровичу, принялся обнимать его.

ГЛАВА XLV.

Заключеніе.

Прошло полтора года, послѣ происшествій, описанныхъ въ этой, безспорно, слишкомъ ужь длинной исторіи. Полтора года, конечно, не бездѣлица, но смѣю увѣрить читателя, что Горшковскій Уѣздъ все тотъ же Онъ на волосъ не измѣнился противъ прежняго. Все тѣ же поля, сливающіяся въ необозримой дали съ такими же точно полями; тѣ же березки, бугорки, кочки и кустарники, оживляющіе кое-гдѣ горизонтъ; та же большая горшковская дорога, которая попрежнему никакъ не можетъ отдохнуть отъ докучливыхъ проѣзжающихъ; тѣ же проѣзжающіе, которые съ крикомъ и бранью

врѣзываютъ свои колеса по самую ступицу въ ея рыхлую старческую грудь; тѣ же рѣки, ручейки и овражки; тѣ же дирявые мостишки; тѣ же избушки; тѣ же проселки, словомъ, все тоже!

Измѣнились только люди или, вѣрнѣе сказать, измѣнились обстоятельства людей: кое-кто овдовѣлъ, кое-кто женился, кое-кто прикупилъ пашни, кое-кто осиротѣлъ, а у кое-кого оказалось приращеніе въ семействѣ. Даже тутъ, какъ видите, очень-мало перемѣны. Основываясь на этомъ, я готовъ поручиться чѣмъ угодно, что еслибъ какому-нибудь наблюдателю, вздумалось заглянуть по прошествіи этого года, въ Горшковскій Уѣздъ, и затѣмъ явилось бы желаніе передать свои впечатлѣнія, ему неизбѣжно пришлось бы повторить исторію *проселочныхъ дорогъ*, чего я отъ души не желаю ни ему, ни читателю. По-крайней-мѣрѣ, что̀ до меня касается, я рѣшительно не вижу большой перемѣны въ Горшковскомъ Уѣздѣ по прошествіи этого срока. Сколько ни оглядываюсь, сколько ни напрягаю зрѣнія, всюду встрѣчаю одни и тѣ же лица, и наблюденія мои ограничиваются тѣмъ только, что нѣкоторыя изъ нихъ похудѣли, тогда-какъ другія потолстѣли.

Въ числѣ послѣднихъ особенное вниманіе обращаетъ на себя Прокисай Захаровичъ Копковъ.

Боже, какъ потолстѣлъ Прокисай Захаровичъ! Еслибъ не продолговатое лицо, которое осталось все тѣмъ же продолговатымъ, его рѣшительно можно было бы принять за другаго человѣка. Я право не знаю, что̀ дѣлала Фіона Ивановна съ-тѣхъ-поръ, какъ вышла за него замужъ? должно полагать, она кормила его одними только сдобными лепешечками; сюртучокъ травяно-зеленаго цвѣта окончательно ужь не сходился на томъ мѣстѣ, гдѣ находилась нѣкогда талія Прокисая Захаровича. Носится, однакожь, достовѣрная молва, будто Фіона Ивановна не только не балуетъ своего мужа, но даже держитъ его въ ежовыхъ рукавицахъ. Она, конечно, позволяетъ ему сидѣть у окна, бренчать на гитарѣ, вырѣзывать бумажныхъ козловъ, пѣтушковъ, лошадокъ и ничего даже не говоритъ, когда онъ налѣпливаетъ ихъ на окна; но, что̀ касается до того, напримѣръ, чтобъ пойдти погулять, Прокисай Захаровичъ и думать объ этомъ не смѣетъ.

Видите ли вы этотъ маленькій деревянный домикъ, расположенный на углу горшковской площади и выходящій глав-

нымъ фасомъ на каланчу и съѣзжій дворъ? Домикъ этотъ принадлежалъ прежде горшковскому аптекарю, но теперь принадлежитъ Фіонѣ Ивановнѣ. Она купила его на тотъ трудовой капиталъ, который скопила впродолженіе многихъ лѣтъ, управляя хозяйствомъ Балахно̀выхъ. Видите ли вы теперь въ одномъ изъ отворенныхъ оконъ этого домика голову Прокисая Захаровича, мелькающую между двумя горшками съ чахлыми бальзаминами? Вы не можете не замѣтить также, что водянистые глаза Копкова съ какою-то жадностью устремляются на противоположный конецъ площади и повидимому никакъ не могутъ оторваться отъ паперти собора, запруженной народомъ. Прокисай Захаровичъ словно ожидаетъ чего-то, и нетерпѣніе его возрастаетъ съ каждою минутой. Внезапно голова его исчезаетъ за бальзаминами.

— Фіона Ивановна, душенька! Фіона Ивановна, пожалуйте сюда! Скорѣе, скорѣе, душенька! кричитъ Прокисай Захаровичъ, снова просовывая голову между бальзаминами.

Почти въ то же время въ окнѣ показывается Фіона Ивановна; въ наружности ея не произошло почти никакой перемѣны, за исключеніемъ, развѣ, правой щеки, которая освободилась наконецъ отъ несноснаго флюса и пришла въ уровень съ лѣвою щекою.

— А что̀, развѣ ѣдутъ? спрашиваетъ Фіона Ивановна.

— Ѣдутъ, душенька, ѣдутъ!.. отвѣчаетъ Прокисай Захаровичъ, сторонясь, чтобъ дать мѣсто женѣ.

Оба высовываются по поясъ изъ окна. Прежде всего, передъ глазами обоихъ супруговъ предстала исполинская старомодная карета съ красными колесами и жолтыми дверцами. Въ каретѣ сидѣла младшая дочь Фукола Ивановича. Она всегда слыла брюнеткой, но теперь, благодаря бѣлому подвѣнечному платью, бѣлому кисейному вуалю, и вѣнку изъ бѣлыхъ искусственныхъ розъ, казалась еще смуглѣе. Рядомъ съ нею помѣщалась жена Нила Степановича Лукьянова, дама бодрая, могучая, почти такая же толстая, какъ самъ Нилъ Степановичъ. Насупротивъ ихъ сидѣлъ долговязый Ѳедя, исправлявшій должность шафера; новый вицмундирчикъ ясно свидѣтельствовалъ, что Ѳедя занималъ ужь штатное мѣсто въ Черноряжской Палатѣ. Послѣ кареты показалась коляска, запряженная тройкой, обвѣшенной бубенчиками и мѣдными

бляхами, ярко-блестѣвшими на солнцѣ; первое мѣсто занималъ молодой, троюродный кузенъ дочерей Фукола Ивановича; волненіе проглядывало во всѣхъ чертахъ его физіономіи; плоскіе волосы его были запрятаны за уши. Должность жениховыхъ дружекъ занимали: горшковской почтмейстеръ и секретарь изъ Горшковскаго Земскаго Суда. Слѣдомъ за ними, въ качествѣ почетныхъ гостей, ѣхали Фанагорія Петровна и Нилъ Степановичъ. Фанагорія Петровна только-что освободилась отъ траура, наложеннаго на нее смертью Антониночки. Она была всегда того мнѣнія, что трауръ вовсе не шелъ къ ея лицу и потому воспользовалась первымъ удобнымъ случаемъ, чтобъ снять съ себя креповый чепецъ и замѣнить его розовою шляпкой съ райской птицей на верхушкѣ; она была въ восхищеніи отъ Нила Степановича; въ короткій промежутокъ переѣзда черезъ площадь, онъ успѣлъ уже сдѣлать значительные успѣхи въ слабомъ сердцѣ перезрѣлой вдовы. Фанагорія Петровна картавила, принимала меланхолическія позы и возводила глаза къ небу, какъ въ тѣ минуты, когда прислушивалась къ пѣнію соловья. За Лукьяновымъ и Фанагоріей Петровной слѣдовали дрожки, на дрожкахъ помѣщались: Павелъ Павловичъ Чибезовъ и еще шаферъ невѣсты, землемѣръ Севастьяновъ; лицо Павла Павловича проявляло необычайное движеніе; глаза и зубы его сверкали; видно по всему, что онъ съ трудомъ удерживаетъ истокъ рифмъ, которыя сами-собою зараждаются въ поэтической душѣ его; но это собственно ничего; нѣтъ сомнѣнія, что какъ только окончится свадебный балъ, Павелъ Павловичъ заставитъ жену писать подъ диктовку, и новыми блестящими импровизаціями вознаградитъ себя за минутное молчаніе. Послѣ Чибезова и Севастьянова показался старичокъ Пшеницынъ; повеселѣвшее, почти беззаботное лицо его служило несомнѣннымъ доказательствомъ, что мысль о томъ, будто Ѳедя долженъ непремѣнно умереть до полученія перваго чина, уже не тревожила чадолюбиваго сердца преклоннаго родителя. За Пшеницынымъ ѣхало множество другихъ лицъ. Въ свадебномъ поѣздѣ не доставало только самого Фукола Ивановича и дочери его, романтической Чибезовой. Мудренаго тутъ ничего нѣтъ: вотъ ужь шесть мѣсяцевъ, какъ Фуколъ Ивановичъ окончательно лишился употребленія своихъ ногъ. Онъ не покидаетъ креселъ даже въ

тѣхъ случаяхъ, когда узнаетъ о ссорѣ своихъ сосѣдей; впрочемъ, миротворная дѣятельность почтеннаго старца находитъ съ-нѣкоторыхъ-поръ обильную пищу въ кругу собственнаго своего семейства. Вдохновенное состоянiе Павла Павловича Чибезова, возрастая съ каждымъ днемъ, требуетъ все болѣе-и-болѣе простора и рѣшительно мѣшаетъ ему жить въ ладахъ съ романтическою женою. Должно полагать, что кругъ миротворной дѣятельности почтеннаго старца распространится еще значительнѣе послѣ брака младшей дочери; бывъ еще дѣвицей, она по двадцати разъ на день переодѣвалась изъ розоваго платья въ черное, въ ознаменованiе ссоры съ долговязымъ кузеномъ; чего же слѣдуетъ ожидать, когда пройдетъ медовый мѣсяцъ и наступятъ супружескiя отношенiя?.. Но это, покуда еще впереди. Въ то время, какъ свадебный поѣздъ тянулся по улицамъ Горшкова, Фуколъ Ивановичъ сидѣлъ въ креслахъ и занимался устройствомъ своего домика; почтенный старецъ, естественнымъ образомъ, не могъ приглядѣть за всѣмъ, оставаясь на одномъ мѣстѣ; ему слѣдовало передвигаться изъ одного конца дома въ другой; для этой цѣли позванъ былъ заспанный дѣтина, который, сверхъ своихъ должностей портнаго, слуги и конюха, получилъ еще должность передвигателя креселъ съ той минуты, какъ Фуколъ Ивановичъ лишился ногъ. И въ то время, какъ заспанный дѣтина передвигалъ почтеннаго старца изъ одной комнаты въ другую, романтическая Чибезова занималась приготовленiемъ собственнаго своего туалета, хлопотала подлѣ красныхъ камлотовыхъ занавѣсокъ, украшавшихъ маленькiя окна, симметрически разставляла горшки съ эранью, суетливо перебѣгала въ комнату, назначенную для молодыхъ, и дѣлала повидимому все возможное, чтобъ придать самый приличный видъ свадебному балу, который подавалъ надежду быть весьма-эффектнымъ.

Я твердо увѣренъ, однакожь, что, несмотря на весь свой эффектъ, балъ Фукола Ивановича далеко отстанетъ отъ бала Кокуркиныхъ; я говорю о томъ знаменитомъ балѣ, который данъ былъ въ Веселыхъ Горкахъ въ ознаменованiе того, что минуло десять мѣсяцевъ послѣ брака Василькова и Надеженьки. Я былъ вообще всегда того мнѣнiя, что ничего не можетъ быть лучше вечеринокъ, даваемыхъ гостепрiимными барышнями. Вы, безъ-сомнѣнiя, нигдѣ не встрѣтите бóльшаго

радушія со стороны хозяевъ; нигдѣ не найдете такого непринужденія и ужь, конечно, нигдѣ не увидите такого веселья, несмотря на то, что все почти ограничивается двумя комнатами, блюдечками съ вареньемъ и брянчаньемъ на шестиструнной гитарѣ. Удивительнѣе всего то, что вечеринки эти слѣдуютъ непосредственно одна за другой и почти не прерываются впродолженіе года. Мы никакъ не можемъ разрѣшить причины такого необузданнаго стремленія къ увеселенію самихъ-себя и своихъ ближнихъ. Происходитъ ли это стремленіе отъ-того, что три барышни живутъ въ Веселыхъ Горкахъ?.. Но, съ другой стороны, Веселыя Горки могли получить свое названіе потому именно, что въ нихъ поселились три барышни; рѣшительно непонятно! Страсть къ вечеринкамъ проистекала, всего-вѣроятнѣе, изъ врожденнаго гостепріимства трехъ барышень. Принимая въ соображеніе такое похвальное свойство, мы въ-правѣ заключить, слѣдовательно, что слухи о томъ, будто Кокуркины сплетницы — не имѣютъ никакого основанія; такія обвиненія, конечно, могли только вырваться изъ оскорбленной груди Фіоны Ивановны, да и то въ минуту сильнѣйшаго негодованія противъ барышень, которыя, скажемъ мимоходомъ, ни въ чемъ не были виноваты. Если бъ барышни занимались сплетничаньемъ, къ нимъ, безъ-сомнѣнія, не съѣзжалось бы такое множество сосѣдей и вечеринки ихъ далеко не пользовались бы такою славой. Въ доказательство можно привести балъ, данный въ честь Порфирія Павловича и Надёженьки. Кого только не было на этомъ балѣ? Тутъ были: Кондей Ивановичъ Свищовъ и Проклъ Ивановичъ Полушкинъ, Софья Кузьминична Свищова съ своими дочерьми и ридикюлемъ, Матрена Васильевна Полушкина съ чадами и также съ ридикюлемъ. Говорятъ, будто два почтенныя семейства живутъ съ-нѣкоторыхъ-поръ въ совершеннѣйшемъ ладу. Утверждать положительно не смѣю. Достовѣрно только то, что Кондей Ивановичъ дозволяетъ теперь полушкинскимъ бабамъ подходить безпрепятственно къ своему колодцу, а Проклъ Ивановичъ ничего не говоритъ, когда индѣйки и куры Кондея Ивановича перелетаютъ въ его огородъ. Въ числѣ гостей находился также Аполлонъ Егоровичъ Дрянковъ. Онъ, сказываютъ, собирается писать новую повѣсть; въ ожиданіи этого, почтенный труженикъ переселился къ одному богатому помѣщику и проживаетъ у него съ превеликимъ комфортомъ. Вто-

рое произведеніе даровитаго Дрянкова будетъ называться: *Тунеядцы — Лежебокіе — Проживальщики*, физіологическій очеркъ. Основываясь на томъ, что предметъ этотъ въ-совершенствѣ знакомъ автору, можно надѣяться, что новое произведеніе его далеко оставитъ за собою первое. На балѣ находились также: рыженькая Капитолина Лукинична Дядинькова, подруга ея, безсловесная Лукерья Ѳоминична Крепышѐва и Розалія Владиміровна Сараманаева, которая, послѣ полученія своихъ пяти тысячъ отъ Аристарха Ѳедоровича, купила клочокъ земли въ Веселыхъ Горкахъ и поселилась въ сосѣдствѣ трехъ барышень. Словомъ, тутъ присутствовали почти всѣ старые знакомые, невыключая Агашеньки. Мѣсто гитариста занималъ на этотъ разъ Проклъ Ивановичъ Полушкинъ, и говорятъ, съ большимъ успѣхомъ. Нечего и говорить, разумѣется, что посреди всего этого сборища первое мѣсто принадлежало Порфирію Павловичу Василькову. Голубая венгерка его, съ шелковымъ іероглифомъ на спинѣ, мелькаетъ во всѣхъ концахъ залы, повинуясь движенію ногъ, которыми Порфирій Павловичъ сѣменитъ подъ тактъ музыки. Къ-сожалѣнію, онъ не можетъ танцовать съ молодою женою; интересное положеніе Надеженьки заставляетъ ее сидѣть на одномъ мѣстѣ—обстоятельство, которое ни мало не мѣшаетъ ей съуживать губки наподобіе сердецъ, изображаемыхъ въ альбомахъ. Спустя каждыя пять минутъ, можно видѣть Порфирія Павловича цалующаго руку жены; остальное время посвящено имъ веселой, радушной Вѣрѣ Андреевнѣ, которая восторженно припрыгиваетъ при одной мысли, что завладѣла на весь вечеръ первымъ мазуристомъ Горшковскаго Уѣзда. Изрѣдка, и только въ антрактахъ, Порфирій Павловичъ урывается изъ залы и бѣжитъ полюбоваться на голубые банты, украшающіе занавѣски брачной постели, ни-дать-ни-взять, какъ дѣлывалъ онъ это въ маленькомъ домикѣ на берегу живописной рѣчки. Затѣмъ возвращается онъ къ женѣ, наклоняется къ ея уху, шепчетъ ей:—«Мимоцька, Пипоцька, Фифоцька.. вамъ глюсно, Шишечка!» и снова сѣменитъ ногами подъ тактъ музыки. Порфирій Павловичъ находится въ полномъ восторгѣ; къ этому, слѣдуетъ замѣтить, не мало способствуетъ письмо Аполлинарія Ильича Миловзорова, полученное наканунѣ. Миловзоровъ поздравляетъ Василькова съ бракомъ; Васильковъ носится всюду съ этимъ письмомъ, провозглашаетъ Аполлинарія

Ильича лучшимъ, неизмѣннымъ своимъ другомъ и даетъ клятвенное обѣщаніе повезти жену при первомъ удобномъ случаѣ къ сестрамъ красиваго медика, съ которыми познакомился случайно на постояломъ дворѣ въ Горшковѣ. Въ письмѣ Миловзорова описывается, между прочимъ, весьма-трогательно о томъ, какъ хоронили на-дняхъ одного почтеннаго старца, Тирсиса Ивановича Ястребилова, сочинившаго будто бы сорокъ-четыре тома трагедій и афоризмовъ. Вѣсть относилась, впрочемъ, болѣе къ Дрянкову, и Дрянковъ тутъ же объявилъ, что смерть почтеннаго старца нанесла, по всѣмъ вѣроятіямъ, сильнѣйшій ударъ Леокадію Куликову, автору «Пелопоннеза», «Таврическихъ Мелодій» и знаменитому сотруднику «Парнасской Звѣзды». Пользуясь удобнымъ случаемъ, мы скажемъ, что жена Миловзорова, его *боперчикъ* и *бельмерочка*, пользуются вожделѣннымъ здравіемъ и съ каждымъ днемъ все сильнѣе-и-сильнѣе влюбляются въ своего зятя. Благодаря тому же письму, присутствовавшіе на балѣ Кокуркиныхъ узнали, что нѣкто, по имени Бобоховъ, купилъ огромный каменный домъ, находящійся подлѣ дома Миловзорова; Аполлинарій Ильичъ прибавилъ, что этотъ Бобоховъ живетъ настоящимъ бариномъ. Въ послѣднемъ пунктѣ мы сильно сомнѣваемся. Мы твердо увѣрены, что Бобоховъ, буржуа-жантильйомъ, какъ говоритъ Карачаевъ, и останется мѣщаниномъ во дворянствѣ опять до окончанія жалкаго своего вѣка. Почти такую же точно увѣренность питаемъ мы въ-отношеніи къ тому, что, рано или поздно, новый домъ Бобохова и другія его имѣнія перейдутъ во владѣніе его свояка, великолѣпнаго Тохтамышева, изящнаго Чиндаласова и почтеннаго, солиднаго Петра Степановича Крапова. Это тѣмъ вѣроятнѣе, что дѣла трехъ друзей идутъ въ послѣднее время что-то плохо.

Для пополненія всѣхъ этихъ свѣдѣній, частью почерпнутыхъ на балѣ Кокуркиныхъ, частью полученныхъ изъ собственныхъ наблюденій, намъ необходимо сообщить здѣсь кое-что по поводу Ханскихъ-Прудовъ и личности главнаго героя повѣсти.

Извѣстно намъ изъ достовѣрныхъ источниковъ, что солнце попрежнему восходитъ каждое ясное утро на плоскомъ горизонтѣ Ханскихъ-Прудовъ, попрежнему окрашиваетъ золотымъ пурпуромъ бельведеръ, верхушки березъ, кровли флигелей и стѣны древняго дома; попрежнему, подымаясь выше и-выше,

шагаетъ оно каждый день черезъ заборъ, озаряетъ клумбы сада, лужайки, сучья деревъ и желтыя дорожки молчаливо-спускавшіяся въ густую, темнозеленую листву акацій... Но намъ извѣстно также, что съ-нѣкоторыхъ-поръ золотые лучи не скользятъ ужь по досчанымъ обелискамъ, пирамидамъ, столбамъ, минаретамъ. Всѣ эти предметы, какъ-бы связанные тайною, но тѣмъ не менѣе живою, непосредственною нитью съ Аристархомъ Ѳедоровичемъ, не пережили славы своего владѣльца. Паденіе Аристарха Ѳедоровича увлекло за собою пирамиды и обелиски. Вензеля и арабески, выведенные искусною рукою Калины, частью смытые дождемъ, частью совсѣмъ-уничтоженные, не останавливаютъ ужь путника; доски служившія обшивкою фантастическимъ сводамъ, запуганныя, вѣроятно, морозами, поспѣшили разбѣжаться по крестьянскимъ дворамъ; иныя поступили на дрова, по сію пору еще лежатъ пластомъ на землѣ и корчатся въ предсмертныхъ судорогахъ. Знаменитый столбъ, возвѣщавшій разстояніе отъ Ханскихъ-Прудовъ до Италіи и Парижа, ужь не существуетъ; не существуетъ также намалеванный кучеръ въ красной рубахѣ съ балалайкой въ рукахъ, украшавшій помѣщеніе для дворовыхъ. Досчаная баба, черпавшая воду у колодца, канула въ вѣчность; на поверхности водъ ужь не видать лебедей. Вообще говоря, наружный видъ Ханскихъ-Прудовъ не напоминаетъ уже прежняго своего величія. Съ которой бы стороны ни ѣхалъ путешественникъ: по большой ли горшковской дорогѣ, со стороны ли окатовской долины, или по проселку, Ханскіе-Пруды представляются ему самой обыкновенной деревней. Значительная перемѣна произошла точно также въ наружности самого Аристарха Ѳедоровича. Я вовсе не хочу сказать этимъ, что Аристархъ Ѳедоровичъ кажется теперь самымъ обыкновеннымъ смертнымъ. Въ мысляхъ моихъ не было даже ничего подобнаго. Я хотѣлъ только сказать, что лицо Аристарха Ѳедоровича похудѣло и осунулось, что худоба эта въ-совокупности съ порѣдѣвшими волосами измѣнили его ; немало также измѣняло его отсутствіе патентованныхъ вагенгеймовскихъ зубовъ, которые, одинъ за другимъ, перешли теперь въ маленькій ящикъ изъ карельской березы, хранимый въ письменномъ столѣ Аристарха Ѳедоровича. Но что изъ этого?.. дипломатическій лобъ, благодаря порѣдѣвшимъ волосамъ, кажется еще выше, продольная морщина надъ бровями врѣза-

лась глубже и еще краснорѣчивѣе свидѣтельствуетъ объ энергіи знаменитаго мужа; узенькія губы, величественная осанка, улыбка, выражавшая сознаніе превосходства и вмѣстѣ-съ-тѣмъ неподражаемое добродушіе — все это сохранилось попрежнему. На всѣхъ этихъ признакахъ, какъ на подписи древняго мрамора, ясно можно прочесть исторію славнаго, но, увы!.. исчезнувшаго существованія. Мы ничего не можемъ сказать о томъ, напримѣръ, какіе перевороты произвело время въ душѣ нашего героя; «чужая душа—темный лѣсъ», говорится; къ-тому же душа Аристарха Ѳедоровича такъ необъятна! Принимая въ соображеніе равнодушіе, съ какимъ взираетъ Аристархъ Ѳедоровичъ на дѣла своихъ ближнихъ и вообще на весь Горшковскій Уѣздъ, должно полагать, что и въ этомъ отношеніи онъ точно также измѣнился. Съ невозмутимою холодностью выслушиваетъ онъ разсказы о томъ, что Солонеевъ получилъ наслѣдство послѣ дяди и задаетъ пиры, куда сбѣгаются всѣ жители уѣзда; что Окатовъ находится на самой дружеской ногѣ съ Солонеевымъ и не шутя предлагаетъ ему продать долину, лежащую близь Ханскихъ-Прудовъ; что Софья Алексѣевна Окатова окончательно ужь переселилась въ Петербургъ съ возлюбленнымъ сыномъ и госпожею Буске, въ придачу; что Семенъ Семеновичъ Кошкинъ, благодаря, вѣроятно, кокетству хорошенькой жены, занялъ порядочный кушъ у Балаклеева, купилъ у Старобѣльскаго дюжины двѣ матокъ и намѣревается завести конной заводъ, и проч. и проч. и проч. все это, повидимому не производитъ на Аристарха Ѳедоровича ни малѣйшаго впечатлѣнія. Не мѣшаетъ также замѣтить, что способъ выраженія Аристарха Ѳедоровича, столько же краснорѣчивый, сколько цвѣтистый и напыщенный, также нѣсколько измѣнился; правда, до-сихъ-поръ еще говоритъ онъ: «благодарю!» или: «во время кратковременнаго пребыванія моего замѣчено мною...» и т. д. вмѣсто того, чтобъ сказать: «я замѣтилъ»; но такой способъ изъясненія дѣлается съ каждымъ днемъ рѣже-и-рѣже. Аристархъ Ѳедоровичъ рѣшительно никуда не выѣзжаетъ и ведетъ вообще жизнь самую однообразную. Дни свои проводитъ онъ въ кабинетѣ; хозяйствомъ своимъ занимается почти такъ же мало, какъ прежде; впрочемъ, съ-тѣхъ-поръ, какъ эта часть перешла въ полное распоряженіе Карачаева, все идетъ какъ по маслу, и Балахновъ можетъ быть спокоенъ: у него не пропадетъ не только доска,

но даже зерно хлѣба. Павелъ Петровичъ, сопровождаемый Медоромъ, поспѣваетъ всюду; въ припадкѣ усердія, онъ нерѣдко даже самъ принимается колотить въ караульную доску.

Каждый разъ, когда наступаетъ теплый, хорошій вечеръ, Аристархъ Өедоровичъ выходитъ изъ кабинета и располагается на террасѣ. Въ этихъ случаяхъ всегда почти можно встрѣтить подлѣ него лицо Лизаветы Семеновны, лицо блѣдное, но оживленное теперь счастіемъ и все еще прекрасное, прекрасное какъ тихая, свѣтлая заря осенняго вечера. Лизавета Семеновна безпрепятственно проходитъ теперь изъ своей комнаты на террасу. Дѣло въ томъ, что комната ея находится рядомъ съ гостиной, на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ нѣкогда былъ будуаръ. Прежняя ея спальня, расположенная подлѣ дѣтской, поступила ужь во владѣніе гувернантки, отличной Нѣмки, которую всѣ любятъ въ домѣ, отъ мала-до-велика.

Аристархъ Өедоровичъ очень любитъ проводить свои вечера на террасѣ, любитъ устремлять задумчивые глаза свои на дальніе берега прудовъ, свидѣтелей минувшей роскоши и величія. Но рѣдко обнаруживаетъ онъ свои впечатлѣнія и еще рѣже распространяется о дняхъ своей славы. Изрѣдка лишь, да и то въ видѣ шутки, обращается онъ къ Карачаеву, добродушное лицо котораго не замедляетъ показаться на террасѣ.

— Посмотри, говоритъ Аристархъ Өедоровичъ, отгоняя рукою докучливыхъ мухъ и мошекъ: — вотъ что̀ значитъ старость: мухъ не могу отогнать, тогда-какъ прежде отъ людей, бывало, отбивался...

— Э! вотъ вздоръ какой, душа моя! восклицаетъ Карачаевъ: — людей много на свѣтѣ, ото всѣхъ не отобьешься! Ну что̀, самъ посуди, *ecoute*: что̀ вышло изъ того, что ты отбивался? фукъ—и больше ничего! Повѣрь мнѣ, все это дребедень... То-ли-дѣло теперь, самъ посмотри, заключилъ Карачаевъ, простирая руку къ прудамъ, отражавшимъ золотыя облака, подрумяненныя закатомъ: — смотри, тишь, да гладь, да Божья благодать! вотъ она штука то въ чемъ!..

Но какъ-бы въ опроверженіе словамъ Карачаева, изъ густой аллеи внезапно подымались звонкій хохотъ и веселые крики; на дорожкахъ показывалась шумная толпа дѣтей и веселые голоса ихъ, повторяемые эхомъ сосѣднихъ холмовъ, оглашали смолкнувшую на минуту окрестность...

Но вотъ, мало-по-малу, все снова погружается въ молчаніе. Солнце скрылось и послѣдніе лучи его потухли за горизонтомъ. Воздухъ свѣжѣетъ. Синія тѣни сбѣгаютъ по холмамъ и затопляютъ росистыя долины... Темныя массы деревъ сливаются мало-по-малу съ мѣстностью... Еще минута, и Ханскіе–Пруды исчезнутъ и совершенно изгладятся въ непроницаемомъ мракѣ ночи...

Увы! такъ все изглаживается и исчезаетъ на семъ свѣтѣ!

Д. ГРИГОРОВИЧЪ.

II.

КАРОЛИНГИ ВЪ ИТАЛІИ.

(801 — 814.)

Послѣ многихъ колебаній и наклоненій то въ ту, то въ другую сторону, Италія, за исключеніемъ Лангобардскаго Беневента и крайнихъ своихъ оконечностей, вошла, наконецъ, въ составъ большаго Франкскаго Государства. Когда открылся девятый вѣкъ новаго лѣтосчисленія, она ужь состояла подъ этимъ чужимъ началомъ. Событія, какъ скоро они совершились, получаютъ видъ неотразимыхъ даже по отношенію къ предъидущему времени, когда можно было разсуждать развѣ только о ихъ возможности. Кажется, будто ужь всякій другой оборотъ былъ рѣшительно-невозможенъ, и совершившееся утверждается въ мысли какъ неизбѣжно-необходимое. Въ другомъ мѣстѣ мы имѣли случай взвѣсить доводы, на основаніи которыхъ можно было бы заключать, что лангобардское начало неспособно было болѣе ни къ какому движенію, и что освобожденіе отъ него, во что̀ бы ни стало, лежало въ политическихъ и національныхъ потребностяхъ страны (1). Доводы казались намъ невыдерживающими строгой критики, и мы потомъ не имѣли никакого повода разубѣдиться въ нашемъ мнѣніи. Несчитая за нужное возвращаться къ нимъ, пока не будутъ представлены новыя сомнѣнія, мы возьмемъ Франкское завоеваніе, какъ несомнѣнный историческій фактъ, и отъ него, какъ отъ твердаго пункта, будемъ идти впередъ въ обозрѣніи послѣдующихъ событій.

---

(1) См. Судьбы Италіи, гл. IX.

Историческія событія дѣйствительно неотразимы, но лишь съ того времени, какъ они совершились. Тогда нечего болѣе разсуждать о ихъ отмѣнимости или неотмѣнимости; тогда дѣло историка состоитъ только въ томъ, чтобъ стараться опредѣлить ихъ слѣдствія, показавъ напередъ тѣ предѣлы, въ которыхъ должно распространяться ихъ вліяніе. Совершаясь на поверхности той или другой страны, они въ то же время глубоко пускаютъ свои корни въ самую ея почву и сростаются съ нею почти до безпредѣльности. Не въ одной только памяти, не въ одномъ воображеніи народа живутъ они, но нерѣдко проникаютъ до самыхъ основъ народнаго характера. Годы прокладываютъ морщины на лицѣ человѣка, историческія событія прорѣзываютъ неменѣе глубокіе слѣды на нравственной физіономіи цѣлаго народа. Ихъ могутъ закрыть собою новыя, послѣдующія событія исторической жизни, но едва ли когда въ-состояніи изгладить совершенно. Даже закрытыя, они при случаѣ, вскрываются снова, и либо обращаются въ больную неизлечимую рану, либо становятся, вмѣстѣ съ другими отличительными чертами, однимъ изъ постоянныхъ свойствъ націи, либо, наконецъ, остаются неизмѣнною гранью въ междонародныхъ отношеніяхъ. Печать историческая, хороша она или дурна, почти всегда неизгладима. Религіозное сознаніе Индійца не измѣнилось впродолженіе тысячелѣтій и стало какъ-будто одно съ его природою. Что ни дѣлали Греки, чтобъ освободиться отъ своего несчастнаго политическаго дуализма, онъ остался съ ними до конца ихъ политической самостоятельности. Въ свою очередь, и Римлянинъ, подышавши воздухомъ Востока, ничѣмъ ужь потомъ не могъ отбить отъ себя его губительной заразы. Византія до конца своего существованія не могла раздѣлаться съ нѣкоторыми недугами, которые присущи были ей съ самаго возрожденія ея подъ римскимъ знаменемъ. Это же свойство исторіи осталось неизмѣнно при ней и послѣ паденія Рима. Еще въ наше время сохранились многія межи, проведенныя, болѣе чѣмъ тысячу лѣтъ назадъ, германскими завоеваніями. Рыцарство давно сложило всѣ свои доспѣхи въ національные музеи, а духъ его и теперь еще такъ легко узнаешь въ правахъ тѣхъ народовъ, которые прошли черезъ него. Дѣло Людовика XIV пережило всѣ перевороты во Франціи. Пруссія все еще сильна геніемъ Фридриха II.

Такой же неотразимый фактъ въ исторіи Италіи — франкское завоеваніе. Утвержденное побѣдами Карла-Великаго, обезпеченное двумя коронами, изъ которыхъ одна — королевская, а другая — императорская, оно очевидно не принадлежало къ числу тѣхъ мимолетныхъ явленій, которыя уносятся вмѣстѣ съ первымъ порывомъ вихря, разлетаются отъ перваго усиленнаго удара. Франкское завоеваніе стало довольно-крѣпко, чтобъ имѣть и свою бу-

душность въ Италіи. Недовольно было ему положить предѣлъ нѣкоторымъ изъ прежнихъ направленій, до-сихъ-поръ господствовавшимъ, или по-крайней-мѣрѣ искавшимъ себѣ господства на полуостровѣ. Оно еще имѣло назначеніемъ провести свой уровень по всѣмъ важнѣйшимъ отправленіямъ политической и общественной жизни, наложить на нихъ въ той или другой степени свой собственный характеръ и, наконецъ, даже внести сюда нѣкоторыя новыя стремленія. Примкнувши къ Каролингской Монархіи, Италія должна была принять участіе и въ самыхъ судьбахъ ея. Успѣетъ ли франкское завоеваніе подавить всѣ прежнія стремленія и замѣнить ихъ новыми — это иной вопросъ, на который отвѣта надобно искать въ обозрѣніи дальнѣйшихъ событій. Но у насъ еще на первой очереди — приблизительное указаніе тѣхъ предѣловъ, въ которыхъ заключилось франкское завоеваніе на полуостровѣ, и первыя нововведенія, принесенныя сюда Каролингами.

Въ томъ состояла особенность завоеваній, которымъ въ разное время подвергалась Италія послѣ паденія старой имперіи, что рѣдкое изъ нихъ достигало крайнихъ, самою природою назначенныхъ предѣловъ полуострова. Франкское завоеваніе въ этомъ отношеніи не было много счастливѣе лангобардскаго. Карлъ-Великій не могъ посвятить всѣхъ своихъ средствъ и силъ одной Италіи: тревожный Сѣверъ то-и-дѣло отвлекалъ его вниманіе. Довольный первыми крѣпкими основаніями, которыя онъ самъ положилъ для своей власти въ Италіи, и несомнѣваясь болѣе въ ихъ прочности на будущее время, завоеватель предоставилъ окончаніе дѣла предпріимчивости и мужеству своего сына, вновь назначеннаго короля Ломбардіи (Лангобардіи). Вся сѣверная Италія и вся средняя, хотя подъ разными титлами, безпрекословно признавали власть побѣдителя; но южная, гдѣ самыя обширныя владѣнія по-прежнему принадлежали Лангобардамъ, нетерпѣливо сносила даже самый видъ покорности, наложенной на нее (въ 787) оружіемъ и волею повелителя Франковъ. Тамъ, въ Беневентѣ, властвовалъ Гримоальдъ, сынъ того самаго Арихиза, который пережилъ паденіе Лангобардскаго Королевства и такъ долго отстаивалъ независимость своего герцогства противъ самого Карла. Вѣроятно, ободренный удаленіемъ завоевателя изъ Италіи, Гримоальдъ задумалъ возстановить полную самостоятельность своего княжества (такъ назывался Беневентъ со времени Арихиза). Обѣщаніе вѣрности, данное имъ Карлу, скоро было нарушено. Вопреки своему обязательству, онъ не хотѣлъ срыть укрѣпленій Салерно, Ачеренцы, Консы, вошелъ въ сношенія съ Византійцами. Намѣреніе отложиться было слишкомъ-явно. Самого Карла не было въ Италіи; но Пепинъ и его совѣтники, соблюдая интересы новаго

королевства, тотчасъ приняли мѣры, чтобъ удержать Беневентъ въ повиновеніи. Сильное ополченіе двинулось по направленію къ югу, снова угрожая послѣднему убѣжищу лангобардской независимости. Въ виду опасности, Гримоальдъ поспѣшилъ сдѣлать уступку, разорвалъ связи съ Византіею. Но было поздно: Карлъ, котораго широкая мысль обнимала въ одно время всѣ отношенія, издалека прислалъ Пепину наказъ дѣйствовать наступательно и, для покрѣпленія ему, отправилъ туда же другаго своего сына, Лудовика, правившаго Аквитаніей. Надобно полагать, что онъ не хотѣлъ пропустить случая уравнять Беневентъ въ политическомъ отношеніи съ другимъ лангобардскимъ герцогствомъ, то-есть совершенно лишить его всякой самостоятельности. Однако обстоятельства далеко не благопріятствовали желанію императора. Гримоальдъ бодро принялъ вызовъ, и начавшаяся между ними и его соединенными противниками война затянулась на нѣсколько лѣтъ. Мы лишены почти всѣхъ средствъ опредѣлить способы такого продолжительнаго сопротивленія со стороны беневентскаго князя; знаемъ только, что у него не было недостатка ни въ мужествѣ, ни въ твердости, и что, временемъ, за одно съ нимъ дѣйствовала также язва, не разъ опустошавшая ряды его противниковъ. Какъ бы то ни было, успѣхъ дѣла вовсе не соотвѣтствовалъ горячности и рвенію молодыхъ королевичей, которые притомъ и сами были короли. Отсутствіе самого Карла было невознаградимо никакими усиліями. Сколько разъ ни наступали, почти всегда встрѣчали они себѣ равносильный отпоръ. Приходилось ограничиваться взятіемъ отдѣльныхъ укрѣпленныхъ мѣстъ, что, впрочемъ, мало имѣло вліянія на общій ходъ войны. Пепинъ наконецъ рѣшился обратиться къ владѣтелю Беневента съ мирными предложеніями; утомленіе диктовало условія мира. Отъ Гримоальда требовали только, чтобъ онъ согласился быть въ тѣхъ же самыхъ отношеніяхъ къ новому лангобардскому королю, въ какихъ Арихизъ былъ нѣкогда къ Дезидерію. На это предложеніе князь Беневента гордо отвѣчалъ, что онъ «свободенъ родился и съ Божіею помощью надѣется свободнымъ остаться навсегда». При всемъ своемъ утомленіи, Пепинъ долженъ былъ снова прибѣгнуть къ оружію. Сила новаго наступательнаго движенія, 802 года, дала себя почувствовать во взятіи Орнано на берегу Адріатики и потомъ Ночеры въ самой Апуліи. Послѣдній важный пунктъ вмѣстѣ съ поставленнымъ здѣсь франкскимъ гарнизономъ ввѣренъ былъ Гвинигизу, герцогу сполетскому. Но это распоряженіе лишь доставило Гримоальду случай захватить въ свои руки именитаго плѣнника. Только-что Пепинъ отвелъ свое ополченіе отъ завоеваннаго города, какъ тотъ явился подъ его стѣнами и послѣ продолжительной осады принудилъ его сдаться.

Гвинигизъ былъ захваченъ вмѣстѣ съ другими, и только великодушію побѣдителя обязанъ былъ тѣмъ, что въ слѣдующемъ году ему была возвращена свобода (2).

Съ смертію воинственнаго Гримоальда, послѣдовавшею въ 806 году, отношенія Франковъ къ Беневенту приняли болѣе благопріятный оборотъ. Преемникъ его, Гримоальдъ II Сторезайцъ (Storeseyz), былъ человѣкъ довольно-миролюбивыхъ наклонностей. Пепинъ, долгимъ опытомъ убѣдившись въ безплодности всѣхъ покушеній на независимость Беневента, съ своей стороны, также прекратилъ нападенія. Оношенія не измѣнились и послѣ его смерти (810). Поэтому неясно, какія побужденія могли заставить Гримоальда II черезъ нѣсколько времени обратиться къ самому Карлу-Великому съ предложеніемъ подданства: узналъ ли, можетъ-быть, онъ о новыхъ приготовленіяхъ къ войнѣ со стороны Франковъ, или чувствовалъ себя недовольно-безопаснымъ противъ враговъ внутреннихъ? Предложеніе какъ-нельзя-болѣе соотвѣтствовало видамъ и желаніямъ завоевателя Италіи, и онъ, незатрудняясь, принялъ его условія. Княжество Беневентское сохранило всю прежнюю самостоятельность во внутреннемъ управленіи, и политическая зависимость его отъ имперіи выражалась только ежегодною данью въ 28,000 солидовъ, которая, впрочемъ, потомъ была значительно уменьшена. Спустя два года, послы Гримоальда опять явились въ Ахенъ, и условія мира еще разъ были подтверждены на прежнихъ основаніяхъ (3). Эта сдѣлка хотя и не рѣшала окончательно участи Беневента, впрочемъ, на нѣсколько лѣтъ впередъ опредѣляла отношенія его къ Франконскому Государству и прямо указывала на то, что франкскому вліянію не предназначалось здѣсь значительной роли, и что вообще южной части полуострова готовились особыя историческія судьбы, отдѣльно отъ прочей Италіи. Лангобардизмъ былъ обезсиленъ и принужденъ отказаться отъ безусловной политической самостоятельности; но пока зависимость Беневента отъ Франковъ выражалась только данью, лангобардскія учрежденія могли оставаться здѣсь во всей своей силѣ, и лангобардское право не имѣло нужды опасаться совмѣстничества съ правомъ завоевателей; поэтому оно здѣсь укоренилось глубже, нежели въ другихъ частяхъ Италіи (4).

---

(2) Объ этой войнѣ см. Erchemp. Hist. Princ. Long. — Джанноне пересказываетъ главныя ея событія въ своей «Исторіи Неаполя», III, 1, кн. VI, гл. 4. — См. также Murat. Ann. ad an. 801 и 802.

(3) См. Erchemp. c. 7; Einh. ad an. 814. — Ср. Murat. ad an. 812 и 814.

(4) См. Giannone, I, V, 5.

Кромѣ большаго лангобардскаго участка, который находился подъ властью беневентскихъ князей, въ Италіи были еще нѣкоторыя доли, состоявшія подъ высшимъ авторитетомъ Византійской Имперіи. Весь этотъ убогій остатокъ отъ завоеванія, когда-то столько блестящаго, заключался въ неаполитанскомъ дукатѣ съ принадлежавшими къ нему городами (небольшое пространство отъ Кумъ до Амальфи), въ маленькой области города Гаэты и въ нѣсколькихъ городахъ Апуліи и Калабріи (5). Уцѣлѣвъ въ свое время отъ лангобардскаго натиска, эти земли и города тѣмъ удобнѣе могли удержаться теперь, прикрываемые отъ Франковъ крайними лангобардскими владѣніями на полуостровѣ. Не было для нихъ также большой опасности и со стороны воинственныхъ князей Беневента, пока тѣ были заняты своею упорною борьбою съ новыми завоевателями Италіи; по-крайней-мѣрѣ нападенія со стороны Беневента, которыя обыкновенно направляемы были противъ Гаэты и городовъ неаполитанскаго дуката, повторялись ужь не такъ часто и вообще потеряли много прежней своей энергіи. Еще болѣе: когда Карлъ-Великій, овладѣвъ Гаэтою, назначилъ этотъ городъ въ даръ римскому епископу, Греки обязаны были помощи князя беневентскаго тѣмъ, что Гаэта снова была возвращена ихъ власти (6). Впрочемъ, всѣ эти владѣнія, хотя бы и взятыя вмѣстѣ, мало прибавляли къ политическому вѣсу и силѣ Восточной Имперіи, едва ли даже много помогали ей въ облегченіи ея финансовыхъ нуждъ. Со времени распространенія Лангобардовъ въ южной Италіи и уничтоженія равеннскаго экзархата, они были подчинены экзарху или патрицію Сициліи — первый поводъ къ тому, чтобъ названіе острова мало-по-малу перенесено было и на земли, лежащія по сю сторону Мессинскаго Пролива. Но ужь по самой разнообразности этихъ земель и отдаленности ихъ отъ центральнаго управленія, авторитетъ сицилійскихъ экзарховъ никогда не могъ возвыситься въ Италіи до того значенія, какое по всѣмъ правамъ принадлежало ему въ самой Сициліи. Почти ни изъ чего не замѣтно, чтобъ они принимали большое участіе въ тамошнихъ публичныхъ дѣлахъ, или имѣли на нихъ

---

(5) По исчисленію Джанноне (I, VI, 2), эти города были слѣдующіе: въ Апуліи, или древней Калабріи, Галлиполи и Отранто; въ странѣ Бруттіевъ, кромѣ Реджіо, Джераче, Сан-Северино, Котроне, Амантея, Агрополи и пр. Весьма-основательно замѣчаніе автора, что на Бруттію было перенесено названіе Калабріи послѣ того, какъ Греки потеряли большую часть своихъ владѣній въ этой странѣ, и правители этой области должны были переселиться изъ Тарента въ Реджіо.

(6) Ibid. (I, VI, 1).

сильное вліяніе. Нетолько внутреннее управленіе, но даже и внѣшнія отношенія, самыя войны — все это повидимому непосредственно зависѣло отъ мѣстныхъ правителей. Неаполь съ своею областью попрежнему управлялся своими дуками, которые назывались также и консулами, и почти только по имени находился въ зависимости отъ имперіи. Дуки большею-частью избирались на мѣстѣ, изъ именитыхъ гражданъ; иногда это титло соединялось съ достоинствомъ мѣстнаго епископа, и только утверждаемы были они или въ Сициліи, или въ самомъ Константинополѣ (7). Власть неаполитанскихъ дуковъ простиралась также на Амальфи, Сорренто и другіе города, лежавшіе въ той же области; изъ нихъ каждый имѣлъ своего особаго правителя, который обыкновенно назначался въ Неаполѣ и удерживалъ старое тило «comes». Если жители дуката въ своей постоянной борьбѣ съ Лангобардами были предоставлены самимъ-себѣ и не могли разсчитывать на помощь равнодушной къ нимъ имперіи, то и имперія, въ свою очередь, не могла требовать никакихъ особенныхъ пожертвованій отъ жителей страны, которая должна была издерживать почти всѣ свои средства на свою защиту. Можно бы сказать, что византійскій авторитетъ затѣмъ только и сохранился въ этомъ краѣ, чтобъ не прервались всѣ связи Италіи съ Востокомъ и чтобъ хотя въ одномъ углу ея продолжали дѣйствовать тѣ элементы общественной жизни, которые нѣкогда простирались на весь равенискій экзархатъ въ самомъ обширномъ его протяженіи. И въ-самомъ-дѣлѣ, здѣсь долѣе, нежели гдѣ-нибудь въ Италіи, сохранились нѣкоторые юридическіе обычаи, образовавшіеся подъ вліяніемъ новеллъ восточныхъ императоровъ, и предположеніе о томъ, что обогащеніе возрождающейся науки, однимъ изъ важнѣйшихъ источниковъ римскаго права, послѣдовало черезъ посредство городовъ неаполитанскаго дуката, нелишено нѣкотораго вѣроподобнаго основанія (8).

Былъ еще одинъ важный пунктъ въ предѣлахъ итальянской территоріи, который не вошелъ въ составъ франкскаго завоеванія и также продолжалъ прикрываться авторитетомъ Византійской Имперіи. Это — извѣстная венеціанская община, которая, благодаря своему счастливому положенію, умѣла сохранить свою независимость во все время лангобардскаго владычества на полуостровѣ. То же самое обстоятельство спасло ее главнымъ образомъ и отъ перваго разлива франкскаго завоеванія. Но, сверхъ-

(7) Ibid. L. VI, c. 2; Mur. Ann. ad an. 811. — Объ отношеніяхъ къ патрицію, онъ же подъ г. 813.
(8) Ср. Giannone, T. I. L. VI, c. 2.

того, Венеція искусно пользовалась для своего самосохраненія и своими старыми отношеніями къ имперіи. Управляясь своими собственными дуками, которые получали власть отъ народнаго избранія, она, впрочемъ, не торопилась разорвать всѣ связи съ Византіею. Жители Венеціи не дѣлали, съ своей стороны, никакихъ возраженій, когда дуки ея, возвращаясь изъ Константинополя, какъ-бы въ знакъ императорскаго утвержденія ихъ выбора, привозили съ собою почетное титло спаѳарія или ипата (консула тожь) (9). Это кажущееся подчиненіе Венеціи Востоку, въ обыкновенное время непростиравшееся далѣе незначительныхъ формальностей, очевидно приносило пользу только возникавшей республикѣ, потому-что служило ей нѣкотораго рода щитомъ противъ нападеній, которыя могли быть устремлены на нее съ Запада. Нельзя было покуситься на независимость Венеціи, незатронувъ въ то же время чести и интересовъ Восточной Имперіи. Если имперія и не въ-состояніи была оградить безопасность Венеціи вооруженною рукою, то она старалась по-крайней-мѣрѣ выговорить ея неприкосновенность въ своихъ дипломатическихъ сношеніяхъ и договорахъ. Такъ, по свидѣтельству Андрея Дандоло (10), въ договорѣ 803 года, состоявшемся между Карломъ-Великимъ и восточнымъ императоромъ, положительно выговорена была не только полная безопасность венеціанскихъ острововъ отъ всякаго нападенія со стороны Франковъ, но и совершенная ненарушимость всѣхъ ихъ старыхъ правъ и привилегій. Имѣя много доброй воли на то, чтобъ поддерживать повозможности дружественныя отношенія съ Восточной Имперіей, Карлъ дѣйствительно оставлялъ въ покоѣ состоявшую подъ ея покровительствомъ республику и не показывалъ никакого намѣренія ввести ее въ предѣлы своего итальянскаго завоеванія.

Такимъ-образомъ поставленная между Востокомъ и Западомъ, Венеція, какъ корабль въ морѣ, проходящій между двумя подводными скалами, искусно лавировала между ними, держась довольно-свободно на извѣстномъ разстояніи отъ того и другаго и больше наклоняясь въ ту сторону, гдѣ была слабѣе сила притяженія. Впрочемъ, при всемъ искусствѣ, соблюсти совершенное

---

(9) Ср. Murat. Ann. ad an. 807.

(10) Rer. St. Scripp., t. XII: In hoc foedere seu decreto nominatim firmatum est, quod Venetiae urbes et maritimae civitates Dalmatiae, quae in devotione imperii illibatae persliterant, ab Imperio Occidentali nequaquam debeant molestari, invadi, nec minari; et quod Veneti possessionibus, libertatibus et immunitatibus, quas soliti sunt habere in Italico regno, libere perfruantur.

равновѣсіе и избѣжать всякаго столкновенія было почти-невозможно. Въ самой этой двойственности отношеній было слишкомъ-много искушенія и поводовъ къ раздѣленію, чтобъ всегда можно было съ успѣхомъ противостоять ему. Но первый поводъ къ разъединенію и образованію партій на венеціанскихъ островахъ заключался отъ начала во внутреннихъ отношеніяхъ. Какъ Римъ, какъ Неаполь, Венеція также не ушла отъ домашнихъ волненій и неустройствъ. Причиною служили обыкновенно выборы дука или дожа, раздѣлявшіе народъ на партіи. Рѣдко проходили они безъ сильныхъ потрясеній; иногда даже сопровождались страшными насиліями. Развитію духа партій и ихъ живучести много способствовала еще постановка мѣстныхъ авторитетовъ, между которыми была раздѣлена власть на венеціанскихъ островахъ. Ибо, управляясь своими дуками, Венеція въ церковномъ отношеніи подчинялась власти аквилейскаго патріарха, который имѣлъ свое мѣстопребываніе въ Градо. Независимыя одна отъ другой и имѣя каждая свой кругъ дѣйствія, обѣ власти соперничали между собою авторитетомъ и вліяніемъ. Каждая изъ нихъ преслѣдовала свои интересы, каждая была опорою особой партіи. Ихъ соперничествомъ партіи, возникавшія при выборахъ, держались и въ послѣдующее время. Находясь на твердой землѣ, Градо служилъ убѣжищемъ для недовольныхъ жителей острововъ, и на оборотъ (11). Франкское завоеваніе, своею поддержкою одной изъ соперничавшихъ сторонъ, провело это разъединеніе еще далѣе, сдѣлало его еще тягучѣе. Если патріархи Градо, побуждаемые чувствомъ своего безсилія, искали себѣ болѣе-крѣпкой опоры въ Франкахъ, смѣнившихъ въ этомъ краѣ непріязненныхъ Лангобардовъ, то интересъ дожей заставлялъ ихъ тѣмъ сильнѣе примыкать къ Восточной Имперіи. Силою внутренняго раздѣленія Венеція какъ-бы разрывалась на части, одними увлекаемая къ Западу, другими болѣе притягиваемая къ Востоку.

Ожесточеніе, долгое время питаемое съ обѣихъ сторонъ, вдругъ вспыхнуло кровавою враждою при дожѣ Іоаннѣ, сынѣ и преемникѣ Маурицція. Первою жертвою его былъ патріархъ Градо, по имени тоже Іоаннъ, погибшій насильственною смертью. Преемникомъ убитаго былъ, однако, близкій родственникъ его, Фортунатъ, который наслѣдовалъ отъ Іоанна и самую его вражду. Между-тѣмъ, изгнанные приверженцы патріарха собрались въ Тривиджи и избрали себѣ особеннаго дожа въ лицѣ Обелерія, одного изъ трибуновъ. Дѣйствуя, по всей вѣроятности, за одно съ ними, новый патріархъ спѣшилъ обратиться къ Карлу-Великому

---

(11) См. объ этихъ отношеніяхъ Лео, Gesch. v. Italien, I, 242—251.

и получилъ отъ него утвержденіе въ своемъ достоинствѣ и увѣреніе въ покровительствѣ. По нѣкоторымъ извѣстіямъ (12), Обелерій съ своимъ братомъ также сопровождалъ патріарха ко двору Карла, и конечно, получилъ такое же увѣреніе. Дожъ Іоаннъ, чувствуя себя небезопаснымъ, бѣжалъ изъ Венеціи, и Обелерій, призванный на его мѣсто, съ торжествомъ былъ провозглашенъ дожемъ въ Маламокко (13). Доселѣ было согласіе Обелерія съ Фортунатомъ, который продолжалъ оставаться внутри франкскихъ владѣній. Человѣку той или другой партіи стоило только почувствовать себя дожемъ Венеціи, чтобъ тотчасъ же отдѣлить свои интересы отъ интересовъ градскаго патріарха. И потому, едва-только Фортунатъ, послѣ трехлѣтней отлучки, опять возвратился въ свою резиденцію, какъ Обелерій заставилъ его снова бѣжать изъ Градо, пользуясь для этой цѣли присутствіемъ греческаго флота, который стоялъ тогда (807 г.) передъ Венеціею, подъ начальствомъ адмирала Никиты, присланнаго будто-бы для переговоровъ съ Пепиномъ. Поступокъ Обелерія, по причинѣ очень-понятной, нашелъ себѣ одобреніе въ Константинополѣ. Онъ самъ, оставаясь въ Венеціи, получилъ титло императорскаго спаѳарія, а братъ и соправитель его Беатъ возвратился изъ столицы Восточной Имперіи съ титломъ ипата.

Довольство въ Константинополѣ должно было отозваться лишь новымъ неудовольствіемъ на противной сторонѣ, и безъ того оскорбленной изгнаніемъ покровительствуемаго ею патріарха. Сходясь всего чувствительнѣе въ Венеціи, старая и новая имперіи на ней же всего болѣе и расходились. Карлъ былъ ужь въ томъ возрастѣ, въ которомъ, даже и при великой душевной энергіи, не отваживаются легко на предпріятіе. Но Пепинъ, котораго, какъ лангобардскаго короля, это дѣло касалось гораздо-ближе, еще зналъ нетерпѣніе юности и съ свойственною ей горячностью шелъ на встрѣчу событіямъ. Одно обстоятельство прибавило еще болѣе жара начинавшемуся нерасположенію его противъ Венеціи и ея покровителей. Въ 809 году, греческій флотъ опять появился въ Адріатикѣ. Простоявъ нѣсколько времени у Венеціи, онъ подошелъ къ берегамъ и вдругъ, безъ всякаго предварительнаго объявленія войны, обложилъ островъ и городъ Комаккіо, лежавшій между устьемъ По и Равенною. По-счастью, франкскій гарнизонъ, поставленный здѣсь Пепиномъ, былъ на-сторожѣ и успѣлъ отбить коварное нападеніе. Потерпѣвъ большой уронъ,

---

(12) Ann. Bertin. ad an. 806.

(13) Всѣ эти событія Муратори относитъ къ 803 и 804 годамъ.

флотъ долженъ былъ воротиться къ Венеціи, откуда начальникъ его, хитрый Грекъ, по имени Павелъ, не посовѣстился завести мирные переговоры съ Пепиномъ, какъ-будто передъ тѣмъ не послѣдовало ничего особеннаго, и какъ-будто это была главная цѣль его назначенія. Переговоры не привели ни къ какому результату, какъ потому, что византійскій уполномоченный началъ ихъ только для вида, такъ еще болѣе потому, что Обелерій и его братъ, которые, для себя лично имѣли причины опасаться сближенія между имперіями, всячески старались помѣшать ему своими интригами (14). Скоро греческій флотъ отплылъ отъ береговъ Италіи, оставя за собою лишь безъ нужды возбужденное негодованіе и нетерпѣливое желаніе отмстить за вѣроломный набѣгъ. Столько же по враждебному чувству къ Восточной Имперіи, сколько и по неудовольствіямъ на дожа, Пепинъ въ слѣдующемъ году (810) собралъ свой флотъ и устремилъ его противъ Венеціи. Нападеніе, несмотря на всѣ неудобства, было исполнено съ жаромъ. Даже, по свидѣтельству мѣстнаго историка, усилія Франковъ на многихъ пунктахъ, изъ которыхъ слагалась «морская» Венеція, какъ-то Брондоло, Квоза, Палестрина и Маламокко, увѣнчались полнымъ успѣхомъ. Только островъ Ріальто (Rivoalto) съ большею энергіею выдерживалъ устремленный противъ него ударъ. Здѣсь сосредоточилась главная сила сопротивленія. Самая ли мѣстность на Ріальто и около него болѣе благопріятствовала этому сопротивленію, или, можетъ-быть, здѣсь засѣли самые отчаянные противники Франковъ, какъ бы то ни было, Пепинъ былъ отсюда отбитъ съ урономъ, и Ріальто избѣжалъ опустошенія, которому подверглись другіе острова, занятые Франками. Несмотря на одну частную неудачу въ цѣломъ предпріятіи, Пепинъ, возвращаясь отъ Венеціи, увозилъ съ собою покорность обоихъ венеціанскихъ правителей, которые, какъ видно, были гораздо-способнѣе къ интригѣ, чѣмъ къ вооруженной защитѣ противъ непріятеля (15).

Это былъ послѣдній подвигъ молодаго лангобардскаго короля изъ дома Каролинговъ. Только-что возвратившись изъ своего похода, Пепинъ постигнутъ былъ въ Миланѣ опасною болѣзнью, отъ которой и умеръ на 33-мъ году своей жизни. Смерть его, передавшая всю власть надъ Италіею въ руки самого Карла-Великаго, произвела еще одну новую перемѣну въ судьбѣ Венеціи. Явившись къ Карлу, послы восточнаго императора потребовали отъ него выдачи послѣдняго завоеванія. Знаменитый Каролингъ,

---

(14) Ann. Einh. ad an. 809.
(15) Ibid. ad an. 810 — Ср. Murat. Ann. подъ тѣмъ же годомъ.

начинавшій цѣнить покой дороже всѣхъ новыхъ пріобрѣтеній, не хотѣлъ принять на свою отвѣтственность начинаній своего сына и, въ 812 году, отказался отъ власти надъ Венеціею въ пользу Восточной Имперіи. Ближайшимъ слѣдствіемъ такой перемѣны было удаленіе Обелерія и его брата съ венеціанскихъ острововъ и избраніе новаго дожа, по имени Партиципація—переворотъ, въ которомъ видимо обнаруживалось торжество византійской партіи. До-сихъ-поръ мѣстопребываніе дожей было на Маламокко; но такъ-какъ это мѣсто много потерпѣло при нападеніи Пепина, то Партиципацій, по единогласному рѣшенію жителей, перешелъ на Ріальто, гдѣ для него построенъ былъ особый дворецъ. Итакъ, послѣ нѣкотораго колебанія, Венеція опять становилась подъ византійскій авторитетъ. Но она не отрѣшалась вовсе и отъ франкскаго начала, состоя съ нимъ въ необходимой связи черезъградскаго патріарха, котораго земли лежали частью во владѣніяхъ Каролинговъ и пользовались дарованнымъ *ими* правомъ иммунитета (16). Въ этой особенности положенія былъ зародышъ будущаго значенія Венеціи. Непринадлежа исключительно ни Византіи, ни Имперіи Карла-Великаго, Венеція оставалась главнымъ посредствующимъ звеномъ между Востокомъ и Западомъ. Положеніе Неаполя, Амальфи, Гаэты было нѣсколько-сходно, но далеко не такъ выгодно. Сравнительно съ Венеціею, эти города находились въ большой зависимости отъ метрополіи, и однако не были такъ обращены къ ней лицомъ и смотрѣли болѣе въ противоположную сторону. Наконецъ отъ остальной Италіи они были заслонены цѣлымъ слоемъ лангобардскихъ владѣній, которыя еще уцѣлѣли въ южной части полуострова. Назначеніе Неаполя и Амальфи было болѣе-мѣстное, и притомъ соединенное съ большими неудобствами по отношенію къ будущимъ завоевателямъ, которые, немного позже, появляются въ Сициліи и вслѣдъ за тѣмъ въ южной Италіи.

Теперь яснѣе обозначаются собственные предѣлы, въ которыхъ должно было заключаться непосредственное вліяніе франкскихъ учрежденій на Апеннинскомъ Полуостровѣ. Это—вся остальная Италія, начиная отъ самыхъ Альповъ на сѣверѣ, между Тирренскимъ и Адріатическимъ Морями, вплоть до беневентскихъ владѣній на югѣ, то-есть всѣ лангобардскія земли въ сѣверной и средней Италіи, бывшій равеннскій экзархатъ съ Пентаполисомъ и собственно Римская Область или дукатъ. Но и здѣсь нельзя обойдти одного важнаго различенія: не всѣ поименованныя земли одинаково относились къ франкскому началу, подъ которое

(16) См. Leo, ibid.

были поставлены послѣ паденія стараго Лангобардскаго Государства. Однѣ изъ нихъ были завоеваны оружіемъ и составляли собственно такъ-называемое «Итальянское Королевство», ввѣренное Карломъ Пепину еще до возстановленія имперіи и потомъ снова торжественно утвержденное за нимъ на большомъ сеймѣ 806 года (17). Въ оффиціальныхъ бумагахъ весьма-прилично начинали называть главную сплошную массу этихъ земель «Лангобардіей» (Langobardia) (18), что̀ даетъ намъ право означать ихъ именемъ Ломбардіи. Прочія изъ названныхъ прежде земель не были заняты съ оружіемъ въ рукахъ, не принадлежали ни по какому праву къ новому Итальянскому Королевству, но необходимо входили въ общій составъ большой монархіи Карла-Великаго, какъ «римскаго» императора. Ясно, что подъ ними надобно разумѣть територію «св. Петра», какъ называется она въ современныхъ памятникахъ (termini S. Petri). Но какъ далеко она простиралась за предѣлы собственнаго римскаго дуката? Ужь Муратори замѣтилъ, что причислять сюда Модену, Реджіо, Парму и Піаченцу можно было бы лишь повѣривъ на-слово незрѣлой учености XVI вѣка. Гораздо-основательнѣе будетъ считать между владѣніями св. Петра — бывшій экзархатъ и принадлежавшій къ нему Пентаполисъ, которыя съ этого времени, въ отличіе отъ Ломбардіи, болѣе начинаютъ быть извѣстны подъ новымъ общимъ названіемъ «Романдіолы» (Romandiola), или Романьолы, откуда позднѣйшая Романья. Пожалованныя церкви св. Петра еще Пепиномъ-старшимъ, эти земли никогда не были формально взяты назадъ и его сыномъ. Правда, что Пепинъ-Младшій, сдѣлавшись королемъ Италіи, въ нѣкоторыхъ случаяхъ хотѣлъ съ такою же рѣшительностью проводить свою волю въ Романіи, какъ и въ Сполетскомъ Герцогствѣ, которое несомнѣнно подчинялось ему, какъ королю Ломбардіи (19); но, по буквальному смыслу постановленій, та же самая воля должна была исполняться и въ Беневентѣ, который между-тѣмъ продолжалъ еще отстаивать свою самостоятельность. Нѣсколько-позже, усердные миссы Карла думали соблюсти интересы и имперіи и угодить ему, собравъ въ императорскую казну доходы въ равеннской области; но римскій епископъ тотчасъ же вошелъ съ жалобою къ императору

(17) См. Murat. Ann. ad an. 806. Власть Пепина простиралась также на Баварію, частью даже на Истрію, Далмацію и Славонію.

(18) Ibid. ad an. 803.

(19) См. напр. постановленіе — de fugacibus, qui in partibus Beneventi, et Spoleti, seu *Romaniae,* vel *Pentapoli* confugium faciunt, ut reddantur. Mur. Ann. ad an. 803.

на такую вопіющую несправедливость и получилъ требуемое имъ удовлетвореніе (20). Жалобы на подобныя злоупотребленія повторялись и послѣ (Левъ III неменѣе своего предшественника боялся ущерба достоянія св. Петра), и мы не имѣемъ никакой причины сомнѣваться, что жалобы эти всякій разъ рѣшались попрежнему въ пользу римскаго престола. На этомъ основаніи, называя территорію или земли св. Петра, мы будемъ разумѣть подъ ними не только римскій дукатъ, но и всю Романію, то-есть бывшій равеннскій экзархатъ и соединенный съ нимъ Пентаполисъ.

Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что земли, оставленныя Карломъ-Великимъ за римскою церковью, менѣе лангобардскихъ подвергались франкскому вліянію. Хотя онѣ и не ушли совершенно отъ зависимости, но подчинялись завоевателю не иначе, какъ чрезъ посредство римскаго епископа, который не только не былъ низложенъ завоевателемъ, но еще состоялъ подъ его особеннымъ покровительствомъ. Подвластный западному императору, римскій епископъ, впрочемъ, удерживалъ за собою внутреннее управленіе всею обширною патримоніею. Конечно, отношенія были тѣснѣе, зависимость чувствительнѣе, чѣмъ въ Беневентѣ. То самъ императоръ являлся въ Римѣ, то епископъ долженъ былъ отправляться къ нему на поклонъ и для объясненій въ заальпійскія его владѣнія, то чрезвычайные уполномоченные Карла, его вѣрное «око», извѣстные подъ именемъ миссовъ (missi dominici), объѣзжали римскую область, принимали жалобы, творили судъ и расправу надъ подданными епископа (21). Учрежденіе миссовъ было универсальное, равно простиравшееся на всѣ части обширной имперіи Карла Великаго; ими выражалось и приводилось въ дѣйствіе право высшаго суда, которое онъ удерживалъ за собою даже въ самыхъ отдаленныхъ провинціяхъ; и появляясь въ территоріи св. Петра, они не приносили съ собою ни иного полномочія, ни иного значенія. Нисколько не возставая противъ ихъ судебной власти, римскій епископъ приносилъ на нихъ жалобы лишь въ такомъ случаѣ, когда они присвоивали себѣ право низлагать поставленныхъ *имъ* судей и правителей и замѣщать ихъ своими. Это послѣднее право онъ считалъ неотъемлемою собственностью своей власти, и всякое нарушеніе его — вопіющимъ злоупотребленіемъ. Встрѣчая подобныя жалобы въ посланіяхъ

---

(20) Ibid. ad an. 808.

(21) Missi vestri (пишетъ Левъ III къ Карлу) qui *venerunt ad justitiam faciendam,* detulerant secum homines plures et per singulas civitates constituerunt. Ibid.

Льва III къ самому императору, имѣемъ причину заключить, что Карлъ соглашался съ нимъ въ основаніяхъ, и что злоупотребленія происходили помимо его воли. По этому же случаю замѣчаемъ, что со времени водворенія Каролинговъ въ Италіи, во внутреннемъ управленіи римской области произошелъ значительный переворотъ въ пользу власти римскаго епископа. Дуки, мѣстные правители вообще, поставлялись въ городахъ не силою общественнаго избранія, или самовольно, какъ это было со времени отложенія отъ Восточной Имперіи, но по волѣ епископа, по-крайней-мѣрѣ съ его согласія и утвержденія (22). Безъ-сомнѣнія, этимъ расширеніемъ своей власти, римскій епископскій престолъ обязанъ былъ всего болѣе той благосклонности и тому покровительству, которыми онъ пользовался со стороны новыхъ завоевателей Италіи. Что подчиненность не была только формальная, яснымъ доказательствомъ служитъ тотъ ежегодный сборъ, который они обязаны были доставлять римскому епископу каждый изъ своего вѣдомства. Этимъ важнымъ пріобрѣтеніемъ нѣсколько выкупалась для преемниковъ Григорія та потеря ихъ независимости, которую они незамѣтно потерпѣли, вступивъ въ союзъ съ сильными Каролингами и открывъ имъ дорогу въ самое сердце Италіи.

Впрочемъ, напрасно бы мы искали полной опредѣленности тѣхъ отношеній, которыя со времени покоренія Ломбардіи Карломъ-Великимъ, существовали между нимъ и преданными ему римскими епископами. По всей вѣроятности, многое было выговорено и установлено въ договорахъ, состоявшихся между ними въ разное время, о которыхъ едва дошли до насъ лишь нѣкоторыя указанія (23); но отношенія тѣмъ неменѣе оставались личныя, то-есть поддерживались гораздо-болѣе взаимною довѣренностью и

---

(22) Ibid. Quia omnia, secundum quod solebat dux, *qui erat a nobis constitutus* per (?) distractionem caussarum tollere et nobis more solito *annue tribuere,* ipsi eorum homines peregerunt, etc. Также Cod. Car., № 54: Etenim ipse noster praedcessor cunctas actiones ejusdem exarchatus ad peragendum distribueret et omnes actores ab hac Romana urbe praecepta earundem actionum accipiebant. Cp. Hegel, Gesch. der Städteverfas., I, 242.

(23) Какъ, напримѣръ, въ томъ же посланіи читаемъ о нѣкоторыхъ выговоренныхъ правахъ относительно равенской области: Quia omnia, quidquid per vestrum pium ac legale judicium, de caussa videlicet palatii Ravennatis recollectamus, unde et jussistis, ut nullus quilibet homo in posterum conquassare, aut in judicio promovere praesumeret, quam de vulgoria, tam etiam de mansis, quos per vestrum dispositum Herminus fidelis vester nobis reconsignavit.

личною пріязнью съ обѣихъ сторонъ, нежели существовавшими договорами. Говоря вообще, перемѣна политическаго сосѣдства не осталась на первое время безъ многихъ важныхъ выгодъ для римскаго престола. Прежній несчастный антагонизмъ, такъ долго сосредоточивавшій на себѣ все вниманіе римскаго епископа и всѣ усилія его, кончился. Какъ при Адріанѣ I, такъ и при Львѣ III, начавшееся подчиненіе не было особенно-чувствительно, потому-что многое смягчалось добрыми и непосредственными отношеніями подчиненныхъ съ верховнымъ главою имперіи. Всякое вновь возникавшее недоразумѣніе тотчасъ разрѣшалось, благодаря доступности Карла, преимущественно же той постоянной благосклонности, съ какою принимались имъ всѣ жалобы, исходившія отъ римскаго престола. Но потому самому, что эти отношенія были личныя, нельзя было надѣяться на ихъ прочность и продолжительность. Едва только прекратился одинъ антагонизмъ, такъ долго-существовавшій между римскими епископами и лангобардскимъ политическимъ началомъ, какъ готовился уже новый, скрытый и на первое время почти вовсе-незамѣтный. Какъ бы римскій престолъ ни былъ обязанъ Каролингамъ, онъ имѣлъ, впрочемъ, свои предшествовавшія данныя (антецеденціи), отъ которыхъ не могъ совершенно отступиться въ пользу своихъ благодѣтелей. Все его предшествовавшее стремленіе, развившееся въ противоположность завоевательной политикѣ лангобардскихъ королей, направлено было къ полной независимости. Избавляя Римъ и его епископовъ отъ страха лангобардскаго, удовлетворяло ли франкское завоеваніе и этому столько-постоянному ихъ стремленію? Если и удовлетворяло, то вовсе не въ такой мѣрѣ, чтобъ не оставляло мѣста никакимъ новымъ требованіямъ. Самыя эти дружественныя отношенія привели съ собою патронатъ, вмѣстѣ съ нимъ и новую политическую зависимость: она была, безъ всякаго сомнѣнія, хотя вначалѣ и не имѣла въ себѣ ничего жосткаго и рѣзкаго. Удерживая за собою внутреннее управленіе, римскій епископъ въ самыхъ распоряженіяхъ своихъ безпрестанно долженъ былъ сталкиваться съ волею и высшимъ авторитетомъ римскаго императора, который, если не находился въ Италіи лично, то былъ представленъ въ ней своими миссами. Пока живъ былъ Карлъ, нечего было опасаться за перемѣну въ отношеніяхъ. Но когда бы не стало болѣе ни той необычайной силы воли, ни того рѣдкаго душевнаго величія, о которыхъ мысль такъ нераздѣльно сливается съ представленіемъ о Карлѣ-Великомъ, передъ кѣмъ бы еще римскіе епископы стали смирять свою урожденную гордость? или — изъ подобострастія къ кому продолжали бы они играть роль друзей чужаго владычества въ Италіи и принимать, какъ снисхожденіе, всякую

уступку, сдѣланную ихъ собственному властолюбію? Кто бы ни были, какія бы имена ни носили преемники Карла, они не могли быть въ ростъ и уровень своего великаго предшественника. Подобнаго величія природа не повторяетъ въ нѣсколькихъ поколѣніяхъ кряду. Итакъ, дружественныя связи римскаго престола съ побѣдителями Лангобардовъ, вовсе не исключали возможности новаго антагонизма, котораго постепенное раскрытіе принадлежитъ уже послѣдующей исторіи. Пока замѣтимъ только, что вновь возникавшая противоположность не могла имѣть того національнаго характера, какой носила на себѣ прежняя вражда съ Лангобардами. Вопросъ поставлялся теперь не между Римлянами и Франками, но между римскими епископами и ихъ высокими покровителями. Разрѣшеніе его также должно было носить на себѣ свой особенный характеръ.

На самихъ Римлянъ, или жителей римской области и равеннскаго округа съ Пентаполисомъ, вліяніе новаго завоеванія не было непосредственное, и потому не могло скоро отразиться на самомъ ихъ внутреннемъ бытѣ. Отъ короля Франковъ всѣ эти земли зависѣли лишь чрезъ посредство римскаго епископа, его намѣстника. Прямаго соприкосновенія на первое время почти не было между двумя народами, изъ которыхъ каждый удерживалъ своихъ мѣстныхъ правителей (хотя и въ зависимости отъ одного высшаго авторитета) и не имѣлъ пограничныхъ владѣній съ другимъ: лангобардскія земли попрежнему продолжали наполнять раздѣлявшій ихъ промежутокъ. Единственный узелъ, связывавшій Римлянъ непосредственно съ главою имперіи, составляло извѣстное уже учрежденіе чрезвычайныхъ королевскихъ уполномоченныхъ, или миссовъ, которыхъ права и власть одинаково простирались на римскія земли, какъ и на лангобардскія. Но и въ этомъ случаѣ вліяніе могло быть только личное, отнюдь не общее юридическое, которое продолжалось бы въ томъ или другомъ мѣстѣ и послѣ удаленія уполномоченныхъ; ибо королевскіе миссы, производившіе судъ въ римскихъ земляхъ, не могли издавать никакихъ общихъ постановленій и въ самомъ судѣ должны были сообразоваться съ существующими мѣстными обычаями. Притомъ они появлялись и снова исчезали; постоянный же судъ и расправа въ городахъ и мѣстечкахъ опять принадлежали мѣстнымъ правителямъ, дукамъ, изъ которыхъ иные продолжали также удерживать за собою столько употребительное въ Италіи титло *консуловъ* (dux et consul). Замѣчательно, что до короля Лотара, или до уложенія 824 года, въ римскихъ земляхъ нѣтъ и помина о Франкскомъ правѣ (24). Это не значитъ, конечно, чтобъ Карлъ

(24) См. Hegel, Gesch. der Städteverf., I, 326.

Великій встрѣтилъ какія-нибудь затрудненія, которыя помѣшали ему ввести это право въ употребленіе между Римлянами. Дѣло объясняется гораздо-проще: Франки были въ римской территоріи гости, непостоянные жители, и потому законодатель не счелъ за нужное вводить сюда франкское право, которое не имѣло бы здѣсь никакого приложенія, хотя также не дѣлалъ относительно его и никакого формальнаго воспрещенія. Эти побужденія держались въ силѣ нѣсколько лѣтъ даже послѣ его смерти, и только при королѣ Лотарѣ, какъ сказано, должны были уступить мѣсто другимъ.

Итакъ Римляне пока оставались при своемъ прежнемъ правѣ. Но передъ тѣмъ, какъ проникнуть къ нимъ чужому праву и оказать на нихъ неизбѣжное вліяніе, у мѣста будетъ поставить вопросъ: точно ли ихъ прежніе юридическіе обычаи сохранились во всей чистотѣ; точно ли они были римскіе въ строгомъ смыслѣ слова? Вопросъ столько же любопытный, сколько и трудный. Много было попытокъ его рѣшенія, ни одной изъ нихъ нельзя назвать вполнѣ-исчерпывающею предметъ, но много свѣта пролито на него превосходными разъисканіями новѣйшаго историка городовыхъ учрежденій въ Италіи. Мы можемъ привести здѣсь лишь самые важные результаты его изслѣдованій. Продолженіе въ извѣстномъ объемѣ римскаго права, еще болѣе римской юридической традиціи, не мѣшало совершенному паденію старыхъ римскихъ учрежденій даже въ тѣхъ земляхъ, которыя остались за предѣлами лангобардскаго завоеванія. Вихрь политическихъ переворотовъ, безпрестанно слѣдовавшихъ одинъ за другимъ, или разнесъ ихъ по частямъ, или до такой степени измѣнилъ ихъ составъ и самую форму, что старое названіе вездѣ почти получило новый смыслъ и перестало быть вѣрнымъ признакомъ вещи. Между-тѣмъ, среди самаго хаоса, не перестали дѣйствовать зиждительные инстинкты общества, и ихъ-то силою, подъ напоромъ быстро-смѣнявшихся событій, изъ обломковъ стараго и примѣси новыхъ элементовъ, незамѣтно для простаго глаза создались вновь учрежденія, которымъ назначено было занять мѣсто упразднившихся. Старые судебные обычаи и судебный порядокъ также не могли выдержать всѣхъ потрясеній, которымъ подвергалась страна то съ того, то съ другаго края впродолженіе нѣсколькихъ поколѣній кряду: вмѣстѣ съ другими учрежденіями и они видоизмѣнились и какъ-бы переродились подъ вліяніемъ разныхъ дѣйствующихъ причинъ. Нѣкоторое время они не поддаются никакому точному опредѣленію, именно потому, что находятся въ процесѣ образованія и не представляютъ въ себѣ ничего постояннаго. Но въ IX вѣкѣ находимъ ихъ уже болѣе

или менѣе установившимися (25). Этому, кажется, много способствовала та правильность, съ которою, со времени франкскаго завоеванія, происходило назначеніе и смѣна одного другимъ мѣстныхъ правителей, или дуковъ. Вездѣ они удерживаютъ за собою право суда, и вездѣ почти, рядомъ съ ними, выступаетъ еще, подъ именемъ «судей» (judices) особый классъ людей, которыхъ прямое назначеніе—также разбирательство тяжебъ. Ихъ надобно отличать отъ предсѣдателя суда, большею-частью мѣстнаго дука, иногда епископа; они только собираются подъ его предсѣдательствомъ, сами же принадлежатъ къ лучшимъ гражданамъ и занимаютъ другія общественныя должности; ихъ назначеніе—обсудить дѣло и содѣйствовать правильному судебному приговору, впрочемъ, непроизнося его прямо отъ себя. Самые ранніе, исторически-засвидѣтельствованные случаи относятся къ 806 и 812 годамъ. Такъ въ первомъ изъ этихъ годовъ собрался судъ въ Витербо, слѣдовательно въ римской территоріи, состоящей изъ предсѣдателя, дука Романа, и изъ нѣсколькихъ судей или, точнѣе, засѣдателей, которыхъ имена обличаютъ ихъ лангобардское происхожденіе; дукъ приказываетъ, и судьи (judices) начинаютъ обсуживать предложенное дѣло на основаніи закона (26). Въ 812 году подобный же судъ происходилъ въ самомъ Римѣ, подъ предсѣдательствомъ Льва III, и на немъ присутствовали судьи, или засѣдатели духовнаго и свѣтскаго чина, римскаго, лангобардскаго и даже франкскаго происхожденія (27). Съ теченіемъ времени число подобныхъ судебныхъ случаевъ значительно увеличивается, и прежнее общее названіе судей встрѣчается уже съ нѣкоторыми опредѣлительными эпитетами: ясный знакъ, что учрежденіе все больше-и-больше распространяется и входитъ въ обычаи цѣлой страны.

Нужно ли доказывать, что оно могло образоваться не иначе, какъ подъ вліяніемъ германскаго начала? что судьи, лишь изслѣдующіе обстоятельства дѣла и отъискивающіе рѣшеніе, безъ права произносятъ приговоръ прямо отъ себя, были родные братья германскимъ Schöffen, которыхъ назначеніе было то же самое? Но уже приведенные случаи довольно-прямо указываютъ на это

---

(25) Причина, почему ранѣе IX вѣка почти не можетъ быть рѣчи о судебномъ порядкѣ въ Италіи, заключается въ недостаткѣ подлинныхъ документовъ изъ предшествующаго времени, которые бы имѣли своимъ содержаніемъ какой-нибудь судебный процесъ (Hegel, I, 322).

(26) Tunc ipse dux praecepit ad omnes judices hanc causam judicare per legem. — Обнародованіемъ этихъ документовъ исторія обязана Тройѣ, въ его сочиненіи Della cond. de' Romani. См. Hegel, I, 326.

(27) Ibid.

ихъ происхожденіе. Чтобъ объяснить его съ большею точностью, нѣтъ нужды прибѣгать даже къ извѣстному франкскому учрежденію скабиновъ (scabini). Оно дѣйствительно было введено Франками въ Италіи, но лишь въ предѣлахъ завоеваннаго ими королевства, и вліяніе его едва ли такъ скоро могло распространиться на прочія земли; да и не легко было бы приняться ему тамъ, гдѣ не было для него напередъ подготовленной почвы. Но подготовка, очевидно, была: она вела свое начало еще отъ старыхъ лангобардскихъ временъ и наиболѣе чувствовалась въ пограничныхъ мѣстахъ. Поселившіеся здѣсь Лангобарды рано принесли съ собою свои національные обычаи и вмѣстѣ съ ними потребность своихъ учрежденій. Отсюда потомъ ихъ вліяніе могло простираться до самаго Рима, гдѣ, какъ извѣстно, также не было недостатка въ лангобардскихъ поселенцахъ. Положимъ, что на первое время оно произвело только смѣшанные суды для спорныхъ дѣлъ между Римлянами и Лангобардами; но данные образцы не переставали и потомъ дѣйствовать, и мы находимъ впослѣдствіи «римскихъ судей» (judices Romani) даже въ чисто-римскихъ судахъ (28). Нѣтъ ничего удивительнаго, что, со времени введенія франкскихъ скабиновъ, и это учрежденіе, въ свою очередь, не мало способствовало распространенію того же юридическаго элемента въ Римской Италіи. Какъ бы то, впрочемъ, ни было, для историка очень-важно замѣтить, что Римляне въ устройствѣ своихъ судебныхъ учрежденій наклонялись къ одному уровню съ своими ближайшими сосѣдями. Еще одною раздѣляющею чертою между ними было менѣе, еще больше сближенія должно было произойдти и въ самыхъ правахъ того и другаго народа.

Земли бывшаго Лангобардскаго Королевства были связаны гораздо-тѣснѣйшими отношеніями съ завоевателями, чѣмъ римская область. Они принадлежали дому Каролинговъ по праву завоеванія и управлялись ими непосредственно. Великая была разница между высокою властью императора, болѣе покровительственною, нежели правящею, и властью короля, который жилъ на мѣстѣ и удерживалъ за собою главное управленіе. Лангобардское Королевство, за исключеніемъ Бенвента, состояло на послѣднихъ условіяхъ. Признавая наравнѣ съ другими землями высшій авторитетъ западнаго императора, оно, впрочемъ, имѣло своего особаго короля въ лицѣ сына его, Пеппина. Со времени своего назначенія, онъ большею частью жилъ въ самой Италіи, занятый то военными предпріятіями, то мирными распоряженіями. Любимымъ мѣстопребываніемъ его была Верона, которая обяза-

(28) Ibid., p. 320.

на была ему многими своими украшеніями (29). Въ Павіи же оставался, въ качествѣ императорскаго намѣстника, пфальцграфъ (Comes Palatii), къ которому поступали на высшее рѣшеніе аппелляціи на приговоры графскихъ судовъ со всѣхъ областей королевства (30). Смерть Пепина, послѣдовавшая въ 810 году, не произвела никакой особенно-ощутительной перемѣны въ политическомъ быту новаго Итальянскаго Королевства. По волѣ императора, сынъ Пепина, по имени Бернгардъ, былъ назначенъ преемникомъ его власти. Лишь по малолѣтству новаго короля, за него управляли первые годы опытные совѣтники, Адалардъ, аббатъ корвейскій, и братъ его Валла, также изъ рода Каролинговъ. Но они не могли долго держаться, заподозрѣнные въ невѣрности со стороны Лудовика, который еще при жизни отца былъ вѣнчанъ императоромъ, и должны были удалиться—одинъ въ монастырь, а другой въ изгнаніе (31). Бернгардъ пережилъ своего знаменитаго дѣда. Мы, впрочемъ, не касаемся его дальнѣйшей судьбы, потому-что она принадлежитъ къ другому отдѣлу времени.

Каролинги смотрѣли на свою власть въ новомъ Итальянскомъ Королевствѣ, какъ на непрерывное продолженіе власти бывшихъ лангобардскихъ королей (32). Это, однако, не мѣшало имъ внести многія важныя измѣненія какъ въ администраціи, такъ и въ самомъ правѣ. Каролингское владычество всюду приносило съ собою свой обобщавшій характеръ, что̀ придаетъ ему особенно-важное историческое значеніе. Куда ни приходили Франки, какъ завоеватели, вслѣдъ за ними всюду появлялись и ихъ мирныя учрежденія. Самыя значительныя изъ нихъ были введены въ лангобардскихъ земляхъ еще при жизни завоевателя. Видъ совершеннаго нововведенія имѣло учрежденіе миссовъ, распространенное въ той же степени на лангобардскія владѣнія, какъ и на прочія области имперіи. Королевскіе миссы, какъ извѣстно, имѣли своимъ назначеніемъ — на каждомъ мѣстѣ восполнять собою недостатокъ высшаго правосудія, быть прямыми посредниками между народомъ и высшею властью въ цѣлой имперіи, наблюдать за дѣйствіями мѣстныхъ правителей и всюду исправлять злоупотребленія. Графы заступили мѣсто прежнихъ герцоговъ — нововведеніе, въ которомъ какъ-бы осуществлялась старая мысль короля Ліутпран-

---

(29) См. Mur. Ann ad a. 810.

(30) Leo, Gesch. v. St., I, p. 216; ср. Mur. Ann. ad a. 801.

(31) Ibid. ad a. 812 — 814.

(32) Такъ въ Capit. Ticin. ad an. 801 читаемъ: Eaquae ab antecessoribus nostris regibus in edictis legis Langobardicae ab ipsis editae praetermissa sunt, juxta rerum et temporis considerationem addere curavimus.

да, стремившагося уничтожить самостоятельность герцогской власти на всемъ пространствѣ своего государства; той же самой цѣли Карлъ старался достигнуть въ предѣлахъ своей обширной имперіи, и потому вездѣ, за исключеніемъ римской области, поставлялъ отъ себя графовъ, которые прямо отъ него вели свое полномочіе. Впрочемъ, довольно-произвольно мнѣніе тѣхъ, которые полагаютъ, что съ этою перемѣною необходимо соединено было всеобщее раздробленіе прежнихъ герцогствъ на небольшіе участки, такъ-что власть бывшаго лангобардскаго герцога дѣлилась теперь между нѣсколькими франкскими графами (33). Есть, напротивъ, основаніе думать, что число послѣднихъ было даже нѣсколько-меньше сравнительно съ ихъ лангобардскими предшественниками, и потому едва-ли можетъ быть рѣчь о повсемѣстномъ раздробленіи (34). Сущность перемѣны состояла не столько въ сокращеніи объема власти, сколько въ бо́льшей ея зависимости. Нѣкоторыя герцогства, какъ, напримѣръ, Сполетское, сохранились даже въ прежнемъ своемъ видѣ и подъ прежнею формою; и въ нѣкоторыхъ другихъ мѣстахъ, какъ-то въ Тусціи, Ивреѣ и Фріаулѣ, новые правители еще продолжали удерживать столько употребительное названіе герцоговъ (duces) (35). Если гдѣ имѣло мѣсто раздробленіе прежнихъ герцогскихъ территорій, то всего-скорѣе въ собственной Ломбардіи; раздроблять же пограничныя области вообще было не въ политикѣ Карла, который обыкновенно усиливалъ власть своихъ намѣстниковъ на краяхъ имперіи, чтобъ тѣмъ болѣе обезопасить ее отъ внѣшнихъ нападеній. Пограничныя земли Лангобардскаго Королевства въ нѣкоторомъ смыслѣ также становились марками, и впослѣдствіи дѣйствительно находимъ здѣсь маркграфовъ, съ властью, простиравшеюся на цѣлый край или область. Графы имѣли мѣстопребываніе въ городахъ и — каждый въ подвѣдомственной ему области — завѣдывали судомъ, управленіемъ и военными повинностями. Къ исправленію этой важной должности призываемы были не только Франки, но и люди лангобардскаго происхожденія: Карлъ и его сынъ считали Лангобардовъ также своими вѣрными подданными и во-

(33) Эта мысль принадлежитъ Лео и прямо высказана имъ въ его Gesch. v. St., I, 207. Подобная мѣра дѣйствительно была однажды приложена къ Фріаулю въ наказаніе за измѣну тамошняго герцога; но нѣтъ никакого основанія распространять ее на цѣлое Лангобардское Государство.

(34) См. Hegel, II, p. 12. Основаніе, приводимое имъ, находится въ письмѣ Адріана I къ Карлу, откуда видно, что число франкскихъ графовъ въ это время простиралось до 20.

(35) Ibid; ср. Murat. Antiqq. Diss., V — VI.

все не хотѣли лишить ихъ своей довѣренности (36). Отсюда съ вѣроятностью заключаемъ, что второстепенныя лица внутренней администраціи тѣмъ болѣе должны были набираться изъ туземцевъ. Но какъ во всемъ тонъ задавали побѣдители, то и здѣсь, на мѣстѣ прежнихъ гастальдовъ и скульдайсовъ (Sculdahis, Schultheiss), встрѣчаемъ уже большею-частью франкскія названія викаріевъ и центенаріевъ, хотя не были совершенно исключены и первыя (37).

Въ городѣ вмѣстѣ съ графомъ жилъ и епископъ. Вообще предѣлы духовной эпархіи совпадали съ предѣлами свѣтской области, которая состояла подъ управленіемъ графа. Не иное было ихъ относительное положеніе и до завоеванія; но если кому послужила въ пользу перемѣна одного политическаго начала на другое, то, конечно, епископамъ. Въ государствѣ Франковъ епископскій постъ получалъ значеніе, какого онъ далеко не имѣлъ въ прежнемъ Лангобардскомъ Королевствѣ во все время его существованія. Короли Лангобардовъ, даже послѣ обращенія въ католицизмъ, и при самомъ благочестивомъ настроеніи духа, никогда, впрочемъ, не показывали особенной ревности къ возвышенію епископскаго авторитета. При нихъ епископъ былъ только духовнымъ главою своей эпархіи; ему не доставалось, даже по какому-нибудь исключительному предпочтенію, видной роли довѣреннѣйшаго совѣтника короля съ вліяніемъ на государственныя дѣла. Каролинги, напротивъ, въ возвышеніи епископской власти видѣли лучшій противовѣсъ тѣмъ анархическимъ стремленіямъ, которыя почти со всѣхъ сторонъ угрожали еще столько некрѣпкому государственному единству, и охотно дѣлили свое довѣріе между властью епископа и свѣтскимъ лицомъ, нерѣдко даже съ явнымъ ея предпочтеніемъ. Полномочіе, даваемое миссамъ, выражало собою самую высокую степень ихъ довѣренности, а въ каждой посылкѣ миссовъ первое лицо обыкновенно было духовное — епископъ, или даже аббатъ. Ихъ же находимъ и въ качествѣ руководителей молодыхъ принцевъ, которымъ отдавались цѣлыя королевства въ управленіе; наконецъ на нихъ же большею-частью возлагаемы были и самыя важныя дипломатическія порученія. Это высокое довѣріе, которымъ пользовались епископы со стороны Каролинговъ, оставалось за епископами и внѣ всякой чрезвычайной миссіи. Вмѣстѣ съ аббатами, они сравнены были съ самыми пер-

(36) Pippini Legg., § 8 (Rer. St. Scripp., I, II, p. 119): Et si comites Franci distulerint ad justitiam faciendam... et de Langobardis comitibus qui ex ipsis neglectum posuerint ad justitiam faciendam, etc.

(37) См. Hegel, II, 15.

выми чинами имперіи; особымъ постановленіемъ Карла-Великаго композиція, назначенная за голову епископа, возвышена была въ его лангобардскихъ владѣніяхъ втрое противъ обыкновеннаго (38). Графы не подчинялись епископамъ, но, дѣйствуя съ ними въ предѣлахъ одной мѣстности и, что еще болѣе, живя съ ними въ одномъ городѣ, не могли не подлежать контролю съ ихъ стороны. Поставленный во главѣ цѣлаго сословія, епископъ былъ въ то же время и главнымъ его судьею и своимъ вліяніемъ могъ соперничествовать съ мѣстнымъ правителемъ. Это вліяніе еще болѣе возвышалось правами иммунитета, которыя распространены были завоевателемъ и на церковныя имѣнія въ новомъ Итальянскомъ Королевствѣ (39). Иммунитетъ изъималъ изъ круга общей администраціи цѣлые участки земель вмѣстѣ съ ихъ населеніемъ, передавалъ управленіе и частью судъ надъ ними въ распоряженіе епископовъ или аббатовъ и такимъ-образомъ способствовалъ освобожденію тѣхъ и другихъ изъ-подъ свѣтской зависимости (40). Здѣсь начало той политической самостоятельности, которую они пріобрѣли себѣ въ Лангобардіи впослѣдствіи. Адвокаты или фохты были, по обычаю, представителями церковныхъ интерессовъ передъ судомъ свѣтскимъ. Наконецъ франкское завоеваніе подарило епископовъ еще десятиною, которой во все время лангобардскаго владычества не замѣчается и слѣдовъ (41).

Установленіе графовъ необходимо приводило за собою нѣкоторыя другія учрежденія, тѣсно-соединенныя съ нимъ по духу франкскаго законодательства. Назовемъ изъ нихъ, по-крайней-мѣрѣ, самыя значительныя. Къ важнѣйшимъ мѣрамъ, которыя въ разное время приняты были Карломъ-Великимъ для организаціи великаго государственнаго тѣла, сплоченнаго его сильною рукою, принадлежало, безспорно, равномѣрное по всѣмъ частямъ имперіи устройство земскаго ополченія, столько извѣстное подъ именемъ «Herrbanna». Попеченіе о полномъ и вѣрномъ его составѣ въ каждомъ правительственномъ округѣ было обыкновенно одною изъ главныхъ обязанностей графа. Завоеваніе перенесло и это учрежденіе на итальянскую почву. Подтвержденное капиту-

---

(38) Epist. ad Pipp. a. 807: Verumtamen de presbyteris videtur nobis, si liber natus est, per triplam compositionem secundum suam legem fiat compositus, etc. Cp. Hegel, II, 18.

(39) См. Leo, I, 218—219.

(40) Болѣе точное опредѣленіе правъ церковнаго иммунитета даетъ Бетманъ-Голльвегъ, Ursp. d. Staedtefr., p. 91 et seqq.

(41) Hegel, II, 20.

ляріями, оно было выполняемо во всей строгости, и итальянскія дружины, подъ предводительствомъ Пепина, не разъ выходили изъ Италіи для отраженія враговъ Имперіи. Уклоненіе свободнаго человѣка отъ военной повинности влекло за собою большой штрафъ въ 60 солидовъ, тогда-какъ положенная за подобное опущеніе пеня при Ротари не восходила выше 20 солидовъ, а потомъ, вѣроятно, упала еще ниже (42). Обще-германское учрежденіе судопроизводителей, или народныхъ засѣдателей въ судѣ, Schöffen, также видоизмѣнилось, принявъ установленную Карломъ-Великимъ форму постоянныхъ и обязанныхъ «скабиновъ». Правда, что чужое названіе не пришлось по вкусу туземцамъ и мало-по-малу было совершенно почти вытѣснено болѣе-употребительнымъ мѣстнымъ выраженіемъ «judices civitatis». Нѣкоторое время, подъ вліяніемъ знаменитой ипотезы о непрерывномъ существованіи римской куріи, можно было подозрѣвать и подъ этимъ именемъ старое сословіе декуріоновъ; но болѣе-точныя новѣйшія изслѣдованія показали настоящее употребленіе слова и подтвердили существованіе того же франкскаго института, хотя и подъ другою формою (43). Съ-тѣхъ-поръ, какъ въ Лангобардскомъ Государствѣ, наравнѣ съ другими франкскими владѣніями, введено было различіе правъ, учрежденіе такихъ постоянныхъ судопроизводителей стало совершенною необходимостью. Нельзя было правильно обсуживать дѣла, неимѣя основательнаго знанія дѣйствующихъ законовъ; а въ законахъ было большое разнообразіе, потому-что каждый судился по закону своего выбора. Поэтому при каждомъ судѣ требовалось присутствіе, если не настоящихъ законовѣдовъ, которыхъ число, безъ-сомнѣнія, было очень-ограниченно, то, по-крайней-мѣрѣ, способныхъ и честныхъ людей, нарочно для того поставленныхъ, которые бы, часто обращаясь съ правомъ, тѣмъ самымъ пріобрѣтали навыкъ къ дѣламъ и юридическую опытность. Этой потребности удовлетворяло учрежденіе скабиновъ, или постоянныхъ юрисконсультовъ и судопроизводителей изъ свободныхъ людей различнаго происхожденія, которые назначались присутствовать при всѣхъ судахъ — миссовъ, графовъ и даже низшихъ мѣстныхъ начальствъ (44). Закономъ постановленное число скабиновъ было не менѣе семи,

---

(42) Capit. Car. M., 35; ср. Leo, I, p. 216—217.

(43) См. объ этомъ Bethmann-Hollweg, 83—84 и Hegel, II, 39. Въ главныхъ результатахъ оба изслѣдователи вполнѣ согласны между собою.

(44) Bethmann-Hollweg, p. 85: Sie sind Rechtskundige, die der Gerichtsobrigkeit als Gehülfen überall hin folgen, etc.

хотя иногда упоминается и о двѣнадцати (45). Предписаніе не всегда исполнялось въ-точности: случалось послѣ, что, вмѣсто назначенныхъ семи, оказывалось налицо трое и даже двое; но въ такомъ случаѣ призывались къ участію въ судѣ другіе свободные люди, присутствовавшіе при засѣданіи, и ихъ одобреніе или неодобреніе замѣняло приговоръ обязанныхъ судопроизводителей, которые, впрочемъ, въ нѣкоторомъ смыслѣ были ихъ же представителями.

Остановимся здѣсь на минуту, чтобъ взвѣсить хотя на самыхъ общихъ вѣсахъ силу того вліянія, которое Франкскія учрежденія должны были оказать на образованіе внутреннихъ отношеній въ новомъ Итальянскомъ Королевствѣ. Если и нельзя надѣяться вполнѣ опредѣлить его, пока оно еще ново, то было бы также несправедливо и совершенно оставлять его безъ вниманія. Не всегда прямо на нравы народа — постоянныя учрежденія тѣмъ не менѣе рѣшительно дѣйствуютъ на развитіе общественныхъ отношеній, то измѣняя ихъ прежній уровень, то переставляя самыя силы, посредствомъ которыхъ совершаются главныя отправленія общественной жизни. Броженіе, произведенное повидимому лишь на поверхности, проникало глубоко внутрь, и цѣлая лангобардская національность, хотя и пощаженная побѣдителями, не могла, впрочемъ, похвалиться, чтобъ она оставалась вовсе неприкосновенною. При всей легкости перемѣнъ, которымъ подверглись судебныя учрежденія, народная юстиція была уже не та. Много значило одно то обстоятельство, что измѣнился самый центръ ея: въ то время, какъ королевскій пфальцграфъ жилъ въ Павіи, самъ король пребывалъ большею-частью въ Веронѣ. Она необходимо получила болѣе-мѣстный характеръ; въ понятіи Лангобарда идея высшаго правосудія не соединялась уже такъ тѣсно съ представленіемъ о королѣ. Нація не тяготѣла болѣе къ центру, который чувствовала чужимъ себѣ, а вмѣстѣ-съ-тѣмъ мѣстные интересы брали верхъ надъ центральными. И въ каждомъ отдѣльномъ графствѣ, общество, нуждавшееся въ защитѣ и покровительствѣ противъ несправедливости разнаго рода, раздѣлялось между двумя авторитетами съ-тѣхъ-поръ, какъ епископы, огражденные многими привилегіями, вышли изъ той политической зависимости, на которую они осуждены были при прежнихъ лангобардскихъ короляхъ. Такимъ-образомъ и въ лангобардскихъ городахъ положено было начало подобнымъ же отношеніямъ, какія еще въ предшествующемъ періодѣ существовали въ Римѣ,

(45) Cap. min. ad a. 803: Ut nullus ad placitum banniatur — exceptis scabineis septem, qui ad omnia placita praeesse debent.

Равеннѣ и другихъ городахъ Римской Италіи. Учрежденіе скабиновъ, или постоянныхъ засѣдателей при судѣ и притомъ въ опредѣленномъ числѣ, давало судебнымъ учрежденіямъ въ Лангобардскомъ Королевствѣ тотъ *видъ*, какой они имѣли нѣкогда въ городахъ Римской Имперіи, что́ и подало поводъ, какъ мы замѣтили выше, нѣкоторымъ изслѣдователямъ смѣшать judices civitates, или обязанныхъ судопроизводителей каролингскаго періода, съ прежними декуріонами (46). Сословныя отношенія также перерабатывались подъ вліяніемъ новаго начала. Болѣе или менѣе аналогіи представляли они между собою во всѣхъ почти государствахъ, основанныхъ германскими завоевателями на римской почвѣ; но Франкское Государство имѣло ту особенность, что въ немъ начало феодальной зависимости или васаллитета брало рѣшительный перевѣсъ передъ аллодіальнымъ. Вмѣстѣ съ франкскимъ завоеваніемъ ленъ или феодъ становится главнымъ опредѣляющимъ началомъ общественныхъ отношеній и въ новомъ Итальянскомъ Королевствѣ. Въ извѣстномъ смыслѣ самое графство, то-есть публичная должность, которая соединялась съ этимъ титломъ, была не что иное, какъ пожизненный ленъ. Тотъ же самый институтъ проникалъ сюда и подъ видомъ тѣхъ частныхъ владѣній, которыя Карлъ–Великій имѣлъ обычай раздавать своимъ вѣрнымъ вассамъ послѣ каждаго завоеванія, съ цѣлью еще болѣе укрѣпить его за собою (47). По этимъ даннымъ образцамъ мало–по–малу преобразуются и прочія отношенія между сословіями. Все ищетъ стать подъ феодальный сеньйоратъ; названіе вассовъ или бассовъ распространяется даже на прежнихъ Гастальдовъ и Газиндовъ (48). Однородная лангобардская ариманнія расходится, рѣдѣетъ, частью перемѣщаясь въ ново-образующееся сословіе королевскихъ вассовъ, или вассаловъ, частью же сходя гораздо–ниже, въ ряды полусвободныхъ людей, непользующихся полною самостоятельностью и всю жизнь состоящихъ подъ чужимъ покровительствомъ. Особенно чувствовалось дѣйствіе этой разлагающей силы съ того времени, какъ въ лангобардскихъ земляхъ введено было новое устройство земскаго ополченія (такъ–называемый гербаннъ). Классъ свободныхъ людей, на который эта повинность падала непосредственно, терпѣлъ отъ нея всего-болѣе. Уклоненіе отъ повинности влекло за собою тяжелую пеню, а между–тѣмъ и исполненіе ея, по причинѣ частыхъ и отдаленныхъ походовъ, было неменѣе-разорительно. Спасая себя

(46) Savigny, Gesch. d. R. R., I, § 121.
(47) Eichhorn, I, § 167; ср. Hegel, II, 16.
(48) Hegel, ibid; ср. Leo, I, 213.

и свою семью отъ неминуемаго разоренія, свободный и даже достаточный, но недовольно-богатый человѣкъ спѣшилъ укрыться подъ чужимъ патронатомъ, хотя это стоило ему пожертвованія своею гражданскою самостоятельностью (49). Извѣстный обрядъ, по которому свободный человѣкъ «поручалъ» свою свободу чужому покровительству (commendatio), или, что́ то же, мѣнялъ ее на защиту сильнаго, распространенъ былъ особымъ постановленіемъ Пепина и на лангобардскія земли (50). Кто не ждалъ себѣ большой выгоды отъ свѣтскаго сеньйората, тотъ охотно отдавался подъ покровительство церкви. Иммунитеты своими привилегіями способны были привлечь наибо́льшое число желавшихъ церковнаго патроната, хотя и безъ особенной нужды въ немъ. Феодализмъ, какъ свѣтскій, такъ и духовный, набиралъ свою рать — и въ ней незамѣтно распускалось свободное народонаселеніе страны, въ которомъ всего-сильнѣе было чувство лангобардской національности.

Мы уже видѣли, что Каролинги смотрѣли на свою власть въ завоеванной ими Италіи какъ на продолженіе власти прежнихъ лангобардскихъ королей, и издавали свои новыя постановленія въ смыслѣ прибавленій или дополненій къ существующему мѣстному законодательству. Вообще, они оставили прежнее лангобардское право во всей его силѣ, и между-тѣмъ подрывъ, нанесенный имъ національной самостоятельности, ни въ какой сферѣ не былъ такъ ощутителенъ, какъ въ области права. Франки искони были чужды всякой исключительности въ этомъ отношеніи: въ противоположность Лангобардамъ, они рано уже приняли такъ-называемую *систему* правъ личныхъ. Правильнѣе, впрочемъ, было бы говорить объ особомъ юридическомъ *началѣ*, противоположномъ исключительно національному. Такъ галлоримское народонаселеніе Франкскаго Государства, какъ извѣстно, могло жить по свое-

---

(49) Leo, I, 217; ср. Hegel, II, 8. Впрочемъ, и въ мирное время ариманнамъ приходилось иногда очень-плохо отъ притѣсненій мѣстныхъ правителей, какъ это видно изъ слѣдующаго постановленія: Ut liberi homines nullum obseqvium comitibus faciant sive vicariis, *neque in prato, neque in messe, neque in aratura aut vinea,* et conjectum ullum vel residuum non solvant, etc. Cap. Ticin. ad a. 801. (Pertz, III, 85.)

(50) Cap. Pipp. ad a. 789 : Stetit nobis de illos liberos Langobardos, ut licentiam habeant se commendandi ubi voluerint, si seniorem non habuerint, sicut a tempore Langobardorum fecerunt. (Pertz, III, 71.) Изъ словъ Капитуларія видно, что обычай существовалъ у Лангобардовъ и прежде, но ни изъ чего не видно, чтобъ до сего времени онъ былъ у нихъ въ большомъ употребленіи.

му собственному праву, нисколько необязываясь принять вмѣстѣ съ новымъ политическимъ авторитетомъ и самый законъ побѣдителей. Это примирительное начало вмѣстѣ съ другими историческими причинами немало содѣйствовало къ постепенному сліянію двухъ народностей въ одно цѣлое. Оно же, будучи приложено къ итальянскому завоеванію послѣ исключительнаго почти господства лангобардскаго права, должно было произвести здѣсь явленіе обратное. Не въ томъ, конечно, смыслѣ, чтобъ возобновленіе римскаго права въ лангобардскихъ земляхъ необходимо влекло за собою возстановленіе въ нихъ самостоятельной римской общины, иначе, выдѣленія ея изъ установленнаго прежде единства подъ лангобардскимъ началомъ. Подобному мечтательному предположенію нѣтъ болѣе мѣста, какъ-скоро однажды уже совершилось разложеніе общины, о которой идетъ рѣчь. Не повѣрить этому разложенію нельзя, непоставивъ нѣкоторыхъ юридическихъ признаковъ довольно-сомнительнаго свойства выше всѣхъ историческихъ соображеній. Нетрудно было возобновить въ силѣ римское право, сохранившееся частью въ письменныхъ памятникахъ, частью въ самой практикѣ; но оно само-по-себѣ не въ-состояніи было вновь создать цѣлое гражданское общество, равносильное въ самостоятельности прежнему. Опасность состояла не въ томъ. Но довольно уже было бы одного уравненія римскаго права съ лангобардскимъ, чтобъ послѣднее потеряло много своей прежней важности, чтобъ оно перестало быть тѣмъ вяжущимъ цементомъ, которымъ всего-болѣе держались до-сихъ-поръ разнородныя части лангобардской національности. Доселѣ путемъ лангобардскаго права и Римлянинъ становился полноправнымъ членомъ большой народной семьи Лангобардовъ. Въ случаѣ же уравненія обоихъ правъ, ничто болѣе не мѣшало даже и Лангобарду выйдти изъ тѣсной сферы своей національности и начать жить по римскому закону. При такомъ условіи прежнее національное право не могло болѣе служить опредѣленіемъ и мѣрою народности: оно уже становилось нѣкотораго рода отвлеченною формулою, которую каждый могъ предпочесть и не предпочесть другой, ей равнозначительный, сообразуясь съ своими обстоятельствами и личными выгодами.

Франки дѣйствительно остались вѣрны себѣ и на той новой почвѣ, которую они покорили своей власти на полуостровѣ. Мы имѣемъ несомнѣнныя доказательства, что вмѣстѣ съ ними явилось здѣсь и то разнообразіе правъ, которое съ самаго начала допущено было ими въ Галліи. Каждый могъ жить по закону своего выбора, или — что почти одно и то же — оставаться при своемъ природномъ правѣ. Не только сами Франки, но и другіе пришельцы германскаго происхожденія, которые вмѣстѣ съ ни-

ми поселились на лангобардскихъ земляхъ, пользовались этою привилегіею. Само-собою-разумѣется, что римское право, Lex Romana, также не составляло исключенія (51). Лангобарды, естественно оставались при своемъ природномъ правѣ; но объ нихъ, сверхъ-того, имѣемъ довольно-опредѣленныя указанія, что они могли по своему произволу объявлять и другой законъ (52). Однимъ словомъ, всякое стѣсненіе въ этомъ отношеніи было совершенно устранено въ новомъ Итальянскомъ Королевствѣ. Все, чего требовало правительство Пепина отъ своихъ итальянскихъ подданныхъ, состояло лишь въ томъ, чтобъ каждый изъ нихъ объявилъ положительно, по какому именно онъ хочетъ жить праву; воля самого короля обезпечивала каждому ненарушимое сохраненіе объявленнаго имъ права во всѣхъ случаяхъ его жизни, подлежащихъ обсужденію на основаніи законовъ (53). Всѣ эти постановленія отнюдь не были преднамѣренныя, а между-тѣмъ едва-ли можно было придумать что-нибудь болѣе-искусное для того, чтобъ сдѣлать туземцевъ равнодушнѣе къ лангобардскому праву и отнять у него прежнее достоинство и значеніе въ глазахъ той самой націи, которая вмѣстѣ съ нимъ выросла и такъ много обязана была ему своею крѣпостью и самостоятельностью.

Образованіе цѣлой народности, какъ образованіе отдѣльной человѣческой личности, есть бо̀льшею частью тайна органической природы, мало-доступная положительному знанію. Исторія можетъ только приближаться къ ней, но не въ-состояніи прослѣдить весь процесъ ея съ полною отчетливостью. Итальянская народность, по множеству вошедшихъ въ нее элементовъ, представляетъ въ этомъ отношеніи, можетъ-быть, гораздо-больше труд-

---

(51) Capit. Lang. ad an. 783. De diuersarum generationum hominibus qui in Italia commanent, volumus ut — secundum ipsius legem, cui negligentiam commisit, emendat. De vero statu ingenuitatis aut aliis querellis, unusquisque secundum suam legem se ipsum defendat. (Pertz, III, 46.) — Cap. Ticin. a. 801 : ...Cum Italiam propter utilitatem s. D. ecclesiae ac provinciarum disponendarum venissemus,— plenaque statim recitata ex Romana seu Langobardica lege competenti sententia terminatasunt, etc. — Si vero Langobardus aut Romanus fuerit, ea lege servos suos vel acquirat vel amittat, sicut inter eos antiquitus est constituta. (Ibid., p. 83—84.) Cp. Hegel, II, 3.

(52) Cap. Lang. a. 808 : Et quale legem unusquisque Langobardus sibi habere vult, talem debet curtem nostram conservare. (Pertz, 14, 154.)

(53) Cap. Lang. a. 786 : ... Et quia omnino voluntas d. regis est, ut unusquisque homo suam legem pleniter habeat conservatam... Et per singulos inquirant, quale habeant legem ex nomine, etc. (Pertz, III, 15).

ностей, чѣмъ многія другія, слагавшіяся и развивавшіяся съ нею одновременно. Мы не въ-состояніи особенно дать опредѣленнаго отчета въ томъ, какимъ образомъ столько разнородныя національности, какъ римская и лангобардская, сначала такъ рѣзко и даже исключительно поставленныя одна противъ другой, мало-по-малу стали въ отношеніе двухъ взаимнодѣйствующихъ силъ для произведенія одной новой народности, противъ многихъ другихъ, образовавшихся въ то же время за предѣлами полуострова. Но тѣмъ дороже становится каждая черта, которая можетъ быть подмѣчена анализмомъ или даже простымъ наблюденіемъ въ этой довольно-загадочной исторіи взаимнаго наклоненія обоихъ народныхъ элементовъ и послѣдовавшаго затѣмъ ихъ сліянія между собою. Первая наклонность къ сближенію, какъ естественный плодъ тѣснаго сосѣдства двухъ народовъ, живущихъ подъ однимъ небомъ, обнаружилась еще задолго до Франкскаго завоеванія. Такъ въ самомъ Римѣ можно указать существованіе и дѣятельность лангобардской партіи, которая приняла въ себя и многіе римскіе интересы; такъ, съ другой стороны, въ самомъ лангобардскомъ правѣ нельзя не замѣтить со времени Ліутпранда и бо̀льшаго вниманія и даже нѣкоторыхъ уступокъ въ пользу доселѣ исключеннаго римскаго права. Уровень франкскаго завоеванія, котораго дѣйствіе въ извѣстной степени простиралось и на римскую территорію, какъ средній терминъ, проводилъ начинавшееся сближеніе еще далѣе. Подъ нимъ одинаково сглаживалось многое оригинальное, что̀ уцѣлѣло отъ прежнихъ національныхъ учрежденій какъ между Римлянами такъ и Лангобардами. Подъ непосредственнымъ вліяніемъ новаго начала стиралась печать особенности, лежавшая до сего времени на нѣкоторыхъ исключительно-національныхъ учрежденіяхъ. Не остались неприкосновенными и сословія, то-есть главныя составныя части каждой народности: и они разлагались и слагались вновь подъ тяготѣніемъ новаго порядка вещей. Наконецъ уравненіе простиралось и на право—безспорно, самое сильное выраженіе національной исключительности послѣ различія по вѣрѣ — тѣмъ самымъ, что римское и другія народныя права возвышались до одинаковаго политическаго значенія съ лангобардскимъ; послѣднее теряло свою исключительную привилегію, смѣшивалось съ другими. Лангобардъ нетолько долженъ былъ терпѣть подлѣ себя равноправнаго Римлянина, но при нѣкоторыхъ обстоятельствахъ и самъ могъ сдѣлаться Римляниномъ, по-крайней-мѣрѣ по праву. Вообще, рѣзкая раздѣлительная черта между двумя народами была перейдена и сближеніе ихъ между собою впредь могло дѣлать безостановочные успѣхи.

Говоря о Римлянахъ, нельзя не вспомнить еще разъ извѣстной

ипотезы, допускающей непрерывное существованіе въ Лангобардскомъ Государствѣ, не только отдѣльной римской общины, но и ея самостоятельнаго устройства — съ куріей и декуріонами. Разумѣется, что ипотеза въ той же силѣ прилагается къ каролингскому періоду, какъ и ко всему предшествующему времени. Но допустивъ даже, что римская община въ такомъ видѣ дѣйствительно сохранилась до самого франкскаго завоеванія, какъ думать, что она, подобно незыблемому утесу, неизмѣнно устояла и при этомъ всеобщемъ разложеніи и перемѣщеніи сословныхъ элементовъ? Какъ объяснить это непонятное окаменѣніе, продолжающееся нѣсколько вѣковъ и выдерживающее всякій напоръ, среди безпрестаннаго движенія, среди водоворота событій, въ которомъ измѣняются и превращаются всѣ прочія учрежденія? Жизненною ли силою установленія, или самою его особенностью, замкнутостью, которая дѣлала его недоступнымъ никакому постороннему вліянію? Но жизненная сила исчезла изъ него прежде, чѣмъ римское общество постигнуто было какимъ-нибудь завоеваніемъ; но замкнутость не могла удержаться долго, когда оба народонаселенія, и римское и лангобардское, сходились между собою въ однихъ и тѣхъ же центрахъ, когда между ними происходили всякаго рода житейскія сношенія и сдѣлки, даже брачные союзы. Ипотеза, хотя и достойная уваженія, очевидно, составилась внѣ соображенія другихъ, параллельныхъ явленій и ихъ послѣдовательнаго историческаго развитія, которому римская община, даже и отдѣльно существовавшая, не могла остаться совершенно-чуждою. Такой неподвижности, на основаніи которой предполагается неизмѣнное существованіе куріи, не знаетъ исторія во всей относящейся сюда современности.

Попробуемъ навести еще нѣкоторыя справки съ законодательствомъ Карла-Великаго и сына его Пипина, сколько оно относится къ Лангобардскому Государству. Законодательство входитъ во многія подробности общественной жизни, знаетъ всѣ существующія отношенія. Въ капитуляріяхъ исчислены всѣ сословія; поименованы всѣ общественныя власти, представлены всѣ формы суда; но нигдѣ не упомянуто ни о куріи, ни о декуріонахъ, и нѣтъ никакого указанія на то, чтобъ существовало подобное учрежденіе (54). Странно и думать, чтобъ каролингское законо-

(54) Капитуляріи знаютъ только «*Curtes Regias*» — такъ назывались въ королевскихъ доменахъ центральные пункты ихъ внутренняго управленія, гдѣ королевскіе чиновники (actores regii) производили расправу надъ всѣми людьми полусвободнаго и рабскаго состоянія, приписанными къ такимъ владѣніямъ, и собирали композиціи. См. Capit. Lang. ad a. 808 (Pertz, III, 153).

дательство, столько всеобъемлющее и столько внимательное ко всѣмъ особенностямъ и уклоненіямъ отъ общагю порядка, могло запамятовать, совершенно опустить изъ виду такое важное обстоятельство, какъ особое устройство римскаго общества. Но оно какъ-будто и не подозрѣваетъ о существованіи чего-нибудь подобнаго: ему извѣстно только, между другими народными правами, и право римское, и законодательство Каролинговъ дѣйствительно, допускаетъ, чтобъ нѣкоторыя гражданскія дѣйствія совершались по римскому юридическому порядку. Вообще въ лангобардскихъ капитуляріяхъ упоминается о Римлянахъ очень-рѣдко. Лишь въ двухъ мѣстахъ полагается ясное различеніе между ними и Лангобардами. Одно изъ нихъ читаемъ въ капитуляріи 801 года, гдѣ рѣчь идетъ о пріобрѣтеніи и утратѣ рабовъ: при этомъ случаѣ законодатель дѣлаетъ различіе между Римляниномъ и Лангобардомъ и отсылаетъ ихъ обоихъ, относительно упомянутаго предмета, къ прежде-существовавшимъ у нихъ постановленіямъ — не болѣе (55). Гораздо-значительнѣе другое мѣсто, гдѣ различеніе проведено съ бо́льшею очевидностью и обстоятельностью (56). Законъ прямо касается тѣхъ смѣшанныхъ процесовъ, когда тяжба происходитъ между Лангобардомъ, съ одной стороны, и Римляниномъ, съ другой. Нѣкоторыя выраженія показываютъ, что законодатель имѣлъ въ виду преимущественно тяжебныя дѣла по наслѣдству. Если ужь разъ допущено юридическое начало личнаго права, то въ про-

---

(55) Pertz, III, p. 84: Si vero Langobardus aut Romanus fuerit, ea lege servos suos vel adquirat vel amittat, sicut inter eos antiquitus est constituta. Впрочемъ, если взять въ соображеніе предшествующій пунктъ, гдѣ поставляются рядомъ Франкъ и Лангобардъ, то могло бы казаться, что законодатель, соединяя въ одной группѣ Римлянина и Лангобарда, скорѣе имѣлъ въ виду отличить ихъ отъ прочихъ націй, чѣмъ различить между собою.

(56) Оно находится, кромѣ Перца, III, 192, также у Муратори, Scripp., T. I, P. 2, p. 124. Мы предпочитаемъ текстъ послѣдняго, какъ болѣе-доступный объясненію: Sicut consuetudo nostra est, ut Langobardus, aut Romanus, si evenerit, quod causam inter se habeant, observamus, ut *Romani successores*, juxta illorum legem habeant. Similiter et omnes scriptiones secundum legem suam faciant. Et quando jurat, juxta legem suam jurant, etc. Текстъ, приводимый Перцомъ, заключаетъ въ себѣ слѣдующій варіантъ: observamus, ut *Romanus populus* successionem eorum, etc. Впрочемъ, сущность дѣла отъ того не измѣняется. Очевидно, что выраженіе «R. populus» введено варіантомъ лишь для бо́льшаго оттѣненія той національности, о которой идетъ дѣло. Замѣчательно также, что капитуляріи не имѣетъ опредѣленной даты и — по мнѣнію Блюме, ученаго изслѣдователя лангоб. законовъ — долженъ быть отнесенъ къ *апокрифическимъ*. См. Pertz, ibid.

цесахъ этого рода всего-естественнѣе ожидать его приложенія. И въ-самомъ-дѣлѣ, изъ капитулярія узнаёмъ, что въ подобныхъ случаяхъ Римлянинъ удерживалъ за собою право — вести все дѣло, составлять всѣ записи и давать присягу — по римскому юридическому порядку, или закону, и только въ уплатѣ денежной пѣни за вредъ или убытокъ, нанесенные противнику, долженъ былъ сообразоваться съ правомъ или закономъ послѣдняго — что также очень-естественно. Такое постановленіе, конечно, предполагаетъ существованіе особеннаго класса опытныхъ нотаріевъ и юрисконсультовъ, хорошо-знакомыхъ съ римскими законами и судебными обычаями, и ихъ нетрудно узнать подъ весьма-употребительнымъ названіемъ табелліоновъ (tabelliones) и подъ другими болѣе или менѣе оффиціальными титлами. Но чтобъ то же самое постановленіе предполагало непремѣнно и существованіе отдѣльной и замкнутой въ себѣ римской общины, съ особеннымъ устройствомъ, своими магистратами и своею долею судебной расправы, этого заключить мы вовсе не въ-правѣ, именно потому, что законъ молчитъ о нихъ въ этомъ мѣстѣ точно такъ же, какъ и во всѣхъ прочихъ. Если не считать это умолчаніе умышленнымъ (къ чему нѣтъ ни малѣйшаго повода), то надобно будетъ допустить, что подобныя учрежденія были вовсе неизвѣстны законодателю. Иначе, отличая право, онъ не опустилъ бы случая отличить и самые трибуналы. Но онъ постоянно говоритъ лишь о графскомъ судѣ съ подчиненными ему инстанціями, и допускаетъ только одно изъятіе изъ общаго правила, то-есть церковные иммунитеты, и то съ извѣстными ограниченіями. Ясно, что Римляне, то-есть люди римскаго происхожденія и закона, извѣстны ему неменѣе, какъ и Лангобарды; но ни изъ чего не видно, чтобъ онъ зналъ ихъ, какъ членовъ отдѣльной общины. Защитники ея существованія при Каролингахъ могутъ ссылаться на все, только не на современное законодательство, которое, относительно этой общины, остается въ совершенномъ невѣдѣніи.

Соображая всѣ результаты франкскаго завоеванія, сколько они обнаружились еще при жизни самого завоевателя, мы можемъ сдѣлать и нашъ общій заключительный выводъ о томъ значеніи, какое оно имѣло для Италіи вообще. Нельзя сказать, чтобъ Италія много выиграла въ сосредоточеніи своихъ народныхъ силъ, въ политической централизаціи: на югѣ франкское завоеваніе остановилось, недостигнувъ крайнихъ предѣловъ лангобардскаго; нѣкоторые города опять остались за Византіею; относительное положеніе Венеціи почти не измѣнилось противъ прежняго. Виднѣе то дѣйствіе, которое производитъ присутствіе новаго политическаго начала на уравненіе народныхъ правъ, вообще на сближеніе различныхъ народностей, какъ въ завоеванной части

полуострова, такъ частью и въ собственной римской области. Лангобардская національность теряетъ свои прежнія преимущества; римская, напротивъ, возвышается почти до одного уровня съ нею, и прежняя разность раздѣленій и переходовъ исчезаетъ, едва оставляя нѣкоторые слѣды въ законодательствѣ. Разрѣшеніе той же важной задачи много облегчалось еще перемѣщеніемъ сословныхъ элементовъ, которое началось въ Лангобардской Италіи вслѣдствіе введенія въ ней франкскихъ учрежденій. Всѣ эти измѣненія указываютъ на новый сильный поворотъ въ политическомъ существованіи цѣлой страны. Какъ-будто произведена была вновь какая закваска. Опять зачалось внутреннее броженіе, которое могло дать свои послѣдніе результаты не ранѣе, какъ черезъ нѣсколько поколѣній впередъ. Это дѣйствіе простирается на всю каролингскую эпоху итальянской исторіи.

Въ то же время размѣнъ особеннаго рода происходитъ между завоевателями и завоеванною страною. Несмотря на политическое безсиліе Италіи, у нея было свое богатство, которому могли позавидовать даже ея сильные побѣдители. Она была полна памятниками древней образованности, искусства, умственнаго развитія во всѣхъ родахъ; она сберегла въ себѣ сѣмена образованія новаго міра. Карлъ-Великій былъ первый изъ германскихъ завоевателей, который открылъ ея образовательному вліянію самые широкіе выходы въ прочія страны Западной Европы. Великій духъ его былъ исполненъ возвышенныхъ и вмѣстѣ разнообразныхъ инстинктовъ. Древняя образованность и ея произведенія не встрѣчали еще себѣ болѣе преданнаго и усерднаго почитателя между германскими завоевателями. Пребываніе въ Италіи особенно развило въ немъ вкусъ къ памятникамъ древности, искусства вообще. Любуясь ими на мѣстѣ, Карлъ почувствовалъ желаніе перенести нѣкоторые изъ нихъ и въ свои наслѣдственныя владѣнія. Онъ охотно принялъ въ подарокъ отъ Адріана I мозаики и мраморныя колонны равеннскаго дворца и перевезъ ихъ въ Ахенъ, свою любимую резиденцію. Впослѣдствіи туда же перевезена была, по его приказанію, и мраморная статуя Теодориха остготскаго, находившаяся въ Равеннѣ (57). Извѣстно также, что патріархъ Фортунатъ, бѣжавшій изъ Венеціи и искавшій покровительства императора, привезъ съ собою въ подарокъ ему мѣдныя врата удивительной работы (58). Вмѣстѣ съ своими произведеніями и самое искусство мало-по-малу перемѣщалось на но-

---

(57) Объ этомъ говоритъ Аньелъ, R. It. Scripp., t. II, p. 1, p. 123. См. также объ этомъ предметѣ Arch. Stor., Appendice, t. II, p. 567—573.
(58) См. Murat. Ann. ad a. 803.

вую почву. Октогонъ церкви Св. Виталія, въ Равеннѣ, послужилъ образцомъ при постройкѣ ахенскаго собора. Равеннскій и ахенскій дворцы были также одного стиля. По всей вѣроятности, и знаменитыя ингельгеймскія постройки совершены были также не безъ содѣйствія итальянскихъ художниковъ. Въ то же самое время итальянскіе ученые соперничали съ англо-саксонскими въ благосклонности великаго императора. Петръ Пизанскій давалъ ему уроки въ грамматикѣ; Паулинъ, одинъ изъ первыхъ знатоковъ того же искусства, также былъ взъисканъ его особеннымъ вниманіемъ; еще одинъ итальянскій ученый, по имени Теодульфъ, былъ отправленъ имъ во Францію, чтобъ вмѣстѣ съ другими содѣйствовать тамъ вновь-возникавшему просвѣщенію (59). Это были первые, малые зачатки новаго образованія, которые впослѣдствіи разрослись въ широкую и многоплодную науку.

П. КУДРЯВЦЕВЪ.

---

(59) Ibid. ad a. 781—794.

III.

ОБОЗРѢНІЕ

СОВРЕМЕННАГО ДВИЖЕНІЯ РУССКАГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА И РАСПОРЯЖЕНІЙ ПРАВИТЕЛЬСТВА ПО ГОСУДАРСТВЕННОМУ УПРАВЛЕНІЮ ЗА МАЙ 1852 ГОДА.

I. Государственныя учрежденія (измѣненіе и дополнені состава и правъ ихъ).

По внесеніи въ роспись государственныхъ расходовъ на 1852 годъ 100,000 руб. сер., въ дополненіе къ назначеннымъ прежде 2,515,000 руб. на содержаніе церковныхъ причтовъ разныхъ епархій, повелѣно: 1) изъ вышеписанныхъ 100,000 руб. сер. назначить производство жалованья сельскимъ причтамъ томской епархіи и въ Оханскомъ, Чердынскомъ, Соликамскомъ, Красноуфимскомъ, Осинскомъ, Верхотурскомъ и Кунгурскомъ Уѣздахъ Пермской Губерніи. 2) Слѣдующимъ по сему назначенію жалованьемъ удовлетворить означенные причты за вторую половину текущаго года, равно и впередъ производить его на основаніи правилъ, Высочайше одобренныхъ въ 11 день февраля 1850 г.; касательно же выдачи священникамъ единовременныхъ пособій, при первоначальномъ опредѣленіи ихъ къ сельскимъ церквамъ и переводѣ отъ одной церкви къ другой, и также вычета изъ окладовъ причтовъ по 2% съ рубля на составленіе особаго капитала для пособій сельскому духовенству и остатковъ отъ некомплекта мѣстъ по штатамъ, руководствоваться правилами 4 апрѣля 1842 года. 3) Получаемое нынѣ нѣкоторыми причтами отъ казны по прежнимъ положе-

ніямъ содержаніе, по прекращеніи его, за введеніемъ тѣхъ причтовъ въ штаты, а равно и ту сумму, какая можетъ остаться отъ 100,000 руб. сер. за распредѣленіемъ на причты, предоставить въ непосредственное распоряженіе Святѣйшаго Сѵнода, на томъ же основаніи, какъ сіе разрѣшено 3-мъ пунктомъ Высочайшаго Указа, даннаго Святѣйшему Сѵноду 29 марта 1851 года. 4) Сумму, долженствующую оставаться отъ 100,000 руб. сер. безъ производства съ 1-го января по 1-е іюля, обратить, по прежнимъ примѣрамъ, въ составъ капитала для пособій сельскому духовенству, въ вѣдѣніе Святѣйшаго Сѵнода.

— Высочайше разрѣшено оставить попрежнему должности вице-директоровъ въ Первомъ и Второмъ Департаментахъ Министерства Государственныхъ Имуществъ, съ отнесеніемъ окладовъ ихъ содержанія на суммы министерства, Государственному Казначейству непринадлежащія.

— Вслѣдствіе Высочайше утвержденнаго въ 29 день января сего года положенія Комитета гг. Министровъ, касательно отправленія въ Барнаулъ изъ суммъ Коммерческаго Банка 1,000,000 руб. сер. для раздачи на мѣстѣ ссудъ золотопромышленикамъ подъ залогъ добываемаго ими золота, управляющій Министерствомъ Финансовъ входилъ по сему предмету съ представленіемъ въ Комитетъ гг. Министровъ. Государь Императоръ, по положенію Комитета, согласно съ заключеніемъ управляющаго Министерствомъ Финансовъ, Высочайше повелѣть соизволилъ, постановить, въ видѣ опыта, на текущій годъ слѣдующее: 1) Независимо отъ ссудъ, производимыхъ подъ залогъ золота частнымъ золотопромышленикамъ: а) на основаніи 2430 ст. уст. гор. изъ Алтайскаго Горнаго Правленія за золото, добываемое не свыше одного пуда въ годъ; б) изъ Сибирскаго Общественнаго Банка по § 16 Высочайше утвержденнаго 7 іюня 1843 г. Устава сего Банка и в) изъ Коммерческаго Банка, согласно 2430 ст. уст. гор. и по прилож. къ ст. 797 прим. 2. Т. XI уст. кредит. п. 2—8, предоставить Алтайскому Горному Правленію въ продолженіе 1852 г. выдавать всѣмъ сибирскимъ золотопромышленикамъ ссуды подъ залогъ представляемаго ими въ Барнаулъ золота; 2) для производства означенныхъ ссудъ отдѣлить изъ капитала Коммерческаго Банка одинъ мильйонъ рублей серебромъ, который и выслать въ Алтайское Горное Правленіе; 3) ссуды эти производить нижеслѣдующимъ порядкомъ: золотопромышленикъ, или его повѣренный, желающій получить ссуду, объявляетъ о томъ, при представленіи золота Алтайскому Горному Правленію, которое по сплавѣ и требованіи его, согласно ст. 2429 уст. гор. (по прод. XV) выдаетъ означенную ссуду въ размѣрѣ 60 коп. сер. за каждый золотникъ принадлежащаго промышленику чистаго золота, то-есть за отчисленіемъ изъ всего количества онаго, поступившаго въ сдачу слѣдующихъ въ казну податей, изъ каковой ссуды Горное Правленіе удерживаетъ причитающіеся за 4 мѣсяца проценты по ½ % за каждый мѣсяцъ и по ¼ % съ рубля страховыхъ за пересылку изъ Банка по почтѣ денегъ. 4) Полученная золотопромышленикомъ, или его повѣреннымъ ссуда, удержанные изъ нея, согласно предъидущему

2 п. проценты, а равно и количество денегъ (до 3 р. за золотникъ золота) слѣдующихъ промышленику по 2430 ст. уст. горн. (по продол. XV) изъ Коммерческаго Банка, за вычетомъ полученной имъ въ Барнаулѣ помянутой ссуды и процентовъ, означаются въ выдаваемой по той же 2430 ст. промышленику квитанціи, копія съ которой препровождается въ Департаментъ Горныхъ и Соляныхъ Дѣлъ: Департаментъ же, извѣстивъ о каждой произведенной Горнымъ Правленіемъ ссудѣ Коммерческій Банкъ, дѣлаетъ распоряженіе объ отсылкѣ въ оный причитающейся суммы къ опредѣленному 4-хъ мѣсячному сроку, и 5) Коммерческій Банкъ изъ доставленной Монетнымъ Дворомъ суммы, дѣйствительно выданныя промышленику деньги, за вычетомъ процентовъ, списываетъ со счета, отправленнаго въ Алтайское Горное Правленіе капитала, а проценты причисляетъ къ общимъ прибылямъ.

— Высочайше повелѣно: 1) разрѣшить Рижскій Биржевый Комитетъ открыть частный пятипроцентный заемъ въ пятьсотъ-шестьдесять-пять тысячъ рублей серебромъ для покрытія расходовъ на работы по устройству рижскаго порта, которыя имѣютъ быть произведены въ-теченіе двухъ или трехъ лѣтъ, подъ наблюденіемъ особаго Высочайше учрежденнаго въ Ригѣ Комитета. 2) Для реализаціи сего займа и для вымѣна 185-ти частныхъ свидѣтельствъ, выпущенныхъ по Высочайше разрѣшенному 30-го мая 1850 года пятипроцентному же займу въ 185 т. руб. на устройство рижскаго порта, предоставить тамошнему Биржевому Комитету право заготовить на простой бумагѣ 750 пятипроцентныхъ облигацій въ 1,000 руб. сер. каждая, съ тѣмъ, чтобъ изъ сихъ облигацій 185 употреблены были на назначенный вымѣнъ: остальныя же 165 облигацій были выпускаемы въ обращеніе, по мѣрѣ дѣйствительной надобности въ деньгахъ, на производство предложенныхъ портовыхъ работъ. Эти деньги слѣдуетъ отпускать изъ Биржеваго Комитета по письменнымъ каждый разъ требованіямъ о семъ помянутомъ Высочайше учрежденнаго въ Ригѣ особаго Комитета для устройства тамошняго порта. 3) Означенныя облигаціи принимать въ залогъ въ рижской конторѣ Коммерческаго Банка на томъ самомъ основаніи, какъ принимаются уже въ сей конторѣ билеты Лифляндской, Эстляндской и Курляндской Кредитныхъ Кассъ, а по казеннымъ подрядамъ на тѣхъ условіяхъ, на которыхъ допущенъ пріемъ по симъ подрядамъ билетовъ первыхъ двухъ изъ означенныхъ кассъ. 4) Для погашенія обоихъ вышеозначенныхъ займовъ, на основаніи составленнаго Рижскимъ Биржевымъ Комитетомъ и въ Министерствѣ Финансовъ разсмотрѣннаго плана, предоставить въ распоряженіе того Комитета, впредь до 1883 года включительно, установленный въ Ригѣ, Высочайшимъ повелѣніемъ 30-го мая 1850 года, особый четвертьпроцентный сборъ съ цѣны привозныхъ и отвозныхъ товаровъ, простирающійся ежегодно до 45,000 руб. сер. Если же бы случилось, что, съ развитіемъ рижской торговли, четвертьпроцентный сборъ впослѣдствіи увеличился противъ этой суммы, то обращеніе сего сбора въ Биржевой Комитетъ на означенные расходы прекратить и ранѣе 1884 года, а именно тогда, когда, за уплатою процентовъ по облига-

ціямъ и постепеннымъ каждый годъ выкупомъ ихъ, можно будетъ удовлетворить всѣмъ расходамъ, которые по тому же плану должны быть ежегодно относимы на тотъ сборъ по 1884 годъ, то-есть на платежъ процентовъ, по невыкупленнымъ облигаціямъ, на окончательный выкупъ ихъ и на составленіе, къ тому же сроку, запаснаго капитала или вспомогательнаго фонда въ 300,000 руб. сер. 5) Суммы, имѣющія на семъ основаніи поступать въ заложный капиталъ, отсылать изъ Рижскаго Биржеваго Комитета въ Государственныя Кредитныя Установленія, для приращенія процентами, изъ каковыхъ суммъ и возмѣщать могущіе оказаться въ нѣкоторые годы недостатки въ четвертьпроцентномъ сборѣ на покрытіе падающихъ, по вышеозначенному плану погашенія, на тѣ годы расходы. Когда же запасный капиталъ, съ имѣющими причитаться на него процентами, составитъ помянутую сумму въ 300,000 руб. сер., то хранить ее въ означенныхъ учрежденіяхъ, а проценты съ нея употреблять включительно на издержки по ремонтному содержанію портовыхъ въ г. Ригѣ сооруженій. 6) Повѣрку по общимъ правиламъ прихода и расхода суммъ, которыя будутъ поступать въ Рижскій Биржевый Комитетъ на основаніи настоящаго положенія, возложить на Лифляндскую Казенную Палату, въ которую должны быть отсылаемы симъ Комитетомъ, для уничтоженія, выкупленныя облигаціи, на которыхъ слѣдуетъ предварительно вычеркивать надпись того Комитета.

— Выданы привилегіи: 1) Иностранцу Дюссо (сыну) на введеніе въ Россіи жидкихъ удобреній для смачиванія сѣмянъ растеній, предъ посѣвомъ ихъ. Эти удобренія, какъ видно изъ описанія, представленнаго Дюссо, служатъ для возбужденія прозябанія, усиленія роста, образованія вѣтвей и плодоношенія и вообще увеличенія уражая всѣхъ полезныхъ растеній, разводимыхъ на удобренныхъ и неудобренныхъ почвахъ. 2) Механику Августу Ле на изобрѣтенный имъ механическій станокъ для тканья всякаго рода гладкихъ и кипорныхъ шелковыхъ матерій. 3) Иностранцу Альфреду Барлову, въ Лондонѣ, на усовершенствованіе въ жакердовомъ ткацкомъ станкѣ. 4) Отставному поручику Нелидову, адъюнкту Жирухину и купцу Василью Лоткину на добываніе продуктовъ сухой дистиллировки торфа. 5) Механику Ле на новоизобрѣтенный шелкоткацкій станокъ, приводимый въ дѣйствіе произвольнымъ движителемъ, то-есть силою пара, воды или животныхъ.

II. Губернскія учрежденія (измѣненіе и дополненіе состава и правъ ихъ).

Разрѣшено учредить Почтовое Отдѣленіе въ Ардонской станицѣ и назначить для него штатъ, опредѣленный для подобныхъ мѣстъ на Кавказѣ и въ Черноморіи, съ назначеніемъ единовременно на обзаведеніе сего Отдѣленія 100 р. с.

— Въ безуѣздный городъ Сухиничи, Калужской Губерніи, назначенъ особый стряпчій, съ производствомъ ему жалованья по 228 р. 68 к. въ годъ, изъ городскихъ доходовъ.

— Для усиленія средствъ Астраханской Палаты Уголовнаго и Гражданскаго Суда, по дѣламъ калмыцкаго народа, Высочайше утвержденъ дополнительный штатъ на сумму 1817 р. 36 к. съ отпускомъ ежегодно сей суммы изъ остатковъ сбора, производимаго съ Калмыковъ на содержаніе управленія.

— Повелѣно упразднить особыя вакансіи въ судебныхъ палатахъ, предоставляемыя дѣйствительнымъ студентамъ университетовъ съ производствомъ содержанія по 300 р. с. въ годъ изъ суммъ сенатской типографіи; тѣмъ же изъ нихъ, которые въ настоящее время пользуются сими окладами, продолжить производство ихъ до 1 января 1853 года, если до того времени не будутъ они опредѣлены на штатныя должности.

— Разрѣшенъ транзитный привозъ товаровъ изъ Австріи черезъ мѣстечко Новоселицы въ Одессу и обратно, на томъ же основаніи, на которомъ допущенъ транзитъ изъ Австріи черезъ Радзивиловъ въ Одессу, съ тѣмъ, чтобъ транзитные транспорты подвергались въ Кишиневѣ установленной въ ст. 1567 уст. и учр. тамож. (Св. Зак. Т. VI-го) повѣркѣ, и чтобъ весь путь отъ Новоселицы до Одессы, или обратно, совершали они въ-теченіе не болѣе двухъ мѣсяцевъ, слѣдуя по ближайшему направленію, а именно черезъ города: Бѣльцы, Оргѣевъ, Кишиневъ, Дубоссары, Григоріополь и Тирасполь.

— Всѣхъ Евреевъ Виленской, Гродненской, Минской и Ковенской губерній, которые будутъ изобличены въ поддѣлкѣ всѣхъ государственныхъ бумагъ и выпускѣ ихъ въ обращеніе, Высочайше повелѣно, по окончаніи изслѣдованія, предавать военному суду.

— Высочайше утверждено положеніе о доходахъ и расходахъ Новочеркаска. Въ пользу этого города установлены сборы: съ клейменія вѣсовъ и мѣръ, ренсковыхъ погребовъ, трактирныхъ заведеній, театральныхъ представленій, штукмейстеровъ, съ векселей при протестѣ и съ заемныхъ писемъ при явкѣ на срокъ и по срокѣ, съ контрактовъ и договоровъ разнаго рода, съ крѣпостныхъ актовъ на переходъ имѣній отъ одного лица къ другому, съ аукціонной продажи, лотерей, выморочныхъ имѣній и за необъявленіе о пріѣзжающихъ и отъѣзжающихъ.

— По вопросу о льготахъ въ платежѣ податей и отправленіи повинностей поселившихся въ Карасубазарѣ до 1804 г. Армянъ; повелѣно въ дополненіе къ статьямъ 779 и 788 Уст. о подат. (Св. Зак. Т. V) постановить, особою статьею, что сила упоминаемой въ тѣхъ статьяхъ Высочайшей граммагы 1799 года распространяется на людей, причислившихся къ Карасубазарскому Армянскому Католическаго За-

кона Обществу до 30 января 1804 г., а равно и на потомковъ ихъ изъ купеческаго званія, пока начальники семействъ, поселившихся въ Карасубазарѣ до 30 января 1804 года, будутъ числить ихъ при своихъ семейныхъ капиталахъ.

— Постановлено, что маклеры и нотаріусы по званію своему не могутъ отлучаться отъ города и отъ мѣста, гдѣ отправляютъ сіи должности; неявляющіеся изъ нихъ къ исполненію своихъ обязанностей по болѣзни, увольняются отъ должности по истеченіи года.

— Разрѣшено допустить открытіе въ семъ году, въ видѣ опыта, Временнаго Отдѣленія Харьковской Конторы Коммерческаго Банка въ Полтавѣ, во время ильинской ярмарки съ 10 іюля по 8 августа, для производства слѣдующихъ операцій: а) пріема вкладовъ для трансферта; б) учета векселей и в) выдачи ссудъ подъ залогъ овечьей шерсти единственно для харьковской акціонерной компаніи по торговлѣ шерстью, съ тѣмъ, чтобъ дѣйствія Харьковской Конторы въ-теченіе упомянутаго періода времени были прекращены, кромѣ пріема срочныхъ платежей по векселямъ и залогамъ.

— Высочайше утвержденъ уставъ Казанскаго Училища Дѣвицъ духовнаго Званія. Это училище, учреждается въ вѣдомствѣ казанскаго эпархіальнаго начальства, состоитъ подъ Высочайшимъ покровительствомъ Государыни Императрицы и подъ главнымъ попечительствомъ Ея Императорскаго Высочества Цесаревны и Великой Княгини Маріи Александровны. Цѣль учрежденія сего училища состоитъ въ томъ, чтобъ дѣвицамъ духовнаго званія давать воспитаніе вполнѣ-соотвѣтствующее ихъ двоякому назначенію: а) быть достойными супругами служителей алтаря Господня, на которыхъ лежитъ священная обязанность назиданія прихожанъ въ вѣрѣ и нравственности и которые посему должны отличаться примѣрно-благочестивою жизнью и б) быть попечительными матерями, которыя возращали бы дѣтей своихъ въ правилахъ благочестія и благонравія, умѣли бы развивать въ нихъ способности и сообщать имъ всѣ нужныя первоначальныя знанія, и могли приготовлять сыновей къ поступленію въ училища и наблюдать за полезнымъ употребленіемъ ими вакантнаго времени. Комплектъ штатныхъ воспитанницъ состоитъ изъ 30 и столько же можетъ быть пансіонерокъ, за которыхъ слѣдуетъ вносить на первый годъ 50 руб., а на прочіе 5 лѣтъ по 40 руб. сер.

III. Законы относительно службы гражданской.

— Въ примѣчаніи 2-мъ къ ст. 363 Св. Зак. (изд. 1842 г.) 3-й части Уст. о служ. гражд. по опредѣл. отъ правит. постановлено: занимающимъ въ Почтамтѣ должности цензоровъ, чиновниковъ, употреб-

ляемыхъ по дѣламъ цензуры, и переводчиковъ, особыхъ чиновъ по симъ должностямъ не присвояется. Это правило повелѣно распространить также на почтовыхъ цензоровъ въ губерніяхъ и на переводчиковъ въ конторахъ: Виленской, Галацкой и Бухарестской, съ исключеніемъ сихъ должностей изъ классовъ, въ которыхъ, по росписанію гражданскихъ должностей, они состоятъ въ отношеніи къ чинопроизводству.

— Государь Императоръ, въ дополненіе къ Высочайшимъ повелѣніямъ, объявленнымъ 29-го декабря 1851 г., 29-го января и 26-го февраля 1852 годовъ, о порядкѣ размѣщенія чиновниковъ, оставшихся за штатомъ по случаю сокращенія, Всемилостивѣйше повелѣть соизволилъ: 1) тѣмъ изъ оставшихся за штатомъ чиновниковъ, которые будутъ перемѣщаемы на службу въ губерніи, или изъ одной губерніи въ другую, выдавать прогоны по положенію на всякое разстояніе и сверхъ-того единовременное пособіе въ томъ размѣрѣ, въ какомъ, на основаніи ст. 1,048 Св. Зак. Т. III Уст. о служ. по опред. отъ правит. (изд. 1842 г.) производятся деньги подъемныя и на путевыя издержки командируемымъ чиновникамъ, съ отнесеніемъ расхода сего насчетъ Государственнаго Казначейства; 2) силу статьи 356 Св. Зак. Т. III Уст. о служб. по опред. отъ правит. (изд. 1842 г.), дозволяющей на губернскія штатныя должности опредѣлять лица, состоящія въ чинахъ болѣе чѣмъ двумя степенями ниже оныхъ, распространить и на всѣ штатныя должности по Министерствамъ и Главнымъ Управленіямъ, единственно въ-отношеніи чиновниковъ, оставшихся нынѣ за штатомъ и только по то время, доколѣ всѣ они не будутъ опредѣлены къ мѣстамъ и, 3) дозволить опредѣлять заштатныхъ чиновниковъ, съ ихъ согласія, и въ должности по классамъ ниже тѣхъ, которыя они занимали, съ тѣмъ, чтобы такое опредѣленіе не служило для нихъ предосужденіемъ и чтобы впредь до поступленія на высшія мѣста, они пользовались по чинопроизводству, мундиру и пенсіямъ правами тѣхъ классовъ и разрядовъ, къ которымъ были отнесены тѣ должности, или они занимали прежде и кои оставили по случаю упраздненія оныхъ.

— Воспитанникамъ бывшаго Училища Сибирскаго Линейнаго Казачьяго Войска, имѣющимъ аттестаты или свидѣтельства отъ училища объ успѣшномъ или окончаніи курса наукъ, которые впослѣдствіи перешли въ гражданскую службу, предоставлено, на основаніи 582 и 583 ст. Св. Зак. Уст. О служ. Гражд. право втораго разряда для производства въ чины по воспитанію.

IV. Законы уголовные и по уставу рекрутскому.

— По случаю усилившихся съ 1849 года, и особенно въ настоящемъ 1852 году, нападеній злоумышленниковъ на почты внутри Им-

періи, Государь Императоръ въ 6-й день апрѣля сего года Высочайше повелѣть соизволилъ: впредь грабителей почтъ судить военнымъ судомъ, подобно, какъ повелѣно было въ 1842 и 1848 годахъ, судить зажигателей таковымъ же военнымъ судомъ.

— Высочайше утверждены правила о зачетѣ рекрутскихъ квитанцій, и присемъ повелѣно, что отнынѣ впредь въ каждой губерніи и области, по объявленіи Высочайшаго Манифеста о производствѣ въ ней рекрутскаго набора, никакія зачетныя рекрутскія квитанціи, дотолѣ выданныя участкамъ (обществамъ и помѣщикамъ) или же частнымъ лицамъ и семействамъ, отправляющимъ рекрутскую повинность натурою или деньгами, не могутъ быть до окончанія того набора ни переводимы въ другія губерніи и области, ни передаваемы отъ Министерства Государственныхъ Имуществъ крестьянамъ казеннымъ, дворцовымъ и, въ Олонецкой Губерніи, горнымъ, ни оставляемы со стороны участковъ, семействъ и лицъ безъ представленія, въ-теченіе сего самаго набора, къ пріему для зачетовъ, если пріемъ таковыхъ квитанцій, по какимъ-либо особымъ обстоятельствамъ, не будетъ, на основаніи самаго Манифеста о наборѣ, на тотъ разъ пріостановленъ.

— По вопросу о поясненіи и дополненіи закона, касательно единственныхъ сыновей семейства, подлежащаго рекрутству, постановлено: въ семействѣ мѣщанина или крестьянина, находящагося въ военной службѣ, а равно умершаго на службѣ или вышедшаго въ отставку за рану, одряхлѣніемъ, или послѣ безпорочной выслуги положеннаго срока, не подлежитъ отдачѣ въ рекруты, по дошедшей къ семейству очереди, единственный сынъ его, до поступленія въ службу рожденный, если самъ онъ (отецъ) поступилъ на службу не за членовредительство или другія преступленія и проступки, лишающія семейства рекрутскихъ послугъ, по правиламъ, означеннымъ въ 447 ст. Устава Рекрутскаго (по продолженію XI).

События въ Отечествѣ.

Отчетъ Почтоваго Управленія за 1851 годъ. — Отчетъ этотъ, представленный Его Императорскому Величеству главноначальствующимъ надъ Почтовымъ Департаментомъ, и уже обнародованный въ нѣкоторыхъ газетахъ, по примѣру прежнихъ лѣтъ раздѣляется на два отдѣла:

А) Мѣры, принятыя въ-теченіе года къ благоустройству почтъ;

В) Состояніе и движеніе суммъ и корреспонденціи въ почтовыхъ мѣстахъ.

Извлекаемъ изъ этихъ двухъ отдѣловъ нижеслѣдующія свѣдѣнія:

Мѣры, принятыя въ-теченіе года къ благоустройству почтъ. Новое устройство почтовыхъ сношеній въ чужихъ краяхъ потребовало и съ нашей стороны приноровленныхъ къ нему правилъ для заграничной переписки.

Съ этой цѣлью, вмѣсто существующей съ Пруссіею съ 1843 года, заключена новая конвенція, имѣющая основаніемъ доставленіе выгоднѣйшаго устройства для нашей заграничной корреспонденціи.

Этимъ положеніемъ сдѣлано весьма-значительное (болѣе чѣмъ на половину) пониженіе порта, какъ за письма въ Пруссію и владѣнія, приступившія къ Германскому Почтовому Союзу, такъ и въ другія иностранныя земли, для которыхъ Пруссія служитъ транзитомъ.

Введена система округленныхъ почтовыхъ платежей, по которой, за письма въ Пруссію и во всѣ земли Германскаго Почтоваго Союза, будетъ взиматься однообразная плата (со включеніемъ и нашихъ вѣсовыхъ денегъ) по 20-ти коп. сер. съ лота, вмѣсто нынѣшнихъ 30-ти и 46-ти коп.

Франкированіе писемъ установлено также однообразное до мѣста назначенія, а не до разныхъ пунктовъ, какъ было доселѣ. Возможность же посылать письма нефранкированныя сохранена.

Вмѣсто полулотной прогрессіи вѣса, введена лотная, какъ и внутри Россіи.

Пересылка по почтѣ изъ Россіи въ Пруссію и обратно, корреспонденціи Высочайшихъ Особъ и присутственныхъ мѣстъ, также пакетовъ отъ россійскихъ и прусскихъ полковъ къ ихъ почетнымъ шефамъ въ Россіи и Пруссіи, будетъ производиться безплатно, а обоюдные государственные курьеры освобождены отъ платежа дорожнаго сбора.

Съ открытіемъ Санктпетербурго-Московской желѣзной Дороги ускорились и почтовыя сношенія между столицами. По соглашенію Почтоваго Управленія съ Управленіемъ Путей Сообщенія и Публичныхъ Зданій, назначено, до времени отправленія почтовыхъ вагоновъ, письменную и посылочную корреспонденцію пересылать ежедневно въ ваг-

гонахъ Управленія желѣзной дороги, въ-сопровожденіи почтальйона. Такимъ образомъ, кромѣ общаго ускоренія въ доставленіи письменной и посылочной корреспонденціи, участилась самая пересылка посылочной корреспонденціи, отправлявшейся до сего только два раза въ недѣлю, и прекратилось слѣдованіе между столицами ежедневныхъ экстра-почтъ для письменной корреспонденціи. Выгоды скорѣйшаго доставленія въ Москву и обратно посылочной корреспонденціи, важной въ торговомъ отношеніи, предоставлены также Ригѣ, Митавѣ и Таурогену, черезъ назначеніе отправлять ее черезъ Санктпетербургъ, для слѣдованія, вмѣстѣ съ здѣшнею, по желѣзной дорогѣ.

Между-тѣмъ, для пересылки вообще по желѣзной дорогѣ корреспонденціи, составлены правила и штаты. Они были представлены на разсмотрѣніе Государственнаго Совѣта, и удостоены нынѣ Высочайшаго утвержденія. Съ приведеніемъ ихъ въ дѣйствіе, открыта будетъ немедленно пересылка почтъ въ почтовыхъ ваггонахъ.

По ходатайству командира 4-го пѣхотнаго корпуса объ улучшеніи сношеній съ столицами города Кременца (Волынской Губерніи), въ которомъ расположенъ штабъ корпуса, учреждено отправленіе по два раза въ недѣлю экстра-почтъ между Кременцемъ и Дубно, съ приспособленіемъ ихъ на Каменно-Вербовской почтовой Станціи, состоящей на санктпетербурго-радзивиловскомъ трактѣ, къ главнымъ экстра-почтамъ.

Этимъ ускорилась пересылка корреспонденціи между Кременцемъ и Санктпетербургомъ отъ двухъ до трехъ сутокъ и болѣе однихъ сутокъ съ Москвою. Притомъ Кременцу предоставлена возможность три раза въ недѣлю вести сношенія съ Петербургомъ и пользоваться лучшимъ устройствомъ сношеній съ Одессою, Ригою и разными другими мѣстами.

По взаимному соглашенію съ австрійскимъ почтовымъ начальствомъ, измѣненъ порядокъ пересылки корреспонденціи между Санктпетербургомъ и Вѣною, посредствомъ распоряженія для приспособленія ея къ отправленію почтъ по желѣзной дорогѣ въ австрійскомъ мѣстечкѣ Щаковѣ, пунктѣ соединенія линій желѣзныхъ дорогъ, идущихъ изъ Бреславля и изъ Варшавы въ Вѣну. Этимъ ускорены сношенія Санктпетербурга съ Вѣною, противъ прежняго, одними сутками.

Чрезъ учащеніе хода почтъ, вмѣсто двухъ по три раза въ недѣлю между городами Гольдингеномъ и Гапсалемъ, доставлено купечеству города Гольдингена удобство двукратнаго въ недѣлю почтоваго сношенія съ Либавою и мѣстами заграничными; а чрезъ назначеніе отправлять не только въ лѣтнее время, но и въ-теченіе всего года почты, вмѣсто одного, по два раза въ недѣлю между Ревелемъ и Гапсалемъ, значительно улучшены сношенія Гапсаля со всѣми мѣстами Имперіи.

Ускорены почтотыя сношенія Оренбурга и Уральска съ Астраханью и Новопетровскимъ Укрѣпленіемъ на восточномъ берегу Каспійскаго Моря, на Мангышлакскомъ Полуостровѣ, посредствомъ учрежденія, во время навигаціи, пересылки корреспонденціи моремъ на казенныхъ пароходахъ и судахъ.

Заштатный город Бѣлополье (Харьковской Губерніи) введенъ въ связь почтовыхъ сообщеній, посредствомъ учрежденія въ немъ пріема всякаго рода корреспонденціи и открытіемъ однократнаго въ недѣлю хода почтъ между этимъ городомъ и Сумами. Существовавшая между этими мѣстами транспортная дорога обращена въ почтовую.

Для облегченія сношеній лицъ, находящихся на златоустовскомъ и артинскомъ заводахъ, доставлена имъ возможность посылать разъ въ недѣлю простую частную свою корреспонденцію, и сдѣлано распоряженіе для продолженія златоусто-артинскихъ почтъ до Красноуфимска.

По Высочайшимъ повелѣніямъ открыта почтовая гоньба по вновь-устроеннымъ шоссе: 1) московско-варшавскому отъ Малоярославца до Бобруйска, и 2) рязанскому, въ предѣлахъ Московской Губерніи, отъ с. Островцевъ до города Коломны, на протяженіи 67½ верстъ, такъ что теперь отъ Москвы до Рязани почта проѣзжаетъ уже по шоссе.

По случаю уничтоженія Охотскаго Порта и назначенія въ-замѣнъ его въ Аянѣ главнаго пункта сообщенія между Якутскомъ и Петропавловскомъ, открыто прямое почтовое сообщеніе между Якутскомъ и Аяномъ. Почты по этому направленію посылаются въ оба пути по одному разу въ мѣсяцъ. Сношеніе же Охотска съ Якутскомъ назначено производить по шести разъ въ годъ, подобно тому, какъ это установлено для другихъ отдаленныхъ городовъ въ Якутской Области.

Ревизія хода эстафетовъ, учрежденная при Почтовомъ Департаментѣ для наблюденія, чтобъ эстафеты доставлялись повсюду съ должною скоростью, приноситъ существенную пользу. Со времени учрежденія ея, ходъ эстафетовъ значительно ускорился. Это возбудило болѣе довѣрія въ публикѣ къ исправному веденію этого рода сообщеній, и способствовало къ умноженію числа эстафетовъ. Всѣхъ эстафетовъ отправлено въ 1851 году 20,593; болѣе 2,375 противъ предшествовавшаго года.

Въ первомъ году (1845), со времени установленія ревизіи хода эстафетовъ, ихъ было прислано 11,200; слѣдственно въ семь лѣтъ число ихъ почти удвоилось.

Число проѣзжающихъ въ почтовыхъ экипажахъ, съ самаго начала учрежденія ихъ, годъ-отъ-году увеличивалось. Въ минувшемъ году проѣхавшихъ было 46,610 человѣкъ, болѣе противъ 1850 года 8,147. Изъ нихъ проѣхали по трактамъ: московскому 11,768, новгородскому 11,300, ковенскому 2,329, таурогенскому 1,896, нижегородскому 2,199, тульскому и орловскому, 2,276, старорусскому, 1,068, нарвскому 2,490, дерптскому 719, сибирскому 91, оренбургскому 16, брестскому и бобруйскому 1,004, ревельскому 492, гапсальскому 365, могилевскому 762, ярославскому 553, красносельскому 4,239.

Въ устроенныхъ при С.-Петербургскомъ Отдѣленіи городскихъ каретахъ развезено по квартирамъ пассажировъ, прибывшихъ въ С.-Петербургъ въ почтовыхъ экипажахъ, 3,043.

Почтовые экипажи заведены теперь не только на всѣхъ шоссе, но и на нѣкоторыхъ другихъ трактахъ, всего на протяженіи 10,425-ти верстъ.

Ремонтъ экипажей въ особенныхъ мастерскихъ и въ минувшемъ го-

ду производимъ былъ съ желаемымъ успѣхомъ во всѣхъ отношеніяхъ. Въ нихъ построены 44 совершенно-новые экипажа. По сравненію цѣнъ выписныхъ экипажей съ тѣмъ, во что обошлась постройка ихъ хозяйственнымъ образомъ въ собственныхъ мастерскихъ, оказывается, что, при выпискѣ изъ чужихъ краевъ, они стоили бы до 39,000 рублей, между-тѣмъ, какъ здѣсь они стоятъ только около 21,000 руб. слѣдовательно 18,000 руб. сер. дешевле.

Почтовое пароходное сообщеніе между С.-Петербургомъ и Штеттиномъ содержали, въ 1851 году, оба почтовые парохода «Владиміръ» и «Прусскій Орелъ». Рейсы ихъ, которыхъ сдѣлано было ими въ оба пути 24, продолжались съ 5-го мая по 17-е октября.

Пассажировъ перевезено на пароходѣ «Владиміръ» изъ Россіи 876; въ Россію 859 — всего 1, 735. На пароходѣ «Прусскій Орелъ»: изъ Россіи 832; въ Россію 725; всего 1,557.

Товаровъ перевезено: на пароходѣ «Владиміръ»: въ Россію 39,701 куб. фут. и 1,454 пуд. 24 фунт.; изъ Россіи 411 куб. фут. и 44,223 пуд. 1 фунт. На пароходѣ «Прусскій Орелъ»: въ Россію 27,162 куб. фут. и 5,125 пуд., изъ Россіи 214 куб. фут. 7 дюй. и 59,833 пуд. 6 фунт.

Изъ сравненія дѣйствій почтовыхъ пароходовъ въ 1850 и 1851 годахъ оказывается, что въ послѣднюю навигацію пассажировъ было 289 болѣе, чѣмъ въ 1850 году; товаровъ же перевезено почти вдвое противъ 1850 года, чему немало способствовало пониженіе фрахтоваго платежа за товары, отправляемые изъ Штеттина въ С.-Петербургъ.

Состояніе и движеніе суммъ и корреспонденціи. Отчеты, поступившіе изъ всѣхъ почтовыхъ мѣстъ государства о движеніи суммъ въ 1850 году, представляютъ слѣдующіе выводы:

Почтовые сборы въ 1850 году составили 4,401,546 руб. 73 коп. сер., болѣе на 211,952 руб. противъ предшествовавшаго года. На содержаніе всѣхъ почтовыхъ мѣстъ государства употреблено 1,496,272 руб. 15 коп; платежъ прогонныхъ денегъ за возку почтъ и стафетовъ составилъ 1,318,397 руб. 14 коп.: иностраннымъ почтамтамъ за заграничную корреспонденцію заплачено 147,573 руб. 97 коп. За исключеніемъ этихъ расходовъ, очистилось почтоваго дохода 1,439,303 руб. 47 коп. Болѣе четвертой доли почтоваго дохода по всему государству составили сборы въ столичныхъ почтамтахъ; они возвысились и по многимъ другимъ почтовымъ мѣстамъ.

Количество частныхъ отправленій съ почтами въ 1850 году было слѣдующее:

Писемъ простыхъ	9,600,170	
» денежныхъ	1,450,053	
» страховыхъ	990,880	
Посылокъ	283,288	
Итого	12,324,391	
Болѣе противъ 1849 года	324,398	
Вѣсовой сборъ въ 1850 году составилъ	2,199,987	руб.
Болѣе противъ 1849 года	147,797	»

Въ-сравненіи же съ 1844 годомъ, съ котораго вошла въ дѣйствіе нынѣшняя почтовая такса, вѣсовый сборъ получилъ приращенія на 565,000 руб. сер.

Число казенныхъ отправленій въ 1850 году было слѣдующее:

Пакетовъ простыхъ	14,817,533
» денежныхъ	661,549
Посылокъ	432,813
Итого	15,911,893

По числу всѣхъ вообще отправленій казенныхъ, въ 1850 году пересылалось:

	Казенныхъ.	*Частныхъ.*
Изъ 100 простыхъ писемъ	60	40
» 100 денежныхъ	31	69
» 100 посылокъ	60	40

Тѣ же выводы представляли и предшествовавшіе годы.

За исключеніемъ столицъ и ихъ губерній, частная корреспонденція которыхъ составляетъ почти четвертую часть годоваго отправленія ея изъ всѣхъ почтовыхъ мѣстъ государства, губерніи Лифляндская, Кіевская, Ярославская, Тверская, Новгородская и Одесса высылаютъ наибольшее число писемъ.

Значительное также число, отъ 200 до 250,000 писемъ, было послано въ этомъ году изъ губерній Екатеринославской, Полтавской, Саратовской, Нижегородской, Владимірской, Харьковской и Орловской.

Менѣе всѣхъ другихъ отправляется частной корреспондеціи изъ губерній Астраханской, Архангельской и Олонецкой; но въ-отношеніи къ ихъ населенности она принимаетъ размѣръ довольно-значительный.

На 100 человѣкъ было сдѣлано почтовыхъ отправленій: въ губерніи Вятской 6, въ Курской, Воронежской и Пензенской 10, въ Симбирской, Тамбовской, Волынской и Подольской 11, въ Вологодской 12, въ Орловской и Рязанской 14, во Владимірской 18, въ Виленской и Нижегородской 19, въ Архангельской 21, въ Тверской 22, въ Олонецкой 24, въ Астраханской 26, въ Екатеринославской 27, въ Курляндской 30, Ярославской и Таврической 31, въ Эстляндской 41, въ Лифляндской 52, въ Московской 85, въ С.-Петербургской 293.

Въ другихъ, гораздо уже высшихъ числахъ, представляется корреспондеція городовъ, если принято будетъ въ разсчетъ только мѣстное ихъ населеніе.

На 100 человѣкъ приходилось въ 1850 году почтовыхъ отправленій: въ Твери и Новгородѣ по 460, въ Екатеринославѣ по 450, въ Ригѣ и Смоленскѣ по 440, въ Нижнемъ-Новгородѣ и Одессѣ по 380, въ Кіевѣ по 259, въ Тамбовѣ по 233, въ Вильнѣ и Ярославлѣ по 220, въ Полтавѣ по 195, въ Саратовѣ по 185, въ Воронежѣ по 125.

Изъ уѣздныхъ городовъ самую обширную переписку ведетъ Рыбинскъ, какъ центральный пунктъ внутренней торговли: въ немъ на 100 человѣкъ жителей считается въ годъ почтовыхъ отправленій 1,030, въ Гжатскѣ по 570, въ Дерптѣ по 416, въ Вышнемъ-Волочкѣ 410, въ

Ирбитѣ 334, въ Моршанскѣ 278, въ Бердянскѣ 249; въ Екатеринбургѣ 243, въ Кременчугѣ и Ржевѣ по 225, въ Бердичевѣ по 151, въ Нѣжинѣ по 128, въ Ельцѣ по 104.

Учрежденіе штемпельныхъ кувертовъ, принесшее пользу публикѣ доставленіемъ большаго облегченія въ передачѣ на почту ея корреспонденціи, пріобрѣтаетъ съ каждымъ годомъ видимое распространеніе. Въ 1850 году продано штемпельныхъ кувертовъ во всѣхъ почтовыхъ мѣстахъ государства 1,711,692; почти 300,000 болѣе противъ 1849 года. Подано къ отправленію писемъ въ сихъ кувертахъ 1,617,832. Такимъ-образомъ изо ста простыхъ писемъ посылались семнадцать въ штемпельныхъ кувертахъ то-есть шестая доля.

Значительнѣйшія, по числу и по цѣнности, отправленія частныхъ посылокъ были произведены изъ столицъ. Въ С.-Петербургской Губерніи отправлено ихъ болѣе 84,000; въ Московской около 58,000. Цѣнность посланныхъ изъ здѣшнихъ губерній составляетъ 1,555,000 руб.; изъ Московской болѣе двухъ мильйоновъ рублей. Кромѣ столицъ, важнѣйшія, по цѣнности, отправленія посылокъ были сдѣланы въ губерніи Тифлисскую, Кіевскую, Екатеринославскую, Харьковскую, Лифляндскую, Нижегородскую, Ставропольскую, Шемахинскую, Иркутскую и въ Одессу. Средній вѣсъ частной посылки составлялъ $8^1/_3$ фунт.; казенной посылки 15 фунтовъ.

Число отправленныхъ въ Царство Польское и въ Великое Княжество Финляндію, а также и оттуда полученныхъ частныхъ писемъ составило въ-теченіе года около 380,000 и до 3,000 посылокъ. По частнымъ денежнымъ оборотамъ съ Царствомъ Польскимъ и съ Великимъ Княжествомъ Финляндскимъ, частнаго капитала изъ разныхъ мѣстъ Россіи перешло туда слишкомъ на полтора мильйона рублей серебромъ болѣе противъ полученнаго оттуда.

Заграничная переписка Россіи съ чужими краями составила въ годовомъ оборотѣ, по числу посланныхъ туда и полученныхъ оттолѣ писемъ, болѣе 753,000 и до 7,400 посылокъ.

По заграничной корреспонденціи сдѣлано въ 1850 году слишкомъ 20,000 отправленій болѣе противъ предшествовавшаго года. Главное въ ней участіе имѣла столица. Изо 100 писемъ, отправленныхъ изъ всего государства въ иностранныя земли, было послано изъ С. Петербурга 38, изъ Москвы 9, изъ Одессы 12, изъ Лифляндской Губерніи 14.

Капитала переведено за границу въ звонкой монетѣ 950,000 руб. сер.

Въ-теченіе 1850 года было подано къ отправленію во всѣхъ почтовыхъ мѣстахъ государства капиталовъ казенныхъ и частныхъ на 424,517,869 р. $6^1/_2$ к. с. Въ этомъ числѣ было казенныхъ на 211,055,759 р. $77^1/_2$ к.; частныхъ на 213,562,109 р. 29 к.

Слѣдуетъ замѣтить, что здѣсь не включаются суммы, пересланныя по почтѣ въ билетахъ кредитныхъ установленій, трансфертахъ, векселяхъ и другихъ бумагахъ, которыя, хотя и представляютъ капиталы, но посылаются черезъ почту какъ документы.

Страховыхъ за отправленіе капиталовъ поступило въ 1850 году 1,703,084 р. 83¾ к. Болѣе противъ 1849 года слишкомъ на 41,000 р., и почти на 309,000 р. болѣе противъ 1844 года. Страховый и вѣсовый сборы въ 1850 году составили 3,903,072 р. Въ 1844 году, когда получила начало нынѣ дѣйствующая такса, сборы эти были въ количествѣ 3,028,977 р. с. Слѣдовательно въ 1850 году, через шесть лѣтъ, они увеличились на 874,000 р. с. Въ большой степени умножилась послѣ того пересылка черезъ почту капиталовъ казенныхъ и частныхъ. Капиталовъ было отправлено: въ 1836 году 221 мильйонъ руб., въ 1843 г. 274 мильйона руб.; въ 1850 г. 424 мил. руб.

Слѣдовательно, съ 1837 по 1843 годъ включительно, въ семь лѣтъ, пересылка капиталовъ умножилась на 53 мильйона руб., а со времени введенія нынѣшней почтовой таксы, съ 1844 по 1850 годъ, въ тѣ же семь лѣть времени, прибавилась на 150 мильйоновъ рублей.

Капиталы, казенные и частные пересылались въ 1850 году, по суммамъ отправленій, въ слѣдующихъ размѣрахъ:

Разряды денежныхъ отправленій, по таксѣ страховаго сбора.	Переслано капиталовъ: Казенныхъ.	Частныхъ.
Менѣе 300 руб.	10,363,641 р.	35,896,908 р.
Свыше 300 до 600 руб.	5,815,119 »	16,189,993 »
» 600—1,500 »	14,864,443 »	29,228,253 »
» 1,500—3,000 »	24,427,828 »	32,470,749 »
» 3,000 руб.	137,087,819 »	93,467,599 р.

Сверхъ-сего переслано казенныхъ капиталовъ безъ платежа страховыхъ на 18,430,149 руб.

Частныхъ посылокъ, съ которыхъ по объявляемой цѣнѣ взимаются страховыя деньги, отправлено на сумму 6,208,604 руб. сер.

Въ переходѣ черезъ почту капиталовъ небольшими суммами, всегда замѣчается преимущественное предъ казенными стеченіе частныхъ капиталовъ; но тамъ, гдѣ денежныя отправленія идутъ значительными массами, казенные капиталы берутъ перевѣсъ надъ частными, хотя эти послѣдніе составляютъ и здѣсь огромную сумму.

Губерніи Воронежская, Вятская, Кіевская, Курская, Московская, Оренбургская, Рязанская, Ставропольская, Таврическая и Тифлисская отправили гораздо-болѣе капиталовъ, чѣмъ сами ихъ получили. Количество полученныхъ въ нихъ капиталовъ составило 84,000,000 руб.; отправлено же ихъ на 110,000,000 р. слѣдовательно почти 26,000,000 р. болѣе.

Великое число капиталовъ перешло въ годовомъ оборотѣ въ губерніи Санктпетербургскую, Лифляндскую, Волынскую, Екатеринославскую, Тверскую, Вологодскую, Архангельскую, Пермскую и Шемахинскую. Сумма полученныхъ въ этихъ губерніяхъ капиталовъ, простирающаяся до 181 мильйона руб., превышаетъ на 61 мильйонъ количество денежныхъ отправленій, которыя сдѣланы были изъ нихъ въ разныя мѣста Россіи. Въ этомъ числѣ 39 мильйоновъ руб. составляютъ перевѣсъ денежныхъ полученій по одной здѣшней губерніи.

Частные капиталы въ преимущественномъ передъ казенными капиталами количествѣ обращались въ губерніяхъ Московской, Астрахан-

ской, Екатеринославской, Енисейской, Томской, Пермской, Ярославской, Нижегородской, Лифляндской, Черниговской, Харьковской и въ Одессѣ.

Изъ свѣдѣній о произведенныхъ въ нихъ въ-теченіе года, чрезъ почты, пересылкахъ капиталовъ казенныхъ и частныхъ, представляется слѣдующій выводъ:

На 100 рублей казеннаго капитала, какъ по полученію, такъ и по отправленію въ сложности, было въ обращеніи частнаго: въ губерніи Енисейской 300 р., въ Лифлянской 275 р, въ Екатеринославской 216 р., въ Астраханской 200 р., въ Ярославской, Пермской и Томской 180 р., въ Харьковской 175 р., въ Московской 170 р., въ Нижегородской и Черниговской 160 р., въ Одессѣ 170 р.

Здѣсь частные капиталы обращались уже въ меньшей мѣрѣ противъ казенныхъ капиталовъ и переходятъ въ слѣдующія цифры: въ губерніи Воронежской и Оренбургской 60 р., въ Санктпетербургской 50 р., въ Волынской и Вятской 47 р., въ Архангельской 40 р., въ Ковенской 36 р.

Во многихъ губерніяхъ суммы полученій и отправленій съ почтами казенныхъ капиталовъ въ-сравненіи съ частными денежными ихъ оборотами не представляютъ значительной разности, а въ иныхъ и весьма-близки.

Дѣйствія почтовыхъ мѣстъ въ первой половинѣ 1851 года были успѣшны.

Въ первые шесть мѣсяцевъ 1851 года поступило сборовъ по всѣмъ почтовымъ мѣстамъ государства 2,246,850 руб. 97½ коп.

На почты подано было къ отправленію по внутренней и заграничной корреспонденціи: частныхъ писемъ: простыхъ 5,295,470, денежныхъ 763,682, страховыхъ 577,694, посылокъ 152,163; итого 6,789,009. Казенныхъ пакетовъ простыхъ и денежныхъ 7,375,387, посылокъ 228,461, и того 7,603,848.

Изъ сравненія двухъ первыхъ полугодій 1850 и 1851 годовъ оказывается, что въ послѣднемъ прибавилось число частныхъ отправленій и почтовые сборы получили приращеніе.

Сношенія жителей столицъ по городской почтѣ умножаются съ каждымъ годомъ. Въ 1851 году по С. Петербургской Городской Почтѣ было отправлено: писемъ въ простыхъ кувертахъ 389,697; въ штемпельныхъ — 39,993, билетовъ 16,191, періодическихъ изданій по числу нумеровъ и подписчиковъ 908,724, и того 1,354,605.

Въ Москвѣ по Городской Почтѣ было переслано въ-теченіе года: писемъ 239,037, билетовъ 14,219.

Торговля Самары. — Городъ Самара съ давнихъ временъ извѣстенъ, какъ одинъ изъ важнѣйшихъ приволжскихъ пунктовъ хлѣбной торговли. Чтобъ видѣть движеніе этой торговли во всемъ ея размѣрѣ, надобно проѣхать зимою, въ какую угодно пору, по тамошнему Заволжью: вы увидите безконечные обозы съ хлѣбомъ, которые тянутся изъ степей въ Самару, на протяженіи 150 верстъ, съ сѣвера,

востока и юга; улицы города спираются отъ обозовъ, такъ-что иногда трудно бываетъ по нимъ проѣхать; поселянинъ, привезши сюда избытки хлѣба, тотчасъ сбываетъ ихъ; торговцы и ихъ прикащики съ утра до вечера хлопочутъ, стараясь какъ-можно-болѣе купить хлѣба, вездѣ торгуются и, условясь въ цѣнѣ, ссыпаютъ хлѣбъ въ амбары при домахъ и на пристани. А съ открытіемъ навигаціи пристань кипитъ народомъ, который быстро грузитъ хлѣбъ на подчалки, коноводныя машины, суда, асламки, тихвинки, ржевки и досчаники, и все это нимало немедля отправляется по назначенію. Торговля хлѣбомъ здѣсь въ цвѣтущемъ состояніи. Ей благопріятствуютъ всѣ условія: городъ стоитъ при Волгѣ, по которой безъ затрудненія можно передвигать огромныя массы въ страны прикаспійскія, на знаменитые рынки Россіи: Казань, Нижній-Новгородъ, Рыбинскъ, Москву, С. Петербургъ и даже за границу. Страна, принадлежащая Самарѣ, обильна землями, на которыхъ родятся всѣ роды хлѣбовъ, а въ особенности пшеница, едва-ли не самая лучшая въ цѣломъ свѣтѣ. Обширна въ Самарѣ хлѣбная торговля и въ-особенности отпускная. Здѣсь производятъ закупъ хлѣба торговцы мѣстные и иногородные, именно: московскіе, ярославскіе, рыбинскіе, ростовскіе, кашинскіе, тверскіе, городецкіе, казанскіе, нижегородскіе, симбирскіе, саратовскіе и другіе. Вотъ факты: въ самарской пристани куплено:

	Пшеницы.	Ржи.	Льнян. сѣмени.
1847 г.	704,300 четв.	57,050 четв.	13,560 четв.
1848	526,246 по 10 п.	22,950	11,800
1849	334,050	—	5,400
1850	559,200	—	5,000
1851	470,250	—	4,400
1852	710,450	—	21,300.

Здѣсь мы не упоминаемъ о другихъ родахъ хлѣба, какъ-то: объ овсѣ, горохѣ, пшенѣ и мукѣ. Самыя большія числа падаютъ на 1847 и 1852 годы, самая меньшая на 1849 годъ. Числа эти, основанныя на данныхъ, приблизительно-вѣрны; но скорѣе можно считать ихъ уменьшающими массу закупленныхъ товаровъ, чѣмъ увеличивающими, потому-что въ Самарѣ есть такіе, впрочемъ, мелочные торговцы, которые, закупая хлѣбъ мелкими партіями, не оглашаютъ своего промысла и никому не даютъ въ томъ отчета.

Караванная торговля Оренбургскаго Края въ 1851 году. — Въ-теченіе 1851 года, въ таможнѣ Оренбургскаго Края съ азіатской стороны привезено было на 11,565 верблюдахъ съ 27 подводами разныхъ товаровъ болѣе чѣмъ на 1,600,000 р. с. Изъ сравненія главныхъ статей привозной торговли оказывается, что въ 1851 году преимущественно увеличился привозъ пряденой и хлопчатой бумаги, которая, при постоянномъ требованіи, вывозилась въ предшествовавшіе три года въ весьма-недостаточномъ количествѣ, по причинѣ неурожая ея въ средней Азіи. Мѣновая торговля съ Киргизами была неблагопріятна въ 1851 году, ибо, отъ жестокой зимы и глубо-

кихъ снѣговъ, у Киргизовъ былъ значительный падежъ скота въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Оренбургской линіи, по недостаточности запасовъ для продовольствія; торговля же скотомъ, особенно баранами, составляетъ главную промышленость Киргизовъ. — Отпущено разныхъ товаровъ въ Азію, изъ пограничныхъ таможенныхъ мѣстъ Оренбургскаго Края, на 5,495 верблюдахъ съ 106 подводами, считая въ томъ числѣ и вывезенную монету (221,803 р. 10 к.), болѣе чѣмъ на 1,300,000 р. Сборовъ разныхъ получено въ 1851 году 184,618 р. 42½ к. с. Сумма пошлинъ возвысилась по удвоенному привозу чая Троицкими Татарами изъ Чугучака. Азіатскіе торговцы, при значительномъ привозѣ хлопчатой бумаги изъ средней Азіи, надѣялись имѣть отъ этого товара большія выгоды, почему и отправляли бумагу съ другими товарами изъ Оренбурга въ Самару, а оттуда посредствомъ парохода подрядили доставить въ Нижній-Новгородъ въ семидневный срокъ; но какъ этотъ новый опытъ доставки товаровъ не удался имъ, и пароходъ прибылъ на мѣсто почти чрезъ мѣсяцъ, при окончаніи ярмарки, то бумага пряденая и хлопчатая продана была торговцами по прежнимъ цѣнамъ.

«Оренбургскія Губернскія Вѣдомости», изъ которыхъ мы выписали вышеозначенныя свѣдѣнія, сообщаютъ слѣдующія вѣсти изъ Киргизской Степи:

Оренбургскіе купцы, занимавшіеся въ-теченіе прошлой зимы мѣною въ Киргизской Степи, по ту сторону уральскаго укрѣпленія, возвратясь въ Оренбургъ, разсказываютъ, что въ степи снѣга нынѣшнею зимою были очень-мелки (около ½ аршина), морозы незначительны, бураны рѣдки, и потому степной скотъ, единственное богатство номадовъ, имѣя обильное продовольствіе въ кормѣ, при весьма-легкой тебеновкѣ, очень-исправенъ и обѣщаетъ обильный приплодъ. Владѣльцы его, Киргизы, въ восторгѣ и въ полной надеждѣ, съ открытіемъ весны видѣть стада свои удвоенными, весьма-радушно принимаютъ русскихъ гостей, и вручаютъ имъ будущій приплодъ своихъ стадъ довольно-выгодно. Сообщенныя Киргизами, имѣющими торговое сношеніе съ Хивою, вѣсти насчетъ хивинскихъ товаровъ несовсѣмъ-благопріятны. По неурожаю въ прошломъ лѣтѣ хлопчатой бумаги, цѣны на мануфактурныя произведенія изъ этого продукта значительно возвысились.

По непродолжительнымъ буранамъ и морозамъ, прошлую зиму мы можемъ назвать умѣренною. Самые сильные бураны были въ послѣднихъ числахъ ноября, срединѣ декабря, концѣ января, началѣ и концѣ февраля, а значительные морозы въ срединѣ января (до 30° по Р). Цѣны на хлѣбъ и прочіе припасы, при послѣднемъ пути были необыкновенно-низки: пудъ лучшей ржаной муки отъ 18 до 20 к. с.; овса овиннаго отъ 12 до 15 к.; пшеничной муки отъ 21 до 35 к; гречневыхъ крупъ 18 к.; гороху 25 к.; фунтъ говядины отъ 2 до 3 к.; телятины задняя четверть по 3½ к. фунтъ, сотня яицъ свѣжихъ, къ Пасхѣ, продавалась отъ 35 до 40 к., возъ лучшаго луговаго сѣна доселѣ 70 к., ковыльнаго 50 к. Теперь (17 апрѣля) у насъ ужь стоятъ жары, которые въ полдень доходятъ въ тѣни до 25° по

Р.; снѣгъ ужь стаялъ окончательно; Уралъ вскрылся 12 числа, но воды какъ въ немъ, такъ и въ Сакмарѣ до-того мало, что до-сихъ-поръ переѣзжаютъ чрезъ нихъ въ бродъ; надежды на прибыль воды нѣтъ, потому-что, какъ разсказываютъ, на вершинѣ Урала снѣговъ вовсе нѣтъ. Осенняя засуха, малочисленность снѣга прошлой зимы и бездождіе въ настоящее время, весьма-мало благопріятствуютъ начавшимся посѣвамъ яровыхъ хлѣбовъ, а маловодіе въ рѣкахъ не обѣщаетъ урожая травъ. Говорятъ, что отъ пускаемыхъ паловъ, при сильныхъ вѣтрахъ, погорѣло много копенъ и скирдовъ хлѣба, остающагося, по здѣшнему обыкновенію, въ поляхъ на десятки лѣтъ, безъ всякаго надзора со стороны владѣльцевъ.

Вѣсти изъ Иркутска. — Изъ Иркутска пишутъ, что городу угрожалъ большой пожаръ. Съ 17 на 18 апрѣля, въ глухую полночь жители Иркутска разбужены были громомъ барабановъ, стукомъ колесъ и бурею съ сѣверо-запада. Все небо было въ яркомъ заревѣ. На Заморской Улицѣ былъ страшный пожаръ. Противъ Гимназіи, въ деревянномъ старомъ домѣ жила какая-то калачница. Ночью затопила она печку и, вѣроятно, загорѣлась въ трубѣ сажа. Ветхій домъ вспыхнулъ, а сѣверо-западный вѣтеръ погналъ пламя вдоль Заморской Улицы. Городу угрожалъ страшный пожаръ; но едва онъ достигъ высшаго развитія, какъ вѣтеръ затихъ. Въ Иркутскѣ были тогда до 1,000 человѣкъ переселенцевъ, вызванныхъ добровольно для населенія дороги въ Аянъ и Камчатку; они-то, при пособіи пожарной команды, разломали нѣкоторые домы, стоявшіе на пути стремленія пожара, другіе закрыли парусами и обливали водою. Пожару не дали распространиться. Жители стояли на кровляхъ съ ведрами воды и заливали падавшія головни; другіе ходили около домовъ своихъ, по двору и затаптывали каждую упавшую искру. Такъ продолжалось до разсвѣта, и къ 8 часамъ на Заморской Улицѣ лежали только обугленныя бревна.

Другое происшествіе, неменѣе-важное, привело въ недоумѣніе всѣхъ жителей Иркутска. Протекающая мимо города огромная и быстрая рѣка Ангара, проходитъ всегда за недѣлю или спустя недѣлю послѣ Благовѣщенія, то-есть 25 марта. Въ нынѣшнемъ году прошла она 24 апрѣля. Подобнаго примѣра не было съ-тѣхъ-поръ, какъ ведутся иркутскія лѣтописи, а онѣ восходятъ до начала прошедшаго столѣтія. Многимъ покажется невѣроятнымъ, что въ Сибири есть свои Несторы; но это фактъ, неподлежащій сомнѣнію. Лучшія лѣтописи хранятся въ купеческихъ домахъ Сибирякова и Донскаго. Наслѣдники дополняютъ ихъ и такимъ-образомъ готовятъ матеріалы для будущаго историка.

Столь позднее вскрытіе Ангары не прошло безъ несчастія. По льду озера Байкала былъ перевезенъ на здѣшнюю сторону изъ Кяхты чай. На истокѣ Ангары, никогда незамерзающемъ, нагрузили около тысячи мѣстъ, или ящиковъ, въ карбазъ и поплыли въ Иркутскъ, полагая, что Ангара непремѣнно очистилась отъ льда. За 7 верстъ до Иркутска карбазъ былъ остановленъ сплошнымъ льдомъ: это было подлѣ деревни. Карбазъ привязали канатомъ къ береговой льдинѣ, а

люди пошли въ деревню погулять, тогда былъ праздникъ; на суднѣ остались только два работника. Но быстрымъ теченіемъ карбазъ сорвало съ ледянаго якоря, понесло впередъ и вскорѣ затерло между плывущими льдинами; при этомъ случаѣ его сильно наклонило, и 400 ящиковъ упали въ рѣку; только 20 изъ нихъ отъискали кое-гдѣ на льдинахъ, остальные уплыли въ Енисей. Къ-несчастію, Китайцы перестали теперь заключать свой чай герметически въ свинцовые ящики, по желанію, однакожь, нашихъ купцовъ, а потому, если и найдетъ кто-нибудь ящикъ въ водѣ или на берегу, онъ проникнутъ ужь водою.

Географическое Общество въ Иркутскѣ дѣятельно подвизается на своемъ поприщѣ: опредѣлено множество точекъ астрономически, сняты карты съ такихъ мѣстъ, о которыхъ имѣли одни темныя понятія. Правда, что Обществу предстоитъ огромное поле для дѣятельности. Рѣки Витимъ, Олекма, Лиданъ неизслѣдованы; даже Лена и Ангара положены на карту землемѣрнымъ способомъ. Мы не знаемъ откуда вытекаютъ рѣки Енисей, Селенга, Ононъ; не знаемъ подъ какими градусами лежитъ Байкалъ и пр. и пр.

Метеоры. — «Журналъ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ» извѣщаетъ о двухъ метеорахъ. Одинъ изъ нихъ былъ 17 марта въ городѣ Севастополѣ, Таврической Губерніи, въ 9 часовъ вечера. На западной сторонѣ неба, противъ луны, сіявшей на восточномъ горизонтѣ, ярко виднѣлась между легкихъ облаковъ широкая ночная радуга, въ вертикальномъ положеніи; одинъ конецъ ея терялся на западѣ, за горизонтомъ моря. На другой день, 18-го марта, въ деревнѣ Карани, въ 12-ти верстахъ отъ Севастополя, къ югу, видимъ былъ великолѣпный метеоръ: въ 5 часовъ 50 минутъ утра, при восходѣ солнца, съ боковъ, не въ далекомъ, но равномъ отъ него разстояніи, образовались два огненнаго цвѣта шара одинаковой величины съ солнцемъ; они восходили вмѣстѣ съ нимъ, и когда поднялись отъ горизонта сажени на полторы по глазомѣру, то стали проясняться и приняли столь-яркій блескъ, что трудно было отличить отъ настоящаго солнца. Въ 6 часовъ и 40 минутъ, оба шара стали постепенно приближаться къ солнцу и черезъ 10 минутъ, соединившись съ обѣихъ его сторонъ, образовали собой какъ-бы эллипсисъ въ горизонтальномъ положеніи; чрезъ полчаса послѣ того, все исчезло и солнце приняло обыкновенную свою форму. До этого явленія и послѣ него не произошло въ атмосферѣ никакихъ перемѣнъ — весь день былъ ясенъ, тихъ и тепелъ.

Другой метеоръ случился въ Ярославлѣ 10 апрѣля: вечеромъ на безоблачномъ небѣ показался молодой мѣсяцъ въ видѣ тонкаго серпа. Чрезъ нѣсколько времени, серповидная линія стала постепенно обрисовываться все яснѣе-и-яснѣе по всей окружности луны и, наконецъ, очертила полный кругъ, въ видѣ свѣтлаго кольца. Послѣ того началъ являться свѣтъ, и на самой площади круга, сперва чуть замѣтный, потомъ все ярче-и-ярче; наконецъ освѣтился весь дискъ луны, однакожь не столь яркимъ свѣтомъ, какъ абрисъ окружности, но из-

сѣра, будто сквозь тонкій флёръ облака. Этотъ метеоръ наблюдаемъ былъ нѣсколькими лицами, но неизвѣстно, долго ли онъ продолжался. Днемъ тогда было мало-облачно, тихо и очень-тепло, а на другой день сдѣлалось пасмурно; вечеромъ же и во всю слѣдующую ночь шелъ сильный дождь.

Наводненія. — Тотъ же журналъ сообщаетъ о слѣдующихъ наводненіяхъ, случившихся нынѣшнею весною:

1) Лифляндской Губерніи, въ Рижскомъ Уѣздѣ, близь купальнаго мѣста Дуббельнъ, при вскрытіи рѣки Аа (25 марта), быстрымъ стремленіемъ воды отмыло лѣвый рѣчной берегъ на протяженіи 2½ верстъ въ длину и отъ 15 до 25 саженъ въ ширину, такъ-что были снесены два жилые дома цѣною въ 600 р. сер., и около двадцати десятинъ лѣса; сверхъ-того, значительно повреждена дорога изъ мѣстечка Дуббельнъ въ Ригу, и до 30 домовъ сдѣлались теперь столь близки къ берегу, что надобно опасаться обрушенія ихъ при будущемъ вскрытіи рѣки Аа.

2) Саратовской Губерніи въ городѣ Аткарскѣ, по вскрытіи рѣки Аткары, 6-го апрѣля, взломанный ледъ прошелъ и вода, поднявшись до высоты неслишкомъ-значительной, находилась въ такомъ положеніи до 11 числа. Но въ этотъ день, въ часъ пополудни, съ верховья рѣки пошелъ ледъ въ огромномъ количествѣ; вода стала быстро прибывать и, неумѣстясь въ рѣчномъ руслѣ, разлилась по лѣвому берегу вмѣстѣ со льдомъ, переломала тамъ нѣсколько заборовъ, ворвалась въ находящееся за дворами озеро, а изъ него проникла въ улицы Московскую и Пески. Здѣсь, также, какъ и по набережной, разрушила она 6 домовъ и 23 надворныя строенія; изъ числа послѣднихъ 18 были совсѣмъ унесены водой, причемъ погибло 10 штукъ крупнаго и мелкаго скота, а въ амбарахъ много подмочило разнаго хлѣба; понесенный отъ того убытокъ оцѣненъ въ 2,724 р. 50 к. сер. Сверхъ-того, въ пригородной слободѣ потерпѣли убытка, въ строеніяхъ и скотѣ, 54 домохозяина и государственныхъ крестьянъ, всего, какъ полагаютъ, на 1,000 р. сер. При этомъ несчастномъ случаѣ подвергались опасности трое взрослыхъ людей и 10 малолѣтныхъ; но всѣ они были спасены. Высота воды достигла до 11-ти аршинъ, и отъ этого, въ расположенныхъ на низменныхъ мѣстахъ пяти улицахъ, иные домы залиты были вровень съ окнами, а другіе по самую крышу. Вода начала убывать 12 числа въ 7 часовъ поутру, но къ вечеру того дня она опять прибыла до прежней высоты, а потомъ ужь стала убывать постоянно.

Саранча. — Таврической Губерніи, Ялтинскаго Уѣзда, въ Балаклавскомъ Округѣ, около деревни Карани и селеній Кадыковки и Комаровъ, появилась саранча (gryllus migratorius); она возродилась еще съ 15-го февраля, отъ прошлогоднихъ сѣменъ, съ изумительною скоростью начала увеличиваться, какъ въ ростѣ, такъ и въ количествѣ, и угрожаетъ хлѣбамъ и всѣмъ вообще растеніямъ.

Въ первыхъ числахъ апрѣля (отъ 8-го по 16-е), саранча появилась въ большомъ количествѣ въ Шемахинской Губерніи; въ меньшемъ количествѣ въ Шушинскомъ Уѣздѣ, въ кеберлинскомъ участкѣ, на поляхъ деревень: Саруджалу, Афатлу и Марзилу, и въ урочищѣ Миль.

Извѣстно, что саранча истребляется розовыми скворцами, нещадно ее преслѣдующими; птицы эти уже появились въ большомъ числѣ на всѣхъ сказанныхъ мѣстахъ Шемахинской Губерніи, гдѣ появилась саранча. «Любопытно видѣть, съ какимъ ожесточеніемъ розовые скворцы истребляютъ саранчу», сказано въ донесеніи о семъ начальника губерніи. «Наѣвшись саранчи, скворцы терзаютъ оставшихся насѣкомыхъ и истребляютъ ихъ. Утомившись, птицы эти отлетаютъ къ рѣкѣ, пьютъ воду и, отдохнувъ немного, вновь, съ новыми силами, нападаютъ на саранчу, истребляя ее, съ небольшими отдыхами, цѣлый день съ утра до вечера. Когда саранча окрыляется и перелетаетъ густыми массами съ одного мѣста на другое; скворцы также не оставляютъ ее своимъ преслѣдованіемъ: они врываются въ массы саранчи и бьютъ ее клювомъ и крыльями, такъ-что истребленная саранча тысячами падаетъ на землю на всемъ пространствѣ своего перелета. Но это воздушное преслѣдованіе для скворцовъ утомительно, тѣмъ болѣе, что послѣ окрыленія саранчи становится ужь очень жарко и скворцы принуждены часто отлетать къ ближайшей рѣкѣ, чтобы напиться, выкупаться и съ силами собраться для продолженія боя!»

Курганы Владимірской Губерніи. — Вотъ что пишутъ объ этомъ въ тамошнихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ:

«Курганы Владимірской Губерніи по-большой-части находятся въ отдаленіи отъ дорогъ: въ чащѣ лѣсовъ или подлѣ нихъ, при рѣкахъ и оврагахъ или позади селеній; а потому они были многими или незамѣчены, или, по неимѣнію о нихъ положительныхъ свѣдѣній, оставлены безъ вниманія; только повременамъ носились о нихъ преданія ближнихъ жителей.

«Въ прошедшемъ году графъ Алексѣй Сергѣевичъ Уваровъ обнаружилъ множество кургановъ въ Суздальскомъ Уѣздѣ и первый положилъ начало разрытію ихъ, которое должно опредѣлить настоящее ихъ значеніе въ здѣшнемъ краѣ и уяснить темныя страницы исторіи его. Послѣ сего г. Розовъ въ сентябрѣ мѣсяцѣ прошедшаго же года сообщилъ извѣстіе о курганахъ, находящихся въ имѣніи г. Андреева, въ Ковровскомъ Уѣздѣ; а въ октябрѣ мѣсяцѣ этого же года отысканы курганы въ 6½ верстахъ отъ города Владиміра, позади села Добраго, подлѣ оврага.

«Этотъ оврагъ весьма-глубокъ и утесистъ, и въ немъ, и по краямъ его, лѣтъ десять назадъ тому, расли огромныя сосны, но онѣ срублены. Оврагъ при самомъ селѣ раздѣляется на двѣ части, изъ которыхъ одна углубляется въ старое село, а другая въ новое. Противъ мѣста, гдѣ раздѣляется оврагъ, на правой сторонѣ его, находится до 50-ти кургановъ, изъ которыхъ самый большой имѣетъ въ окружности 32

шага, а въ вышину простирается до $2^1/_2$ аршинъ. Немногіе изъ кургановъ разсыпаны съ верха, и то, кажется, не изъ любознательности или изъ видовъ корысти, а скорѣе для вырубки толстыхъ сосновыхъ пней, какіе и до-сихъ-поръ видны еще между курганами. Что же скрываютъ они подъ собою? Преданіе говоритъ, что подъ курганами лежатъ убитые Литовцы и что тутъ иногда обнаруживались человѣческія кости. Литовцы, дѣйствительно, подступали къ городу Владиміру въ началѣ XVII столѣтія, въ 1608 году.

Казанскій и Курскій театры. — «Въ настоящее время (пишутъ изъ Казани) нашъ театръ есть такое явленіе въ общественной жизни Казани, которое далеко оставляетъ за собою всѣ прочія, хотя эта жизнь и неразнообразна. Въ-самомъ-дѣлѣ, смотря на постоянно-полный амфитеатръ, на эту толпу, стремящуюся съ жаднымъ любопытствомъ къ новому и красивому зданію театра, нельзя не радоваться, что губернская жизнь выбѣгаетъ изъ привычной и однообразной колеи своей, что въ этой жизни является то чувство, которое на языкѣ образованности называется интересомъ къ искусству. Мы душевно желаемъ только одного: чтобъ эта любовь не простыла, чтобъ театръ мало-по малу, вмѣстѣ съ болѣе-строгимъ устройствомъ своимъ, дѣлался общественною потребностью, чтобъ онъ не былъ такимъ незамѣтнымъ учрежденіемъ, о которомъ никто не говоритъ и до котораго никому нѣтъ дѣла. Внѣшняя сторона казанскаго театра бросается прежде всего въ глаза своими прекрасными достоинствами. Невольно радуешься, когда, привыкнувъ къ балаганному устройству губернскихъ театровъ, къ ихъ закопченнымъ стѣнамъ, жалкому освѣщенію и сценѣ, обставленной изодранными и полинялыми декораціями, вдругъ видишь прекрасную, яркоосвѣщенную залу, напоминающую залу Михайловскаго Театра, сцену довольно-обширную и декораціи какъ съ иголки. До-сихъ-поръ съ 9 по 15 апрѣля было четыре представленія. Общее впечатлѣніе ихъ чрезвычайно-благопріятно и гораздо-полнѣе того, какое оставляли представленія прежней труппы. Изъ пьесъ, представленныхъ въ это время, слѣдуетъ упомянуть о слѣдующихъ: «Что имѣемъ, не хранимъ, потерявши плачемъ», «Кетли», «Дезертёръ», «Комедія съ дядюшкой», «Путанница», «Блаженство безумія», «Цыганка» и «Параша Сибирячка». Изъ артистовъ замѣчательны: г. Выходцовъ въ роляхъ буффо; г-жа Стрѣлкова въ роляхъ благородныхъ матерей и старушекъ; гг. Степановъ, Владиміровъ и г-жа Стрѣлкова и Прокофьева. Постановка на сцену прекрасна. Никогда не видали мы такого вкуса въ костюмахъ, такого даже богатства ихъ и разнообразія. Все это такъ ново, такъ чисто, такъ опрятно, мебель и другія принадлежности на сценѣ такъ хороши, что нельзя не замѣтить ихъ. Декораціи прекрасны; особенно намъ понравилась крестьянская изба въ Парашѣ Сибирячкѣ и задній планъ швейцарскихъ горъ. Зато и восторгу и рукоплесканіямъ нѣтъ конца. Въ послѣдній разъ мы замѣтили даже на сценѣ уединенный букетъ.»

Вотъ что пишутъ изъ Курска о тамошнемъ театрѣ: «Театръ нашъ, послѣ разныхъ превратностей и перемѣны антрепренёровъ, принялъ,

кажется, довольно-твердое начало, поступивъ подъ управленіе дирекціи, составленной изъ лицъ, заботящихся о доставленіи удовольствія посѣтителямъ. Теперь все будетъ зависѣть отъ нашего общества, чтобы поощрить благое начало и поддержать абонементъ на 10 спектаклей, съ 27 апрѣля по 20 мая. Труппа составлена собственно для комедіи и водевилей. Изъ новыхъ артистовъ дирекція пріобрѣла г. Дрейсига, превосходнаго комика, особенно въ роляхъ Малороссіянъ, семейство Нѣмовыхъ — мужа и жену, отличающихся прекрасными манерами и отчетливою игрою, и г-жу Каблукову, довольно-граціозно исполняющую характерные танцы. Лучшими изъ съигранныхъ пьесъ были: «Андрей Степановичъ Бука», «Москаль Чаривникъ», «Барская спѣсь и Анютины глазки», «Бабушкины попугаи», «Коломенскій нахлѣбникъ» и «Хочу быть актриссой». Плата за билеты назначена самая умѣренная: ложи бельэтажа: среднія противъ сцены 4 р., остальныя 3 р.; ложи бенуара: литерныя 5 р., закрытыя 2 р. 50 к., остальныя 2 р.; кресла 1 и 2 ряда 1 р. 50 к., 3, 4, 5 и 6 1 р., 7, 8 и 9 рядовъ 75 к.

V.

ИЗСЛѢДОВАНІЯ О ДРЕВНОСТЯХЪ ЮЖНОЙ РОССІИ И БЕРЕГОВЪ ЧЕРНАГО МОРЯ *графа* Алексѣя Уварова. *Выпускъ первый. Санктпетербургъ. 1851. Текста VI и 138 стр. въ листъ, и атласъ изъ XXIII таблицъ въ самый большой листъ.*

Сочиненіе, первый выпускъ котораго лежитъ теперь передъ нами, принадлежитъ къ числу изданій, составляющихъ плодъ обширныхъ предварительныхъ трудовъ и значительныхъ матеріальныхъ пожертвованій. Когда оно будетъ доведено до конца, оно займетъ—мы не боимся сказать это—первое мѣсто между всѣми появившимися до-сихъ-поръ сочиненіями о классическихъ древностяхъ Южной Россіи и сдѣлаетъ эпоху въ обнародованіи памятниковъ греко-римскаго времени, находимыхъ около сѣверныхъ береговъ Чернаго Моря. Но ужь и первый выпускъ даетъ автору право на самое живое сочувствіе всѣхъ цѣнителей успѣха въ русской наукѣ, на искреннюю благодарность со стороны любителей дѣла и ученыхъ, имъ занимающихся, и на полное вниманіе критики. Общая признательность должна быть тѣмъ сильнѣе, что успѣхъ предпріятія былъ сопряженъ съ преодолѣніемъ многихъ трудностей и требовалъ соединенія въ лицѣ автора условій, рѣдко-соединяющихся въ одномъ лицѣ. Это не книга, написанная между другимъ дѣломъ, среди всѣхъ удобствъ ученаго кабинета: для составленія ея и собранія матеріаловъ требовались и познанія ученаго и практическая энергія; нужна была ревность страстнаго собирателя, нежалѣющаго никакихъ усилій для пополненія своего собранія; нужна была неутомимость путешественника, непугающагося передъ напряженнымъ трудомъ и неудобствами жизни; наконецъ, нужна была патріотическая готовность пожертвовать на благо отечественной науки значительными деньгами, въ наше время, которое, какъ всѣмъ извѣстно, открыло

столько заманчивыхъ путей для пріятнаго употребленія матеріальныхъ средствъ. Зато сочиненіе графа Уварова составляетъ пріятную противоположность съ тѣми продуктами распространяющагося теперь книгодѣлія, въ которыхъ вы напрасно станете искать или новой мысли или новаго факта. Разсматривая вышедшій теперь первый выпускъ, вы безпрестанно будете встрѣчаться то съ новымъ, совершенно-неизвѣстнымъ до-сихъ-поръ памятникомъ, то съ памятникомъ, о которомъ только упоминалось, но который не былъ изданъ, то съ остроумнымъ и оригинальнымъ замѣчаніемъ, которое, если вы съ нимъ и не согласитесь, наведетъ васъ на новыя соображенія. Обиліе матеріала бросается здѣсь въ глаза не менѣе, чѣмъ роскошное его сообщеніе. Украшеніе всякой библіотеки, по внѣшнему великолѣпію изданія, «Изслѣдованія о древностяхъ Южной Россіи» будутъ необходимою потребностью ученаго кабинета не только въ наше время, но и у нашихъ потомковъ. Обогативъ науку замѣчательнымъ обиліемъ новыхъ свѣдѣній и сообщивъ для всеобщаго употребленія множество памятниковъ въ такой изящной формѣ, въ какой едва ли они въ скоромъ времени явятся въ другой разъ, «Изслѣдованія» графа Уварова сохранятъ надолго значеніе изданія, безъ котораго ученому нельзя обойдтись, и съ честью поддержать незабвенное въ исторіи русскаго просвѣщенія знаменитое имя автора. Журнальная критика была бы несправедлива, и — скажемъ болѣе — она показала бы равнодушіе къ успѣхамъ не только русской ученой литературы, но и русскаго общества, еслибъ не отмѣтила такого явленія съ особеннымъ участіемъ на своихъ страницахъ.

Поводъ къ предпринятому графомъ Уваровымъ ученому труду былъ слѣдующій:

Въ 1847 году, въ одномъ изъ послѣднихъ засѣданій Императорскаго Археологическаго Общества, предложенъ былъ вопросъ: какимъ-образомъ пополнить свѣдѣнія о памятникахъ древности, сохранившихся на берегахъ Чернаго Моря и доселѣ еще такъ мало изслѣдованныхъ? Его Императорское Высочество герцогъ Лейхтенбергскій, Августѣйшій Предсѣдатель Общества, съ просвѣщенною ревностью принявъ въ этомъ вопросѣ участіе, изволилъ назначить изъ членовъ Общества коммиссію, для опредѣленія: въ чемъ именно должны состоять эти свѣдѣнія, и какимъ-образомъ ихъ собрать. Избранная такимъ распоряженіемъ коммиссія составила списокъ мѣстностей того края, примѣчательныхъ въ археологическомъ отношеніи, и присовокупила къ нему нѣсколько вопросовъ, еще неразрѣшенныхъ и требующихъ подробнаго изслѣдованія. Въ то же время она предполагала послать одного изъ членовъ Археологическаго Общества для исполненія этихъ изслѣдованій. Но это предположеніе коммиссіи не могло быть приведено въ дѣйствіе, по значительности соединенныхъ съ такимъ путешествіемъ издержекъ. «Полагая, что по- «добная задача (говоритъ скромный авторъ), требовала не столь-

«ко учености, сколько добросовѣстности и точности, что, поэтому, «она не превышаетъ и моихъ силъ, я рѣшился воспользоваться «этимъ случаемъ для изученія южной части моего отечества и «обратился къ Его Императорскому Высочеству герцогу Лейхтен-«бергскому, съ просьбою поручить мнѣ предполагаемыя изслѣдо-«ванія». Эта просьба, сопровождаемая предложеніемъ принять всѣ издержки экспедиціи на свой счетъ, была принята, и Августѣйшій Предсѣдатель Общества и Императорской Академіи Художествъ благоволилъ назначить въ спутники графу Уварову молодаго и талантливаго художника Академіи г. Вебеля, для снятія видовъ и рисунковъ. Общество же въ своемъ XX засѣданіи (4 мая 1848 г.) дало отправлявшемуся въ ученую экспедицію сочлену слѣдующее, составленное коммиссіею, предписаніе:

1. Осмотрѣть всѣ мѣста, означенныя въ спискѣ, приложенномъ къ предписанію, и по всему берегу Чернаго Моря отъ устья Фазиса до устьевъ Дуная собрать свѣдѣнія о мѣстностяхъ, упоминаемыхъ у древнихъ писателей и представляющихъ въ настоящее время наиболѣе слѣдовъ древностей.

2. Обратить особенное вниманіе на курганы, означить число ихъ и взаимное положеніе; развѣдать, сколько возможно, раскапываны ли эти курганы или нѣтъ, и что̀ было въ нихъ найдено?

3. Сообщить Обществу подробныя свѣдѣнія о различныхъ способахъ раскапыванія кургановъ; чѣмъ курганы различествуютъ между собою и какія издержки требуются на ихъ раскапываніе?

4. Снять, какъ-можно-точнѣе, слѣдующія мѣстности, съ которыхъ доселѣ еще нѣтъ хорошихъ плановъ:

	Древнія имена.	*Новѣйшія времена.*
Въ Новороссійскомъ Краѣ:	Антифилъ	Лиманъ (Карачаузъ)
	Тирасъ	Аккерманъ
	Никоніонъ	Овидіополь
	Гавань Исиды	Лустдорфъ
	Гавань Одессовъ	Станція на востокъ отъ Одессы
	Фиска	Помѣстье г. Жевахова.
	Одессъ	Коблевка
	Алекторъ или гавань Ахеянъ	Митилеи
Въ Крыму:	Ѳеодосія	Каффа
На полуостровѣ Тамачи:	Ахиллейонъ	Сѣверная Коса
	Тирамба	Суворовскій Редутъ
	Танаисъ	Недвиговка
	Кепы, то-есть Сады	
	Корокондама	Тмуторокань
	Фанагорія	Станица Сѣнная

	Древнія имена.	*Новѣйшія времена.*
На восточномъ берегу Чернаго моря:	Синдика	Анапа
	Діоскуріасъ	Капъ Искуріахъ.

5. Изслѣдовать слѣды и развалины, сохранившіеся въ Крыму, и преимущественно по берегамъ Салгира, Бельбека и въ Мангушѣ.

6. Кромѣ изслѣдованія классическихъ древностей, обратить вниманіе и на древности скиѳскія, византійскія, татарскія, генуэзскія и русскія.

7. Собрать всѣ древнія надписи, которыя не изданы, или покажутся неизданными; снять съ нихъ копіи или оттиски.

8. Повѣрить свѣдѣнія, сообщенныя Дюбрюксомъ о Нимфеѣ (Карабурумъ).

9. Осмотрѣть музеи въ Николаевѣ, Ѳеодосіи и Одессѣ и древности, находящіяся вокругъ церкви въ Тамани.

10. На сѣверномъ берегу Гнилаго Моря есть, говорятъ, нѣсколько могилъ скиѳскихъ царей: разсмотрѣть, до какой степени эти слухи достовѣрны, и пополнить неточность свѣдѣній объ этомъ предметѣ.

11. Извѣщать Общество о ходѣ изслѣдованій.

Изъ этой инструкціи видно, что она возлагала на путешествующаго археолога изслѣдованіе всѣхъ мѣстностей по всему обширному пространству сѣверозападнаго, сѣвернаго и сѣверовосточнаго берега Чернаго Моря и по всѣмъ берегамъ моря Азовскаго. Исключеннымъ, по нѣкоторымъ обстоятельствамъ, остался одинъ только пунктъ, именно Керчь и его окрестности. Но ученый путешественникъ, при исполненіи порученія, на него возложеннаго, былъ принужденъ допустить нѣкоторыя отступленія. Съ одной стороны, независѣвшія отъ него обстоятельства не дозволили ему посѣтить нѣкоторые пункты, означенные въ инструкціи, какъ-то островъ Ахилла (Фидониси) и восточный берегъ Чернаго Моря на югъ отъ устьевъ Кубани; съ другой стороны, онъ счелъ за нужное обратить вниманіе на такіе вопросы, которые не вошли въ число предложенныхъ ему Обществомъ. Такъ, напримѣръ, онъ долженъ былъ начать свои изъисканія только у береговъ Чернаго Моря, а началъ ихъ съ самыхъ днѣпровскихъ пороговъ, предполагая найдти ужь и тутъ слѣды греческихъ поселеній, и его надежды, какъ мы увидимъ, не были обмануты.

Путешествіе было совершено лѣтомъ и осенью 1848 года, и ужь въ XXIII-мъ засѣданіи Археологическаго Общества, 13-го декабря 1848 года, было прочтено письмо графа Уварова, которымъ онъ предлагалъ издать результаты своихъ изъисканій на свой собственный счетъ, въ случаѣ, если съ средствами Общества не будетъ совмѣстима издержка отъ 5 до 6 тысячъ рублей серебромъ, необходимыхъ для приличнаго изданія въ свѣтъ цѣлаго сочиненія. Общество приняло это предложеніе съ призна-

тельностью и опредѣлило просить графа объ изготовленіи, кромѣ изданія на русскомъ языкѣ, еще другаго изданія, на французскомъ языкѣ, «ибо, независимо отъ интереса національнаго, ко-«торый долженъ быть связанъ съ сочиненіемъ такого рода, оно «можетъ принести большую пользу и наукѣ вообще, по важности «греческихъ колоній на Черномъ Морѣ», (см. Протоколъ XXIII засѣданія).

Все сочиненіе, состоящее, сколько мы слышали, изъ семи главъ, будетъ издано въ трехъ выпускахъ. Въ вышедшемъ теперь первомъ выпускѣ помѣщены двѣ главы, имѣющія своимъ предметомъ берега Днѣпра внизъ отъ пороговъ и остатки древней Ольбіи. Нельзя не поблагодарить автора за присоединеніе первой главы, содержаніе которой не входило въ предѣлы, очерченные Обществомъ. Мы находимъ въ ней весьма-интересныя свѣдѣнія о курганахъ, испещряющихъ эту часть Новой Россіи, о самыхъ порогахъ и вещахъ, около нихъ находимыхъ, и, въ заключеніе, полное описаніе Кучугуръ Никопольскихъ—этой замѣчательной мѣстности, которая еще теперь вся усѣяна обломками остатковъ отъ древней греко-римской цивилизаціи.

Начнемъ съ важнаго наблюденія, сдѣланнаго авторомъ относительно географіи кургановъ, этихъ загадочныхъ памятниковъ отдаленной эпохи, разсѣянныхъ по всей Россіи. Всѣмъ извѣстно, что курганы были ужь для древней Руси памятникомъ забытой древности. Наши предки пользовались ими, какъ вѣрными примѣтами направленія дороги посреди незаселенной степи; у нихъ клали станичники доѣздныя памяти; нѣкоторые изъ нихъ имѣли общеизвѣстность: каменный человѣкъ на рѣчкѣ на Терновкѣ, двѣ дѣвки каменныя близь Самары и многіе другіе курганы упоминаются въ Книгѣ Большаго Чертежа, какъ твердые пункты, служащіе для измѣренія разстояній. При устроеніи засѣки въ концѣ XVI столѣтія, многіе курганы вошли въ число укрѣпленныхъ мѣстъ. Но очень-важно знать первоначальное назначеніе кургановъ и то, какому племени какіе изъ нихъ обязаны своимъ происхожденіемъ. Въ этомъ отношеніи представляетъ большой интересъ замѣчаніе, сдѣланное графомъ Уваровымъ о различіи между курганами Средней и Южной Россіи. Въ первыхъ попадаются древности, совершенно-сходныя съ древностями, открываемыми въ курганахъ Литвы, Польши и Богеміи: мы вправѣ заключить изъ этого, что они насыпаны подраздѣленіями племени, жилища котораго простирались до Богеміи. Напровивъ того, курганы Южной Россіи, очевидно, принадлежатъ племенамъ скиѳскому и греческому, нераспространявшимся на сѣверъ и сѣверозападъ такъ далеко. Особенно-замѣчательно наблюденіе, сдѣланное графомъ Уваровымъ, что курганы Средней Россіи, которые могутъ быть приписаны славянскому племени, географически отдѣляются отъ скиѳскихъ и греческихъ кургановъ Южной Россіи пространною полосою, непредставляющею кургановъ.

Между станціею Дрозды (въ Курской Губерніи) и городомъ Обоянью, въ 49-ти верстахъ отъ Курска, на западной сторонѣ отъ дороги (авторъ пишетъ: *на правой;* мы полагаемъ, что это значитъ на западной, потому-что авторъ ѣхалъ на югъ) стоятъ шесть кургановъ различной величины; три гораздо-выше остальныхъ, которые почти совершенно-плоски. Всѣ они вмѣстѣ образуютъ кругъ, посерединѣ котораго стоитъ самый высокій изъ нихъ, съ вершиной какъ-будто срѣзанной. Отъ этихъ-то дрозденскихъ кургановъ и до самыхъ днѣпровскихъ пороговъ все пространство совершенно-свободно отъ кургановъ и составляетъ, по мнѣнію автора, ширину безкурганной полосы, простирающейся на западъ до Карпатовъ и на востокъ до Волги. Очень было бы желательно, чтобъ болѣе-спеціальныя свѣдѣнія объ этихъ мѣстахъ дали возможность точнѣе опредѣлить протяженіе безкурганной полосы. Этотъ предметъ, требующій, какъ говоритъ авторъ (стр. 10), особенныхъ изслѣдованій, направленныхъ исключительно на него, вполнѣ заслуживаетъ вниманія науки.

На югъ отъ безкурганной полосы, близь днѣпровскихъ пороговъ, прославленныхъ и на Руси и въ Византіи, при впаденіи въ Днѣпръ рѣки Суры, лежитъ первая группа кургановъ, которую, по мнѣнію автора, можно приписать Скиѳамъ. Эти курганы стоятъ на землѣ, принадлежащей Палатѣ Государственныхъ Имуществъ. Они обложены каменными плитами. Самъ авторъ не имѣлъ возможности осмотрѣть ихъ; свѣдѣнія, имъ сообщаемыя, основаны на показаніяхъ инженерныхъ офицеровъ, занятыхъ работами при порогахъ. Но онъ полагаетъ, что въ нихъ можно узнать гробницы скиѳскихъ царей, находившіяся, по Геродоту, въ землѣ Герровъ, у того мѣста, гдѣ Борисѳенъ перестаетъ быть судоходнымъ, тѣ знаменитыя царскія гробницы, въ которыхъ, послѣ долгаго путешествія по всѣмъ скиѳскимъ племенамъ, наконецъ хоронилось напитанное воскомъ и наполненное благоуханными растеніями тѣло царя, вмѣстѣ съ служителями царя и его наложницей, съ его конями, съ первенцами всѣхъ животныхъ и золотыми сосудами. Мѣсто Геродота, относящееся сюда, основано на показаніяхъ греческихъ путешественниковъ, очевидно хотѣвшихъ преувеличить разстояніе отъ устья Днѣпра до царскихъ гробницъ. «Гробницы царей (говоритъ онъ) находятся въ землѣ Герровъ, въ томъ мѣстѣ, до котораго Борисѳенъ судоходенъ». Судоходенъ же Борисѳенъ, по словамъ Геродота, на сорокъ дней пути отъ устья. Теперь, ежели мы положимъ, на основаніи самого Геродота (II, 9), день плаванія по рѣкѣ равнымъ 540 стадіямъ, то получимъ огромное число — 21,600 стадій, или болѣе нежели 3,500 верстъ. Даже считая день плаванія, какъ день самой медленной ходьбы, то-есть по 150 стадій на день, будемъ имѣть все-таки далеко-несоотвѣтствующее дѣйствительности число—6000 стадій, или слишкомъ тысяча верстъ. Кромѣ того, теченіе рѣки Герроса обозначено у Геродота неясно, и потому г. Надеждинъ (въ Запискахъ Одесскаго Общества т. I, стр. 84) видитъ ее не

Этими показаніями воспользовался графъ Уваровъ, чтобъ показать, что никопольскія кучугуры занимаютъ мѣсто древняго Серима. При этомъ онъ принималъ, что данныя Птолемея основаны на астрономическихъ наблюденіяхъ широты и, принимая это, совершенно послѣдовательно взялъ въ соображеніе однѣ широты, показанныя Птолемеемъ. Но спрашивается, вѣроятно ли предполагать, что эти данныя основаны на астрономическихъ наблюденіяхъ; вѣроятно ли, чтобъ люди, дѣлавшіе для Птолемея наблюденія относительно широты, остались такъ невнимательными къ направленію теченія Днѣпра; что, вмѣсто теченія съ СВВ сообщили ему о теченіи, по-крайней-мѣрѣ на пространствѣ отъ Метрополя до Ольбіи, съ ССЗ на ЮЮВ? Въ наше время мѣста, о которыхъ идетъ рѣчь, правда, еще не опредѣлены астрономически, но, судя по подробной картѣ Россіи, приблизительно-вѣрныя опредѣленія ихъ положенія должны быть слѣдующія:

	Долгота.	Широта.
Село Ильинское, лежащее на мѣстѣ древней Ольбіи	49° 36′	46° 42′ 30″
Никополь	52° 36′	47° 30′

Всякій видитъ, какъ далеки эти приблизительно-вѣрныя опредѣленія отъ птолемеевскихъ. Но даже кромѣ-того, мы спрашиваемъ, можно ли предполагать съ нѣкоторою вѣроятностью, чтобъ въ этихъ отдаленныхъ мѣстахъ дѣлались въ древности астрономическія наблюденія, въ этихъ мѣстахъ, гдѣ еще теперь ихъ сдѣлано такъ мало, въ этой Скиѳіи и Сарматіи, въ которой только южной берегъ привлекалъ къ себѣ вниманіе древнихъ? Намъ, по-крайней-мѣрѣ, кажется несомнѣннымъ, что данныя, которыми пользовался Птолемей относительно положенія городовъ, находившихся на берегахъ Борисѳена, были взяты не изъ астрономическихъ наблюденій, а изъ опредѣленій протяженія пути. Авторъ можетъ привести противъ нашего мнѣнія авторитетъ Д. М. Перевощикова, который въ письмѣ къ нему, напечатанномъ на стр. 28 «Изслѣдованій», изъ сличенія птолемеевыхъ положеній съ положеніями, опредѣленными въ наше время, вывелъ среднюю погрѣшность, исправляющую ошибки Птолемея; причемъ г. Певощиковъ, очевидно, руководствовался мыслью, что положенія птолемеевы получены путемъ астрономическихъ наблюденій. Но уже самъ авторъ замѣтилъ, что выводъ г. Перевощикова не имѣетъ приложенія къ внутреннимъ странамъ Скиѳіи (стр. 27), и мы еще прибавимъ, что и относительно крымскихъ мѣстъ онъ не можетъ быть признанъ за средство, равно вездѣ вѣрное. *Одной* погрѣшности для долготы и *одной* для широты никакъ нельзя предполагать въ опредѣленіяхъ птолемеевыхъ. Источникъ погрѣшности лежалъ, какъ мы уже замѣтили, въ неправильномъ понятіи Птолемея относительно величины градуса большаго круга; поэтому погрѣшности птолемеевы могутъ быть только прогрессивныя погрѣшности, и о средней погрѣшности для нѣсколькихъ мѣстъ не можетъ быть рѣчи, ежели только мы ищемъ точности.

Итакъ, мы полагаемъ, что опредѣленіе положенія Метрополя и Серима, относительно Ольбіи, основано у Птолемея на купеческихъ свѣдѣніяхъ о разстояніи этихъ мѣстъ. Птолемей взялъ, полагаемъ мы, возможно-вѣрное извѣстіе о разстояніи Ольбіи отъ Метрополя и Метрополя отъ Серима, откинулъ отъ этихъ разстояній по одной трети, какъ онъ дѣлалъ для приведенія извилистаго пути въ прямой, принялъ въ разсчетъ свѣдѣнія о направленіи теченія Днѣпра и такимъ-образомъ получилъ приведенныя нами выше опредѣленія. При этомъ онъ считалъ, самособою-разумѣется, градусъ большаго круга, какъ и вездѣ, въ 500 стадій.

Поэтому, чтобъ найдти то разстояніе трехъ важныхъ для насъ пунктовъ, Ольбіи, Метрополя и Серима, которымъ пользовался Птолемей, надобно вычислить величину птоломеевой дуги большаго круга между Ольбіей и Метрополемъ и между Метрополемъ и Серимомъ, превратить эту величину въ стадіи и прибавить къ полученному такимъ-образомъ числу стадій половину: тогда получится число стадій, сообщенное Птолемею путешественниками. А принимая 57° 0′ долготы и 49° 0′ широты за положеніе Ольбіи, 56° 30′ долготы и 49° 30′ широты за положеніе Метрополя и 57° 0′ долготы и 50° 0′ широты за положеніе Серима, мы находимъ разстояніе: Ольбіи отъ Метрополя = 0° 35′ 47,0″ или 298,19 стадіи и Метрополя отъ Серина = 0° 35′ 43,5″ или 297,71 стадіи; слѣдовательно разстояніе отъ Ольбіи до Серима = 595,9, а съ придачею половины = 893,85 стадій. Полагая же греческій футъ единственной употреблявшейся въ Греціи олимпійской мѣры въ 12, 1372 англійскаго дюйма (*), слѣдовательно стадію, состоящую изъ 600 англійскихъ футовъ, въ 606,86 англійскаго фута, или въ 86,6925 нашей сажени, разстояніе между Ольбіей и Серимомъ, сообщенное Птолемею, будетъ равняться безмалаго нашимъ 155 верстамъ.

У насъ нѣтъ подъ рукой точныхъ свѣдѣній о разстояніи никопольскихъ кучугуръ отъ села Ильинскаго, лежащаго на мѣстѣ древней Ольбіи. Мы принуждены прибѣгнуть къ приведеннымъ выше даннымъ, почерпаемымъ изъ Подробной Карты Россіи и, на основаніи ихъ, находимъ, что взаимное разстояніе этихъ двухъ пунктовъ по большему кругу = 2° 6′ 48″ = 220,50 версты, полагая градусъ экватора = 104, 3388 версты. Къ этому числу надобно было бы придать его половину, чтобъ сдѣлать его сравнимымъ съ полученнымъ нами выше числомъ 155 верстъ, и тогда это число возрасло бы до 330,75 версты, числа болѣе, чѣмъ вдвое превышающаго разстояніе Ольбіи отъ Серима по тѣмъ свѣдѣніямъ, которыми долженъ былъ пользоваться Птолемей.

Имѣя въ виду эти основанія, мы не можемъ согласиться съ графомъ Уваровымъ, что слѣды древняго поселенія, находимые

(*) См. Böckh Metrolog. Unters. стр. 199.

въ никопольскихъ кучугурахъ, суть остатки древняго Серима. Наше сомнѣніе получаетъ еще бо́льшую силу отъ невѣроятности того, чтобъ отъ такого незначительнаго городка, какъ Серимъ, могли остаться такіе значительные слѣды, выдерживающіе до-сихъ-поръ трудную борьбу съ сыпучими песками. Мы полагали прежде, что въ кучугурахъ нельзя видѣть ничего другаго, какъ мѣста гробницъ скиѳскихъ царей. Сознаемся, что это мнѣніе сильно поколеблено сообщенными графомъ Уваровымъ свѣдѣніями о найденныхъ тамъ монетахъ. Но совершенно отказаться надобно будетъ отъ этого мнѣнія лишь въ томъ случаѣ, когда или въ курганахъ, лежащихъ при впаденіи въ Днѣпръ рѣки Суры, или въ какихъ бы то ни было другихъ курганахъ, будутъ найдены вещи, явно-свидѣтельствующія о своей принадлежности гробницамъ скиѳскихъ царей.

На обширное, богатое данными и въ высшей степени интересное поприще вступаетъ авторъ, переходя во второй главѣ своихъ «Изслѣдованій» къ древней Ольбіи. Какъ-бы прелюдіей къ этой знаменитой мѣстности служатъ Золотой и Станиславской Мысы. Они отстоятъ одинъ отъ другаго на семь верстъ. На первомъ стоитъ теперь полуразрушенный маякъ, на второмъ — село Станиславское. Крутая скала, составляющая Золотой Мысъ, покрыта теперь зеленою травой; мѣстами замѣтна глинистая почва; народная молва дала мысу названіе Золотаго по преданію, что въ немъ зарытъ кладъ. Графъ Уваровъ разсказываетъ, что, лѣтъ пятнадцать тому назадъ, г. Шибинскій, житель Херсона, подстрекаемый народнымъ повѣрьемъ, началъ производить раскопки на вершинѣ этого мыса. Онъ открылъ тутъ основаніе строенія и каменный подвалъ, въ которомъ нашелъ много сосудовъ; нѣкоторые изъ нихъ были наполнены пепломъ; кромѣ того, онъ отъискалъ нѣсколько плитъ бѣлаго мрамора. Онъ рылъ неглубже двухъ съ половиною аршинъ. Графъ Уваровъ тщетно разспрашивалъ, куда дѣвались сосуды и мраморныя плиты, найденные г. Шибинскимъ. Но онъ замѣчаетъ, что еще теперь вся поверхность и даже скатъ Золотаго Мыса усѣяны обломками амфоръ греческой работы; одни изъ нихъ яркаго краснаго цвѣта и глины весьма мелкаго зерна, другіе съ узорами и украшеніями, показывающими уже развитіе искусства. По мнѣнію графа Уварова, здѣсь надобно предполагать одно изъ укрѣпленій древней Ольбіи.

Другой мысъ, Станиславскій, по описанію графа Уварова, несомнѣнно греческій Гипполай. Онъ находится въ самомъ мѣстѣ слiянія Днѣпра и Буга; въ древности на немъ былъ построенъ храмъ Деметры. Но всѣ старанія графа Уварова отъискать слѣды этого зданія остались безъ успѣха. Рывшіеся прежде въ этихъ мѣстахъ также никогда ничего не находили.

Топографическія свѣдѣнія, сообщаемыя авторомъ о древней Ольбіи, носятъ очевидный характеръ самой добросовѣстной тщательности и точности. Не можемъ слѣдовать здѣсь за его описа-

ніемъ древняго акрополя и народной площади, за опредѣленіемъ направленія городскихъ стѣнъ и топографическими замѣчаніями о ближайшихъ окрестностяхъ города. Укажемъ только на сдѣланное имъ критическое различеніе кургановъ трехъ категорій по разному ихъ назначенію, и приведемъ, какъ образчикъ интересныхъ свѣдѣній, сообщаемыхъ имъ, мѣсто, относящееся къ народной площади, извѣстной русскимъ читателямъ еще по поэтическому описанію Муравьева.

«Вдоль площади по берегу (говоритъ авторъ на стр. 40) видны еще канавы, по которымъ проходили водопроводы, и недавно еще онѣ были обложены красною тонкою черепицей; каждая черепица была почти въ аршинъ длины. Вся почва земли наполнена черепками, обломками, иногда и монетами. Ниже площади, на берегу самаго лимана, выказываются изъ земли иногда часть амфора, иногда обломокъ вазы: сильные дожди столько вымываютъ вещей въ Ольбіи, что, послѣ нихъ, крестьяне дѣлаютъ поиски на поверхности земли, по скатамъ площади или другихъ возвышенностей, и нерѣдко находятъ много замѣчательныхъ древностей.»—«Поселяне, при сильномъ западномъ вѣтрѣ, выгоняющемъ воду на противоположную сторону, отъискиваютъ на западномъ берегу монеты; для этого они рѣшетомъ берутъ песокъ со дна лимана и, процѣдивъ его, часто находятъ ихъ въ большомъ количествѣ. Сначала находки были очень многочисленны, но теперь уменьшились, хотя путешественнику, невидавшему, что̀ находили прежде, эта разница незамѣтна. Мнѣ, напримѣръ, крестьяне принесли (искавши только одни сутки) болѣе ста мѣдныхъ монетъ, въ томъ числѣ и двѣ серебряныя, много амфорныхъ ушекъ, сосудовъ и другихъ мелочей.»

Западная часть города усѣяна курганами, изъ которыхъ одни служили основаніемъ башень, храмовъ и другихъ зданій, другіе насыпаны надъ могилами.

«Чтобы опредѣлить эти отдѣленія кургановъ точнымъ образомъ (говоритъ авторъ на стр. 41), необходимо было бы разрывать курганы по очереди. Къ сожалѣнію, всѣ эти работы производились до сихъ поръ безъ всякаго порядка. Мы не знаемъ даже, что̀ въ нихъ открываемо было; а если и имѣетъ объ этомъ кое-какія свѣдѣнія, то они темны и недостаточны. Разрытые курганы оставлены въ небреженіи и постепенно, съ теченіемъ времени, снова засыпаются. Теперь весьма трудно опредѣлить даже, какіе изъ нихъ были разрыты, и какіе нѣтъ. Къ счастію, большая часть ихъ еще не тронута и обѣщаетъ богатую жатву любителямъ древностей. Нужно было бы прежде всего снять съ точностію подробный планъ всѣхъ кургановъ. Потомъ начать работы вдоль опредѣленной мною городской стѣны и обозначить такимъ образомъ окружность пространства, занимаемаго Ольбіею. Сначала обозначатся городскія ворота. При разрытіи же кургановъ, необходимо отмѣчать, что̀ откроется въ каждомъ изъ нихъ. Когда же могила будетъ разрыта, то поддерживать ее въ этомъ состояніи можно почти безъ всякихъ издержекъ: для этого стоитъ только прикрывать входъ въ нее въ зимнее и осеннее время. Чрезъ нѣсколько лѣтъ Ольбія сдѣлалась бы, такъ сказать, музеемъ для изученія археологіи, и любопытные путешественники стекались бы въ нее,

какъ стекаются со всѣхъ сторонъ свѣта любоваться Помпеею и Геркуланумомъ. По словамъ управляющаго, всего выгоднѣе для рызрытія кургановъ нанять работниковъ на все лѣто, т. е. отъ апрѣля до 14-го ноября. Имъ платятъ 100 р. ассигн. съ человѣка, исключая харчевыхъ. Въ одно лѣто десять работниковъ могли бы сдѣлать много: полагая полтора дня на каждый курганъ, они въ продолженіе этихъ семи мѣсяцевъ срыли бы сто сорокъ кургановъ. Сколько бы сдѣлано было открытій, важныхъ и для исторіи Ольбіи и для археологіи вообще! Въ одно лѣто эти разрытія поставили бы Ольбію на степень важнѣйшаго мѣста для изученія древностей.»

За топографическими свѣдѣніями объ Ольбіи слѣдуетъ систематическое обозрѣніе ольбійскихъ древностей. Оно раздѣляется на четыре отдѣла: I. Ольбія, возстановленная по памятникамъ; II. Историческій взглядъ на Ольбію и на гражданскія ея учрежденія; III. Торговля и монеты ольбійскія и IV. Художества и ремесла въ Ольбіи.

Въ первомъ изъ этихъ отдѣловъ авторъ говоритъ о храмахъ боговъ и о зданіяхъ общественныхъ и частныхъ. При этомъ онъ дѣлаетъ обозрѣніе существовавшихъ въ Ольбіи языческихъ поклоненій разнымъ богамъ и героямъ, именно: Аполлону, Ахиллу, Астартѣ, Деметрѣ, Артемидѣ, Афродитѣ, Аѳинѣ, Герѣ, Зевсу, Діонису, Гермесу, богинѣ Тихе, Асклепію (Эскулапу), Гигіеѣ (богинѣ здравія), Гераклу (Геркулесу). Главнымъ почитаніемъ пользовались въ Ольбіи Аполлонъ и Ахиллъ. Первому приносили жертву стратеги или сановники съ военною властью, второму — архонты, или гражданскіе сановники. Графъ Уваровъ замѣчаетъ, что всѣ надписи въ честь Ахилла изсѣчены изъ мрамора, между-тѣмъ, какъ для надписей въ честь другихъ боговъ употреблялся песчаникъ. Это замѣчаніе представляетъ интересъ. Дѣйствительно, Ахиллъ пользовался въ этихъ мѣстахъ особеннымъ поклоненіемъ, причины котораго еще недостаточно-объяснены. Изъ остальныхъ боговъ и героевъ, исчисляемыхъ авторомъ, немногіе пользовались въ Ольбіи общественнымъ поклоненіемъ. Авторъ допустилъ въ свое обозрѣніе всѣхъ боговъ и героевъ, изображенія или упоминанія которыхъ попадаются на памятникахъ и монетахъ. Данныя, сюда относящіяся, собраны имъ тщательно; но нельзя не замѣтить, что, при изложеніи ихъ, вкрались нѣкоторыя неточности. Такъ, напримѣръ, на стр. 51 онъ приводитъ замѣчаніе Кёлера, что словомъ προσευχή называли извѣстную статую или извѣстный портикъ, тогда-какъ у Кёлера говорится о покрытой стоѣ или портикѣ, что̀ одно и то же. На стр. 63 говорится, что на многихъ ольбійскихъ памятникахъ встрѣчаются вмѣстѣ два божества: Гермесъ и Тихе, между-тѣмъ, какъ ни одного такого памятника неизвѣстно, и въ ссылкѣ самимъ авторомъ указано не на ольбійскіе памятники. На той же стр., въ примѣчаніи 10, сказано, что Асклепій получилъ прозваніе бога эпидаврскаго отъ Эпидавра, *города въ Малой Азіи*. Можетъ-быть, и самый вопросъ о поклоненіи богамъ лучше было бы поставить нѣсколько-иначе

и отдѣлить боговъ и героевъ, пользовавшихся въ Ольбіи общественнымъ поклоненіемъ, отъ такихъ боговъ и героевъ, которыхъ Ольбіополиты знали вообще, какъ Греки, и при случаѣ могли изображать или упоминать на своихъ памятникахъ. Не отрицаемъ этимъ пользы общаго списка боговъ и героевъ, извлеченнаго изъ памятниковъ; напротивъ, благодаримъ автора за обозрѣніе, находящееся у него на стр. 48 — 64, потому-что важно знать, какіе боги и герои изображены или только поименованы въ остаткахъ, дошедшихъ до нашего времени; но мы полагаемъ, что это обозрѣніе выиграло бы, еслибъ въ немъ было сдѣлано упомянутое нами различіе, и высказываемъ это замѣчаніе съ тою мыслью, что, можетъ-быть, авторъ обратитъ на него вниманіе при обработкѣ слѣдующихъ главъ. Какіе боги и герои находятся на памятникахъ, случайно-сохранившихся до нашего времени, это имѣетъ свою археографическую важность; но все-таки это дѣло случая, потому-что можно предполагать, что всѣ греческіе боги и герои были извѣстны и въ Ольбіи. Собственно-историческій интересъ имѣетъ только вопросъ : какіе греческіе или иноземные боги были для Ольбіи мѣстными богами и пользовались въ ней общественнымъ поклоненіемъ?

О свѣтскихъ общественныхъ и частныхъ зданіяхъ Ольбіи до насъ дошло очень-мало извѣстій. Графъ Уваровъ сказалъ о нихъ все, что только можно сказать по источникамъ, находящимся теперь въ распоряженіи науки. Неостанавливаясь на подробностяхъ, мы только скажемъ нѣсколько словъ объ одномъ объясненіи мѣста изъ псефисмы Протогена. Въ этой псефисмѣ, между-прочимъ, сказано для обозначенія мѣста, еще неогражденнаго стѣнами : «около прежняго рыбнаго рынка до того мѣста, гдѣ покойникъ Сосій». Бёкъ въ объясненіи этой надписи въ своемъ «Corpus Inscriptionum» стр. 125 полагалъ, что тутъ надобно пополнить смыслъ словами : «Могила, или надгробный памятникъ, «или статуя». Графъ Уваровъ, сомнѣваясь, чтобъ гробница могла находиться при самыхъ городскихъ стѣнахъ, предлагаетъ принять, что здѣсь опущено слово «домъ», и даетъ мѣсту смыслъ : «у прежняго рыбнаго рынка до дома умершаго Сосія». Но намъ кажется, что мнѣніе Бёка можетъ быть защищено. Въ надписи сказано : «до того мѣста, гдѣ покойникъ Сосій». Это переводъ буквальный, совершенно-выражающій смыслъ греческихъ словъ. Мы спрашиваемъ: можно ли было бы сказать такъ, когда дѣло шло о домѣ Сосія ? Можно ли эти слова дополнять безъ натяжки, на какомъ бы языкѣ они ни были сказаны, иначе, какъ ихъ дополнилъ Бёкъ, то-есть или могила, или надгробный памятникъ, или статуя ? Намъ кажется, что въ этихъ трехъ словахъ исчерпаны всѣ возможныя объясненія этого мѣста, темнаго для насъ, но бывшаго совершенно-яснымъ для современниковъ. Что же касается упомянутаго сомнѣнія графа Уварова, сколько мы знаемъ, помѣщеніе надгробныхъ памятниковъ у самыхъ город-

скихъ стѣнъ было дѣломъ весьма-обыкновеннымъ. Ссылаемся на Аѳины, на Римъ, на Помпею.

Интересъ возрастаетъ съ переходомъ ко второму отдѣлу второй главы. «Взглядъ на Исторію Ольбіи» отличается живостью соображеній. Видно, что авторъ имѣетъ потребность переноситься въ то время, которое составляетъ предметъ его изслѣдованія, и живо представляетъ себѣ то, о чемъ пишетъ. Это дало ему возможность по весьма-немногимъ даннымъ начертать довольно-полную исторію города и изобразить его состояніе какъ во время процвѣтанія, такъ и въ продолжительное время несчастій. Онъ раздѣляетъ ее на три періода: первый періодъ онъ называетъ греческимъ; это время отъ основанія Ольбіи въ 655 г. до Р. Х. до нашествія Беребиста, царя Гетовъ въ 54 г. до Р. Х.; второй періодъ, скиѳо-греческій, простирается отъ разоренія Ольбіи до совершеннаго подчиненія ея Риму, отъ 54 г. до Р. Х. до 196 по Р. Х.; третій періодъ, римскій, отъ этого времени до времени послѣднихъ монетъ Ольбіи, то-есть до 235 г. по Р. Х.

Естественными врагами Ольбіи были Скиѳы, окрестные жители. Милетскіе поселенцы, основавшіе Ольбію, вытѣснили Скиѳовъ-земледѣльцевъ съ береговъ Гипаниса (Буга). «Часть этихъ «Скиѳовъ (говоритъ авторъ на стр. 72) осталась, вѣроятно, въ «окрестностяхъ возникавшей Ольбіи, а другая часть, перешедши «днѣпровскій лиманъ, поселилась на сѣверѣ Гилеи, между Бо-«рисѳеномъ и Пантикапеемъ. Эти Скиѳы получили отъ Грековъ «названіе Борисѳенитовъ, по мѣстности своего новаго поселенія; «но они сами, или недовольные своимъ новымъ жилищемъ, или «жалѣя о берегахъ Гипаниса, называли себя Ольбіополитами, то-«есть изгнанниками изъ той страны, въ которой была построена «Ольбія». Авторъ основалъ это свое заключеніе на мѣстѣ Геродота IV, 18, но, кажется, что это мѣсто не даетъ права дѣлать такого заключенія. Геродотъ говоритъ только, что Греки, жившіе на Гипанисѣ звали Скиѳовъ-земледѣльцевъ Борисѳенитами, а *себя самихъ* Ольбіополитами. Впрочемъ, не всѣ Скиѳы были вытѣснены за Днѣпръ. «На берегахъ Буга (продолжаетъ авторъ «на стр. 73), по свидѣтельству Геродота, обитали Каллипиды. Онъ «замѣчаетъ, что это были Греко-Скиѳы. Впослѣдствіи, распро-«странивъ свои поселенія по берегамъ Бугскаго лимана, Ольбія «дозволила Каллипидамъ поселиться на склонѣ возвышенностей, «въ самомъ городѣ. Въ это время Каллипиды до того смѣшались «съ Греками, что ихъ называли полугреками (Миксэллинами)». Враждебность остальныхъ неогречившихся Скиѳовъ не была вредна городу, потому-что, во время процвѣтанія Ольбіи, они не имѣли силы. Походъ Дарія въ эти страны долженъ былъ нанести имъ чувствительный ударъ. Скиѳы завлекли Персовъ на сѣверъ, надѣясь уничтожить ихъ голодомъ, и тѣмъ избавили Ольбію отъ нашествія Персовъ.

«Съ того времени (говоритъ авторъ на стр. 83) Ольбія начала укрѣпляться и процвѣтать, а Скиѳы, напротивъ того, постоянно ослабѣ-

вали. Междоусобныя войны изнуряли ихъ совершенно; скиѳскіе цари хитростію или насиліемъ, истребляли другъ друга и войны снова воспламенялись. Корысть и лесть были главными ихъ двигателями. Ольбія, чтобы защитить себя отъ нападеній Скиѳовъ, окружалась со всѣхъ сторонъ стѣнами. Поселенія на противоположномъ берегу лимана и близь мыса Гипполая, служили ей съ востока передовыми крѣпостями, въ случаѣ опасности. Во время зимы Скиѳы еще могли, пройдя по замерзшему лиману, напасть съ этой стороны на городъ; отъ того граждане поспѣшили укрѣпить стѣною всю береговую часть Ольбіи. Со стороны степи, Скиѳы не могли ожидать успѣха въ своихъ нападеніяхъ.»—«Спокойная со стороны внѣшнихъ нападеній, Ольбія распространила теперь свою торговлю по всему Черному морю и Архипелагу до Греціи и Малой Азіи. Художники сохранили преданія изящнаго искусства и тѣсною связью съ Греціею и греческими городами совершенствовались все болѣе и болѣе. Монеты и другіе ольбійскіе памятники этого времени ни въ чемъ не уступаютъ лучшимъ современнымъ произведеніямъ Аѳинъ и Коринѳа. Процвѣтаніе и богатство Ольбіи поражало даже Скиѳовъ; цари ихъ начали подражать Грекамъ и перенимать ихъ обычаи и религію. Они даже женились на Гречанкахъ. Скиѳы, хотя недовольные этими отступленіями отъ праотеческихъ обычаевъ, не столько роптали на это нововведеніе, сколько негодовали на всякое отступленіе отъ религіозныхъ обрядовъ.»

Замѣчателенъ разсказъ Геродота о Скилесѣ, царѣ Скиѳовъ, жившемъ въ концѣ пятаго вѣка до Р. Х. Всякій разъ, когда онъ приводилъ свое войско къ Ольбіи, онъ оставлялъ его въ предмѣстьяхъ, самъ же входилъ въ городъ. За нимъ затворяли ворота. Тутъ, снявъ скиѳскую одежду, онъ надѣвалъ греческую и являлся на народной площади безъ воиновъ. Въ это время безпрерывно сторожили у городскихъ воротъ, изъ боязни, чтобъ Скиѳы не увидѣли своего царя въ этихъ чужестранныхъ нарядахъ. Проживъ такимъ-образомъ цѣлый мѣсяцъ, онъ надѣвалъ опять скиѳскую одежду и отправлялся обратно съ своимъ войскомъ. Онъ поступалъ такъ нѣсколько разъ сряду, и даже выстроилъ домъ на Борисѳенѣ; онъ жилъ тутъ съ женою своею, взятою изъ ольбійскихъ гражданокъ. Но во время посвященія Скилеса въ таинства Діониса, одинъ Ольбіецъ, желая похвалиться передъ Скиѳами, показалъ имъ съ высоты башни Скилеса въ вакхическомъ изступленіи. Озлобленные этимъ зрѣлищемъ противъ царя своего, Скиѳы сообщили о томъ всему войску, и хотя Скилесъ возвратился въ свои страны, Скиѳы возмутились и провозгласили царемъ брата его Октомазадеса. Скилесъ бѣжалъ во Ѳракію, но его выдали, и онъ былъ обезглавленъ.

Несмотря на такое вліяніе на Скиѳовъ, Ольбія принуждена была много отъ нихъ вынести; нѣсколько разъ они разоряли ее, еще до нашествія Гетовъ. Но рѣшительный ударъ ей былъ нанесенъ этимъ послѣднимъ народомъ. До половины перваго вѣка до Р. Х. этотъ народъ жилъ въ бездѣйствіи; но, соединенный въ одно цѣлое силою царя своего Беребиста, онъ возвысился около этого времени до такого могущества, что, по свидѣтельству Стра-

бона (VII, 3, 11), угрожалъ даже Римлянамъ. Беребистъ покорилъ весь западный берегъ Понта Эвксинскаго, опустошилъ Ѳракію, Македонію и Иллирію и разорилъ до основанія Ольбію.

«Ольбія много пострадала (говоритъ авторъ на стр. 86) отъ нашествія Гетовъ. Ея стѣны, храмы, надгробные памятники, статуи боговъ— все было изувѣчено и ограблено. Часть жителей погибла отъ руки Гетовъ; остальная покинула городъ и удалилась, вѣроятно, въ греческіе города Таврическаго-полуострова. Тамъ, гдѣ возвышалась Ольбія, виднѣлись теперь однѣ развалины. Уже Юлій Кесарь собирался въ походъ противъ Гетовъ, но прежде чѣмъ римское войско успѣло выступить, Беребистъ былъ убитъ во время возмущенія. Съ нимъ погибло и могущество Гетовъ.»

Этимъ разореніемъ Ольбіи кончается первый періодъ, а вмѣстѣ съ нимъ и существованіе древнѣйшаго города. Но Скиѳы скоро сами замѣтили, сколько они потеряли отъ удаленія Грековъ и прекращенія торговли, и сами пригласили ихъ опять поселиться въ ихъ странѣ. Такимъ-образомъ возникла вторая Ольбія.

«Но вторая Ольбія (продолжаетъ авторъ) далеко не равнялась обширностью первой. Вмѣстѣ съ Греками въ новомъ городѣ поселилось и много варваровъ; они были такъ многочисленны, что скиѳское начало взяло рѣшительный перевѣсъ надъ эллинскимъ. Не одни греческіе художники занимались теперь ваяніемъ, чеканкою монетъ и прочими искусствами. Видно, что Скиѳы, хотя и превосходившіе численностію Грековъ, слѣдовали, однакожь, примѣру послѣднихъ. Памятники сдѣланы по образцу греческому, но безъ искусства и весьма грубо. Имена ольбійскія уже не чисто-греческія; большее число ихъ явственно принадлежитъ скиѳскому народу. Ошибки въ надписяхъ свидѣтельствуютъ о паденіи языка; Ольбійцы потеряли даже чистоту произношенія. Наконецъ однимъ изъ доказательствъ совершеннаго упадка греческаго начала служитъ обыкновеніе носить одежду Меланхленовъ...» — «Ольбійцы уже не могли возстановить своихъ прежнихъ великолѣпныхъ стѣнъ; они обнесли городъ низкою стѣною и землянымъ валомъ. Зданія и башни остались въ развалинахъ; храмы были разграблены; статуи боговъ разбиты. Всѣ поправки дѣлались большею частію усердными гражданами, на свой собственный счетъ, ибо городская казна совершенно обѣднѣла. Первыя надписи, относящіяся къ этому времени, выражаютъ благодарность республики къ гражданамъ, которые старались постройками увеличить красоту и славу города.»—«Поселившись во второй разъ, но уже по приглашенію Скиѳовъ, Ольбійцы были имъ всѣмъ обязаны. Однакожь, доселѣ нельзя было рѣшить, была ли Ольбія подчинена Скиѳамъ или нѣтъ. Много объ этомъ писали, и много существуетъ объ этомъ различныхъ мнѣній. Рауль-Рошеттъ, основываясь на одной монетѣ Скилура (скиѳскаго царя) и не объяснивъ себѣ отношенія древней Ольбіи къ царю Скилесу, утверждаетъ, что уже въ то время она была подчинена скиѳскимъ царямъ. Кёлеръ, доказавъ весьма основательно, что монеты Скилура не относятся къ знаменитому современнику Миѳрадата VI Эвпатора Діониса, и опровергая свидѣтельство этихъ монетъ, заключаетъ, что Ольбія никогда не была подъ властію скиѳскихъ царей. Бёкъ раздѣляетъ мнѣніе Кёлера. Съ открытіемъ новыхъ памятниковъ

этотъ вопросъ такъ измѣнился и такъ пояснился, что, вѣроятно, мнѣ дозволятъ изложить здѣсь свое мнѣніе. Мнѣ кажется, что вторая Ольбія, начавъ свое существованіе съ позволенія Скиѳовъ, принуждена была дорого поплатиться за это покровительство. Скиѳы не измѣняли ея внутренняго управленія, и потому мы опять находимъ въ ней республику, съ народнымъ собраніемъ, архонтами и прочими властями; но зато Скиѳы требовали одного: признанія подданства ихъ царю, въ доказательство чего требовали, чтобы Ольбійцы, вмѣстѣ съ своими республиканскими монетами, чеканили и монеты съ именемъ скиѳскихъ царей.»

Графъ Уваровъ приводитъ нѣсколько монетъ, отчасти имъ впервые изданныхъ, которыя несомнѣнно подтверждаютъ высказанное имъ положеніе. Теперь подчиненіе Ольбіи скиѳскимъ царямъ во время ея вторичнаго существованія должно быть признаваемо за историческій фактъ. Описывая эти монеты, онъ предлагаетъ остроумное объясненіе двоякаго клейма на ольбійскихъ монетахъ — объясненіе, которое, при всей его вѣроятности, требуетъ, однако, дальнѣйшаго подтвержденія.

Главный источникъ для исторіи Ольбіи этого времени составляютъ многочисленныя надписи, которыя почти всѣ уже изданы и объяснены Бёкомъ въ «Corpus Inscriptionum». Но до-сихъ-поръ не было сдѣлано такой полной попытки—привести сообщаемыя въ нихъ свѣдѣнія въ хронологическій порядокъ, какую сдѣлалъ графъ Уваровъ. При всей скудости и частности извлекаемыхъ отсюда извѣстій, эта попытка заслуживаетъ полную благодарность. Общее одобреніе заслужитъ, конечно, и желаніе автора — возстановить повозможности исторію отношеній Ольбіи къ скиѳскимъ царямъ и показать, что, по мѣрѣ своего обогащенія и укрѣпленія, она старалась пріобрѣсти нѣкоторую самостоятельность и менѣе подчинялась Скиѳамъ. Остроумнымъ доказательствомъ этого служитъ автору то обстоятельство, что во время царя Канитеса Ольбійцы чеканили, правда, монеты съ его именемъ, но уже монеты мѣдныя, а не золотыя, какъ прежде.

Власть скиѳскихъ царей надъ Ольбіей все болѣе-и-болѣе ослабѣваетъ, и наконецъ между республикой и Скиѳами загораются безпрерывныя войны. Эти войны принудили наконецъ Ольбію обратиться къ Римлянамъ съ просьбою о помощи; а вмѣшательство Рима повело и здѣсь, какъ вездѣ, къ подчиненію Риму. Ольбія подпала римскому владычеству при императорѣ Септиміи Северѣ. Съ–этихъ–поръ она лишилась права чеканить монеты съ прежними типами; она должна была изображать на нихъ римскаго императора. Мы имѣемъ дѣйствительно монеты Ольбіи съ изображеніемъ Септимія Севѐра, Каракаллы и Геты; но со смертію Каракаллы, чеканенныя въ Ольбіи монеты въ честь римскихъ императоровъ прекращаются; онѣ опять возобновляются только при Александрѣ Севѐрѣ, черезъ пять лѣтъ, когда могущество Рима опять упрочилось. Этотъ нумизматическій фактъ далъ поводъ автору къ весьма-важной догадкѣ.

«На табл. XXIV (говоритъ онъ на стр. 102) представлены монеты ольбійскія, которыя меня всегда поражали своимъ совершенно особеннымъ характеромъ. Онѣ явно отличаются отъ монетъ скиѳскаго, а тѣмъ болѣе отъ монетъ греческаго періода. Ихъ чеканка относится къ римскому періоду и разительно отличается особымъ отпечаткомъ, свойственнымъ однѣмъ монетамъ римскимъ. Даже совершенно чуждый нумизматикѣ легко можетъ замѣтить это различіе. Эти монеты я всегда относилъ ко времени подчиненія Ольбіи римскому вліянію, но никогда не могъ себѣ объяснить, какимъ образомъ императоры, лишивъ городъ права чеканить монеты безъ изображенія и знака царствующаго императора, дозволили ему чеканить такія монеты, какія представлены мною на означенной таблицѣ. Эти пять лѣтъ, въ продолженіе которыхъ новымъ римскимъ императорамъ не было и времени думать объ отдаленныхъ городахъ Понта Эвксинскаго, объясняютъ мнѣ теперь существованіе въ Ольбіи монетъ римской чеканки, но безъ имени императоровъ. Забытая Ольбія воспользовалась своимъ положеніемъ и возобновила у себя республиканскій образъ правленія. Можетъ быть, открытіе письменныхъ памятниковъ объяснитъ намъ, до какой степени это правленіе было свободно. Греческія буквы Α, Β, Γ, Δ, Ε, поставленныя клеймами на монетахъ предъидущаго періода, также принадлежатъ, вѣроятно, этому пятилѣтнему промежутку времени и означаютъ годъ основанія новой республики.»

Это блистательная догадка графа Уварова, въ высшей степени вѣроятная по своему согласію и съ нумизматическими и съ историческими данными, самымъ счастливымъ образомъ наполняетъ пятилѣтній пробѣлъ отъ 217 до 222 г. по Р. Х. За этимъ временемъ слѣдуетъ царствованіе Александра Севера, изображеніе котораго встрѣчается на ольбійскихъ монетахъ, а затѣмъ — прекращеніе монетъ Ольбіи и, какъ изъ этого можно заключить, прекращеніе самостоятельности города. Ольбія продолжала существовать и въ IV и въ VI столѣтіяхъ; Амміанъ Марцеллинъ и Іорнандъ говорятъ о ней, какъ о городѣ еще существующемъ и прославленномъ во всемъ древнемъ мірѣ; но она была уже однимъ изъ многихъ городовъ, подчиненныхъ сначала римскому, потомъ византійскому владычеству. Монетъ, свидѣтельствующихъ о самостоятельности города, хотя и зависимаго, Ольбія въ это время уже не чеканила.

Съ этимъ временемъ естественнымъ образомъ оканчивается и историческое обозрѣніе Ольбіи, составленное графомъ Уваровымъ. Кромѣ тѣхъ историческихъ фактовъ, о которыхъ мы упоминали, въ это обозрѣніе вошли еще свѣдѣнія о гражданскомъ бытѣ Ольбіи. Но эта часть труда, по нашему мнѣнію, менѣе-удачна. Мы полагаемъ, что гражданскія учрежденія одного какого-нибудь греческаго города только тогда могутъ быть удовлетворительно объяснены, когда будутъ сравнены съ учрежденіями другихъ греческихъ городовъ. Такое сравненіе становится особенно-нужнымъ, когда дѣло идетъ о такой колоніи, какъ Ольбія. Скудныя извѣстія, дошедшія до насъ въ надписяхъ, могутъ получить смыслъ и значеніе только при такомъ сравненіи. Такъ, напримѣръ, изъ мѣстъ,

приведенныхъ графомъ Уваровымъ, слѣдуетъ, что о сановникѣ, представлявшемъ народному собранію законъ, предложенный однимъ изъ гражданъ, въ Ольбіи употреблялся глаголъ: εἰπεῖν *говорить*. Этотъ фактъ, узнаваемый изъ надписей, не можетъ имѣть для насъ никакого значенія, пока мы не припомнимъ себѣ, что въ Аѳинахъ глаголъ *говорить* употреблялся въ этомъ случаѣ о самомъ гражданинѣ, предложившемъ законъ; а о сановникѣ, представлявшемъ законъ народному собранію для рѣшенія, говорилось ἐπιψηφίζειν, *подвергать подачѣ голосовъ*. Отсюда можно заключить, что гражданинъ, предлагавшій законъ, не имѣлъ въ Ольбіи права говорить въ народномъ собраніи, что это право было принадлежностью предсѣдательствующаго сановника, слѣдовательно, что устройство въ Ольбіи было менѣе демократическое нежели въ Аѳинахъ. Равнымъ-образомъ и значеніе разныхъ сановниковъ, упоминаемыхъ въ ольбійскихъ надписяхъ, ежели только оно можетъ быть объяснено, можетъ быть объяснено не иначе, какъ изъ сравненія съ значеніемъ соотвѣтственныхъ сановниковъ въ другихъ греческихъ городахъ. Авторъ можетъ отвѣтить намъ, что онъ не имѣлъ въ виду полной монографіи Ольбіи, а хотѣлъ только объяснить памятники; но замѣчаніе наше клонится только къ тому, что обозрѣніе исторіи города у него полнѣе и безукоризненнѣе нежели обозрѣніе гражданскаго устройства. Въ послѣднемъ мы замѣтили кой-какія неточности. Такъ на стр. 76 сказано, что въ Ольбіи рѣшеніе собранія обнародовалось архонтами и семью мужами на двадцатый день, между-тѣмъ, какъ въ приведенной надписи говорится не о срокѣ обнародованія рѣшеній, а о собраніи, бывшемъ въ 20-день мѣсяца (εἰκάς). Упомянутые въ надписяхъ архонты и семь мужей говорили къ народу въ этомъ собраніи. Таковъ смыслъ словъ надписи, ибо слово : εἶπαν ближе перевести: *говорили къ народу*, нежели *изрекли*. Для насъ осталось также неяснымъ, что́ имѣлъ въ виду авторъ, когда на стр. 78 онъ назвалъ ольбійскихъ семь мужей представителями *другихъ* ольбійскихъ сословій? Несогласна также съ общепринятымъ теперь мнѣніемъ сравнительная таблица мѣсяцослововъ аѳинскаго и римскаго, помѣщенная на стр. 75. Сколько мы знаемъ, никто теперь не сомнѣвается, что аѳинскіе мѣсяцы слѣдовали одинъ за другимъ въ слѣдующемъ порядкѣ : Гекатомбеонъ, Метагитніонъ, Боэдроміонъ, Піанепсіонъ, Мемактеріонъ, Посидеонъ, Гамеліонъ, Анѳестеріонъ, Элафеболіонъ, Мунихіонъ, Ѳаргеліонъ, Скирофоріонъ. Относительно Оронта замѣтимъ, что, по надписи 2060, онъ былъ не архонтомъ чужестранцевъ въ Ольбіи (стр. 79), а ольбійскимъ проксеномъ Византійцевъ.

Переходимъ къ третьему отдѣлу изслѣдованія объ Ольбіи—къ отдѣлу «О торговлѣ и монетахъ ольбійскихъ». Онъ занимаетъ мѣсто отъ 104 до 119 страницы и есть, безспорно, самая важная часть перваго выпуска «Изслѣдованій». Ольбійскія монеты были изданы въ первый разъ въ весьма-значительномъ числѣ покойнымъ Бларамбергомъ, сдѣлавшимъ такъ много для археологиче-

скаго изученія тамошняго края. Его сочиненіе, вышедшее въ 1822 году въ Парижѣ подъ заглавіемъ: Choix des médailles antiques d'Olbiopolis ou d'Olbia, съ изображеніемъ 204 ольбійскихъ монетъ, извѣстно русской публикѣ по переводу г. Писарева, изданному въ 1828 году Московскимъ Обществомъ Русской Исторіи и Древностей. Но со времени Бларамберга было найдено много новыхъ монетъ, которыя оставались по-бо̀льшей-части неизданными. Изданіе графа Уварова дѣлаетъ въ ольбійской нумизматикѣ эпоху послѣ Бларамберга. Теперь всякая неизданная ольбійская монета составляетъ уже большую рѣдкость, и владѣльцы такихъ монетъ, конечно, не замедлятъ сдѣлать ихъ достояніемъ науки. Число монетъ, изданныхъ графомъ Уваровымъ, простирается до *девяноста-трехъ*. Мы не можемъ входить здѣсь въ подробное разсмотрѣніе этихъ монетъ и объясненій ихъ типовъ, и ограничимся нѣсколькими замѣчаніями о мѣдныхъ монетахъ, относительно которыхъ выводы автора видимо удаляются отъ истины.

Мы не станемъ спорить съ авторомъ о томъ, что онъ назвалъ ихъ ассами: всякій легко пойметъ, что онъ далъ имъ это римское имя по ихъ сходству съ такъ-называемою римскою *тяжелою мѣдью*. Предметомъ нашего возраженія будетъ его опредѣленіе первоначальнаго вѣса этихъ ольбійскихъ монетъ. Оно основано на показаніяхъ о греческомъ вѣсѣ г. Петрушевскаго въ Общей Метрологіи стр. 603, къ-сожалѣнію, отличающихся поразительною и почти-непонятною невѣрностью. Ошибочность показаній г. Петрушевскаго должна была ввести въ заблужденіе и графа Уварова, который ввѣрился этимъ показаніямъ, несмотря на то, что уже въ «Изслѣдованіяхъ объ исторіи и древностяхъ Херсонеса Таврическаго» г-на Кёне были сообщены вѣрныя данныя, основанныя на знаменитомъ трудѣ Августа Бёка: «Metrologische Untersuchungen über Gewichte, Münzfüsse und Masse des Alterthums in ihrem Zusammenhange, Berlin, 1838.

Мы полагаемъ сдѣлать услугу имѣющимъ нужду въ данныхъ этого рода, когда приведемъ результаты изслѣдованій Бёка и сообщимъ точныя числа, выражающія отношеніе греческаго вѣса къ русскому. Мы будемъ заботиться при этомъ о крайней точности.

Въ древней Греціи были въ употребленіи три вѣса: *эгинскій*, распространенный преимущественно въ дорійскихъ городахъ, *эвбейскій*, употреблявшійся преимущественно въ іонійскихъ городахъ и господствовавшій въ Аѳинахъ до Солона, и *аттическій*, введенный Солономъ. Эгинскій вѣсъ относился къ эвбейскому какъ 6 : 5 и къ аттическому какъ 5 : 3. Въ каждомъ изъ нихъ главныя названія единицъ вѣса были одни и тѣ же. И эгинскій и эвбейскій и аттическій талантъ дѣлились на 60 минъ, а мина на 100 драхмъ. Но эгинскій талантъ равнялся 10,000 аттическихъ драхмъ, а эвбейскій — $8333\frac{1}{3}$. Отношеніе ихъ къ вѣсамъ нашего времени опредѣляется по отношенію къ римскому фунту, вѣсъ котораго достовѣрно извѣстенъ. Аттическая мина относится къ

римскому фунту какъ 4 : 3. А такъ-какъ римскій фунтъ = 6165 пар. гранамъ стараго вѣса, то мы получаемъ слѣдующія опредѣленія :

Аѳинская драхма = 82. 2 пар. гран.
Эвбейская драхма = 114. 1666 пар. гран.
Эгинская драхма = 137 пар. гран.

Принимая далѣе, на основаніи закона 19 Фримера VIII г. (30 ноября 1799), граммъ дефинитивнаго метрическаго вѣса = 18,82715 стараго парижскаго грана и гранъ стараго парижскаго вѣса = 0,0531148 грамма, а граммъ = 0,0024662 русскаго гражданскаго фунта, какъ онъ опредѣленъ Указомъ 7 ноября 1835 года (Вт. С. З. 8459), принимая, слѣдовательно, старый парижскій гранъ = 1,195315 доли русскаго гражданскаго вѣса, получимъ:

Аѳинская драхма =	98,229	русской доли гражданскаго вѣса.
Эвбейская драхма =	136,428	
Эгинская драхма =	163,715	

Или :

1 русская доля гражд. вѣса =	0,010180	аѳинской драхмы.
	0,007329	эвбейской драхмы.
	0,006107	эгинской драхмы.

И :

1 золотн. русск. гражд. вѣса =	0,977280	аѳинской драхмы.
	0,703584	эвбейской драхмы.
	0,586272	эгинской драхмы.

Прилагая эти данныя къ ольбійскимъ мѣднымъ монетамъ, надобно имѣть въ виду, что въ Ольбіи, іонійской колоніи, долженъ былъ первоначально господствовать эвбейскій вѣсъ, и что только впослѣдствіи онъ могъ быть замѣненъ солоновскимъ аѳинскимъ. Далѣе, надобно принимать въ разсчетъ, что древнѣйшее отношеніе мѣди къ серебру было 1 : 300, вслѣдствіе чего третья доля драхмы, или оболъ серебра равнялся по цѣнѣ половинѣ мины или 50 драхмамъ (см. Böckh стр. 342).

Послѣ этихъ замѣчаній мы обращаемся къ древнѣйшимъ мѣднымъ монетамъ Ольбіи, изданнымъ графомъ Уваровымъ. Мы раздѣляемъ ихъ, вмѣстѣ съ нимъ, на три разряда, изъ которыхъ къ первому относятся монеты 18 величины, вѣсящія отъ 23 до 26 зол. 11¾ доли, ко второму монеты 13-й величины, вѣсящія отъ 5 зол. до 9 зол. 2 долей, къ третьему монеты 8 величины, вѣсящія отъ 2 зол. до 3 зол. 31¼ доли. Мы беремъ обѣ монеты перваго разряда n. 1 и n. 5, изъ которыхъ первая вѣситъ 23 з. 84¾ д., а вторая 26 зол. 11¾ д., и на основаніи выше сообщенной таблицы, получаемъ слѣдующій ихъ вѣсъ въ греческихъ драхмахъ :

n. 1.	23,3402 аѳ. др.	16,8035 эвб. др.	14,0018 эг. др.
n. 5.	25,5289 —	18,3793 —	15,3148 —

Теперь спрашивается: какія это могли быть монеты? Оболомъ онѣ быть не могутъ, потому-что оболъ равнялся пятидесяти мѣд-

пымъ драхмамъ. Остается, стало-быть, принять, что это были части обола; а части обола намъ извѣстны : это были такъ-называемые халькýсы, которыхъ приходилось восемь на оболъ или на полмины, которые, слѣдовательно, равнялись 6 драхмамъ, ежели для полученія четныхъ чиселъ полагалось на оболъ не 50, а 48 драхмъ мѣди. Очевидно, что къ эгинскому вѣсу эти монеты, какъ и слѣдовало ожидать отъ ольбійскихъ монетъ, не подходятъ вовсе. По эвбейскому вѣсу это будутъ монеты въ три халькýса или 18 драхмъ мѣди, по аѳинскому—въ четыре халькýса или 24 драхмы мѣди, то-есть въ полобола серебра. Но послѣднее гораздо-вѣроятнѣе, потому-что при дѣленіи обола на 8 халькýсовъ скорѣе можно было чувствовать потребность въ четыреххалкусныхъ, нежели въ трех-халькусныхъ монетахъ. Мы приходимъ такимъ-образомъ къ важному результату, что монеты перваго разряда отлиты по аѳинскому вѣсу и заключали въ себѣ 24 аѳинскія драхмы. Нормальный вѣсъ ихъ будетъ равняться 24 зол. 53,49 доли русскаго гражданскаго вѣса. Монета п. 5 будетъ вылита ошибкою тяжеле нормальнаго вѣса, что̀ случается очень-часто нетолько въ мѣдныхъ, но и въ серебряныхъ монетахъ.

Возьмемъ теперь монеты втораго разряда, которыхъ гораздо-больше. По своему вѣсу онѣ располагаются въ слѣдующемъ порядкѣ : 5 зол., 5 зол. 2 д., 5 зол. 25 д., 7 зол. 61 д., 7 зол. 72 д., 8 зол. 3 д., 8 зол. 59 д., 9 зол. 2 д. Двѣ самыя крайнія монеты суть п. 6, вѣсящая 5 зол., и п. 4, вѣсящая 9 зол. 2 доли. Вѣсъ ихъ въ греческихъ драхмахъ будетъ:

п. 6.	4,8864	аѳ. др.	3,5179	эвб. др.	2,9314	эг. др.
п. 4.	8,8159	—	6,3469	—	5,2887	—

Нормальный ихъ вѣсъ долженъ приближаться къ вѣсу п. 4. Такъ принимаетъ и графъ Уваровъ. Поэтому мы полагаемъ, что это халькусы, и притомъ халькусы эвбейскаго вѣса, и опредѣляемъ нормальный вѣсъ ихъ въ 8 зол. 50,57 доли русскаго гражданскаго вѣса. Ихъ нельзя относить къ аѳинскому вѣсу, потому-что невѣроятно, чтобъ Ольбійцы отливали мѣдныя монеты въ 1½ халькуса, монеты, несоставляющія кратной доли обола. Объяснить же, почему въ этихъ монетахъ былъ удержанъ эвбейскій вѣсъ, мы предоставляемъ на волю каждаго изслѣдователя. Можетъ-быть, это монеты древнѣйшія; можетъ-быть, эвбейскій халькусъ былъ удержанъ и по введеніи аѳинскаго вѣса на томъ основаніи, что три эвбейскіе халькуса равнялись четыремъ аѳинскимъ. На 18 эвбейскихъ драхмъ приходилось 25 аѳинскихъ; поэтому 3 эвбейскіе халькуса стоили ½ обола по аѳинскому вѣсу, и оболъ аѳинскій могъ дѣлиться въ обиходѣ то на 8 аѳинскихъ халькусовъ, то на 6 эвбейскихъ. И то, и другое дѣленіе было удобно; поэтому оба халькуса могли быть въ употребленіи на ряду одинъ съ другимъ, какъ кратныя дѣленія одного и того же аѳинскаго обола въ 50 драхмъ аѳинской и 36 драхмъ эвбейской мѣди. Считая на аѳинскія драхмы, въ эвбейскомъ халькусѣ приходилось 8⅓ драхмы.

Монеты третьяго разряда располагаются по вѣсу въ слѣдующемъ порядкѣ: 2 зол. 8 д., 2 зол. 33 д., 2 зол. 43 д., 2 зол. 51 д., 3 зол. 31 д., 3 зол. 50 д. Высшій и низшій предѣлъ вѣса представляютъ монеты: п. 9, вѣсящая 2 зол. 8 д. и п. 8, вѣсящая 3 зол. 50½ д. Въ греческихъ драхмахъ онѣ имѣютъ слѣдующій вѣсъ:

п. 9.	2,0360	аѳ.	др.	1,4658	эвб.	др.	1,2214	эг.	др.
п. 8.	3,4459	»	»	2,4806	»	»	2,0672	»	»

Имѣя въ виду, что нормальный ихъ вѣсъ долженъ приближаться къ вѣсу п. 8, какъ наиболѣе-тяжелой монеты, мы полагаемъ, что ихъ можно признать за полухалькусы по аѳинскому вѣсу. На основаніи этого предположенія, ихъ нормальный вѣсъ будетъ 3 зол. 6,68 доли русскаго гражданскаго вѣса. Мы будемъ имѣть въ нихъ $^1/_{16}$ доли серебрянаго обола, какъ въ монетахъ втораго разряда мы имѣли $^1/_6$ и въ монетахъ перваго разряда $^1/_2$ серебрянаго обола аѳинскаго солоновскаго вѣса. Одна монета перваго разряда равнялась тремъ монетамъ втораго и восьми монетамъ третьяго разряда.

Къ этимъ тремъ разрядамъ монетъ Ольбійцы впослѣдствіи прибавили аѳинскіе халькусы въ 6 аѳинскихъ драхмъ. Они-то изображены у графа Уварова подъ нумерами 12 и 13. Величина ихъ — одиннадцатая. Нормальный вѣсъ ихъ долженъ быть 6 зол. 13,374 доли. Ни одна изъ дошедшихъ до нашего времени монета не достигаетъ этого вѣса; самая тяжелая вѣситъ только 5 зол. 33 доли. Можетъ-быть, это происходитъ оттого, что, съ теченіемъ времени, Ольбія перестала чеканить полновѣсныя монеты. Уменьшеніе вѣса монеты, при сохраненіи ея имени, есть финансовая мѣра, весьма-знакомая городамъ древности.

Итакъ изъ изслѣдованія ольбійскихъ мѣдныхъ монетъ оказывается, что въ Ольбіи господствовала аѳинская система вѣса, но что на ряду съ нею удержался въ древнѣйшее время эвбейскій халькусъ, вытѣсненный впослѣдствіи аѳинскимъ халькусомъ. Въ древнѣйшее время были въ употребленіи монеты въ $^1/_2$, $^1/_6$ и $^1/_{16}$ обола; впослѣдствіи стали выпускать монеты въ $^1/_2$ и $^1/_8$ обола. Этотъ выводъ мы считаемъ довольно-вѣрнымъ и не думаемъ, чтобъ онъ могъ быть значительно-измѣненъ дальнѣйшими находками. Впрочемъ, какъ онъ ни удаляется отъ предположеній графа Уварова, мы не можемъ не замѣтить, что тѣми данными, на основаніи которыхъ онъ сдѣланъ, мы обязаны все-таки графу Уварову. Если бы онъ не сообщилъ намъ вѣса ольбійскихъ мѣдныхъ монетъ, мы не имѣли бы никакого понятія объ ольбійской системѣ мѣдной монеты.

Относительно серебра и золота, мы находимся до-сихъ-поръ въ подобномъ незнаніи и потому позволяемъ себѣ просить графа Уварова, чтобъ при слѣдующихъ выпускахъ онъ обратилъ вниманіе и на вѣсъ серебряныхъ и золотыхъ монетъ. Позволительно также желать, чтобъ была сообщена и ёмкость сосудовъ, на-

ходимыхъ около сѣверныхъ береговъ Чернаго Моря. Кубическія мѣры древнихъ представляютъ большой интересъ для изслѣдованія. Единица кубической мѣры была у нихъ также, какъ и у насъ, основаніемъ для единицы вѣса. Но современная наука нашла въ измѣреніяхъ-земнаго шара самую твердую основу для опредѣленія мѣры. Древніе не имѣли этихъ средствъ. Они принуждены были взять свою единицу мѣры отъ человѣческаго тѣла. Этой единицей послужилъ имъ слѣдъ человѣческой ноги — футъ. Его они взяли за основаніе и построили на немъ всѣ свои системы мѣръ и вѣсовъ. Олимпійскій футъ, равный 136,66 пар. лин. и 12,1372 англ. и русск. фута, принятый Греками отъ азіатскихъ народовъ, есть та мѣра, которая, взятая въ полтора раза, даетъ обиходный азіатскій локоть, между-тѣмъ, какъ полтора куба ея составляютъ царскій или вавилонскій метретъ, кубическій корень котораго былъ признанъ за царскій или вавилонскій футъ. Поэтому Бёкъ призналъ олимпійскій футъ въ 136,66 пар. лин. за источникъ всѣхъ мѣръ. Но, несмотря на большую древность олимпійскаго фута, не онъ, а вавилонскій или царскій футъ, какъ болѣе-употребительный, послужилъ основаніемъ при опредѣленіи той единицы вѣса, отъ которой происходятъ всѣ извѣстныя въ древности. При этомъ халдейскіе жрецы, которымъ, вѣроятно, слѣдуетъ приписать совершеніе этого труда, употребили то самое тѣло, которое употребляется съ этою цѣлью до-сихъ-поръ — воду. Но они не незнали тѣхъ точныхъ средствъ, которыми опредѣляется измѣняемость объема воды при разныхъ физическихъ условіяхъ. Въ наше время берется для того чистая вода при опредѣленной температурѣ и опредѣленномъ давленіи атмосферы. Такъ, напримѣръ, для опредѣленія русскаго гражданскаго вѣса, по Указу 7-го ноября 1835 года, употреблена вода при $13\frac{1}{3}^{0}$ Реом. въ безвоздушномъ пространствѣ (25,019 куб. дюймовъ такой воды, составляютъ русскій гражданскій фунтъ); французскій законъ 19 фримера VIII года предписываетъ брать воду въ самой большой степени ея густоты (граммъ есть вѣсъ кубическаго центиметра такой воды). Древніе не знали такой точности и брали дождевую воду при средней температурѣ, какъ кажется, при температурѣ около 15^{0} Реомюра. Но тѣмъ неменѣе и у нихъ единицы вѣса зависятъ отъ вѣса воды при объемѣ ея, опредѣляемомъ единицею мѣры. Такъ вавилонскій талантъ есть не что иное, какъ вѣсъ кубическаго вавилонскаго фута воды. Римская амфора или квадранталъ, была первоначально также равна кубическому римскому футу; она вѣсила 80 римскихъ фунтовъ, и 80 римскихъ фунтовъ относились къ вавилонскому таланту, какъ кубическій римскій футъ къ кубическому вавилонскому футу. Въ Греціи фунту соотвѣтствуетъ полмины, а древнѣйшій эгинскій вѣсъ совершенно-тождественъ съ вавилонскимъ, и мы видимъ, что кубическій олимпійскій футъ воды, равный, какъ мы уже сказали, двумъ третямъ царскаго или вавилонскаго метрета (совершенно равнаго эгинскому, содержащему въ себѣ кубическій вавилонскій

футъ воды), вѣситъ 80 эгинскихъ полуминъ или $^{2}/_{3}$ эгинскаго, равнаго вавилонскому, таланта.

У Грековъ мѣрою ёмкости жидкихъ тѣлъ былъ амфоръ или метретъ, сосудъ въ родѣ тѣхъ сосудовъ, которыхъ черепки такъ часто попадаются въ описываемыхъ графомъ Уваровымъ мѣстахъ. Эгинскій метретъ дождевой воды вѣсилъ $1\frac{1}{2}$ эгинскихъ или вавилонскихъ таланта; въ него входило, слѣдовательно, 9000 драхмъ воды, то-есть на русскій вѣсъ 169 фунт. 84 зол. 27 дол.

Аѳинскій амфоръ относился къ эгинскому, какъ аѳинскій талантъ къ эгинскому таланту, то-есть какъ 3 : 5. Воды же должно входить въ аѳинскій метретъ $1\frac{1}{2}$ аѳин. таланта или 9000 аѳин. драхмъ, то-есть на нашъ вѣсъ 95 фунт. 88 зол. 93 дол.

Любопытно знать, въ какой мѣрѣ подходятъ къ этимъ нормальнымъ даннымъ амфоры, находимыя около сѣверныхъ береговъ Чернаго Моря? Мы надѣемся, что графъ Уваровъ не оставитъ сообщить доступныя ему свѣдѣнія о вѣсѣ этихъ амфоръ; позволяемъ себѣ выразить эту надежду тѣмъ болѣе, что ужь изъ перваго выпуска очевидно желаніе автора придать своему труду наибольшую полноту. Онъ не ограничился одними чисто-археологическими изъисканіями. Имѣя дѣло съ птолемеевыми опредѣленіями положеній, онъ обратился къ астрономіи; при изданіи монетъ, онъ не забылъ и химіи и сообщилъ результаты химическихъ разложеній, результаты, которые могутъ пригодиться наукѣ, когда будетъ собрано болѣе данныхъ этого рода. Для бо́льшей полноты извѣстій о никопольскихъ кучугурахъ, онъ обращался къ г. Спасскому съ просьбою о сообщеніи ему свѣдѣній о найденныхъ тамъ монетахъ. Неизданныя надписи онъ передавалъ на разсмотрѣніе покойнаго академика Ѳ. Б. Грефе и обогатилъ свое сочиненіе письмомъ этого знаменитаго ветерана науки. Такая многосторонняя заботливость дѣлаетъ честь автору и вмѣстѣ обѣщаетъ многое для будущихъ выпусковъ.

Четвертый отдѣлъ изслѣдованія объ Ольбіи посвященъ искусствамъ и ремесламъ. Въ этомъ отдѣлѣ разсматривается обработка металловъ, золота, серебра, мѣди, желѣза и свинца; ваяніе, гончарное искусство. Не можемъ не упомянуть, что въ этой главѣ авторъ весьма-кстати употребляетъ наши древне-русскіе техническіе термины. Возвращеніе къ національнымъ выраженіямъ въ области хужественной техники есть дѣло совершенно-раціональное, если только эти выраженія вполнѣ обозначаютъ дѣло. Очень-удачно, по нашему мнѣнію, авторъ воспользовался древнимъ нашимъ словомъ *стѣнатый* (напримѣръ, созда грады стѣнаты), чтобъ перевести латинское выраженіе corona muralis, то-есть корона, состоящая изъ городской стѣны.

Къ первому выпуску приложенъ великолѣпный атласъ въ самый большой листъ. Онъ состоитъ изъ заглавнаго листа, посвященія и 23 рисунковъ. На первыхъ трехъ рисункахъ изображены виды пороговъ Койдацкаго, Ненасытецкаго и переправы у мыса Кичкаса; они обозначены нумерами II, III, IV. Таблица V пред-

ставляетъ планъ никопольскихъ кучучуръ, VI—золотыя украшенія и амфоръ, найденныя тамъ; на VII изображенъ видъ Золотаго Мыса (*), на IX—южная часть и на X—сѣверная часть ольбійской народной площади, на XI—видъ внутренности одной греческой гробницы въ Ольбіи; на XII — собраны клейма на амфорахъ; на XIII — изданъ мраморный рельефъ, представляющій жертвоприношеніе Асклепію (Эскулапу), найденный ужь давно, но доселѣ остававшійся неизданнымъ; на XIV, XV, XVI, XVII, XVIII, XIX, XX и XXI золотыя и другія вещи, найденныя въ древней Ольбіи и ея окрестностяхъ; между-прочимъ, на таблицѣ XVI одинъ рельефъ; на таблицѣ XXII, XXIII и XXIV монеты, контрмарки на монетахъ и надписи, и наконецъ на таблицѣ XXV планъ острова Березани, о которомъ авторъ обѣщаетъ говорить въ III главѣ, и видъ колодца, находящагося на этомъ островѣ. Всѣ извѣстныя вещи изданы, по теперешней модѣ, хромолитографически. Размѣщеніе ихъ и исполненіе рисунковъ изящно, но въ такомъ роскошномъ и такъ дорого-стоившемъ автору изданіи можно было бы требовать отъ рисовальщика и литографа нѣсколько-бо́льшей точности.

Чтобъ подтвердить это замѣчаніе и вмѣстѣ чтобъ показать автору, ка́къ внимательно мы изучали его изданіе, мы приведемъ нѣсколько указаній на несогласія текста съ рисунками.

На стр. 53 говорится, что на глиняномъ изображеніи Астарты (табл. XVIII, рис. 1) есть перевязь, идущая отъ праваго плеча къ лѣвому боку. Этой перевязи нельзя разсмотрѣть на рисункѣ.

На стр. 57-й говорится о двухъ женскихъ головкахъ (табл. XVIII, рис. 3 и 11) съ сосудами на головѣ, которые статуи эти поддерживали одною или обѣими руками. Послѣдняго не видно изъ рисунка.

На стр. 65-й описана мѣдная вещица (табл. XVI, рис. 5), изображеніе которой дотого неясно, что его едва-ли можно привести въ соотношеніе съ описаніемъ.

Табл. XXII, п. 1, въ промежуткахъ между рыбами, на оборотной сторонѣ, нѣтъ буквъ Α Ρ Ι Χ, упоминаемыхъ въ описаніи этой монеты на стр. 106.

Табл. XXIII, п. 23, лавровый вѣнокъ едва-ли изображенъ вѣрно оригиналу.

Тамъ же, п. 29, надпись на рисункѣ изображена не та, какая въ описаніи на стр. 111.

Тамъ же, п. 30, на рисункѣ нѣтъ ни серьги, ни уха Деметры.

Тамъ же, п. 32, нѣтъ кробилоса на Артемидѣ.

Тамъ же, п. 36, на рисункѣ другая надпись, нежели въ описаніи на стр. 111.

(*) Табл. VIII, планъ Ольбіи, не находится въ атласѣ. Авторъ не былъ доволенъ ею, и она вновь изготовляется еще въ бо́льшемъ размѣрѣ. Топографы работали на мѣстѣ для ея составленія.

Въ текстѣ при нумерахъ 24, 25, 31, 33 на той же стр., вѣроятно, въ-слѣдствіе опечатки, читается *подъ*, между-тѣмъ, какъ изъ рисунковъ оказывается, что должно читать *надъ*, и т. д.

Заключаемъ эту рецензію желаніемъ, чтобъ отличающійся рѣдкою ловкостью и счастіемъ въ археологическихъ изъисканіяхъ авторъ подарилъ насъ въ скоромъ времени остальными выпусками своего важнаго для науки изданія. Еще разъ благодаримъ его отъ лица науки за изобиліе новыхъ памятниковъ и свѣдѣній, имъ сообщенныхъ, а отъ лица публики и за назначеніе умѣренной цѣны первому выпуску, стóющему, при всей обширности и великолѣпіи, только 10 руб. сер.

П. Леонтьевъ.

VI.

НОВЫЯ СОЧИНЕНІЯ.

Очеркъ Исторіи Живописи Итальянской, *сосредоточенной въ Рафаэлѣ и его произведеніяхъ. Четыре публичныя лекціи, читанныя ординарнымъ профессоромъ* С. Шевыревымъ *въ 1851 году. Москва. Въ Унив. тип. 1852. Въ 8-ю д. л. 135 стр.*

Г. Шевыревъ отступилъ отъ своихъ товарищей по публичнымъ леціямъ въ томъ отношеніи, что взялъ тэму внѣ предѣловъ науки, составляющей спеціальный предметъ его изученія и преподаванія. Оставивъ навремя русскую словесность, онъ обратился къ итальянской живописи, занимавшей его еще въ ту пору, когда издавались «Телеграфъ» и «Телескопъ», и на этотъ разъ остановился на Рафаэлѣ. Тэма въ высшей степени благодарная. Кто не слыхалъ этого знаменитаго имени, и кто не желалъ бы узнать о немъ что-нибудь основательное? Кто, сколько-нибудь воспріимчивый, смотрѣлъ на его произведенія и не увлекался искусствомъ великаго мастера? Рафаэль, этотъ величайшій художникъ новой Европы, этотъ прекрасный любимецъ счастья, видѣвшій умомъ своимъ идею красоты и олицетворявшій ее своею творческою кистью; этотъ кроткій, младенчески-чистый геній, созданія котораго не поражаютъ созерцателя, а проливаютъ тихій миръ и блаженство въ глубину души его, не заставляютъ преклоняться передъ геніальностью мастера, а возвышаютъ и очищаютъ чувства и помыслы; Рафаэль, несравненный, никѣмъ непревзойденный изобразитель Мадонны, соединившій въ этомъ небесномъ образѣ все, что́ есть въ человѣческомъ существѣ чистаго, обращеннаго къ святому... Какой неисчерпаемый источникъ наслажденія доставляетъ такой художникъ изучающему его произведенія со смысломъ! Какое обширное поприще для наблюденій и размышленій открываютъ его со-

зданія уму, хотя сколько-нибудь развитому, вкусу, хотя сколько-нибудь изощренному! Какое поприще для наблюденій и размышленій и о существѣ искусства вообще, и объ особенностяхъ живописи, и объ индивидуальности самого художника! Всѣми признано, что Рафаэль первый мастеръ въ группировкѣ, что группировка у него удивляетъ и правильностью, и простотою, и живымъ разнообразіемъ: возможно ли, изучая его произведенія, отказать себѣ въ удовольствіи — пристальнѣе всматриваться въ ихъ композицію, въ это неисчерпаемое богатство похожихъ одно на другое и въ то же время всегда отличныхъ одно отъ другаго сочетаній, въ это геніальное соглашеніе линій, въ тайны этого нѣжнаго и скромнаго, одному Рафаэлю доступнаго, изящества, выразившагося въ самомъ расположеніи фигуръ? Можно ли удержаться отъ наслажденія — анализировать картины Рафаэля съ этой точки зрѣнія, чтобъ открывать законы одной изъ труднѣйшихъ и важнѣйшихъ частей живописи? Рафаэль болѣе полутораста разъ изображалъ Мадонну и каждый разъ съ какою-нибудь отмѣною, почти-каждый разъ съ особымъ оттѣнкомъ въ самомъ выраженіи: этотъ единственный въ исторіи искусствъ примѣръ такой многократной обработки одного сюжета, въ комъ не возбуждалъ желанія прослѣдить хотя главныя фазы того процеса, который совершался въ великомъ художникѣ, пока ему не удалось наконецъ уяснить себѣ идеалъ, являвшійся его духу, и увѣковѣчить его въ дрезденской Мадоннѣ св. Сикста? — Вопросъ за вопросомъ возникаетъ при первомъ знакомствѣ съ Рафаэлемъ, и каждый вопросъ старается захватить все вниманіе изъискателя. Все человѣческое вѣдѣніе представляетъ немного предметовъ, въ такой степени обильныхъ вопросами и въ такой мѣрѣ драгоцѣнныхъ. Здѣсь передъ изслѣдователемъ разстилается поле неизмѣримое и заманчивое, съ котораго трудно сойдти, однажды вступивъ на него. И если немногіе до-сихъ-поръ рѣшались передать публикѣ впечатлѣнія и мысли, собранныя на этомъ богатомъ полѣ, то это, конечно, происходило не отъ чего другаго, какъ только отъ недовѣрія къ своимъ силамъ.

Нельзя было не порадоваться, видя, что такой опытный и извѣстный ученый, какъ г. Шевыревъ, взялся за это дѣло. Онъ рѣшился говорить о Рафаэлѣ передъ образованнѣйшею частью московской публики, и ужь одно это обѣщало большой интересъ изданнымъ теперь его лекціямъ. Конечно, только что-нибудь достойное высокаго предмета, только что-нибудь соотвѣтственное современному состоянію эстетической критики и весьма-полной разработкѣ матеріала, могло объявить требованія на вниманіе такой аудиторіи. Такъ думали мы, такъ думали, вѣроятно, и всѣ почитатели талантовъ г. Шевырева. Сложность и трудность задачи, которую выбралъ для себя г. Шевыревъ, еще болѣе увеличивали интересъ. Если такой опытный, такъ давно дѣйствующій на литературномъ поприщѣ писатель взялся за трудное дѣло, думали мы, значитъ онъ видитъ, что оно ему по-силамъ. Мы

ожидали, что онъ разъяснитъ намъ тѣ изъ нашихъ впечатлѣній, которыя еще не достигли ясности, что онъ укажетъ намъ въ Рафаэлѣ и его произведеніяхъ стороны и оттѣнки, укрывшіеся отъ нашего вниманія.

Но homo proponit, Deus disponit: либо краткость отмѣреннаго времени, либо какія другія соображенія побудили г. Шевырева взять предметъ съ такой стороны, съ которой немногіе могли ожидать. Г. Шевыревъ рѣшился не ограничиваться однимъ Рафаэлемъ, а *сосредоточить въ немъ и его произведеніяхъ очеркъ исторіи всей итальянской живописи*, какъ значится въ заглавіи лекцій, или, какъ сказано на страницѣ 4-й, *исторію живописи въ Италіи краткимъ очеркомъ представить вниманію своихъ слушателей.* Задача, также нелишенная смѣлости, также требующая большой опытности, самоувѣренности и искусства. Въ четыре часа времени поговорить о Рафаэлѣ и его произведеніяхъ и сосредоточить въ немъ и въ нихъ исторію итальянской живописи, или даже только упомянуть о главныхъ предшественникахъ и современникахъ Рафаэля — дѣло трудное, за которое не всякій рѣшился бы взяться. Произносить нѣсколько разъ имя Рафаэля и не увлечься спеціальными вопросами, возбуждаемыми этимъ именемъ, проводить передъ мыслью своею и своихъ слушателей всѣ эти дивные образы, созданные Рафаэлемъ, и съумѣть возвратиться, когда нужно, къ Джотто и Чимабуэ, для этого требуется большое самообладаніе, большое желаніе сообщить своимъ слушателямъ какъ можно болѣе свѣдѣній. Но г. Шевыревъ не удовольствовался даже и такимъ распространеніемъ предѣловъ своей тэмы. Его слушатели, а теперь и всѣ русскіе читатели должны были узнать, какъ онъ опредѣляетъ задачу живописи, какъ онъ смотритъ на главныя части того искусства, которое прославлено Рафаэлемъ. Нельзя не благодарить за это г. Шевырева. Теорія живописи была до-сихъ-поръ обработана немногими людьми съ его авторитетомъ, и наукѣ очень-важно знать, что и г. Шевыревъ признаетъ въ живописи рисунокъ, свѣтлотѣнь и колоритъ, живопись al fresco, a tempero, a olio, и что, по его мнѣнію, идея живописи проявляется въ композиціи, имѣющей три части: изобрѣтеніе, расположеніе, выраженіе. Изъ этого же изложенія теоріи живописи мы узнаемъ, что г. Шевыревъ не прочь отъ тройственныхъ дѣленій, отъ этой трихотоміи, на которую многіе нападаютъ съ такимъ ожесточеніемъ; узнаемъ, между-прочимъ, и то, какъ г. Шевыревъ употребляетъ и, слѣдовательно, какъ должно употреблять слово *идея*. *Идея*, какъ извѣстно всѣмъ пишущимъ и небезъизвѣстно многимъ читающимъ, это словечко затруднительное, весьма-головоломное. Французы употребляютъ его такъ, Англичане иначе, Нѣмцы еще иначе. У насъ, въ теперешнемъ употребленіи, есть въ немъ что-то возвышенное, привлекательное; оно звучитъ у насъ очень-громко и лестно для авторскаго самолюбія, а между-тѣмъ, кто не спрашивалъ себя, собираясь изобразить его черными чертами на бѣлой бумагѣ: да

что́ же это такое, наконецъ, «идея», о которой такъ много говорятъ новые философы вслѣдъ за древнимъ Платономъ? Кто не опасался, какъ бы не попасть въ-просакъ, употребивъ его неумѣстно? Г. Шевыревъ, въ своихъ лекціяхъ, приходитъ на помощь всѣмъ этимъ недоумѣвающимъ и сомнѣвающимся. Прежде говорили, что надобно выбирать для живописи сюжеты, соотвѣтственные этому искусству, сюжеты живописные; г. Шевыревъ подаетъ примѣръ употреблять вмѣсто слова *сюжетъ* слово *идея* и говоритъ, что надобно изобрѣтать идею живописную (стр. 10). Много ломали голову люди пишущіе, чтобъ какъ-нибудь не смѣшать идеи съ простою мыслью. Г. Шевыревъ, сказавъ однажды, что *мысль* живописная обняла всю Италію (стр. 18), въ другомъ мѣстѣ говоритъ о томъ же: *идея* живописная обняла всю Италію (стр. 48), а еще въ другомъ мѣстѣ: «идея живописная объявила свое сочувствіе всѣмъ сферамъ человѣческой дѣятельности и сознала ихъ въ самой себѣ» (стр. 70). Стало-быть, его примѣръ позволяетъ говорить иногда *идея* вмѣсто *сюжетъ*, иногда вмѣсто *мысль*, конечно, смотря по фразѣ, а это ужь значительно облегчаетъ дѣло, какъ согласится всякій; теперь можно говорить: идея портретная, идея водевильная, идея реторическая. Конечно, и теперь будетъ нужна нѣкоторая осторожность при обращеніи съ словомъ *идея*. Если, напримѣръ, какой-нибудь фельетонистъ напишетъ: *идея оперная обняла весь Петербургъ*, мы ему замѣтимъ, что это ужь черезчуръ-оригинально и эффектно. Но все-таки примѣръ г. Шевырева принесетъ свою пользу, даже если онъ только поможетъ несовсѣмъ-ловкимъ писателямъ достигать благозвучія фразъ своихъ.

Но не одно это узнаемъ мы изъ очерка теоріи живописи, сдѣланнаго г. Шевыревымъ. Извѣстно, что въ эстетикѣ были досихъ-поръ два совершенно-противоположныя мнѣнія о художественной дѣятельности. Одни полагали, что она состоитъ въ собираніи изящнѣйшихъ формъ изъ дѣйствительнаго міра, который окружаетъ художника, и что идеалъ слагается изъ впечатлѣній, оставляемыхъ этими формами. Другіе искали источника художественной дѣятельности въ непосредственномъ творчествѣ, въ непосредственномъ озареніи художника свѣтомъ идеи, и производили идеалъ изъ міра высшаго, болѣе существеннаго, нежели міръ явленій. Эти два мнѣнія казались непримиримыми; казалось, что, принимая одно изъ нихъ, надобно понеобходимости отвергнуть другое, и отвергнуть въ самомъ корнѣ, въ самой основѣ. Между-тѣмъ изъ лекцій г. Шевырева открывается, что онъ примиряетъ эти два мнѣнія, казавшіяся противорѣчивыми. Онъ приводитъ съ одобреніемъ слова Рафаэля; онъ говоритъ, что Рафаэль, изображая предметы прекрасные, не довольствуется тѣми о̀бразами, какіе предлагаетъ ему природа, но что онъ стремится всегда воплотить идею, которая является уму его, и что это сто̀итъ ему большихъ трудовъ (стр. 12). Эти слова сказаны совершенно въ духѣ теоріи творчества и составляютъ прямое отри-

цаніе противоположной теоріи подражанія. Рафаэль свидѣтельствуетъ о себѣ, что его дѣло — воплощать идею, составить образы высшіе, болѣе-чистые и болѣе-прекрасные, чѣмъ всѣ тѣ образы, какіе предлагаетъ ему природа и которыми онъ недоволенъ. Природа его не удовлетворяетъ; это значитъ, конечно, что и самое прекрасное въ природѣ невполнѣ выражаетъ ту идею, которая представляется его уму; что и самымъ прекраснымъ онъ въ природѣ невполнѣ-доволенъ, что и самыми прекрасными формами природы онъ не можетъ изобразить своего идеала, а принужденъ съ великими усиліями создавать новыя формы, болѣе-соотвѣтственныя идеѣ, являющейся его уму, болѣе-идеальныя. Такой художникъ, думали мы, не можетъ собирать по землѣ образовъ, даже самыхъ-чистыхъ, самыхъ-прекрасныхъ, не можетъ подражать природѣ даже и въ томъ, что̀ въ ней есть чисто-прекраснаго. Такой художникъ не подражаетъ, не собираетъ, а создаетъ. Такъ думали мы, такъ думали, сколько мы знаемъ, и всѣ ученые мыслители, признававшіе правду въ этомъ замѣчательномъ свидѣтельствѣ Рафаэля о самомъ-себѣ. Всѣ видѣли въ словахъ Рафаэля подтвержденіе теоріи творчества, опроверженіе теоріи подражанія. Становившіеся на сторону Рафаэля становились на сторону одного изъ двухъ мнѣній, двоящихъ эстетику съ весьма-давнихъ поръ. Но изъ лекцій г. Шевырева мы узнали, что онъ, вѣроятно, возвелъ это раздвоеніе, какъ иные теперь говорятъ, въ «цѣльность сознанія». Вотъ что̀ мы читаемъ у него на стр. 13: «Великіе живописцы поступали такъ: чтобъ выразить идеалъ, носимый въ душѣ, благость «божественную чертами видимыми, они собирали по землѣ все «то, что̀ есть чисто-прекраснаго». Въ этихъ словахъ, какъ видятъ читатели, говорится и объ идеалѣ, носимомъ въ душѣ, и о собираніи чисто-прекраснаго по землѣ. Принимая идеалъ, а слѣдовательно и творчество въ искусствѣ, г. Шевыревъ подкрѣпляетъ своимъ словомъ и противоположную теорію — теорію собиранія прекраснаго по землѣ, теорію подражанія природѣ. Было бы непозволительно и опрометчиво предполагать, что г. Шевыревъ безъ намѣренія и сознанія смѣшалъ двѣ теоріи, впродолженіе тысячелѣтій оспоривающія господство въ эстетикѣ — наукѣ, относящейся къ предметамъ спеціальнаго его изученія. Наше уваженіе къ нему заставляетъ насъ думать, что ему дѣйствительно удалось примирить противорѣчіе и устранить раздвоеніе, господствовавшія до него въ наукѣ объ изящномъ. Но нельзя не высказать желанія, чтобъ г. Шевыревъ въ непродолжительномъ времени сообщилъ ученому міру о своемъ открытіи, и сообщилъ, какъ слѣдуетъ, не въ формѣ намека, а въ послѣдовательномъ изложеніи дѣла.

Только послѣ такого полнаго изложенія новой эстетической теоріи станетъ вѣроятнымъ и понятнымъ и то, что̀ также мимоходомъ и въ формѣ намека сказано авторомъ на стр. 12. До г. Шевырева обыкновенно видѣли въ красотѣ явленіе идеи; въ красотѣ тѣла — явленіе идеи въ сферѣ тѣла, въ красотѣ духа — яв-

леніе идеи въ сферѣ духовной. Понятіе о явленіи считалось неразлучносвязаннымъ съ понятіемъ объ изящномъ. Имѣя это въ виду, никто не смѣшивалъ красоты съ истиной или благомъ. У г. Шевырева, между-тѣмъ, мы находимъ совершенно-новое опредѣленіе красоты духа. На вышеприведенной страницѣ читаемъ: «А что такое красота духа? — Благость и любовь». Было бы опять слишкомъ-смѣло предполагать, что «благость и любовь» сказано здѣсь вмѣсто «явленіе благости и любви». Вся сила опредѣленія заключается здѣсь въ словѣ *явленіе*, потому-что въ *явленіи* чего бы то ни было существеннаго и состоитъ изящное, по общепринятому мнѣнію. Г. Шевыревъ не могъ не знать этого опредѣленія. Онъ, конечно, обдумалъ и взвѣсилъ его, и устранилъ самую существенную его часть не по забывчивости, что̀ можно было бы ожидать только отъ начинающаго изучать науку изящнаго, а вслѣдствіе зрѣлаго размышленія о сущности искусства. Но пока новая эстетическая теорія г. Шевырева остается неизвѣстною для насъ, мы признаёмся, что не находимъ въ своемъ мышленіи довольно силъ, чтобъ понять превосходство и точность его новаго опредѣленія красоты духа. Намъ приходятъ на память болѣе-понятныя для насъ слова кардинала Бембо, приведенныя съ похвалою въ самихъ лекціяхъ г. Шевырева и, стало-быть, заслуживающія нѣкотораго вниманія. «Благость (гоговоритъ авторъ «Азоланъ») — центръ, красота — окружность ; благость — солнце, красота — радуга». Приходятъ на память и собственныя слова г. Шевырева на стр. 13, гдѣ говорится о сліяніи красоты и благости. Что-нибудь одно, полагаемъ мы: или красота есть благость и любовь, тогда, что жь значитъ сліяніе красоты съ благостью? или красота можетъ слиться съ благостью, и тогда она не одно и то же, что̀ благость. Или мы можемъ понять мѣсто на страницѣ 13-й и не понимаемъ мѣста на страницѣ 12-й; или можемъ понять, что̀ сказано на страницѣ 12-й, и не понимаемъ сказаннаго на страницѣ 13-й. Повторяемъ, впрочемъ, что говоримъ только о своемъ непониманіи, и не смѣемъ обвинять г. Шевырева, который, конечно, соединялъ съ своими словами какую-нибудь глубокую или высокую мысль. Онъ самъ говоритъ на стр. 12: «хотя человѣкъ и дошелъ до того, что назвалъ слово «орудіемъ къ сокрытію мысли, но все-таки оно дано было ему «затѣмъ, чтобъ ясно и вполнѣ выражать ее». Г. Шевыревъ, конечно, еще лучше нашего знаетъ, что̀ такое слово, и съ негодованіемъ отвергаетъ парадоксъ Фальстафа, что слово есть воздухъ, парадоксъ, который былъ употребленъ шекспировскимъ героемъ, въ доказательство тому, что и честь есть воздухъ.

За очеркомъ теоріи живописи, умѣстившимся на восьми страницахъ, слѣдуетъ, какъ говоритъ г. Шевыревъ, *Очеркъ Исторіи Живописи Итальянской, сосредоточенной въ Рафаэлѣ и его произведеніяхъ*. Этотъ очеркъ, котораго ужь самое заглавіе , какъ видятъ читатели, необыкновенно-смѣло и по мысли и еще болѣе по языку, обнимаетъ всю жизнь и всѣ произведенія Рафаэля и

вмѣстѣ всю исторію итальянской живописи, преимущественно до Рафаэля, и не только обнимаетъ, но и сосредоточиваетъ ее въ Рафаэлѣ и его произведеніяхъ. О содержаніи этого очерка мы не станемъ говорить; оно совершенно то же, какое встрѣчаемъ мы во всѣхъ учебникахъ исторіи итальянской живописи. Авторъ не увлекся живыми, самостоятельными изслѣдованіями; онъ не остановился ни на одномъ изъ тѣхъ многочисленныхъ вопросовъ, которые возбуждаетъ знакомство съ Рафаэлемъ, и на которые мы въ нѣсколькихъ словахъ указали въ началѣ этой статьи. Его изложеніе можетъ быть полезно для людей совершенно-незнакомыхъ съ литературой предмета; мы даже согласимся, что необразованные изъ художниковъ — а такихъ въ наше время, къ-сожалѣнію, довольно-много — могутъ многое изъ него узнать; но, вообще говоря, оно сухо, бѣдно свѣжими мыслями и походитъ болѣе на перечень, нежели на живое изложеніе дѣла. Въ языкѣ, въ расположеніи и выборѣ словъ видно какое-то стремленіе дать нѣчто необыкновенное; но это стремленіе не идетъ далѣе словъ, не восходитъ до области мысли. Говоримъ это объ изображеніи подробностей, этихъ разнообразнѣйшихъ и увлекательныхъ подробностей, которыми такъ богата и жизнь Рафаэля и исторія всей итальянской живописи. Самая любовь къ предмету, которую авторъ выказываетъ во многихъ мѣстахъ своихъ лекцій, не повела къ симпатическому подмѣчанію такихъ чертъ, которыя укрываются отъ холоднаго разсматриванія; она также не проявилась въ дѣлѣ и осталась на словахъ. Вѣроятно, это произошло отъ обширности тэмы и краткости времени; но какъ-бы то ни было, вѣрно то, что характеристика Рафаэля и его произведеній, а еще болѣе характеристика другихъ живописцевъ, осталась и холодною, и сухою, и блѣдною. Новаго и оригинальнаго мы не нашли въ ней ничего, кромѣ двухъ-трехъ нововведеній, о которыхъ считаемъ долгомъ сказать, тѣмъ-болѣе, что не можемъ съ ними согласиться.

Начнемъ съ общихъ воззрѣній. Здѣсь мы можемъ рѣшительнѣе высказать свое мнѣніе, потому-что здѣсь мысли г. Шевырева относятся не къ умозрѣнію, а къ историческимъ фактамъ. Имѣя дѣло съ новыми мнѣніями г. Шевырева объ искусствѣ, мы были въ затрудненіи, потому-что не имѣли передъ собою его новой теоріи искусства, которую принуждены были предполагать, изъ уваженія къ его авторитету. Здѣсь, напротивъ, на исторической почвѣ у насъ есть всѣ данныя для повѣрки. Къ-тому же г. Шевыревъ, постоянно писавшій объ исторіи отечественной и другихъ литературъ, успѣлъ уже достаточно ознакомить публику съ своей методой объясненія историческихъ фактовъ и далъ возможность вполнѣ оцѣнить ее по плодамъ ея.

Объ этой методѣ добыванія общихъ воззрѣній не разъ ужь было говорено на страницахъ нашего журнала, и не разъ ужь было замѣчено, что нѣтъ возможности одобрить ее. Она извѣстна всѣмъ, слѣдящимъ за ходомъ русской литературы, и всѣмъ извѣстны

плоды ея. Мысль г. Шевырева объявляетъ притязанія на такую силу, что не можетъ оставить на волѣ то, что̀ ее занимаетъ, и стремится все покорить себѣ, все возвысить до своихъ формально-логическихъ категорій. Весьма-естественно, что подробности не могутъ занимать мышленія, находящагося на такой высотѣ: оно самовольно создаетъ большіе контрасты, раздѣляетъ все на большія группы. Здѣсь, напримѣръ, раздвоеніе, тамъ цѣльность; здѣсь гніеніе, тамъ жизнь. Средняго между двумя крайностями не признается и не примѣчается; полутоны исчезаютъ; дѣйствительная связь фактовъ расторгнута; факты оторваны отъ почвы. Послѣдствія соотвѣтствуютъ направленію; они блистательны до неимовѣрности. Факты, отторгнутые отъ почвы, лишаются способности оказывать противодѣйствіе уму мыслителя и начинаютъ повиноваться ему непрекословно. Нѣжные, съ большимъ трудомъ и напряженіемъ уловимые оттѣнки, однимъ-словомъ, вся индивидуальная сторона явленій перестаетъ занимать изслѣдователя, который считаетъ ниже себя мелкія изъисканія трудолюбивой учености; умъ не развлекается тѣмъ безконечнымъ разнообразіемъ, которое представляетъ дѣйствительность; ему все становится до чрезвычайности яснымъ. Перо получаетъ чрезъ это неимовѣрную силу; однимъ почеркомъ пера мы опредѣляемъ характеръ эпохъ и народовъ, судимъ людей, великихъ и малыхъ, живыхъ и мертвыхъ, и ранжируемъ всѣ явленія міра исторіи подъ сіяющіе значки нашихъ категорій. Но бѣда въ томъ, что, при ближайшемъ разсмотрѣніи дѣла, наши категоріи оказываются только *нашими* категоріями, нестоящими ни въ какомъ отношеніи къ дѣйствительности, приложимыми не къ фактамъ, а къ нашимъ смутнымъ, на̀скоро составленнымъ представленіямъ о фактахъ. Весь трудъ, нетребовавшій, правда, ни много времени, ни нѣмецкой усидчивости, но все-таки казавшійся намъ такимъ блистательнымъ, теряетъ всякое значеніе и его результаты, повидимому столь обширные, не могутъ поравняться съ результатами самаго спеціальнаго, но обращеннаго на дѣйствительные факты изслѣдованія. Послѣдніе остаются достояніемъ науки и освобождаютъ ее отъ необходимости переизслѣдованія того, что̀ разъ уже было добросовѣстно изслѣдовано; а результаты, нами добытые, введутъ только въ заблужденіе тѣхъ неопытныхъ, которые съ довѣріемъ положатся на кажущійся блескъ нашего авторитета. Но и авторитетъ нашъ недолго останется въ силѣ: рано или поздно будетъ замѣчено, что говоренное нами относится къ несуществующему міру созданныхъ нами призраковъ, имѣющему мало общаго съ дѣйствительнымъ міромъ, предметомъ серьёзной науки.

Такая метода, со всѣмъ ея призрачнымъ блескомъ, сама, къ-сожалѣнію, отнюдь не призракъ. Она была прилагаема ко многимъ вопросамъ; съ ея же помощью добыта главная мысль «Очерка Исторіи Живописи Итальянской, сосредоточенной въ Рафаэлѣ и его произведеніяхъ».

Въ этомъ «Очеркѣ» что̀ могло предпочтительно передъ всѣмъ

прочимъ занимать автора, какъ не отношеніе Рафаэля къ Микель-Анджело? Въ чемъ позволительно видѣть главную мысль «Очерка», какъ не въ опредѣленіи характера Рафаэля въ противоположность его великому противнику? Г. Шевыревъ не могъ обойдти и не обошелъ этого вопроса; онъ долженъ былъ опредѣлить каждому изъ двухъ геніальныхъ современниковъ свое мѣсто, показать слушателямъ, что̀ слѣдуетъ видѣть въ Рафаэлѣ, и что̀ въ Микель-Анджело. Его метода значительно облегчила ему такое трудное дѣло. Микель-Анджело и Рафаэль—два генія, столько различные и столько великіе, кто посмѣлъ бы отрицать ихъ колоссальность и колоссальность контраста, въ которомъ они стоятъ другъ къ другу? Любимая колоссальность контраста являлась здѣсь почти сама-собою; а такъ-какъ самый большой контрастъ въ исторіи человѣчества представляется язычествомъ и христіанствомъ, то ка̀къ было удержаться отъ мысли, что Микель-Анджело представитель языческаго элемента въ живописи итальянской, а Рафаэль — представитель элемента христіанскаго? Правда, такою мыслію бросается неблагопріятная тѣнь на великаго живописца Сикстинской Капеллы; правда, что, принявъ эту мысль, мы подвергаемся опасности проговориться, поддавшись какъ-нибудь нечаянно силѣ фактовъ, неподчиняющихся нашей мысли; но что̀ за дѣло до всего этого нашему уму высоко-парящему? не должно̀ ли все передъ нимъ преклоняться?

Читатель, мы видимъ, едва вѣритъ тому, что̀ мы говоримъ; но вотъ явныя доказательства. На стр. 43 читаемъ: «Микель-Анджело ввелъ въ живопись языческое ваяніе»; на стр. 53: «Микель-Анджело былъ питомецъ языческаго ваянія», и еще сильнѣе на стр. 89: «поклонникъ скульптуры, Микель-Анджело ввелъ язычество въ христіанскую живопись». Послѣднее говорится по поводу фресковъ Сикстинской Капеллы. Что̀ можно, кажется, найдти менѣе подходящаго къ извѣстному характеру античнаго художества, какъ именно эти фрески Микель-Анджело? Здѣсь само дѣло говоритъ такъ ясно за себя, что освобождаетъ насъ отъ возраженій. Но кто не знаетъ, что и въ другихъ произведеніяхъ Микель-Анджело преобладаетъ именно то, что̀ составляетъ контрастъ съ античнымъ языческимъ ваяніемъ? Кто не укажетъ въ опроверженіе г-ну Шевыреву на эту необыкновенную возвышенность и напряженность о̀бразовъ Микель-Анджело, на это безмѣрное величіе, пугающее, можно сказать, зрителя и діаметрально противоположное тому невозмущенному спокойствію, той мѣрѣ, которая у Грековъ носила имя *софросины* и была душею античнаго художества? Впрочемъ, самъ г. Шевыревъ предупреждаетъ своихъ противниковъ; онъ самъ съ полнымъ успѣхомъ разрушаетъ свое собственное общее воззрѣніе. Изъ многихъ мѣстъ, гдѣ онъ съ достохвальнымъ безпристрастіемъ трудится надъ этимъ, приведемъ два, особенно-рельефныя:

«Но есть большое различіе между ваяніемъ древнимъ и ваяніемъ Микель-Анжело. Въ его статуяхъ нѣтъ того спокойствія, какое ви-

димъ въ древнихъ. Онъ внесъ въ скульптуру новый элементъ, страсть души. Это ваяніе взволнованное. Микель-Анджело не могъ изобразить тѣла человѣческаго въ спокойномъ, обыкновенномъ состояніи: ему надобно было непремѣнно представить его въ какомъ-нибудь напряженіи. Таковъ стиль его живописи на картинѣ Страшнаго Суда, гдѣ тѣла человѣческія изображены въ мучительныхъ позахъ, не только въ аду и чистилищѣ, но даже и въ раю» (стр. 56).

«Его статуя не есть древняя статуя. Она одушевлена тою страстію, которою жила душа самого художника, безпрерывно взволнованная. Рафаэль, напротивъ, умѣлъ переносить спокойствіе и веселость древняго ваянія въ новую живопись, и между тѣмъ онъ не нарушалъ ни духа, ни правъ жизни своего искусства. Когда смотришь на его Галатею, приходитъ на мысль такой образъ: представьте себѣ, что ожила древняя статуя, вдругъ покрылся мраморъ тѣлесною краскою, загорѣлись глаза, вспыхнула въ нихъ душа... Такое живое родство живописи и древняго ваянія у Рафаэля» (стр. 113).

По послѣднему мѣсту выходитъ, что уже не Микель-Анджело, внесшій въ христіанскую живопись ваяніе языческое, а Рафаэль— въ родствѣ съ языческимъ ваяніемъ. Микель-Анджело, питомецъ языческаго ваянія, далекъ отъ него, а не къ нему близокъ Рафаэль, сосредоточившій въ себѣ исторію итальянской живописи. И между-тѣмъ, все-таки Микель-Анджело отличается и отъ Леонардо и отъ Рафаэля тѣмъ, что подчинился языческому ваянію! Спрашиваемъ всякаго, чѣмъ объяснить такое противорѣчіе, если не тѣмъ, что во всѣхъ этихъ мѣстахъ г. Шевыревъ говоритъ не о Рафаэлѣ, не о Микель-Анджело и не о языческомъ ваяніи, а о какихъ-то своихъ представленіяхъ, которыя намъ неизвѣстны, и до которыхъ, само собою разумѣется, никому дѣла нѣтъ? Произведенія Микель-Анджело, проникнутыя духомъ, совершенно-другимъ, нежели античныя изваянія, никакимъ образомъ не могли внести языческій элементъ въ итальянскую живопись; если этотъ элементъ былъ внесенъ чѣмъ-нибудь куда-нибудь, то, конечно, не произведеніями Микель-Анджело.

Г. Шевыревъ, на стр. 90 говоритъ: «Въ Сивиллахъ della Pace нельзя отвергнуть вліянія Микель-Аджело; но что у Микель-Аджело величаво, колоссально и даже напряженно, то у Рафаэля прелестно, стройно, свободно». Здѣсь величавость признается качествомъ Микель-Анджело, однимъ изъ тѣхъ качествъ, которыми Микель-Анджело отличается отъ Рафаэля. А черезъ десять страницъ говорится о Рафаэлѣ въ противоположность къ Микель-Анджело: «Здѣсь все величаво и нѣжно, стройно и прелестно». (стр. 100). Очевидно, что въ дѣйствительности величавость не могла одинъ разъ отличать Микель-Анджело отъ Рафаэля, а въ другой разъ Рафаэля отъ Микель-Анджело. Здѣсь, слѣдовательно, идетъ рѣчь не о дѣйствительномъ характерѣ произведеній Рафаэля и Микель-Анджело, а о собственныхъ представленіяхъ г. Шевырева.

Но не одни сужденія о Рафаэлѣ и Микель-Анджело, геніяхъ необъятныхъ, подаютъ поводъ къ такимъ невесьма-выгоднымъ заключеніямъ. Мы предвидимъ, что найдутся неисправимые со-

фисты, которые будутъ, напримѣръ, утверждать, что и Галатея, о которой говоритъ г. Шевыревъ на стр. 113, вовсе не та Галатея, которая находится въ Римѣ, въ Фарнезинѣ, и занимаетъ тамъ очень-опредѣленное пространство, а какая-то другая, вѣроятно, внѣ всякаго пространства обрѣтающаяся. «Мы тоже были въ Римѣ» скажутъ они, «и любовались Галатеей, этимъ легкимъ, граціознымъ созданіемъ рафаэлевой кисти, этимъ образомъ, котораго никакое ваяніе изобразить не въ силахъ (уже по самой его постановкѣ), который созданъ для одной живописи. Намъ очень-памятна эта миѳологическая Галатея, которая совсѣмъ забыла о своемъ миѳическомъ происхожденіи и античномъ характерѣ, которая, въ угоду Рафаэля, вся облеклась въ любимыя его очертанія. Мы удивлялись, прибавятъ они, какъ своеобразенъ былъ геній Рафаэля, какъ и на античные сюжеты онъ умѣлъ наложить печать своего творчества. Мы удивлялись успѣху, который имѣлъ этотъ необыкновенный художникъ, давъ античному сюжету образъ, совершенно не античный, но спорящій съ античнымъ въ изяществѣ». И нельзя не сознаться съ прискорбіемъ, что всѣ эти рѣчи могутъ быть сказаны въ полной увѣренности, что противъ нихъ едва ли можно возражать.

Вотъ какъ невыгодна та метода, которую избралъ г. Шевыревъ при обработкѣ историческихъ данныхъ! Мы уже замѣтили, что эта метода дѣлаетъ изслѣдователя равнодушнымъ и даже легкомысленнымъ относительно фактовъ. Приведемъ теперь образчикъ того, ка́къ страдаютъ факты въ рукахъ изслѣдователя, принявшаго такое направленіе.

Всѣмъ извѣстно, что въ за́мкѣ Гамптонкортскомъ, въ Англіи, близь Лондона, сохраняются картоны, сдѣланные Рафаэлемъ для ковровъ, вытканныхъ въ Аррасѣ, во Фландріи, и теперь находящихся въ Ватиканѣ, въ Римѣ. Эти картоны носятъ на себѣ явные слѣды работы по нимъ на аррасской фабрикѣ; они разрѣзаны на полосы и исколоты булавками. Художественное ихъ достоинство оцѣнено всѣми художниками и знатоками; въ устахъ всѣхъ — слова похвалы и удивленія, и только самые тонкіе знатоки, люди съ самымъ острымъ художническимъ глазомъ позволяли себѣ находить въ томъ или другомъ картонѣ нѣкоторыя черты, указывающія не на кисть Рафаэля, а на кисть того или другаго изъ учениковъ его. Въ подлинности гамптонкортскихъ картоновъ вообще не сомнѣвался до-сихъ-поръ ни вкусъ художниковъ, ни скептицизмъ изслѣдователей исторіи искусства. Но въ то же время въ Москвѣ, на Лубянкѣ, въ домѣ г. Лухманова, сохранялись впродолженіе нѣсколькихъ десятковъ лѣтъ холсты, на которыхъ написаны тѣ же сюжеты, сочиненія рафаэлева, что̀ и на гамптонкортскихъ картонахъ. Холсты эти считались всѣми за копіи, потому-что по исполненію они недостойны Рафаэля; назывались холстами, а не картонами, потому-что картонъ значитъ бумага, а не холстъ, и показывали своей золотой рамкой, написанной желтой краской на холстѣ, свое назначеніе — служить

не образцомъ или узоромъ при тканьѣ ковровъ, а замѣнять картины на стѣнахъ какого-нибудь большаго дома. Художественное достоинство ихъ было давно уже оцѣнено; ихъ вывѣшивали въ залахъ здѣшней Академіи Художествъ, и члены этого высшаго художественнаго трибунала въ Россіи имѣли случай высказать о нихъ свое мнѣніе. Послѣ всего этого никому не приходило въ голову равнять ихъ съ гамптонкортскими картонами, пока г. Шевыревъ не сдѣлалъ того въ своихъ лекціяхъ. Читатели нашего журнала уже знаютъ, что возвышеніе г. Шевыревымъ лухмановскихъ холстинъ встрѣтило сильное противорѣчіе со стороны знатоковъ и ученыхъ. Графъ С. Г. Строгановъ, г. Крузе и редакторъ «Моск. Вѣдомостей» (изданія, въ которомъ велась вся эта полемика), показали невозможность предположеній г. Шевырева со стороны художественной и всю неосновательность ихъ со стороны исторической. Полемика велась противъ утвержденія, что холстины г. Лухманова могли быть писаны Рафаэлемъ, что въ нихъ можно видѣть рафаэлевы картоны, что ихъ всѣ даже можно приписывать кисти Рафаэля, тогда-какъ въ гамптонкортскихъ картонахъ замѣтны слѣды кисти учениковъ его; кончилась же она сознаніемъ г. Шевырева, что холстины г. Лухманова, не рафаэлевы картоны, а рафаэлевскіе, то-есть имѣющіе отношеніе къ Рафаэлю, и что онъ ничего другаго никогда и не утверждалъ. Эта полемика едва кончилась, какъ г. Лухмановъ отправился съ своими холстинами въ Англію, въ Лондонъ, гдѣ тогда была всемірная выставка. Мы сообщали въ свое время читателямъ мнѣніе «Атенея», перваго изъ англійскихъ журналовъ, занимающихся литературой и искусствомъ. Это мнѣніе сдѣлалось общимъ большинства многочисленной публики всего свѣта стекшейся на тѣ дни въ Лондонъ. Кромѣ Англичанъ, которые могли смотрѣть съ нѣкоторою завистью на достояніе обитателя Москвы, продающееся въ Лондонѣ, здѣсь были Французы, такъ ревностно соперничествующіе съ Англичанами, здѣсь были Нѣмцы, столь основательно знающіе исторію живописи, здѣсь были и тѣ Итальянцы, которыхъ *идея живописная, разъ обнявшая всю Италію, не покидала болѣе.* Но никакого шуму, никакого энтузіазма не произвели эти холстины; ихъ многіе видѣли, но о нихъ говорили въ тысячу разъ менѣе, чѣмъ сколько бы стали говорить о небольшомъ кускѣ известки, расписанномъ рукой Рафаэля. Наконецъ эти холстины прибыли обратно въ Россію. Кажется, дѣло ясное. Но тѣмъ не менѣе г. Шевыревъ, черезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ возвращенія холстинъ на Лубянку, счелъ еще возможнымъ напечатать слѣдующее: «Только мастера живо-«писной техники могутъ рѣшить, дѣйствительно ли принадлежатъ «эти картоны (то-есть холстины) кисти Рафаэля, или только копіи «съ его произведеній; но есть много историческихъ данныхъ въ «пользу перваго предположенія» (стр. 103). А о гамптонкортскихъ, несомнѣнно подлинныхъ картонахъ, онъ счелъ за нужное отозваться съ нѣкоторой двусмысленностью: «Они до-сихъ-поръ счи-

таются оригинальными» (стр. 102), какъ-будто бы можетъ наступить время, когда ихъ перестанутъ считать оригинальными. Такую привязанность къ мнѣнію, совершенно-опровергнутому, а вмѣстѣ и самое происхожденіе оригинальнаго мнѣнія мы опять-таки не въ-состояніи объяснить ничѣмъ другимъ, какъ тѣмъ, что̀ сказано нами выше объ общихъ воззрѣніяхъ, нисколько некасающихся дѣйствительности. Мысль: что если бъ въ центрѣ Россіи, въ срединѣ Москвы, нашлись подлинные картоны Рафаэля, неоцѣненные только вслѣдствіе излишняго уваженія къ иностраннымъ картонамъ, сберегаемымъ въ западномъ Гамптонкортѣ, есть въ самомъ дѣлѣ прекрасная мысль, которая могла понравиться...

Въ заключеніе запишемъ еще въ лѣтопись русской литературы нововведенія г. Шевырева, относящіяся къ русскому языку и фразеологіи. По нашему мнѣнію, они смѣлы, какъ смѣло и самое заглавіе «Очерка»; но мы не беремся судить о нихъ, потому-что въ дѣлѣ вкуса, говоритъ старая пословица, судить нельзя. Желающіе подражать этимъ нововведеніямъ г. Шевырева найдутъ въ его лекціяхъ, что изъ Византіи и Венеціи раздались первые удары волшебной кисти (стр. 5), что живая драма вспыхиваетъ на знаменитомъ фрескѣ Леонардо (стр. 53), что Рафаэль легкимъ и свободнымъ циркулемъ зодчаго вывелъ три яруса галерей, называемыхъ «ложами» (стр. 100); найдутъ музыкантовъ, разносящихъ по всему міру звуки своего искусства (стр. 14), итальянскую живопись, примыкающую къ Рафаэлю всѣми своими лучами (стр. 26), красоту слезъ (стр. 14), среброзвѣздное покрывало (стр. 25) и лики многосмысленные (стр. 62); наконецъ они найдутъ, что можно не только входить въ подробности, въ соперничество, но и всходить въ подробности, всходить въ соперничество, что языческій элементъ не вошелъ, а взошелъ въ жизнь всей Италіи (стр, 22, 59, 114), и пр. и пр.

Опытъ Общесравнительной Грамматики Русскаго языка, *изданный Вторымъ Отдѣленіемъ Императорской Академіи Наукъ. Санктпетербургъ. Въ тип. Императорской Академіи Наукъ. 1852. Въ 8-ю д. л., 29 — 462 стр.*

Есть три способа изучать языкъ: *философскій, историческій и сравнительный*. Философскій показываетъ общіе законы человѣческаго слова, основанные на началахъ мышленія: въ немъ всѣ частныя видоизмѣненія грамматическихъ формъ подводятся къ общимъ философскимъ законамъ. Въ сравнительномъ — сравнивается какой-либо языкъ съ другими языками, однородными и соплеменными. Историческій послѣдовательно ведетъ исторію языка отъ самыхъ древнихъ памятниковъ его литературы до позднѣйшихъ временъ.

Изъ этихъ трехъ способовъ изученія языка, «Опытъ Общесравнительной Грамматики языка Русскаго» совмѣщаетъ въ себѣ

два: философскій и сравнительный. Философскій можетъ быть названъ еще *общимъ* (такъ-какъ онъ изслѣдуетъ общіе законы человѣческаго слова), и этимъ объясняется названіе «Общесравнительной», приданное Грамматикѣ въ «Опытѣ». При составленіи его принятъ въ соображеніе грамматическій составъ всѣхъ однородныхъ языковъ, открыто сходство и несходство ихъ съ нашимъ и показано отличительное свойство русскаго языка и мѣсто, занимаемое имъ въ ряду родственныхъ нарѣчій. «Показать общіе законы слова человѣческаго, на началахъ мышленія», говоритъ авторъ Опыта, академикъ И. И. Давыдовъ, «и частныя особенности, объясняемыя сравненіемъ отечественнаго языка съ языками однородными и соплеменными: вотъ, по-моему мнѣнію, цѣль Отечественной Грамматики». Изслѣдованіе развитія врожденной человѣку способности выражаться посредствомъ слова составляетъ предметъ Общей Грамматики; изслѣдованіе особенностей этой способности въ отечественномъ языкѣ есть предметъ частной грамматики, и именно отечественной. Это воззрѣніе и положено въ основу «Опыта». Форма его выведена изъ законовъ логическихъ, общихъ всѣмъ языкамъ, а содержаніе состоитъ изъ законовъ отечественнаго языка сравнительно съ языками одного корня и племени, и составлено по замѣчательнѣйшимъ изслѣдованіямъ отечественныхъ филологовъ.

На подобное, философско-сравнительное или общесравнительное изложеніе отечественной грамматики указывалъ и Ломоносовъ, который въ запискѣ своей: «Филологическія изслѣдованія и показанія, къ дополненію Грамматики надлежащія», поставилъ между двѣнадцатью предметами этихъ изслѣдованій: о сходствѣ и перемѣнахъ языковъ, о сродныхъ языкахъ россійскому (часть общая) и о преимуществахъ россійскаго языка (часть особенная).

«Такимъ образомъ (говоритъ И. И. Давыдовъ) представляемый соотечественникамъ опытъ общесравнительной Грамматики русскаго языка не есть что либо новое: это лишь только исполненіе завѣщанія Ломоносова, преобразователя языка нашего, сочинителя первой русской грамматики. Я не смѣю ничего присвоивать себѣ въ этомъ трудѣ: воспользовавшись глубокими изслѣдованіями о русскомъ языкѣ во всемъ его составѣ заслуженныхъ нашихъ грамматиковъ, Греча и Востокова, филологическими наблюденіями Павскаго, синтаксисомъ Перевлѣсскаго, нѣкоторыми частными замѣчаніями Лангеншельда, Буслаева, Каткова, Басистова, я привелъ въ систему готовыя сокровища по той мысли, какую положилъ въ основаніе въ слѣдствіе многолѣтняго опыта. Примѣры большею частію заимствованы изъ старинныхъ русскихъ стихотвореній, пословицъ, живой рѣчи и изъ отечественныхъ писателей: Ломоносова, Державина, Карамзина, Пушкина, Крылова, Батюшкова, Московскаго Митрополита Филарета, Архіепископа Иннокентія, Жуковскаго и другихъ образцевъ поэзіи и краснорѣчія.»

«Опытъ Общесравнительной Грамматики Русскаго Языка», составленный И. И. Давыдовымъ, есть, такъ сказать, пятое звено въ

исторіи нашего языкоученія, послѣ грамматикъ Ломоносова, Академической, гг. Греча и Востокова. Онъ — вторая Академическая Грамматика, составленная по современному воззрѣнію на языкъ и принявшая въ себя надлежащіе матеріалы изъ всѣхъ предшествовавшихъ ей трудовъ.

Содержаніе «Опыта» слѣдующее: введеніе, три части грамматики и приложеніе.

Введеніе разсматриваетъ составъ и образованіе языка. Первая часть (словопроизведеніе) заключаетъ въ себѣ два отдѣленія: Словообразованіе, и части рѣчи и ихъ измѣненія. Во второй (словосочиненіе) тоже два отдѣла: первое говоритъ о предложеніи, выражающемъ отношенія понятій, второе — о предложеніи, выражающемъ отношенія мыслей. Столько же отдѣловъ и въ третьей (правописаніи), излагающемъ правописаніе словъ и правописаніе въ предложеніяхъ и періодахъ. — Приложеніе разсуждаетъ объ отличительныхъ свойствахъ русскаго языка.

Изложивъ, въ краткомъ указаніи, форму и содержаніе «Опыта», мы современемъ представимъ полный о немъ отчетъ, въ которомъ сравнимъ его съ другими предшествовавшими ему грамматиками.

Грамматика Старославянскаго языка, *изданная* Петромъ Перевлѣсскимъ. *Санктпетербургъ. Въ тип. Императорской Академіи Наукъ. 1852. Въ 8-ю д. л., 64 стр.*

Г. Перевлѣсскій, извѣстный публикѣ нѣсколькими полезными изданіями (*), въ предисловіи къ новому труду своему изъясняетъ отличіе его отъ другихъ подобныхъ трудовъ. Это отличіе основано на методѣ изложенія славянскаго языка, состоящей въ томъ, что законы и формы его разсматриваются сравнительно съ законами и формами языка русскаго и показываются его особенности отъ русскаго языка. Въ отношеніи же къ «Славянской Грамматикѣ» г. Ененинскаго, книга г. Перевлѣсскаго отличается тѣмъ, что въ нее внесены новыя изслѣдованія о славянскомъ языкѣ, разсѣянныя въ сочиненіяхъ: Востокова, Буслаева, Каткова, Миклошича, Павскаго, Срезневскаго и другихъ. Авторъ назвалъ свое сочиненіе грамматикой *старославянскаго* языка на томъ основаніи, что у него на первомъ планѣ поставлены формы *старославянскаго* языка, а потомъ ужь слѣдуютъ измѣненія ихъ или совершенная отмѣна въ языкѣ церковномъ. Изложеніе г-на Перевлѣсскаго удовлетворяетъ требованіямъ учебныхъ книгъ: оно ясно, кратко и полно.

«Грамматика Старославянскаго языка» раздѣлена на четыре части: введеніе, этимологію, орѳографію и синтаксисъ. Во введеніи со-

---

(*) «Начертаніе Русскаго Синтаксиса», «Русское Стихосложеніе», «Собраніе Сочиненій извѣстнѣйшихъ Русскихъ Писателей» (три выпуска: избранныя сочиненія Ломоносова, Кантемира и Тредьяковскаго).

держится исторія славянской азбуки; въ этимологіи — ученіе о звукахъ, формахъ частей рѣчи и образованіи словъ; въ синтаксисѣ — ученіе о простомъ и сложномъ предложеніи.

О видахъ русскихъ глаголовъ *въ синтаксическомъ отношеніи. Разсужденіе, написанное для полученія степени магистра кандидатомъ* С. Шафрановымъ. *Москва. Въ Университетской тип. 1852. Въ 8-ю д. л., 160 стр.*

Авторъ, преподавая русскій языкъ въ-теченіе десяти лѣтъ нѣмецкому юношеству, убѣдился на самомъ опытѣ (какъ онъ говоритъ въ предисловіи), что иностранцу трудно уразумѣть особенности русскаго глагола, по теоріи глагольныхъ видовъ, принятой въ нашихъ грамматикахъ. Самыя основанія этой теоріи такъ шатки, излагаемыя въ ней опредѣленія видовъ такъ общи, и самое раздѣленіе ихъ такъ произвольно, а потому измѣнчиво, что, въ примѣненіи къ живой рѣчи, теорія эта почти на каждомъ шагу оказывается несостоятельною.

Такое состояніе теоріи глагольныхъ видовъ заставило г. Шафранова написать разсужденіе «О видахъ русскихъ глаголовъ». Разсужденіе дѣлится на двѣ части: отрицательную, или критическую, и положительную, или догматическую.

Въ критической части авторъ пересматриваетъ различныя теоріи глагольныхъ видовъ, принадлежащія Мелетію Смотрицкому, Ломоносову, Фатеру, Таппе, Болдыреву, Гречу, Востокову, Лангеншельду, Павскому. При этомъ пересмотрѣ сильно достается нѣмецкимъ ученымъ, которые «споткнулись на русскомъ спряженіи и запутались въ немъ». Имъ, впрочемъ, легко было споткнуться и запутаться, потому-что они не «имѣли чутья живой рѣчи», не знали исторіи нашего языка, сравнивали его преимущественно съ нѣмецкимъ и посредствомъ такого сравненія пытались опредѣлить свойства его глагольныхъ видовъ.

Положительная или догматическая часть разсужденія, имѣетъ цѣлью избѣжать участи нѣмецкихъ ученыхъ, споткнувшихся на русскомъ спряженіи, и разъяснить спутанную систему глагольныхъ видовъ. Какое же средство выбрано для этого авторомъ? Онъ беретъ себѣ въ помощь не нѣмецкій языкъ, подобно Таппе и Фатеру, а греческій, «оказывающій, по его словамъ, наибольшія въ этомъ отношеніи услуги, по самой родственности воззрѣній у русскаго народа съ древними Греками на разныя свойства дѣйствія и существеннѣйшіе моменты въ его совершеніи». И потому въ сочиненіи г. Шафранова «разсмотрѣно значительное число точекъ соприкосновенія (по значенію) между греческими и русскими формами спряженія, которыми въ обоихъ языкахъ съ художническою вѣрностію уловлены и отмѣчены всѣ тончайшія черты дѣйствія». Такъ между положеніями, выведенными изъ разсужденія, четвертое и пятое указываютъ на соотвѣтствіе формъ русскаго спряженія греческимъ аористамъ:

«Форма спряженія на *нулъ* соотвѣтствуетъ греческому аористу въ томъ его значеніи, когда онъ выражаетъ совершеніе дѣйствія, въ самомъ себѣ мгновеннаго.

«Форма спряженія на *ывалъ (ивалъ, алъ)* соотвѣтствуетъ греческому аористу въ его, такъ называемомъ, учащательномъ значеніи.»

По нашему мнѣнію, авторъ, въ догматической части своего разсужденія, впалъ именно въ ту же самую погрѣшность, противъ которой такъ сильно возставалъ въ части критической. Объясненіе свойствъ каждаго языка должно быть основано на сравнительномъ и историческомъ его изученіи. Послѣдней, то-есть исторической основы, у г. Шафранова вовсе нѣтъ. Изъ средствъ сравнительной основы взято г-мъ Шафрановымъ одно только — языкъ греческій, слѣдовательно, разсужденіе не представляетъ полноты, которой читатель въ-правѣ ожидать, судя по заглавію сочиненія. Хотя авторъ и говоритъ въ предисловіи, что, «по самому роду занимаемой имъ должности (учителя русскаго языка въ гимназіяхъ прибалтійскихъ губерній), не могъ онъ, при объясненіи значенія и употребленія русскихъ глагольныхъ формъ, ссылаться на факты, представляемые исторіею нашего языка и другими славянскими нарѣчіями, но долженъ былъ ограничиться средствами, которыя можно получить, невыходя изъ круга предметовъ, преподаваемыхъ въ означенныхъ гимназіяхъ»; однакожь, такая оговорка едва ли можетъ служить извиненіемъ. Ученое сочиненіе не есть учебное занятіе: первое часто беретъ основы и средства, непригодныя для перваго, и наоборотъ.

Сверхъ-того, самая мысль — объяснять свойства одного языка непремѣнно свойствами другаго, кажется намъ если не странною, то несовсѣмъ-свободною отъ возраженій. Не-уже-ли для Русскаго нѣтъ возможности понять значеніе русскихъ видовъ безъ помощи языка чуждаго, напримѣръ, греческаго? Какъ же быть тому, кто не знаетъ греческаго языка? Еще болѣе: какъ быть тому, кому, напримѣръ, докажутъ, что между видами русскихъ глаголовъ и греческими аористами нѣтъ соотвѣтствія?

Подобныя объясненія напоминаютъ намъ орѳографическія правила, введенныя въ нѣкоторыя наши грамматики. Пиши *ѳ*, говорятъ онѣ, тамъ, гдѣ въ латинскомъ или французскомъ языкѣ *th*. Но если Русскій не знаетъ ни полатини, ни пофранцузски? Тогда, конечно, слѣдуетъ или отказаться отъ *ѳиты*, или начать учиться французскому или латинскому языку прежде языка отечественнаго.

Чтенія о предметахъ Физики, *составленныя для дѣвицъ старшаго курса Патріотическаго Института адъюктъ-профессоромъ Главнаго Педагогическаго Института, преподавателемъ физики въ Главномъ Инженерномъ Училищѣ и въ Патріотическомъ Институтѣ, статскимъ совѣтникомъ* М. Пчельниковымъ.

Санктпетербургъ. Въ тип. Эдуарда Веймара. 1852. Въ 8-ю д. л., 154 стр. съ 10-ю гравир. таблицами.

Такъ-какъ назначеніе этого маленькаго руководства чисто-спеціальное, то мы и не считаемъ себя въ-правѣ судить о немъ относительно его объема и отчасти даже относительно полноты содержанія. Авторъ, будучи самъ преподавателемъ въ институтѣ, для котораго назначена его книга, вѣроятно, при составленіи ея, болѣе всего руководствовался степенью развитія умственныхъ способностей своихъ учеництъ, и въ такомъ случаѣ понятно, что многія статьи, важныя для науки и долженствующія войдти въ курсъ физики для мужскихъ заведеній, сдѣлались излишними и неумѣстными въ его руководствѣ.

Намъ остается судить о томъ, какъ авторъ согласовалъ малый объемъ своего руководства съ содержаніемъ, то-есть излагалъ ли онъ всегда самое существенное и главное, то̀, что̀ даетъ основу понятію о разныхъ частяхъ физики.

Руководство г. Пчельникова, повидимому, назначено не для того, чтобъ ученикъ самъ могъ читать его: безъ пособія учителя, оно показалось бы ученику сухо и трудно-понимаемо, потому-что изложеніе въ немъ сжато, коротко, безъ обстоятельныхъ объясненій. Оно состоитъ изъ систематическаго, весьма-послѣдовательнаго, но голаго изложенія фактовъ. Авторъ самъ подтверждаетъ это слѣдующими словами въ предисловіи: «Чтенія «мои не самоучитель, но руководство, съ помощію котораго, при «содѣйствіи преподавателя, слушательницы знакомятся съ физи-«ческими явленіями природы.»

Въ-самомъ-дѣлѣ, книга г. Пчельникова можетъ служить хорошей программой для преподаванія весьма-краткаго, но общепонятнаго или популярнаго курса физики, потому-что она характеризуется слѣдующими особенностями.

1) Въ ней совершенно исключенъ математическій способъ доказательства, такъ-что даже простымъ объясненіямъ помощью ариѳметическихъ дѣйствій и геометрическихъ фигуръ приданъ видъ наглядности, и вы не встрѣтите во всей книгѣ ни одной формулы. Это условіе выполнено весьма-удовлетворительно, съ знаніемъ дѣла: несмотря на отсутствіе математическихъ доказательствъ, статьи, въ которыхъ нужны доказательства, изложены такъ, что ученикъ усвоитъ себѣ изъ нихъ самое существенное, то-есть главныя явленія и результаты выводовъ. Но зато другія статьи, въ которыхъ существенное составляютъ математическіе выводы, понеобходимости пропущены. Оттого общая часть физики сокращена до послѣдней степени; въ ней, однако, дано понятіе о самыхъ-важныхъ физическихъ фактахъ, которыми опредѣляются наиболѣе обще-распространенныя явленія, происходящія съ тѣлами твердыми, жидкими и газообразными.

2) При изложеніи физики, авторъ имѣлъ цѣлію только познакомить своихъ учениковъ съ законами, которымъ подчиняются

физическія явленія, совершающіяся въ природѣ, и дать имъ средства самимъ объяснять естественныя явленія, встрѣчаемыя въ общежитіи. Но онъ оставляетъ въ сторонѣ собственно-научный интересъ предмета. Потому въ книгѣ г. Пчельникова не помѣщены многіе физическіе способы и приборы, которые обыкновенно описываются въ курсахъ физики, и нужны болѣе для практической части науки, нежели для объясненія физическихъ законовъ и явленій. Опущены также такіе факты и приборы, которые полезны только для дальнѣйшаго развитія науки. Такое направленіе въ изложеніи физики всего болѣе соотвѣтствуетъ цѣли столь-короткаго руководства, упрощеннаго и составленнаго для воспитанницъ института съ цѣлью только способствовать развитію ихъ способностей, а не для того, чтобъ приготовить ихъ къ занятіямъ физикой. Но этимъ все-таки не оправдывается руководство въ томъ, что въ немъ вовсе пропущены столь-важныя статьи, какъ понятіе о свободномъ паденіи тѣлъ, о законѣ Маріотта, объ упругости паровъ, о влажности воздуха и лучистомъ теплородѣ. Притомъ нѣкоторыя статьи ужь слишкомъ-кратки, напримѣръ, статья о гальванизмѣ, изложенная на трехъ съ половиной страничкахъ, представляетъ почти голую программу.

3) Многія сложныя объясненія и теоріи, требующія довольно-большихъ соображеній и умственнаго напряженія, выпущены изъ программы физики г. Пчельникова, или о нихъ дается въ ней только самое общее понятіе.

Пріемъ при изложеніи статей общепринятый, то-есть аналитическій, состоящій въ томъ, что прежде всего описываются явленія, изъ которыхъ естественнымъ образомъ выводится излагаемый законъ или теорія; потомъ главныя положенія, составляющія сущность теоріи и главнѣйшіе приборы и опыты, посредствомъ которыхъ производятся явленія, подтверждающія теорію.

На основаніи всѣхъ сдѣланныхъ нами замѣчаній на книгу г. Пчельникова, мы составили о ней слѣдующее понятіе: она можетъ служить хорошимъ руководствомъ учителю для преподаванія физики дѣвицамъ или, напримѣръ, дѣтямъ средняго возраста, но только въ смыслѣ программы, то-есть ею можно руководствоваться для выбора статей при такомъ преподаваніи, потому-что выборъ этотъ, какъ ужь мы замѣтили, сдѣланъ съ большимъ знаніемъ дѣла и правильнымъ пониманіемъ цѣли преподаванія. Но она не удовлетворяетъ всѣмъ условіямъ руководства, которое могли бы читать ученики, потому-что изложенію ея недостаетъ обстоятельности и наглядности объясненій и описаній, разнообразія, естественной связи между излагаемыми законами и явленіями, встрѣчаемыми въ общежитіи, вообще тѣхъ свойствъ, которыя дѣлаютъ предметъ занимательнымъ для дѣтей и возбуждаютъ ихъ любознательность. Несмотря на все это, книга г. Пчельникова достигаетъ своего назначенія, какъ руководство для учителей.

*

Памятная Книжка Виленской Губерніи на 1852 годъ. *Составлена, съ разрѣшенія начальства, Виленскимъ Губернскимъ Статистическимъ Комитетомъ. Вильна. Въ тип. Осипа Завадскаго. 1852. Въ 8-ю д. л. Двѣ части. Въ 1-ой 137, во 2-ой 228 стр.*

Примѣръ «Новороссійскаго Календаря» не остался безъ послѣдствій: мы нерѣдко встрѣчаемъ теперь книги, посвященныя описанію разныхъ провинцій нашего отечества въ климатическомъ, административномъ и статистическомъ отношеніяхъ. Говорить о пользѣ этихъ изданій нѣтъ надобности: она очевидна для всякаго и не разъ уже высказывалась въ журналахъ. «Памятная Книжка Виленской Губерніи» служитъ новымъ доказательствомъ, что потребность въ ближайшемъ ознакомленіи съ состояніемъ нашихъ провинцій замѣтно увеличивается и обогащаетъ русскую литературу такими сочиненіями, которыя и въ настоящее время необходимы для всякаго любознательнаго человѣка, а впослѣдствіи могутъ служить прекраснымъ матеріаломъ для историческихъ и статистическихъ трудовъ. Нежелая повторять того, чтò мы высказывали уже при разборахъ «Кавказскаго» и «Новороссійскаго» календарей, постараемся познакомить читателей съ новымъ виленскимъ изданіемъ.

«Памятная Книжка Виленской Губерніи» состоитъ изъ двухъ частей. Въ первой части находятся три отдѣленія: 1) Роспись господскимъ праздникамъ и торжественнымъ днямъ, 2) Росписаніе чиновъ гражданскаго и военнаго вѣдомства и 3) Виленскіе адресы по алфавитному указателю. Всѣ эти статьи, необходимыя для справокъ, составлены очень-отчетливо, по системѣ простой и удобной.

Во второй части, которая продается отдѣльно отъ первой, прежде всего находимъ мы историческій очеркъ Виленской Губерніи въ хронологическомъ исчисленіи важнѣйшихъ событій отъ первыхъ временъ до настоящаго года, соч. *А. Киркора*. Авторъ раздѣлилъ статью на шесть отдѣловъ по слѣдующимъ періодамъ: Періодъ I. Событія предъисторическія до 1226 года. Періодъ II. Литва самостоятельная или Великое Княжество Литовско-Русское. Съ 1226—1387 г. Періодъ III. Борьба за независимость. Съ 1387 — 1569 г. Періодъ IV. Владычество Польши. Съ 1569—1795 г. Періодъ V. Виленская Губернія. Этотъ историческій очеркъ пополняется еще перечнемъ государей, владѣвшихъ землями, заключающимися въ пространствѣ губерніи, спискомъ виленскихъ и трокскихъ воеводъ, литовскихъ и виленскихъ военныхъ губернаторовъ и генерал-губернаторовъ, православныхъ митрополитовъ Западной Руси и виленскихъ епархіальныхъ римско-католическихъ епископовъ. Статьи эти могутъ служить источниками для подробнаго знакомства съ исторіею края.

Далѣе слѣдуютъ очерки городовъ Виленской Губерніи. Эти статистическіе очерки, составленные съ большою отчетливостью по

достовѣрнымъ, оффиціальнымъ источникамъ, любопытны во многихъ отношеніяхъ. Климатъ въ Вильнѣ непостоянный, но здоровый; лѣтомъ жары бываютъ иногда до 30° по Р. въ тѣни, а морозы доходятъ до 28°. Среднее состояніе атмосферы, въ 1850 году было: баром. 27,8884, терм. + 5°,03. Городъ омывается двумя рѣками, Виліею и Вилейкою. Ширина первой въ обыкновенное время отъ 200 — 250 футовъ, глубина отъ 4—5 футовъ. Резервуаровъ и колодезей въ городѣ 357, прудовъ 3, каналовъ 4; земли въ чертѣ города 1,310 десятинъ. Городъ раздѣляется на три части, въ которыхъ находится 41 улица и 42 переулка. Домовъ теперь считается 1,598, церквей и монастырей—православныхъ 11, римско-католическихъ 28, евангелическо-лютеранскихъ 2, евангелическо-реформатская 1, мечеть 1, синагогъ еврейскихъ 7. Населеніе простирается до 54,000 жителей обоего пола. Городскіе доходы по сметѣ 1850 года показаны въ 48,039 р. 66½ к. Торговля и промышленость Вильны не соотвѣтствуютъ важности города и обширности его населенія. Вся исторія края не представляетъ ни одной эпохи, въ которую бы Вильна процвѣтала заводами и фабриками, или значительными торговыми оборотами. Въ 1850 году на Георгіевскую Ярмарку привезено было товаровъ на 271,210 р., продано на 111,530 р. Въ томъ же году существовали слѣдующіе заводы и фабрики: пивоваренныхъ 5, медоваренныхъ 4, сальныхъ свѣчъ 6, шляпныхъ 4, фортепьянныхъ 7, всего вообще 25 фабрикъ. Купцовъ въ Вильнѣ — христіанъ 39, Евреевъ 63, торговыхъ заведеній всякаго рода 1,175.

Статьи о мѣрахъ и учрежденіяхъ для сохраненія народнаго здравія въ Вильнѣ, о виленскихъ окрестностяхъ, о богоугодныхъ заведеніяхъ — представляютъ не менѣе интереса. Въ вѣдѣніи Виленской Врачебной Управы находится: врачей 38, повивальныхъ бабокъ 27, ветеринарныхъ врачей 8, оспопрививателей 42, аптекарей, провизоровъ и гезелей 26, аптекъ 3.

Уѣздные города Виленской Губерніи, по сравнительному количеству жителей, располагаются въ слѣдующемъ порядкѣ: Троки 6,752 человѣка жителей обоего пола, Свѣнцяны 5,960, Дисна 4,979, Лида 4,845, Вилейка 3,043, Ошмяна 2,996. Въ Трокахъ предоставлено право исключительнаго жительства Караимамъ, которыхъ предки выселены изъ Крыма Витовтомъ. Прежде пожара 1655 года, это былъ одинъ изъ важнѣйшихъ литовскихъ городовъ. Ошмяна и Свѣнцяны до 1837 года были владѣльческими имѣніями. Городъ Лида принадлежитъ къ древнѣйшимъ литовскимъ поселеніямъ во всемъ краѣ.

Въ этомъ краткомъ перечнѣ содержанія «Памятной Книжки Виленской Губерніи» мы указали только на самые важные факты, длятого, чтобъ познакомить читателей съ важностью изданія. Нѣтъ сомнѣнія, что эта полезная книга будетъ пополняться и совершенствоваться въ новыхъ изданіяхъ, какъ постепенно совершенствовался и пополнялся «Новороссійскій Календарь». Же-

лательно, чтобъ и въ другихъ губернскихъ городахъ нашихъ составлялись подобныя сочиненія, которыхъ польза такъ обширна и многостороння. Подобные календари для Иркутска, Архангельска, Риги, Астрахани, Перми—были бы драгоцѣннымъ пріобрѣтеніемъ въ нашей литературѣ. Недумая вовсе заглядывать въ будущее, мы, однакожь, не сомнѣваемся, что скоро настанетъ время, когда во всѣхъ значительныхъ городахъ нашихъ явятся свои календари съ историческими и статистическими обзорами губерній. Начало уже сдѣлано.

О Ядахъ и Противуядіяхъ. *Таксикологическая карта доктора Вильяма Стове, изданная со многими прибавленіями и пополненіями, докторомъ медицины* Александромъ Никитинымъ. *Санктпетербургъ. 1852. Въ тип. Эдуарда Праца. 72 стр.*

Эта книжка, замѣчательная по своему предмету, нечужда ошибокъ, которыя считаемъ нужнымъ показать здѣсь для общей пользы.

На стр. 7, авторъ употребляетъ несуществующія въ химіи названія *годистый и бромистый поташъ и сода*, вмѣсто іодистаго и бромистаго калія и натрія. Между этими названіями величайшая разница, потому-что поташомъ и содой, какъ извѣстно, называются углекислыя соли щелочей кали и натра. Вообще эта книжка, повидимому, не затрудняется употреблять ею-самой изобрѣтенные химическіе термины, которые могутъ ввести читателей въ заблужденіе.

На стр. 9, водородо-желѣзистой окисью невѣрно названа водная желѣзная окись.

Тамъ же вдыханіе виннаго пàра — вмѣсто паровъ виннаго спирта.

Тамъ же говорится, что «отдѣленіе сѣроводороднаго газа можно произвести, всыпая въ стаканъ или въ другой сосудъ 2–3 драхмы сѣрнокислаго кали или сѣрнокислаго желѣза (kali sulphuratum s. ferrum sulphuratum) и наливая на него разведенную минеральную кислоту или уксусъ». Но кто знаетъ химію, тотъ будетъ крайне-пораженъ такой невѣрностью, тѣмъ болѣе, что тутъ же, въ скобкахъ, поставлены названія вѣрныя, то-есть именно тѣхъ тѣлъ, которыя должны быть употреблены въ этомъ случаѣ— сѣрнистаго калія и сѣрнистаго желѣза (kali sulphuratum et ferrum sulphuratum.)

На стр. 11 мышьяковатая (вмѣсто мышьяковой) кислота (acidum arsenicicum).

На стр. 13-й, способъ открытія мышьяка въ жидкости посредствомъ нашатырно-селитро-кислаго серебра такъ запутанно изложенъ, что его можно понимать какъ угодно.

На стр. 14-й сказано, что *нашатырно-сѣрнокислая мѣдь* не даетъ травянозеленаго осадка съ мышьякомъ, между-тѣмъ, какъ извѣстно, что сѣрнокислая соль мѣди и амміака именно производитъ желтовато-зеленый осадокъ въ жидкости, содержащей въ растворѣ мышьяковистую кислоту.

Въ сочиненіи «О ядахъ и Противуядіяхъ», способы открывать присутствіе яда въ пищѣ или другихъ веществахъ, необходимо должны быть изложены ясно и опредѣлительно, иначе такое сочиненіе ни къ-чему не послужитъ.

На 17-й страницѣ, подъ заглавіемъ «Способъ къ открытію яда» напечатана замѣчательная невѣрность. Вотъ собственныя слова книги: «*Азотнокислый висмутъ* (дѣло идетъ объ отравленіи посредствомъ солей висмута), *варимый въ перегнанной водѣ, разлагается;* одна часть его осаждается, какъ слабая азотная окись, а другая остается (?), *какъ* осадокъ нерастворимый. *Растворъ этотъ* (какой же растворъ?) *безцвѣтенъ...*» и т. д.

Неговоря уже о томъ, что въ этой фразѣ довольно-странный смыслъ, ибо изъ нея видно, что и та и другая часть взятаго раствора соли висмута получается въ видѣ осадка и, слѣдовательно, не остается раствора, о которомъ тутъ же говорится, покажемъ только, какое противорѣчіе самимъ элементарнымъ химическимъ фактамъ заключается въ этой фразѣ.

Вопервыхъ, эпитетъ *слабая* къ азотной окиси вовсе нейдетъ; вовторыхъ, азотная окись есть газъ и, слѣдовательно, не можетъ осаждаться въ водной жидкости; втретьихъ: азотная окись вовсе не получается при сказанной операціи, то-есть при вареніи раствора азотнокислаго висмута въ водѣ; при этомъ происходитъ только разложеніе соли висмута на кислую соль и основную; слѣдовательно, явленіе, неимѣющее и тѣни сходства съ тѣмъ, что̀ сказала о немъ книги.

Далѣе этой страницы мы не будемъ разбирать книжку; довольно ужь и сказаннаго. Для бо̀льшаго же подтвержденія нашихъ выводовъ, окончимъ только выписку, начатую нами изъ 17-й страницы книги:

«. . . *Растворъ этотъ безцвѣтенъ, окрашиваетъ лакмусовую бумагу; вода, напитанная сѣроводороднымъ газомъ, производитъ черный нерастворимый осадокъ* (въ чемъ?). *Слабый азотный окиселъ* (азотный окислъ не существуетъ) *висмута* (о которомъ, замѣтьте, не было сказано ни слова въ предъидущихъ строкахъ) *растворимъ въ азотной кислотѣ при маломъ жарѣ,* послѣ чего (т.-е. послѣ свойства растворимости?!) *щелочи* (откуда онѣ взялись?), *какъ* бѣлый окиселъ, *осаждаются,* что (?!..) *легко чрезъ каленіе привести въ металлическое состояніе. Хромовокислый поташъ* (т.-е. хромовокислое кали?) *осаждаетъ висмутъ желтымъ цвѣтомъ* (какъ это осаждать цвѣтомъ?!)».

Надѣемся, издатель воспользуется этими, высказанными здѣсь немногими замѣчаніями и пересмотритъ свою книжку передъ вторымъ ея изданіемъ, которое можетъ потребоваться.

Deutsche Schulgrammatik *von* Ed. Krull, *Oberlehrer am Waiseninstitut des Kaiserlichen Erziehungshauses in St. Petersburg.* (**Учебная грамматика нѣмецкаго языка** Ед. Круля, *старшаго учителя при Сиротскомъ Институтѣ Воспитательнаго Дома въ С. Петербургѣ*). *С. Петербургъ. Въ тип. Императорской Академіи Наукъ. 1852. Въ 8-ю д. л., 206 стр.*

Важнѣйшій недостатокъ многихъ руководствъ къ изученію иностранныхъ языковъ, какъ мы ужь не разъ замѣчали, состоитъ въ неудовлетворительномъ ихъ приспособленіи къ потребностямъ русскаго юношества. Бо́льшая часть авторовъ нѣмецкихъ и французскихъ грамматикъ, невникая въ духъ русскаго языка, составляютъ свои книги такъ, какъ-будто по нимъ должно будетъ преподавать въ Германіи или во Франціи. Между-тѣмъ если вообще теорія должна истекать изъ практики, то нигдѣ не представляется это съ такою очевидностью, какъ при составленіи правилъ, облегчающихъ изученіе языковъ иностранныхъ. Только долговременная опытность можетъ указать преподавателю, на какія грамматическія положенія онъ долженъ болѣе обратить вниманія и что̀ излагать съ меньшею подробностью, смотря потому, гдѣ сближается и въ чемъ расходится духъ иностраннаго языка съ русскимъ. Намъ кажется, что авторъ разсматриваемой теперь книги хорошо понялъ эту задачу: его грамматика, и въ-особенности часть этимологическая, вполнѣ приспособлена къ потребностямъ русскаго учащагося юношества. Въ учебникѣ г. Круля мы находимъ самую полную и подробную систему всѣхъ исключеній касательно родовъ именъ, склоненій и спряженій, что̀ обыкновенно служитъ камнемъ преткновенія для Русскихъ. Мы согласны съ авторомъ насчетъ того, что онъ опустилъ всѣ общеграмматическія опредѣленія: къ изученію нѣмецкой грамматики слѣдуетъ приступать не прежде, какъ ознакомившись, по-крайней-мѣрѣ въ главныхъ основаніяхъ, съ грамматикою языка отечественнаго. Но мы не можемъ согласиться съ г. Крулемъ насчетъ того, будто старое дѣленіе частей рѣчи — на главныя и побочныя яснѣе и вѣрнѣе новой системы Беккера, который дѣлитъ ихъ на слова формальныя (Formwörter) и слова, означающія понятія (Begriffswörter). Въ наше время эта система принята всѣми нѣмецкими филологами и отвергать ее — значитъ отвергать современные успѣхи языкознанія. Къ числу невѣрныхъ и непрактическихъ взглядовъ г-на Круля принадлежитъ также заимствованное изъ извѣстной грамматики Гейзе правило для нѣмецкаго правописанія: «пиши такъ, какъ говоришь». Въ Германіи, какъ извѣстно, въ каждой провинціи есть свое нарѣчіе; даже у насъ Нѣмецъ изъ Ревеля выговариваетъ нѣкоротые звуки иначе, чѣмъ Нѣмецъ изъ Риги, неговоря ужь о Курляндіи, гдѣ произношеніе ближе къ прусскому. Не-уже-ли послѣ этого всякій учитель нѣмецкаго языка долженъ передавать слушателямъ произношеніе и правописаніе по нарѣчію своей родины? Не смотря, впрочемъ, на

замѣтную нелюбовь г. Круля къ филологическимъ нововведеніямъ, мы считаемъ его книгу однимъ изъ лучшихъ практическихъ руководствъ по части нѣмецкаго языка, и не сомнѣваемся, что она принесетъ большую пользу въ преподаваніи этого языка русскому юношеству.

Хозяинъ Пчеловодъ. *Почерпнувшій свѣдѣнія изъ 46 лѣтнихъ практическихъ опытовъ и наблюденій приносящій всегда выгодную пользу любителямъ пчеловодства. Москва. Въ тип. Степановой. 1852. Въ 18-ю д., 63 стр.*

Въ этой книжкѣ, заглавіе которой такъ безграмотно, говорится сперва о заведеніи пчельника, а потомъ о содержаніи его въ надлежащемъ видѣ. Правила для того и другаго изложены просто и ясно, хотя хозяину-пчеловоду и не мѣшало бы въ-теченіе его 46 лѣтней опытности выучиться составлять заглавія пограмотнѣе.

Сила Воли. *Романъ* г. Токарева. *Тифлисъ. въ тип. Намѣстника Кавказскаго. 1852. Въ 8-ю д. л., 243 стр.*

«Перемѣнивъ лошадей, я *потянулъ* на кривую гору, говоритъ Георгій, герой «Силы Воли». Отъ Коби до Казбека промчался я, какъ *влюбленное сновидѣніе* юноши. Отъ Казбека ужь начинается страшный Дарьялъ...»

«Разыгралось воображеніе и вотъ изъ мрака минувшихъ тысячилѣтій выд*вигался* передо мною весь процессъ созданія *этого* Дарьяла. Страшно борятся элементы, вода *идетъ* на огонь и воздухъ *спираетъ* ихъ обоихъ—*стонутъ* одни (?) подъ ударами другихъ, то вода уступитъ, то *та изсякнетъ* и вотъ наконецъ выдвинулись и прихотливо и *неистово* разорвались этѣ мысы скалъ и *зелени—вотъ созданъ Дарьялъ*.

«Потомъ *вотъ вижу я*, какъ изъ невѣдомыхъ странъ текутъ сюда безчисленныя толпы невѣдомыхъ еще міру народовъ. Грозною волною, страшно бушуя, руша все, что̀ находитъ на пути своемъ, неистово стремится этотъ человѣческій потокъ. Ничто не остановитъ его, ничто не можетъ быть ему преградою. Повинуясь всемогущему толчку того, кто создалъ міръ весь и этихъ людей, стремятся этѣ массы, сами не *зная куда. Какое имъ дѣло?...* И вотъ народы, *изрыгнутые* невѣдомыми степями Азіи, стремятся всесокрушающею лавою черезъ Дарьялъ; трепещетъ старый Римъ, безсильный старецъ падетъ — и міръ весь обновленъ. Нѣтъ конца думамъ, нѣтъ конца мечтамъ, какъ скоро онѣ разъиграются здѣсь...»

Здѣсь, на Дарьялѣ, задумалъ, мы полагаетъ, и авторъ писать свой романъ. Думаемъ такъ, вопервыхъ потому, что за Дарьяломъ путешествіе дѣлается «безжизненно, какъ острая кокетка, «для которой нѣтъ ничего святаго въ мірѣ, для которой нѣтъ «слѣдовъ ни любви, ни чудныхъ упоеній; безъинтересно, какъ «русскій романъ вообще, глупо какъ многіе изъ моихъ пріяте-«лей». Думаемъ что, на Дарьялѣ авторъ замыслилъ писать свой

романъ и потому, что герой романа, Георгій, въ своемъ родѣ есть тоже Дарьялъ, «въ которомъ страшно борятся элементы, «вода идетъ на огонь и воздухъ спираетъ ихъ обоихъ» — Георгій похожъ на Дарьялъ, Дарьялъ похожъ на Георгія, потому-что они испытали рѣшительно одно и то же. Судите сами:

«Здѣсь отпечатался вполнѣ характеръ Кавказа, характеръ отличительный отъ Швейцаріи—дикость и могущественность природы. Смѣло ея твореніе здѣсь и на художнической ея фантазіи лежитъ печаль грусти и угрюмости. Природа создала Дарьялъ и ревущій по немъ Терекъ въ *минуту тоски задушевной*, во дни суроваго ненастья, когда *рвалось ея сердце на части* и *стонало* подъ гнетомъ невзгодъ и *отчаянія.* Какъ у великихъ художниковъ, въ минуты *этой* борьбы *ихъ* ума съ жизнью, съ людьми, когда убѣжденіе ихъ *схватываются* съ результатами практической опытности, когда *вѣрованія* ихъ сердца страждутъ и *блѣднѣютъ предъ выводомъ мѣ*(е)*лочной очевидности*, когда душа ихъ, разочарованная, *разбитая*, плачетъ *кровавыми слезами* и *ее* обхватываетъ *холодъ унынія*, убивающій *ее;* вдругъ эта душа *испускаетъ великій вопль отчаянія*, который выражается въ какомъ-нибудь *грустномъ, но* великомъ, *приводящемъ въ отчаяніе, но* чарующемъ васъ произведеніи, какъ Гётевъ плачъ Грётхенъ... Такъ и природа, этотъ первообразъ великаго художника имѣетъ свои часы *тоски и грусти задушевной* и у ней порою вырываются въ этѣ минуты прекрасныя и *горькія* произведенія, которыя плѣняютъ и пугаютъ васъ въ одно и то же время, какъ *этотъ* Дарьялъ..-»

Не будемъ разсказывать содержанія «Силы Воли» и не будемъ описывать Георгія. Задуманъ онъ — Георгій, если хотите, или романъ, что одно и то же — задуманъ онъ повидимому, въ минуту тоски задушевной; великіе вопли отчаянія, которыя испускаетъ Георгій въ романѣ, дѣйствительно приводятъ въ отчаяніе, и «Сила Воли» есть прекрасное, но горькое произведеніе художнической кисти, которая схватилась съ выводами мелочной очевидности и съ результами практической опытности.

Новый Образцовый Письмовникъ, *содержащій въ себѣ: руководство къ сочиненію писемъ на различные случаи, наиболѣе встрѣчающіеся въ общественныхъ сношеніяхъ, образцы коммерческой корреспонденціи и образцы и формы употребительнѣйшихъ въ общежитіи документовъ, съ присовокупленіемъ описанія ежегодныхъ ярмарокъ во всѣхъ губерніяхъ Россійской Имперіи. Москва. Въ тип. В. Готье. 1852. Въ 18-ю д., 151, VII стр.*

Пустѣйшая спекуляція, то-есть выписка и извлеченіе изъ другихъ книгъ того же рода и такого же заглавія.

ПРОДОЛЖЕНІЕ ПРЕЖДЕ-НАЧАТЫХЪ ИЗДАНІЙ.

Маленькія Повѣсти и Сказки *для дѣтей. Переводъ съ французскаго. Съ 12-ю литографированными картинками. Москва. Въ тип. Александра Семена. 1852. Въ 12-ю д., 35 стр.*

Это — третья книжка крошечныхъ разсказовъ. Картинки много лучше разсказовъ, но орѳографическія ошибки въ надписяхъ къ первымъ уравновѣшиваютъ достоинство послѣднихъ.

Полное Русское садоводство, *цвѣтоводство и огородничество, или основанное на 45-лѣтнихъ опытахъ руководство къ воспитанію и разведенію растеній въ комнатахъ, оранжереяхъ, теплицахъ, садахъ и огородахъ. Въ четырехъ частяхъ. Части 3 и 4. Соч.* Финтельмана. *Москва. Въ тип. Александра Семена. Москва. 1852. Въ 12-ю д. л., стр. въ 3-й части — 296, XV, въ 4-й — 193. V.*

Мы ужь говорили о первой и второй частяхъ этого сочиненія. Теперь вышли послѣднія его части, третья и четвертая. Третья содержитъ въ себѣ практическое руководство къ воспитанію плодовыхъ деревьевъ; въ четырехъ отдѣлахъ, соотвѣтствующихъ четыремъ естественнымъ семействамъ плодовъ, она описываетъ плоды зерновые, костковые, скорлупные и ягодные. Четвертая заключаетъ въ себѣ садовыя тайны и собраніе новѣйшихъ открытій и способовъ къ улучшенному садоводству, цвѣточничеству и огородничеству.

ПЕРЕВОДЫ.

Общепонятная, Практическая Перспектива *съ 155-ю гравированными рисунками. Соч. профессора перспективы* Тено. *Перевелъ съ французскаго* Н. Осиповъ. *Санктпетербургъ. 1852. Въ тип. К. Крайя. Въ 8-ю д. л. 135 стр.*

Самой лучшей рекомендаціей этой книгѣ служитъ то, что она вполнѣ характеризуется своимъ заглавіемъ, то-есть она въ-самомъ-дѣлѣ общепонятная и практическая и, прибавимъ еще, полна по содержанію и весьма-хорошо написана, такъ-что составляетъ драгоцѣнное пріобрѣтеніе для художниковъ и вообще для всѣхъ любителей рисованія.

Она общепонятна потому, что изложеніе ея просто, всѣмъ доступно и отъ читателей ея вовсе не требуется знанія геометріи. Всѣ геометрическія свѣдѣнія, которыя необходимы для пониманія правилъ перспективы, изложены въ началѣ книги на

пятнадцати страницахъ и состоятъ въ опредѣленiи точки, линiи прямой, ломанной и кривой, угла, геометрическихъ фигуръ, тѣлъ и еще изъ нѣсколькихъ практическихъ задачъ изъ геометрiи, напримѣръ: раздѣлить линiи на равныя части, провести линiю параллельную данной, опустить перпендикуляръ на данную линiю, найдти центръ круга, построить правильную фигуру и т. п. Практическiя рѣшенiя этихъ задачъ изложены безъ доказательствъ, которыя бы только затруднили художника, неимѣвшаго прежде случая выучиться геометрiи.

Практичность «Перспективы» Тено опредѣляется тѣмъ, что она состоитъ не изъ научнаго, то-есть теоретическаго развитiя законовъ перспективы, но изъ простаго систематическаго изложенiя правилъ перспективы и частныхъ случаевъ ихъ примѣненiя.

Замѣчательная особенность этого руководства, составляющая его достоинство, состоитъ въ томъ, что въ немъ приняты способы и правила чрезвычайно-упрощенные въ-сравненiи со всѣми прежними руководствами, въ которыхъ обыкновенно способы опредѣленiя перспективы требуютъ множества оперативныхъ линiй. Но здѣсь эти способы обходятся весьма-малымъ числомъ этихъ линiй. Особенно-замѣчательны нѣкоторыя правила по своей простотѣ. Напримѣръ, правило, по которому опредѣляется относительная величина предметовъ одинаковой высоты, помѣщенныхъ на различныхъ планахъ картины. На основанiи этого простаго правила рѣшается много задачъ, которымъ въ другихъ руководствахъ даны гораздо-болѣе сложныя рѣшенiя.

Другая особенность «Перспективы» Тено, составляющая въ глазахъ художника значительное ея достоинство, состоитъ въ томъ, что авторъ, по поводу различныхъ правилъ, приводитъ въ примѣръ хорошаго примѣненiя ихъ или отступленiя отъ нихъ, большое число картинъ знаменитыхъ живописцевъ. Подобныя указанiя составляютъ драгоцѣнныя данныя для художниковъ. Напримѣръ, при объясненiи точки схода говорится:

«Рафаэль, Пуссенъ, Леонардо да-Винчи и другiе великiе учители помѣщали ее (то-есть точку схода) въ самой интересной части своей композицiи... Рафаэль въ Теологiи помѣстилъ главную точку удаленiя на базѣ чаши съ причастiемъ, вертикально подъ главнымъ сюжетомъ картины. Павелъ Веронезъ, въ Свадьбѣ въ Канахъ, Рембрантъ, въ картинѣ Iисусъ въ Еммаусѣ; Леонардо да-Винчи, въ Тайныхъ Вечеряхъ; Порбусъ и Филиппъ Шампань помѣстили главную точку удаленiя (точку схода) между глазъ Спасителя, такъ какъ въ этихъ сюжетахъ Онъ преимущественно привлекаетъ къ себѣ вниманiе» (стр. 31)

Всѣ объясненiя въ «Перспективѣ» Тено отличаются простотой и наглядностью. Вотъ примѣръ (стр. 34):

Картину можно сравнить со стекломъ. Предположимъ, что на немъ можно обрисовать предметы какимъ нибудь карандашемъ такъ, какъ видимъ ихъ въ натурѣ. Точка, изъ которой глазъ смотритъ на стекло, есть *точка разстоянiя;* отдаленiе глаза отъ стекла есть самое *разстоянiе.*»

Множество рисунковъ размѣщено въ текстѣ для объясненія разныхъ правилъ, пріемовъ, и проч.

Въ содержаніе книги входятъ статьи: о перспективѣ крышъ, лѣстницъ, дверей, карнизовъ, капителей, сводовъ, и проч, и такія задачи: начертить арену, окруженную концентрическими лѣстницами; начертить дверь, равную своему отверстію; начертить удаляющіеся стрѣльчатые своды; помѣстить зданія на возвышающейся плоскости и т. п. Далѣе, статьи объ опредѣленіи тѣней и освѣщеніи въ различныхъ случаяхъ; опредѣленіе отраженій предметовъ въ водѣ и плоскихъ зеркалахъ.

Въ заключеніе скажемъ, что «Перспектива» Тено очень-кстати переведена и издана г. Осиповымъ именно теперь, когда у насъ ощутителенъ рѣшительный недостатокъ въ подобномъ руководствѣ для художниковъ. Есть, правда, на русскомъ языкѣ, еще одно руководство къ перспективѣ, именно, Лавита, изданное въ въ 1834 году. По значеніе его совсѣмъ иного рода, и оно не удовлетворяетъ требованіямъ художника. Оно заключаетъ въ себѣ научное изложеніе перспективы, какъ отрасли прикладной математики, и предполагаетъ въ своихъ читателяхъ знаніе геометріи. Кто захочетъ изучить законы перспективы, съ большой пользой прочтетъ сочиненіе Лавита и вовсе не удовлетворится изложеніемъ правилъ и способовъ руководства Тено. Напротивъ, кому понадобится знать только элементарныя правила перспективы, чтобъ не сдѣлать ошибки въ этомъ отношеніи въ композиціи картины, тотъ найдетъ все, что ему нужно въ руководствѣ Тено, и перспектива Лавита будетъ ему безполезна, потому-что всѣ правила въ ней усложнены доказательствами и цѣлые отдѣлы сочиненія будутъ для него совершенно-излишними. Таковы, напримѣръ, метаморфозы или отраженія предметовъ въ зеркалахъ различной кривизны: коническихъ, цилиндрическихъ и проч.; цѣлыя главы о гармоническихъ линіяхъ и т. п.

Руководство же Тено имѣетъ свое спеціальное, весьма-опредѣленное значеніе, какъ сочиненіе доступное всякому и заключающее въ себѣ въ упрощенномъ видѣ все, что нужно знать о перспективѣ художнику. Оно какъ-нельзя-лучше достигаетъ своей цѣли и стоитъ въ ряду самыхъ полезныхъ сочиненій.

Земледѣльческая Механика, *или приложеніе механики къ сельскимъ работамъ. Соч. графа* Гаспарена. *Переводъ съ французскаго.* П. У. *Санктпетербургъ. Въ тип. Импер. Академіи Наукъ. 1852. Въ 8 д. л. 344 стр. и 11 литографическихъ таблицъ съ изображеніями машинъ и орудій.*

Книга эта переводъ части третьяго тома сочиненія «Cours d'agriculture, par le C-te de Gasparin».

Земледѣльческая механика, по опредѣленію Гаспарена, есть приложеніе къ потребностямъ земледѣлія практической механики, опредѣляющей полезное дѣйствіе силъ или двигателей, обстоя-

тельства, отъ которыхъ оно зависитъ, и общее устройство машинъ. Слѣдовательно, изученіе земледѣльческой механики невозможно безъ предварительнаго знанія главныхъ началъ аналитической и практической механики. Но авторъ въ началѣ своего сочиненія не помѣстилъ изложенія этихъ началъ, а въ-замѣнъ того рекомендуетъ читателямъ, для ихъ предварительнаго подготовленія, сочиненія объ этомъ предметѣ Каріолиса и Понселе. Переводчикъ и отъ себя тоже не помѣстилъ элементарнаго изложенія механики, но ссылается на «Курсъ Практической Механики» г. Ястржебскаго. Слѣдовательно, «Земледѣльческая Механика» Гаспарена издана г. П. У. для людей, свѣдущихъ въ практической механикѣ и знакомыхъ съ техническими выраженіями, въ ней принятыми. Такимъ-образомъ въ читателѣ предполагается знаніе приводовъ, системы зубчатыхъ колесъ и другихъ общихъ механическихъ способовъ и формулъ, такъ, напримѣръ: формулы опредѣляющей, какимъ образомъ получить высоту паденія воды по скорости ея теченія и т. п.; предполагается знаніе устройства и теоріи паровыхъ машинъ, напримѣръ, отношенія опредѣленнаго количества топлива къ количеству произведенной силы и проч. Въ «Земледѣльческой Механикѣ», переведенной г. П. У., заключается только то, что̀ спеціально относится къ ея предмету, именно: 1) въ ней трактуется только о тѣхъ двигателяхъ, которыми можетъ располагать земледѣльческій промыселъ; 2) описываются земледѣльческія орудія и машины, къ которымъ примѣняютъ этихъ двигателей для исполненія опредѣленнаго труда; 3) излагается выборъ двигателей для приложенія ихъ къ каждому орудію и каждому производству, и хозяйственныя слѣдствія такого выбора.

Эти три отдѣла обнимаютъ весь предметъ сочиненія, которое раздѣляется на три части. Въ первой говорится о движущихъ силахъ; къ нимъ отнесены: вѣтеръ, текучая вода, сила пара и одушевленные двигатели (работники и домашнія животныя). При этомъ приводится вычисленіе движущей силы и цѣнность ея. Напримѣръ, опредѣляется средняя сила работника, его содержаніе, доходы, приводятся интересныя цифры относительно поденной платы работнику въ Англіи, Франціи, Ирландіи и пр., и сравнительной питательности хлѣбовъ, употребляемыхъ работниками этихъ странъ. Во второй части описываются орудія и машины, употребляемыя въ земледѣліи. Цѣль этого описанія состоитъ не въ томъ, чтобъ показать всѣ существующія видоизмѣненія орудій, но преимущественно въ томъ, чтобъ дать правила для критической оцѣнки орудій, то-есть для распознаванія орудій наиболѣе-приспособленныхъ къ работамъ земледѣльца, недостатковъ ихъ и для вычисленія ихъ полезнаго дѣйствія. При такомъ направленіи, читатель научается отдавать предпочтеніе тѣмъ орудіямъ, которыя дѣйствительно заслуживаютъ его по выгодѣ въ силѣ, выражаемой цифрами, и не увлекаться сложными орудіями, которыхъ цѣна слишкомъ-высока и управленіе которыми

слишкомъ-сложно въ-сравненіи съ небольшимъ выигрышемъ въ полезномъ дѣйствіи. Для достиженія этой цѣли, авторъ предпочитаетъ обстоятельное изслѣдованіе одного орудія или одной машины изъ цѣлаго рода ей подобныхъ, краткому обзору большаго числа машинъ. Но при этомъ онъ не вдается въ подробности построенія орудій и машинъ, потому-что подробности такого рода нужны болѣе тому, кто дѣлаетъ орудія, нежели земледѣльцу, который только пользуется ими. Должно замѣтить еще, что при этомъ разборѣ орудій предполагаются извѣстными читателю начала, на основаніи которыхъ дѣлается такой разборъ; напримѣръ, причины потери силы въ машинахъ, именно, треніе частей передающихъ движеніе, осей, зубчатыхъ колесъ и проч.; перемѣна направленія силы, ея косвенное дѣйствіе на орудіе, уничтожающее часть силы; жесткость веревокъ и проч.

Всѣ земледѣльческія орудія описаны въ системѣ и, по роду ихъ дѣйствія и употребленія раздѣлены, на 1) пахатныя, 2) вѣялки, 3) орудія жатвы, 4) орудія перевозки и 5) гидравлическія машины. Въ первомъ и самомъ большомъ отдѣлѣ сначала описывается основная часть каждаго рода орудія и потомъ ужь самыя орудія, построенныя на этой части. Напримѣръ, орудія, построенныя на основаніи рѣзака, орудія, построенныя на основаніи лемеха и т. п. Полнѣе всѣхъ другихъ описаны орудія пахатныя.

«Земледѣльческая Механика» можетъ быть полезнымъ руководствомъ для университетовъ и высшихъ земледѣльческихъ училищъ, потому-что характеръ ея теоретическій, научный. Но она не удовлетворитъ потребностямъ тѣхъ помѣщиковъ или вообще лицъ, занимающихся въ Россіи земледѣліемъ, которые незнакомы съ практическою механикою и элементарною математикою; и потому у насъ подобныя сочиненія, то-есть такія, которыя могли бы быть полезны практическимъ людямъ, должны быть написаны повозможности общедоступно. Другая, еще болѣе-важная причина неудовлетворительности разбираемой нами книги для русскихъ землевоздѣлывателей заключается въ томъ, что въ ней нѣтъ ничего касательно примѣненія описываемыхъ въ ней орудій къ условіямъ почвы и земледѣльческаго быта въ Россіи. Это послѣднее обстоятельство составляетъ недостатокъ общій почти всѣмъ сочиненіямъ по части техническихъ наукъ, издаваемыхъ на русскомъ языкѣ. Онъ зависитъ отъ недостатка изученія Россіи въ промышленномъ отношеніи и выражается въ томъ, что, вмѣсто самостоятельныхъ трудовъ, наша ученая техническая литература состоитъ преимущественно изъ сочиненій переводныхъ или написанныхъ по образцу иностранныхъ. Этотъ недостатокъ можетъ уничтожиться только тогда, когда наши ученые агрономы, лѣсничіе и технологи обратятся съ бо̀льшимъ, нежели въ настоящее время, рвеніемъ къ изученію русской почвы, русской растительности и вообще мѣстныхъ средствъ, обусловливающихъ промыслы и производства въ Россіи.

Опыты *достовѣрные и испытанные объ уничтоженіи сырости въ домахъ и въ стѣнахъ дома. Сочиненіе архитектора* Гиббона. *Сочиненіе практическое. Переводъ съ французскаго. Москва. Въ тип. Т. Т. Волкова и комп. 1852. Въ 12-ю д. л. стр. 21.*

Всего двадцать–одна страничка въ двѣнадцатую долю листа, и между-тѣмъ вы найдете здѣсь, кромѣ главнаго предмета, возвѣщеннаго заглавіемъ, множество другихъ, постороннихъ предметовъ: и способъ очищать колодцы отъ удушливаго воздуха, и способъ истреблять въ погребахъ воду, и какъ дѣлать несгараемыя, соломенныя крыши, и какъ дешево строить житницы и хлѣбные амбары, и какъ производить въ комнатахъ пріятную прохладу, и даже какъ освобождать комнаты отъ мухъ...

Освобожденіе отъ мухъ!.. о радость! у насъ не будетъ этихъ безвредно-несносныхъ насѣкомыхъ, этихъ пренепріятныхъ *комнатныхъ птичекъ*, какъ назвалъ ихъ одинъ изъ моихъ старинныхъ пріятелей. Средство самое пустое: слушайте!

«Затворивъ окна въ комнатѣ, брось на горячія уголья сухихъ тыквянныхъ листьевъ, чтобы горница наполнилась густымъ дымомъ, отъ чего непремѣнно помрутъ всѣ мухи; если же окна открыты, то онѣ всѣ вылетятъ такъ, какъ будто бы кто выгонялъ ихъ, махая платкомъ или тому подобнымъ.»

Ну, а если это средство не поможетъ — какъ тогда поступать? Тогда вооружитесь эпиграфомъ книги и скажите: «такъ какъ результатъ есть пробный камень всѣхъ нашихъ знаній», то мы узнали, что «сочиненіе практическое» есть книгопродавческая спекуляція и что одни легковѣрные могутъ думать, что за полтину мѣди (книжечка, вѣрно, стоитъ не больше), легко сдѣлать то, чего не умѣютъ сдѣлать и съ большими издержками.

Леченіе холодною водою *по методѣ Присница, въ Грефенбергѣ. Сочиненіе доктора* Бижеля. *Съ присовокупленіемъ физіологической записки о животной экономіи г.* Пельтана, *профессора парижскаго медицинскаго факультета. Переводъ съ послѣдняго седьмаго изданія, умноженнаго разсужденіемъ о гидрозюдопатіи доктора* К. фонъ-Свигенгофена *и изложеніемъ леченія болѣзней у животныхъ помощью гидрозюдопатіи* П. Л. *Двѣ части. Москва. 1852. Въ Университетской тип. Въ 8-ю д., стр. въ 1-ой части — 187; во 2-ой — 221.*

Первая часть содержитъ въ себѣ общія понятія о гидрозюдопатіи, то-есть леченіи холодною водою, соединенномъ съ потогоннымъ процесомъ; вторая — леченіе отдѣльныхъ болѣзней тѣмъ же средствомъ. Руководство полезное по ясному, полному и простому изложенію предмета. Переводъ хорошъ.

НОВЫЯ ИЗДАНІЯ.

Басни и Сказки И. И. Хемницера, *въ трехъ книжкахъ. Изданіе третье безъ перемѣнъ. Москва. Въ тип. Т. Т. Волкова и комп. 1852. Въ 18-ю д., VI, 164 стр.*

Напрасно гг. издатели не означаютъ, какимъ образомъ ведутъ они счетъ изданіямъ. Не–уже–ли басни Хемницера имѣли только до сего времени два изданія? Какое же это или чье это изданіе третье? Третье изданіе явилось еще въ 1799 г., а въ 1820 г. напечатано пятое, подъ надзоромъ А. Измайлова. Издатели позабыли также, что въ 1847 г. Смирдинъ издалъ басни Хемницера вмѣстѣ съ сочиненіями Кантемира.

Гуакъ *или непреоборимая вѣрность. Рыцарская повѣсть. Изданіе пятое. Двѣ части. Москва. Въ тип. И. И. Смирнова. 1852. Въ 12-ю д. стр. въ первой части — 115, во 2-ой 99.*

Русскіе Простонародные Разсказы. *Опытъ изданія для народнаго чтенія. Сочиненіе* Ѳедора Русанова. *Изданіе седьмое съ перемѣнами. 1852. Въ 12-ю д., 90 стр.*

Если бы намъ вмѣнено было въ необходимую обязанность прочесть которую–нибудь изъ этихъ книгъ, то, разумѣется, мы выбрали бы первую, которая въ своемъ родѣ по–крайней–мѣрѣ оригинальна.

Нѣмецкая Азбука, *составленная* Робертомъ Байеромъ. *Второе изданіе съ перемѣнами. Москва. Въ Университетской тип. 1852. Въ 12-ю д. л., стр. 72.*

Азбука, какихъ цѣлые легіоны. Содержаніе ея самое обыкновенное: буквы, склады, слова, фразы для начальныхъ переводовъ и практическихъ упражненій, анекдоты и прочія Lesestücke; въ концѣ словарь.

Сказка о трехъ братьяхъ: *Семенѣ, Пахомѣ да Иванѣ, и о томъ, какъ дѣдутка Наумъ уму-разуму научилъ. Изданіе второе. Москва. 1852. Въ Университетской тип. Въ 8-ю д. л. 14 стр.*

Гибель отъ пустаго чванства. *Простонародная повѣсть. Сочиненіе* Авдотьи Глинки. *Изданіе 2-ое съ изд. 1852 г. безъ перемѣнъ. Москва. Въ Университетской тип. 1852. Въ 12-ю д. л., стр. 54.*

Мы говорили объ этихъ книжкахъ при первыхъ изданіяхъ. Теперь ограничиваемся простымъ извѣщеніемъ о выходѣ 2–го изданія. Сказка о трехъ братьяхъ, изданная княземъ Львовымъ, имѣетъ очень–большой успѣхъ: ея распродано до двадцати тысячъ экземпляровъ.

ЖУРНАЛИСТИКА.

Литературные фельетоны. Филаретъ Шаль. — Романъ г. Писемскаго «Богатый Женихъ». — Романы-біографіи. — Разсказъ г. Авдѣеева «Нынѣшняя Любовь».

Въ послѣднее время у насъ такъ много говорили о фёльетонахъ и такъ мало писали хорошихъ фёльетоновъ, хотя и всѣ брались за этотъ, повидимому, легкій родъ литературныхъ произведеній, что не будетъ лишнимъ, если мы укажемъ на фёльетонъ, на который дѣйствительно стоитъ обратить вниманіе. Мы говоримъ о фёльетонахъ Филарета Шаля въ «Санктпетербургскихъ Вѣдомостяхъ».

Фёльетонъ — самая послѣдняя ступень той легкой литературы, къ которой стремится словесность европейская, а за нею и русская, въ послѣднее время. Несмотря на непродолжительное существованіе этого разряда литературы, мелкіе фёльетонисты, особенно туземные, наши, успѣли и въ немъ воздвигнуть памятники крупнымъ фёльетонистамъ, которыхъ они возвели на степень Гомеровъ и Шекспировъ фёльетона. Разумѣется, во главу фёльетона стали Французы и представителемъ ихъ всѣхъ — тотъ, чье имя изношено до послѣдней возможности всѣми нашими журналами и газетами, тотъ, съ котораго они берутъ примѣръ, какъ нѣкогда Херасковъ копировалъ Гомера, какъ Сумароковъ подражалъ Вольтеру, какъ Тредьяковскій преклонялся передъ творцомъ «Телемахиды». Конечно, всѣ отгадали имя этого знаменитаго фёльетониста — это Жюль-Жаненъ. И вотъ у насъ являются свои Жюль-Жанены. Одинъ изъ нихъ наивно-простъ въ своемъ фёльетонѣ, какъ Гомеръ въ «Иліадѣ»: фёльетонъ этого Гомера-фёльетониста ограничивается разсужденіями о первыхъ потребностяхъ жизни, объ умолотѣ, о засухахъ и объ орошеніи полей (для жизни деревенской); ограничивается указаніемъ портныхъ, сапожниковъ и модистокъ (для жителей городскихъ); замыкается этотъ фёльетонъ разборомъ магазиновъ оружейниковъ, механиковъ и оптиковъ (для любителей высшаго образованія: охоты, астрономіи и физики). Этотъ фёльетонъ въ-сущности очень-простъ и хотя говоритъ часто о наукахъ отвлеченныхъ, но умѣетъ излагать ихъ какъ-то наглядно, примѣрами, взятыми изъ мастерскихъ, лавокъ, магазиновъ. Поэтому характеръ простоты все-таки остается за нимъ, несмотря на временную отвлеченность.

За этимъ первобытнымъ фёльетономъ, который, какъ видите, имѣетъ въ себѣ мало литературнаго, хотя и много ученаго содержанія, послѣдовали фёльетоны болѣе-литературные и менѣе-ученые. Это разрядъ *веселыхъ* фёльетоновъ, имѣющихъ цѣлью забавлять и смѣшить публику, на сколько достанетъ веселости у

зарѣ»; личность Давида Копперфильда сдѣлалась яснѣе только послѣ второй женитьбы; личность Пенденниса опредѣлилась гораздо-позже, когда онъ сначала отказался отъ Лауры, потомъ, изъ эгоизма и честолюбія, хотѣлъ жениться на Біанкѣ, и наконецъ, изъ прихоти чуть не увлекъ Фанни. Понятно, ка́къ можно сократить эти романы, если ихъ сдѣлать романами только одной страсти (любви). Но если жизнь наша есть отголосокъ страстей всякаго рода; если эти страсти движутъ всѣми нашими общественными связями и отношеніями, а въ томъ числѣ и любовью, и если, наконецъ, романъ есть отраженіе всей нашей жизни, то не правы ли и Тэккерей и Диккенсъ, когда они продолжаютъ свои романы и послѣ женитьбы главныхъ дѣйствующихъ лицъ своихъ романовъ? когда лица, выведенныя ими, живутъ и измѣняются подъ вліяніемъ новыхъ страстей? Но здѣсь рождается другой вопросъ: ка́къ поддержать интересъ романа, чѣмъ замѣнить утраченное единство произведенія и ка́къ изъ столкновенія и послѣдовательнаго дѣйствія на человѣка разныхъ страстей сдѣлать одно цѣлое, такъ же неразрывно-связанное въ своихъ частяхъ, какъ романы, скрѣпленные единствомъ такъ-называемой любовной интриги?

У г. Писемскаго дѣйствіе, въ нѣкоторыхъ его романахъ, продолжается и послѣ брака, но оно, къ-сожалѣнію, совершенно ненужно, потому-что нисколько не развиваетъ характера дѣйствующихъ лицъ, а пружины дѣйствія остаются тѣ же, что̀ и до брака — такъ несложны побужденія этихъ лицъ.

«Богатый Женихъ» г. Писемскаго написанъ небрежнѣе и поспѣшнѣе всѣхъ прежнихъ произведеній того же автора. Отсутствіе всякой обработки въ слогѣ поражаетъ мѣстами чрезвычайно-непріятно. Авторъ, напримѣръ, говоритъ въ одномъ мѣстѣ о русской природѣ, о нашемъ лѣтѣ и нашей зимѣ: «все это, я убѣжденъ, нравится безусловно *женихамъ* и *невѣстамъ, соединяющимся по любви.*» Въ другомъ мѣстѣ князь, который говоритъ и поанглійски, выражается такъ порусски: «на прошлой недѣлѣ мнѣ сказали, что у него (у племянника) *есть эдакой предметъ страсти: нѣкая мѣщанская дѣвица*, и что онъ жениться на ней хочетъ, *да меня только не смѣетъ.* Женщина, *эдакая* по слухамъ пустая»... При описаніи взаимной нѣжности и любви жениха и невѣсты, Шамилова и Вѣры, послѣ помолвки —г. Писемскій употребляетъ такое сильное выраженіе: «цаловались безпрестанно, такъ что съ Вѣрой дѣлался чуть не обморокъ»... И т. д., и т. д.

Въ іюньской книжкѣ «Современника» прочли мы умный и милонаписанный разсказъ г. Авдѣева *Нынѣшняя Любовь.* Разсказъ этотъ написанъ на тэму: что такое нынѣшняя любовь?

«Было время (говоритъ авторъ), когда подъ сводомъ темно-синяго неба, на берегу журчащаго ручейка, подъ обаятельной истомой вѣчной весны, въ тихіе сумерки какой-нибудь юноша встрѣчался съ извѣстной ему дѣвой и... и были счастливы: они любили.

«Было время: рыцарь, снискавъ даму своего сердца, становился передъ нею на одно колѣно; дама повязывала ему черезъ плечо шарфъ, и онъ отправлялся въ невѣдомыя страны. Тамъ рыцарь рубилъ направо и рубилъ налѣво: рубилъ невѣрнаго мусульманина — зато, что онъ невѣрный, и рубилъ храбраго рыцаря—потому, что онъ храбрый; а дама, сидя одна въ высокой залѣ зáмка, пряла или вышивала, слушала пѣсни бродячаго менестреля: вы думаете, что рыцарь сражался, а дама занималась хозяйствомъ — ничуть не бывало! они любили.

«Вотъ красная дѣвица сидитъ за досчатой перегородкой съ сквозными щелями и грызётъ орѣхи, а молодой парень, въ смежной избѣ, расправивъ усъ, съ поклономъ вытягиваетъ чару вина: дѣвица и парень любятъ, и любятъ не вино и орѣхи, а другъ друга!

«Вотъ раздушенный и напудренный маркизъ говоритъ мадригалъ нарумяненной маркизѣ, у которой, подъ розовой губой, налѣплена черная мушка: они любятъ.

«Бѣдный юноша, въ чильдъ-гарольдовомъ плащѣ, свирѣпо смотритъ на едва-живую дѣву: они любятъ.

«Господинъ во фракѣ, говоритъ дамѣ грубости, а дама смѣется: они любятъ.

«Интересный господинъ сидитъ съ интересной дамой, и оба изъ всѣхъ силъ стараются показать, что они скучаютъ: они любятъ.

«Хорошенькая женщина замѣчаетъ, что ныньче нѣтъ любви, а молодой человѣкъ, съ стеклышкомъ въ глазу, спрашиваетъ ее: «что это такое любовь?» — они страстно другъ друга любятъ.

«И все это любовь въ разныя эпохи и въ разныхъ странахъ!

«И дѣйствительно, въ извѣстное время и въ извѣстномъ краю любовь выражалась такъ, а не иначе. Послѣ этого, въ-самомъ-дѣлѣ можно, какъ господинъ съ стеклышкомъ въ глазу, спросить: «да чтò жь это такое любовь?»

«Любовь, милостивые государи и государыни, была всегда одна и таже любовь... И вотъ это всемірное и всевѣковое чувство, рождавшееся, перерождавшееся и вырождавшееся, дошло и до насъ... Любопытно намъ посмотрѣть на нынѣшнюю любовь; посмотрѣть взглядомъ наблюдателя, спокойно, но съ теплымъ участіемъ, съ невольнымъ вздохомъ и улыбкой подмѣчающаго маленькіе и обыкновенные случаи...»

Послѣ этихъ словъ, сюжетъ разсказа, нисколько не замысловатый, но мило-разсказанный, очевиденъ каждому.

VII.

Revue des Deux Mondes. — Revue Britannique. — Quarterly Review. — Bibliothèque universelle de Genève. — Musée des Familles. — Nouvelles Annales des Voyages. — Magazin für die Litteratur des Auslandes. — Blackwoods Magazine. — Journal des Savants.

Исторія Литературы. — I. Томасъ Муръ *(статья первая)*. — Всеобщая Исторія. — II. Аттила и Гунны *(статья вторая и послѣдняя)*. (Походъ Аттилы въ Галлію. — Взятіе Меца. — Спасеніе Парижа Женевьевою. — Осада Орлеана. — Битва при Шалонѣ. — Разбитіе Аттилы.— Вторженіе Аттилы въ Италію. — Взятіе Аквилеи. — Посольство папы. — Смерть Аттилы. — Имперія его распадается.—Астрономія. — III. Падающія звѣзды. — Исторія Обычаевъ. — IV. Роскошь стола въ-отношеніи къ образованности. — Путешествія и Этнографія. — V. Воспоминанія морскаго офицера индо-китайской эскадры *(статья вторая и послѣдняя)*. (Острова Маріанскіе и Лучу. — Портъ Шанг-Гаи и Сѣверные Китайцы.) — VI. Кафры до послѣдней войны съ Англичанами. — VII. Спаситель вдовъ. — Естественныя Науки. — VIII. Объ отношеніяхъ между животными и срединами, въ которыхъ они обитаютъ. — Искусства. — IX. Жозефина Грассини.

I.

ТОМАСЪ МУРЪ.

(Статья первая).

Поэтъ, недавно-скончавшійся на семдесятъ-третьемъ году, писалъ стихи, когда другія дѣти дѣлаютъ еще сложеніе и вычитаніе. Онъ былъ однимъ изъ плодовитѣйшихъ и трудолюбивѣйшихъ писателей. Личная его извѣстность увеличилась связями со многими знаменитыми людьми. Онъ много путешествовалъ, и жилъ то въ Америкѣ, то въ Италіи, то во Франціи. Будучи пріятнымъ разсказчикомъ, музыкантомъ и пѣвцомъ, онъ старался нравиться

въ обществѣ любезностью и остроуміемъ, забывая поэзію и ученость. Дѣйствительно этотъ баловень аристократическаго лондонскаго общества былъ въ одно и то же время ученый классикъ, оріенталистъ, историкъ, критикъ и публицистъ, но болѣе всего поэтъ, знавшій хорошо языкъ Грековъ, Римлянъ, Итальянцевъ, Французовъ, стихи которыхъ онъ любилъ особенно цитировать въ примѣчаніяхъ къ своимъ стихотвореніямъ.

Томасъ Муръ былъ любимымъ народнымъ поэтомъ Англіи. Но и онъ имѣлъ свои печали. Смерть застала его не съ гирляндою розъ на головѣ. Какъ Анакреонъ, Томасъ Муръ умеръ одинокій и печальный, успѣвъ истребить многія изъ ничтожныхъ произведеній своей молодости, которыя поспѣшили бы издать неугомонные поклонники усопшихъ поэтовъ.

Жизнь Томаса Мура вдвойнѣ занимательна, какъ по личному значенію его въ исторіи современной литературы, такъ и по сношеніямъ съ примѣчательными людьми его эпохи.

Муръ родился 28-го мая 1779 года въ Дублинѣ. Отецъ его былъ купецъ, содержавшій лавку пряныхъ товаровъ и ликеровъ. Все семейство поэта принадлежало къ католическому вѣроисповѣданію. Молодой Муръ посланъ былъ въ школу Вайта, извѣстнаго тѣмъ, что когда ввѣрили ему воспитаніе Шеридана, Вайтъ, продержавъ его годъ у себя, объявилъ, что изъ этого ребенка ничего не выйдетъ путнаго. Зато Томасъ Муръ вскорѣ сдѣлался чудомъ этой школы. Во время лѣтнихъ каникулъ, составилъ онъ съ своими школьными товарищами пантомиму, въ которой досталась ему роль Арлекина. Слѣдственно, съ самыхъ юныхъ лѣтъ былъ онъ уже сочинителемъ; но въ печати появились его стихи въ первый разъ только въ 1793 году, то-есть когда ему было четырнадцать лѣтъ отъ-роду. Онъ отправилъ свое первое произведеніе въ дублинскій журналъ «Антологія» и редакторъ напечаталъ ихъ съ подписью Т. М. Вслѣдъ затѣмъ появился сонетъ въ честь учителя Вайта, самолюбію котораго было очень пріятно видѣть печатную лесть въ свою пользу.

Отецъ и мать Томаса Мура вовсе не противились поэтической склонности своего сына; и когда школьникъ сочинилъ интермедію Masque, отецъ позволилъ превратить свою залу въ театръ. Томасъ Муръ, старшая сестра его и два-три актёра того же возраста играли роли въ этой пьесѣ.

Въ воспоминаніяхъ Томаса Мура впечатлѣнія дѣтства служатъ источникомъ позднѣйшихъ патріотическихъ чувствъ, которыя потомъ произвели знаменитыя *Ирландскія мелодіи*—основный камень его славы, заслужившій ему названіе Ирландскаго Беранже.

Въ 1763 году послѣдовали многія перемѣны въ уложеніи Ирландцевъ, и Томасъ Муръ поспѣшилъ воспользоваться открывшимся для католиковъ университетскимъ курсомъ. Молодой поэтъ состязался для полученія награды, хотя и зналъ, что, по законамъ, могъ ее получить только протестантскій ученикъ. Несмо-

тря на это, онъ все-таки заслужилъ награду и удовлетворилъ честолюбію своей матери. Вмѣсто заданной тэмы латинскими стихами, онъ сочинилъ англійскіе стихи, и ему назначена была экстраординарная награда, а именно: экземпляръ книги: *Путешествіе Анахарсиса* въ хорошемъ переплетѣ.

Въ 1794 году пробовалъ онъ уже переводить Анакреона. Будучи музыкантомъ и поэтомъ, онъ страстно полюбилъ греческую мелопею и старался подражать ей въ англійскихъ размѣрахъ. Трудно было сохранить въ вѣрномъ переводѣ гармонію греческаго поэта, но Томасъ Муръ такъ удачно окончилъ свою работу, что профессоры университета объявили ее достойною явиться въ печати.

Въ Дублинѣ, подлѣ соборной церкви св. Патрика, есть старинная библіотека Марша, названная такъ по имени ея основателя. Молодые Ирландцы мало посѣщали ее; но въ тѣ часы, когда она была закрыта для публики, помощникъ библіотекаря впускалъ туда молодаго питомца музъ, запиралъ его тамъ и оставлялъ одного. Этотъ заключенный забывалъ тамъ весь окружающій міръ, занимаясь выписками изъ запыленныхъ книгъ, на всѣхъ языкахъ.

Въ 1799 году Томасъ Муръ пріѣхалъ въ Лондонъ съ полнымъ переводомъ Анакреона и съ *греческою одою* собственнаго сочиненія. Благодаря протекціи графа Моира, онъ получилъ позволеніе посвятить свой трудъ принцу-регенту. Одинъ книгопродавецъ взялся послѣ этого напечатать его книгу, которая имѣла значительный успѣхъ, заставившій Мура забыть, что онъ пріѣхалъ въ Лондонъ для изученія юриспруденціи.

Надобно было ему, однакожь, сдѣлаться извѣстнымъ собственными сочиненіями. Собравъ всѣ свои прежніе стихи и прибавивъ къ нимъ много новыхъ, Муръ напечаталъ ихъ подъ псевдонимомъ *Литль* (маленькій), намекавшимъ на небольшой ростъ его. Въ предисловіи выдаетъ онъ себя за издателя, а объ авторѣ говоритъ, что тотъ умеръ двадцати-одного года, написавъ бо́льшую часть стиховъ своихъ въ такомъ молодомъ возрастѣ, который имѣетъ право на снисхожденіе критики. Далѣе Муръ опредѣляетъ отличительный характеръ Овидія, Проперція, Тибулла и Катулла.

Во Франціи были въ это время (1803 году) люди, которымъ мелкія стихотворенія, эпиграммы и эротическія пѣсни не мѣшали занимать публичныя должности. Должно ли послѣ этого удивляться, что и къ Томасу Муру можно было примѣнить извѣстную фразу Фигаро: «на это мѣсто нуженъ былъ счетчикъ, и потому оно отдано было *пѣвцу*». Мѣсто счетчика — экзекутора адмиралтейскаго суда на Бермутскихъ Островахъ—сдѣлалось вакантнымъ, и лордъ Моиръ предложилъ его Томасу Муру, который и отправился на свой постъ 25-го сентября 1803 года на фрегатѣ *Фениксъ*.

Едва Томасъ Муръ прибылъ на мѣсто своего назначенія, какъ пріискалъ себѣ помощника, которому и передалъ свою должность,

а самъ отправился путешествовать по Соединеннымъ Штатамъ и Канадѣ. Въ Вашингтонѣ представлялся онъ президенту Джефферсону. Молодой ирландскій поэтъ, привыкшій къ этикету высшаго лондонскаго общества, пораженъ былъ удивленіемъ при видѣ простоты преемника Вашингтона. Послѣ этого Муръ осматривалъ Ніагарскій Водопадъ. Вотъ какъ онъ разсказываетъ объ этомъ: «Мы пріѣхали въ трактиръ, стоящій близь водопада, уже довольно-поздно и не пошли къ водопаду ввечеру; но всю ночь я не могъ заснуть: до-того шумъ водопада оглушалъ меня. Когда же, на другое утро, сквозь деревья увидѣлъ я наконецъ эту великолѣпную массу водъ, низвергающихся съ горы въ бездну, зрѣлище это произвело на меня такое впечатлѣніе, что я считаю этотъ день эпохою въ моей жизни. Видъ водопада овладѣлъ всѣми чувствами души моей. Ежеминутно открывалъ я въ немъ новыя красоты, и высокое наслажденіе это поселяло въ сердце мое и грусть и радость. Не знаю, что̀ меня больше поразило: видъ ли Ніагарскаго Водопада, или зрѣлище развалинъ Колизея въ лунную ночь».

Томасу Муру посчастливилось встрѣтить у водопада лагерь одного индійскаго племени, которое уже исчезаетъ въ Америкѣ. «Эти Тускарорасы (говоритъ онъ) приняли насъ во всемъ величіи своей древней одежды. Молодые люди производили передъ нами гимнастическія игры, а старики и женщины глядѣли на нихъ, сидя подъ деревьями. Это было для меня новымъ и любопытнымъ зрѣлищемъ. Говорятъ, что американскій живописецъ Веттъ, увидѣвъ въ первый разъ Аполлона Бельведерскаго, вскричалъ: «вотъ индійскій воинъ!» Какъ ни страннымъ покажется это восклицаніе, но могу, въ свою очередь, объявить, что граціозность и быстрота этихъ дикарей оправдываютъ восклицаніе американскаго художника.

Томасъ Муръ переѣхалъ черезъ озеро Онтаріо, спустился по рѣкѣ Св. Лаврентія и остановился на нѣсколько времени въ Монтреалѣ и Квебекѣ, откуда отправился въ Галифаксъ. На лодкѣ, плывшей по рѣкѣ Св. Лаврентія, музыкальное ухо его было поражено древнею французскою балладою, которую пѣли канадскіе лодочники. Ему понравился мотивъ, и на лодкѣ же онъ сочинилъ на эту пѣсню англійскіе стихи, которые назвалъ: a Canadian boat-sang (пѣснь на канадской лодкѣ). Эту пѣсню и теперь еще поютъ въ Америкѣ. Томасъ Муръ гордился этими стихами, какъ своими лучшими стихотвореніями, которыя пѣли въ Лондонѣ подъ звукъ арфы и фортепьянъ.

Изъ Галифакса молодой бермутскій чиновникъ возвратился на нѣсколько времени къ своему посту; опредѣлилъ здѣсь на мѣсто себя другаго и поѣхалъ въ Англію.

Отсутствіе его продолжалось шестнадцать мѣсяцевъ. Въ 1806 году напечаталъ онъ сборникъ, который въ наше время назвали бы: «Впечатлѣніями Путешественника». Но Муръ издалъ эти вне-

чатлѣнія подъ названіемъ: *Оды и Посланія.* Это лирическое и эпистолярное произведеніе, содержащее описаніе всѣхъ видѣнныхъ имъ мѣстъ, посвятилъ онъ лорду Моира.

Американское общество возбудило въ поэтѣ большое отвращеніе отъ республики. Весь народъ Соединенныхъ Штатовъ называетъ онъ чернью; политическихъ людей—банкротами, сдѣлавшимися врагами Англіи для того, чтобъ не платить своихъ долговъ. Тамошніе патріоты ничто иное, какъ рабы, передразнивающіе лордовъ; филантропы ихъ — продавцы чернокожихъ.

Томасъ Муръ посвятилъ, между-прочимъ, нѣсколько нѣжныхъ стиховъ одной бермудской красавицѣ *Неа.* А какъ портретъ ея похожъ былъ на прежнихъ красавицъ, описанныхъ подъ псевдонимомъ Литля, то рецензентъ *Edinbourg Review*, Джефри и соединилъ въ одну — обѣ эти фамиліи. Это была очень-строгая статья шотландскаго пуританизма. Томасъ Муръ почелъ себя обиженнымъ и послалъ Джефри вызовъ въ Лондонъ. Тотъ не отказался отъ поединка, и соперники явились съ секундантами къ назначенному мѣсту. И критикъ и поэтъ могли, взглянувъ другъ на друга, замѣтить, что оба одинаковы ростомъ... Вдругъ явились полицейскіе агенты и обезоружили ихъ. Осмотрѣвъ пистолеты, нашли, что они были заряжены холостыми зарядами. Выпали ли пули по дорогѣ изъ Лондона, или секунданты заранѣе условились между собою въ этомъ, но анекдотъ этотъ распространился, и въ газетахъ стали смѣяться надъ обоими противниками. Около двухъ лѣтъ спустя, молодой лордъ Байронъ, обнародовавъ свою знаменитую сатиру, гдѣ коснулся и этой дуэли, говоря, что нетолько храбрость дуэлистовъ, но и пули ихъ испаряются на мѣстѣ сраженія. Чтобъ заставить всѣхъ замолчать, Томасъ Муръ послалъ новый вызовъ своему критику, но Джефри уѣхалъ въ этотъ же день на твердую землю, и получилъ письмо уже по возвращеніи; онъ помирился, однакожь, съ поэтомъ и былъ потомъ съ нимъ друженъ во всю жизнь.

Томасъ Муръ можетъ быть причисленъ къ тѣмъ анакреонтическимъ поэтамъ, которые вѣтрены только въ стихахъ, а не въ настоящей жизни. Полагая, что литературныхъ его доходовъ достанетъ на расходы семейной жизни, онъ женился въ это время на миссъ Дейкъ, которая всегда была вѣрною подругою Томаса Мура какъ въ счастіи, такъ и въ несчастіи. Онъ же въ своихъ сочиненіяхъ никогда не говорилъ о ней иначе, какъ съ уваженіемъ и любовью.

Иногда, однакожь, онъ замѣнялъ стихи политическими статьями, которыя всегда дѣлаютъ много враговъ и никогда не доставляютъ полезныхъ друзей. Притомъ же, онъ писалъ, какъ Ювеналъ, или Чорчиль, а не какъ Горацій и Попе. Видя неуспѣхъ и невыгоды этого занятія, онъ принялся за легкую сатиру и сдѣлался въ ней неподражаемъ. Ничто не можетъ быть остроумнѣе и забавнѣе его *Перехваченныхъ Писемъ.*

II.

АТТИЛА И ГУННЫ.

(Статья Амедэ Тьерри).

(Окончаніе.)

4.

Походъ Аттилы въ Галлію.—Взятіе Меца.— Спасеніе Парижа Женевьевою.

Узнавъ о воцареніи новыхъ императоровъ въ Римѣ и Константинополѣ, Аттила хотѣлъ прежде всего испытать ихъ намѣренія дипломатическими средствами. Онъ обратился къ восточному императору и потребовалъ дани. Но Маркіанъ, старый иллирійскій воинъ, изъ племени Проба и Клавдія, отвѣчалъ:

— У меня есть золото для друзей, а для враговъ — желѣзо.

Этотъ мужественный отвѣтъ доказалъ Аттилѣ, что уже не Хрисаноій управляетъ дѣлами. Твердость императора смутила варвара. Онъ обратился въ другую сторону.

Извѣстно, что Гонорія, сестра Валентиніана III, отправила нѣкогда обручальное кольцо Аттилѣ, который цѣлыя пятнадцать лѣтъ не давалъ никакого отвѣта на присланный подарокъ. Вдругъ, въ настоящее время, Гуннъ послалъ къ Валентиніану III письмо, въ которомъ требовалъ Гонорію какъ невѣсту, и въ приданое за нею половину Западной Имперіи. Валентиніанъ отвѣчалъ, что сестра его уже за-мужемъ и что, по законамъ имперіи, за нею нельзя дать въ приданое никакихъ областей.

Послѣ этого отвѣта, Аттила вдругъ прекратилъ всѣ требованія и сдѣлался чрезвычайно-ласковъ. Всѣ поняли, что это скрываетъ какой-нибудь умыселъ.

Въ это время царствовалъ въ Африкѣ надъ Вандалами Гензерихъ. Поссорясь съ тестемъ своимъ Теодорихомъ, королемъ Визиготовъ и боясь, чтобъ онъ не соединился съ Римлянами, Гензерихъ отправилъ къ Аттилѣ пословъ съ подарками, прося его союза и защиты противъ Римлянъ. Аттила съ радостью принялъ это предложеніе, и оба варвара, какъ два коршуна, составили планъ, чтобъ одному съ сѣвера, а другому съ юга напасть на Валентиніана III.

Нужны ли были Аттилѣ предлоги для начатія войны? Два брата оспоривали владычество надъ однимъ прирейнскомъ племенемъ Визиготѳовъ. Одинъ прибѣгнулъ подъ покровительство Римлянъ, другой искалъ защиты у Аттилы. Предпринимая походъ, Аттила увѣдомилъ письмомъ Валентиніана III, чтобъ тотъ не мѣшалъ наказать Визиготѳовъ. «Визиготѳы мои невольники (говорилъ онъ). Они убѣжали изъ-подъ моей власти. Притомъ же,

«они опасные враги для Римской Имперіи. Они ограбили Востокъ «и Западъ; они безпрестанно нарушаютъ договоры съ Римомъ, «который ихъ щедро одарилъ землями. И потому я за себя и за «Римъ накажу ихъ».

Напрасно Валентиніанъ отвѣчалъ ему, что онъ въ мирѣ съ Визиготѳами и что еслибъ былъ даже въ войнѣ, то никому не поручилъ бы отмстить за себя; что Визиготы живутъ въ Галліи подъ покровительствомъ римскаго гостепріимства, что напасть на нихъ, значитъ напасть на имперію и что, наконецъ, до нихъ иначе дойдти нельзя, какъ опустошивъ области императора, которому Аттила обязался служить. Аттила не слушалъ ничего и двинулся впередъ, стараясь, однакожь, успокоить Валентиніана лестью. Королю же Визиготѳовъ, Теодориху, онъ сообщилъ въ то же самое время, что вступаетъ въ Галлію, чтобъ уничтожить тамъ владычество Рима.

Между-тѣмъ Теодорихъ получилъ отъ Валентиніана письмо, которымъ приглашали его соединиться съ императоромъ для пораженія общаго врага. Теодорихъ былъ въ затрудненіи. Онъ видѣлъ, что Аттила опасенъ и для него, однакожь, не рѣшился соединиться съ Римлянами и предоставилъ имъ однимъ воевать съ Гуннами.

Хотя Аттила твердилъ все о наказаніи Визиговъ, хотя вторженіе его въ Галлію было неминуемо, но коварство и хитрости Гунна были такъ извѣстны, что до послѣдней минуты никто не зналъ, не вѣрилъ истинной цѣли его похода. Аэцій не смѣлъ уѣхать изъ Италіи, думая, что Гунны вторгнутся въ нее.

Никогда со временъ Ксеркса не собиралось такое огромное ополченіе. Пять-сотъ тысячъ варваровъ шли подъ знаменами Аттилы. Черные Гунны и Акацпры, Аланы, Невры, Беллоноты, Гелоны, Славяне, Руги, Скиры, Туркилинги, Грулы, Остроготы, Гепиды. Послѣдними начальствовали три брата: Воломиръ, Теодомиръ и Видемиръ.

Это стеченіе народовъ подъ знамена Аттилы произвело передвиженіе племенъ позади ихъ. Славяне воспользовались уходомъ Остроготовъ, чтобъ занять опять прежнія свои жилища на берегахъ Чернаго Моря. Авары, Болгары, Унгры, Торки подвинулись также ближе къ Европѣ.

Желая явиться на берегахъ Рейна въ первыхъ числахъ марта, Аттила выступилъ въ походъ въ январѣ. Одна половина арміи его пошла по правому берегу Дуная, истребляя по дорогѣ всѣ укрѣпленія, воздвигнутыя Римлянами; другая двинулась лѣвымъ берегомъ и присоединила къ рядамъ своимъ кочевавшіе тутъ народы: Квадовъ, Маркомановъ и Свевовъ. Гирканскій Лѣсъ доставилъ Аттилѣ всѣ матеріалы для постройки мостовъ черезъ Рейнъ. Одна часть арміи переправилась у Аугусты; самъ Аттила перешелъ ниже Мозеля и началъ военныя дѣйствія разграбленіемъ Трира.

Вѣрный своему хитрому плану, Аттилла, вступая въ Галлію,

обнародовалъ, что онъ другъ Римлянъ, что пришелъ только наказать Визиготовъ, своихъ подданныхъ, и что Галлы должны принимать его, какъ своего освободителя. Иные города сдавались, другіе сопротивлялись; но тѣ и другіе были опустошены. Слабые римскіе гарнизоны отступали за Луару. Франки послѣдовали ихъ примѣру, видя, что сопротивленіе невозможно. Всѣ варвары были на сторонѣ Аттилы, полуобразованныя племена на сторонѣ Рима.

Армія Гунновъ, вступивъ въ Галлію, заняла все пространство отъ Юры до океана, опустошая на пути города и истребляя цѣлыя поколѣнія, хотя эти опустошенія не нравились Аттилѣ, потому-что отнимали много времени и мѣшали выполненію главныхъ его плановъ; но войску нельзя было отказать въ грабежѣ.

Странное событіе предало его власти городъ Мецъ. Долго осаждалъ онъ его и потрясалъ стѣны своими стѣнобитными орудіями, но, наконецъ, видя безполезность усилій, снялъ осаду и удалился ужь на двадцать миль отъ города. Вдругъ узналъ онъ, что, по уходѣ его, обвалилась часть городской стѣны. Въ ту же минуту велѣлъ онъ всей арміи воротиться. Конница его поскакала впередъ, явилась ночью передъ городомъ, ворвалась въ проломъ, умертвила всѣхъ жителей и сожгла городъ.

Вся Галлія была въ ужасѣ. Все бѣжало передъ этою бурею народовъ, которой предшествовалъ пожаръ, за которой слѣдовалъ голодъ. Для всемірной исторіи замѣчательна участь маленькаго мѣстечка Лютеціи, въ которомъ жило галльское племя *Паризіи*, по имени которыхъ и начали потомъ называть этотъ городъ. Городъ находился тогда на островѣ между двумя рукавами рѣки Сены и былъ огражденъ высокою стѣною съ многочисленными башнями. За двойною оградою воды и стѣнъ, жители могли бы долго защищаться; но ужасъ, наведенный Аттилою, былъ такъ силенъ, что всѣ предпочли бѣжать. Такъ рѣшилъ общій совѣтъ старшинъ. Все имущество и утварь были уже перенесены на лодки, и мужчины ожидали въ нихъ прихода женъ и дѣтей съ послѣдними пожитками.

Вдругъ одна дѣвушка остановила это переселеніе. Ее звали Женевьевою. Она была Галло-Римлянка. Отецъ ея Северъ и мать Геранція, люди зажиточные, жили въ Неметогуромѣ (нынѣ Нантеръ). Когда они скончались, Женевьева переселилась въ Парижъ къ крестной матери и вскорѣ прославилась тамъ своимъ благочестіемъ и добродѣтелями.

Нашествіе Аттилы еще болѣе обнаружило ея вдохновенную твердость. Она твердила, что это наказаніе Провидѣнія за грѣхи Паризіевъ и увѣщевала всѣхъ къ раскаянію и исправленію, предвозвѣщая, что Парижъ будетъ пощаженъ. Но мужчины не слушали ни увѣщаній ея, ни совѣтовъ. Зато женщины, при послѣдней минутѣ отъѣзда, собрались около Женевьевы и со вниманіемъ слушали ея слова. Вмѣсто того, чтобъ бѣжать изъ города, она

ихъ убѣдила идти въ церковь, и вмѣстѣ съ ними стала творить самыя теплыя молитвы.

Мужчины, соскучась ждать своихъ женъ и дочерей на судахъ, отправились за ними и нашли ихъ въ церкви. На приказаніе ихъ спѣшить на суда, женщины отвѣчали, что хотятъ остаться въ городѣ и предаться волѣ Божіей. Произошли споры, ссоры, и Женевьевѣ угрожала опасность. Приходъ одного священника спасъ ее. Узнавъ въ чемъ дѣло, онъ усовѣстилъ мужчинъ и убѣдилъ ихъ послушаться вдохновенія свыше. Паризіи подумали и повиновались.

Дѣйствительно, полчища Аттилы, сосредоточившіяся между Соммою и Марною, направили путь не къ Парижу, а южнѣе, и городъ былъ сохраненъ мужественною рѣшимостью дѣвы. Еслибъ ее не послушались, то, вѣроятно, бѣглецы остались бы на новыхъ мѣстахъ своего переселенія, или были бы истреблены шайками Гунновъ. Лютеція поросла бы травой, и теперь антикваріи искали бы, можетъ-быть, мѣсто, гдѣ она существовала. Участь цѣлой Франціи могла измѣниться. Планъ Аттилы состоялъ въ томъ, чтобъ, проникнувъ въ Южную Галлію, разбить тамъ Визиготѳовъ до прибытія Аэція съ Римлянами изъ Италіи. Послѣднихъ онъ предполагалъ истребить вслѣдъ за Визиготѳами, быстро двинувшись на встрѣчу римскимъ когортамъ, при спускѣ ихъ съ Альпійскихъ Горъ.

Слѣдуя этому плану, Аттила изъ Меца устремился къ Орлеану и надѣялся овладѣть имъ тотчасъ же, посредствомъ тайныхъ сношеній съ предводителемъ Алановъ, которому была ввѣрена защита переправы черезъ Луару. Сангибанъ (имя этого предводителя), испугавшись угрозъ Аттилы, согласился предать ему Орлеанъ. Чтобъ скорѣе поспѣть къ этому городу, Аттила прошелъ мимо множества городовъ по дорогѣ, непредавая ихъ грабежу; но съ огромною арміею и мильйономъ телегъ надобно было ему употребить болѣе мѣсяца, чтобъ дойдти изъ Меца въ Орлеанъ.

5.

Осада Орлеана. — Битва при Шалонѣ. — Разбитіе Аттилы.

Луара составляетъ границу между сѣверною и южною Галліею. Городъ Орлеанъ, стоящій у вершинъ крутаго поворота этой рѣки, игралъ всегда важную роль, какъ въ стратегическомъ, такъ и торговомъ отношеніяхъ. Во время независимости Галліи назывался онъ Генабъ, и во времена Юлія Цесаря первый подалъ знакъ къ знаменитому возстанію противъ Римлянъ, во время котораго римскій тріумвиратъ едва не погибъ. Въ 272 году по Р. Х. императоръ Авреліанъ возобновилъ стѣны этого города и назвалъ его своимъ именемъ. Орлеанъ стоялъ на склонѣ праваго берега Луары и былъ окруженъ четыреугольною стѣною со множе-

ствомъ башенъ. Одна изъ башенъ служила мостовымъ укрѣпленіемъ, другія защищали городъ съ востока.

Узнавъ о нашествіи Аттилы, жители Орлеана, оставленные въ эту минуту Римлянами, рѣшились дѣйствовать своими средствами. Прокламація Аттилы о наказаніи Визиготовъ, доказала Орлеанцамъ, что городъ ихъ прежде всего подвергнется нападенію. Они тотчасъ же починили стѣны, воздвигли новыя укрѣпленія и собрали сколько можно болѣе запасовъ. Подозрѣвая измѣну Сангибана, они не впустили его въ городъ, когда онъ явился, какъ-будто для защиты его, и отправили своего епископа Аніана въ южныя провинціи, чтобъ развѣдать: могутъ ли они ожидать помощи отъ Аэція.

Аніанъ встрѣтилъ римскаго полководца въ Арлѣ и объяснилъ ему положеніе Орлеана, требуя скорѣйшей помощи. Разсчитавъ всѣ средства жителей, онъ обязался, что городъ выдержитъ осаду до 15 іюня, но послѣ этого срока принужденъ будетъ сдаться. Аэцій обѣщалъ явиться къ этому дню, и епископъ возвратился въ Орлеанъ. На другой же день показались и полчища Аттилы.

Мы ужь сказали, что пребываніе Аэція въ Италіи произошло отъ опасенія, чтобъ Аттила, вмѣсто Визиготѳовъ, не устремился на Италію. Валентиніанъ III самъ удерживалъ Аэція, и даже, когда Гунны перешли черезъ Рейнъ, онъ отпустилъ полководца въ Галлію съ самымъ незначительнымъ числомъ войска, оставя при себѣ главныя силы.

Съ горстью людей отправился Аэцій въ Галлію, надѣясь на союзныхъ варваровъ; но вскорѣ увидѣлъ всю безнадежность своего положенія. Бургундцы были разбиты и разсѣяны; Аланы видимо передались на сторону Гунновъ; Визиготѳы рѣшились не начинать войны съ Аттилою. Упорство Теодориха было непреодолимо.

— Если Римляне будутъ побѣждены, говорилъ ему Аэцій: — Аттила нападетъ на васъ со всею силою, какую дастъ побѣда, и вы будете не въ-состояніи защищаться одни. Если же, при помощи другихъ союзниковъ, Римляне побѣдятъ, вся честь побѣды будетъ принадлежать имъ однимъ, а отказъ Визиготѳовъ въ содѣйствіи, будетъ почитаться малодушіемъ.

На это Теодорихъ отвѣчалъ:

— Римляне сами навлекли на себя и на насъ это нашествіе, пусть же они и отражаютъ его.

Появленіе Аэція возвратило, однакожь, всей южной Галліи мужество и довѣренность. Галлы вооружали своихъ кліентовъ и рабовъ. Бретонцы послали Аэцію отрядъ войскъ. Франки-Рипуары также явились на зовъ его. Меровей прибылъ съ Франками салійскими, Гондикарій съ Бургундцами. Когда Сангибанъ также присоединился къ нему съ своимъ отрядомъ, Аэцій не показалъ виду, что знаетъ объ измѣнѣ, но велѣлъ строго смотрѣть за каждымъ шагомъ Аллана. Леты, Свевы, Сарматы и Тайфалы прислали также небольшіе отряды къ Римлянамъ.

Видя это всеобщее усердіе, Аэцій нѣсколько ободрился, но отсутствіе Визиготѳовъ видимо лишало его возможности и надежды на побѣду. Онъ рѣшился испытать еще одно средство, чтобъ склонить Теодориха.

Въ Овернѣ жилъ одинъ римскій сенаторъ, Авитъ, который прежде служилъ подъ начальствомъ Аэція, а потомъ занималъ важнѣйшія государственныя должности по гражданскому управленію. Удалясь въ свою укрѣпленную виллу, Авитъ жилъ какъ сибаритъ и былъ почти ежедневнымъ гостемъ Теодориха, имѣя надъ нимъ вліяніе образованности надъ полуварварствомъ; онъ даже взялся управлять воспитаніемъ дѣтей Теодориха. Къ нему-то отправился Аэцій и склонилъ его употребить все свое краснорѣчіе для убѣжденія Теодориха принять сторону Римлянъ.

Авитъ взялся за это важное дѣло и успѣлъ въ этомъ. Радость Готѳовъ была всеобщая, когда они получили приказаніе идти въ походъ. Самъ Теодорихъ принялъ начальство надъ войскомъ. Съ этой минуты Аэцій не сомнѣвался въ побѣдѣ.

Но въ этихъ переговорахъ время быстро проходило. Пять недѣль, въ которыя Орлеанцы обѣщались выдержать осаду, уже истекали, а Аэцію далеко было до Орлеана; онъ надѣялся, однакожь, поспѣть еще во-время.

Аттила дѣятельно производилъ осаду, но неискусство его въ поліорцетикѣ замедляло разрушеніе стѣнъ. Зато стрѣлометныя машины Гунновъ дѣйствовали очень-хорошо, и ни одинъ орлеанскій воинъ не смѣлъ показаться на стѣнахъ. Силы и бодрость жителей ослабѣвали; они не надѣялись выдержать осады, потому-что не получали ни малѣйшаго извѣстія объ Аэціи. Епископъ послалъ къ нему воина съ письмомъ, но воинъ не возвратился. Сильная буря, разразившаяся надъ городомъ, показалась Орлеанцамъ гнѣвомъ небеснымъ, и они рѣшились сдаться. Самъ епископъ принужденъ былъ отправиться къ Аттилѣ съ предложеніями о сдачѣ. При первыхъ словахъ его Аттила съ гнѣвомъ отвѣчалъ, что не принимаетъ никакихъ условій и требуетъ безусловной сдачи.

Съ ужасомъ возвратился епископъ въ городъ и объявилъ волю короля Гунновъ. Жители рѣшились сдаться.

На другой день, поутру, запоры и замки у городскихъ воротъ были сломаны, и въ Орлеанъ вошли одни предводители Гунновъ, чтобъ раздѣлить городъ для грабежа каждому отряду. Началось разграбленіе, производившееся правильно и систематически. Все имущество, находимое въ домахъ, складывали на телеги и отвозили въ станъ; жителей, по жребію, отдавали въ невольничество.

Вдругъ за городомъ раздались ужасные крики. Это былъ Аэцій со всею римскою конницею, скакавшій во весь опоръ къ Орлеану. Позади видны были римскіе орлы и готѳскія знамена.

Произошелъ первый бой у моста. Плѣнники содѣйствовали Римлянамъ и поражали Гунновъ каменьями. Аттила, нежелая

подвергать опасности отдѣльные отряды, отозвалъ ихъ назадъ и очистилъ городъ.

Аэцій въ-точности сдержалъ свое слово и явился 14-го іюня. Ночью Аттила, довольный свезенною въ лагерь добычею, отступилъ отъ города, чтобъ выбрать себѣ лучшее поле битвы.

Съ сѣверной стороны города Сенса, между рѣками Йонною и Эною, на протяженіи пятидесяти миль въ длину и до сорока въ ширину, простираются обширныя долины, которыя въ V вѣкѣ назывались *Кампаніею* (Шампань). Арденнскія Горы отдѣляютъ ихъ отъ Бельгіи съ сѣвера; на юго-востокѣ идутъ Вогезскія и Юрскія Горы. Двѣ дороги сходились въ городѣ Дуроката-Лаунумъ (нынѣ Шалонь-на-Марнѣ). Аттила занялъ этотъ городъ и долины, его окружавшія.

Но армія Аэція опередила орды Аттилы и при переправѣ Гунновъ черезъ Объ произошелъ первый бой, темною ночью, и къ разсвѣту пятнадцать тысячъ тѣлъ, оставшихся на мѣстѣ битвы, доказали ожесточеніе обѣихъ сторонъ.

Аттила видѣлъ, что нельзя избѣжать генеральнаго сраженія; оно произошло въ нѣсколькихъ миляхъ отъ Шалона. Аттила расположилъ свой обозъ вокругъ всего стана; армія Аэція устроила свой лагерь по всѣмъ правиламъ римской стратегіи.

Всю ночь провелъ Аттила въ чрезвычайномъ волненіи. Армія его была обезсилена продолжительными походами и грабежемъ. Онъ предвидѣлъ, что будетъ разбитъ. Гунны отъискали гдѣ-то въ лѣсу христіанскаго пустынника и привели его къ Аттилѣ, который, невѣря ничему, вѣрилъ, однакожь, гаданьямъ. Онъ спросилъ у пустынника объ успѣхѣ предстоящей битвы.

— Ты *бичъ Божій*, отвѣчалъ старецъ : — ты молотъ Провидѣнія, которымъ Оно поражаетъ грѣшниковъ. Но Господь по волѣ своей сокрушаетъ орудія своего гнѣва и даруетъ побѣду по своему усмотрѣнію. Знай же, что ты будешь разбитъ и убѣдишься, что сила происходитъ отъ Бога, а не отъ земнаго оружія.»

Этотъ смѣлый отвѣтъ не разсердилъ Аттилу. Онъ захотѣлъ узнать мнѣніе гадателей Гунновъ. Они явились въ палатку короля и въ его присутствіи совершили ужасныя заклинанія. Зрѣлище было мрачное и отвратительное. Цѣлая толпа гуннскихъ и аланскихъ жрецовъ и гадателей составляли разнообразныя группы; при свѣтѣ факеловъ, одни жрецы искали отвѣта во внутренностяхъ пораженныхъ животныхъ, другіе вызывали духовъ звукомъ волшебнаго барабана, кружась между-тѣмъ съ удивительною быстротою; третьи впадали въ каталепсическіе припадки. Аттила сидѣлъ въ это время на деревянной скамьѣ и замѣчалъ истолкованія. Наконецъ верховные жрецы составили между собою тайный совѣтъ и рѣшили, по всѣмъ признакамъ гаданія, что армія Гунновъ будетъ разбита, но что предводитель непріятельскаго войска погибнетъ. Аттила полагалъ, что этою жертвою будетъ Аэцій — и обрадовался. Смерть римскаго полководца казалась Аттилѣ важнѣе пораженія войска Гунновъ.

Долго поутру Аттила не начиналъ сраженія. Онъ хотѣлъ, чтобъ ночь разлучила обѣ арміи и чтобъ въ темнотѣ можно было отступить, или принять другія мѣры. Не прежде девятаго часа дня (около трехъ часовъ пополудни) вывелъ онъ свое войско изъ лагеря; сталъ самъ въ центрѣ съ Гуннами; на лѣвомъ крылѣ помѣстилъ Валамира съ Остроготѳами; на правомъ Ардарика съ Лепидами и другими народами. Аэцій, съ своей стороны, принялъ начальство надъ лѣвымъ крыломъ, гдѣ поставилъ Римлянъ; на правомъ были Визиготѳы; въ центрѣ Бургундцы, Франки, Армориканы и Аланы.

Видимая цѣль Аттилы состояла въ томъ, чтобъ своими лучшими войсками прорвать центръ непріятелей и открыть себѣ дорогу къ отступленію. Аэцій же, предвидя этотъ маневръ, хотѣлъ имъ воспользоваться, чтобъ обхватить его обоими крылами и отрѣзать ретираду варварамъ.

Между обоими войсками былъ небольшой холмъ, который могъ быть выгоденъ для той и другой арміи, какъ наблюдательный постъ. Гунны послали туда нѣсколько отрядовъ конницы, но Аэцій предупредилъ ихъ и опрокинулъ. Это начало было дурнымъ предзнаменованіемъ для Гунновъ.

Чтобъ одушевить свое войско, Аттила произнесъ имъ сильную рѣчь. Историкъ Іорнандъ приводитъ ее всю вполнѣ. Трудно, чтобъ она могла быть достовѣрною. Кто записывалъ эти слова? Кто передалъ ихъ?

Наконецъ началась ужасная, ожесточенная, безпримѣрная въ лѣтописяхъ исторіи битва. Тотъ же историкъ разсказываетъ, что ручей, почти изсохшій, наполнился до береговъ кровью, и тотъ, кто пилъ эту ужасную смѣсь воды и крови, тотчасъ же умиралъ.

Битва началась на правомъ крылѣ Римлянъ, противъ лѣваго крыла Аттилы. Остроготѳы и Визиготѳы истребляли другъ друга съ ожесточеніемъ. Въ минуту сильной схватки пораженъ былъ Теодорихъ, и объ участи его никто не зналъ до конца сраженія. Визиготѳы разбили и разсѣяли своихъ противниковъ.

Въ это время Аттила стремительно напалъ на центръ арміи Аэція, прорвалъ его и овладѣлъ полемъ битвы; но когда увидѣлъ, что побѣдившіе Визиготѳы начинаютъ нападать на него съ фланга, и что другое крыло Римлянъ дѣлаетъ такое же движеніе, онъ понялъ всю опасность своего положенія и отступилъ опять въ свой лагерь. Визиготѳы такъ сильно преслѣдовали его во время этого движенія, что онъ едва не былъ убитъ, и только бѣгствомъ успѣлъ спастись. Армія его въ совершенномъ безпорядкѣ возвратилась въ станъ, окруженный походными телегами. Какъ ни слаба была эта ограда, но тучи стрѣлъ, которыми Гунны изъ–за телегъ осыпали нападавшихъ, остановили преслѣдователей.

Наступила ночь. Оба войска остались на мѣстѣ битвы. Историкъ говоритъ, что сто–шесдесятъ тысячъ убитыхъ и раненныхъ лежало на полѣ. Римляне видѣли, что Аттила побѣжденъ и что онъ самъ сознаётся въ этомъ, невыходя изъ–за ограды стана;

но не рѣшались напасть на самый станъ. Римляне и Готѳы, послѣ совѣщанія, рѣшились держать Гунновъ въ осадѣ, непринуждая ихъ къ отчаянной борьбѣ за укрѣпленіями.

Теодорихъ былъ найденъ на другой день между убитыми, и гадатели хвалились, что предсказали смерть его. Аттила понималъ иначе ихъ предсказанія: ему нужна была смерть Аэція. Между-тѣмъ кончина Теодориха дала новый оборотъ войнѣ. Торизмондъ, провозглашенный визиготѳскимъ королемъ на полѣ битвы, боялся, чтобъ братья его, оставшіеся въ Тулузѣ, не воспользовались его отсутствіемъ, и, собравъ приверженцевъ, не объявили себя независимыми. Онъ потребовалъ у Аэція приступа къ стану Аттилы, чтобъ потомъ возвратиться съ своими войсками въ Тулузу. Аэцій не согласился измѣнить своего плана, и тогда Торизмондъ объявилъ, что отдѣлится отъ Римлянъ. Аэцій равнодушно принялъ это объявленіе, и Визиготѳы оставили Римлянъ.

Аттила съ величайшею радостью узналъ объ этомъ. Онъ тотчасъ же велѣлъ заложить всѣ телеги и съ торжествомъ побѣдителя двинулся въ обратный путь. Аэцій, армія котораго убавилась наполовину, преслѣдовалъ его издали, препятствуя только отрядамъ Гунновъ отдѣляться для грабежа. Однакожь, и при этомъ отступленіи всѣ дороги усѣяны были мертвыми и отставшими Гуннами.

Такимъ образомъ кончился походъ Аттилы. Полумильйонное войско его разстроилось, уменьшилось, упало духомъ. Галлія и Римъ были спасены. Этимъ обязаны были Аэцію: безъ его усилій, военныхъ способностей и мужества, Западъ погибъ бы. Шалонская побѣда отдалила еще на нѣсколько времени паденіе Западной Имперіи.

6.

Вторженіе Аттилы въ Италію. — Взятіе Аквилеи. — Посольство папы.

Побѣжденъ ли былъ Аттила? Онъ увѣрялъ, что не побѣжденъ, и въ глазахъ своего народа былъ правъ. Возвратиться изъ похода здравымъ и невредимымъ, съ бо̀льшею частью войскъ и съ обозомъ, наполненнымъ добычею — это было вовсе не пораженіе, по идеямъ тогдашнихъ кочевыхъ народовъ; притомъ же Аттила явился на слѣдующій годъ въ Италіи съ новою, свѣжею и благоустроенною арміею.

Впрочемъ, не одни Гунны утверждали, что Аттила непобѣжденъ. Завистники Аэція еще громче ихъ говорили то же самое. Даже тѣ, каторые признавали побѣду Римлянъ, приписывали ее Теодориху и Визиготѳамъ. Ненависть говорила еще больше: она утверждала, что защитникъ Галліи, побѣдитель при Шалонѣ и искусный тактикъ, который, можетъ-быть, истребилъ бы Гунновъ, всѣхъ до послѣдняго, еслибъ Визиготѳы не оставили его — пе-

что-иное какъ измѣнникъ, нарочно-позволившій Аттилѣ бѣжать, чтобъ быть самому необходимымъ для имперіи.

Эти клеветы, повторяемыя разными писателями того времени, ослабляли нравственную власть Аэція, которая была еще такъ нужна ему. Надобно признаться, однакожь, что Аэцій усиливалъ всеобщую вражду къ себѣ непомѣрною гордостью.

По окончаніи похода, Аэцій возвратился въ Италію съ своими легіонами. И теперь, при появленіи Аттилы за Альпами, этихъ войскъ было слишкомъ-недостаточно для защиты имперіи. Не было ужь ни вспомогательныхъ войскъ изъ Галліи, ни волонтёровъ изъ варваровъ, ни патріотическаго порыва, который одушевлялъ всѣхъ въ прошедшемъ году — никто не думалъ о сопротивленіи. Одинъ изъ современниковъ печально говоритъ, что страхъ предавалъ врагу всю Италію безъ всякой защиты.

Посреди всеобщаго ужаса, Аэцій отправилъ въ Константинополь посольство съ просьбою о помощи у императора Маркіана. Самъ же онъ, неимѣя возможности съ слабыми силами защищать въ одно время Равенну и Римъ, рѣшился пожертвовать первымъ городамъ и перевезъ Валентиніана III въ Римъ, починивъ стѣны его и сосредоточивъ войска свои за рѣкою По.

Между-тѣмъ Аттила вступилъ въ Италію. Выступя посреди зимы, онъ пошелъ по кратчайшей дорогѣ и вскорѣ перешелъ черезъ Изонцу. Отъ этой рѣчки до Аквилеи простирается открытая равнина, обсаженная деревьями и виноградниками. Плодородіе и растительность этой страны славилась до того времени. Но когда армія Гунновъ прошла по ней, остался одинъ пепелъ и развалины.

У стѣнъ Аквилеи встрѣтилъ Аттила первое сопротивленіе. Этотъ городъ важенъ былъ какъ въ торговомъ, такъ и въ военномъ отношеніяхъ. Жители его были въ одно время купцами, воинами и моряками. Цѣлыя пять-сотъ лѣтъ обогащались они размѣномъ произведеній Илиріи, Панноніи и задунайскихъ странъ на итальянскія издѣлія. Гавань, почитаемая лучшею въ Адріатическомъ Морѣ, стояла отъ города на четыре мили, при устьѣ рѣки. Искусство и природа соединились къ укрѣпленію этого города. Онъ слылъ неприступнымъ. Аларикъ не могъ взять его, и только однажды Юліанъ, въ 361 году, овладѣлъ имъ въ-расплохъ. Тогда городъ этотъ объявилъ себя въ пользу императора Костанція, и Юліанъ осадилъ его. Городъ сильно сопротивлялся, истощилъ всѣ усилія искусства и мужества; осаждавшіе прибѣгли къ военной хитрости, оставшейся памятною въ исторіи поліорцетики. Связавъ три большіе корабля вмѣстѣ и соединивъ ихъ подъ одну палубу, построили на ней три высокія башни, равнявшіяся высотою съ аквилейскою стѣной. Къ этимъ башнямъ придѣланы были подъемные мосты съ крючьями. Пустивъ эту новую машину по теченію рѣки, солдаты, бывшіе на башняхъ, прицѣпились крюками къ стѣнамъ, опустили подъемные мосты, бросились со стѣнъ

въ городъ и ударами топоровъ разбили ворота для впуска всего войска.

Хотя у Аттилы были такіе же храбрые воины, которые рѣшились бы на подобный подвигъ, но у него не было людей, которые придумали бы какую-нибудь военную хитрость. Впрочемъ, онъ и не думалъ о подобныхъ средствахъ, и дѣйствовалъ противъ Аквилеи обыкновеннымъ образомъ: таранами, подкопами, приступомъ. Все это было неуспѣшно. Гарнизонъ, при содѣйствіи жителей, отражалъ нападенія.

Такъ прошло три мѣсяца. Начинались жары, показывался недостатокъ въ пищѣ, потому-что все вокругъ было опустошено. Наконецъ получено было извѣстіе, что помощь отъ восточнаго императора прибыла и вышла на берегъ; распространился даже слухъ, что Маркіанъ намѣренъ былъ произвесть высадку въ Паннонію, чтобъ отрѣзать отступленіе Аттилы. Гунны, терявшіе всегда бодрость, когда надобно было сражаться противъ каменныхъ стѣнъ, и вспомнившіе свою неудачу во время осады Орлеана, начинали роптать и жаловаться. Огорченный Аттила не зналъ, что̀ дѣлать. Продолжать путь далѣе, оставя позади себя Аквилею, было бы ошибкою и неблагоразуміемъ; сознаться побѣжденнымъ и отступить—это былъ стыдъ, котораго ему не простили бы даже варвары, нелюбившіе возвращаться безъ добычи. Слѣдственно, надобно было взять Аквилею во что̀ бы ни стало.

Незначущій случай, который былъ бы оставленъ другимъ безъ вниманія, отдалъ этотъ городъ во власть Аттилы и придалъ Гуннамъ новую, почти сверхъестественную силу.

Однажды, гуляя въ-раздумьи около стѣнъ и стараясь придумать какое-нибудь средство къ овладѣнію городомъ, Аттила вдругъ увидѣлъ журавлей, перелетавшихъ съ одной обрушившейся городской башни, изъ Аквилеи, въ поле. Младшихъ дѣтёнышей несли на себѣ старые журавли, а годовалые летѣли подлѣ нихъ, повинуясь указанію передоваго.

«Посмотрите, сказалъ Аттила, оборотясь къ своей свитѣ: — эти журавли предчувствуютъ близкое паденіе города. Они не хотятъ раздѣлять участь жителей и заранѣе спасаются. Предсказаніе это вѣрно. Эти животныя такъ же предвидятъ бѣдствіе, какъ и приближеніе зимы. Теперь нѣтъ сомнѣнія, что городъ будетъ нашъ.»

Слова эти, нарочно сказанныя Аттилою для ободренія войска, тотчасъ же разнеслись по лагерю. Разсчетъ Аттилы былъ вѣренъ. Предсказаніе сильно подѣйствовало на умы: чрезвычайное рвеніе овладѣло Гуннами. Они бросились къ стѣнобитнымъ орудіямъ, устроили новыя, приставили ихъ къ городу, произвели отчаянный приступъ и овладѣли наконецъ Аквилеею, разбивъ ее и раздѣливъ между собою добычу.

Цѣлое столѣтіе спустя, историкъ Іорнандъ разсказываетъ, что отъ этого несчастнаго города остались только самые жалкіе слѣды, какъ-будто для того, чтобъ указать мѣсто его существова-

нія. Ужасное опустошеніе заставило разбѣжаться все народонаселеніе Венетовъ; Конкордія, Альтинумъ, Падуа отворили свои ворота Гуннамъ; но бóльшая часть жителей этихъ странъ и городовъ разбѣжалась. Они спаслись на прибрежные острова Адріатическаго Моря, которые во время прилива почти заливала вода, и которые были дотолѣ посѣщаемы одними морскими птицами и рыбаками. Тамъ поселились бѣглецы на лагунахъ и изъ этого жалкаго сброда возникла потомъ великолѣпная Венеція, расположившаяся на семидесяти-двухъ островахъ. Городъ этотъ возникъ, впрочемъ, не вдругъ. Черезъ полвѣка послѣ вторженія Аттилы, венеціанскій архипелагъ представлялъ еще слабое и бѣдное, хотя дѣятельное и промышленное народонаселеніе.

Опустошивъ область Венетовъ, Гунны перешли въ Лигурію, съ которою поступили точно такъ же. Въ исторіи упоминается только о двухъ разрушенныхъ и опустошенныхъ городахъ: Миланѣ и Тацинумѣ, но преданіе утверждаетъ, что всѣ города подверглись одинаковой участи, и это, по несчастію, вѣроятнѣе. Верона, Мантуа, Брешія, Бергамо, Кремона были, конечно, тоже опустошены.

Время шло, между-тѣмъ, впередъ; начинался іюль. Жары развили между Гуннами болѣзни, усилившіяся отъ разгульной жизни побѣдителей, которые весьма желали возвратиться домой съ награбленными богатствами.

Климатъ былъ всегда вѣрнымъ помощникомъ Италіи противъ непріятелей, вторгавшихся въ нее съ сѣвера. Онъ сражался усердно за Римлянъ и оправдывалъ всѣ предсказанія Аэція. Гунны сами себя обезсиливали и истребляли. Излишества произвели въ ихъ станѣ голодъ, а потомъ чуму. Транспаданская Область не могла ужь питать варваровъ.

Въ этомъ положеніи Аттила долженъ былъ на что-нибудь рѣшиться. Перейдти черезъ По, идти смѣло къ Риму, пробиться сквозь тѣснины Апеннинов и принудить Аэція къ битвѣ, которой тотъ, повидимому, избѣгалъ—вотъ чтó казалось всего приличнѣе для гордости Аттилы. Но армія не одобряла этого намѣренія; и воины, и полководцы желали окончанія похода съ тѣмъ, чтобъ возобновить его на другой годъ, лишь бы въ этомъ году увезти домой всѣ награбленныя сокровища.

Къ этой главной мысли присоединилась и другая. Суевѣрный страхъ поражалъ Гунновъ при мысли идти на приступъ Рима, хотя неприкосновенность этой всемірной столицы оскорблена ужь была Аларикомъ, и власть ея, такъ часто унижаемая варварами, составляла ужь пустое слово; но названіе Рима все-еще говорило сердцу и воображенію. Поднять мечъ противъ Рима — казалось святотатствомъ. Даже Аларикъ, опустошавшій Римъ, служилъ оправданіемъ суевѣрной боязни, потому-что онъ вскорѣ послѣ побѣды своей погибъ быстро и неожиданно.

Даже сердце Аттилы нечуждо было этого чувства. Сверхъ-того, онъ узналъ, что армія Маркіана идетъ къ Панноніи, съ намѣреніемъ

напасть на него при выходѣ изъ Альпъ и отрѣзать отступленіе. Долго колебался Аттила между всегдашнею своею осторожностью и желаніемъ совершить блистательный ударъ. Приказавъ войскамъ сосредоточиться ниже Мантуи, при сліяніи По и Минчіо на большой дорогѣ, ведущей въ Римъ черезъ Апеннины, онъ самъ явился на сборное мѣсто, нерѣшивъ еще будущаго плана дѣйствій.

Движеніе арміи Гунновъ распространило въ Римѣ всеобщій страхъ. Тамъ вовсе не подозрѣвали, чтобъ имя города ихъ внушало еще какое-нибудь уваженіе. Императоръ, сенатъ и народъ рѣшили, что надобно смириться предъ побѣдителемъ и склонить его къ пощадѣ города. Просьбы, подарки, даже обѣщаніе дани — все рѣшено было употребить въ дѣло, лишь бы спастись отъ ужасовъ осады.

Нѣкогда Римъ отказывался вступать въ переговоры съ непріятелемъ, который былъ ужь подъ стѣнами его. Теперь вѣчный городъ спѣшилъ сдѣлать мирныя предложенія, прежде нежели врагъ рѣшился идти къ Риму.

Молчаніе исторіи оправдываетъ Аэція во всякомъ участіи при этихъ переговорахъ. Онъ былъ въ арміи и придумывалъ средства къ избавленію Рима. Для мирныхъ предложеній назначенъ былъ самъ папа и два сенатора, изъ которыхъ одинъ былъ Геннадій Авіенъ.

Папа правилъ тогда духовными дѣлами Рима съ славою и могуществомъ. Онъ былъ нрава кроткаго и прямодушнаго; глубокія познанія соединялись въ немъ съ даромъ краснорѣчія; его и прежде употребляли для переговоровъ. Въ 440 году, когда онъ еще былъ діакономъ, Плацидія отправляла его прекратить ссору, возникшую между Аэціемъ и галльскимъ префектомъ Альбиномъ, и грозившую междоусобной войной на Западѣ. Посланникъ успѣлъ примирить вражду. Въ эту самую минуту избранъ онъ былъ заочно въ Римѣ папою, хотя и не имѣлъ еще пресвитерскаго званія—такъ велики были его добродѣтели и всеобщее уваженіе къ нему! Съ-тѣхъ-поръ онъ ежедневно возвышался мудростью и опытностью. Исторія изображаетъ его старцемъ высокаго роста, съ благороднымъ, выразительнымъ лицомъ и сѣдыми волосами.

Посланники торопились встрѣтить Аттилу прежде, нежели онъ перейдетъ черезъ По. Они нашли его ниже Мантуи на Амбулейскомъ Полѣ, гдѣ былъ бродъ черезъ Минчіо.

Это была важная минута въ исторіи Рима. Два потомка прежнихъ завоевателей всего извѣстнаго міра и первосвященникъ новой вѣры, подъ сѣнь которой стремились ужь всѣ народы, шли къ королю варваровъ предлагать ему окупъ за спасеніе капитолія. Такъ же важна была эта минута и для Аттилы. Исторія доказываетъ намъ, что, несмотря на всю жадность къ золоту, Аттила предпочиталъ добычѣ славу и почести. Мысль—видѣть у ногъ своихъ Римъ, умоляющій о пощадѣ, наполняла сердце его радостью, которую онъ не умѣлъ скрыть. Быть признаннымъ побѣдителемъ Рима, значило для варвара то же, что́ въ-самомъ-дѣлѣ

побѣдить Римъ; притомъ же Аттила видѣлъ, что Аэцій будетъ униженъ и обязанъ принять миръ. Личное самолюбіе и гордость Гунна были удовлетворены. Онъ могъ теперь возвратиться безъ стыда.

Подъ вліяніемъ этихъ чувствъ, велѣлъ онъ представить себѣ римскихъ пословъ и принялъ ихъ со всею ласковостью, къ какой былъ способенъ.

Въ исторіи описана одежда главнаго лица посольства. На папѣ была митра изъ золотой парчи, округленная на восточный образецъ. Сверхъ далматика надѣта епископская мантія (полліумъ) изъ темно-пурпуровой ткани, украшенная на правомъ плечѣ небольшимъ крестомъ, а на лѣвой сторонѣ другимъ, побольше. Аттила принялъ папу со всѣми знаками уваженія. Первосвященникъ изложилъ королю Гунновъ всѣ предложенія Валентиніана и сената. Въ какихъ выраженіяхъ сдѣлалъ онъ это? Какимъ чудомъ убѣдилъ онъ гордаго варвара? исторія не говоритъ объ этомъ. Современный лѣтописецъ Просперъ Аквитанскій, бывшій секретаремъ папы и сотрудникомъ во многихъ его сочиненіяхъ, говоритъ только, что папа возложилъ въ этомъ случаѣ всю надежду на Бога, и что успѣхъ увѣнчалъ это упованіе.

Миръ заключенъ былъ въ іюлѣ. По странности нрава, однакожь, или по разсчету, чтобъ имѣть всегда предлогъ къ войнѣ, Аттила объявилъ посламъ, что требуетъ все-таки свою старинную невѣсту, Гонорію, и чтобъ ее прислали къ нему въ столицу Гунновъ; иначе онъ будущею весною самъ пріидетъ за нею съ другою арміею.

На возвратномъ пути шелъ онъ ужь другой дорогой, боясь встрѣтиться съ арміею Маркіана въ Панноніи. Онъ поднялся вверхъ по Аддо и вступилъ въ Норійскія Альпы, гдѣ, несмотря на заключенный миръ, разграбилъ городъ Августу (Аугсбургъ). При переходѣ черезъ рѣку Лехъ, текущую близь этого города и впадающую въ Дунай, странный случай распространилъ между Гуннами суевѣрный страхъ. Въ ту минуту, какъ Аттила въѣзжалъ въ рѣку, чтобъ переѣхать ее въ бродъ, какая-то женщина въ лохмотьяхъ, похожая на паннонійскую колдунью или древнюю галльскую жрицу, бросилась къ нему, схватила лошадь подъ уздцы и три раза торжественно вскричала: «Назадъ, Аттила, назадъ!» какъ-бы предсказывая, что въ концѣ пути ждетъ его несчастіе.

Восточно-римская армія занимала ужь Мизію, готовясь вторгнуться во владѣнія Гунновъ, когда получила извѣстіе о мирѣ, заключенномъ между Аттилою и Валентиніаномъ. Поэтому она и не начинала военныхъ дѣйствій. Однакожь, Аттила послалъ сказать Маркіану, что если дань, которую обязался заплатить ему Ѳеодосій II, не будетъ выслана тотчасъ, онъ самъ за нею явится весною въ константинопольскій дворецъ. Но Маркіанъ былъ не такъ уступчивъ, какъ Валентиніанъ; на угрозы отвѣчалъ онъ угрозами, на наборы войскъ Аттилы — дѣятельными мѣрами къ защитѣ имперіи.

*

Въ этомъ же 452 году Гунны имѣли нѣсколько сраженій съ Аланами, кавказскимъ народомъ, взбунтовавшимся противъ Гунновъ.

Зиму провелъ Аттила спокойно на берегахъ Дуная, готовясь къ походу слѣдующаго года; но по завѣтамъ Провидѣнія, годъ этотъ принадлежалъ ужь не ему.

7.

Смерть Аттилы. — Имперія его распадается.

Въ столицѣ Аттилы и въ деревянномъ дворцѣ его, гдѣ недавно пировалъ Максиминъ, Прискъ, Вигиласъ и Эдеконъ, готовилось снова большое празднество. Въ залѣ пиршества дѣятельно разносились кубки. Поэты Гунновъ и скальды Готѳовъ пѣли гимны. Хоры дѣвицъ наполняли воздухъ пѣснями, выражавшими торжество любви. Аттила вступалъ въ новый бракъ. Новая супруга, присоединяемая имъ къ толпѣ другихъ женъ его, была молодая дѣвушка рѣдкой красоты, по имени Ильдика, или Ильдегонда, германскаго происхожденія.

Въ германскихъ преданіяхъ сказано, что Аттила, для овладѣнія сокровищами родителей этой дѣвушки, умертвилъ ихъ за нѣсколько лѣтъ предъ тѣмъ, а теперь почувствовалъ любовь къ дочери. У Гунновъ и Монголовъ это часто дѣлалось. Развратъ извинялся политикою. Жестокое право войны, истребляющее враговъ, принуждало потомъ стараться о примиреніи побѣжденныхъ. Побѣдитель часто вступалъ въ бракъ съ вдовою, или дочерью владѣтеля, котораго только-что умертвилъ. Это было одною изъ главныхъ причинъ частыхъ браковъ завоевателей Азіи. Чингисханъ и преемники его имѣли множество подобныхъ женъ, сдѣлавшихся жертвою войны и политики, и охотно покорявшихся своей участи.

Но между племенами Германіи, гдѣ женщины пользовались большимъ нравственнымъ вліяніемъ, происходящимъ отъ друидической вѣры, подобные браки не могли встрѣтить такого же послушанія, какъ въ Азіи, гдѣ женщины осуждены съ младенчества на невольничество. Преданіе, говоря объ этомъ, указываетъ на разгадку тайны этого кроваваго брака.

Аттила сильно плѣнился красотою Ильдики и во время брачныхъ пиршествъ предавался всѣмъ излишествамъ радости. Деревянная чаша наполнялась виномъ чаще обыкновеннаго, и когда, по словамъ историка Іорнанда, Аттила изъ залы пиршества вступилъ въ брачную опочивальню, голова его была отягчена виномъ и сномъ.

На другое утро онъ не выходилъ изъ спальни. Прошла часть дня, и въ комнатѣ этой, которая была заперта, не слышно было ни малѣйшаго шума, ни движенія. Приближенные начали безпо-

коиться. Они стали звать Аттилу сквозь запертую дверь. Никто не отвѣчалъ на зовъ. Сломали дверь, и увидѣли Аттилу, лежащаго на брачномъ ложѣ, облитомъ кровью. Молодая супруга его сидѣла у изголовья проливая слезы.

Раздались всеобщіе вопли. Печаль и ярость овладѣли Гуннами. Одни обрѣзывали свои волосы въ знакъ печали, другіе наносили себѣ кинжалами глубокія раны по лицу, говоря, по словамъ того же историка, что, для оплакиванія смерти такого человѣка, нужны были не слезы женщинъ, а кровь мужей.

Изъ ограды дворца вѣсть эта быстро перенеслась по всей столицѣ, а оттуда по всей имперіи отъ береговъ Дуная до Уральскихъ Горъ. Всѣ народы, подвластные Аттилѣ, выражали искреннюю печаль о кончинѣ его.

Чтó происходило въ эту ужасную ночь? Слухи были различны и противорѣчущи. Но самое стараніе предводителей Гунновъ объяснить смерть Аттилы, естественнымъ образомъ, указывало на вѣроятность насильственной кончины. Увѣряли, что Ильдика поразила ножемъ своего соннаго мужа, и что даже оруженосецъ Аттилы помогалъ ей въ этомъ злодѣяніи. Говорили даже, что убійство совершено по наущенію Аэція.

Германскія преданія говорятъ только, что убійство совершено молодою супругою, по чувству мести и ненависти къ человѣку, ограбившему и убившему ея родителей.

Гунны, напротивъ того, старались доказать, для предупрежденія всякихъ подозрѣній, что Аттила умеръ отъ апоплексическаго удара; что онъ и прежде былъ подверженъ кровотеченіямъ изъ носа; что подобный припадокъ, вѣрно, съ нимъ случился во снѣ, когда онъ лежалъ на спинѣ и что кровь, не найдя себѣ пути для выхода, бросилась въ горло и задушила его. Сыновья Аттилы, царедворцы, предводители войска, всѣ подтверждали то же самое, руководствуясь благоразуміемъ, политикою и гордостью.

Похороны этого властителя варварскаго міра были празднуемы великолѣпно. У воротъ дворца поставлена была шелковая палатка и въ ней выставлено тѣло Аттилы на богатомъ катафалкѣ. Отборнѣйшіе всадники составляли вокругъ палатки военныя игры въ видѣ примѣрныхъ сраженій.

Поэты и воины пѣли на языкѣ Гунновъ похоронную пѣснь, которую во времена Іорнанда сохраняли еще готскія преданія. Мы передаемъ ее въ томъ видѣ, какъ этотъ историкъ записалъ ее:

«Величайшій король Гунновъ, Аттила, сынъ Мундзуха, властитель храбрыхъ народовъ, покорилъ своей власти Скиѳію и Германію. Взятіемъ множества городовъ устрашилъ онъ и Восточную и Западную Римскую Имперію. Обѣ боялись, чтобъ онъ не простеръ своихъ побѣдъ еще далѣе, и смягчили его просьбами и ежегодною данью. Совершивъ эти подвиги, благопріятствуемый величайшимъ счастьемъ, онъ скончался не подъ ударами непріятелей, не отъ измѣны своихъ приближенныхъ, а посреди радостныхъ празднествъ, въ нѣдрахъ торжествовавшей столицы, безъ

малѣйшей болѣзни и страданій. Кто же будетъ воспѣвать эту смерть, за которую никому не нужно мстить?»

Вся армія, составивъ кругъ около палатки его, повторяла этотъ хоръ съ ужасными завываніями. Послѣ этихъ выраженій горести, настала *страва*, то-есть похоронный пиръ, на которомъ много ѣли, и еще больше пили, потому-что варвары всегда напиваются на похоронахъ.

Тѣло Аттилы было положено въ три гроба: первый золотой, второй серебряный, третій желѣзный. Это означало, что онъ всѣмъ владѣлъ: желѣзомъ — для покоренія враговъ, золотомъ и серебромъ — для обогащенія подвластныхъ ему народовъ. Его похоронили ночью. Подлѣ него положили въ могилу непріятельское оружіе и богатую утварь, достойную его сана. А чтобъ скрыть всѣ эти сокровища отъ алчности грабителей, умертвили работниковъ, копавшихъ его могилу.

Разумѣется, лѣтописцы разсказываютъ о разныхъ предвѣстіяхъ и явленіяхъ, сопровождавшихъ смерть Аттилы. Говорятъ, что императоръ Маркіанъ видѣлъ во снѣ въ эту самую ночь переломленный лукъ. Это было предзнаменованіе паденія могущества Гунновъ.

Дѣйствительно, съ жизнью Аттилы кончилось это могущество. Основавъ имперію, почти столь же обширную какъ имперія Александра Македонскаго, онъ оставилъ ее на произволъ тѣхъ же случайностей, какъ и македонскій завоеватель.

Дѣти Аттилы, рожденныя въ разныхъ странахъ и отъ разныхъ матерей, составляли многочисленное племя, незнакомое другъ съ другомъ. Преданія насчитываютъ больше пятидесяти взрослыхъ сыновей Гунна. Исторія называетъ семерыхъ, достигшихъ до зрѣлаго возраста: Эллаха, Деньгузиха, Эмнездара, Узиндура, Уто, Искальма и Гернаха; послѣдній былъ младшій и любимѣйшій сынъ. Старшій, Эллахъ, рожденный отъ любимой супруги Керки, одинъ былъ въ-состояніи поддержать могущество отца. Такъ думалъ Аттила и не разъ указывалъ на Эллаха какъ на своего будущаго преемника и главу семейства. Но прочіе сыновья не согласны были повиноваться Эллаху. Едва отецъ сошелъ въ могилу, какъ вражда между сыновьями вспыхнула, и Эллахъ принужденъ былъ произвести между ними равный раздѣлъ областей всей имперіи.

Вскорѣ произошли и другія событія, ускорившія разрушеніе могущества Гунновъ. Король Гепидовъ, Ардарикъ, мудрый и вѣрный совѣтникъ Аттилы, первый возсталъ противъ сыновей его. Онъ сдѣлалъ воззваніе къ Германцамъ — Остроготѳы, Герулы и Свевы отложились; остальные народы съ племенами Сарматовъ и Алановъ стали на сторонѣ Гунновъ. А какъ на лѣвомъ берегу Дуная имъ было тѣсно, они перешли въ Паннонію, чтобъ тамъ сразиться между-собою. Для Римлянъ было это пріятнымъ зрѣлищемъ, когда варвары стали истреблять другъ друга. Бѣлые и черные Гунны, Готѳы, Аланы, Гепиды,

Герулы, Руги, Скиры, Туркилинги, Сарматы, Свевы, Квады, Маркоманны начали вести между собою самую ожесточенную войну.

Произошло одно рѣшительное сраженіе, въ которомъ Гепиды остались побѣдителями. Тридцать тысячъ Гунновъ и подвластныхъ имъ племенъ остались на полѣ битвы. Эллахъ погибъ, оказавъ чудеса храбрости.

Тогда всѣ эти народы разсѣялись. Деньгизихъ съ бо́льшею частью дѣтей Аттилы возвратился на берега Днѣстра, Чернаго и Азовскаго Морей, гдѣ долгое время существовало еще племя Гунновъ. Гернахъ съ четырьмя братьями проникъ въ Римскую Дакію и Малую Скиѳію, покорился восточному императору и получилъ отъ него земли для поселенія.

Ардарикъ расположился съ Гепидами на берегахъ Тейсы и Дуная, тамъ, гдѣ прежде сосредоточивалась власть Гунновъ. Немногія племена остались въ Карпатскихъ Горахъ. И теперь еще есть округъ въ Трансильваніи, гдѣ живетъ племя, несмѣшивающееся ни съ однимъ изъ окружающихъ его народовъ—это Секлеры, выдающія себя за прямыхъ потомковъ Аттилы. Мнѣніе это распространено во всей Венгріи, и историки упоминаютъ о немъ уже съ XIII-го вѣка.

Дѣйствительно, Гунны, отказавшіеся отъ покровительства Римлянъ и искавшіе защиты отъ германскихъ племенъ, могли найдти тутъ безопасное убѣжище.

Германскія племена разсѣялись по Паннонiи и имперіи. Три остроготѳскіе короля заняли Паннонію: Валамиръ въ восточной части этой области, Теодомиръ около Пельзодскаго (нынѣ Нейзидельскаго) озера, а Видемиръ между ними. Византійская Имперія ласкала ихъ, боялась и платила имъ дань, какъ гостямъ и союзникамъ. Изрѣдка, соскуча бездѣйствіемъ, они условливались между собою кому изъ нихъ идти на грабежъ Востока, или Запада.

Прочіе варвары дѣлали то же. Руги, Скиры, Туркулинги проникали до южнаго склона Альпъ и были приняты въ Италіи. Имъ дали оружіе и знамена и назвали ихъ римскою арміею. Дѣйствительно, это была тогда единственная благоустроенная сила западнаго Рима.

Смерть Аттилы, произведшая такое передвиженіе народовъ была вмѣстѣ съ тѣмъ причиною разрушенія Западной Имперіи. До-тѣхъ-поръ имперія эта держалась только геніемъ Аэція; но когда не стало Аттилы, Римъ вздохнулъ свободнѣе и Аэцій сдѣлался ненуженъ ему. Послѣдній миръ, заключенный съ Аттилою, доказывалъ, что Римъ можетъ обойдтись и безъ Аэція. Царедворцы возстали на него, стали обвинять его, народная любовь охладѣла къ нему, а онъ ничего не видѣлъ, ничего не подозрѣвалъ. Наконецъ шайка наемныхъ злодѣевъ завлекла его въ западню — и самый низкій изъ всѣхъ Римлянъ того времени, измѣннически умертвилъ *послѣдняго Римлянина.*

Три мѣсяца спустя Гензерихъ взялъ и разграбилъ Римъ.

Можно сказать, что послѣ смерти Аэція не было ужь въ Римѣ настоящаго императора. Варвары господствовали повсюду. Сперва овладѣли они властью, а потомъ и землями. Прежняя свита Аттилы была разсадникомъ дѣятельныхъ и предпріимчивыхъ людей, которые потомъ принимали участіе во всѣхъ событіяхъ второй половины V-го вѣка.

Орестъ, сдѣлавшійся начальникомъ тѣлохранителей императора Непота, провозгласилъ потомъ собственнаго своего сына Ромула императоромъ. Его-то исторія прозвала Августуломъ (маленькимъ Августомъ). При немъ Руги, Скиры, Туркулинги потребовали себѣ раздѣла всей Италіи. Когда же онъ отказалъ имъ, Одоакръ предводитель Геруловъ, взялся самъ произвесть этотъ раздѣлъ. Третья часть Италіи отдана бывшимъ солдатамъ Аттилы, и Одоакръ назвалъ себя римскимъ королемъ.

Преемникомъ его былъ Теодорихъ, сынъ остроготскаго короля Теодомира, бывшаго предводителемъ войскъ Аттилы.

Въ восточной Европѣ духъ Аттилы долго еще оживлялъ раздробленные остатки Гунновъ. Многіе изъ сыновей короля Гунновъ были храбрыми полководцами и часто прокладывали себѣ дорогу на берега Дуная. Три вѣка еще владычествовали они на Востокѣ подъ названіемъ: Утургуровъ, Кутругуровъ, Аваровъ, Болгаровъ, Хозаровъ, покуда, наконецъ, Гуннугары, или Унгры (Венгры), не основали въ VIII-мъ вѣкѣ могущественнаго государства, дожившаго до нашихъ временъ.

III.

Падающія звѣзды.

Астрономія, стараясь проникнуть въ главныя тайны нашей міровой системы, устремилась также въ изслѣдованіе вселенной. Долго смѣшивали эти два предмета, но въ нынѣшнемъ состояніи науки между ними огромная разность. Наша міровая система состоитъ изъ солнца, планетъ, спутниковъ ихъ и кометъ. Въ этой системѣ солнце занимаетъ фокусъ всѣхъ эллипсовъ, и, по законамъ тяготѣнія, совершаются въ ней вѣчно-правильныя и неизмѣнныя движенія. Вселенная же наполняетъ все остальное безпредѣльное пространство съ миріадами звѣздъ, млечныхъ путей, туманныхъ пятенъ и недоступныхъ нашему зрѣнію и воображенію міровыхъ системъ. Наша солнечная система, какъ она ни огромна для насъ, представляетъ во всемъ мірозданіи одну незамѣтную точку. Это маленькій островокъ въ безмѣрномъ океанѣ мірозданія. Огромныя бездны отдѣляютъ этотъ островокъ отъ другихъ, ему подобныхъ, потому-что ближайшія къ намъ міровыя системы въ двѣсти тысячъ разъ дальше, нежели солнце отъ земли. Онѣ не имѣютъ никакого вліянія на нашу систему, не-

обнаруживая явленій ни притяженія, ни теплоты. Въ эллиптическихъ фокусахъ этихъ міровыхъ системъ находятся такія же самосвѣтящіяся солнцы, какъ наше; они намъ представляются одиѣми блестящими точками, украшающими наши ночи своимъ спокойнымъ и холоднымъ свѣтомъ.

Новѣйшая астрономія пыталась проникнуть и за эти бездны. Безмѣрность разстояній чрезвычайно затрудняетъ ея усилія, но попытки были, однакожь, несовершенно-безплодны. Открыты и изслѣдованы многія туманныя пятна. Замѣчено странное сочетаніе нѣкоторыхъ звѣздъ, вращающихся одна около другой и давшихъ возможность утвердить, что законы тяготѣнія, управляющіе нашею міровою системою, дѣйствуютъ на всемъ неизмѣримомъ пространствѣ мірозданія. Наконецъ дошли до того, что могли опредѣлить, хотя приблизительно, разстояніе нашей земли отъ ближайшихъ звѣздъ. Съ этимъ вмѣстѣ открыли, что вся наша міровая система увлекается, слѣдуя за солнцемъ по неизвѣстному еще эллипсу, который, вѣроятно, описываетъ около другаго центральнаго тѣла. Узнана часть направленія этого поступательнаго движенія; если будущія поколѣнія откроютъ и всѣ элементы этого огромнаго эллипса, то открытіе это будетъ чрезвычайно-важно даже для нашей земли. Кто знаетъ: одинаковаго ли свойства все небесное пространство, черезъ которое мы проходимъ вмѣстѣ съ солнцемъ? Будущее откроетъ чрезвычайно-любопытные факты касательно этого вопроса. До-сихъ-поръ извѣстно, что температура проходимыхъ нами небесныхъ пространствъ равняется 50 или 60 градусамъ ниже нуля по Реомюру, и какъ, повидимому, ни силенъ этотъ холодъ, но онъ составляетъ одно изъ условій нашей планетной жизни.

Земля составляетъ нераздѣльную часть нашей міровой системы. Связи, соединяющія всѣ тѣла этой системы, обнаруживаются на каждомъ шагу, и наука расположила ихъ уже систематически и по извѣстнымъ законамъ. Но нѣкоторыя явленія этой общей связи оставались до-сихъ-поръ неразгаданными, поражая воображеніе странными случайностями. Къ числу ихъ принадлежатъ и *огненные метеоры*.

Видя ихъ въ трехъ различныхъ видахъ, мы дали имъ три разныя названія, а именно: *падающихъ звѣздъ*, *огненныхъ шаровъ* (болидовъ) и *воздушныхъ камней* (аэролитовъ).

Падающія звѣзды представляютъ явленія блестящихъ огоньковъ, которые, въ видѣ звѣздъ, пробѣгаютъ извѣстную часть воздушнаго пространства и исчезаютъ.

Огненные шары являются въ большемъ размѣрѣ и на продолжительнѣйшее время освѣщаютъ горизонтъ.

Воздушные камни представляютъ явленіе съ сильнымъ шумомъ и свѣтомъ падающихъ на землю камней изъ атмосферы.

Древніе историки оставили намъ много разсказовъ о подобныхъ явленіяхъ. Въ 78-ю олимпіаду (за 467 лѣтъ до Р. Х.) упалъ большой камень близь рѣки Эгос-Потмоса, гдѣ потомъ Лизандръ

окончилъ пелопоннезскую войну, побѣдивъ Аѳинянъ. Этотъ камень былъ величиною съ телегу и обгорѣлаго цвѣта. Такъ-какъ эти камни падали съ неба, то древніе вносили ихъ въ храмы и покланялись имъ.

Титъ Ливій разсказываетъ о многихъ каменныхъ дождяхъ, послѣ которыхъ всегда совершались публичныя жертвоприношенія, чтобъ смягчить гнѣвъ боговъ.

Въ новѣйшія времена число этихъ разсказовъ увеличилось, потому-что люди стали внимательнѣе ко всѣмъ явленіямъ природы. Въ 1627 году Гассенди сообщаетъ, что на гору Везе, между городами Гюльйомъ и Пернъ, въ Провансѣ, упалъ огненный камень въ четыре фута діаметра. Во время паденія былъ около камня большой огненный кругъ и слышенъ сильный шумъ, а при самомъ паденіи взрывъ, подобный пушечнымъ залпамъ.

Въ 1723 году въ Рейхштатѣ усмотрѣно было при ясномъ небѣ большое облако, изъ котораго, при сильномъ взрывѣ, упало двадцать-пять камней въ одну сторону и восемь въ другую. Исчисленіе всѣхъ подобныхъ случаевъ утомило бы читателей. Явленія были вездѣ одни и тѣ же и подтверждаютъ одно другое: вездѣ взрывъ, блескъ, паденіе камней въ горячемъ состояніи, съ запахомъ сѣры. Все это и въ наше время безпрестанно повторяется.

Эти огненные метеоры были разнымъ образомъ истолковываемы. Сперва почитали ихъ образующимися въ нашей атмосферѣ; потомъ увѣряли, что они падаютъ съ луны, наконецъ, что кружатся въ видѣ маленькихъ планетъ вокругъ солнца. Разсмотримъ эти три ипотезы.

Если ночью, при безоблачномъ небѣ, взоръ терпѣливаго зрителя долго будетъ обращенъ на небесный сводъ, то непремѣнно увидитъ свѣтящіяся точки, какъ-бы отдѣляющіяся отъ неба и которыя, пролетѣвъ нѣкоторое пространство, исчезаютъ совершенно. Эти метеоры названы *падающими звѣздами*. Въ древности почитали ихъ предвѣстниками бурь. Ученые почитаютъ ихъ внезапнымъ воспламененіемъ воздушныхъ горючихъ газовъ, или причисляютъ къ электрическимъ явленіямъ.

Огненные шары хотя являются рѣже, бываютъ ярче и свѣтлѣе, но объясняются точно такъ же. Появленіе ихъ бо́льшею частью происходитъ въ постоянныхъ и извѣстныхъ предѣлахъ неба, и при полетѣ ихъ незамѣтно никакого круговаго движенія. Видимый дискъ ихъ очень-малъ, хотя расширеніе свѣта и увеличиваетъ его. Форма всегда шарообразна; они болѣе или менѣе, но всегда ярко освѣщаютъ весь горизонтъ и въ этомъ состоитъ главнѣйшее ихъ различіе отъ падающихъ звѣздъ; но этотъ свѣтъ всегда, однакожь, слабѣе луннаго. При полетѣ оставляютъ они полосу свѣта. Около нихъ нѣтъ ни облака, ни тумана. Видимая высота полета ихъ очень-значительна, такъ-что при полетѣ этомъ не слыхать ни шума, ни свиста. Иногда они разрываются на части, которыя летятъ отдѣльно и потомъ погасаютъ. Эти шары

являются и исчезаютъ внезапно, неизмѣняя видимаго діаметра. Продолжительность полета ихъ простирается не болѣе нѣсколькихъ секундъ.

Хотя падающія звѣзды и огненные шары не обращали на себя особеннаго вниманія древнихъ, но многочисленностью своею и частымъ появленіемъ поражали ихъ воображеніе. Историки не разъ вносили ихъ въ свои лѣтописи, какъ предвѣстіе гнѣва боговъ, или важныхъ политическихъ событій. Болѣе всѣхъ народовъ записывали эти явленія Китайцы, особливо во времена династіи Сунгъ (отъ 960 до 1275 г. по Р. Х.). Въ эти триста лѣтъ китайскіе историки записали *1479* метеоровъ. Западныя хроники мало занимались ими, и то случайно, тогда-какъ въ Китаѣ учреждено было для этого особое ученое отдѣленіе. Зато замѣчательно, что въ новѣйшія времена, когда стали заниматься записываніемъ этихъ явленій, съ іюля 1841 года до февраля 1845, то-есть впродолженіе трехъ лѣтъ и восьми мѣсяцевъ записано въ Европѣ *5302* метеора авторами любопытной книги: *Memoires sur les étoiles filantes,* гг. Кувье-Гравье и Сеже.

Если легко записывать, сидя въ обсерваторіи, падающія звѣзды и появленіе огненныхъ шаровъ, то воздушные камни очень-трудно наблюдать. Паденіе ихъ случается рѣдко, по-крайней-мѣрѣ, при глазахъ очевидцевъ; оно всегда неожиданно, и ничто не предвѣщаетъ его. Впрочемъ, дѣйствительное паденіе аэролитовъ не такъ рѣдко, какъ это кажется. Шрейберъ весьма-остроумно исчислилъ, какое количество этихъ камней должно падать на всю поверхность земнаго шара. Къ этому исчисленію послужило даннымъ то, что во Франціи съ 1790 по 1815 годъ, въ двадцать-шесть лѣтъ упало ихъ десять. Въ Англіи, впродолженіе такого же періода (съ 1701 по 1816) — тоже десять. Составивъ пропорцію поверхности всего земнаго шара съ поверхностью этихъ двухъ странъ, исчислилъ онъ, что ежедневно должно падать на землю по два воздушныхъ камня, изъ которыхъ двѣ трети должны падать въ море, а одна на сушу.

Долго ученые сомнѣвались въ дѣйствительности паденія воздушныхъ камней, считая это народною выдумкою, но неопровержимыя свидѣтельства прекратили всѣ сомнѣнія. Первый оффиціальный судебный протоколъ составленъ былъ объ этомъ въ въ 1751 году. «26 мая 1751 въ шесть часовъ вечера въ окрест«ностяхъ Градшина, близъ Аграма, въ Славоніи, былъ усмотрѣнъ «на небѣ огненный шаръ, который, раздѣлясь на двѣ части, по«добно огненной переплетенной цѣпи, посреди которой видѣнъ «былъ сперва черный, а послѣ цвѣтной дымъ, упалъ съ ужас«нымъ трескомъ на землю и произвелъ паденіемъ такое потрясе«ніе, что ударъ былъ похожъ на землетрясеніе. Одинъ изъ об«ломковъ, вѣсомъ въ 71 фунтъ, упалъ на вновь-вспаханное по«ле, гдѣ углубился въ землю на три сажени, произведя отверстіе «въ два фута ширины. Другой кусокъ вѣсомъ въ 16 футовъ упалъ

«на лугъ въ двухъ-стахъ шагахъ отъ перваго и произвелъ углуб-«леніе въ четыре фута ширины».

Послѣ этого стали вездѣ записывать эти явленія судебнымъ порядкомъ. Наконецъ донесеніе Біо Парижской Академіи Наукъ прекратило всякое сомнѣніе. «26-го апрѣля 1803 года въ часъ «пополудни, при ясномъ небѣ, усмотрѣнъ былъ яркій бле-«стящій огненный шаръ, быстро-летящій надъ Каномъ, Понт-«Одалеромъ, Алансономъ и Вернёлемъ, гдѣ всѣ видѣли его. Нѣ-«сколько секундъ спустя, слышенъ былъ на тридцать-шесть льё «вокругъ сильный взрывъ, котораго раскаты продолжались отъ «5 до 6 минутъ. Взрывъ этотъ происходилъ изъ небольшаго пря-«моугольнаго облака. Отъ взрыва упало на землю отъ двухъ до «трехъ тысячъ камней, которые были бо́льшею-частью вѣсомъ «восьми килограммовъ съ половиною (20 фунтовъ). Эти камни, па-«дая на землю, производили углубленія, были горячи и распро-«страняли нестерпимый сѣрный запахъ. Метеоръ летѣлъ съ сѣ-«веро-сѣверо-востока на юго-западъ. Полетъ совершался по эл-«липсу составляющему уголъ съ горизонтомъ».

Съ этой минуты, ипотеза о происхожденіи воздушныхъ камней въ нашей атмосферѣ была опровергнута. Хладни, почитающій падающія звѣзды, огненные шары и воздушные камни тождественными явленіями, первый представилъ ипотезу, что это не что иное, какъ тѣла, разсѣянныя въ міровомъ пространствѣ и падающія повременамъ на тѣ планеты, къ которымъ бываютъ привлечены силою тяготѣнія.

Эта идея не была принята тогдашними учеными. Лапласъ съ своими послѣдователями обратился къ лунѣ, и мысль объ изверженіи этихъ камней изъ лунныхъ огнедышащихъ горъ долго существовала; только двадцать лѣтъ тому назадъ, астрономы рѣшительно приняли ипотезу, что эти огненные метеоры всѣ принадлежатъ къ планетнымъ системамъ. Замѣчательную черту человѣческаго ума составляетъ то, что всѣ великія и неоспоримыя истины нескоро принимаются людьми. Пренія о кругообращеніи земли продолжались болѣе ста лѣтъ. Вопросъ о сжатіи земнаго шара у полюсовъ продолжался тоже цѣлое столѣтіе. Тотъ же періодъ времени нуженъ былъ, чтобъ принять законы всемірнаго тяготѣнія; слѣдственно, на каждую физическую аксіому нужно, для убѣжденія людей, не менѣе трехъ поколѣній.

Исчисливъ высоту, быстроту и направленіе падающихъ звѣздъ, астрономы предложили ипотезу, что метеоры эти составляютъ рядъ астероидъ, обращающихся вокругъ солнца и перерѣзываемыхъ землею въ узлахъ орбитъ. Эта ипотеза развилась въ слѣдствіе чрезвычайнаго множества падающихъ звѣздъ, замѣченныхъ въ ночь 12-го ноября 1833 г., въ Сѣверо-американскихъ Штатахъ. Это было дѣйствительно весьма-замѣчательное явленіе: цѣлую ночь шелъ огненный дождь. Эти же наблюденія подтвердились и въ Европѣ. Періодичность явленія заставила предполо-

жить, что всѣ эти маленькія тѣла составляютъ рядъ кольца изъ астероидъ, обращающихся въ видѣ планеты около солнца. Но какъ вскорѣ замѣчены были и другія періодичности, то вопросъ сдѣлался сложнымъ. Ипотеза ужь не отвѣчала явленіямъ и надобно было оставить ее, придумавъ другую.

Прежде всего надобно было наблюдать эти явленія. За этотъ трудъ взялся Французскій естествоиспытатель Кувье-Гравье; къ этимъ занятіямъ вела его совершенно-ложная мысль: онъ полагалъ найдти въ этихъ явленіяхъ отношенія къ атмосферическимъ измѣненіямъ и дойдти до возможности предсказывать ихъ. Съ 1840 года составлялъ онъ, по совѣту Араго, журналъ, въ которомъ ежедневно записывалъ направленіе падающихъ звѣздъ. Чтобъ наблюдать весь горизонтъ, взялъ онъ помощника, и оба дѣятельно продолжали трудъ свой до 1848 года. Астрономъ Сеже, узнавъ объ этомъ дневникѣ, вошелъ въ сношенія съ г. Кувье-Гравье и, разсматрѣвъ журналъ, нашелъ, что онъ можетъ вести къ общимъ и важнымъ выводамъ; онъ самъ, вмѣстѣ съ Кувье-Гравье продолжалъ начатый трудъ, убѣдивъ товарища оставить несбыточную мысль о примѣненіи этого явленія къ метеорологіи. Вотъ выводы, до которыхъ они дошли.

Число падающихъ звѣздъ неодинаково въ ночные часы: оно возрастаетъ постепенно къ утру. Это замѣчено нетолько во время періодичности большихъ паденій, но и въ обыкновенныя ночи. Число падающихъ звѣздъ простирается до 3, 4 въ часъ. Во время лѣтняго солнцестоянія всего-менѣе падаетъ звѣздъ; переходя отъ лѣтняго къ зимнему число это постепенно возрастаетъ, то-есть когда земля удаляется отъ солнца, звѣздъ падаетъ меньше, а приближаясь къ нему — больше.

Четыре дня въ году въ-особенности бываетъ ихъ много: зимою отъ 7-го на 8-е февраля, весною съ 1-го на 2-е мая, лѣтомъ съ 8-го на 9-е августа и осенью съ 7-го на 8-е ноября. Сверхъ-того, 10-е августа и 12-е ноября представляютъ два другія періодическія числа. Замѣчено также, что сіяніе полной луны скрадываетъ отъ насъ $^{3}/_{3}$ всего числа падающихъ звѣздъ.

Число падающихъ звѣздъ одинаково, и съ Сѣвера и съ Юга, но съ Востока ихъ падаетъ гораздо-больше, нежели съ Запада; общая же сумма и тѣхъ и другихъ одинакова.

О величинѣ, цвѣтѣ и появленіи этихъ метеоровъ получены слѣдующіе выводы. До 9-го іюля 1848 года усмотрѣно было восемь огненныхъ шаровъ; падающихъ звѣздъ восемьдесятъ, первой величины, то-есть имѣвшихъ свѣтъ Юпитера, или Венеры. Звѣзды, по свѣту, второй величины соотвѣтствуютъ неподвижнымъ звѣздамъ первой, и такъ далѣе до шестой. Цвѣтъ ихъ вообще бѣлый, особливо при первой величинѣ, иногда красноватый или даже совсѣмъ красный, но больше при звѣздахъ малой величины. Большія измѣняютъ часто свой цвѣтъ во время полета;

иногда метеоры эти раздѣляются и оставляютъ за собою полосы свѣта, которыя видимы еще нѣсколько секундъ и послѣ того, какъ падающая звѣзда исчезла.

Продолжительность полета падающихъ звѣздъ невсегда одинакова. Тѣ, которыя являются на сѣверо-сѣверо-востокѣ и сѣверо-востокѣ, производятъ самые продолжительные полеты до 15° 3′, а югозападныя не болѣе 11° 3′.

Важные и новые выводы открыты при направленіи паденія. Падающія звѣзды никогда не опускаются по вертикальной линіи, такъ-что наблюдатель, желающій видѣть звѣзды, являющіяся съ восточной стороны, долженъ смотрѣть не туда, а въ противоположную сторону. Слѣдственно, есть причина, по которой звѣзды эти никогда не могутъ падать отъ зенита, а болѣе изъ странъ близкихъ къ горизонту. Это происходитъ отъ взаимнаго движенія земнаго шара и этихъ метеоровъ.

Произведены были астрономическія наблюденія для опредѣленія высоты падающихъ звѣздъ. Какъ ни трудны эти наблюденія, но выводъ ихъ состоялъ въ высотѣ 10, 15, 20 и 25 льё, а для телескопическихъ падающихъ звѣздъ, усмотрѣнныхъ американскимъ астрономомъ Масономъ, высота должна быть еще значительнѣе, и потому очень-трудно объяснить воспламененіе этихъ метеоровъ.

Такимъ-образомъ составился цѣлый рядъ наблюденій и фактовъ по этимъ явленіямъ. Но какъ всѣ прежнія три ипотезы о происхожденіи ихъ оказываются ошибочными, то и надобно было придумать новую. Не только тѣла эти не образуются въ нашей атмосферѣ и не падаютъ съ луны, но и не ограничены небольшимъ пространствомъ полосы вокругъ солнца, а просто разсѣяны по всему пространству вселенной. Сильное движеніе увлекаетъ ихъ, и земля, летящая по орбитѣ своей около солнца, безпрестанно встрѣчаетъ ихъ.

Видя этотъ безпрестанный каменный дождь, падающій на землю, можно составить совершенно-новую идею о космическомъ пространствѣ: не одни солнца, планеты, спутники, кометы напоминаютъ его, но и безчисленное множество маленькихъ тѣлъ, разсѣянныхъ по немъ и двигающихся съ величайшею быстротою. Эти явленія могутъ служить указаніемъ на свойство небесныхъ пространствъ, по которымъ земля совершала путь свой до-сихъ-поръ. Теперь ужь извѣстно, что солнце, обращающееся на оси своей, имѣетъ вмѣстѣ съ тѣмъ быстрое поступательное движеніе, такъ-что земля, слѣдующая за нимъ, никогда не возвращается на прежнее мѣсто. Дальнѣйшія наблюденія докажутъ намъ богаче, или бѣднѣе этими тѣлами тѣ небесныя пространства, къ которымъ мы летимъ, и такого ли они свойства, какъ всѣ прежнія. Можетъ-быть, современемъ узнаемъ мы ближе все это.

Для самого земнаго шара это весьма-важный вопросъ. Какъ ни мало прибавляется толща его отъ этихъ падающихъ камней, но современемъ они составятъ счетъ. Мы видѣли, что ежедневно земля получаетъ нѣсколько болѣе или менѣе-тяжелыхъ камней. Огненные шары низвергаютъ на землю также свою матерію, падающія звѣзды разсыпаются, вѣроятно, тоже космическою пылью. Все это ужь нѣсколько тысячелѣтій продолжается ежедневно, и мудрено исчислить, какую массу тяжести составило оно съ-тѣхъ-поръ и впредь можетъ составить.

Предметъ этотъ также важенъ для геологіи. Чѣмъ ближе мы будемъ знать качество и количество веществъ, получаемыхъ нами, тѣмъ лучше опредѣлимъ нѣкоторые геологическіе выводы, присоединя къ нимъ и этотъ новый элементъ. Камни послѣдняго столѣтія всѣ одинаковаго состава. Въ нихъ открыто восемнадцать простыхъ тѣлъ, а именно, семь металловъ: желѣзо, никкель, кобальтъ, марганецъ, мѣдь, олово, хромъ; шесть земляныхъ и алкалическихъ началъ: кремнеземъ, кальцій, потассій, содій, магнезій и глинозёмъ. Четыре неметаллическія начала: водородъ, фосфоръ и углеродъ и, наконецъ, главное горючее вещество—кислородъ. Такимъ-образомъ въ составѣ этихъ камней не только не найдено никакого химическаго вещества, которое не заключалось бы въ нѣдрахъ земли, но въ нихъ нѣтъ и третьей части тѣхъ, которыя составляютъ кору нашей планеты. Это доказываетъ, что пространства, изъ которыхъ падаютъ эти камни, беднѣе нашей земли.

Впрочемъ, эта однообразность состава можетъ измѣниться. Хладни былъ, вѣроятно, правъ, причисливъ къ разряду падающихъ камней массы самороднаго желѣза, находимыя въ разныхъ мѣстахъ земнаго шара, далеко отъ всѣхъ огнедышащихъ горъ.

Замѣчательнѣйшая изъ этихъ массъ, наиболѣе возбуждавшая споровъ, была найдена Палласомъ въ 1749 году, на одной горѣ въ Сибири. Въ слѣдующемъ году въ ста-пятидесяти саженяхъ оттуда нашли еще такую же массу на склонѣ слоистой горы, на самой поверхности. Туземцы говорятъ, что она упала съ неба и почитаютъ ее священною. Въ ней было вѣса 690 киллограммовъ (1600 фунтовъ); самая же большая найдена въ Южной Америкѣ въ провинціи Шако, близь Отумны; въ ней было вѣсу 300 центнеровъ (30,000 фунтовъ). Во всей этой области нѣтъ ни желѣзной руды, ни горъ, ни даже камней. Это ужь составляетъ геологическій вопросъ. Были, слѣдственно, времена, когда цѣлыя массы желѣза низвергались на землю. Міровыя пространства содѣйствуютъ къ образованію земной коры, и планета вездѣ встрѣчаетъ на пути своемъ матеріалы, находящіеся ужь въ нѣдрахъ ея.

Вотъ сущность свѣдѣній, заключающихся въ новой книгѣ. Ихъ еще мало для полной теоріи науки, но ужь довольно для наблюдателя и естествоиспытателя.

IV.

РОСКОШЬ СТОЛА ВЪ-ОТНОШЕНІИ КЪ ОБРАЗОВАННОСТИ.

Въ древнемъ Египтѣ, гдѣ роскошь доведена была до высшей степени, суевѣріе запрещало употребленіе многихъ припасовъ: луку, порея и другихъ; а между-тѣмъ богачи употребляли изъ гастрономической изъисканности такіе предметы, которые вовсе негодились въ пищу, напримѣръ, извѣстный напитокъ Клеопатры, въ которомъ распущена была большая жемчужина.

Въ древней Греціи простота нравовъ и умѣренность придали гостепріимству особенную прелесть. Когда Аяксъ и Улиссъ являются къ Ахиллесу съ депутаціею, отправленною Агамемнономъ, то Патроклъ, который тоже былъ царскимъ сыномъ, самъ готовитъ имъ обѣдъ и раскладываетъ огонь. Конечно, лагерные обычаи не служатъ правиломъ для общежитія, но Гомеръ, описывая талантъ Ахиллеса въ искусствѣ разрѣзыванія пищи, вѣрно, хотѣлъ выказать прекрасную черту тогдашнихъ нравовъ. Эти нравы были просты, но не грубы, потому-что при этомъ обѣдѣ видно соблюденіе приличій, порядка, учтивости и вообще всѣхъ элементовъ самаго утонченнаго пиршества.

Надобно замѣтить, что въ гомерическихъ обѣдахъ не говорится ни о рыбѣ, ни о плодахъ; а между-тѣмъ употребленіе ихъ въ пищу, вѣрно, уже было извѣстно, когда сочинена была «Иліада».

Несторъ, возвращаясь съ боя въ свою палатку съ израненнымъ Махаономъ, подноситъ раненному воину зеленый медъ, освященную ячменную муку и луковицы; потомъ ужь подаетъ ему чашу съ питьемъ изъ прамносскаго вина, съ растертымъ козьимъ сыромъ и ячменемъ.

Иногда у Гомера говорится и о соли, хотя, повидимому, это не была необходимая приправа. Впрочемъ, соль уважалась, вопервыхъ, за благодѣтельное свойство предохранять мясо отъ гніенія, вовторыхъ, потому-что ее употребляли при жертвоприношеніяхъ. Когда Хризаду возвращаютъ отцу, то сыплютъ соль и ячмень между рогами животныхъ, обреченныхъ на жертву. Въ обѣдѣ, данномъ посланникамъ Агамемнона, Патроклъ посыпаетъ солью мясо, которое жаритъ. Но это исключеніе изъ общаго правила. Въ «Иліадѣ» обыкновенно обсыпаютъ жареное мясо мукою.

У Гомера мясо всегда жарятъ. Но какъ въ XXI-й книгѣ упоминается о свиномъ мясѣ, которое варилось въ горшкѣ, то, нѣтъ сомнѣнія, что и этотъ способъ приготовленія былъ извѣстенъ и въ употребленіи. Въ «Одиссеѣ» много доказательствъ гостепріимнаго духа Грековъ.

Роскошь греческаго стола худо была понята историками и слишкомъ-преувеличена. Обжорство было имъ почти неизвѣстно и никогда не составляло черты національнаго характера. Во вре-

мена Сократа, Греки три раза въ день ѣли: завтракали, полдничали и обѣдали. Завтракъ состоялъ обыкновенно изъ хлѣба, обмакиваемаго въ вино, отчего онъ и названъ *ахратисма.* Полдникъ (аристонъ) былъ ужь настоящій завтракъ; часъ полдника не былъ постоянно опредѣленъ, но, вѣроятно, въ правильной городской жизни онъ бывалъ въ полдень.

Главный же обѣдъ (деипнонъ) происходилъ очень-поздно и чаще всего при закатѣ солнца. У богатыхъ Аѳинянъ онъ состоялъ изъ двухъ перемѣнъ: въ первой подавали рыбу, мясо, птицъ, овощи, хлѣбъ и неизмѣнную *маку* (соединеніе муки и вина); вторая перемѣна была та же, что̀ нашъ десертъ и состояла изъ плодовъ, вареній и сладостей. Аѳиняне чрезвычайно любили общество и находили тысячи предлоговъ обѣдать вмѣстѣ; предлогами къ обѣдамъ вмѣстѣ были религіозныя празднества, семейные праздники, день рожденія знаменитыхъ людей и проч. Еще во времена Гомера молодые люди у Грековъ составляли то, что̀ у насъ теперь называется пикникомъ, то-есть обѣдъ на общій счетъ натурою, или деньгами. Хозяйка дома обыкновенно готовила этотъ обѣдъ, или надзирала за нимъ. Въ важныхъ же случаяхъ нанимали повара.

Аѳиняне, отправляясь на обѣдъ, купались и тщательно наряжались. Они ѣли лежа. Когда вошло въ обыкновеніе лежать, исторія не сохранила этого гастрономическаго переворота, но у Гомера всѣ герои сидятъ за обѣдомъ.

О Грекахъ говорили, что они много пили вина — это ошибка. Большія торжества ихъ, конечно, имѣли вакхическій характеръ. Анакреонъ и Кратиній охотники были до винограднаго сока, но это ничего не доказываетъ. Даже Александръ Македонскій, подававшій поводъ къ этимъ упрекамъ, былъ оклеветанъ. Если онъ дѣйствительно нарушалъ когда-либо умѣренность, то ужь послѣ всѣхъ дневныхъ работъ и только въ послѣдніе годы жизни. Всѣ жестокіе поступки, въ которыхъ упрекаютъ его въ это время, происходили не отъ нетрезвости, а отъ чрезмѣрной гордости и сильныхъ страстей; но въ пищѣ былъ онъ чрезвычайно-умѣренъ. Образъ жизни его былъ простъ. Онъ ѣлъ лежа только за ужиномъ, когда всѣ работы были кончены, но обѣдалъ всегда сидя, какъ гомеровскіе герои. Плутархъ говоритъ, что онъ любилъ послѣ ужина долго сидѣть, но вовсе не длятого, чтобъ пить, а разсказывать.

Вакхъ и праздники въ честь его много способствовали къ ошибочному мнѣнію о Грекахъ. Изъ всѣхъ боговъ миѳологіи Вакхъ былъ самый-трезвый и благодѣтельный. Вакхъ былъ типомъ силы, тогда-какъ Силенъ — символомъ излишества.

Изступленіе во все время *Діонисіевскихъ* празднествъ было плодомъ не вина, а религіознаго восторга. Вакханки одушевлены были однимъ усердіемъ и поэзіею.

Въ частной жизни Греки пили цѣльное вино только послѣ первой перемѣны. Они умывали тогда руки, совершивъ прежде

возліянія. Всякое излишество было запрещено въ Греціи законами, и охуждалось ученіемъ и примѣромъ философовъ. Въ Спартѣ обѣдали публично за общимъ столомъ, дабы роскошь не вошла въ семейные нравы. Въ Аѳинахъ Солоновы законы запрещали людямъ, ведущимъ развратную жизнь, говорить публично. Правда, что Платонъ позволялъ мужчинамъ старѣе сорока лѣтъ напиваться до-пьяна на праздникахъ Вакха; но онъ же запрещалъ всякое употребленіе вина юношамъ до восьмнадцати-лѣтняго возраста, а отъ восьмнадцати до тридцати дозволялъ пить только самымъ умѣреннымъ образомъ. Онъ полагалъ, что человѣкъ, пріучившійся къ умѣренности, не сдѣлается уже подъ старость пьяницею.

Странно, что съ идеей о чувственной жизни соединяетъ имя философа, который былъ всѣхъ умѣреннѣе и въ нравахъ, и въ ученіи. Эпикуръ училъ умѣренности. Въ этомъ поставлялъ онъ истинное счастіе человѣка. Онъ любилъ тихія размышленія, общество друзей и учениковъ, и радушное гостепріимство.

Римляне во многомъ подражали Грекамъ, но излишества заимствовали не отъ нихъ. Титъ Ливій приписываетъ упадокъ Рима роскоши, принесенной легіонами съ Востока, послѣ побѣдъ Манлія (за 565 до Р. Х.). Тогда, говоритъ онъ, повара сдѣлались важными людьми въ Римѣ.

Впрочемъ, Римляне болѣе отличались обжорствомъ, нежели гастрономіею. Горацій представляетъ намъ типы этихъ качествъ въ описаніи обѣда, даннаго Назидіеномъ Меценату. Между множествомъ винъ и блюдъ, говоритъ онъ о кишкахъ жаренаго палтуса и о гусиной печенкѣ, фаршированной фигами. Впродолженіе всего обѣда хозяинъ безпрестанно и съ восторженностью хвалитъ свои вина, кушанья, изобрѣтенія, разнообразіе и качество всѣхъ припасовъ. Въ этомъ отношеніи Горацій-сатирикъ вѣрнѣе Ювенала и Сенеки.

Всего же вѣрнѣе и подробнѣе представлена роскошь Римлянъ у Петронія въ *Обѣдѣ Тримальціона.* Этотъ пиръ начинается спѣлыми и незрѣлыми оливками (въ видѣ средства, возбуждающаго аппетитъ) съ яичными бѣлками, приправленными медомъ и маковымъ сокомъ, сосисками съ сирійскими грушами и гранатовыми зернами. Деревянная наседка посажена была на искусственныя яйца изъ тѣста, въ которомъ были зажарены овсянки, обмазанныя въ яичномъ желткѣ и пересыпанныя перцемъ.

Вторая перемѣна поставлена была на кругломъ поставцѣ. Подано было двѣнадцать блюдъ, представлявшихъ знаки зодіака. Когда сняли крышки, оказались блюда съ мясомъ, дичью, рыбою. Въ срединѣ былъ заяцъ, изображавшій Пегаса. По угламъ поставца статуэтки сатировъ наливали *гарумъ* (соусъ изъ анчоусовъ).

Потомъ принесли большую свинью, у которой на клыкахъ повѣшены были двѣ пальмовыя корзинки: одна съ сирійскими смоквами, а другая съ ѳивскими финиками. Изъ свиньи вдругъ вы-

летѣло цѣлое стадо дроздовъ. Около нея было нѣсколько порасятъ изъ особеннаго тѣста.

Когда сняли и эту перемѣну, привели въ залу три живыя свиньи, украшенныя колокольчиками, лентами и намордниками. Хозяинъ выбралъ самую жирную, и ее увели, чтобъ тотчасъ же изготовить. Это сдѣлано было удивительно-скоро. Но когда принесли зажаренную свинью, то хозяинъ замѣтилъ, что она толще живой. Позвали повара. Тотъ съ трепетомъ явился и сознался, что забылъ ее выпотрошить. Хозяинъ ужасно разсердился и велѣлъ отвести его для наказанія. Гости стали просить за него, и хозяинъ, сжалясь, велѣлъ ему тотчасъ же очистить ее. Поваръ распоролъ свиньѣ брюхо и оттуда выскочила бездна сосисекъ и колбасъ. Всѣ захохотали выдумкѣ и съигранной комедіи, а поваръ получилъ серебряную цѣпь.

Принесли потомъ сваренаго теленка, и покуда его ѣли, *триклиніумъ* затрещалъ надъ гостями. Всѣ перепугались и увидѣли, что сквозь сводъ спускается большой обручъ съ гирляндами и съ повѣшенными на немъ курильницами. Каждый гость взялъ по одной, а въ это время поставили на столъ пироги и плоды съ шафраномъ.

За этою перемѣною подали маленькія блюдечки съ лакомствами *эпидипнисъ*, родъ десерта, съ любопытными образчиками поваренпаго искусства; а именно: овсянокъ, начиненныхъ пшеницею, изюмъ и разныя раковины съ орѣхами и айвою. За этими рѣдкостями представилъ хозяинъ гостямъ гуся, рыбу и птицъ, которыя были сдѣланы изъ свинаго мяса той же свиньи. Тогда эти роды превращеній были въ ужасной модѣ.

Покуда гости разсматривали эти рѣдкости, вошли въ залу два невольника, затѣявшія между собою ссору, несмотря на увѣщанія хозяина; они ссорились до-того, что разбили амфоры, которыя держали. Изъ амфоръ высыпались устрицы всѣхъ сортовъ, которыя тотчасъ же и поднесены были гостямъ. Приходитъ съ пѣснію и самъ поваръ, неся на серебряномъ ростерѣ дымящіяся устрицы. Тѣмъ бы все и кончилось. Но докучный пѣтухъ вдругъ запѣлъ, и хозяинъ велѣлъ его поймать и зажарить.

Этотъ продолжительный обѣдъ можетъ служить предметомъ многихъ размышленій. Вопервыхъ, Тримальціонъ входитъ къ гостямъ, когда они всѣ уже усѣлись, и съ важнымъ видомъ занимаетъ назначенное для него мѣсто. Усѣвшись на своемъ *триклиніумѣ*, обложенномъ подушками, онъ вынимаетъ серебряную зубочистку и, неѣвши еще ничего, начинаетъ передъ всѣми чистить зубы. Значитъ, и эта дурная привычка перешла къ намъ отъ Римлянъ. Наши маленькіе тримальціоны также часто и охотно производятъ эту операцію, вовсе неинтересную для сосѣдей.

Незначущій случай подаетъ каждому поводъ доказать свою роскошь. Одинъ невольникъ роняетъ серебряное блюдо, и Тримальціонъ приказываетъ вымести его вмѣстѣ съ соромъ.

Хлѣбомъ обносили послѣ каждаго блюда, а употребленіе воды

было запрещено. Тримальціонъ, замѣтивъ, что кто-то изъ гостей выпросилъ себѣ воды, тотчасъ же приказываетъ снять ее со стола. Разрѣзыватели мяса были должностныя лица. Это было ремесломъ, отправляемымъ подъ звуки музыки съ особенными жестами.

Какъ ни развращены были въ то время Римляне, но лицо Тримальціона заставляло еще смѣяться ихъ. Всѣ хитрости, употребляемые имъ, чтобъ смѣшить гостей, плоски и тривіальны. Впрочемъ, видно, что онъ не злой человѣкъ. Молодой невольникъ, который забавлялъ общество, кувыркаясь, попалъ неосторожно ногами въ Тримальціона. Тотъ вскрикнулъ отъ боли, но тотчасъ же далъ невольнику свободу, чтобъ никто не могъ сказать, что невольникъ ударилъ его ногою.

Во время обѣда забавляли гостей подобнаго рода штукари, эквилибристы, пѣсенники и музыканты. Разговоры хозяина съ гостями о философіи и исторіи чрезвычайно-забавны и служатъ лучшею сатирою тогдашнихъ римскихъ нравовъ.

Обжорство Римлянъ было такъ велико, что противъ него издавались законы. Запрещено было декретами на публичныхъ ужинахъ употребленіе свинины и телятины съ рисомъ. Императоръ Адріанъ, видя злоупотребленіе отъ ваннъ послѣ стола для вспомоществованія пищеваренія, издалъ декретъ, запрещающій купаться послѣ восьми часовъ.

Между роскошью Грековъ и Римлянъ большая разница. Греки были утонченнѣе и умѣреннѣе. У нихъ не было, сверхъ того, такихъ богатыхъ частныхъ людей, какъ въ Римѣ. Все что̀ пріобрѣтали они, то и проживали для своего удовольствія. Греки сами себя забавляли, неприбѣгая къ шутамъ и фокусникамъ. У нихъ величайшіе политическіе люди и философы обладали разными искусствами. Эпаминондъ прекрасно пѣлъ, танцовалъ, игралъ на арфѣ и на флейтѣ. Пелопидъ тоже извѣстенъ былъ своимъ музыкальнымъ дарованіемъ. Сократъ упрекалъ Алкивіада за то, что онъ не умѣетъ играть на флейтѣ.

Римляне никогда не занимались этими искусствами. У нихъ были всегда наемные пѣвцы и музыканты изъ невѣжественнаго простонародья, тогда-какъ въ Греціи, воспитаніе человѣка почиталось дурнымъ, если онъ не учился музыкѣ. Оттого-то гости всегда сами пѣли на пирахъ.

Изъ всѣхъ европейскихъ народовъ, кажется, Нѣмцы наиболѣе переняли отъ Римлянъ ихъ кухню. Римскіе кислосладкіе соусы и теперь еще въ употребленіи въ Германіи. Странная смѣсь рыбы и мяса, говядины съ сладкими плодами, множество вина, употребляемаго въ кушанья, горячій уксусъ, наливаемый на маринованныя блюда, когда ихъ подаютъ къ столу, и множество разнородныхъ сосисекъ и колбасъ, даже рыбьихъ (изобрѣтенныхъ, какъ говорятъ, Геліогабаломъ), все доказываетъ римское происхожденіе нѣмецкой кухни.

На Востокѣ видимъ мы совершенно-другое. Въ *Тысячи и од-*

ной Ночи разсказывается о пирахъ и веселыхъ обѣдахъ правовѣрныхъ, которымъ цвѣты и благовонія были такъ же необходимы, какъ пища; мясо баранье, бѣлыя какъ снѣгъ пулярки, горы окрашеннаго риса, куры, обсыпанныя розами, вино изъ финиковъ, дозволенное Кораномъ, а иногда и запрещенный виноградный сокъ, разнообразіе и множество фруктовъ, пирожковъ и сластей—вотъ основаніе всѣхъ восточныхъ пировъ. Обѣдъ путешественнику готовъ во всякомъ домѣ. Кто бы ни пришелъ, его принимаютъ ласково и радушно. Зобеида и сестры ея такъ же ласковы и съ тѣмъ же вниманіемъ принимаютъ и угощаютъ носильщика, трехъ календеровъ и переодѣтаго халифа съ визиремъ.

Изъ нынѣшнихъ народовъ, Англія имѣетъ много самобытнаго въ своей кухнѣ. Ея блюда и напитки отличаются отъ стола прочихъ народовъ. Только при завоеваніи ея Норманнами вторглись въ кухню Англо-Саксовъ иностранныя блюда. Но еще до прибытія Саксовъ, туземные Бритты хорошо знали качество *эля*. Въ поэмѣ о каттретскомъ сраженіи, сочиненной въ VI вѣкѣ принцемъ Аневриномъ въ память погибшихъ на немъ героевъ, приписываютъ разбитіе Галло-Бриттовъ нетрезвому ихъ состоянію, въ которомъ они вступили въ бой. Нѣкоторыя старинныя пѣсни Валлійцевъ воспѣваютъ качество *эля*.

Во времена Чаусера гастрономія была такъ развита, что повара умѣли обманывать тогда съ тѣмъ же искусствомъ, какъ и въ наше просвѣщенное время. Въ старинныхъ книгахъ любопытно читать подробное описаніе тогдашнихъ блюдъ. — *Врагъ Женщинъ* — Флетчера мало оставилъ кухонныхъ подробностей, но лицо Лазарилло отличается своею обжорливостью. Узнавъ, что голова *Умбрано* (родъ осетра) будетъ подана за столомъ герцога, Лазарилло добивается, чтобъ его пригласили на этотъ обѣдъ. Вдругъ узнаётъ онъ, что голова эта отослана въ подарокъ другому лицу , спѣшитъ въ погоню за нею , преодолѣваетъ всѣ препятствія и ужь достигаетъ цѣли, какъ вдругъ слышитъ, что голова осетра въ другомъ мѣстѣ. Съ отчаяніемъ продолжаетъ онъ свое преслѣдованіе и принужденъ заключить очень-невыгодный бракъ, чтобъ только поймать обѣдъ, гдѣ блюдо это будетъ подано.

Францускaя кухня въ старинныя времена была вовсе не затѣйлива; но и тогда ужь давали блюдамъ такія фантастическія названія, надъ которыми всякій задумается. Въ романахъ Луве и Поль де-Кока подробно описана Французская кухня до революціи и послѣ нея. Лица Поль де-Кока столько же занимаются обѣдомъ, какъ и любовью.

Вольтеръ, въ одномъ изъ писемъ къ графу д'Отре, жалуется на современную кухню, сожалѣя, что телятина подъ рисомъ облита пересоленнымъ соусомъ и испорчена фаршемъ изъ индѣйки, зайца и кролика. У Мирабо желудокъ былъ крѣпче совѣсти. Дантонъ и Камилъ-Демуленъ толковали о спартанской кашицѣ, а сами напивались шампанскимъ.

Времена Консульства и Имперіи, возвратили порядокъ и ввели опять гастрономію. Камбасересъ началъ, а Талейранъ продолжалъ великое искусство давать хорошіе обѣды.

Жаль, что исторія не оставила намъ, изъ какихъ блюдъ состоялъ обѣдъ, данный Іеронимомъ Бонапарте Пиго-Лебрёну и другимъ пріятелямъ. Зато онъ разсказалъ, въ какомъ забавномъ затрудненіи онъ былъ, зная, что Наполеонъ не любитъ большихъ обѣдовъ. Іеронимъ отправился со всѣми гостями въ Палерояль, и тамъ въ отдаленномъ нумерѣ и въ самыхъ скромныхъ нарядахъ принялись они за самый роскошный обѣдъ. Кончился этотъ обѣдъ въ полночь. Потребовали счетъ, и оказалось, что у всѣхъ гостей вмѣстѣ нѣтъ столько денегъ. Позвали хозяина и объяснили ему свое положеніе говоря, что поутру все будетъ прислано. Но тотъ худо вѣрилъ лицамъ, которыя выдавали себя за важныхъ людей. Собесѣдники Іеронома не отличались аристократическими физіономіями, а потому хозяинъ объявилъ, что пошлетъ за полицейскимъ коммиссаромъ. Іеронимъ перепугался и далъ въ залогъ дорогіе часы, и тогда хозяинъ отпустилъ ихъ. Но тотчасъ же, однако, донесъ обо всемъ коммиссару, тотъ префекту, префектъ министру, министръ Наполеону. — На слѣдующій же день Іеронимъ былъ отправленъ къ Вестфалію.

Прошедшій вѣкъ вообще отличался гастрономами, которыхъ имена сохранила исторія. Правда, мы не принуждаемъ гостей нашихъ ѣсть и пить до-тѣхъ-поръ, пока они очутятся подъ столомъ, но зато стараемся обѣдать все позже-и-позже. Мы умножили число блюдъ, и ввели химію въ кухню не для пособія пищеваренія, а для разстройства желудка. Мы разрыхляемъ хлѣбъ соляною кислотою и содою, и отдѣляемъ осмазомъ отъ желатины и бѣлковины. Мы стремимся къ чрезвычайному, пренебрегая необходимымъ. Мы остаемся послѣ обѣда за столомъ съ накрытою скатертью, потому-что бо́льшую часть обѣденныхъ столовъ нельзя показать, и подаемъ послѣ стола воду для полосканья рта, хотя иногда бо̀льшая часть гостей не знаетъ ка̀къ обходиться съ этимъ полосканьемъ.

Гостепріимства у насъ очень-мало. Зато, что не хотятъ иногда знакомаго угостить трехдневною телятиной, его заставляютъ отправляться въ трактиръ.

Какъ ни хвалятъ философы простоту, но немногіе изъ нихъ не любили хорошихъ обѣдовъ. Развѣ какой-нибудь Спиноза любилъ домашнюю кашу; но Дека̀ртъ, напримѣръ, былъ большой охотникъ до вкусныхъ столовъ. Однажды какой-то молодой человѣкъ, видя его за лакомствомъ, вскричалъ: «Ка̀къ! развѣ и философы любятъ лакомиться?» — «А развѣ вы думали (отвѣчалъ Дека̀ртъ), что природа создала все хорошее для однихъ глупцовъ?»

Въ гастрономической іерархіи много степеней отъ обжоры до лакомки, которыхъ часто смѣшиваютъ. Одна дама сказала знаменитому историку Юму: «Говорятъ, что вы большой гастрономъ». — «Мнѣ льстятъ, отвѣчалъ онъ: — я только люблю поѣсть.»

V.

ВОСПОМИНАНІЯ МОРСКАГО ОФИЦЕРА ИНДО-КИТАЙСКОЙ ЭСКАДРЫ.

Статья вторая и послѣдняя.

4.

Острова Маріанские и Лу-чу.

«Двѣ недѣли находились мы на рейдѣ въ Макао (такъ продолжаетъ свой разсказъ Жюрьень-де-ла-Гравьеръ), какъ вдругъ получили извѣстіе о февральскихъ событіяхъ въ Парижѣ. Это непредвидѣнное обстоятельство ставило нашъ корветъ въ затруднительное положеніе. Могла произойдти война между Франціею и Англіею, и корветъ нашъ былъ бы окруженъ въ этихъ моряхъ слишкомъ превосходящими силами непріятеля. Поэтому мы рѣшились тайно уѣхать къ острову Гуаму, единственному изъ обитаемыхъ Маріанскихъ Острововъ, и тамъ, за тройною грядою подводныхъ камней, ожидать дальнѣйшихъ извѣстій о послѣдствіяхъ переворота во Франціи.

Мы запаслись провіантомъ на семь мѣсяцевъ, и съ первымъ юго-западнымъ муссономъ вышли изъ Макао. Этотъ муссонъ часто измѣняется. Сильное атмосферическое теченіе между тропикомъ Рака и экваторомъ, безпрестанно нарушаетъ періодичность этого вѣтра.

Между южнымъ берегомъ острова Люсона и островами Миндаро и Сомаромъ есть проливъ, усѣянный множествомъ островковъ и соединяющій Китайское Море съ Тихимъ Океаномъ. 13-го мая, благопріятствуемые западнымъ вѣтромъ, пустились мы на всѣхъ парусахъ въ этотъ проливъ, и направили путь къ Зеленому Острову. Самый трудный проходъ находится при островѣ Капулѣ. Три островка отдѣляются въ этомъ мѣстѣ отъ Люсона и съуживаютъ проливъ. У самаго западнаго островка идутъ коралловыя отмели, около которыхъ море покрыто бѣлою пѣной.

Ночью, при слабомъ свѣтѣ луны, пустились мы къ этимъ отмелямъ и успѣли проникнуть за черту ихъ, гдѣ и бросили якорь. 19-го мая вышли мы опять оттуда. Намъ оставалось четыреста миль до Гуамскаго Острова. Сорокъ дней боролись мы съ теченіями и штилями и, наконецъ, бросили якорь въ портѣ Сан-Луи д'Апра; но и здѣсь мы были еще не въ безопасности: намъ надобно было пробраться за черту скалъ; но на половинѣ пути нашелъ вдругъ на насъ сильный шквалъ. Мы принуждены были бросить якорь и остаться въ этомъ положеніи всю ночь, потому-что буря ежеминутно усиливалась. Въ темнотѣ ночи не знали мы навѣрное: не влечетъ ли насъ къ какимъ-нибудь подводнымъ скаламъ; только поутру удостовѣрились мы, что якоря выдержали

напоръ бури; но сильныя волны обнажали предъ нами острія скалъ, которыхъ мы не видѣли вокругъ себя вчера вечеромъ.

Байонезъ нашъ избавился отъ бури, но самый островъ Гуамъ былъ опустошенъ сильнымъ урагапомъ. Поля, засѣянныя маисомъ и игнамомъ, были совершенно разрушены. Съ горъ полились водопады, вырывавшіе кусты и деревья, залившіе дороги, уничтожившіе мосты и прервавшіе всѣ сообщенія.

Утвердивъ корветъ въ глубинѣ залива Кадера-иска, мы отправились съ визитомъ къ губернатору Маріанскихъ Острововъ, въ городъ Аганья. Сидя въ лодкѣ, съ любопытствомъ смотрѣли мы на огромную площадь, заваленную коралловыми скалами. На грунтѣ бѣлаго песку онѣ видны были удивительно-хорошо; это былъ настоящій подводный лѣсъ изъ толстыхъ сучьевъ, блестѣвшихъ всѣми возможными цвѣтами. Видны были всѣ послѣдовательныя измѣненія этого любопытнаго царства природы. Невольно изумляешься этимъ таинственнымъ строителямъ, сооруженія которыхъ тверже и прочнѣе египетскихъ пирамидъ.

Наконецъ мы прибыли въ Аганью. Весь главный штабъ губернатора ожидалъ насъ у пристани. Туземные офицеры, похожіе на негровъ были очень-забавны въ своихъ испанскихъ мундирахъ. Съ величайшею важностью проводили они насъ до жилища губернатора, дона Хозе Кальво. Этотъ постъ всегда ввѣряется бѣднымъ ветеранамъ, для успокоенія ихъ на старости лѣтъ.

Извѣстно, что Гуамскій Архипелагъ былъ открытъ Магелланомъ. Мигуэль Легаспи принялъ ихъ въ 1565 году во владѣніе Испаніи. Іезуиты обратили здѣшнихъ жителей въ христіанство, и теперь здѣшняя колонія стóитъ еще Испаніи до 80,000 франковъ въ годъ, непринося метрополіи никакой пользы.

Маріанскій Архипелагъ отстоитъ на четыреста миль отъ Филиппинскаго и состоитъ изъ семнадцати острововъ разной величины. Въ 1668 году, когда Испанцы овладѣли Маріанскими Островами, нравы, языкъ и законы жителей обнаруживали азіатское происхожденіе. Тогда ихъ было семьдесятъ-три тысячи; потомъ число это начало уменьшаться, а на островѣ Аганьѣ жители совершенно исчезли. На Гуамѣ было въ 1772 году только двѣ тысячи. Съ-тѣхъ-поръ благоразумными мѣрами народонаселеніе начало снова усиливаться, и при нашемъ прибытіи простиралось уже до шести тысячъ.

Островъ Гуамъ имѣетъ только семьдесятъ-шесть миль въ окружности, Сейтанъ—двадцать-двѣ, Рота—тридцать-одну. Высота горъ на нихъ не превосходитъ пятисотъ метровъ. Во время дождей на островахъ много прѣсной воды; въ жаркое время года они страдаютъ отъ засухъ; часто были они также опустошаемы землетрясеніями.

Эта колонія почти совершенно забыта метрополіею. Индійцы Маріанскихъ Острововъ не платятъ никакихъ податей. Они обязаны въ годъ работать сорокъ дней для поддержанія дорогъ — и только. Вся судебная и административная власть сосредоточена

въ лицѣ губернатора. Кромѣ этой политической власти есть и другая, которой Индійцы еще охотнѣе повинуются: это орденъ босоногихъ августинскихъ монаховъ, наслѣдовавшихъ власть іезуитовъ. Два священника, падре Виченте и падре Маноэль, любимы и уважаемы всѣми. Деревня Агато, гдѣ живетъ послѣдній, отличается чистотою и благосостояніемъ жителей. Дороги, мосты — все содержится въ исправности. Церковь чиста и прекрасно убрана.

Первый день нашего пріѣзда былъ посвященъ на угощеніе. Мы видѣли у него нѣсколькихъ Каролинцевъ, поселившихся на островѣ Сейтанъ съ дозволенія губернатора. Какимъ-то подземнымъ переворотомъ одинъ изъ Каролинскихъ Островов вдругъ опустился на нѣсколько футовъ ниже морскаго уровня; жители успѣли спастись на горы, но, умирая съ голода, рѣшились переселиться на Маріанскіе Острова. Имъ это было дозволено, и съ-тѣхъ-поръ они служатъ цѣпью, соединяющею эти оба архипелага.

Каролинцы были совершенно-нагіе, съ однимъ *маро* отъ пояса до колѣнъ. Волосы ихъ, черные какъ смоль, разсыпались по плечамъ въ натуральныхъ локонахъ. Кожа ихъ совершенно-темная, отливающаяся въ красный цвѣтъ; черты лица гораздо-правильнѣе Малайцевъ и Китайцевъ. Женщины чрезвычайно-рано старѣются.

Каролинцы хорошіе моряки; они направляютъ путь свой по звѣздамъ, по направленію вѣтра и волнъ. Въ пять-шесть дней совершаютъ они плаваніе на лодочкахъ своихъ изъ Элате, или Уліэ въ Гуамъ.

Сравнивая этихъ гибкихъ, красивыхъ и мужественныхъ дикарей съ жалкими жителями Маріанскихъ Островов, невольно удивляешься печальному вліянію Европейцевъ на нѣкоторыя племена. И, однакожь, климатъ Маріанскихъ Островов гораздо-лучше и здоровѣе Каролинскихъ. Жары не превосходятъ 30 градусовъ; холодъ тамъ неизвѣстенъ вовсе. Плодородіе почвы неистощимо. Дикарь поскоблитъ немного землю и изъ нея выростаютъ маисъ, таръ, маньйоліи и сладкіе пататы; если и это трудно, можно лежать растянувшись въ праздности. Сама природа снабжаетъ маніокомъ; кокосовое дерево даетъ плодъ для корма домашнихъ птицъ и свиней, и масло для освѣщенія; изъ пальмоваго дерева добывается сокъ для составленія прекраснаго уксуса, а если нужно, то и алкоголя. Гуамскій житель совершенно-обезпеченъ природою и счастливъ.

Впрочемъ, это одно изъ самыхъ ограниченныхъ племенъ въ-отношеніи понятливости. Отъ нихъ нельзя ожидать быстрыхъ успѣховъ въ просвѣщеніи; они долго еще пробудутъ на теперешней степени образованности.

Зато растительность здѣсь такъ сильна, что по лѣсамъ нѣтъ никакой возможности пройдти. Одно лимонное дерево, привезенное сюда изъ Манильи въ 1780 году, разрослось теперь дотого,

что овладѣло всѣми сдѣланными тогда просѣками, хотя никто и не думалъ его разсаживать. Птицы срывали и клевали плоды, оставляя зерна на землѣ; отъ этихъ зеренъ ежегодно выростали кустарники, потомъ деревья, и теперь отъ нихъ нѣтъ прохода по лѣсамъ острова.

8 августа получили мы черезъ сѣверо-американскаго консула въ Макао извѣстіе и газеты изъ Парижа отъ 24 апрѣля. Опасенія наши исчезли и мы, пользуясь попутнымъ вѣтромъ, вышли изъ залива Кадерачики, чтобъ за послѣднею оградою рифовъ ожидать счетовъ нашихъ поставщиковъ припасовъ. Поутру, при туманной погодѣ и перемѣнившемся вѣтрѣ, пустились мы чрезъ послѣдній проходъ рифовъ и счастливо избѣжали всякой опасности. Барометръ чрезвычайно упалъ и предсказывалъ сильный ураганъ, который вскорѣ разразился.

Нѣсколько дней боролись мы съ нимъ и съ туманами; наконецъ очутились предъ островами Лу-чу.

Когда адмиралъ Сесиль посѣщалъ эти острова, онъ оставилъ на нихъ двухъ католическихъ миссіонеровъ, взявъ торжественное обѣщаніе съ китайскихъ властей, что онѣ будутъ защищать этихъ проповѣдниковъ. Первое лицо, встрѣтившее насъ у острова Уки-нва, былъ одинъ изъ тѣхъ миссіонеровъ (другой отъ болѣзни умеръ). Съ величайшимъ прискорбіемъ услышали мы разсказъ этого почтеннаго патера о всѣхъ притѣсненіяхъ, гоненіяхъ и даже побояхъ, перенесенныхъ имъ отъ Китайцевъ. Когда жь они узнали о прибытіи нашего корвета, то просили у патера прощенія и умоляли, чтобъ онъ не жаловался на нихъ.

— Христіанскій священникъ никогда не мститъ! отвѣчалъ онъ.

Неимѣя поэтому права мстить за нашего миссіонера, мы рѣшились, однакожь, обходиться съ китайскими властями самымъ холоднымъ образомъ и поскорѣе уѣхать.

Вскорѣ явились мандарины. Мы приняли ихъ въ залѣ совѣта, уставленной оружіемъ. Они представили намъ визитную карточку градоначальника Пафы: это была цѣлая книжечка изъ красныхъ листовъ. Посланники сняли, при входѣ въ залу, свои башмаки, или, лучше сказать, подошвы, потому-что обувь ихъ состоитъ изъ однѣхъ подошвъ, прикрѣпленныхъ къ большому пальцу. Физіономіи этихъ посланниковъ были пріятныя и откровенныя. Вообще, здѣсь совсѣмъ другая порода людей. Цвѣтъ кожи темнѣе, лицо не такъ плоско, скулы не выдались, глаза большіе и черные, брови правильно-очерченныя (чего у настоящаго Китайца никогда не бываетъ: у него брови всегда вздернуты ко лбу).

Когда Китайцы усѣлись, мы объявили имъ наши намѣренія. Мы хотѣли осмотрѣть островъ, но съ тѣмъ, чтобъ за нами не было присмотра; желали увеличить свои съѣстные припасы, купить для экипажа нѣсколько быковъ, овощей, плодовъ и живности. Странно, что, соглашаясь на все, Китайцы долго протестовали противъ того, что мы хотѣли за все платить наличными

деньгами. Главное наше мщеніе состояло въ томъ, что отпустили ихъ, неугостивъ ни чашкою чая, ни рюмкою *сака*.

Въ девятомъ часу утра мы сошли на берегъ. Всѣ жители ждали насъ съ любопытствомъ, усѣвшись на свои цыновки. Женщинъ между ними не было. Благородные (самурайсы) носили серебряную шпильку въ волосахъ; плебеи (гіаукушосы)—мѣдную. Большая дорога къ городу Шу-и была обсажена деревьями и устроена какъ самое лучшее европейское шоссе; было даже странно видѣть подобную дорогу тамъ, гдѣ употребляются однѣ носилки.

Городъ былъ совершенно-пустъ. Немногіе жители, которыхъ мы встрѣчали, еще издали бѣжали отъ насъ. Уставъ отъ ходьбы, усѣлись мы у дворца лу-чуйскаго владѣтеля. Дворецъ этотъ похожъ на цитадель и имѣетъ около мили въ окружности. Стѣны такъ толсты, что кажутся пеласгической или циклопической постройкой. Во внутренности дворца существовало совершенное безмолвіе.

Отъ дворца отправились мы въ священную рощу, гдѣ стоитъ великая пагода въ честь Шаки. Впрочемъ, мы узнали, что на островахъ немного поклонниковъ Будды. Здѣшніе жители не имѣютъ никакой оффиціальной религіи; они только покланяются предкамъ своимъ. Въ каждомъ семействѣ выставлены таблички съ именами умершихъ предковъ. Имъ приносятъ жертвы и совершаютъ возліянія.

Высшее сословіе держится деизма Конфуція. Плебеи покланяются обоготворяемымъ ими людямъ.

Къ-вечеру возвратились мы на берегъ, гдѣ миссіонеръ нашъ приготовилъ завтракъ. Въ то время, какъ мы сидѣли за столомъ, явился къ намъ съ поклономъ деревенскій меръ, при звукѣ гонговъ. Это былъ старикъ съ сѣдою бородой и самою пріятною физіономіей. Заставъ насъ въ-расплохъ, онъ просилъ выслушать его, и мы согласились на эту конференцію. Но какъ день ужь склонялся къ вечеру, то намъ и хотѣлось поскорѣе узнать, въ чемъ было дѣло. Слово *поскорѣе*, однакожь, непонятно для Китайцевъ; они начали вопросами о нашемъ здоровьѣ, о благополучномъ плаваніи, о прогулкѣ нашей и т. п. Это надоѣло намъ и мы коротко и ясно описали ихъ вѣроломство и низкіе поступки съ миссіонерами. Депутаты смирились и начали извиняться; они были увѣрены, *что великіе люди не унизятся до мщенія надъ маленькими*.

Мы охотно приняли эти извиненія, и послѣ банкета, даннаго намъ Шун-Куаномъ, отправились тотчасъ же на корветъ.

Въ тотъ же вечеръ вступили мы подъ паруса и, послѣ бурнаго переѣзда, прибыли въ Маниллу. Здѣсь мы получили приказанія новаго морскаго министра, по которымъ должны были пробыть еще около трехъ мѣсяцевъ у Филиппинскихъ Островъ. Не прежде 21-го января 1849 года бросили мы якорь у устья рѣки Шанг-Ган.

Такимъ-образомъ въ девять мѣсяцевъ осмотрѣли мы всѣ послѣднія испанскія владѣнія въ индо-китайскихъ моряхъ и всѣ острова, принадлежащіе Серединной Имперіи.

5.

Портъ Шанг-Гаи и Сѣверные Китайцы.

Байонезъ бросилъ якорь въ Янгъ-Тсе-Кіангѣ, при входѣ въ рѣку Вампу, которая въ пяти миляхъ отъ своего устья омываетъ стѣны города Шанг-Гаи. Островъ Цунг-Мингъ, близь котораго остановился нашъ корветъ, раздѣляетъ широкое устье рѣки на два истока. Но какъ самый островъ, такъ и отмели, около которыхъ мы плыли и которыя ежегодно расширяются, образовались новѣйшими наносами рѣки.

На разсвѣтѣ хотѣли мы воспользоваться приливами, чтобъ войдти въ устье Вампу, глубокой и быстрой рѣки, которая у деревни Воссунгъ впадаетъ въ Янгъ-Тсе-Кіангъ. Природа избаловала китайскихъ мореходцевъ. Вѣтеръ въ этихъ странахъ два раза въ годъ постоянно перемѣняетъ свое направленіе, какъ-бы нарочно для выгодъ китайской торговли, а въ приморскихъ рѣкахъ приливъ и отливъ два раза въ день помогаютъ ихъ судоходству. Подражая имъ, и мы стали въ линію прилива и на полныхъ парусахъ полетѣли вверхъ по рѣкѣ. На берегахъ Китая приливы и отливы чрезвычайно-сильны. Въ 1840 году одинъ англійскій пароходъ, несмотря на попутный вѣтеръ и всю силу паровъ едва не разбился въ заливѣ Ганг-чу-фу. Капитанъ Коллинсонъ опредѣлилъ силу этого прилива въ одиннадцать миль въ часъ.

Противъ деревни Воссунгъ бросили мы якорь между англійскими и американскими клипперами. Послѣ Кум-сингъ-муна здѣсь важнѣйшее мѣсто продажи опіума. Лу-Конгъ, На-моа-Шиммо, Фу-чу-фу и Амои — только второстепенныя конторы.

О пріѣздѣ нашемъ ужь заранѣе знали въ Шанг-Гаи. Въ тотъ же вечеръ, несмотря на дождь, вѣтеръ и градъ, французскій консулъ Монтиньи прибылъ къ намъ съ переводчикомъ, котораго и оставилъ намъ для нашихъ оффиціальныхъ и частныхъ сношеній. Поутру пошли мы опять съ приливомъ далѣе вверхъ по рѣкѣ, и онъ былъ такъ силенъ, что мы только приподняли немного нашъ якорь, который часто принуждены были опускать при безпрестанной встрѣчѣ съ китайскими джонками.

Солнце ужь сѣло, когда мы бросили окончательно якорь въ нѣсколькихъ метрахъ отъ набережной города Шанг-Гаи. Площадь у пристани представляла видъ европейскаго города. Домы англійскаго и американскаго консуловъ и негоціантовъ всѣхъ націй украшали ее; но далѣе по рѣкѣ цѣлый лѣсъ китайскихъ джонокъ доказывалъ, что мы на берегахъ Поднебесной Имперіи.

Съ утра мы ужь хотѣли обѣгать Шанг-Гаи, гдѣ, не такъ

какъ въ Кантонѣ, ничто не скрыто отъ любопытства Европейца; но законы этикета не пускали насъ еще на берегъ. Англійскій консулъ Рутсфордъ-Алькокъ хотѣлъ первый сдѣлать визитъ новому французскому посланнику. Въ полдень прибылъ онъ, и мы съ удовольствіемъ спѣшили познакомиться съ человѣкомъ, который недавно передъ тѣмъ обнаружилъ столько хладнокровія и твердости, что всякій бы воинъ позавидовалъ ему.

Пользуясь свободою, данною нанкинскимъ трактатомъ въ Шанг-Гаи, нѣсколько англійскихъ миссіонеровъ явились въ деревню Цинг-пу и стали раздавать Китайцамъ Библіи. Сперва Китайцы брали книги; но когда явились матросы съ джонокъ, произошла ссора и даже драка, въ которой Англичане пострадали, хотя деревенскій староста съ милиціею и освободилъ ихъ, съ почестями отправя въ Шан-Гаи.

Англійскій консулъ потребовалъ удовлетворенія; и какъ оно замедлилось, то объявилъ городъ въ блокадѣ и задержалъ триста джонокъ, нагруженныхъ рисомъ для дворца богдыхана. Одинъ англійскій бригъ съ 16-ю пушками поддерживалъ эту угрозу.

Какъ ни робки Китайцы, но губернаторъ Шан-Гаи не вѣрилъ, чтобъ красноволосые варвары осмѣлились остановить провизію богдыхана. Онъ приказалъ джонкамъ идти впередъ; но при первомъ выстрѣлѣ всѣ они бросили якоря. Губернаторъ видѣлъ, что надобно повиноваться. Въ это время прибылъ другой англійскій бригъ, и коснулъ объявилъ, что онъ поплыветъ въ Нанкинъ требовать тамъ правосудія. Тогда губернаторъ спѣшилъ исполнить все, чего хотѣлъ консулъ.

За это губернатора смѣнили. Мы прибыли ужь при новомъ Тау-таи. Онъ былъ татарскаго происхожденія, и какъ скоро узналъ о прибытіи нашемъ, послалъ намъ сказать, что на другой же день посѣтитъ насъ. Дѣйствительно, часъ спустя послѣ англійскаго консула, прибылъ и онъ при звукахъ гонга и завываніяхъ литавровъ, сопровождавшихъ его поѣздъ.

Лин-ку-эй, мандаринъ третьяго класса, съ синею прозрачною пуговицею, принятъ былъ на палубѣ нашей со всѣми военными почестями, которыя видимо пробудили въ немъ воинственныя чувства.

Только два мандарина вошли съ нимъ вмѣстѣ въ комнату капитана корвета; прочая свита почтительно остановилась у дверей. Съ нашей стороны было ужь пріобрѣтено довольно опытности, чтобъ сообразоваться съ китайскимъ цермоніаломъ. Мы не снимали шляпъ, не сажали гостей по правую руку, но подали сперва чай, а потомъ нѣсколько рюмокъ шампанскаго и водки — любимые напитки Китайцевъ. Это уничтожило вскорѣ всякій этикетъ, и мы вступили въ самый дружескій разговоръ, частью черезъ переводчика, а частью и пантомимою.

Тау-тай былъ видимо сообщителенъ и довѣрчивъ. Онъ просилъ осмотрѣть всѣ подробности корабля, и мы спѣшили удо-

влетворить его желаніе. Трюмъ, нижняя палуба, батарея, пороховая камера, аппаратъ дистиллированія воды — все было предметомъ его изумленія. Но чувство это еще болѣе усилилось, когда, по барабанному бою, артиллеристы бросились къ орудіямъ и залпы двѣнадцати пушекъ большаго калибра начали производиться, какъ ружейный огонь. Къ довершенію его удовольствія, зарядили передъ нимъ двухпудовую мортиру и пригласили его выстрѣлить изъ нея. Вся свита отступила отъ ужаса, но Лин-ку-эй съ мужествомъ принялъ предложеніе и не дрогнулъ при ужасномъ выстрѣлѣ, тогда-какъ товарищи его готовы были бѣжать. Вѣрно, Александръ Македонскій не такъ доволенъ былъ собою послѣ битвы при Арбеллахъ, какъ мандаринъ послѣ этого выстрѣла.

Въ этихъ занятіяхъ быстро протекли часы посѣщенія, и ужь при захожденіи солнца Линъ-ку-эй отправился домой, выразивъ намъ сердечную благодарность заученнымъ французскимъ словомъ: *merci!*

На другой день навѣстилъ насъ американскій консулъ и множество негоціантовъ. Послѣ этого настала наша очередь дѣлать визиты, и первый, по праву, принадлежалъ англійскому консулу. Онъ жилъ во внутреннемъ городѣ, куда велъ цѣлый лабиринтъ узкихъ улицъ. Домъ консульства представилъ чудную смѣсь китайскихъ рѣдкостей и трудолюбія англо-саксонскаго племени. Дерево покрыто было прекраснѣйшимъ лакомъ изъ Нинг-По; мёбель рѣзная изъ Ше-Кіанга; бронзы изъ Нанкина, фарфоръ изъ Су-чу-фу. На этажеркахъ разставлены были всѣ бездѣлки китайской роскоши; однимъ-словомъ, это былъ цѣлый музей, какого въ Европѣ никогда нельзя составить.

Но какъ нашъ первый визитъ былъ оффиціальный, то мы могли только нѣсколько минутъ посвятить на обзоръ этихъ рѣдкостей. Въ два часа ждалъ насъ Тау-тай, и мы должны были явиться къ нему въ назначенный часъ.

На этотъ разъ насъ встрѣтили не гонгомъ, а пушечными выстрѣлами. Китайскій артиллеристъ, затыкая уши, стрѣлялъ изъ девяти чугунныхъ мортирокъ, которыя всякій разъ, послѣ выстрѣла, кувыркались по песку. Залпы Китайцевъ никогда не состоятъ болѣе какъ изъ трехъ выстрѣловъ; но Тау-Тай хотѣлъ намъ отплатить за нашу учтивость на корветѣ и приказалъ стрѣлять безъ счета.

Онъ встрѣтилъ насъ въ сѣняхъ и повелъ черезъ судилище, гдѣ четыреугольный столъ и стулья съ красными подушками составляли всю мёбель залы. На столѣ стояла роковая урна, изъ которой судья вынимаетъ бамбуковыя палки и, передавая ихъ палачу, назначаетъ число ударовъ подсудимому. Перейдя на второй дворъ, мы подъ навѣсомъ нашли приготовленную закуску изъ осахаренныхъ плодовъ, миндаля, пирожковъ, татарскаго сыра и прекраснаго зеленаго чая *ю-цинъ*. Но это драгоцѣнное питье показалось намъ ниже смѣси пе-кое и су-шонга, которою мы часто

угощали мандариновъ. Ю-цинъ составляетъ еще нераспустившіеся листья чайнаго дерева и для грубаго вкуса Европейцевъ кажется слабымъ.

Тау-Тай былъ чрезвычайно-любезенъ и съ искренностью, несродною Китайцу, отвѣчалъ на всѣ наши вопросы. Когда мы заговорили о послѣдней войнѣ Китайцевъ съ Англичанами, онъ тотчасъ же сознался, что провинціальная милиція ихъ никуда негодится и что всѣ береговыя войска Поднебесной Имперіи не въ-состояніи противостать четыремъ европейскимъ полкамъ. Но зато онъ съ гордостью отзывался о татарскихъ войскахъ, стоящихъ около Пекина.

— Еслибъ императоръ рѣшился разстаться съ этими охранителями его особы, сказалъ Тау-тай : — побѣда была бы на нашей сторонѣ.

Лин-Ку-Эй разсказывалъ намъ о военныхъ законахъ своего войска. Смертная казнь опредѣлена каждому солдату, который пойдетъ впередъ по барабанному бою, или не остановится при звукѣ гонга; тому — кто пугаетъ своихъ товарищей разсказами о привидѣніяхъ и мертвецахъ ; кто бродитъ около ставки военачальника, для узнанія его тайнъ; кто не убьетъ врага, а похвастаетъ, что поразилъ его ; кто дѣлаетъ донесеніе о томъ, чего самъ не видалъ; кто хвалится заслугами, которыхъ не оказалъ.

Лин-Ку-Эй представлялъ намъ свою десятилѣтнюю дочь, весьма-миловидную дѣвушку, вовсе непохожую на китайскихъ красавицъ. Отецъ съ нѣкоторою гордостью далъ намъ замѣтить, что ноги ея не изуродованы по китайскому обычаю. Китайцы и Татары совершенно ужь слились въ одну націю; но женщины татарскаго племени никакъ не хотятъ покориться варварскому обычаю Китайцевъ и не сжимаютъ ногъ своимъ дочерямъ съ малолѣтства.

Мы воспользовались этимъ случаемъ, чтобъ спросить у Лин-Ку-Эя о причинѣ этого страннаго обычая, но онъ ничего не зналъ о немъ : недоступная древность скрываетъ его происхожденіе. Вмѣстѣ съ нами Тау-Тай полагалъ, что ревность породила этотъ обычай, принудя женщинъ къ сидячей и домашней жизни.

При закатѣ солнца мы возвратились на Байонезъ.

Исполнивъ всѣ требованія этикета, мы могли, наконецъ, воспользоваться свободою. Китайскій городъ былъ намъ открытъ. *Тигры* не караулили воротъ, какъ въ Кантонѣ; чернь не грозила враждою на всякомъ шагу. Въ Шин-гап Европеецъ владычествуетъ. Здѣсь скорѣе Китайцы у него въ гостяхъ.

Въ этомъ городѣ болѣе 300,000 жителей. Въ Китаѣ тысяча-двѣсти-семьдесятъ-девять такихъ городовъ. Въ окружности городъ имѣетъ до шести миль. Онъ окруженъ бастіонами и валами, но ровъ только со стороны твердой земли. На валахъ, кажется, никогда не бывало пушекъ; многіе домы совершенно прилегаютъ къ стѣнѣ. Подобная ограда слишкомъ-ничтожна для европейскаго войска.

Кто видѣлъ *одинъ* китайскій городъ, тотъ видѣлъ ихъ всѣ. Вездѣ узкія, грязныя улицы, богатые домы подлѣ развалившихся хижинъ; улицы безъ троттуаровъ, безъ мостовой.

Шин-гаи принадлежитъ къ дѣятельнѣйшимъ городамъ Китая. Во всякомъ домѣ лавка, или мастерская. Всѣ издѣлія продаются тамъ дешевле, нежели въ Кантонѣ, и мы бы вѣрно опустошили свои кошельки, если бы ихъ не спасли праздники. Новая луна возвѣстила двадцать-девятую годовщину царствованія Тао-Куанга. Жители Шин-гаи бросили всѣ свои дѣла и занялись угощеніемъ друзей и отогнаніемъ злыхъ духовъ отъ своихъ домовъ.

Китайцы приписываютъ всѣ болѣзни *нечистой силѣ*. У нихъ пять злыхъ демоновъ (лаом-ценъ), которые болѣе всего нападаютъ на новобрачныхъ. По-счастью, всѣ эти духи очень-трусливы; они боятся фейерверочныхъ шутокъ и звука гонга; а потому Китаецъ въ день новаго года, очистивъ и окрасивъ внутренность своего дома, обставя алтарь домашнихъ боговъ фарфоровыми вазами съ разноцвѣтными нарцисами, тотчасъ же потомъ вооружается гонгомъ или цимбалами, и стучитъ въ нихъ, чтобъ прогнать отъ дома злыхъ духовъ. Если въ это время иностранецъ попадется въ улицахъ Шин-гаи, онъ подумаетъ, что всѣ жители съ ума сошли. Онъ бы не повѣрилъ, что весь этотъ ужасный шумъ производятъ самые миролюбивые люди, и что они исполняютъ религіозный обрядъ.

Оставляя поутру корветъ, мы безъ опредѣленной цѣли отправились на берегъ; смотрѣли на каждое происшествіе какъ ротозѣи; рѣзкіе звуки гобоя привлекали насъ въ пагоды, гдѣ, противъ жертвенника, устроенъ былъ на возвышеніи цѣлый оркестръ. Металлическія струны *йон-ками* мѣшались съ густыми звуками *та-тонга* и хриплымъ *сам-сіу* въ то время, какъ несчастный ребенокъ, побагровѣвшій отъ усилій, выкрикивалъ строфы, которыя повидимому должны были убить его. За всю эту музыку платилъ честный купецъ, который сидѣлъ тутъ очень-спокойно, принося жертвы своимъ предкамъ и устанавливая блюда вкуснаго обѣда предъ кумиромъ Будды.

Китайцы — самый нерелигіозный народъ въ свѣтѣ. Они не имѣютъ почти никакого понятія о будущей жизни и съ равнодушіемъ встрѣчаютъ смерть. «Жить и умереть (говорятъ они) «два общіе закона природы, точно такъ же, какъ смѣна дня но-«чью, осени зимою». Китайцы нѣсколько лѣтъ иногда сохраняютъ тѣла умершихъ, и это часто дѣлается не изъ уваженія къ памяти умершаго, а потому, что погребеніе стоитъ дорого.

Въ Шин-гаи наиболѣе видны гибельныя послѣдствія безнравственности и нерелигіозности. Здѣсь на каждомъ шагу толпы нищихъ, умирающихъ въ грязи. При видѣ этого страдающаго и униженнаго человѣчества, невольно возраждается у Китайцевъ презрѣніе къ жизни.

Жрецы Будды построили на правомъ берегу Вампу, въ шести миляхъ отъ Шин-гаи, богатую пагоду, населенную всѣми полу-

богами китайской миѳологіи. Сюда пріѣзжаютъ всѣ иностранцы. Алькокъ самъ повелъ насъ туда и повелъ на восьмиугольную башню, увѣшанную тысячью колокольчиковъ, издающихъ серебристые звуки при каждомъ порывѣ вѣтра. На самой верхней галереѣ этой башни открылся великолѣпный ландшафтъ съ каналами, рѣками и флотиліями. Почти всѣ сельскія жилища стоятъ отдѣльно, окруженныя высокими валами. Нигдѣ не видно ни клочка необработанной земли. Всѣ эти поля, покрываемыя въ іюлѣ мѣсяцѣ водою, служатъ для разведенія риса. На пространствѣ вдвое менѣе всей Франціи, плодородіе земли кормитъ семьдесятъ-два мильйона жителей.

Законы, утвердившіе, двадцать вѣковъ тому назадъ, поземельную собственность въ Китаѣ, установили и правила объ искусственномъ орошеніи полей. Изъ всѣхъ историческихъ преданій видно, что Китай былъ прежде на степени просвѣщенія высшей противъ нынѣшняго, и что начало паденія его считается со вторженія индійскихъ суевѣрій.

Возвратившись на корветъ, мы нашли приглашеніе одного почтеннаго Китайца, предки котораго, ужь двѣсти лѣтъ тому назадъ, приняли христіанство. Пригласительное письмо краснаго цвѣта обвязано было полоскою того же цвѣта, усѣянною іероглифами китайской каллиграфіи, переводъ которой затруднилъ бы всякаго, кто незнакомъ съ пышными формулами этого народа. Письмо было адресовано «къ *великому* начальнику французскихъ морскихъ «силъ, *великому* человѣку». Буква *та* была дважды употреблена. Китайскіе христіане, уважающіе нашихъ миссіонеровъ наравнѣ съ кумирами, не иначе называются ихъ, какъ *та-та* (великій-великій).

Сорвавъ полоску съ письма, мы нашли цѣлую книжечку изъ десяти листковъ. На первомъ была одна буква, значущая «съ прямодушнымъ сердцемъ». На второмъ приглашеніе было написано на двухъ столбцахъ слѣдующимъ образомъ «васъ ждутъ къ скромному обѣду въ двѣнадцатый день первой луны (4 февраля) къ десятому удару часовъ. Вы озарите своимъ присутствіемъ Ло-Цуэна, всенижайше васъ приглашающаго».

Всѣ мы отправились на приглашеніе. Семидесятилѣтній старикъ съ двумя сыновьями и нѣсколькими внуками встрѣтилъ насъ съ величайшимъ радушіемъ. Дѣла этого негоціанта постоянно процвѣтали съ-тѣхъ-поръ, какъ вампоайскимъ трактатомъ прекратились гоненія на христіанъ. Джонки его не попадались въ руки морскихъ разбойниковъ; шелковые товары выгодно продавались въ Тіен-Цинѣ; должники аккуратно платили ему; сыновья его не играли въ кости и не курили опіума: изобиліе и миръ царствовали въ его домѣ.

Въ нижнемъ этажѣ дома его накрытъ былъ для насъ столъ. Мандаринъ перваго класса не угостилъ бы лучше. Конечно, блюда его были вовсе не по нашему вкусу, и мы къ бо́льшей части ихъ не прикасались. Это видимо огорчало хозяина; но наша

веселость и любезность вполнѣ успокоили его. Мы разстались съ нимъ совершенными друзьями.

Три драгоцѣнности существуютъ въ Китаѣ: *Джин-сенгъ, соболи и трава гула.* Корень джин-сенгъ давно извѣстенъ въ Европѣ. Онъ продается на вѣсъ золота и можетъ только служить для богатыхъ. Зато трава гула принадлежитъ бѣднякамъ. Никакіе мѣховые сапоги не сообщаютъ ногѣ такой пріятной теплоты, какъ китайскіе башмаки, выложенные травою гула. Джин-сенгъ возбуждаетъ жизненныя силы въ старости и разогрѣваетъ кровь. Очень-жаль, что ни корня, ни травы этого растенія не попробовали разводить въ Европѣ.

Лин-Ку-эй далъ намъ 8-го февраля вторичный обѣдъ, написавъ, что «всенижайшій, юнѣйшій братъ съ прямодушнымъ сердцемъ ожидаетъ насъ въ 16-й день первой луны и что присутствіе наше озаритъ его обѣдъ.»

О самомъ обѣдѣ говорить, конечно, нечего; но послѣ обѣда дано было для насъ театральное представленіе. Въ той же комнатѣ, гдѣ мы обѣдали, явились актёры и съиграли пять пьесъ, слѣдующаго содержанія:

Выходитъ оборванный бѣднякъ и хвастаетъ съ довольнымъ видомъ, что онъ убилъ человѣка. Прохожій подходитъ къ нему; предлагаетъ ему чаю и *саш-шу;* возбуждаетъ его самолюбіе и выманиваетъ признаніе въ убійствѣ. Это былъ переодѣтый мандаринъ. Убійца, узнавъ его, старается отпереться, но его схватываютъ и ведутъ на казнь.

Вторая пьеса. — Къ невѣрной женѣ приходитъ возлюбленный. Она угощаетъ его. Вдругъ стучится мужъ. Гость прячется подъ кровать, а мужъ бросается на постель и засыпаетъ. Въ эту самую минуту влѣзаетъ воръ въ окно и непримѣтно прячется за кровать. Тогда жена вызываетъ своего гостя и, подавая ему саблю, велитъ умертвить мужа. Тотъ долго не соглашается, но жена хочетъ разбудить мужа и предать его мщенію любовника; любовникъ рѣшается на злодѣяніе. Мужъ убитъ и убійцы спасаются бѣгствомъ. Одинъ воръ остается въ комнатѣ, но онъ ужь не думаетъ о воровствѣ, а спѣшитъ уйдти; едва онъ начинаетъ вылѣзать изъ окна, какъ дозоръ его схватываетъ. Входятъ въ комнату, видятъ убитаго человѣка и ведутъ вора на казнь. Напрасно онъ разсказываетъ, ка́къ все дѣло было, ему не вѣрятъ. Жена является въ это время со слезами, бросается на тѣло мужа и рыдаетъ. Это принимаютъ за доказательство ея невинности, и воръ осужденъ. Но является мандаринъ, разбираетъ дѣло, уличаетъ виновныхъ и предаетъ ихъ казни.

Третья пьеса—состояла изъ балета, въ которомъ молодая чета выражала свою радость и любовь въ присутствіи своего дѣда.

Четвертая пьеса. Ученый Китаецъ пошелъ въ Маньчжурію искать счастія. Маньчжурскій король хочетъ его сдѣлать первымъ министромъ, но тоска по родинѣ мучитъ ученаго, и онъ просится обратно въ отечество. Его ласкаютъ — онъ холоденъ. Ему

предлагаютъ горы богатствъ — онъ отворачивается. На него пускаютъ двухъ тигровъ — онъ побѣждаетъ ихъ. Тогда его отпускаютъ на родину.

Пятою пьесою былъ опять пантомимный балетъ, представлявшій сраженіе Китайцевъ съ Маньчжурами; первые, разумѣется, побѣждали.

Ужь поздно ночью возвратились мы домой и нашли на корветѣ приказаніе отправиться тотчасъ же въ путь. Жизнь моряковъ всегда такова: они вездѣ дома, и въ то же время вездѣ самые непостоянные гости. Но мы сохранили объ этомъ путешествіи много пріятныхъ воспоминаній, пріобрѣли много любопытныхъ свѣдѣній, узнали внутреннюю жизнь Китая, его нравы и обычаи — все, кромѣ его языка, который составляетъ камень преткновенія для Европейца. Извѣстно, что письменный языкъ Китайцевъ содержитъ въ себѣ до ста тысячъ знаковъ, изъ которыхъ каждый выражаетъ какую-нибудь мысль. Для выраженія этихъ ста тысячъ мыслей, на разговорномъ языкѣ существуетъ всего до четырехъ-сотъ односложныхъ звуковъ, выговоръ которыхъ, измѣняемый нѣсколько повышеніемъ, или пониженіемъ голоса, позволяетъ Китайцу различать до мильйона двухъ-сотъ тысячъ звуковъ. Одинъ и тотъ же звукъ, произносимый только съ небольшими оттѣнками и измѣненіями въ голосѣ означаетъ часто предметы, неимѣющіе между собою ни малѣйшаго отношенія. Такъ слово *по* значитъ, смотря по выговору: стекло, варить, молотить, благоразумный, щедрый, приготовить, старуха, разбить, наклонный, немного, поливать, рабъ. Европейское ухо никогда не различитъ столько оттѣнковъ въ выговорѣ одного слова. Отъ этой бѣдности языка словеснаго въ-сравненіи съ языкомъ письменнымъ, произошелъ обычай, порожденный, впрочемъ, необходимостью соединять въ разговорѣ два синонима для обозначенія одного и того же понятія. Такъ, чтобъ сказать: *отецъ* Китаецъ употребитъ выраженіе: *фу-цинъ*, что̀ собственно значитъ *отецъ-родственникъ*, длятого, чтобъ слову *фу* не придали значенія *топора*, потому-что въ обоихъ значеніяхъ слово *фу* выговаривается почти одинаково, хотя и пишется совершенно-различнымъ образомъ. Можно вообразить себѣ поэтому, ка̀къ трудно Европейцу изучить такой языкъ. Надо имѣть очень-тонкій музыкальной слухъ, чтобъ различать оттѣнки этихъ однозвучныхъ и односложныхъ словъ.

VI.

КАФРЫ ДО ПОСЛѢДНЕЙ ВОЙНЫ СЪ АНГЛИЧАНАМИ.

Англичане очень удивились, узнавъ въ послѣднее время, что въ южно-африканскихъ ихъ колоніяхъ началась снова война съ Кафрами. Результатъ войны въ наше время между образованнымъ народомъ и дикарями не подверженъ никакому сомнѣнію. Дисцип-

лина, тактика, артиллерія, даютъ огромный перевѣсъ войскамъ образованной націи. Но какъ послѣдняя война съ Кафрами стоила Англіи два мильйона фунтовъ стерлинговъ, то приверженцамъ миролюбивыхъ реформъ показалось слишкомъ-дорого покупать спокойствіе этой области за такую цѣну, особенно когда вспомнили прежнюю исторію колоніи.

Въ 1795 и 1803 годахъ лордъ Макартней и генералъ Дондасъ, предпринимавшіе экспедицію на берега Оранжевой Рѣки, были разбиты и прогнаны Кафрами. Полковникъ Коллинсъ, участвовавшій въ экспедиціи, увѣрялъ, что нѣтъ возможности возстановить правильнаго управленія надъ этими воинственными и многочисленными племенами. По его мнѣнію, можно было только укрѣпить англійскія границы по большой рыбной рѣкѣ, учредя тутъ *военныя фермы*, жители которыхъ были бы обязаны составить отрядъ для отбитія похищенныхъ стадъ.

Однакожь, вскорѣ потомъ Ганкасы (одно изъ воинственнѣйшихъ племенъ Кафровъ) напали на эти пограничныя колоніи, сожгли 458 домовъ, увели и убили 5,438 лошадей, 111,418 головъ рогатаго скота и 156,878 барановъ. За это началась война, которая окончилась мирнымъ договоромъ и уступкою Англичанамъ еще одной полосы земли, тогда-какъ и прежнихъ областей она не въ-состояніи была защищать.

До 1846 года капская колонія наслаждалась миромъ. Но въ это время вновь вспыхнула война, которая прекрасно описана г-жею Вардъ, женою одного изъ англійскихъ офицеровъ, участвовавшихъ въ войнѣ. Г-жа Вардъ еще до начала военныхъ дѣйствій видѣлась со многими предводителями кафрскихъ племенъ: Сандилли, Пато, Макамо. Всѣ они увѣряли Англичанъ въ искренней дружбѣ, а между-тѣмъ готовили ужасную измѣну. Вотъ портретъ Сандилли, какимъ его описываетъ г-жа Вардъ: «О Сандилли говорятъ или какъ о безумцѣ, или какъ о бездѣльникѣ. При немъ всегда находится *имрадъ*, или совѣтникъ, который, подъ скромнымъ именемъ переводчика, внушаетъ ему всѣ слова и дѣла. Исторія этого молодаго предводителя Кафровъ довольно-любопытна. Онъ родился съ тѣлеснымъ недостаткомъ, по которому подвергался смерти въ самой колыбели : у него одна нога была короче другой. У Кафровъ подобныхъ дѣтей убиваютъ. Но какъ мать родила его во время войны, то и могла его спрятать. Впослѣдствіи сдѣлался онъ предводителемъ нѣсколькихъ племенъ. Ему теперь только 21 годъ».

Война 1846 года была упорна. Она доказала, что Кафры научились у Англичанъ военному искусству. Во время мира дикари выписали себѣ изъ Англіи ружья , которыя и были имъ доставлены честными ливерпульскими и манчестерскими купцами. При началѣ военныхъ дѣйствій Сандилли явился съ 2000 кавалеристовъ , вооруженныхъ ружьями. Побѣда часто колебалась. При Борнс-Гиллѣ Англичане были принуждены,

подъ градомъ пуль, взбираться на лѣсистыя вершины, гдѣ скрывались тысячи Кафровъ, кричавшихъ имъ: *изапо, изапо* (идите!)

При фортѣ Педди сражались девять тысячъ Кафровъ. Чрезъ два дня потомъ произошло новое дѣло на берегахъ Гванги, гдѣ предводительствовалъ дядя Сандилли, Макамо, который поражалъ дубиною всѣхъ отступавшихъ и обращавшихся въ бѣгство.

Послѣ четырехмѣсячной войны кафрскіе предводители поссорились между собою. Макамо первый сталъ просить мира; Стокъ, другой предводитель, положилъ оружіе и принялъ условія Англичанъ, а именно: «пасть къ ногамъ англійскаго губернатора, объявить себя его *фингу* (невольникомъ), признать себя лишеннымъ власти, оставить жилище, гдѣ покоятся кости его праотцевъ, и просить уголка земли, гдѣ бы онъ могъ жить спокойно».

Стокъ плакалъ, исполняя эти условія. Онъ сдалъ тридцать-три ружья и тридцать шесть широкихъ сабель. Долго онъ не хотѣлъ соглашаться на выдачу оружія, но наконецъ покорился необходимости.

Только Камо, предводитель, принявшій христіанскую вѣру, остался вѣренъ Англичанамъ и оказалъ имъ много услугъ. Между враждебными предводителями была одна внучка англійскаго генерала Кэмбля, котораго дочь во время кораблекрушенія была захвачена Кафрами и сдѣлалась *великою женою* ихъ предводителя. Дочь ея была избрана потомъ предводительницею племени, но воевала съ Англичанами, говоря, что ее припуждаютъ къ этому.

Сандилли выдалъ потомъ также часть своего оружія, около пятидесяти ружей и возвратилъ до сорока быковъ.

Несмотря на это, война не кончилась, но ограничилась только отдѣльными разбоями. Надобно было вновь начать военныя дѣйствія противъ Патò и Сандилли. Послѣдняго взяли въ плѣнъ и привели къ губернатору въ Грагамс-Тоунъ. Но, по усильнымъ просьбамъ его матери, дикаря пощадили. Мать увѣряла, что онъ будетъ *вѣрною собакою* губернатора : опытъ еще мало научилъ Англичанъ какъ надо вѣрить всѣмъ этимъ словамъ.

Макамо также просилъ пощады. Къ Англичанамъ явилась дочь его Амахейя и сказала губернатору слѣдующее:

— Возврати отцу моему власть, и я останусь у тебя. Я буду порукою въ его вѣрности къ бѣлымъ, я буду чужда своему народу и послѣдую вездѣ за тобою. Твой домъ будетъ моимъ домомъ; я забуду все и буду жить для тебя. Я все обдумала, намѣреніе мое твердо.

Губернаторъ не принялъ этого страннаго предложенія, и отпустилъ отца вмѣстѣ съ дочерью.

Въ декабрѣ 1847 года прибылъ въ капскую колонію новый губернаторъ сэръ Гарри Смитъ.

При свиданіи съ Сандилли, губернаторъ спросилъ его:

— Кто теперь главный предводитель кафрскихъ племенъ (энкози-энъ-кулу)?

— Крели! отвѣчалъ Сандилли.

— Нѣтъ! вскричалъ съ гнѣвомъ сэръ Гарри: — *Я* вашъ главный предводитель. *Я* пришелъ наказать ваше вѣроломство и злодѣйства. Позволяю вамъ поцаловать мою ногу, въ знакъ покорности; но покуда не увижу въ васъ искренняго раскаянія, не допущу васъ къ рукѣ моей. Отъ меня, какъ отъ представителя англійской королевы, будете вы получать области и званія. Слово мое будетъ вашимъ закономъ. Кто ослушится, будетъ уничтоженъ».

Слова эти были выслушаны съ покорностью и подобострастіемъ; но не прошло и трехъ лѣтъ, какъ всѣ эти предводители снова возстали, и война еще до-сихъ-поръ продолжается со всѣми ужасами и жестокостями.

VII.

СПАСИТЕЛЬ ВДОВЪ.

Тридцатаго августа 1838 года, въ остиндскомъ городѣ Удипорѣ, должна была совершиться ужасная церемонія. Въ полдень пушечные выстрѣлы съ цитадели возвѣстили, что магараджа джуван-сингъ скончался. По обычаю, существующему въ тропическихъ земляхъ, приготовленія къ похоронамъ начались тотчасъ же. Жадная чернь толпилась у воротъ дворца. Возгласы ея и тѣлодвиженія доказывали, что она ожидала зрѣлища болѣе-поразительнаго, нежели простыя похороны джуван-синга. Знали, что удипорскій принцъ не сойдетъ въ могилу предковъ, невозведя съ собою на костеръ хотя одной жены. Разногласіе было только въ числѣ жертвъ. Какъ же удивилась и обрадовалась толпа, когда разнеслась вѣсть, что двѣ супруги и шестеро изъ семи фавритокъ покойника изъявили желаніе быть сожженными съ тѣломъ магараджи. Седьмая извинялась тѣмъ, что не чувствуетъ вдохновенія, которое нужно для подобнаго обряда. Это извиненіе было принято благосклонно толпою.

Приготовили костеръ. Всѣ восемь жертвъ, одѣтыя въ богатѣйшія платья, ѣхали верхомъ до мѣста всесожженія. Тамъ сняли онѣ съ себя всѣ украшенія и драгоцѣнности, роздали ихъ зрителямъ и мужественно стали надъ тѣломъ покойника. Какъ магараджа не оставилъ по себѣ сына, то честь зажженія костра принадлежала племяннику. Музыка, пѣніе жрецовъ, крикъ толпы заглушили голосъ жертвъ, и обрядъ былъ совершенъ со всею торжественностью. Отецъ одной изъ сожженныхъ супругъ присутствовалъ при обрядѣ. Онъ былъ погруженъ въ созерцательную горесть, и друзья утѣшали его.

Таково было еще въ недавнее время во всей Индіи уваженіе къ обрядамъ древности. Но съ-тѣхъ-поръ произошли многія важныя перемѣны. Никогда Индусы не измѣняли своего вѣрова-

нія, и, однакожь, многія, независимыя даже отъ Англіи, владѣнія отвергли эти жертвы сожженія вдовъ, хотя обрядъ этотъ составлялъ существенную принадлежность ихъ религіи.

Первое движеніе реформы произошло въ самыхъ нѣдрахъ суевѣрія, въ небольшой группѣ владѣній, на сѣверо-западныхъ границахъ, извѣстныхъ подъ названіемъ раджпутана. Уваженіе всей Индіи къ крови раджпутановъ (буквально — крови князей) слишкомъ-извѣстно. Послѣднее сожженіе вдовы происходило тамъ въ октябрѣ 1840 года. Въ это время умеръ въ Котахѣ браминъ, по имени Лухмунъ, и вдова его изъявила желаніе быть сожженною вмѣстѣ съ тѣломъ своего супруга. Дѣйствительно, черезъ три часа послѣ смерти брамина, вдова соединилась съ нимъ въ царствѣ мертвыхъ. Напрасны были всѣ представленія и увѣщанія англійскаго резидента. Всякое постороннее вмѣшательство еще болѣе усиливаетъ фанатизмъ Индійцевъ, и англійское правительство оффиціально предписало своимъ агентамъ сохранять въ этомъ дѣлѣ строгій нейтралитетъ.

Майору (нынѣ подполковнику) Лудлоу пришла вдругъ смѣлая мысль уничтожить это суевѣріе. Планъ былъ очень-простъ. Ученые оріенталисты давно ужь доказали, что обычай сожженія вдовъ не только не требуется законами, но еще воспрещенъ древнѣйшими и уважаемыми книгами Индусовъ. Другое обстоятельство и другой варварскій обычай помогли уничтожить обрядъ *Сутти* (религіозное сожженіе вдовъ).

Извѣстно, что на Востокѣ, старая дѣва—очень-предосудительное лицо. Состарѣвшаяся раджпутская дѣвушка почитается стыдомъ семейства. Но и самый бракъ имѣетъ тамъ свои невыгоды. Большая часть имѣнія невѣсты поглощается подарками, требуемыми жрецами и музыкантами, которые тотчасъ же сбѣгаются на брачную церемонію. Чтобъ избѣжать этихъ двухъ бѣдъ, Раджпуты прибѣгаютъ къ самому ужасному средству, къ дѣтоубійству. Родители воспитываютъ именно столько дѣвушекъ, на сколько у нихъ есть имущества для приданаго; остальныхъ убиваютъ. Всѣ знаютъ, что это злодѣйство существуетъ, но изъ приличія не разглашаютъ о немъ, а правительство не думаетъ противиться этимъ домашнимъ распоряженіямъ.

Когда родится сынъ у Индуса, извѣстіе объ этомъ сообщается всѣмъ роднымъ и знакомымъ; если же родится дочь, то на всѣ вопросы являющагося съ поздравленіями и вопросами: кто родился? отвѣчаютъ «никого!» Всѣ понимаютъ это и безмолвно расходятся.

Майоръ Лудлоу вздумалъ начать свои реформы сперва съ уничтоженія этого варварскаго обычая. Онъ придумалъ ввести во владѣнія Раджпутаны общій законъ, по которому приданое должно быть ограничено извѣстною частью доходовъ, получаемыхъ отцомъ, и кто потребуетъ больше, тотъ подвергается наказанію. Усилія майора увѣнчались успѣхомъ. Изданъ былъ общій законъ, который прекратилъ ужасный обычай дѣтоубійства.

Половина дѣла была окончена. Лудлоу возвратилъ дѣтей матерямъ. Оставалось возвратить матерей дѣтямъ. По-счастію, встрѣтилъ онъ драгоцѣннаго помощника въ лицѣ министра финансовъ того самого раджи, у котораго Лудлоу былъ резидентомъ.

Сет-Маник-Шундъ принадлежалъ къ сектѣ тѣхъ Индійцевъ, которые довели до-невозможности предразсудокъ не убивать никакихъ животныхъ. Вѣря переселенію душъ, секта эта въ каждомъ насѣкомомъ видитъ своего предка. Жрецы ея ходятъ всегда съ метлою, чтобъ сметать дорогу, по которой идутъ, а ротъ завѣшиваютъ тканью. Это дѣлается длятого, чтобъ не раздавить или не проглотить какого-нибудь родственника. Хорошо, что эти люди никогда не видали микроскопа. Это уваженіе ко всему живущему заставляетъ ихъ не ободрять и жертвы *Суттіевъ*.

Пользуясь вліяніемъ этого человѣка, майоръ Лудлоу обратился къ чувству національной гордости и внушилъ главному жрецу Индусовъ, что этотъ варварскій обычай сдѣланъ былъ какимъ-нибудь враждебнымъ въ-древности племенемъ, которое, безъ сожженія вдовъ, не увѣрено было, что честь покойниковъ остается неприкосновенною. Жрецъ благосклонно принялъ всѣ эти внушенія, и черезъ полгода объявилъ всенародно, что самовольное сожженіе вдовы не столь пріятно богамъ, какъ жизнь, проведенная въ цѣломудріи и подвигахъ набожности.

Это былъ важный шагъ; но Лудлоу зналъ, что отъ малѣйшаго обстоятельства все дѣло может испортиться, и потому старался дѣйствовать скрытно, невыставляя себя нисколько передъ Индусами.

Члены совѣта регенства мало-по-малу всѣ приняли мнѣніе министра финансовъ, но не хотѣли дѣйствовать именемъ молодаго раджи; однакожь, все высшее сословіе объявило себя на сторонѣ уничтожителей закона о всесожженіи. Три провинціи, подвластныя раджѣ, обнародовали законъ, запрещающій вдовамъ сожигаться на кострѣ. Примѣру ихъ послѣдовали сосѣдственныя владѣнія.

Тогда майоръ Лудлоу приступилъ къ рѣшительнымъ мѣрамъ. Онъ обратился къ предводителямъ разныхъ племенъ и, основываясь на вновь-изданныхъ законахъ, запретилъ не сожигать вдовъ, а убѣждать ихъ къ этому, подъ страхомъ строгаго наказанія виновныхъ.

23-го августа 1846 года Совѣтъ джипорскаго регентства подалъ примѣръ всѣмъ независимымъ владѣніямъ раджпуты, объявя «преступными жертвы Суттіевъ и назнача строгія наказанія противъ тѣхъ, которые примутъ въ нихъ какое-нибудь участіе». Такимъ-образомъ Лудлоу Индія обязана уничтоженіемъ одного изъ самыхъ варварскихъ обычаевъ религіознаго фанатизма, и благородный майоръ, по всей справедливости, заслужилъ прозваніе «спасителя вдовъ», которое дали ему Англичане.

VIII.

ОБЪ ОТНОШЕНІЯХЪ МЕЖДУ ЖИВОТНЫМИ И СРЕДИНАМИ, ВЪ КОТОРЫХЪ ОНИ ОБИТАЮТЪ.

(Статья Агасси.)

Средины, въ которыхъ обитаютъ животныя, служили основаніемъ первыхъ попытокъ къ составленію зоологическихъ классификацій. Этими срединами руководствовались почти всѣ авторы XVI-го и XVII-го столѣтій, какъ Гесснеръ, Ронделе, Белонъ, Альдовранъ. Позже, когда начали обращать вниманіе болѣе всего на организацію самыхъ животныхъ, средины, въ которыхъ живутъ они, еще сохраняли нѣкоторое вліяніе; это продолжалось до-тѣхъ-поръ, пока успѣхи сравнительной анатоміи, съ каждымъ днемъ открывая болѣе-и-болѣе важность внутренняго строенія, не уничтожили мало-по-малу значительности вліянія обстоятельствъ внѣшней жизни животныхъ.

Матеріалы, доставленные сравнительною анатоміею, были единогласно приняты, какъ средства, служащія къ прочному основанію естественной классификаціи.

Новѣйшіе успѣхи зоологіи открыли, однакожь, другіе пути къ усовершенствованію этой системы, а именно: путь эмбріологіи, вліяніе которой на изученіе постепеннаго развитія живыхъ существъ, весьма-велико. Желаніе изслѣдовать различные вопросы, связанные съ изученіемъ естественныхъ отношеній между животными, побудило г. Агасси разсмотрѣть вопросъ о вліяніи на животныхъ тѣхъ элементовъ, въ которыхъ они живутъ.

Бо́льшая часть водяныхъ животныхъ имѣетъ общій, имъ свойственный характеръ, отличающій ихъ отъ животныхъ земныхъ и воздушныхъ. Строеніе дыхательныхъ органовъ достаточно подтверждаетъ это. Но различіе не останавливается только на этомъ; оно замѣчается во всемъ организмѣ и дѣлается тѣмъ поразительнѣе, чѣмъ подробнѣе производятся сравненія между второстепенными группами животнаго царства. Ясно, что вліяніе срединъ должно быть подчинено выводамъ, даннымъ сравнительною анатоміею и эмбріологіею, и что оно играетъ второстепенную роль. Но неменѣе того вліяніе это весьма-важно и строгій анализъ покажетъ, что оно очень-близко связано съ составленіемъ второстепенныхъ дѣленій на классы и что, вообще, въ каждомъ типѣ животнаго царства группы водяныхъ стоятъ ниже группъ земныхъ животныхъ.

Отдѣленіе *Лучистыхъ* (Radiata), состоитъ изъ самыхъ несовершенныхъ организмовъ и заключаетъ въ себѣ животныхъ водяныхъ и притомъ, исключая водянаго змѣя (hydrus), только морскихъ.

Агасси раздѣляетъ лучистыхъ животныхъ на три класса: на полиповъ (polypi), акалефовъ (acalephae) и шероховиковъ (echinodermata). Изъ нихъ онъ исключаетъ инфузорій и глистъ.

Въ полипахъ, акалефахъ и шероховикахъ онъ замѣчаетъ, что существа, наиболѣе-несовершенныя, прикрѣплены къ землѣ, болѣе-совершенныя — свободны. Тѣ и другія имѣютъ хотя одну часть своего тѣла — лучистую.

Истинно-лучистыя составляютъ водяныхъ животныхъ и притомъ почти все морскихъ; отсюда видно, что строеніе лучистыхъ несовмѣстно съ жизнью воздушною. Низшая степень организаціи принадлежитъ морю не только въ наше время, но принадлежала ему и въ предшествовавшую эпоху, потому-что извѣстно, какое изобиліе лучистыхъ ископаемыхъ находятъ въ древнихъ осадкахъ, тогда-какъ никогда не находили ихъ въ мѣстахъ, занимаемыхъ прѣсною водою. Вѣроятно, существуетъ какое-нибудь неизвѣстное отношеніе между несовершенными организаціями и свойствами морской воды. Въ-самомъ-дѣлѣ, мы видимъ, что лучистыя животныя, помѣщенныя въ прѣсную воду, скоро погибаютъ, а нѣкоторыя изъ нихъ поражаются смертью почти мгновенно.

Отдѣлъ *Слизняковъ* (Mollusqua) составляетъ три класса: безголовыхъ (acephala), чревоходовъ (gasteropoda) и головоногихъ (cephalopoda), между которыми безголовыя несовершеннѣйшія, а головоногія болѣе-совершенны. Нужно замѣтить, что всѣ безголовыя и головоногія—водяныя животныя, а нѣкоторыя изъ чревоходовъ принадлежатъ уже къземнымъ.

Между лучистыми животными мы не находимъ ни одного типа земнаго, и только одинъ рѣчной; между-тѣмъ, какъ слизняки, строеніе которыхъ болѣе-совершенно, представляютъ большое количество типовъ рѣчныхъ и нѣсколько земныхъ.

Начиная съ безголовыхъ, мы видимъ, что всѣ бріозоэры полипообразныя и покрышчатыя животныя принадлежатъ къ морскимъ, исключая нѣкоторые роды рѣчныхъ бріозоэровъ. Плеченогія (brachiopoda) также принадлежатъ безъ исключенія къ морскимъ. Пластинкожаберныя (lamellibranchiata) бо̀льшею-частью морскія, хотя есть между ними нѣсколько и рѣчныхъ типовъ. Такимъ-образомъ цѣлый классъ безголовыхъ принадлежитъ къ водянымъ, и преимущественно къ морскимъ; рѣчные же типы этого класса составляютъ группы животныхъ болѣе-развитыхъ.

Чревоходы представляютъ слѣдующее раздѣленіе: типы болѣе-несовершенные (foraminifera, pteropoda и heteropoda) суть исключительно-морскія; высшій типъ (чревоходы собственно такъ-называемые) заключаетъ группы рѣчныя и земныя; флебентеры (phlebenteres) и гребнежаберныя (pectenibranchiata) менѣе-совершенны и принадлежатъ къ морскимъ животнымъ.

Головоногія, повидимому, составляютъ исключеніе. Изъ слизняковъ они болѣе-совершенны и, однакожь, принадлежатъ все-таки къ морскимъ. Объясненіе такого явленія, вѣроятно, заклю-

частся въ томъ, что классъ этотъ достигъ высшей степени своего развитія въ древнюю геологическую эпоху, и что онъ нынче почти вывелся.

Что касается до *Суставчатыхъ* (articulata), Агасси не согласенъ съ мнѣніемъ натуралистовъ, раздѣляющихъ этихъ животныхъ на два подраздѣленія: червей и суставчатыхъ, имѣющихъ ноги. Онъ полагаетъ, что черви суть представители переходнаго состоянія отъ существъ, принадлежащихъ къ высшему разряду; такимъ-образомъ въ отдѣлѣ суставчатыхъ онъ принимаетъ три класса: 1) черви, которыхъ кожа не раздѣлена на явственныя колечки и которые не бываютъ снабжены суставчатыми членами (глисты и аннелиды); 2) скорлупняки (crustacea) съ членами суставчатыми и съ жабернымъ дыханіемъ (скорлупняки собственно и кистеногія); 3) насѣкомыя, съ членами суставчатыми и дыханіемъ воздушнымъ (многоногія, паукообразныя и проч.). Глисты между червями составляютъ низшіе типы, и насѣкомыя собственно такъ-называемыя суть болѣе-совершенныя животныя, хотя у нихъ кровообращеніе на низшей степени, нежели у скорлупняковъ; насѣкомыя осуществляютъ типъ суставчатыхъ, снабжены органами летанія и дыханіемъ въ воздухѣ. Агасси думаетъ, что между скорлупняками, лернеи паразиты самыя низшія, и что потомъ слѣдуютъ кистеногія, за ними скорлупняки обыкновенные. Далѣе водяныя блохи (entomostraea), высшее же мѣсто принадлежитъ толстокожимъ скорлупнякамъ (malacostraca). Глисты тѣ же паразиты и притомъ водяные; аннелиды живутъ всѣ въ водѣ, потому-что даже земные черви не могутъ обойдтись безъ влажности. Скорлупняки также принадлежатъ къ водянымъ; здѣсь въ частности только одно исключеніе: скорлупняки рѣчные (раки) стоятъ ниже морскихъ; находятъ также большое количество скорлупняковъ-паразитовъ на рыбахъ прѣсной воды, изъ чего можно заключить, что на чужеядныхъ животныхъ мало имѣетъ вліянія окружающая ихъ средина. Допустивъ первенство насѣкомыхъ сосущихъ надъ животными тѣхъ же породъ, но вооруженныхъ щупальцами, мы увидимъ, что сѣтчатокрылыя насѣкомыя (nevroptera), которыхъ должно разсматривать какъ самыхъ низшихъ—водяныя въ состояніи гусеницъ и даже имѣютъ наружныя жабры во время этого періода. Далѣе слѣдуютъ жесткокрылыя (coleoptera), между которыми мы находимъ гусеницъ водяными и большое количество земныхъ породъ. Къ разряду болѣе-совершенному относятся прямокрылыя (ortoptera), которыя подвержены превращенію несовсѣмъ-полному, но которыхъ развитіе совершенно-земное; плевистокрылыя (hymenoptera) имѣютъ превращеніе болѣе-полное, и уже будучи личинками, въ нѣкоторыхъ типахъ имѣютъ формы значительно-развитыя.

Между животными сосущими низшіе типы суть водяные или съ личинками водяными; далѣе слѣдуютъ двукрылыя (diptera), которыхъ личинки хотя принадлежатъ къ водянымъ, однакожь, въ полномъ развитіи двукрылыя ведутъ родъ жизни воздушный. На-

конецъ, у чешуекрылыхъ или бабочекъ (lepidoptera) всѣ личинки принадлежатъ къ земнымъ, и въ высшихъ группахъ имѣютъ организацію значительно-усовершенствованную. Если мы сравнимъ цѣлый типъ суставчатыхъ или съ лучистыми, или со слизняками, то увидимъ, что онъ не только имѣетъ бо́льшее число типовъ земныхъ и воздушныхъ, но что даже одинъ изъ классовъ весь принадлежитъ къ воздушнымъ, и что хотя эти животныя въ первомъ періодѣ превращенія водяныя, но все-таки принадлежатъ къ рѣчнымъ, а не къ морскимъ. Итакъ мы должны и здѣсь заключить, что жизнь эемная или жизнь воздушная стоитъ выше относительно организма, нежели жизнь водяная, и что между животными, обитающими въ водѣ, типы рѣчные должны быть поставлены выше типовъ морскихъ.

Далѣе Агасси старается указать, что этотъ взглядъ, относительно послѣдовательности развитія трехъ первыхъ типовъ животныхъ безпозвоночныхъ, подтверждается періодами геологическими.

Что касается до позвоночныхъ, то должно въ-частности разсматривать каждое изъ второстепенныхъ раздѣленій, потому-что, если рыбы классъ безъ исключенія водяной, стоятъ ниже другихъ, то тѣмъ неменѣе мы видимъ, что между пресмыкающимися, болѣе-совершенными, какъ черепахи, находятся морскія животныя, и что между морскими есть птицы и даже млекопитающія. По мнѣнію Агасси, совершенство организма позвоночныхъ, дѣлающее ихъ независимыми отъ вліянія временъ года, поставляетъ ихъ въ меньшую зависимость отъ срединъ, въ которыхъ они живутъ; между-тѣмъ, какъ въ низшихъ животныхъ ихъ метаморфозы и продолженіе жизни находится въ совершенной зависимости отъ годовыхъ временъ. Въ этомъ отношеніи мы находимъ большое различіе между классами, потому-что рыбы всѣ принадлежатъ къ водянымъ, между-тѣмъ, какъ пресмыкающіяся, птицы и млекопитающія, относительно мѣстъ ими обитаемыхъ, представляютъ весьма-большое разнообразіе.

Агасси, неначиная сравнивать классы, разсматриваетъ вопросъ объ объемѣ видовъ. Онъ говоритъ, что въ низшихъ отдѣлахъ морскіе виды обыкновенно заключаютъ въ себѣ животныхъ меньшаго объема, нежели рѣчные и земные; слизняки и суставчатыя представляютъ тому множество примѣровъ; млекопитающія и пресмыкающіяся морскія превосходятъ объемомъ млекопитающихъ и пресмыкающихся земныхъ. Всѣ эти факты замѣчательнымъ образомъ согласуются съ порядкомъ послѣдовательности геологическихъ періодовъ.

Между рыбами морскіе виды имѣютъ бо́льшую величину. Морскія черепахи объемомъ своимъ превосходятъ рѣчныхъ и земныхъ. Жабы и ящеровидные гады рѣчные (крокодилы и проч.) имѣютъ бо́льшую величину, нежели земныя. Пеликаны, лебеди и прочія, объемисты и тяжелы, и если страусъ повидимому составляетъ исключеніе, мы не должны забывать, что ему предшество-

вали представители еще бо́льшей величины. Наконецъ, киты не могутъ быть сравниваемы ни съ какими млекопитающими земными. Между рыбами сороиды, которыя, по строенію своему, могутъ быть поставлены въ главѣ этого класса, всѣ принадлежатъ къ рѣчнымъ. Круглоротыя рыбы (cyclostoma) рѣчныя, болѣе совершенны, нежели морскія.

Классъ пресмыкающихся можно считать однимъ изъ самыхъ любопытныхъ въ томъ отношеніи, въ которомъ мы разсматриваемъ предметъ, и каждый изъ типовъ, принадлежащихъ къ этому классу, служитъ поразительнымъ доказательствомъ близкаго отношенія, существующаго между типами животныхъ и срединою, въ которыхъ они живутъ. Жабы (batrachii) раздѣляются на земныя и рѣчныя породы. Ихтовиды, или рыбо-жабы съ постоянными жабрами принадлежатъ всѣ къ водянымъ и, очевидно, по строенію самыя низшія въ классѣ. Нѣкоторыя изъ низшихъ видовъ живутъ въ тѣнистыхъ болотахъ; и нельзя не согласиться, что лягушки, у которыхъ пальцы болѣе или менѣе лапчаты, съ ихъ жизнью болѣе водяною, стоятъ ниже жабъ, которыхъ пальцы раздѣлены и которыя живутъ на землѣ.

Ужеобразныя или змѣи (ophidii) представляютъ бо́льшею-частью земныя породы; морскія же и водяныя очень-рѣдки; но и здѣсь морскія змѣи съ ихъ сплющенными хвостами стоятъ ниже земныхъ, и между ними тѣ, которыя имѣютъ зачатокъ заднихъ конечностей, занимаютъ высшее мѣсто.

Можно бы сдѣлать нѣкоторыя возраженія относительно ящеровидныхъ гадовъ, между которыми болѣе-совершенный типъ крокодила, преимущественно рѣчной; но Агасси говоритъ, что крокодилы, вѣроятно, только послѣдніе, переродившіеся представители обширной породы, которая была распространена въ допотопное время; тогда первые представители этой породы были морскіе типы, снабженные, вмѣсто раздѣльныхъ пальцевъ, плавательными перьями; такимъ-образомъ, вмѣсто того, чтобъ быть исключеніемъ, нынѣшніе крокодилы, принадлежащіе или къ рѣчнымъ, или къ земнымъ, должны быть разсматриваемы какъ высшіе представители этого типа исчезнувшихъ пресмыкающихся.

Наконецъ черепахи (Chelonii) всего-лучше доказываютъ мысль Агасси: низшую степень этого класса занимаютъ морскія черепахи, очевидно, не только по формѣ органовъ движенія, но и по устройству ихъ внутреннихъ органовъ, особливо яичниковъ, почти въ такомъ же количествѣ наполненныхъ яйцами какъ и у рыбъ. Высшее мѣсто должно быть предоставлено земнымъ черепахамъ съ ихъ маленькими разъединенными пальцами. Такимъ-образомъ этотъ классъ въ своихъ типахъ земныхъ, рѣчныхъ и морскихъ, доказываетъ, что родъ жизни во многихъ случаяхъ можетъ служить самъ-по-себѣ вѣрнымъ руководителемъ для опредѣленія степени развитія животнаго.

Всѣ натуралисты согласны въ томъ, что лапчатоногія (Palmipeda) составляютъ самый низшій классъ между птицами. Форма

ногъ, сохраняющая характеръ утробной жизни, перья нерѣдко чешуйчатыя, многочисленныя яйца, дѣтеныши, нетребующіе большой заботливости, подтверждаютъ это мнѣніе. Птицы земныя и воздушныя очевидно ихъ превосходятъ.

Между млекопитающими, киты составляютъ естественный классъ, въ которомъ относительное несовершенство очевидно; всѣ они исключительно принадлежатъ къ морскимъ. Гиппопотамъ, принадлежа къ водянымъ, стоитъ ниже носорога и слона. Утконосъ (Ornithorinchus) уступаетъ мѣсто эхиднѣ (Echidna). Еще болѣе очевидно различіе между тюленемъ и плотоядными животными.

Агасси идетъ еще далѣе, сравнивая виды одного и того же рода и разности одного и того же вида; онъ замѣчаетъ, что медвѣдь полярныхъ странъ стоитъ ниже бураго медвѣдя, и что виды собакъ, съ ногами нѣсколько-перепончатыми, не такъ совершенны, какъ виды, у которыхъ совсѣмъ нѣтъ перепонокъ между пальцами.

Факты, приведенные нами и заключеніе, которое мы вывели изъ нихъ, по мнѣнію Агасси, убѣждаютъ въ томъ, что ни одинъ безпристрастный наблюдатель не можетъ отрицать важности изученія естественныхъ отношеній, существующихъ между животными и срединами, въ которыхъ они живутъ, также, какъ и близкой связи между животными и большимъ или мѐньшимъ совершенствомъ ихъ организма. Агасси удивляется, отчего такъ долго оставляли безъ вниманія эту точку зрѣнія, которой еще древніе натуралисты оцѣнили важность, и которая руководила ими при раздѣленіи на классы животныхъ по срединамъ, въ которыхъ они живутъ, на что не обращается никакого вниманія во всѣхъ нынѣшнихъ систематическихъ классификаціяхъ.

Агасси заключаетъ свою статью весьма-дѣльнымъ замѣчаніемъ. Лучистые слизняки и суставчитыя животныя попреимуществу водяныя, и земные типы этихъ животныхъ не иначе могутъ дышать атмосфернымъ воздухомъ, какъ помощію аппарата, подходящаго нѣсколько къ жабрамъ. Напротивъ, позвоночныя попреимуществу принадлежащіе къ земнымъ животнымъ, въ-состояніи зародышей, имѣютъ двойной аппаратъ: жаберный и лёгочный, но въ нормальномъ состояніи ихъ развитія происходитъ исчезаніе перваго и увеличеніе втораго. Рыбы устроены такимъ же образомъ, но органы жаберные, которые у высшихъ позвоночныхъ животныхъ не составляютъ существенной принадлежности, остаются у рыбъ навсегда, лёгочный же аппаратъ у нихъ принимаетъ форму плавательнаго пузыря. Очевидно, что, для составленія полнаго отчета объ организаціи и отношеніяхъ животныхъ, должно обращать вниманіе на всѣ эти факты, и что отношеніе животныхъ къ срединамъ, въ которыхъ они живутъ, представляетъ намъ замѣчательныя данныя, которыми нельзя пренебрегать, если мы захотимъ имѣть полную идею о классификаціи животнаго царства, и объ отношеніхъ различныхъ породъ животныхъ между собою.

IX.

ЖОЗЕФИНА ГРАССИНИ.

Еще нѣтъ и года, какъ одна изъ знаменитѣйшихъ пѣвицъ Италіи, славившаяся въ началѣ нынѣшняго столѣтія, скончалась въ Миланѣ. Имя Жозефины Грассини блистало при дворѣ Наполеона, который привезъ ее въ Парижъ послѣ Маренго, какъ трофей побѣдителя. Когда Наполеонъ палъ, и она сошла со сцены. Несчастія властителя, казалось, отняли и у нея голосъ.

Грассини была соперницею Каталани въ искусствѣ пѣнія. Обѣ были великія артистки пѣнія, хотя и въ разныхъ родахъ. Грассини родилась въ Вирезе (деревня близь Милана) въ 1773 году; она была дочь бѣднаго земледѣльца, но замѣчательная красавица; генералъ Бельджойозо замѣтивъ ее, принялъ участіе въ ея судьбѣ и отвезъ Грассини въ Миланъ, поручивъ ея музыкальное образованіе лучшимъ учителямъ. Быстрые успѣхи и развивавшаяся красота вскорѣ прославили ее въ музыкальномъ мірѣ. Испытавъ свое дарованіе въ нѣсколькихъ публичныхъ концертахъ и на частныхъ театрахъ, Грассини въ первый разъ дебютировала на миланскомъ театрѣ *Ла-Скала* въ 1794 году, въ оперѣ Цингарелли *Артаксерксъ*. Съ нею игралъ тогда знаменитый *Сопрано* Маркези и теноръ Ладзарини; потомъ играла она въ *Демофонтѣ* Портогалло. Въ обѣихъ этихъ операхъ она имѣла огромный успѣхъ и слава ея распространилась по всей Италіи. Всѣ первые театры стали оспоривать прелестную пѣвицу и тотчасъ же поставили ее на ряду съ первѣйшими артистками.

Послѣ двухлѣтняго отсутствія, перебывавъ на всѣхъ первыхъ театрахъ Италіи, съ полнымъ торжествомъ возвратилась она въ Миланъ во время карнавала 1796 года и явилась на театрѣ Ла-Скала въ оперѣ Траэтта: *Апеллесъ и Камписпа*, а потомъ въ *Ромео и Джульеттѣ* Цингарелли, нарочно-написанной имъ для Грассини и Крешентини. Въ этой-то оперѣ (которую, если вѣрить преданію, Цингарелли сочинилъ въ *сорокъ часовъ* и которая, однакожь, несмотря на недостатки ея, можетъ почитаться лучшимъ драматическимъ сочиненіемъ Цингарелли), Грассини достигла до апогея своей славы. Въ полномъ цвѣтѣ молодости (ей было двадцать-три года), одаренная удивительною красотою и превосходнымъ голосомъ, которымъ, выражая всѣ страсти, управляла она съ тонкимъ вкусомъ, Грассини встрѣтила въ роли Джульетты идеалъ, возвышающій душу истиннаго артиста.

Всѣ великіе пѣвицы, композиторы и художники только разъ въ жизни находятъ предметъ, на которомъ сосредоточиваютъ все свое дарованіе и вдохновеніе. Въ эти минуты рождается образцовое твореніе артиста, какъ чистѣйшая эссенція его таланта. Хотя немногіе пѣвцы и актёры принадлежатъ къ этой кате-

горіи высокихъ художниковъ, но примѣры доказали, однако, что они встрѣчаютъ нѣкоторыя роли, гдѣ сливаются всѣ оттѣнки ихъ талантовъ въ одно гармоническое цѣлое. Такъ Паста никогда не имѣла соперницъ въ Танкредѣ, Малибранъ въ Десдемонѣ, Гризи въ Нормѣ.

Во время карнавала 1797 года, пѣла Грассини въ Венеціи въ *Гораціяхъ* Чимарозы. Кажется, что опера написана была въ этомъ же городѣ въ 1794 году, потому-что вѣрныя свѣдѣнія объ этой лучшей оперѣ-серія Чимарозы, къ-сожалѣнію, потеряны.

Въ концѣ того же года отправилась Грассини въ Неаполь. Она въ первый разъ посѣщала эту столицу и «была выписана туда для усиленія блеска празднествъ, данныхъ по случаю бракосочетанія неаполитанскаго наслѣднаго принца, впослѣдствіи короля», отца герцогини Беррійской. Грассини провела въ Неаполѣ самый счастливый періодъ своей жизни. Пиччини, бывшій тогда въ Неаполѣ, сочинилъ для Грассини кантату, которую она должна была пѣть при дворѣ. Воспитанникъ Пиччини, Анфоссу, успѣлъ по протекціи заставить ее пѣть арію своего сочиненія. Одинъ англійскій лордъ пригласилъ Грассини къ себѣ въ домъ и заставилъ ее спѣть кантату знаменитаго маэстро.

Хотя Англичанинъ и выдавалъ себя за большаго знатока музыки, но говорятъ, что красота пѣвицы болѣе привлекала его, нежели достоинство кантаты.

Однажды случился весьма-странный анекдотъ, Англичанинъ замѣтилъ, что прелестная *примадонна assoluta* охотно слушаетъ похвалы и восторги своихъ поклонниковъ. Ему это показалось обидно, и онъ вздумалъ отмстить пѣвицѣ. Онъ предложилъ ей прогулку по морю въ лѣтнюю ночь *al chiaro di luna*, при лунномъ свѣтѣ. Грассини согласилась, и въ минуту поэтическихъ ея мечтаній, два подкупленные гребца схватили ее и бросили въ воду.

Пѣвецъ Лаблашъ, которому лордъ разсказывалъ этотъ анекдотъ, тридцать лѣтъ спустя, упрекнулъ Англичанина въ легкомысліи этого поступка, который могъ имѣть печальныя послѣдствія.

— О, нѣтъ! хладнокровно отвѣчалъ Британецъ: вода была очень-тепла; я хотѣлъ только пошутить, попугать ее, заставить, чтобъ она просила меня спасти ее. Что жъ вышло? совершенно противное. Злодѣйка плавала какъ рыба; она ни на минуту не растерялась и очень-спокойно поплыла къ берегу, куда достигла раньше меня и исчезла. А на другой день поутру явилась ко мнѣ еще прелестнѣе и обворожительнѣе прежняго...

— И она простила вамъ эту *шутку?*...

— Конечно! Я просилъ такъ трогательно, убѣдительно... поднесъ ей фермуаръ въ пять тысячъ фунтовъ стерлинговъ...

Въ 1800 году возвратилась Грассини въ Миланъ, и тамъ услышалъ ее генералъ Бонапарте въ первый разъ въ публичномъ концертѣ, данномъ послѣ Маренго. Прелестная пѣвица была замѣчена побѣдителемъ Италіи, который не хотѣлъ оставить такого та-

ланта своимъ врагамъ. Онъ отправилъ ее въ Парижъ съ прочими трофеями.

Она пѣла въ первый разъ въ Парижѣ въ концертѣ, данномъ въ Инвалидномъ Домѣ 14 іюля 1800 года. Несмотря на присутствіе перваго консула, который былъ тогда предметомъ всеобщаго восторга, итальянская пѣвица обратила на себя вниманіе Парижанъ. Потомъ она пѣла въ концертѣ у министра внутреннихъ дѣлъ, и тутъ красота ея и талантъ еще болѣе были оцѣнены.

На этомъ же вечерѣ пѣла знаменитая пѣвица XVIII столѣтія Бонти, жизнь которой представляетъ самый занимательный романъ.

Послѣ того дала Грассини два публичные концерта въ театрѣ Большой-Оперы вмѣстѣ съ знаменитымъ скрипачомъ Роде. Публика приняла ее съ восторгомъ, говоря, что подобную Елену можно было похитить изъ всякой Трои.

Это происходило въ началѣ періода консульства. Грассини отправилась въ артистическое путешествіе по Германіи и дала въ Берлинѣ нѣсколько концертовъ въ 1801 году.

Въ слѣдующемъ году выписана она была въ Англію, вмѣсто Бонти, котарая отправилась въ Италію. Но въ Лондонѣ Грассини встрѣтила опасную соперницу въ пѣвицѣ Биллингтонъ и должна была начать съ нею борьбу, которыя такъ часто случаются въ жизни артистовъ.

Можно было бы написать любопытную книгу о пѣвицахъ, которыя оспоривали другъ у друга первенство: однѣ по качеству голоса и строго-благородной методѣ, другія по блистательнымъ фіоритурамъ, невсегда оправдываемымъ изящнымъ вкусомъ. И нигдѣ эта борьба не происходила съ такою силою и такимъ ожесточеніемъ, какъ въ Лондонѣ, гдѣ искусства обязаны выбирать покровителей изъ двухъ господствующихъ партій: виговъ и торіевъ. Торжество той, или другой партіи придаетъ цѣну и талантамъ, которымъ эти партіи покровительствуютъ. Такъ въ 1730 году Гендель, содержавшій маленькій театръ Линкольнс-иннФильдъ долженъ былъ бороться съ гейд-маркетскимъ театромъ, управляемымъ Порпорою и покровительствуемымъ членами оппозиціи. Знаменитый *сопрано* Фаринелли, который пѣлъ оперы своего учителя Порпоры, и другой славный сопрано Сенезино, пѣвшій у Генделя, были двумя главными бойцами, и англійскія партіи забавлялись этимъ соперничествомъ, какъ боемъ пѣтуховъ.

Въ минуту появленія Грассини, Биллингтонъ была давно ужь предметомъ удивленія англійской публики. Родясь въ Лондонѣ въ 1763 году отъ бѣдныхъ нѣмецкихъ художниковъ, она съ малолѣтства училась музыкѣ, и ужь четырнадцати лѣтъ пѣла передъ публикою; шестнадцати лѣтъ дебютировала она въ Дублинѣ. Возвратясь въ Лондонъ Биллингтонъ дебютировала на Ковент-Гарденскомъ Театрѣ въ оперѣ доктора Арно «Love in a village» (любовь въ деревнѣ) гдѣ имѣла самый блистательный успѣхъ. Впро-

долженіе послѣднихъ тридцати лѣтъ XVIII-го столѣтія оспоривала она славу первенства у Мáры, Бонти и всѣхъ знаменитыхъ пѣвицъ, пріѣзжавшихъ въ Лондонъ. Она умерла въ 1818 году близь Венеціи, въ собственномъ помѣстьи, оставя болѣе мильйона денегъ. Биллингтонъ была также, какъ и Грассини, рѣдкая красавица, и жизнь ея могла бы составить цѣлый романъ.

При второмъ путешествіи Гайдна въ Лондонъ, въ 1794 году, познакомился онъ съ Беллингтонъ и сочинилъ для нея прекрасную кантату: *Ariadna abandonata* (покинутая Аріадна). Однажды великій композиторъ находился у пѣвицы въ то самое время, какъ живописецъ Рейнольдсъ оканчивалъ ея портретъ, на которомъ она была представлена въ восторженномъ состояніи съ поднятыми къ небу глазами, слушающею пѣніе добрыхъ геніевъ, наполнявшихъ верхнюю часть картины. Биллингтонъ спросила у Гайдна: чтó онъ думаетъ объ этомъ портретѣ?

— Онъ похожъ, отвѣчалъ маэстро: — но я въ самой картинѣ нахожу большой недостатокъ.

— Какой? съ безпокойствомъ спросила пѣвица, боясь, чтобъ старикъ не оскорбилъ живописца какимъ-нибудь замѣчаніемъ.

— Тотъ, что живописецъ представилъ васъ слушающею пѣніе добрыхъ геніевъ, тогда-какъ надобно было, чтобъ они слушали вашъ прелестный голосъ.

Обрадованная этимъ комплиментомъ, пѣвица обняла и поцаловала знаменитаго старика.

Биллингтонъ была дѣйствительно замѣчательною пѣвицею. Обширный и гибкій ея сопрано съ совершенствомъ выполнялъ величайшія трудности вокализаціи. Будучи отличною музыкантшею, она могла пѣть всякую музыку съ перваго взгляда, и отлично сама играла на фортепьяно.

Грассини прибыла въ Лондонъ, дебютировала на Гей-Маркетскомъ Театрѣ въ оперѣ Мейера: *la Virgine del Sol* (дѣва солнца). Англійская публика приняла ее довольно-холодно. Отдавая справедливость ея прекрасному таланту, Англичане не приходили, однако, отъ него въ восторгъ. Этотъ неуспѣхъ, котораго она вовсе не ожидала, лишилъ ее бодрости. Она обратилась къ Биллингтонъ и просила ее участвовать въ своемъ бенефисѣ. Обѣ пѣвицы явились вмѣстѣ въ оперѣ *il Ratto di Proserpina* (похищеніе Прозерпины), нарочно-сочиненной на этотъ случай Винтеромъ (авторомъ «Прерваннаго жертвоприношенія» и одного изъ удачнѣйшихъ подражателей Моцарта). Биллингтонъ занимала роль Цереры, а Грассини Прозерпины. Онѣ истощили все свое искусство. Рулады, трели, блистательные пассажи, сыпались съ обѣихъ сторонъ. Бой былъ продолжительный и упорный. Наконецъ Грассини побѣдила. Прекрасный ея контральтъ, глубокая выразительность и патетическое пѣніе привели всѣхъ въ восторгъ.

Какъ и всегда бываетъ въ подобныхъ случаяхъ, Грассини перешла вдругъ изъ неизвѣстности къ торжеству. Всякій хотѣлъ ее видѣть, слышать. За взглядъ ея платили такъ же дорого, какъ

и за арію. Всѣ аристократическіе домы приглашали ее къ себѣ; всѣ лорды и герцоги вписались въ число ея поклонниковъ. Въ томъ же числѣ былъ и лордъ, который въ Неаполѣ бросилъ ее въ море.

Хотя Биллингтонъ и была побѣждена, но она не отказалась отъ борьбы и часто наносила соперницѣ удары, которые заставляли вздрагивать Грассини. Биллингтонъ, обладая гибкимъ сопрано, старалась пріобрѣсть нижнія ноты, составлявшія славу ея соперницы. Итальянка же, съ своей стороны, мучилась, чтобъ выработать изъ своего голоса нѣсколько верхнихъ нотъ. Такимъ-образомъ каждая изъ пѣвицъ вторгалась въ область, принадлежавшую другой.

Въ одинъ вечеръ пѣли онѣ дуэтъ, и Грассини вдругъ взяла одну изъ верхнихъ нотъ, которыхъ никогда прежде не имѣла. Въ отвѣтъ на это Биллингтонъ перешла къ контральтовымъ нотамъ, ко всеобщему изумленію. Бѣдный импрессаріо, схватясь за голову, побѣжалъ въ ложу къ г-жѣ Лебрюнъ и вскричалъ:

«Сдѣлайте милость, послушайте, какъ эти злодѣйки хотятъ разорить меня! Когда я поутру захожу къ нимъ, Грассини надсѣдается, чтобъ взять какую-нибудь верхнюю ноту сопрано, а Биллингтонъ нарочно старается простудиться, чтобъ имѣть нижнія контральтовыя ноты, въ которыхъ природа ей отказала.»

Наполеонъ сдѣлался наконецъ императоромъ. Какъ новый Карлъ-Великій, онъ хотѣлъ, чтобъ дворъ его былъ окруженъ всѣмъ блескомъ, отличавшимъ вѣкъ Лудовика XIV. Въ 1804 году вписалъ онъ Грассини въ число артистовъ новой итальянской труппы, ангажированной собственно для двора. Труппа состояла изъ знаменитаго Крешентини, Бродзи, Кривелло, двухъ отличныхъ теноровъ, къ которымъ потомъ присоединились Такинарди и г-жа Персъ, жена знаменитаго композитора, который былъ назначенъ придворнымъ капельмейстеромъ. Грассини и Крешентини, часто пѣвшія вмѣстѣ въ началѣ своего поприща, были любимицами Наполеона и одни только могли привлечь его вниманіе и даже растрогать неочень-чувствительную душу императора.

Крешентини былъ отличный пѣвецъ и послѣдній знаменитый сопрано, сохранившій стиль пѣнія старинной итальянской школы. Онъ родился въ 1676 году близъ Урбино (въ Римской Области) и дебютировалъ въ Римѣ въ началѣ 1789 года въ оперѣ *Цезарь*, гдѣ игралъ женскую роль въ костюмѣ дамъ версальскаго двора. Крешентини замѣнилъ въ Римѣ Маркези, отъѣздъ котораго наполнилъ горестью сердца Итальянцевъ. Въ послѣднее представленіе, прощались съ Маркези съ такимъ восторгомъ и такими выраженіями привязанности, о которыхъ прочіе народы съ трудомъ могутъ составить себѣ понятіе. Весь театръ плакалъ, дамы кричали ему изъ ложъ: *Adio, aniora mio... Ricordati di me!*

Въ 1796 году Крешентини былъ въ Миланѣ вмѣстѣ съ Грассини и игралъ съ нею роль Ромео въ оперѣ «Цингарелли». Въ слѣдующемъ году пѣлъ въ Венеціи «Горацієвъ» Чимарозы; потомъ

отправился въ Вѣну, гдѣ оставался до 1799 года, и оттуда поѣхалъ въ Лиссабонъ, гдѣ встрѣтилъ Каталани. Въ 1805 году былъ онъ вторично въ Вѣнѣ, гдѣ Наполеонъ имѣлъ случай его слышать. Послѣ этого былъ онъ вызванъ въ Парижъ, въ придворную труппу. Крешентини обладалъ прелестнымъ голосомъ сопрано, былъ хорошимъ музыкантомъ, пріятной наружности и отличнымъ актёромъ. Подобно предшественникамъ своимъ, Гваданьи и Пакіаратти, онъ наиболѣе славился выразительностью патетическихъ мѣстъ. Слышавшіе Пасту въ роли Ромео, могутъ имѣть понятіе о Крешентини, игравшемъ ту же роль и сочинившемъ знаменитую арію *ombra adorata*. Въ слабой партитурѣ оперы арія эта занимаетъ лучшее мѣсто. Онъ написалъ ее въ Реджіо въ 1797 году и вставилъ вмѣсто аріи Цингарелли. Речитативъ ея и кантабиле такъ замѣчательны, что публика, услышавъ эту арію въ первый разъ, не хотѣла ужь съ-тѣхъ-поръ слушать партитурной аріи.

Однажды на театрѣ Тюльерійскаго Дворца спѣлъ онъ эту арію съ такимъ чувствомъ, что Наполеонъ былъ тронутъ до слезъ. Чтобъ достойно вознаградить пѣвца за доставленное удовольствіе, императоръ пожаловалъ ему орденъ Желѣзной Короны. Это нѣсколько изумило придворныхъ, и Грассини, чтобъ извинить счастіе своего сотоварища, говорила этимъ завистникамъ: *poveretto! gli costa caro* (бѣднякъ! это ему дорого стоитъ).

Грассини была настоящею *примадонною-assoluta* этой труппы. Наполеонъ столько же уважалъ ее лично, какъ и талантъ ея. Онъ познакомился съ нею въ первый итальянскій походъ, и она напоминала ему первые годы его славы и политическаго величія. Пользуясь его благосклонностью, Грассини самовластно управляла труппою. Самъ капельмейстеръ принужденъ былъ всегда повиноваться ея волѣ.

Были, однакожь, минуты, когда власть ея колебалась. Замѣтивъ, что Наполеонъ пересталъ ужь думать о ней, она потребовала, чтобъ Бланджини (композиторъ канцонетъ и *duettini amoroso*, которыя тогда были въ модѣ во всей Европѣ) написалъ ей музыку на три стиха. Эти стихи она вставила въ роль Клеопатры, которую играла въ тотъ же вечеръ въ Тюльерійскомъ Дворцѣ. Стихи эти были слѣдующіе:

Adoro i cenni tuoi, questo mio cor fedele;
Sposa sarò si vuoi, non dubitar di me;
Ma, sguardo sereno ti chiedo amor (*).

Слова эти Клеопатра говоритъ Цесарю, и Грассини пѣла ихъ съ величайшею выразительностью...

(*) Вѣрное сердце мое съ покорствомъ исполняетъ всегда твою волю. Я буду супругою, если ты захочешь. Не сомнѣвайся во мнѣ, но, умоляю, обрати на меня привѣтливый взоръ.

Владычество Грассини кончилось въ 1814 году; паденіе имперіи увлекло за собою и пѣвицу; но пѣвица была также невѣрна побѣжденному, какъ и счастіе. Примадонна отправилась пѣть въ Англію. Бланджини часто аккомпанировалъ на фортепьяно Грассини, когда она пѣла дуэты съ лордомъ Кэстельри. Герцогъ Веллингтонъ бывалъ также на этихъ вечерахъ и съ удовольствіемъ слушалъ пѣвицу, столько лѣтъ услаждавшую слухъ Наполеона. Но теперь стихи:

Adoro i cenni tuoi, questo mio cor fedele,

относились къ побѣдителю при Ватерлоо.

Съ 1818 года Грассини перестала пѣть въ публикѣ. Чувствуя упадокъ голоса, она поняла, что ей пора отказаться отъ своего поприща. Съ-тѣхъ-поръ жила она то въ Парижѣ, то въ Миланѣ, употребляя свое богатство самымъ благороднымъ образомъ; она сохранила до конца жизни остатки своей красоты и великаго таланта. Умерла въ Миланѣ, въ 1850 году, семидесяти-семи лѣтъ.

Жозефина Грассини была одною изъ прелестнѣйшихъ женщинъ своего времени; роста средняго, но прекрасно сложена и нѣсколько-дородна; черты лица ея были восхитительны и одушевлены страстью; глаза выразительные и пламенные; голосъ ея, контральто, былъ ровный, звучный и пріятный. Будучи слабою музыкантшею, она только легкую музыку могла пѣть съ перваго взгляда, но замѣняла этотъ недостатокъ первоначальнаго образованія выразительностью пѣнія и отдѣлкою музыкальныхъ украшеній. Сильныя апподжіатуры, *smorzando,* самаго изящнаго вкуса, украшали всегда ея пѣнія, какъ рѣзьба Бенвенуто Челлини богатыя серебряныя вазы. Она много заняла у Крешентини, который получилъ методу по преданію отъ знаменитыхъ сопрано Гваданьи и Паккіаратти. Выразительность чувствъ и простота декламаціи болѣе всего отличали пѣніе Грассини. Въ борьбѣ съ Веллингтонъ она только тѣмъ и побѣждала ее, что употребляла совсѣмъ-другой родъ пѣнія.

Жизнь Грассини была непрерывнымъ рядомъ удовольствій и счастія. Всѣ любили ее и уважали; всѣ искали ея знакомства; всѣ добивались одного ея взгляда. Болѣе одаренная чувствомъ изящнаго, нежели музыкальными познаніями, она пѣла, выражая свои чувства, не изъискивая заранѣе эффектовъ. Всего восхитительнѣе была она въ дуэтѣ съ Крешентини:

Dunque mio bene
Tu mio sarai?

изъ Ромео, когда Джульета отвѣчаетъ ему дрожащимъ голосомъ:

Si, cara speme
Io tua sarò.

Замѣчательно, что ни Грассини, ни Каталани не пѣли россиніевской музыки.

Заключимъ эту біографію анекдотомъ, случившимся въ 1838 году въ Парижѣ. Грассини была въ одномъ обществѣ, въ которомъ разговоръ зашелъ о свиданіи тѣней умершихъ людей въ Елисейскихъ Поляхъ, о вопросахъ ихъ другъ другу и отвѣтахъ. Рѣчь зашла о встрѣчѣ Лудовика XVIII съ Наполеономъ, и Грассини очень-наивно сказала, что императоръ вѣрно бы тотчасъ же спросилъ у короля : «за что Грассини лишена пенсіи ?» Всѣ покатились со смѣху; но какой-то злой бонапартистъ не хотѣлъ оставить вопроса этого безъ отвѣта. Онъ подошелъ къ пѣвицѣ и на-ухо сказалъ ей:

— А знаете ли, что́ Лудовикъ XVIII будетъ отвѣчать императору?

— Что такое?

— Грассини лишилась пенсіи за то, что она пѣла врагамъ твоимъ, Англичанамъ, тѣ же самые стихи изъ Клеопатры:

Adoro i cenni tuoi, questo mio cor fedele.

Грассини опустила голову и замолчала.

VIII.

КАЛІОСТРО У ГЕРЦОГА РИШЛЬЁ (*).

Въ первыхъ числахъ апрѣля 1784 года, въ три часа пополудни, старый маршалъ Ришльё, выкрасивъ себѣ брови душистой краской передъ зеркаломъ, которое держалъ его камердинеръ, сказалъ съ жестомъ, только одному ему свойственнымъ:

— Довольно! я готовъ. Такъ будетъ хорошо!

Потомъ онъ всталъ съ креселъ, стряхнулъ пудру, которая налетѣла на его бархатный голубой кафтанъ, прошелся раза три по комнатѣ довольно-бодрымъ шагомъ и сказалъ камердинеру:

— Позвать метр-д'отеля.

Черезъ пять минутъ явился метр-д'отель въ полномъ костюмѣ.

Маршалъ принялъ важный видъ и спросилъ:

— Надѣюсь, что вы приготовили мнѣ порядочный обѣдъ?

— Все сдѣлано по вашему приказанію.

— Я вамъ послалъ списокъ моихъ гостей.

— Точно-такъ! Вы приказали приготовить обѣдъ на девять кувертовъ.

— Не въ счетѣ дѣло, сударь, но въ гостяхъ!

— Точно-такъ!.. Но...

Маршалъ прервалъ рѣчь метр-д'отеля знакомъ нетерпѣнія.

— *Но*... со всѣмъ не отвѣтъ, сударь; и каждый разъ, какъ я слышу это слово—а я довольно-часто слышалъ его впродолженіе восьмидесяти-восьми лѣтъ — каждый разъ за нимъ слѣдовала какая-нибудь глупость.

— Простите! я думалъ...

— Скажите мнѣ прежде всего, въ которомъ часу мы будемъ обѣдать?

(*) Извѣстный магикъ и шарлатанъ Каліостро, до-сихъ-поръ еще лицо невполнѣ-разгаданное. Въ дополненіе къ очерку этого характера, выведеннаго въ романѣ В. Р. Зотова, представляемъ нашимъ читателямъ небольшой разсказъ, почерпнутый изъ записокъ того времени. Думаемъ, что разсказъ этотъ, любопытный по многомъ отношеніямъ, еще яснѣе обрисуетъ Каліостро.

— Мѣщане обѣдаютъ въ два часа, служащіе — въ три, дворяне — въ четыре.

— А я?

— Вы будете обѣдать сегодня въ пять часовъ!

— Въ пять! Что̀ это значитъ?

— Въ пять часовъ обѣдаетъ король.

— Почему же я буду сегодня обѣдать какъ король?

— Потому-что въ реестрѣ именъ, который я получилъ отъ васъ, находится имя одного короля.

— Вы ошибаетесь, сударь; у меня обѣдаютъ сегодня простые дворяне.

— Герцогъ хочетъ, вѣрно, посмѣяться надъ своимъ усерднымъ слугою, и я благодарю за сдѣланную мнѣ честь; но между вашими гостями будетъ графъ Гагскій.

— Что̀ жь изъ этого слѣдуетъ?

— Развѣ графъ Гагскій не король?

— Я не знаю ни одного короля, который бы назывался этимъ именемъ.

— Въ такомъ случаѣ, извините меня, герцогъ, я думалъ... я полагалъ...

— Ваша обязанность состоитъ не въ томъ, чтобъ думать или полагать; вы должны безъ разсужденій исполнять мои приказанія. Когда я хочу сдѣлать что-нибудь извѣстнымъ, я самъ говорю объ этомъ; если же я молчу, это значитъ, что другіе должны дѣлать то же.

Метр-д'отель, вмѣсто отвѣта, поклонился низко и почтительно.

Маршалъ продолжалъ:

И такъ-какъ у меня обѣдаютъ одни дворяне, то я хочу обѣдать, какъ обыкновенно, въ четыре часа.

При этихъ словахъ метр-д'отель поблѣднѣлъ и испугался, какъ-будто услышалъ свой смертный приговоръ. Потомъ онъ собралъ всю свою смѣлость и сказалъ:

— Пусть будетъ, что̀ Богу угодно, но герцогъ Ришльё сядетъ за столъ въ пять часовъ.

— Что это значитъ, сударь? закричалъ грозно старый маршалъ.

— Раньше обѣдать рѣшительно-невозможно.

— Послушайте, сударь, сказалъ герцогъ съ гордостью, покачивая своею вѣчно-молодою головою: — кажется, вы служите у меня двадцать лѣтъ?

— Двадцать-одинъ годъ, два мѣсяца и двѣ недѣли.

— Итакъ, къ этимъ двадцати-одному году, двумъ мѣсяцамъ и двумъ недѣлямъ вы не прибавите больше ни часу. Сегодня же вы можете искать себѣ другое мѣсто. Я не хочу, чтобъ въ моемъ домѣ произносили слово: невозможно. Притомъ же, въ мои лѣта ужь поздно учиться этому слову.

Метр-д'отель еще разъ поклонился и сказалъ:

— Сегодня вечеромъ я исполню приказаніе ваше; но до послѣдней минуты буду поступать, ка̀къ мнѣ велитъ мой долгъ и приличіе.

— Что̀ вы хотите этимъ сказать? закричалъ старый маршалъ. —

Вы должны поступать, кàкъ я приказываю, и когда я хочу обѣдать въ четыре часа, вы не смѣете откладывать обѣда до пяти.

— Герцогъ, отвѣчалъ сухо метр-д'отель: —я служилъ у принца де-Субиза и у кардинала де-Рогана. У перваго покойный французскій король обѣдалъ разъ въ годъ, у втораго австрійскій императоръ обѣдалъ разъ въ мѣсяцъ, стало-быть, я знаю, кàкъ принимаютъ государей. У принца де-Субиза король Лудовикъ XV назывался барономъ де-Ронесомъ, но былъ все-таки королемъ. У кардинала де-Рогана императоръ Іосифъ напрасно скрывался подъ именемъ графа Фалькенштейна, онъ все-таки былъ императоръ. Сегодня вы принимаете гостя подъ именемъ графа Гагскаго, и несмотря на это, онъ все-таки шведскій король. Я сегодня же оставлю вашъ домъ; но пока я еще служу вамъ, графъ Гагскій будетъ принятъ у васъ какъ король.

— Это-то я вамъ и запрещаю, упрямая голова. Понимаете ли вы это? Король хочетъ сохранить самое строгое инкогнито. Слышите ли вы, рыцарь салфетки? Вы уважаете не этикетъ, а самихъ-себя, и хотите прославиться на мои деньги.

— Я не думаю, чтобъ вы серьёзно упоминали о деньгахъ.

— Я и не думаю о деньгахъ. Къ-чему вы примѣняете разговоръ? Я вамъ повторяю, чтобъ никто у меня не смѣлъ упоминать о королѣ. Это непремѣнное желаніе графа Гагскаго.

— За кого вы меня принимаете? Никто не произнесетъ здѣсь имени короля.

— Такъ приготовьте же обѣдъ къ четыремъ часамъ.

— Невозможно, герцогъ. Въ четыре часа еще не будетъ готово тò, чего я жду.

— Чего вы ждете? Какую-нибудь рыбу, какъ Ватель.

— Ватель? Ватель? пробормоталъ метр-д'отель.

— Вы не оскорбляетесь ли этимъ сравненіемъ?

— Нисколько; но поваръ Ватель сдѣлался безсмертнымъ только оттого, что прокололъ себя шпагою.

— А вы думаете, что онъ дешево купилъ безсмертіе?

— Нѣтъ, герцогъ; но другіе переносятъ обиды хуже, чѣмъ ударъ шпаги, и никто о нихъ не говоритъ.

— Развѣ вы не знаете, что безсмертны только наши академики и мертвые.

— Я знаю, что лучше всего жить и исполнять свои обязанности. Я не умру и приготовлю обѣдъ, какъ Ватель, даже лучше.

— Вы готовите намъ, вѣрно, какую-нибудь рѣдкость?

— Никакой!

— Чего же вы ждете? Мнѣ любопытно знать это.

— Если вы требуете, я вамъ скажу, что жду бутылку вина.

— Бутылку вина? Объяснитесь.

— Вотъ въ чемъ дѣло: его величество король шведскій, извините... его сіятельство, графъ Гагскій пьетъ только одно токайское вино.

— Что жь, развѣ въ моемъ погребѣ мало токайскаго?

— Нѣтъ, герцогъ, у васъ есть шестьдесятъ бутылокъ токайскаго.

— Развѣ вы думаете, что графъ выпьетъ за обѣдомъ всѣ шестьдесятъ бутылокъ?

— Ка̀къ можно! Когда графъ Гагскій пріѣзжалъ въ первый разъ во Францію, онъ былъ еще наслѣднымъ принцемъ и обѣдалъ у покойнаго короля. Въ это время императоръ австрійскій прислалъ ему двѣнадцать бутылокъ самаго лучшаго токайскаго вина, которое приготовляется только для императорской фамиліи.

— Я это знаю.

— Наслѣдному принцу очень понравилось это вино, и онъ не пьетъ никакого другаго. Теперь изъ двѣнадцати присланныхъ бутылокъ осталось только двѣ. Одна находится еще теперь въ погребу короля Лудовика XVI.

— А другая?

— Другая, отвѣчалъ съ торжественною улыбкою метр-д'отель:—другую я жду сегодня къ пяти часамъ. Эта бутылка будетъ за вашимъ обѣдомъ.

— Гдѣ же вы ее возьмете?

— Одинъ изъ моихъ друзей, метр-д'отель покойнаго короля, пришлетъ мнѣ ее.

— И онъ подарилъ вамъ эту драгоцѣнную бутылку?

— Точно-такъ; въ то время, когда я служилъ у кардинала принца де-Рогана. Она и теперь у него въ погребѣ.

— Боже мой! стало-быть, бутылка въ Страсбургѣ.

— Нѣтъ, герцогъ, въ Савернѣ.

— И вы для меня послали за этой бутылкой?

— Для кого же! отвѣчалъ метр-д'отель такимъ тономъ, какъ-будто хотѣлъ сказать: неблагодарный!

Герцогъ Ришльё схватилъ руку своего стараго служителя и сказалъ:

— Простите меня, вы самый рѣдкій, самый драгоцѣнный метр-д'отель.

— А вы хотѣли прогнать меня!

— Я плачу̀ за вашу бутылку сто пистолей.

— А такъ-какъ привозъ будетъ мнѣ стоить тоже сто пистолей, то это составитъ ровно двѣсти. Согласитесь, герцогъ, что это очень-дешево.

— Я соглашаюсь съ вами во всемъ, и съ сегодняшняго дня вы будете получать двойное жалованье.

— Благодарю васъ. Я только исполнилъ мой долгъ.

— Когда же пріѣдетъ ваша бутылка въ двѣсти пистолей?

— Вы увидите, что я не терялъ времени. Помните ли, когда вы объявили мнѣ объ обѣдѣ?

— Кажется, это было три дня тому назадъ.

— Для курьера надобно двадцать-четыре часа, чтобъ доѣхать до Саверна и двадцать же четыре часа, чтобъ вернуться.

— Стало-быть, у васъ оставалось еще двадцать-четыре часа. Что̀ жь вы съ ними сдѣлали?

— Вотъ въ чемъ я виноватъ, герцогъ: я потерялъ эти двадцать-четыре часа, потому-что вспомнилъ о бутылкѣ только на другой день

послѣ вашего приказанія. Теперь вы видите, что если я отложилъ обѣдъ до пяти часовъ, то единственно понеобходимости.

— Стало-быть, бутылка еще не пріѣхала?

— Нѣтъ еще.

— А что, если вашъ преемникъ въ Савернѣ, новый метр-д'отель принца Рогана будетъ честенъ, какъ вы, и откажется отдать драгоцѣнную бутылку.

— Этого не можетъ быть.

— Но вы сами, вѣрно, не отдали бы такую бутылку изъ моего погреба?

— Извините, герцогъ; если бъ мой товарищъ угощалъ короля и попросилъ бы у меня вашихъ винъ, я бы тотчасъ послалъ самыя лучшія.

— Мы должны помогать другъ другу въ важныхъ случаяхъ.

— Все это такъ; но съ нашей бутылкой можетъ случиться несчастіе.

— Какое?

— Она можетъ разбиться на дорогѣ.

— Не было еще примѣра, чтобъ разбивали бутылку, которая стоитъ двѣсти пистолей.

— Это правда. Когда же пріѣдетъ вашъ курьеръ?

— Ровно въ четыре часа.

— Отчего же мы не можемъ обѣдать тоже въ четыре часа?

— Вину должно отдохнуть цѣлый часъ, и то посредствомъ одного моего изобрѣтенія, а собственно на это надобно было бы три дня.

Маршалъ увидѣлъ ясно, что метр-д'отель правъ во всемъ, и что онъ напрасно погорячился.

— Притомъ же, герцогъ, продолжалъ старый служитель: — ваши гости знаютъ, что они будутъ имѣть честь обѣдать съ графомъ Гагскимъ и потому сами пріѣдутъ въ половинѣ пятаго.

— Отчего вы такъ думаете?

— Я въ этомъ увѣренъ. Вѣдь у васъ обѣдаютъ г. де-Лоне, губернаторъ Бастиліи, графиня Дюбарри, г. Лаперузъ, маркизъ Фаврасъ, г. Кондорсе, г. Каліостро и г. Таверне.

— Что жь изъ этого?

— Начнемте по порядку. Г. де-Лоне пріѣдетъ изъ Бастиліи и по дурной промерзшей дорогѣ: на это надобно вѣрныхъ три часа.

— Г. де-Лоне поѣдетъ тотчасъ послѣ обѣда своихъ жильцовъ, а они обѣдаютъ въ полдень — я это хорошо знаю.

— Извините, герцогъ: съ-тѣхъ-поръ, какъ вы вышли изъ Бастиліи, заключенные обѣдаютъ въ часъ.

— Не-уже-ли? я этого не зналъ. Продолжайте.

— Графиня Дюбарри пріѣдетъ изъ Люсьенна; дорога идетъ оттуда все подъ гору и по снѣгу.

— О! это не помѣшаетъ графинѣ пріѣхать во-время. Впрочемъ, если я настаивалъ обѣдать раньше, это единственно оттого, что г. Лаперузъ ѣдетъ сегодня вечеромъ въ экспедицію и ему нельзя долго у меня оставаться.

— Г. Лаперузъ теперь у короля, и разсуждаетъ о географіи и кос-

мографіи съ его величествомъ. Король такъ любитъ эти предметы, что еще не скоро отпуститъ г. Лаперуза.

— Это очень можетъ быть.

— То же самое можетъ случиться и съ г. Фавромъ, который теперь съ графомъ Прованскимъ говоритъ о новой пьесѣ Бомарше.

— О «Свадьбѣ Фигаро»?

— Точно такъ...

— Кажется, вы занимаетесь даже литературою?

— Въ свободное время я люблю читать.

— Но г. Кондорсе, въ качествѣ геометра и математика, вѣрно, будетъ аккуратнѣе всѣхъ.

— Онъ, вѣроятно, будетъ оканчивать какую-нибудь задачу и потомъ увидитъ, что опоздалъ. Что жь касается до графа Каліостро, то онъ иностранецъ, не знаетъ версальскихъ обычаевъ и непремѣнно заставитъ себя ждать.

— Вы мнѣ изобразили всѣхъ моихъ гостей съ искусствомъ Гомера.

— Я не упомянулъ только о маркизѣ де-Таверне; но онъ старинный пріятель вашей свѣтлости и знаетъ приличія. Вотъ и всѣ наши восемь приборовъ.

— Гдѣ же мы будемъ обѣдать?

— Въ большой столовой.

— Но мы тамъ замерзнемъ.

— Я приказалъ ее топить три дня сряду, и теперь въ ней восьмнадцать градусовъ тепла.

— Хорошо. Кажется бьютъ часы. Это половина пятаго.

— Точно такъ, герцогъ. А вотъ и курьеръ въѣхалъ во дворъ съ моей бутылкой.

— Желалъ бы я, чтобъ вы служили мнѣ еще двадцать лѣтъ, сказалъ маршалъ, смотрясь въ зеркало и отпуская метр-д'отеля.

— Двадцать лѣтъ! вскричалъ женскій голосъ со смѣхомъ за плечами маршала. Двадцать лѣтъ, повторила красавица, входя въ комнату. Я желаю вамъ прожить столько лѣтъ, любезный герцогъ; но мнѣ будетъ тогда шестьдесятъ и я буду стара.

— Вы, графиня, отвѣчалъ маршалъ: — вы пріѣхали первая! Боже мой, какъ вы прекрасны и молоды!

— Скажите лучше герцогъ, что я замерзла.

— Войдемте въ будуаръ: тамъ теплѣе.

— Какъ, маршалъ, мнѣ быть наединѣ съ вами?

— И со мной, прибавилъ третій голосъ.

— Таверне! вскричалъ маршалъ.—Какой несносный! не во-время, шепнулъ Ришльё на ухо графинѣ:—онъ вѣчно помѣшаетъ.

— Повѣса! отвѣчала тихо графиня и громко засмѣялась.

Всѣ трое вошли въ сосѣднюю комнату.

Въ то же время, шумъ подъѣхавшихъ каретъ далъ знать маршалу о пріѣздѣ прочихъ гостей, и вскорѣ всѣ они сѣли за овальный столъ въ большой столовой. Девять лакеевъ молчаливыхъ, какъ тѣни, ловкихъ и догадливыхъ, неслышно скользили по коврамъ, незадѣвая за кресла, ножки которыхъ тонули въ пушистомъ мѣху.

Къ этому надобно прибавить пріятную теплоту каминовъ, запахъ кушаньевъ, винъ и тихій разговоръ послѣ первыхъ блюдъ.

Въ столовую не доходилъ никакой шумъ; снаружи и въ самой комнатѣ казались живыми одни гости. Слуги такъ тихо перемѣняли тарелки и серебро, что не слышно было никакого звука; метр-д'отель, стоялъ у буфета и отдавалъ приказанія взглядами.

Черезъ десять минутъ гости почувствовали, что они совершенно-одни въ столовой, потому-что безмолвные лакеи казались или глухими, или автоматами.

Маршалъ Ришльё первый прервалъ молчаніе и сказалъ своему сосѣду съ правой стороны:

— Вы не пьете, графъ?

Тотъ, къ кому были обращены эти слова, былъ мужчина тридцати-восьми лѣтъ, съ свѣтлыми волосами, небольшаго роста, съ голубыми глазами, которые иногда были быстры, но часто задумчивы; благородство его происхожденія было ясно написано на его величественной наружности.

— Я пью одну воду, маршалъ, отвѣчалъ графъ Гагскій.

— У короля Лудовика XV вы пили вино, графъ, я помню это потому, что имѣлъ честь обѣдать съ вами.

— Точно такъ, маршалъ, это было въ 1771 году; но я пилъ тогда токайское вино, присланное австрійскимъ императоромъ.

— Это было точно такое токайское, какое вамъ налилъ въ стаканъ мой метр-д'отель, отвѣчалъ Ришльё.

Графъ Гагскій поднялъ стаканъ и посмотрѣлъ на цвѣтъ вина при блескѣ люстръ. Вино блестѣло, какъ жидкій рубинъ. Онъ попробовалъ и отвѣчалъ:

— Вы правы, маршалъ! Благодарю васъ.

Это *благодарю* было сказано такимъ благороднымъ и ласковымъ тономъ, что всѣ присутствовавшіе невольно встали и закричали.

— Здоровье его величества!

— Точно такъ, сказалъ графъ, здоровье его величества короля Франціи. Не правда ли, что и вы выпьете съ нами за это здоровье, г. Лаперузъ?

— Графъ, отвѣчалъ капитанъ почтительно и благородно, какъ онъ привыкъ говорить съ коронованными особами:—я сейчасъ только оставилъ короля, и онъ былъ такъ добръ ко мнѣ, что я громче всѣхъ готовъ закричать: да здравствуетъ король. Но такъ-какъ черезъ часъ я на почтовыхъ поѣду къ морю, гдѣ ждутъ меня мои корабли, то прошу у васъ позволенія пожелать счастія и другому королю, которому бы я служилъ вѣрно, если бы не принадлежалъ Франціи.

И, поднявъ стаканъ, Лаперузъ низко поклонился графу Гагскому.

— Мы всѣ готовы пить за это драгоцѣнное здоровье, сказала графиня Дюбарри, сидѣвшая съ лѣвой стороны, возлѣ маршала:—и ждемъ только, чтобъ, по обычаю, тотъ, кто старше всѣхъ изъ насъ, провозгласилъ тостъ.

— Къ кому относятся эти слова: къ тебѣ, Таверне, или ко мнѣ? спросилъ, смѣясь, маршалъ, у своего стараго друга.

— Я не думаю, что это относится къ вамъ, герцогъ, сказалъ еще одинъ гость, сидѣвшій противъ Ришльё.

— Почему это, графъ Каліостро? спросилъ графъ Гагскій, пристально смотря на говорившаго.

— Я увѣренъ графъ, отвѣчалъ Каліостро, кланяясь: — что герцогъ Ришльё не старше всѣхъ изъ нашего общества.

— Стало-быть, старше всѣхъ насъ — Таверне, сказалъ Ришльё.

— Не правда, отвѣчалъ старый маркизъ, я моложе тебя восьмью годами. Я родился въ 1704.

— Несчастный! сказалъ маршалъ, смѣясь: — ты открываешь, что мнѣ восемьдесятъ-восемь лѣтъ.

— Не-уже-ли, герцогъ, вамъ въ-самомъ-дѣлѣ восемьдесятъ-восемь лѣтъ? спросилъ Кондерсе.

— Боже мой, если вы не вѣрите, вамъ легко сосчитать это. Я принадлежу къ прошлому столѣтію, къ такъ-называемому великому вѣку. Я родился въ 1696 году.

— Это невозможно, закричалъ де-Лоне.

— Если бы здѣсь былъ вашъ батюшка, также губернаторъ Бастиліи, отвѣчалъ Ришльё, онъ не сказалъ бы, что это невозможно, потому-что онъ самъ утѣшалъ меня въ тюрьмѣ въ 1714 году.

— Я объявляю, сказалъ маркизъ Фаврасъ, что старше всѣхъ здѣсь вино, которое графъ Гагскій налилъ въ свой стаканъ.

— Вы правы, отвѣчалъ графъ: этому вину сто-двадцать лѣтъ, стало-быть, оно стоитъ чести, чтобъ имъ пить здоровье короля.

— Позвольте, господа, сказалъ Каліостро, поднимая свою голову, блестѣвшую умомъ и энергіею: — я не соглашаюсь съ вами.

— Вы не соглашаетесь, что токайское вино старше насъ? закричали всѣ.

— Нѣтъ, отвѣчалъ Каліостро спокойно, потому-что я самъ запечаталъ эту бутылку.

— Вы!

— Да, и это было въ день побѣды Монтекукули надъ Турками, въ 1664 году.

За этими словами, сказанными съ необыкновенною важностью, послѣдовалъ громкій смѣхъ всѣхъ гостей.

— Если это правда, замѣтила графиня Дюбарри, то вамъ, должно-быть, сто-тридцать лѣтъ, потому-что, я думаю, вамъ не могло быть меньше десяти лѣтъ, когда вы наливали вино въ бутылку.

— Мнѣ было тогда больше десяти лѣтъ, графиня, потому-что на другой день императоръ австрійскій поручилъ мнѣ поздравить Монтекукули съ побѣдою, которая дорого стоила Туркамъ и отмстила имъ за эсекскую битву, гдѣ императорскія войска были разбиты въ 1536 году.

— И въ это время, сказалъ графъ Гагскій такъ же хладнокровно, какъ Каліостро, вамъ, вѣрно, было больше десяти лѣтъ, потому-что вы лично видѣли это знаменитое сраженіе?

— Вы правы, графъ, я былъ свидѣтелемъ ужаснаго пораженія моихъ сослуживцевъ.

— Однако, пораженіе это было не такъ ужасно, какъ пораженіе при Креси, сказалъ, улыбаясь, Кондорсе.

— Это правда, отвѣчалъ, также улыбаясь, Каліостро. Пораженіе при Креси ужаснѣе, потому-что тутъ побѣждена была не армія, а Франція. Но согласитесь, что эта побѣда не дѣлаетъ большой чести Англіи. У Эдуарда были пушки, а объ этомъ ничего не зналъ Филиппъ Валуа; и если бы даже зналъ, то не могъ вѣрить, хотя я предупреждалъ его, что своими глазами видѣлъ четыре пушки, купленныя Эдуардомъ у Венеціи.

— Такъ вы знали Филиппа Валуа? спросила графиня Дюбарри.

— Я имѣлъ честь быть однимъ изъ пяти рыцарей, провожавшихъ короля съ поля сраженія, отвѣчалъ Каліостро. Я пріѣхалъ во Францію со старымъ богемскимъ королемъ, который былъ слѣпъ и рѣшился умереть, когда ему сказали, что сраженіе было потеряно.

— Я очень сожалѣю, графъ, сказалъ Лаперузъ, что вы, вмѣсто сраженія при Креси, не присутствовали въ сраженіи при Акціумѣ.

— Почему вы сожалѣете объ этомъ?

— Потому-что вы могли бы мнѣ разсказать нѣкоторыя подробности объ этой морской битвѣ, которая описана у Плутарха очень-темно.

— Что жь вы желаете знать о ней? Я очень-радъ, что могу быть вамъ полезенъ.

— Развѣ вы были и тамъ?

— Нѣтъ, въ то время я былъ въ Египтѣ. Клеопатра поручила мнѣ въ это время составить александрійскую библіотеку, что̀ я могъ сдѣлать лучше всѣхъ, потому-что лично зналъ лучшихъ поэтовъ древности.

— Вы видѣли Клеопатру, г. Каліостро? закричала графиня Дюбарри.

— Такъ же, какъ я васъ теперь вижу.

— Была она такъ хороша, какъ о ней говорятъ?

— Вы знаете, графиня, что красота вещь условная и относительная. Клеопатра была прекрасна въ Египтѣ. Въ Парижѣ она была бы только хорошенькою.

— Итакъ Клеопатра была...

— Маленькая, тоненькая, живая, умная женщина, съ большими прекрасными глазами, греческимъ носомъ, жемчужными зубами и крошечною ручкой, какъ ваша. Вотъ кольцо съ брильянтомъ, которое подарилъ ей братъ ея Птоломей, и которое она подарила мнѣ. Клеопатра носила это кольцо на большомъ пальцѣ.

— На большомъ? вскричала графиня. Возможно ли это?

— Тогда была такая мода въ Египтѣ, и это кольцо, вы видите, я едва могу надѣть на мизинецъ.

Каліостро снялъ перстень съ мизинца и подалъ его графинѣ. Это былъ прекрасный брильянтъ, самой чистой воды, который стоилъ тридцать или сорокъ тысячъ франковъ.

— Кольцо обошло весь столъ, и Каліостро спокойно опять надѣлъ его на палецъ.

— Я вижу, что вы мнѣ не вѣрите, сказалъ онъ:—впрочемъ, во всю мою жизнь я долженъ былъ бороться съ невѣрующими. Филиппъ Валуа не хотѣлъ мнѣ вѣрить, когда я ему совѣтовалъ позволить Эдуарду отступить; Клеопатра тоже не повѣрила мнѣ, когда я ей сказалъ, что Антоній будетъ побѣжденъ. Троянцы то же не вѣрили мнѣ, когда я предостерегалъ ихъ отъ деревянной лошади, и говорилъ: «на Кассандру нашло вдохновеніе, слушайте же Кассандру!»

— Это удивительно! сказала графиня Дюбарри, громко смѣясь.—я еще никогда не видѣла человѣка такого серьёзнаго и такого занимательнаго, какъ вы.

— Увѣряю васъ графиня, продолжалъ Каліостро:—что я самъ видѣлъ и говорилъ со всѣми лицами, корыхъ вамъ назвалъ.

— Вы знали Монтекукулли?

— Такъ-же, какъ я знаю васъ г. де-Фаврасъ, или еще больше, потому-что васъ я вижу только въ третій разъ, а съ знаменитымъ стратегикомъ почти годъ жилъ въ одной палаткѣ.

— Вы видѣли короля Филиппа Валуа?

— Я ужь говорилъ вамъ объ этомъ г. де-Кондорсе; но когда король воротился въ Парижъ, я уѣхалъ въ Богемію.

— Вы знали Клеопатру?

— Точно такъ, графиня. Я ужь сказалъ вамъ, что у ней были черные глаза, какъ у васъ, и такой же прекрасный бюстъ, какъ у васъ.

— Какъ вы можете это знать, графъ?

— Я знаю, что у васъ есть также сходство съ Кассандрой, тѣмъ-болѣе, что и у васъ, какъ у нея, есть маленькій черный знакъ на шестомъ ребрѣ съ лѣвой стороны.

— Боже мой! Вы настоящій волшебникъ.

— Несовсѣмъ, графиня! сказалъ Ришльё смѣясь, это я разсказалъ ему.

— А кàкъ вы могли узнать это?

— Это семейная тайна, отвѣчалъ маршалъ, дѣлая серьёзную гримасу.

— Прекрасно! перебила графиня... Право, маршалъ, я хорошо сдѣлала, что нарумянилась. Къ вамъ нельзя пріѣзжать безъ румянъ.

Потомъ она обернулась къ Каліостро и продолжала:

— Стало-быть, графъ, у васъ есть тайна, чтобъ помолодѣть, потому-что вамъ три или четыре тысячи лѣтъ, по вашимъ словамъ, а по наружности нѣтъ и сорока.

— Вы отгадали, графиня: я знаю тайну не старѣться.

— Такъ сдѣлайте же меня моложе.

— Этого ненужно, графиня: вамъ и то не больше тридцати лѣтъ.

— Вы говорите такъ изъ вѣжливости.

— Нисколько. Я хочу сказать, что вы ужь употребляли мой элексиръ.

— Я? чтò вы говорите?

— Вы, графиня! Я увѣренъ, что вы не могли этого забыть.

— Я васъ не понимаю. Объяснитесь.

— Вспомните, графиня, домъ въ улицѣ Сен-Клодъ. Вы пришли въ

этотъ домъ, чтобъ посовѣтоваться съ г. Сартиномъ и оказали важную услугу одному изъ моихъ друзей, Жозефу Бальзамо? Помните ли вы Жозефа Бальзамо, который подарилъ вамъ флаконъ эликсира и совѣтовалъ принимать по три капли каждое утро. Вы не забывали этого эликсира ни одинъ день, и только годъ, какъ перестали употреблять его, потому-что флаконъ весь вышелъ. Если вы не помните этого, графиня, то я назову это не незабывчивостью, а неблагодарностью.

— Возможно ли, графъ Каліостро, вы мнѣ говорите такія вещи...

— Которыя никому не могутъ быть извѣстны. Но что же за преимущество называться колдуномъ, если колдунъ не знаетъ чужихъ тайнъ.

— Развѣ у Жозефа Бальзамо былъ тоже рецептъ для составленія этого эликсира?

— Нѣтъ, графиня; но Бальзамо былъ мой другъ и я подарилъ ему нѣсколько флаконовъ.

— И у него есть еще этотъ эликсиръ?

— Этого я не знаю, потому-что вотъ уже три года, какъ бѣдный Бальзамо исчезъ. Я видѣлъ его въ послѣдній разъ въ Америкѣ на берегахъ Огіо; онъ приготовлялся къ экспедиціи въ горы, и я слышалъ, что онъ тамъ умеръ.

— Довольно, графъ! закричалъ маршалъ. Откройте лучше намъ вашъ секретъ.

— Вы говорите, все это не шутя? спросилъ графъ Гагскій у Каліостро.

— Напротивъ, ваше вел... извините, я хотѣлъ сказать, ваше сіятельство, я говорю очень-серьёзно.

— Итакъ, по-вашему, сказалъ маршалъ, графиня не такъ стара, чтобъ ей нужно было возвратить молодость.

— Точно такъ, герцогъ.

— Такъ я представлю вамъ другое лицо. Вотъ мой другъ Таверне. Что̀ вы о немъ скажете? Не кажется ли онъ современникомъ Пилада? Но, можетъ-быть, вы скажете, что этотъ ужь очень-старъ?

Каліостро посмотрѣлъ на барона и отвѣчалъ:

— Нѣтъ, онъ неочень-старъ.

— Если вы возвратите молодость Таверне, любезный графъ, закричалъ Ришльё, то я объявляю васъ ученикомъ Медеи.

— Вы этого желаете? сказалъ Каліостро, обращаясь къ хозяину и къ гостямъ.

Всѣ сдѣлали утвердительный знакъ.

— И вы, баронъ, хотите помолодѣть?

— Разумѣется! закричалъ Таверне.

— Это очень-легко! сказалъ Каліостро.

И онъ вынулъ изъ кармана маленькую осмиугольную бутылочку, взялъ чистый хрустальный стаканъ и налилъ въ него нѣсколько капель какой-то жидкости, потомъ долилъ полстакана шампанскимъ и передалъ этотъ напитокъ барону.

Всѣ слѣдовали глазами за малѣйшими движеніями необыкновенна-

го человѣка. Баронъ взялъ стаканъ и не рѣшался выпить его. Всѣ захохотали, а Каліостро закричалъ:

— Торопитесь же баронъ и не пролейте этого эликсира, каждая капля котораго стоитъ сто луидоровъ.

— О! сказалъ, улыбаясь, Ришльё, это гораздо-дороже токайскаго.

— Не-уже-ли мнѣ надобно все выпить, спросилъ баронъ, дрожа всѣмъ тѣломъ.

— Если не хотите, то передайте стаканъ, найдутся еще охотники помолодѣть.

— Подай мнѣ, сказалъ маршалъ, протягивая руку.

Старый баронъ понюхалъ стаканъ и, прельщенный бальзамическимъ запахомъ и прекраснымъ розовымъ цвѣтомъ эликсира, проглотилъ магическій напитокъ.

Въ ту же минуту ему показалось, что дрожь пробѣжала по его тѣлу и привела въ движеніе старую кровь, которая заснула въ его жилахъ. Его морщинистая кожа натянулась, полуоткрытые глаза открылись и заблестѣли, трясущіяся руки почувствовали силу, голосъ сдѣлался твердымъ, колѣни распрямились такъ же, какъ спина и все это въ одну секунду, какъ-будто эликсиръ, разливаясь внутри, возобновилъ и оживилъ это дряхлое тѣло.

Послышался крикъ удивленія, страха, восторга. Таверне до-сихъ-поръ почти ничего не ѣлъ; теперь онъ положилъ на тарелку большую порцію соуса и началъ ѣсть такъ аппетитно, что на зубахъ у него захрустѣли кости куропатокъ.

Онъ ѣлъ, смѣялся, пилъ, кричалъ отъ радости впродолженіе получаса, и въ это время всѣ смотрѣли на него въ какомъ-то остолбенѣніи; потомъ понемногу онъ началъ угасать, какъ лампа безъ масла. Сначала на лбу его появились прежнія морщины, глаза потухли и закрылись. Потомъ онъ потерялъ аппетитъ, спина его снова сгорбилась, колѣни дрожали, и онъ засыпалъ.

— Что съ вами? спросили всѣ.

— Я прощаюсь съ моею молодостью.

И двѣ слезы выкатились изъ глазъ старика.

При видѣ этихъ слезъ о потерянной минутной молодости всѣ гости вздохнули такъ же тяжело, какъ бѣдный Таверне.

— Дѣйствіе это очень-просто и понятно, господа, сказалъ Каліостро: — я далъ барону тридцать-пять капель жизненнаго эликсира и онъ помолодѣлъ ровно на тридцать-пять минутъ.

— Умоляю васъ, дайте мнѣ еще, еще молодости! проговорилъ старикъ.

— Нѣтъ, баронъ, второй опытъ убьетъ васъ, спокойно отвѣчалъ Каліостро.

Во все время, пока продолжалось минутное оживленіе стараго Таверне, графиня Дюбарри, знавшая свойства эликсира, внимательнѣе всѣхъ слѣдовала за странною сценою Таверне. Когда молодость распрямила члены старика и наполнила жилы новою жизнью, Дюбарри смѣялась, радовалась, сама примѣтно молодѣла. Когда эликсиръ до-

стигъ до высшей степени своей силы, графиня чуть не бросилась къ Каліостро, чтобъ отнять у него драгоцѣнный флаконъ.

Но въ эту минуту молодость Таверне такъ же скоро исчезла. Графиня вздохнула и грустно сказала:

— Какъ все здѣсь непрочно, дѣйствіе волшебнаго напитка продолжалось только полчаса!

— И чтобъ помолодѣть на два года, сказалъ графъ Гагскій: — надобно выпить цѣлую рѣку.

Всѣ засмѣялись.

— Счетъ очень-простъ, замѣтилъ Кондорсе: — чтобъ помолодѣть на годъ, должно выпить три милліона сто-пятьдесятъ-три тысячи шесть капель жизненнаго эликсира.

— Это цѣлое наводненіе! замѣтилъ Лаперузъ.

— Однако, сказала графиня, вашъ другъ Бальзамо далъ мнѣ одинъ только флаконъ и онъ сохранялъ мою молодость впродолженіе десяти лѣтъ.

— Въ этомъ-то и тайна, графиня. Человѣкъ, который очень-состарѣлся, долженъ принять бо̀льшее количество эликсира, чтобъ почувствовать сильное дѣйствіе; но женщина тридцати лѣтъ, какъ вы, или мужчина сорока лѣтъ, какъ я, должны пить только по десяти капель въ періодъ упадка силъ, чтобъ сохранить жизнь и молодость на одной точкѣ силы.

— Что̀ вы называете періодомъ упадка? спросилъ графъ Гагскій.

— Извѣстный физическій законъ. Въ природѣ, силы человѣка увеличиваются до тридцати-пяти лѣтъ; до сорока онѣ остаются въ одинаковомъ положеніи. Съ сорока онѣ начинаютъ упадать почти незамѣтно до пятидесяти; потомъ періоды упадка силъ слѣдуютъ чаще, до дня смерти. Въ образованномъ обществѣ, то-есть, когда тѣло изнурено излишествами, болѣзнями и заботами, увеличеніе силы останавливается въ тридцать лѣтъ. Упадокъ начинается въ тридцать-пять лѣтъ, и тогда человѣкъ, первобытный или образованный, долженъ воспользоваться минутою, когда натура остается на точкѣ неподвижности, и принять эликсиръ. Тотъ, кто знаетъ всѣ свойства этого эликсира, такъ какъ я, всегда будетъ жить, какъ я, будетъ всегда молодъ, то-есть такъ молодъ, какъ онъ самъ желаетъ казаться въ свѣтѣ.

— Для чего же, графъ Каліостро? вскричала графиня: — вы выбрали сорокалѣтній возрастъ, когда могли выбрать двадцать лѣтъ?

— Длятого, графиня, отвѣчалъ, улыбаясь, Каліостро: — что я хотѣлъ скорѣе казаться совершеннолѣтнимъ мужчиною, чѣмъ немолодымъ, незрѣлымъ мальчикомъ.

— Вотъ что! сказала графиня.

— Разумѣется, графиня, продолжалъ Каліостро: — въ двадцать лѣтъ мужчина нравится только тридцатилѣтнимъ женщинамъ, въ сорокъ же лѣтъ мы управляемъ двадцатилѣтними женщинами и шестидесятилѣтними мужчинами.

— Я соглашаюсь съ вами, отвѣчала графиня: — притомъ же, невозможно спорить съ вами, потому-что вы сами живой примѣръ тому, что̀ утверждаете.

— Стало-быть, мнѣ нельзя ужь возвратить молодости? сказалъ съ горестью Таверне: — я взялся за это очень-поздно!

— Герцогъ Ришльё былъ благоразумнѣе васъ, сказалъ Лаперузъ съ откровенностью моряка: — я всегда слышалъ, что онъ тоже употребляетъ какой-то эликсиръ.

— Этотъ слухъ распустили женщины, сказалъ, смѣясь, графъ Гагскій.

— Это еще не причина, чтобъ не вѣрить ему! замѣтила графиня Дюбарри.

Старый маршалъ покраснѣлъ, чего съ нимъ ужь очень-давно не случалось, и сказалъ:

— Хотите ли знать, господа, въ чемъ состоитъ мой эликсиръ?

— Скажите.

— Мой жизненный эликсиръ — это благоразумная и правильная жизнь.

— Не можетъ быть! закричали всѣ, смѣясь.

— Увѣряю васъ, что это правда!

— Я не спорю съ вами, герцогъ, отвѣчала графиня: — но все-таки больше удивляюсь дѣйствію волшебнаго напитка графа Каліостро. Извините, господинъ колдунъ, но я хочу вамъ сдѣлать еще нѣсколько вопросовъ.

— Я васъ слушаю, графиня.

— Вы говорили, что въ первый разъ употребили вашъ эликсиръ, когда вамъ было сорокъ лѣтъ?

— Точно-такъ!

— И это было въ эпоху осады Трои?

— Немного прежде.

— И вамъ съ-тѣхъ-поръ все сорокъ лѣтъ?

— Какъ вы видите.

— Но, графъ, сказалъ Кондорсе:—ваша теорема доказываетъ больше, чѣмъ вы хотите.

— Что же она доказываетъ, маркизъ?

— Что вы можете не только сохранять молодость, но удерживать жизнь, потому-что, если вамъ было сорокъ лѣтъ при осадѣ Трои, то вы еще ни разу не умирали.

— Признаюсь, маркизъ, я еще не умиралъ никогда.

— Развѣ вы неуязвимы, какъ Ахиллесъ; но и тотъ былъ уязвимъ, потому-что Парисъ убилъ его стрѣлой въ пятку.

— Къ-несчастію, я смертенъ и уязвимъ! сказалъ Каліостро.

— Стало-быть, васъ можно убить?

— Очень можно!

— Какъ же вы могли избѣжать несчастныхъ случаевъ впродолженіе трехъ-тысячъ пятисотъ лѣтъ?

— Я вамъ объясню это, если вамъ угодно.

— Говорите, говорите, мы слушаемъ съ удовольствіемъ! закричали всѣ и приготовились слушать.

Каліостро сложилъ на столѣ свои бѣлыя прекрасныя руки, укра-

шенныя драгоцѣнными перстнями, между которыми блестѣлъ полярною звѣздой перстень Клеопатры, и началъ говорить:

— Какое первое условіе жизни? это здоровье, не правда ли?

— Правда.

— А первое условіе здоровья?

— Порядочная жизнь, отвѣчалъ графъ Гагскій.

— Вы правы, графъ: здоровье зависитъ отъ порядочной жизни, и мой эликсиръ—это самое лучшее лекарство, что̀ ужь извѣстно и вамъ и въ-особенности графинѣ.

— Это правда, графъ; но продолжайте.

— Извольте! Я всегда принималъ мои капли; а такъ-какъ онѣ составляютъ осуществленіе вѣчной мечты людей, извѣстной въ древности подъ именемъ «напитка молодости», а въ наше время подъ именемъ «жизненнаго эликсира», то поэтому я сохранилъ мою молодость, здоровье и жизнь. Это, кажется, ясно.

— Однако, все на свѣтѣ уничтожается и портится: самое здоровое и самое больное тѣло.

— То-есть и Парисъ и Вулканъ должны состарѣться.

— Вы, безъ сомнѣнія, знали Париса, графъ?

— Зналъ очень-хорошо, графиня. Онъ былъ прекрасный мужчина; только женщины ошибаются, если думаютъ, что онъ образецъ совершенства. Вопервыхъ, у Париса были рыжіе волосы.

— Рыжіе! какой ужасъ! закричала графиня.

— Къ-несчастію, отвѣчалъ Каліостро:—Елена была другаго мнѣнія. Но возвратимся къ нашему эликсиру.

— Да̀, да̀, говорите объ эликсирѣ.

— Вы сказали, баронъ Таверне, что все на свѣтѣ портится—я съ этимъ согласенъ; но вы знаете также, что все можно поправить, возобновить. Извѣстенъ анекдотъ о ножѣ, который нѣсколько разъ мѣнялъ рукоятку и лезвее и все-таки остался тѣмъ же ножемъ. Вино, которое гейдельбергцы хранятъ въ своей знаменитой бочкѣ, все то же вино, хотя каждый годъ вливаютъ въ него новаго вина. Вотъ почему гейдельбергское вино всегда чисто и вкусно, тогда-какъ вино, закупоренное консуломъ Опиміусомъ и мною, за 120 лѣтъ до Р. Х., черезъ сто лѣтъ сдѣлалось густою грязью, которую можно было ѣсть, но не пить. Итакъ, вмѣсто того, чтобъ слѣдовать примѣру Опиміуса, я отгадалъ рецептъ гейдельбергцевъ. Каждое утро свѣжій, здоровый атомъ занимаетъ въ моемъ тѣлѣ, въ крови и въ костяхъ мѣсто слабой, испорченной частички. Я всѣми силами противлюсь упадку силъ и возбуждаю ихъ новымъ пріемомъ эликсира; отъ этого моя жизнь, мысли, жесты, нервы были въ безпрестанной дѣятельности. И такъ-какъ я вѣчно заботился о сохраненіи моей жизни, то, разумѣется, привыкъ избѣгать всѣхъ опасностей впродолженіе трехъ тысячъ лѣтъ, и все это потому, что моя опытность предохраняетъ меня отъ всевозможныхъ несчастныхъ случаевъ. Я ни за что̀ не войду въ домъ, который отъ ветхости можетъ каждую минуту обрушиться. Въ моей жизни я видѣлъ столько домовъ, что съ перваго взгляда могу отличить прочное строеніе отъ ветхаго. Вы не заставите меня идти на охоту съ дурнымъ стрѣлкомъ,

который не умѣетъ держать ружья. Со времени Кефала, который убилъ свою жену Прокрису, до регента, который выкололъ глазъ принцу Конде, я видѣлъ много неловкихъ. На войнѣ я высчитаю всевозможныя линіи пуль и ядеръ, и ни за что не стану на то мѣсто, гдѣ есть возможность умереть. Вы мнѣ скажете, что отъ пули нельзя уберечься, но я вамъ отвѣчу, что тотъ, который избѣжалъ мильйона пуль, не можетъ больше ихъ бояться. Я вижу, что вы мнѣ не вѣрите, несмотря на то, что передъ вами живое доказательство справедливости словъ моихъ. Я не говорю вамъ, что я безсмертенъ, но только, что могу избѣжать случайной смерти, чего нельзя сдѣлать, неимѣя моей опытности. Напримѣръ, я не останусь и четверти часа одинъ съ г. де-Лоне, который думаетъ теперь, что если бъ я попался въ одну изъ келій Бастиліи, онъ испыталъ бы мое безсмертіе голодомъ. Я не сближусь также съ маркизомъ Кондорсе, который въ эту минуту сбирается вылить въ мой стаканъ ядъ, спрятанный у него въ перстнѣ, и это вовсе не съ дурнымъ намѣреніемъ, а изъ любопытства, чтобъ узнать, умру ли я отъ этого яда.

Два лица, названныя графомъ Каліостро, сдѣлали невольное движеніе ужаса.

— Признайтесь смѣло, г. де-Лоне, мы здѣсь не передъ судомъ. Скажите, думали ли вы о томъ, чтобъ для опыта уморить меня голодомъ? А вы, маркизъ, скажите мнѣ, правда ли, что у васъ въ перстнѣ ядъ, которымъ вы хотѣли бы угостить меня для пользы науки.

— Признаюсь, графъ, отвѣчалъ губернаторъ Бастиліи, смѣясь и краснѣя: — эта безумная мысль промелькнула въ моей головѣ въ ту самую минуту, какъ вы обвинили меня.

— Я тоже не скрываюсь, сказалъ Кондорсе:—и думалъ, что еслибъ вы попробовали моего яда, я бы не далъ ни одного обола за ваше безсмертіе.

При этихъ словахъ послышались громкія восклицанія удивленія, потому-что эти два признанія доказывали необыкновенную проницательность Каліостро.

— Вы видите, отвѣчалъ Каліостро спокойно: — я могу отгадывать мысли. Долгая привычка жизни заставляетъ меня отгадывать съ перваго взгляда прошедшее и будущее людей, которыхъ я вижу даже въ первый разъ. Эта способность простирается также на животныхъ и на неодушевленные предметы. Если я сажусь въ карету, то вижу, когда лошади должны взбѣситься и кучеръ сбирается опрокинуть меня. Когда я сажусь на корабль, то по лицу капитана угадываю его характеръ и вижу, глупъ онъ или упрямъ, не можетъ или не захочетъ управлять такъ, какъ должно: въ такомъ случаѣ я избѣгаю этой кареты и этого корабля. Я вѣрю въ случай, но предупреждаю его или уменьшаю, и вмѣсто ста шансовъ я оставляю себѣ девяностодевять и берегусь сотой части. Вотъ почему я прожилъ три тысячи лѣтъ.

— Въ такомъ случаѣ, сказалъ Лаперузъ:—любезный предсказатель, вы сдѣлали бы мнѣ большое удовольствіе, еслибъ проводили меня до моихъ кораблей, которые назначены къ путешествію вокругъ свѣта.

Каліостро ничего не отвѣчалъ.

— Любезный маршалъ, продолжалъ, смѣясь, морякъ: — я понимаю, что графу Каліостро не хочется оставить такое любезное общество; но мнѣ необходимо проститься съ вами. Извините меня, графъ Гагскій и вы, графиня, но вотъ бьетъ семь часовъ, а я обѣщалъ королю сѣсть въ экипажъ четверть восьмаго. Вы, графъ, не можете мнѣ сказать, что̀ случится съ моими судами, но должны предсказать, что̀ меня ожидаетъ во время путешествія отъ Версаля до Бреста. Что̀ будетъ отъ Бреста до полюса—я не спрашиваю, это ужь мое дѣло.

Каліостро бросилъ на Лаперуза меланхолическій и грустный взглядъ, который поразилъ всѣхъ гостей; но мореплаватель не замѣтилъ этого, потому-что въ это время прощался и надѣвалъ, съ помощью слугъ, теплый сюртукъ. Въ это время графиня Дюбарри успѣла положить ему въ карманъ нѣсколько сластей, которыя такъ дороги путешественнику и напоминаютъ ему о далекихъ друзьяхъ.

Лаперузъ, все такъ же веселый, почтительно поклонился графу Гагскому и протянулъ руку старому маршалу.

— Прощайте, мой другъ Лаперузъ! сказалъ герцогъ Ришльё.

— Отчего же, маршалъ, вы не говорите мнѣ *до свиданія*. Развѣ я отправляюсь въ вѣчность. Я только объѣду свѣтъ кругомъ, это продолжится небольше пяти лѣтъ и — опять вернусь къ вамъ. Зачѣмъ же говорить: прощайте!

— Пять лѣтъ! вскричалъ Ришльё: — это все-равно, еслибъ вы мнѣ сказали: пять вѣковъ. Въ мои лѣта дни считаются годами. Еще разъ говорю вамъ: прощайте!

— Для чего вы не спросите колдуна? сказалъ, смѣясь, Лаперузъ:— онъ, вѣрно, обѣщаетъ вамъ еще двадцать лѣтъ жизни. Не правда ли, графъ Каліостро. Какъ я сожалѣю, что вы не сказали мнѣ прежде о вашихъ волшебныхъ капляхъ: я бы, несмотря ни на какую цѣну, взялъ цѣлую бочку эликсира на мою *Астролябію* — это имя моего корабля. Позвольте мнѣ, графиня, еще разъ поцаловать вашу прекрасную ручку. Я увѣренъ, что, до моего пріѣзда, не увижу другой, похожей на эту. До свиданія!

И Лаперузъ вышелъ.

Каліостро хранилъ мрачное молчаніе. Еще нѣсколько секундъ слышались шаги капитана и его веселый голосъ; потомъ лошади зазвенѣли колокольчиками и колеса застучали по мостовой.

Лаперузъ сдѣлалъ первый шагъ въ таинственное путешествіе, изъ котораго не долженъ былъ воротиться.

Всѣ слушали съ напряженнымъ вниманіемъ. Когда же затихъ стукъ уѣхавшаго экипажа, всѣ взоры невольно обратились къ Каліостро.

Въ эту минуту въ его чертахъ было какое-то пиѳическое вдохновеніе, которое испугало всѣхъ гостей.

Молчаніе продолжалось нѣсколько минутъ.

Графъ Гагскій заговорилъ первый:

— Отчего вы не хотѣли отвѣчать Лаперузу, графъ Каліостро?

Всѣ со страхомъ ожидали словъ необыкновеннаго человѣка.

Каліостро вздрогнулъ, какъ-будто ему помѣшали размышлять.

— Я не хотѣлъ отвѣчать, сказалъ онъ графу:—потому-что долженъ былъ сказать или ложь, или горькое извѣстіе.

— Отчего это?

— Я долженъ былъ сказать ему: г. Лаперузъ, герцогъ Ришльё былъ правъ, сказавъ вамъ, прощайте, а не до свиданія.

— Чтò вы говорите! вскричалъ старый маршалъ, блѣднѣя.

— Успокойтесь, маршалъ, продолжалъ Каліостро:—это предсказаніе опасно не для васъ.

— Не-уже-ли, сказала графиня:—несчастіе ждетъ бѣднаго Лаперуза, который только-что поцаловалъ мою руку.

— Онъ не только не будетъ цаловать вашей руки, но никогда не увидитъ тѣхъ, съ кѣмъ прощался сегодня! отвѣчалъ Каліостро, пристально смотря въ свой стаканъ съ водою, въ которомъ переливались всѣ цвѣта опала.

Крикъ удивленія вырвался невольно изо всѣхъ устъ.

Разговоръ принялъ такое направленіе, что каждая минута дѣлала его занимательнѣе. Всѣ присутствовавшіе не спускали глазъ съ Каліостро, какъ-будто ожидая приказаній древняго оракула.

Въ это время г. Фаврасъ видимо понялъ общее желаніе, всталъ съ своего мѣста и посмотрѣлъ у дверей, не слушаетъ ли кто-нибудь; но мы ужь сказали, что прислуга герцога Ришльё была образцовая. Въ передней, далеко отъ дверей, стоялъ только старый метр-д'отель и стерегъ, чтобъ во время дессерта никто не смѣлъ помѣшать гостямъ.

Фаврасъ сѣлъ на свое мѣсто и далъ знакъ, что можно свободно говорить.

— Разскажите же намъ, графъ, начала Дюбарри: — чтò ожидаетъ бѣднаго Лаперуза.

Каліостро покачалъ головой.

— Говорите, говорите, графъ, сказали всѣ мужчины: — мы васъ просимъ.

— Вы знаете, что Лаперузъ ѣдетъ вокругъ свѣта, чтобъ дополнить путешествіе капитана Кука — бѣднаго Кука, который былъ убитъ на Сандвичевыхъ Островахъ.

— Дà, дà, мы это знаемъ!

— Все предвѣщаетъ успѣхъ этому предпріятію. Лаперузъ искусный морякъ, притомъ же, самъ король Лудовикъ XVI начерталъ ему путь.

— Итакъ, онъ уѣзжаетъ... прервала графиня, чтобъ не забывали главнаго предмета разговора.

— Онъ уѣзжаетъ, повторилъ Каліостро: — но не скоро еще отправится въ море, потому-что его задержатъ довольно-долго въ Брестѣ.

— Какъ жаль! сказалъ Кондорсе: — теперь самое лучшее время для отъѣзда. Кажется даже, что онъ опоздалъ немного. Въ мартѣ или февралѣ еще лучше отправляться въ море.

— Не отнимайте у него, маркизъ, этихъ двухъ или трехъ мѣсяцевъ, во время которыхъ онъ живетъ и надѣется.

— Ему дали хорошій экипажъ, сказалъ маршалъ.

— Да̀, отвѣчалъ Каліостро:—вторымъ кораблемъ командуетъ опытный офицеръ. Я его вижу, онъ еще молодъ и, къ-несчастію, храбръ.

— Къ-несчастію?

— Черезъ годъ я напрасно ищу этого храбраго офицера, продолжалъ предсказатель, смотря въ свой стаканъ. — Никто изъ васъ не связанъ ни родствомъ, ни дружбой съ г. Лангль?

— Нѣтъ, мы его не знаемъ.

— Смерть начнетъ съ него.

Ропотъ удивленія пробѣжалъ по залѣ.

— Но Лаперузъ... что̀ съ нимъ? гдѣ онъ?.. спросили нѣсколько робкихъ голосовъ.

— Онъ плыветъ... останавливается... опять продолжаетъ путь. Годъ, два года благополучнаго плаванія. Онъ присылаетъ о себѣ извѣстіе (*). Потомъ...

— Потомъ?

— Проходятъ года̀...

— И что̀ жь?..

— Океанъ великъ.. небо темно.. Вотъ необитаемыя земли... вотъ страшныя фигуры дикихъ, напоминающія чудовища Греческаго Архипелага. Они стерегутъ корабль, который въ темнотѣ плыветъ на камни, его увлекаетъ теченіе, потомъ настаетъ буря, страшная буря! потомъ моряки видятъ огни. О, Лаперузъ, Лаперузъ! если бъ ты меня могъ слышать, я бы сказалъ тебѣ: ты ѣдешь какъ Христофоръ Колумбъ, чтобъ открыть новый міръ. Лаперузъ, берегись незнакомыхъ острововъ!..

Каліостро замолчалъ.

Всѣ присутствовавшіе почувствовали трепетъ.

— Отчего же вы не предупредили его? спросилъ графъ Гагскій, чувствуя также вліяніе надъ собой этого необыкновеннаго человѣка, который по своему желанію какъ-бы управлялъ чувствами людей.

— Да̀, вскричала графиня Дюбарри. Отчего не послать вслѣдъ за нимъ? Жизнь Лаперуза стоитъ, чтобъ за нимъ съѣздилъ курьеръ и воротилъ его.

Маршалъ всталъ и протянулъ руку къ звонку. Каліостро остановилъ его однимъ жестомъ и Ришльё опустился въ кресло.

— Ваше предостереженіе было бы напрасно, сказалъ Каліостро. Человѣкъ, который видитъ будущность, не можетъ перемѣнить ее. Лаперузъ засмѣялся бы, еслибъ услышалъ мои слова, какъ смѣялись сыновья Пріама, когда предсказывала Кассандра; но я вижу, что и графъ Гагскій смѣется и г. Кондорсе старается удержаться отъ улыбки. Не удерживайте вашей веселости, господа, я васъ предупредилъ, что мнѣ никогда не вѣрили.

— Мы вѣримъ! закричали графиня и старый маршалъ.

— Я вѣрю, прошепталъ Таверне.

(*) Офицеръ, который привезъ извѣстіе о Лаперузѣ, Лессепсъ, былъ единственный человѣкъ изо всей экспедиціи, воротившійся во Францію.

— Я тоже вѣрю, сказалъ учтиво графъ Гагскій.

— Вы вѣрите, отвѣчалъ Каліостро, потому-что это касается до Лаперуза; но если бы дѣло шло о васъ, вы не повѣрили бы.

— Что̀ вы говорите?

— Правду.

— Признаюсь, я бы повѣрилъ тогда, сказалъ графъ Гагскій: — когда бы г. Каліостро сказалъ Лаперузу: «берегитесь незнакомыхъ островов». Онъ бы остерегся и, можетъ-быть, спасся бы.

— Увѣряю васъ, что это ни къ чему бы не послужило. Если бы онъ и повѣрилъ, то, приближаясь къ новымъ островамъ, мучительныя мысли терзали бы его, и онъ испыталъ бы тысячу смертей, потому-что я отнялъ бы у него даже надежду, послѣднюю утѣшительницу несчастнаго, который еще ждетъ спасенія даже въ ту минуту, когда жизнь исчезаетъ видимо.

— Это правда, сказали нѣсколько голосовъ.

— Да̀, произнесъ Кондорсе: — истинное благо на землѣ — это покрывало, которое скрываетъ конецъ нашей жизни.

ОПИСАНІЕ ТЕАТРАЛЬНАГО УВЕСЕЛЕНІЯ,

чрезъ французскихъ комедіантовъ Ея Императорскаго Величества представленнаго (*).

По обрученіи ихъ императорскихъ высочествъ благовѣрнаго государя великаго князя Петра Ѳеодоровича и благовѣрныя государыни великія княгини Екатерины Алексѣевны, въ Богохранимомъ Петроградѣ великія торжества и пиршества произошли. Между прочимъ и французскіе комедіанты, привлеченные въ россійскую, для наукъ и художествъ наилюбезнѣйшую, страну милостями и щедротами Сѣверной Минервы, устроили, по случаю ожидаемаго торжественнаго ихъ

(*) Подъ такимъ заглавіемъ нашелъ я, между старинными моими бумагами, небольшую ветхую тетрадку, чрезвычайно-нечотко написанную. Несмотря на тарабоскую грамоту моей находки, я вздумалъ непремѣнно разобрать ее и, послѣ многихъ усилій, подвигъ мой увѣнчался успѣхомъ. Рукопись моя содержала въ себѣ описаніе спектакля, даннаго при императрицѣ Елисаветѣ Петровнѣ, въ числѣ разныхъ торжествъ, бывшихъ по случаю обрученія великаго князя Петра Ѳеодоровича и великой княжны Екатерины Алексѣевны. Программа пьесъ этого спектакля была напечатана въ 1745 году Академіею Наукъ; но эта программа была отпечатана въ самомъ незначительномъ количествѣ экземпляровъ, и теперь составляетъ библіографическую рѣдкость; въ найденной же мною рукописи, кромѣ содержанія самыхъ пьесъ, довольно-любопытны примѣчанія объ актёрахъ, наградахъ ихъ и т. п. Эти-то примѣчанія и побудили меня, главнымъ образомъ, напечатать «Описаніе Театральнаго Увеселенія», какъ довольно-интересный источникъ для исторіи театра въ Россіи. Т. Шишкинъ.

императорскихъ высочествъ бракосочетанія, театральное увеселеніе, которое не мало къ увеселенію высокихъ зрителей послужило. Сіе театральное увеселеніе 16 числа сего мѣсяца (*), во вторникъ, въ Зимнемъ Ея Императорскаго Величества Дворцѣ произошло, и то театральное увеселеніе отъ семи до десяти часовъ вечера продолжалось, а по семъ воспослѣдовала музыка и произошли танцы, которые до трехъ часовъ ночи продолжались; и дворецъ весь, и площадь дворцовая и ближнія улицы предивно иллюминованы были. При театральномъ увеселеніи присутствовали: ея императорское величество, ихъ императорскія высочества, весь россійскій именитый дворъ и чужестранные послы, въ Петроградѣ въ сіе время бывшіе.

Перечень дѣла.

Въ началѣ всего музыка сладкій гимнъ играла; поднялась завѣса: заиграли «Принцессу Элидскую», комедію героическую и любовную. Представлена была сія комедія, какъ и въ Парижѣ, безъ интермедіи. Послѣ сей комедіи воспослѣдовалъ балетъ (во французской землѣ балетомъ такое театральное увеселеніе называютъ, въ коемъ комедіанты чувствованія свои разными пріятными тѣлодвиженіями изображаютъ). А назывался балетъ «Балетомъ Цвѣтковъ», поелику въ немъ актриссы цвѣтками были.

Имена актеровъ въ балетѣ: Роза—Аксинья, Ренункулъ—Елизавета, Анемонъ—Гроньякъ, Анемонъ—Аграфена. Цвѣтки, маргариты и іасписы — три танцовщицы маленькія; Борей — Симонъ. Театръ представлялъ нѣкоторый цвѣтникъ, въ которомъ танцовщицы цвѣтками были и каждая изъ нихъ въ платье такого цвѣта одѣта была, какой представляла сама.

Роза представляла своимъ другинямъ сладость, каковую она имѣетъ въ томъ, что живетъ подъ законами вѣтра Зефира, также и нетерпѣливость, чтобы скорѣе увидѣть сего любезнаго своего любовника. Но увеселеніе ея было приведено въ смятеніе чрезъ прибытіе вѣтра Борея, крайняго непріятеля. Увидѣвши Борея, всѣ цвѣтки схоронились. Роза также старалась отъ него убѣжать, но онъ за нею гнался такъ жестоко, что она напослѣдокъ увянувши упала. Борей радовался своей мести, и изъявивши свое чувство прелестнымъ танцемъ, ушелъ. Зефиръ, смотря на оплакуемое состояніе своей любезной Розы, сжалился надъ нею, началъ ее къ ожитію возбуждать, и она отъ того мало-по-малу ожила. Прочіе цвѣтки собрались къ Розѣ и легкимъ своимъ танцемъ объявили радость, какову они имѣютъ, что удалился Борей и что Зефиръ началъ царствовать.

По окончаніи «Балета Цвѣтковъ» была представлена «Зенеида», новая комедія въ одномъ дѣйствіи, стихами сочиненная, которая весьма еще недавно трогала и забавляла весь французскій дворъ.

(*) Но какой мѣсяцъ именно — въ рукописи этого не означено.

Перечень комедіи.

Доброжелательная вѣдьма (хотя французское слово fée точно значитъ Ягу-бабу, однакожь, какъ волшебники не худо вѣдунами называются, такъ можно назвать и сказочныхъ волшебницъ—вѣдьмами) одарила Зенеиду, при ея рожденіи, наисовершеннѣйшею красотою, но другая, злопріятствующая вѣдьма, грозила ей наивеличайшимъ несчастьемъ, и такъ, что она будетъ крайне мерзка, ежели, влюбившись, не усладитъ своего любовника безъ помощи красоты своей. Благопріятствующая вѣдьма, возвратясь съ балу, на который она возила Зенеиду, чтобы она тамъ побѣдила Олинда, краснаго молодца, объявила ей тайну ея рожденія и обязала ее хранить на себѣ личину для испытанія олиндовой вѣрности, котораго она въ свои палаты перенесла. Послѣ многихъ испытаній, козни злопріятствующей вѣдьмы разрушились, вѣрность олиндова познала́сь и комедія окончилась счастливымъ сочетаніемъ двухъ совершенныхъ любовниковъ.

Примѣтить надлежитъ, что одѣянія, въ кои актеры и актрисы одѣты были, весьма-богатыя и щегольскія были, и надзиралъ надъ сею частью театральнаго увеселенія г. Чулковъ и г. де-Серинььи.

Послѣ комедіи «Зенеиды» началось театральное увеселеніе, нарочито для празднества составленное; а называлось сіе театральное увеселеніе: «Соединеніе Любви и Брака», а сочинено было оно стихами. Дѣйствующія лица въ семъ представленіи были: Гименъ — г. де-Серинььи, Любовь — г. де-Серинььи-молодшій, Венера — г-жа де-Друсенъ, Эфрозина — г-жа Дюшомпонтъ, Ціана — г-жа Лебрюнъ, Аглаія — г-жа Лаконтъ, Марсъ—г. де-Роземондъ, Минерва—г-жа де-Префліори. Театръ представлялъ нѣкоторое мѣсто изъ садовъ ея императорскаго величества, убранное для веселаго празднованія. Въ срединѣ стояло великое пальмовое дерево, которое доставало до самыхъ облаковъ. Съ одной стороны покрывало оно своими вѣтвями лавровое, а съ другой—миртовое. Пальма, которая значитъ честь, великость, имперію, побѣду и торжество, посвящена была славѣ ея императорскаго величества. Лавръ, который значитъ науку, достоинство, таланты, храбрость и завоеваніе, посвященъ былъ имени его императорскаго высочества благовѣрнаго государя великаго князя; мирта же, которая значитъ тихость, нѣжность, пріятность и красоту, посвящена была чести ея императорскаго величества благовѣрной государыни великой княгини. На самомъ верху пальмоваго дерева виденъ былъ преискусно-сдѣланный орелъ, у котораго на грудяхъ, вмѣсто обыкновеннаго герба, изображено было солнце, окруженное сіяющими лучами, а въ срединѣ у него написано было вензловое имя ея императорскаго величества, съ надписью: quid melius? Нѣкоторый шнуръ, убранный цвѣтками, протянутъ былъ изъ солнечныхъ лучей и казался, что связывалъ лавръ и мирту. Подъ пальмою стоялъ гименовъ жертвенникъ, надъ которымъ Гименъ и Любовь клялись сохранять ненарушимый миръ. Служившіе Гимену всѣ украшены были разными цвѣтками, окружали жертвенникъ. Венера и всѣ три граціи, слѣдующія всегда за Любовью, стояли напереди театра и изъявляли радость, ими отъ соединенія Гимена и Любви чувствуемую. Сила представленія, «Соединеніе Любви и Брака»

названнаго и всего болѣе зрителей увеселившаго, въ семъ состояла: Венера и Ефрозина между собою разсуждали о великомъ днѣ пребыванія Брака въ мирѣ съ Любовью, соединяя съ симъ найискреннѣйшее желаніе о благополучномъ соединеніи любви достойнаго принца съ наипрекраснѣйшею принцессою. Посемъ Любовь и Бракъ, обязавшись клятвою жить въ ненарушимомъ мирѣ и совѣтѣ, обняли другъ друга и шли посреди театра утверждать свой союзъ. Пришедши же къ жертвеннику, Бракъ и Любовь обѣщались потщитися позабыть свою ссору и представить свою ревность предъ очами государыни, которая въ сихъ странахъ владычествуетъ. Чтобы каждый старался ей угодить, восклицали они: «ея милость превосходитъ еще сіяніе ея красоты, подданныхъ своихъ она есть матерь». Здѣсь вдругъ слышанъ быть началъ звукъ литавръ и трубъ, отчего Любовь и Бракъ пришли въ смятеніе, особенно видя Марса и Минерву, къ нимъ идущихъ. Однако же, нетокмо имъ войны не объявили, но еще и увѣряли, что пришли они торжествовать купно съ Бракомъ и Любовью торжественный день сей. Марсъ повторилъ, что можно все своей власти подвергнуть, если соединишь храбрость съ благоразуміемъ. «Наисильнѣйшіе побѣдители», говорилъ Марсъ: «рѣдко склоняютъ къ себѣ сердца чрезъ вопль и тревогу, а наша любезная самодержица умѣетъ своими щедрыми благодѣяніями надъ всѣми сердцами быть царицею». Минерва, съ своей стороны, изъявила, «что въ одной только мудрости находится истинная утѣха, и что токмо благополучна та юность, желаніями коей она управляетъ. Самъ наивеличайшій изъ императоровъ имѣлъ токмо мой свѣтъ за проводника, продолжала Минерва, а его щедролюбивой дщери я всегда исполняла желаніе и теперь хочу удвоить мою помощь, дабы безсмертною учинить августѣйшую фамилію». За симъ Любовь повторила за Минервою: «Да плещетъ вся вселенная силѣ красоты, да гремитъ все небо желаніями услажденнаго народа». Здѣсь музыка начала играть, игры и забавы совокупились на голосъ Брака и повели за собою всѣ народы царствъ и провинцій, которые имѣютъ счастье быть подданными ея императорскаго величества. Они всѣ сближались и дѣлали балетъ, который изъявлялъ радость, подаемую имъ отъ прошедшаго, уже торжественнаго дня обрученія и долженствующаго наступить высокаго брачнаго союза. Симъ самымъ театральное увеселеніе окончилось; а когда оное окончилось времени было уже 10 часовъ, и по семъ начались танцы, общіе для зрителей. Ея императорское величество и ихъ императорскіе высочества немало довольными представленіемъ остались и изъявили свое удовольствіе самимъ актерамъ, а многіе чужестранные послы и вельможи утверждали, что такого щегольскаго одѣянія, богатства театральныхъ аттрибутовъ и актеровъ хорошей игры они и въ самомъ Парижѣ нарѣдкость встрѣчали. Ея императорское величество милостиво разговаривать изволила съ г. де-Серины, г-жею де-Дюшолмонтъ, г-жею де-Префліори и танцовщицею Аксиньею, изображавшую въ «Балетѣ Цвѣтковъ» Розу, и по семъ ея императорское величество повелѣла г. Чулкову всѣхъ комедіантовъ платьемъ и деньгами наградить, а г. де-Серины, за то, что онъ въ сочиненіи театральнаго увеселенія «Соеди-

неніе Любви и Брака» наиглавнѣйшимъ образомъ участвовалъ и за его отмѣнную игру ея императорское величество изволила сама вручить перстень золотой съ изумрудомъ дорогимъ. Ея императорское высочество также немало удовольствія участвовавшимъ въ театральномъ увеселеніи изъявила и танцовщицамъ Аграфенѣ и Аксиньѣ золотыя серьги подарила. Примѣтить надлежитъ, что французскіе комедіанты часто россійскій дворъ увеселяющіе, ни въ одинъ разъ, какъ въ сей, такого удовольствія не произвели. А во время перемѣнъ театральныхъ аттрибутовъ музыка русскія пѣсни играла и пѣли пѣвчіе пѣсни, а по семъ танцовщицы Аграфена, Аксинья русскую пляску танцовали, а устроено сіе было гр. Мих. Воронц. (*) и сіе весьма ея императорскому величеству и ихъ императорскимъ высочествамъ понравилось. А ея императорское величество изволила сказать, что русское всегда болѣе на сердце русскаго дѣйствіе производитъ, чѣмъ чужестранное. Чужестранные послы замѣтили сами, что россійскія пѣсни и пляски много хорошаго и вниманія достойнаго въ себѣ заключаютъ. Но и не токмо Французы въ искусствѣ театральномъ преимущество имѣютъ; надлежитъ примѣтить, что въ «Балетѣ Цвѣтковъ» и танцахъ «Соединеніе Любви и Брака» окончившихъ, русскія танцовщицы, особливо Аграфена и Аксинья, великое искусство показали. А Аграфена сія дочь придворнаго истопника, и г-жа Дюшолмонтъ съ г. де Серныи съ другими русскими дѣвицами, по своему великому дарованію, театральному искусству, пѣнію и пляскѣ научены были. А что русскія дѣвицы въ театральномъ увеселеніи участвуютъ, въ семъ ничего порицанія достойнаго не зрится, да и дѣвицы сіи не дворянскаго происхожденія; а театральныя увеселенія не зрѣлища бѣсовскія суть, какъ многіе говорятъ, не изъ грѣховныхъ и развратительныхъ изображеній составлены, а сіи театральныя увеселенія удобны трогать сердце, возбуждать къ добродѣтели, и пріятное и полезное времяпрепровожденіе образуютъ. А ея императорское величество во дни сіи, видя, что изгоняется невѣжество и торжествуетъ просвѣщеніе, всѣми силами къ процвѣтанію искусствъ въ странѣ россійской ревнуетъ и россійскіе таланты покровительствуетъ. Тако, примѣтить надлежитъ, ея императорское величество Лухомину Петру, московскому посадскому человѣку, г-мъ Чулковымъ сыисканному и ко двору приставленному, за его отмѣнное пѣніе парчевый кафтанъ и деньги изволила подарить и при дворѣ до представленій будущихъ оставила, чтобы онъ русскія пѣсни пѣлъ и плясалъ. А у того Лухомина голосъ, по истинѣ, соловьиный (**)...

(*) Графъ Михаилъ Воронцовъ.

(**) Здѣсь, къ-сожалѣнію, прекращается рукопись; конецъ ея затерянъ и я нигдѣ не могъ его отыскать. Что касается до имени автора «Описанія» — этого также нигдѣ не означено.

НОВОСТИ

НАУКЪ, ИСКУССТВЪ И ЛИТЕРАТУРЫ.

Отчетъ за 1851 г. г. академика Купфера, директора Центральной Физической Обсерваторіи. — Изъ отчета г. Купфера за 1850 годъ (см. Санктпетербургскія Вѣдомости) читатели могли видѣть, что Центральная Физическая Обсерваторія обогащена превосходными снарядами, устроенными для опредѣленной цѣли, для рѣшенія такихъ физическихъ вопросовъ, которые возбуждаютъ не одно любопытство или могутъ быть полезны только въ техническомъ отношеніи: г. Купферъ трудится надъ вопросомъ капитальнымъ для всѣхъ физическихъ изслѣдованій о внутреннемъ составѣ тѣлъ или о законахъ взаимнаго дѣйствія ихъ частицъ. Эти законы были предметомъ занятій многихъ первоклассныхъ геометровъ, и особенно Пуассона; но ихъ глубокія аналитическія вычисленія, основанныя на однѣхъ ипотезахъ, не могли перейдти въ область физики, и до-тѣхъ-поръ останутся внѣ ея, пока анализъ не обопрется на точные опыты. Явленія упругости тѣлъ или того ихъ свойства, отъ котораго они возстановляютъ свою форму, измѣненную какою-нибудь силою, сжимающею или растягивающею, показывали физикамъ, что частицы тѣлъ одарены силою, дѣйствующею въ извѣстныхъ предѣлахъ; но ни эти предѣлы, ни законъ взаимнаго дѣйствія частицъ не были извѣстны. Если труды г. Купфера увѣнчаются полнымъ успѣхомъ, то физики узнаютъ отношенія упругости къ другимъ силамъ природы, и особенно къ теплу, которое, какъ показываютъ многіе опыты, то увеличиваетъ, то уменьшаетъ упругость тѣлъ, а часто и совсѣмъ уничтожаетъ ее. Опыты г. Купфера, несмотря на его прилежныя изслѣдованія, еще не кончены; но и теперь полученные имъ результаты должны обратить полное вниманіе физиковъ и геометровъ, занимающихся приложеніемъ анализа къ физикѣ.

Г. Купферъ разсматриваетъ упругость въ металлахъ и подвергаетъ ихъ крученію, растяженію и гнутію, употребляя такія силы, которыя, перемѣщая частицы, не выводятъ ихъ изъ круга дѣйствія упругости; слѣдственно растяженіе металловъ, производимое упомянутыми тремя способами перемѣщенія частицъ, можетъ быть мѣрою упругости и вмѣстѣ укажетъ на законъ взаимнаго притяженія частицъ. Съ первыхъ опытовъ открылось, что крученіе даетъ результаты, несогласные съ результатами растяженія и гнутія. Это можетъ происходить отъ погрѣшностей опытовъ: но принятыя предосторожности и искусство г. Купфера не позволяютъ сомнѣваться въ ихъ точности; и какъ, съ другой стороны, результаты растяженія и гнутія представляютъ удовлетворительное согласіе, то раждаются вопросы: не опущено ли въ формулахъ крученія какого-нибудь физическаго обстоятельства? не нужно ли опыты надъ крученіемъ производить сперва единственно для повѣрки формулъ?

Растяженіе и гнутіе, приводящія къ согласнымъ результатамъ въ опытахъ надъ однимъ и тѣмъ же металломъ (желтой мѣди), даютъ другой результатъ въ другомъ металлѣ (въ желѣзѣ)—вотъ начало пути къ важной цѣли, къ открытію; въ чемъ состоитъ разнообразность металловъ—въ сущности ли вещества, или только въ расположеніи его частицъ?

Наконецъ г. Купферъ, кажется, достигъ до рѣшенія вопроса о законѣ взаимнаго притяженія частицъ. Изъ его опытовъ видно уже, что это *притяженіе обратно пропорціонально кубамъ разстояній.* Если новые опыты, произведенные надъ разными металлами и съ приличными измѣненіями, *особенно въ ихъ формѣ*, подтвердятъ открытіе г. Купфера, то оно освѣтитъ все ученіе о такъ-называемыхъ *молякулярныхъ силахъ*, надъ которыми ныньче геометры тщетно истощаютъ свои силы и обширныя средства анализа. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что при этомъ законѣ много облегчатся и самыя трудности вычисленій: безъ закона тяготѣнія, возмущенія въ движеніяхъ планетъ остались бы навсегда недоступными.

Къ опытамъ надъ крученіемъ, растяженіемъ и гнутіемъ металловъ г. Купферъ присоединилъ наблюденія надъ сопротивленіемъ воздуха, приводя въ круговое качаніе четыреугольный рычагъ въ воздухѣ и въ безвоздушномъ ящикѣ. Изъ этихъ наблюденій открылось: 1) широты или амплитуды качаній закручивающейся проволоки уменьшаются и въ пустотѣ и въ воздухѣ; хотя въ воздухѣ скорѣе, нежели въ пустотѣ, однако не съ такою скоростью, которыя бы происходила отъ одного сопротивленія воздуха. Вотъ новая причина подозрѣвать въ неточности формулы крученія. 2) Силы, производящія качанія закручивающейся проволоки, современемъ приходятъ въ равновѣсіе: положеніе этого равновѣсія безпрестанно перемѣщается и всегда по направленію качаній—явленіе, существующее и въ гнутіи, которое получаетъ наибо́льшую величину не вдругъ, но по истеченіи нѣкотораго времени. Изъ этого г. Купферъ выводитъ весьма-важное заключеніе: *формулы равновѣсія упругихъ тѣлъ должны содержать членъ, зависящій отъ времени.*

Вмѣстѣ съ этими опытами, требующими много времени и труда для ихъ производства и для ихъ вычисленія, г. Купферъ дѣлалъ предварительныя наблюденія надъ сгущеніемъ воды на поверхностяхъ погружаемыхъ въ нее пластинокъ изъ желтой мѣди, чугуна и платины, и увѣрился, что различія въ вѣсѣ кубическаго дюйма воды дѣйствительно происходятъ отъ упомянутаго сгущенія на поверхностяхъ тѣхъ цилиндровъ изъ разныхъ веществъ и разныхъ размѣровъ, которые были употребляемы коммиссіями, занимавшимися опредѣленіемъ единицы вѣса.

Вторая часть отчета состоитъ въ обозрѣніи дѣйствій на метеорологическихъ и магнитныхъ обсерваторіяхъ, подчиненныхъ Центральной Физической Обсерваторіи. Ныньче такія обсерваторіи существуютъ въ Ситхѣ, Пекинѣ, Екатеринбургѣ, Златоустенскѣ, Барнаулѣ, Богословскѣ, Нерчинскѣ, Вологдѣ, Александровскѣ, Горигорѣцкѣ, Курскѣ, въ Тифлисѣ съ подчиненными ей станціями, въ Шемахѣ, Дербентѣ,

Баку, Ленкоранѣ, Эривани, Нахичевани, Аралыхѣ (Aralikh), Александрополѣ, Гори, Кутаисѣ, Редут-Кале и въ Сугдиди (Sougdidi). Сверхъ того, г. Купферъ получилъ многіе любопытные труды по метеорологіи изъ Митавы отъ гг. Напирскаго и Паукера, изъ Вильны отъ Е. Н. Фуса, директора виленской обсерваторіи, отъ г. Веселовскаго, отъ Незе о климатѣ Феллина, и изъ Якутска отъ г. Невѣрова. Всѣ эти труды достойны всякаго уваженія, потому-что они не только доставляютъ спеціальное знаніе о климатахъ обширной Россіи, но еще много споспѣшествуютъ къ развитію и совершенствованію метеорологіи, какъ науки. Напримѣръ, какой физикъ останется равнодушнымъ къ среднимъ результатамъ изъ пятнадцатилѣтнихъ наблюденій г. Невѣрова въ Якутскѣ, лежащемъ подъ сѣв. шир. 62°? Изъ нихъ видно, что тамъ средняя годичная температура есть — 8°,75 Р., и переходитъ отъ + 28,°5 къ — 48°, то-есть измѣняется въ пространствѣ 76°,5. Притомъ средняя температура зимы = — 30°,5; напротивъ въ Ситхѣ, подъ широтой 57°, средняя годичная температура = + 4°,34, и средняя температура декабря, января и февраля = —1°,43. Также замѣчательна средняя годичная температура Нерчинска (широта 51°), которая = — 4°,45. Въ отчетѣ г. Купфера находится много указаній, надъ которыми любознательный читатель остановится, и пойметъ всю пользу и необходимость распространенія метеорологическихъ станцій; поэтому нельзя не благодарить г. генерала Бибикова, который намѣренъ основать семь такихъ станцій въ губерніяхъ Виленской, Гродненской, Минской и Ковенской.

Кругъ ученыхъ сношеній Центральной Физической Обсерваторіи безпрестанно расширяется, такъ-что г. Купферъ, кромѣ «Анналовъ» обсерваторіи, началъ издавать тетрадями особый сборникъ подъ заглавіемъ «Метеорологическая Корреспонденція». Въ двухъ вышедшихъ тетрадяхъ помѣщены уже многія замѣчательныя «Записки» и «Ноты» Между-тѣмъ не можемъ не упомянуть о «Запискѣ» покойнаго Шумахера, въ которой ветеранъ между астрономами изложилъ свое сравненіе писторова барометра съ новымъ снарядомъ для измѣренія давленій воздуха, названнымъ *анероидомъ*, и сдѣланнымъ Леребуромъ и Секретаномъ въ Парижѣ. Изъ этого сравненія, произведеннаго съ тою точностью, которою всегда отличался г. Шумахеръ, видно, что на показанія новаго снаряда имѣетъ большое вліяніе температура, такъ что, послѣ всѣхъ поправокъ, остается еще сомнѣніе въ ± 3 миллиметрахъ, когда наблюденія продолжаются около трехъ мѣсяцовъ.

Нельзя также пропустить замѣчанія, приложеннаго къ метеорологическимъ наблюденіямъ въ Іегелехтѣ (Iegelecht, въ 20-ти верстахъ отъ Ревеля), именно: въ окрестностяхъ Ревеля ячмень созрѣваетъ въ 86 дней, при средней температурѣ +11°,5 Р., между-тѣмъ, какъ въ Египтѣ то же растеніе созрѣваетъ въ 90 дней, при температурѣ +21° Р. и въ Боготѣ въ 122 дни при +14°,7.

Занимающіеся метереологіею поблагодарятъ г. Купфера за списокъ разностей въ показаніяхъ многихъ барометровъ, принадлежащихъ и ученымъ заведеніямъ въ Россіи и Европѣ, и частнымъ русскимъ и европейскимъ ученымъ. Этотъ списокъ, содержащій сравненіе 31 баро-

метра, составленъ г. Морицомъ, директоромъ Тифлисской Метеорологической Обсерваторіи. Въ основаніе сравненія принятъ нормальный барометръ Императорской Санктпетербургской Академіи Наукъ.

По 21-й статьѣ Устава Центральной Физической Обсерваторіи, господинъ министръ финансовъ утверждаетъ корреспондентовъ Обсерваторіи по представленію ея директора: въ 1851 получили это званіе г. Напирскій — въ Митавѣ, г. Бухольцъ — въ Ригѣ, г. Аничкинъ — въ Оренбургѣ, г. Семеновъ—въ Курскѣ, г. Шароградскій—въ Волчанскѣ, г. Калькъ — въ балтійскомъ портѣ.

Г. Купферъ устроилъ *гипсометръ съ кипятильникомъ* (снарядъ для измѣренія высотъ надъ океаномъ), посредствомъ котораго высоты получаются непосредственными наблюденіями надъ ртутью въ термометрѣ. Этотъ снарядъ, нетребующій никакихъ вычисленій, когда высота не болѣе 1500 метровъ, былъ испытываемъ г. капитаномъ Врангали во время топографической рекогносцировки на границахъ между Россіею и Китаемъ. Жаль, что снарядъ скоро разбился и г. Врангали успѣлъ сдѣлать только три опыта, въ фортѣ Арасанѣ, въ Копалѣ и въ Байлу-Джурукѣ. Изъ опытовъ оказалось, что высота перваго мѣста простирается до 120 метровъ, втораго—до 160 метровъ и третьяго—до 260 метровъ. Тотъ же наблюдатель, находясь на хребтѣ Алатоу, между Копаломъ и Кульджой, имѣлъ случай замѣтить странныя перемѣны температуры, которая 12-го апрѣля, въ два часа пополудни, была +19°,5 Р., и 28 іюля въ 9 ч. вечера +8°,6 Р. Сверхъ-того, психрометрическія наблюденія, производимыя три раза въ день, въ 7 ч. утра, въ 2 ч. пополудни и въ 9 ч. вечера, показали, что атмосфера на упомянутомъ хребтѣ постоянно содержала 50 процентовъ влажности болѣе противъ наблюденія.

Мысль объ уменьшеніи морской воды или о пониженіи ея уровня принадлежитъ глубокой древности; но Упсальская Академія обратила на нее должное вниманіе только въ 1731 году. Она велѣла сдѣлать нарубки на шведскихъ береговыхъ скалахъ при самомъ морскомъ уровнѣ и чрезъ нѣсколько лѣтъ эти зарубки оказались выше его многими центиметрами, чѣмъ и было доказано пониженіе Балтійскаго Моря, а за нимъ, по законамъ гидростатики, пониженіе всего океана. Это общее заключеніе въ то же время встрѣтило сильныя возраженія. и геологи и физики начали производить многочисленныя наблюденія, которыя показали, что видимое пониженіе морскаго уровня не подлежитъ сомнѣнію, но оно не есть повсемѣстное, такъ-что въ другихъ мѣстахъ замѣчается поднятіе моря, которое заливаетъ сушу и заставляетъ прибрежное населеніе перемѣнять жилище. Чтобъ объяснить такія противоположности, надобно было допустить, что измѣняется не уровень воды, но земная кора: въ однихъ мѣстахъ поднимается, въ другихъ же опускается. Къ первымъ мѣстамъ принадлежатъ шведскіе и финляндскіе берега. Явленіе доказано: «но (такъ пишетъ въ своемъ отношеніи Стокгольмская Академія Наукъ къ Санктпетербургской) неизвѣстна величина поднятія въ данное или опредѣленное время, неизвѣстно, одинаково ли оно по всему берегу, или въ однихъ «мѣстахъ больше, въ другихъ меньше, даже совсѣмъ не существуетъ,

«или даже существуетъ движеніе обратное, то-есть пониженіе берега «и видимое возвышеніе морскаго уровня? Всѣ эти вопросы требуютъ «особенныхъ изслѣдованій. Въ удовлетвореніе такого требованія, Стокгольмская Академія сдѣлала распоряженіе для наблюденій высоты «моря во многихъ пунктахъ шведскаго берега, именно: при двадцати «маякахъ, раздѣленныхъ разстояніями отъ 15 до 20 миль. Линія избранныхъ маяковъ начинается у Гапаранда (Haparanda) и идетъ «чрезъ Истадъ до Стрöмстада.» Несмотря на обширность такой сѣти, продолженіе ея по берегамъ финляндскимъ, эстляндскимъ, лифляндскимъ и курляндскимъ необходимо для окончательнаго рѣшенія вопроса, и потому Стокгольмская Академія проситъ Санктпетербургскую принять въ этомъ дѣлѣ участіе. Санктпетербургская Академія Наукъ возложила на г. Купфера обязанность принять мѣры для содѣйствія намѣреніямъ шведскихъ ученыхъ, и г. Купферъ началъ собираніемъ свѣдѣній о томъ, что̀ было сдѣлано въ Россіи касательно вопроса, которымъ Санктпетербургская Академія занималась въ разныя времена, признавая всю его важность для геологіи или вообще для физики земли. Для пополненія этихъ свѣдѣній, г. генералъ Рейнеке сообщилъ Академіи списокъ шестидесяти-восьми марокъ, сдѣланныхъ, по его распоряженію, по берегамъ Финляндіи и Эстляндіи на скалахъ и на прибрежныхъ валунахъ. Этимъ спискомъ оканчивается отчетъ г. Купфера.

Опыты Депре надъ постоянствомъ гальваническихъ батарей. — Изъ такъ-называемыхъ *постоянныхъ* гальваническихъ столбовъ или батарей, чаще всего употребляются батареи Даніеля, Грове и Бунзена. Депре употреблялъ первую и третью для обширнаго ряда своихъ опытовъ, которые онъ началъ сообщать Парижской Академіи Наукъ съ 1851 года, и изъ которыхъ выбираемъ любопытнѣйшіе и полезнѣйшіе для занимающихся электро-магнитизмомъ. Во всѣхъ этихъ опытахъ элементы батареи помѣщались въ одномъ изъ многихъ цинковыхъ ящиковъ съ водою опредѣленной температуры, и число ихъ перемѣнялось отъ *одного* до *тридцати*. Въ слѣдующемъ опытѣ температура воды $= 10^{\circ}$, одинъ элементъ былъ заряженъ обыкновеннымъ образомъ растворомъ морской соли (*). Опытъ производился для точнаго опредѣленія снаряда впродолженіе трехъ часовъ. Получено:

Въ 11 ч.	15 м.	1°	30′	Въ 1 ч.	25 м.	12°	14′
11	30	4	30	1	32	10	12
11	45	8	48	1	42	9	15
12	00	11	24	1	54	5	15
12	33	11	45	2	02	3	45
12	44	11	52	2	07	2	00
1	00	11	58	2	15	1	30

(*) *Заряженъ растворомъ соли или другимъ какимъ-нибудь веществомъ* есть выраженіе сокращенное и означаетъ, что морская соль или другое вещество находится въ скважистомъ сосудѣ; растворъ же сѣрнокислой окиси мѣди всегда былъ внѣшней жидкостью.

Если въ такой ослабѣвшей даніелевой батареѣ перемѣнимъ растворъ соли и амальгамированный цинкъ, то не возвратимъ ей силы; для этого надобно перемѣнить скважистый сосудъ—доказательство, что ослабленія батарей происходятъ отъ накипи въ скважистыхъ сосудахъ. Снарядъ не получаетъ большаго постоянства отъ перемѣны сѣрой торговой морской соли на очищенную. Депре употреблялъ чистую сѣрнокислую окись мѣди, очищенную морскую соль и сосуды, предварительно-вымытые и потомъ вымоченные впродолженіе сутокъ въ перегнанной водѣ (*) : снарядъ измѣнялся попрежнему. И такъ присутствіе желѣза въ первой соли и хлористаго магнія во второй, не производятъ накипи въ сосудахъ, и потому не можетъ быть причиной ослабленія батареи.

Батарея получаетъ болѣе силы, но не болѣе постоянства, когда къ сѣрнокислой окиси мѣди прибавится небольшое количество сѣрной кислоты, около двухсотой доли по объему. Отъ перемѣны раствора морской соли въ пяти частяхъ воды на разбавленную сѣрную кислоту, батарея не дѣлается еще совершенно-постоянною : элементъ ея, заряженный сѣрною кислотою съ девятью частями воды по объему, показывалъ 2° 30′ въ 11 ч. 42 м.; дѣйствіе его увеличивалось до 1 ч. 6 м., гдѣ оно простиралось до 31° 6′; потомъ уменьшалось и въ 4 ч. 15 м. выражалось 21° 30′. Ослабленіе этой батареи шло правильно, въ скважистомъ сосудѣ накипь не образовалась.

Батарея, заряженная насыщеннымъ растворомъ сѣрнокислой окиси цинка, разбавленнымъ нѣсколько водою, почти постоянна, но не сильна. Въ такой батареѣ понижается отъ времени уровень жидкости, находящейся въ скважистомъ сосудѣ, и понижается тѣмъ болѣе, чѣмъ продолжительнѣе бываетъ опытъ. Это явленіе замѣчается во всѣхъ батареяхъ съ двумя жидкостями, но наиболѣе въ даніелевой, заряженной сѣрнокислой окисью цинка

Батарея, заряженная растворомъ, составленнымъ изъ одной части морской соли и пяти воды по вѣсу, не имѣетъ никакого постоянства при всѣхъ температурахъ, низшихъ 12°; но если этотъ растворъ разбавится равнымъ ему количествомъ воды по объему, то дѣйствіе батареи впродолженіе пяти часовъ перемѣняется только на четверть градуса, при температурѣ въ $11^3/_4$°; то же постоянство было замѣчено при низшихъ температурахъ. Впродолженіе двадцати-двухъ часовъ, жидкость, въ которую погружался цинкъ, оставалась безцвѣтной; въ ней не было найдено мѣди, также не было накипи; и для возстановленія силы батареи стоило только перемѣнить цинкъ и растворъ соли.

Когда батарея составится изъ элементовъ, вдвое большихъ противъ употребляемыхъ въ предъидущихъ опытахъ, и зарядится по тому же способу, но съ болѣе-толстыми (почти вдвое) скважистыми сосудами, тогда ея дѣйствіе остается одинаково съ дѣйствіемъ батареи изъ мѣнь-

(*) Чтобъ вымыть скважистый сосудъ, кладутъ его на цѣлую ночь въ воду, смѣшанную съ небольшими количествами сѣрной и селитряной кислоты, а потомъ мочатъ дни два въ водѣ, перемѣняя ее разъ восемь.

шихъ элементовъ : этимъ доказывается сопротивленіе упомянутыхъ сосудовъ. Впрочемъ, большіе элементы сохраняются постоянно весьма-долгое время : одинъ изъ такихъ элементовъ черезъ 24 часа показывалъ еще $12^{1}/_{8}{}^{0}$, черезъ сорокъ-восемь часовъ — $10^{7}/_{8}{}^{0}$, черезъ 115 часовъ — 8^{0}; уровень жидкости понизился значительно.

Батарея, заряженная растворомъ сѣрнокислаго натра, разбавленнаго десятью частями воды, дѣйствуетъ весьма-постоянно; одинъ элементъ не перемѣнился даже на 1^{0} впродолженіе 24 часовъ. Эта батарея даже постояннѣе батареи, заряженной разбавленнымъ растворомъ морской соли, но она почти вдвое слабѣе. Въ этомъ опытѣ Депре перемѣнилъ растворъ морской соли на сѣрнокислый натръ для того, чтобъ наблюдать за скоростью образованія накипи; но накипь не образовалась. Съ тѣмъ же намѣреніемъ сѣрнокислая окись мѣди была перемѣнена на хлористую мѣдь : растворъ морской соли съ пятью частями воды, производящій накипь съ сѣрнокислой окисью мѣди, съ хлористою мѣдью не образовалъ уже накипи. Батарея дѣйствовала совершенно-постоянно въ продолженіе пяти часовъ, и потому должно считать ее наилучшею, но ея нельзя употреблять, по высокой цѣнѣ хлористой мѣди.

Нѣсколько элементовъ были заряжены съ мѣшками изъ паруса, нѣсколько лѣтъ употребляемаго, потому-что Бекерель считаетъ его лучшей діафрагмой : одинъ такой элементъ, заряженный растворомъ морской соли, производящимъ накипь, оказался также постояннымъ, какъ съ сѣрнокислой окисью цинка. Батарея съ парусиной сильнѣе батареи того же размѣра съ скважистыми сосудами.

Вотъ нѣсколько опытовъ съ батареей Бунзена. Заряженная сѣрной кислотой, въ разныхъ степеняхъ разбавленной, она никогда не была постоянной. Одинъ ея элементъ, заряженный сѣрной кислотой съ девятью частями воды, вначалѣ (въ 12 часовъ) показалъ $59^{1}/_{2}{}^{0}$, потомъ дѣйствіе его правильно уменьшалось до 4 ч. 20′. показывая тогда 26^{0} 45′. Сила элемента возстановилась, по перемѣнѣ цинка и сѣрной кислоты; слѣдственно въ скважистомъ сосудѣ не было накипи. Въ опытахъ надъ сопротивленіями току замѣчено, что когда онъ прервется на нѣсколько минутъ, тогда сила его увеличивается на 1^{0}, если она сперва выражалось 30 градусами. Впродолженіе довольно-сильнаго дѣйствія батареи, образующаяся сѣрнокислая окись свинца не растворяется постепенно; она облекаетъ цинкъ слоемъ, имѣющимъ слабую способность проводить электричество; она *залѣпляетъ* цинкъ; но, во время прекращенія тока, сѣрнокислая окись растворяется, и потому сила батареи увеличивается. Такое *залѣпленіе* цинка имѣетъ большое значеніе во многихъ случаяхъ, хотя на него не обращаютъ надлежащаго вниманія

Часто случается, что сила батареи дѣлается наибо́льшей, потомъ наименьшей, а послѣ того остается при среднемъ дѣйствіи. Четыре даніелевы элемента были расположены *по количеству,* и скважистые сосуды наполнены почти насыщеннымъ растворомъ сѣрнокислой окиси цинка, содержащимъ десятую часть (по объему) сѣрной кислоты : такая батарея сперва показала 49^{0}, потомъ черезъ шесть минутъ

упала до 20°, а черезъ другія шесть минутъ возвысилась до 35½°. По разрывѣ тока на шесть минутъ, батарея опять показала 49°, потомъ 17½°, и наконецъ 34½°.

Элементъ Бунзена, заряженный сѣрной кислотою, разбавленною пятью частями воды, дѣйствовалъ слѣдующимъ образомъ:

Въ 3 ч. 40 м.	50° 30′,	немедленно по разряженіи,
2 53	53 0	
3 8	55 54	
3 32	колебаніе между 54° и 54½°.	

Когда кругъ увеличился 40 метрами, тогда дѣйствія батареи были:

Въ 3 ч.	35 м.	16° 40′
4	0	16 20
4	20	15 48
5	0	14 48
7	3	13 45.

Изъ этого опыта и изъ другихъ, ему подобныхъ, видно, что батарея Бунзена не получаетъ постоянства даже и въ въ тѣхъ случаяхъ, когда бываетъ ослаблена сопротивленіемъ до даніелевой батареи, заряженной морской солью съ десятью частями воды.

Въ другомъ опытѣ, два элемента Бунзена, заряженные сѣрною кислотою, разбавленной въ семьдесятъ разъ (по объему) водою, и расположенные *по количеству*, представляли странныя явленія въ ходѣ ихъ дѣйствія:

Въ 12 ч.		43°	30′
12	42	31	20
1	32	25	20
2	19	29	45
2	33	28	54
7	30	32	30

Изъ всѣхъ этихъ и многихъ другихъ опытовъ Депре выводитъ слѣдующія общія заключенія:

1) Если подъ *постоянной батареей* будемъ разумѣть такую, которая мало измѣняется впродолженіе сутокъ, или даже впродолженіе нѣсколькихъ дней, то къ этому роду батарей относятся всѣ съ двумя жидкостями, особенно даніелева, когда въ ней внѣшнее противодѣйствіе можетъ ослаблять дѣйствіе внутреннее или химическое.

2) Если подъ *постоянной батареей* будемъ разумѣть такую, которой дѣйствіе перемѣняется на четверть градуса или еще менѣе въ часъ, и если эти градусы заключаются на *тангенс-бусоль* (*), котораго кругъ имѣетъ отъ 35 до 45 центиметровъ въ діаметрѣ, то батареи Грове или Бунзена съ селитряной кислотой должно исключить изъ этого разряда; только одну батарею Даніеля можно считать достаточно-постоянною, когда она бываетъ заряжена по вышеописаннымъ способамъ.

(*) Описаніе этого снаряда находится въ «Физикѣ» г. Писаревскаго.

3) Причина непостоянства даніелевой батареи, когда растворъ морской соли не бываетъ достаточно разбавленъ, заключается въ накипѣ въ скважистыхъ сосудахъ. Накипь составляется изъ сѣрнокислой окиси мѣди и изъ морской соли.

4) Морская соль, сѣрнокислыя окиси натра и цинка, разбавленныя въ извѣстной пропорціи водою, суть вещества, наиболѣе содѣйствующія къ постоянству даніелевой батареи.

5) Батареи съ двумя жидкостями почти всегда представляютъ колебанія, противъ которыхъ нельзя предостеречься во многихъ случаяхъ.

6) Если опыты производятся для измѣреній, то даже постоянную батарею должно употреблять не вдругъ по ея приготовленіи.

Летучая щелочь (ammoniaque) **въ атмосферѣ.** — Исидоръ Пьеръ, профессоръ въ Каенѣ (Caen), занимался четыре мѣсяца опредѣленіемъ количества летучей щелочи въ атмосферѣ, подъ вліяніемъ вѣтра, который почти постоянно удалялъ отъ мѣста наблюденій всѣ городскія испаренія. Полагая, что несогласіе результатовъ, полученныхъ другими учеными, происходитъ отъ малаго количества разлагаемаго воздуха, Исидоръ Пьеръ употреблялъ для своихъ опытовъ 2720 литровъ и продолжалъ ихъ 118 дней, отъ 10 декабря 1851 по 6-е апрѣля 1852 года. Болѣе $^2/_3$ воздуха были браны изъ атмосферы между 6 или 7 часами утра и 6 часа вечера; остальная же треть — между 6 час. вечера и 2 час. утра. Воздухъ этотъ брался изъ сада, находившагося противъ кабинета профессора, посредствомъ небольшой свинцовой трубки, поддерживаемой подставкой въ три метра. Фасадъ дома былъ обращенъ на S.

Опыты показали, что воздухъ содержитъ 4,5 миллиграмма летучей щелочи на каждый кубическій метръ, то-есть почти 3,5 мильйонной доли противъ вѣса воздуха.

Этотъ выводъ Исидоръ Пьеръ сопровождаетъ слѣдующимъ замѣчаніемъ: «Если допустимъ — что̀, однакожь, не доказано — что найденная пропорція постоянна по всему столбу воздуха, опирающагося на гектаръ, то въ немъ будетъ заключаться болѣе 350 килограммовъ летучей щелочи, то-есть болѣе того количества, которое содержится въ пятилѣтнемъ наземѣ, употребляемомъ въ раздѣленіи полей по способу гг. Лебеля и Буссинго. Но весьма-вѣроятно, что количество щелочи уменьшается съ возвышеніемъ въ атмосферу, и потому тамъ выйдетъ не та пропорція, которая была найдена въ разстояніи трехъ метровъ отъ земли; дождь также извлекаетъ изъ атмосферы значительное количество летучей щелочи; слѣдственно, трудно опредѣлить это количество съ желаемою точностью.»

Температура теплыхъ пещеръ въ окрестности Монпелье — Марсель де-Серръ, профессоръ геологіи въ Монпельё, сообщилъ Академіи Наукъ своего города слѣдующую «Записку» о наблюденіяхъ надъ температурой близлежащихъ пещеръ.

«Я и мои слушатели осматривали пещеры, находящіяся подлѣ сада Монпельё, принадлежащаго нынѣ Коффиньерамъ. Разрытіе въ нихъ

остановилось на 54 метрахъ глубины; и какъ не было въ нихъ никакихъ другихъ перемѣнъ, то термометръ попрежнему показалъ +22° цельсіеваго дѣленія. Это показаніе не перемѣнялось до-тѣхъ-поръ, пока не взошли въ подземелье 25 человѣкъ; тогда термометръ возвысился до + 24°, безъ-сомнѣнія, отъ теплоты людей и отъ принесенныхъ ими горящихъ свѣчъ. Въ то же время температура атмосферы внѣ пещеръ была + 12°, 25′, слѣдовательно, разность = 9°, 75′.

«Если по этимъ наблюденіямъ и въ предположеніи средней температуры въ Монпелье + 15° вычислимъ приращенія температуры на каждый метръ въ глубину, то найдемъ, что неменѣе 1° соотвѣтствуетъ 3,4 метрамъ. Верхній уровень пещеры, по барометрическимъ измѣреніямъ 3-го апрѣля 1852 года, оказался въ 74 метра, такъ-что нижній ея уровень выше 20-ю метрами поверхности Средиземнаго Моря.

«Мы также опредѣляли температуру воды въ колодцѣ на поляхъ Коффиньеровъ, котораго уровень немного выше уровня, посѣщеннаго нами подземелья. Когда мы вычерпнули изъ колодца верхній слой воды, подвергавшійся вліянію воздуха, мы нашли въ немъ + 20°, то-есть двумя градусами менѣе, нежели въ пещерѣ, отъ которой колодецъ находился не въ большомъ разстояніи.

«На одинъ километръ (почти на версту) отъ поля Коффиньеровъ, близъ хутора Астье, есть трещина въ землѣ, изъ которой выходятъ водяные пары; при отверстіи этой трещины температура = + 20°, а въ самой глубокой ея части + 22°. Въ то же время термометръ на воздухѣ и въ тѣни показывалъ + 14°,12′. Такія же числа были найдены и за двѣнадцать лѣтъ до нашихъ наблюденій. Тогда г. Баляръ анализировалъ химически капли, полученныя отъ сгущенія упомянутыхъ паровъ, и нашелъ, что онѣ такъ же чисты, какъ перегнанная вода. Посредствомъ барометра мы измѣрили высоту отверстія большой трещины при Астье, и получили для нея 88 метровъ надъ уровнемъ Средиземнаго Моря.

«Если сравнимъ приращеніе температуры въ пещерахъ Коффиньеровъ съ ея приращеніемъ въ артезіанскихъ колодезяхъ Департамента Геро, найдемъ, что оно въ пещерахъ идетъ быстрѣе, нежели въ колодезяхъ. Дѣйствительно, въ артезіанскомъ колодезѣ Сера, близъ Безье, на краю долины, орошаемой рѣчкой Орбою (Orb), на весьма-малой высотѣ надъ Средиземнымъ Моремъ, это приращеніе есть 1° на 4,3 метра. Глубина этого колодезя простирается до 60 метровъ, вода въ немъ поднимается на два метра и температура ея есть + 22°. Чтожь касается до колодезя гренельскаго, глубиною въ 547 метровъ, то въ немъ приращеніе температуры на 1° соотвѣтствуетъ почти 32 метрамъ; слѣдственно, въ серскомъ колодезѣ приращеніе температуры въ семь разъ, а въ коффиньерскихъ пещерахъ почти въ девять быстрѣе, нежели въ колодезѣ гренельскомъ. Колодезь серскій даетъ три гектолитра воды въ минуту; гренельскій же 15 гектолитровъ въ то же время. Наконецъ, температура воды, выходящей изъ этихъ различныхъ колодезей, не перемѣнилась чувствительно со времени ихъ вырытія; то же самое замѣчаемъ и относительно трещинъ и пещеръ близъ Монпелье. Итакъ, надобно полагать, что температуры всѣхъ

этихъ мѣстъ суть температуры внутренности земнаго шара, также какъ и въ горячихъ минеральныхъ водахъ.

Излеченіе іодомъ водяной худосочности (cachexie aqueare) **у овецъ.** (*Изъ записки Романе*). — Романе имѣетъ въ Солоньѣ два стада овецъ: одно, въ 206 головъ, состоитъ изъ матокъ, а другое, въ 58 головъ—изъ двухгодовалыхъ барановъ. Въ концѣ 1851 года оба стада были перегнаны на низкія и сырыя пастбища, которыхъ старались избѣгать впродолженіе осеннихъ дождей; несмотря на то, въ мартѣ мѣсяцѣ водяное худосочіе открылось у многихъ овецъ въ обоихъ стадахъ, особенно между матками, у которыхъ были ягнята. Романе получилъ объ этомъ извѣстіе 11-го апрѣля, когда ужь умерли восемь матокъ и три барана.

Зная опыты излеченія іодомъ подобной болѣзни у людей, Романе предположилъ, что это средство можетъ быть полезно и для его овецъ; особенно онъ надѣялся, что іодъ произведетъ хорошее дѣйствіе, когда будетъ употребленъ посредствомъ втиранія и впрыскиванія тѣхъ мягкихъ опухолей, которыя называются во Франціи *бутылками*, и которыя образуются подъ нижними челюстями. Съ этими мыслями, Романе немедленно отправился къ своимъ стадамъ, взялъ съ собою достаточное количество іодной тинктуры, составленной *изъ одной части іода, растворенпаго въ 12 частяхъ виннаго спирта* (алкоголя). По пріѣздѣ своемъ, онъ пригласилъ черезъ письмо сосѣдняго ветеринара, но приступилъ къ леченію 13-го апрѣля, недождавшись его.

Отмѣтя и отдѣля двѣнадцать овецъ, наиболѣе-больныхъ, и которыя всѣ имѣли упомянутыя опухоли, Романе заставилъ рукою втирать іодную тинктуру, употребляя по столовой ложкѣ для каждой овцы, и каждой изъ нихъ, посредствомъ жестяной воронки, влилъ въ ротъ по тринадцати капель тинктуры на стаканъ воды; послѣ операціи всѣ овцы были угнаны въ поле, кромѣ одного стараго и рослаго барана, который находился въ крайней слабости. Натираніе было повторено вечеромъ.

На другой день, 14 апрѣля, Романе приказалъ-было дать своего лекарства всѣмъ овцамъ, но узнавъ, что изъ вчерашнихъ четыре или пять, невесьма-больныхъ, казались во весь день опьянѣлыми, и что служителю, имѣвшему надзоръ за стадами, не понравилось внутреннее леченіе, Романе отмѣнилъ свое приказаніе до 15 числа; но втиранія отобраннымъ овцамъ не оставилъ. Апрѣля 16 іодная тинктура была влита во всѣхъ овецъ безъ исключенія. У двѣнадцати овецъ опухоль значительно уменьшилась, и ни одна изъ всего стада не умерла.

17 и 18 апрѣля внутреннее лекарство дано было всѣмъ овцамъ, и натреніе продолжалось у тѣхъ, которыя имѣли опухоль. Уѣзжая въ Парижъ, вечеромъ 18 числа, Романе приказалъ 19-ое оставить безъ леченья, но 20-го возобновить его, 21-е безъ леченья, а 22-го возобновить въ послѣдній разъ. Апрѣля 24 Романе получилъ увѣдомленіе, что оба стада находятся въ удовлетворительномъ состояніи и примѣтно поправляются.

*

«Ежели (замѣчаетъ Романе) мой опытъ нельзя считать рѣшительнымъ доказательствомъ, что іодъ есть вѣрное средство въ водяной худосочности; то, по-крайней-мѣрѣ, онъ заставитъ другихъ хозяевъ повторить его, потому-что эта болѣзнь истребляетъ во Франціи неменѣе ста тысячъ овецъ въ годъ.»

Вѣсъ и цѣна алмазовъ и жемчуга. — Можетъ-быть, владѣтели и владѣтельницы алмазовъ и жемчуга полюбопытствуютъ узнать, какимъ образомъ взвѣшиваются и оцѣниваются ихъ сокровища. Они могутъ получить объ этомъ полное понятіе изъ слѣдующей таблицы.

Алмазы и жемчугъ взвѣшиваются посредствомъ *караты*, которая во всѣхъ государствахъ остается почти-неизмѣнной.

Во Франціи карата = 205,5 миллиграммовъ = 0,04817 зол., то-есть одна карата содержитъ *четыре тысячи восемь-сотъ-семнадцать стотысячныхъ долей золотника*, или тысяча каратъ содержитъ 48 золотниковъ и семнадцать сотыхъ долей, или сто тысячъ каратъ = 4817 золотникамъ.

Въ Англіи карата = 205,409 миллиграммовъ = 0,04815, то-есть въ Англіи, во ста тысячахъ каратъ считаютъ 4815 золотниковъ, или двумя золотниками менѣе, нежели во Франціи.

Жемчугъ взвѣшивается гранами, и гранъ жемчуга = 51,838 миллиграммовъ = 0,01215 зол., то-есть гранъ жемчуга содержитъ тысячу двѣсти-пятьнадцать стотысячныхъ долей золотника, или сто тысячъ грановъ жемчуга равняются тысячѣ двумъ-стамъ-пятнадцати золотникамъ, или сто грановъ жемчуга содержатъ одинъ золотникъ и двѣсти-пятьнадцать тысячныхъ долей.

Въ Германіи карата = 205,4 миллиграммовъ = 0,04815 зол; слѣдовательно то же, что̀ въ Англіи.

Въ Амстердамѣ карата = 205,044 миллиграммовъ = 0,04806 зол., или тысяча каратъ содержатъ сорокъ-восемь золотниковъ и шесть сотыхъ долей, или сто-тысячъ каратъ = 4806 зол., то-есть одиннадцатью золотниками менѣе, нежели во Франціи.

Въ Берлинѣ карата = 205,44 миллиграммовъ = 0,04816 зол., или сто-тысячъ каратъ содержатъ 4816 зол., то-есть однимъ золотникомъ менѣе, нежели во Франціи.

Въ Испаніи карата = 205,393 миллиграммовъ = 0,04815 зол., слѣдовательно то же, что̀ въ Германіи и Англіи.

Во Флоренціи карата = 197,2 миллиграммовъ = 0,04623 зол., или тысяча каратъ содержатъ 46 золотниковъ и 23 сотыхъ доли, и сто-тысячъ каратъ = 4623 зол., то-есть 194 золотниками менѣе, нежели во Франціи.

Во Франкфуртѣ-на-Майнѣ карата = 205,77 миллиграммовъ = 0,04824 зол., или сто-тысячъ каратъ = 4824, то-есть 7 золотниками болѣе, нежели во Франціи.

Въ Гамбургѣ то же, что̀ въ Берлинѣ.

Въ Лиссабонѣ карата = 205,75 миллиграммовъ = 0,04823 зол., или

сто-тысячъ каратъ = 4823 золотника, то-есть однимъ золотникомъ менѣе, нежели во Франкфуртѣ-на-Майнѣ.

Въ Восточной Индіи. Въ Амбоинѣ карата = 219 миллигр. = 0,05134 зол., или сто-тысячъ каратъ = 5134 зол., то-есть 310 золотниками болѣе, нежели во Франкфуртѣ-на-Майнѣ.

Въ Мадрасѣ карата = 207,3533 миллиграммовъ = 0,04860 зол., или сто тысячъ каратъ = 4860 золотникамъ, то-есть 36 золотниками болѣе, нежели во Франкфуртѣ-на-Майнѣ.

Въ Ливорнѣ карата = 215,99 миллиграммовъ = 0,05063 зол., или сто тысячъ каратъ = 5063 зол., то-есть 239 золотниками болѣе, нежели во Франкфуртѣ-на-Майнѣ, и 246 зол. болѣе, нежели во Франціи.

Приблизительная цѣна необдѣланныхъ алмазовъ получается чрезъ возвышеніе въ квадратъ ихъ вѣса каратами и потомъ чрезъ умноженіе этого квадрата на 50 франковъ, или на два фунта стерлинговъ. Если алмазъ вѣситъ 10 каратъ, то онъ будетъ стóитъ 5 тысячъ франковъ; алмазъ въ 3 караты стóитъ 450 франковъ, и пр.

Въ обдѣлкѣ алмазы теряютъ половину своего вѣса, и потому ихъ вѣсъ каратами удвояютъ, потомъ возвышаютъ въ квадратъ и помножаютъ на 50 франковъ: произведеніе будетъ цѣна брильянта. Брильянтъ въ 5 каратовъ стóитъ пять тысячъ франковъ; брильянтъ въ 10 каратъ будетъ стóитъ уже 20 тысячъ франковъ, и пр.

Но торговая цѣна брильянтовъ перемѣняется отъ ихъ требованія и отъ ихъ количества въ продажѣ. Когда, напримѣръ, 1 карата продается за 125 франковъ, тогда ужь прямо квадратъ ихъ вѣса каратами помножается на 125 франковъ: слѣдовательно, брильянтъ въ 10 каратъ будетъ стóитъ не 20 тысячъ, но только 12 тысячъ пять-сотъ франковъ.

Разсмотрѣвъ приведенную таблицу объ отношеніяхъ караты къ нашимъ золотникамъ, не трудно разсчитать, что въ Европѣ всего выгоднѣе покупать брильянты въ Ливорнѣ.

Донесеніе Араго о Парижской Обсерваторіи. (*) — Въ настоящее время, важныя открытія астрономическія можно производить только въ особенныхъ зданіяхъ, устроенныхъ съ необыкновенной прочностью, и помощью дорогихъ снарядовъ. Сознавая эту истину, всѣ правительства стараются созидать обсерваторіи, на которыхъ опытные астрономы могли бы изслѣдовать небо съ вѣрными условіями для открытія новыхъ явленій.

Ваша коммиссія не удалится отъ своей цѣли, если сдѣлаетъ быстрое

(*) Это донесеніе представлено г-мъ Араго Національному Собранію отъ коммиссіи, составленной для разсмотрѣнія проекта закона министра народнаго просвѣщенія, касательно кредита въ 90,000 франковъ на устройство штатива съ часами для большой трубы Парижской Обсерваторіи. (19 марта 1851 г.). — Да не удивляются читатели, что дѣловую бумагу помѣщаемъ въ числѣ ученыхъ извѣстій: въ этой бумагѣ заключается обозрѣніе всѣхъ европейскихъ обсерваторій и настоящаго состоянія парижской.

обозрѣніе тѣхъ пожертвованій, которыя въ цѣломъ свѣтѣ приносятся для успѣховъ науки, составляющей славу человѣческаго ума.

Американскіе Соединенные Штаты, которые до настоящаго времени уважали астрономію, какъ основаніе мореходнаго искусства, обратились къ ней съ обширнѣйшими цѣлями; и если не прекратится ихъ содѣйствіе, то ихъ астрономы скоро займутъ первое мѣсто въ ряду европейскихъ наблюдателей неба. Нынѣ они владѣютъ тремя великолѣпными обсерваторіями, въ Цинциннатѣ, въ Вашингтонѣ и Кембридьжѣ, близь Бостона.

Въ Европѣ, Швеція учредила два подобныя заведенія въ Стокгольмѣ и Упсалѣ. Соотечественники Тихо-Браге могутъ хвалиться обсерваторіею въ Альтонѣ; щедро-построенная обсерваторія гамбургская, сдѣлавшись полезною для главной цѣли, оказываетъ еще благое вліяніе на прекрасное инструментальное заведеніе Репсольда; маленькое Королевство Ганноверское имѣетъ въ Гёттингенѣ обсерваторію, славится важными открытіями, а болѣе—заслугами своего директора, Гаусса, одного изъ величайшихъ европейскихъ геометровъ. Голландія владѣетъ въ Утрехтѣ астрономическимъ заведеніемъ, котораго успѣхи замедлились смертью его директора, Моля. Новая обсерваторія брюссельская достойно пользуется доброй славой. Швейцарія можетъ съ довѣренностью полагаться на свою обсерваторію въ Женевѣ. Великое Герцогство Баденское многими пожертвованіями улучшило обсерваторію въ Мангеймѣ. Баварская обсерваторія въ Богенгаузенѣ, близь Мюнхена, обогащена великолѣпными снарядами изъ заведенія Рейхенбаха и Фраунгофера. Недавно Австрія произвела полезныя перемѣны въ старой обсерваторіи вѣнской, гдѣ патеръ Гель отличался нѣкогда многочисленными трудами. Падуа, Миланъ и Туринъ доставили своимъ обсерваторіямъ важныя матеріальныя пособія. Хотя, эти заведенія построены на неудобныхъ мѣстахъ, однако ихъ ученые директоры, Сантини, Карлини и Плано, умѣютъ преодолѣвать всѣ препятствія.

Физическая астрономія родилась въ Венеціи и Тосканѣ, въ первыхъ годахъ XVII столѣтія; послѣ въ этихъ странахъ наука приняла совсѣмъ-другое направленіе; но въ новѣйшее время улучшенія во флорентинской обсерваторіи въ саду Боболи и опредѣленіе въ нее директоромъ ученаго Амичи доказываютъ, что соотечественники Галилея имѣютъ желаніе и средства вознаградить потерянное время. Римъ возстановляетъ нынѣ обсерваторію своего Коллегіума, прославленную новѣйшими открытіями Вико. Неаполитанское правительство, которое содержитъ старую обсерваторію въ Сициліи, гдѣ трудился знаменитый Піацци, дало повелѣніе построить новую на Капо-ди-Монте. Испанія также вышла изъ своей летаргіи: считая недостаточнымъ астрономическое заведеніе въ Кадиксѣ, она печется о снабженіи прекрасными снарядами обсерваторіи мадритской. До насъ дошли слухи, что Португалія будетъ подражать испанскому правительству.

Пруссію, Россію и Англію мы оставили для заключенія нашего быстраго обозрѣнія. Въ этихъ трехъ странахъ нашей старой Европы астрономическіе труды постоянно вознаграждались блестящими успѣ-

хами. Пруссія владѣетъ четырьмя большими обсерваторіями, въ Берлинѣ, въ Боннѣ на Рейнѣ, въ Бреславлѣ и въ Кёнигсбергѣ. Послѣдняя безсмертна великими учеными заслугами Бесселя. Россіи принадлежатъ знаменитая обсерваторія Дерптская, Гельсингфорская, Митавская, Московская, Виленская, Кіевская, Николаевская, Казанская, старая академическая въ Санктпетербургѣ, и наконецъ образцовая, построенная, за многіе мильйоны франковъ, въ Пулковѣ, недалеко отъ Санктпетербурга. Англія богата прекрасными обсерваторіями, содержимыми правительствомъ, университетами и частными богачами. Частныя обсерваторіи находятся въ Дублинѣ, въ Персон-тоунѣ, лорда Росса, котораго телескопъ имѣетъ отверстіе, превосходящее цѣлымъ футомъ самый большой телескопъ Гершеля; въ Маркри (Markree), основанная членомъ парламента Куперомъ, и въ которой замѣчательна прекрасная труба парижскаго художника Кошуа, въ Эдинбургѣ, и въ Глазговѣ генерала Брисбана. Дургамъ, Кембриджѣ, Оксфортъ имѣютъ обсерваторіи при университетахъ; въ Ливерпулѣ, въ Кёнигстовѣ и въ лондонскомъ Регент-паркѣ обсерваторіи принадлежатъ Лиссалю, Сауту и Бишопу. Въ главѣ всѣхъ англійскихъ обсерваторій стоитъ Гринвичская, подъ управленіемъ знаменитаго Эйри, каждый годъ улучшаемая насчетъ адмиралтейства. Англія, обративъ вниманіе на тѣ изъ своихъ колоній, въ которыхъ открыты части неба, невидимыя въ Европѣ, устроила прекрасныя обсерваторіи на мысѣ Доброй Надежды, въ Сиднеѣ, и въ Мадрасѣ. Не можемъ сказать, принадлежитъ ли Англіи замѣчательная обсерваторія, построенная на мысѣ Коморинѣ раіею Тревандрумскимъ.

Какое мѣсто должна занимать Франція на этой картинѣ? За нѣсколько лѣтъ мы были бы принуждены дать печальный, даже унизительный отвѣтъ. Парижская Обсерваторія, эта колоссальная громада камней, наваленныхъ безъ знанія потребностей науки, глазамъ гуляющихъ въ Люксанбургскомъ Саду представляется образцомъ нелѣпой фантазіи архитекторовъ, которые хотѣли воздвигнуть какой-то памятникъ вмѣсто полезнаго и скромнаго зданія, сообразнаго съ особенной цѣлью. Всѣ наши наблюденія производились въ небольшомъ кабинетѣ, построенномъ на востокѣ отъ главнаго корпуса съ чрезвычайной скупостью, по невѣроятно-бѣдному плану. Въ 1831 году, Палата Депутатовъ, узнавъ истинное состояніе Обсерваторіи, захотѣла помочь ей и, по собственному побужденію, назначила сумму, вдвое бо̀льшую той, которую требовало министерство для необходимыхъ поправокъ. Помощью этого щедраго опредѣленія, залы Обсерваторіи были перестроены вновь и по указаніямъ науки. Залы, въ которыхъ наблюдаются прохожденія свѣтилъ, такъ же удобны, какъ въ лучшихъ европейскихъ обсерваторіяхъ. Притомъ всѣ снаряды вышли изъ рукъ французскихъ художниковъ. Нѣкогда трубы, квадранты, снаряды меридіональные носили на себѣ имена Кампани, Даллоида, Шорта и Рамздена: нынѣ, въ удовлетвореніе національнаго самолюбія, видимъ на нихъ имена Гамбея, Фортеня, Леребури.

Теперь покажемъ, какую пользу можно получить отъ новыхъ трубъ и отъ параллактическаго штатива, для котораго требуется 90,000

франковъ. Но сперва замѣтимъ, что ненадобно доказывать необходимость часоваго механизма, сообщающаго однообразное и ровное движеніе много-увеличивающей трубѣ, потому-что этотъ предметъ достаточно объясненъ въ предложеніи министра.

Когда Галилей сдѣлалъ трубу, подражая стекламъ, которыми забавлялись дѣти миддельбургскаго очешника, и когда онъ направилъ ее на небо, тогда увидалъ тамъ предметы, выходящіе изъ предѣловъ естественнаго зрѣнія; онъ увидалъ фазы Венеры, юпитеровыхъ спутниковъ, горы на Лунѣ, пятны и вращательное движеніе солнца и безчисленныя звѣзды, сливающіяся въ млечный путь.

Галилеева труба имѣла одинъ метръ въ разстояніи фокуса, 41 миллиметръ ($1\frac{1}{2}$ дюйма) въ отверстіи и увеличивала предметы только въ семь разъ, то-есть немного-болѣе обыкновенной театральной трубки. Проницательный глазъ Галилея, вооруженный такимъ бѣднымъ снарядомъ, дѣйствіе котораго было тогда тайною, открылъ, что Сатурнъ не имѣетъ ферической формы, но не могъ постигнуть причины столь чудесной неправильности. Познаніе истинной фигуры Сатурна принадлежитъ тѣмъ ученымъ, которые могли разсматривать его въ трубы, сильнѣйшія трубы знаменитаго Флорентинца.

На небѣ существуютъ такіе предметы, которые, относительно нынѣшнихъ трубъ — то же, что уродливость Сатурна для слабой трубы Галилея. Сильныя и много-увеличивающія трубы объясняютъ сомнѣнія астрономовъ. Посредствомъ такихъ снарядовъ, устроенныхъ съ параллактическимъ движеніемъ, будутъ опредѣлены разстоянія многихъ звѣздъ отъ земли. Тогда мы узнаемъ, точно ли 61-я Лебедя есть звѣзда ближайшая; узнаемъ, много ли такихъ звѣздъ, отъ которыхъ свѣтъ доходитъ до земли по меньшей мѣрѣ въ десять лѣтъ. Тогда можно будетъ слѣдить за измѣненіемъ формъ тѣхъ клубковъ свѣтящагося вещества, которые называютъ туманными пятнами, и узнать, дѣйствительно ли это вещество сгущается въ звѣзды, въ истинныя солнца. Тогда пріобрѣтемъ точныя понятія о физическомъ составѣ планетъ и ихъ спутниковъ. Тогда изучимъ движеніе двойныхъ звѣздъ, этихъ солнцевъ, которыя обращаются одно около другаго, и доставимъ нашимъ геометрамъ средства рѣшить, точно ли тяготѣніе, управляющее солнечною системою, простирается до послѣднихъ предѣловъ видимаго міра. Наконецъ, тогда будемъ видѣть кометы на огромныхъ разстояніяхъ и, по перемѣнамъ въ ихъ объемѣ и формѣ, можемъ дѣлать заключенія о состояніи эѳира въ небесныхъ пространствахъ.

Если согласимся, что въ наукахъ, особенно въ астрономіи, *непредвидимое достается на долю льва,* то поймемъ необходимость изслѣдовать небо помощью снарядовъ сильныхъ и способныхъ для точнѣйшихъ измѣреній. Предвидимыя или непредвидимыя астрономическія открытія связаны съ самыми трудными и съ самыми важными вопросами естественной философіи или общей физики. Не-уже-ли Франція отстанетъ отъ другихъ народовъ и не приметъ участія въ ихъ великихъ открытіяхъ?

Когда, въ концѣ 1847 г., министръ народнаго просвѣщенія представилъ въ палату депутатовъ требованіе, возобновленное настоящимъ

проектомъ, тогда дѣло шло о поставкѣ, подъ приготовленнымъ великолѣпнымъ куполомъ, трубы, имѣющей семь дюймовъ въ отверстіи, на штативѣ, котораго размѣры были значительно увеличены, въ надеждѣ помѣстить на немъ гораздо-бо̀льшую трубу: что было тогда въ предположеніи, то нынче исполнилось на дѣлѣ. Параллактическій снарядъ, о которомъ ходатайствуетъ «Комитетъ Долготъ» тотчасъ приметъ на себя трубу, равную пулковской и кембриджьской (въ Соединенныхъ-Штатахъ), и имѣющую въ отверстіи 38 центиметровъ (14 дюймовъ). Изъ всѣхъ вышеупомянутыхъ обсерваторій, большими параллактическими трубами владѣютъ обсерваторія Пулковская, три американскія, Ирландская Купера, Кембриджьская (въ Англіи), которой труба, сдѣланная во Франціи, называется *нортумберландскимъ рефракторомъ*, по имени купившаго ее герцога нортумберландскаго, обсерваторія Саута, Боннская, Берлинская, Кёнигсбергская, Дерптская и Богенгаузенская; но всѣ эти трубы, кромѣ пулковской и кембриджьской въ Америкѣ, ни одна не имѣетъ предметнаго стекла, котораго діаметръ былъ бы болѣе 12 дюймовъ. «Комитетъ Долготъ» сокративъ нѣкоторыя издержки, успѣлъ на собственныя суммы пріобрѣсти стекло въ 14 дюймовъ за весьма-умѣренную сумму — за 25 тысячъ франковъ. Это отличное стекло сдѣлано Леребуромъ изъ флинт-гласса и кроун-гласса, выработанныхъ на нашихъ фабрикахъ; мы увѣрены, что оно выдержитъ увеличеніе почти въ три тысячи разъ, то-есть почти въ триста разъ болѣе той трубки, которую Галилей употреблялъ для своихъ славныхъ открытій.

Мы долго разсуждали съ художникомъ, который принимаетъ на себя обязанность устроить снарядъ, если Палата Депутатовъ согласится на требованіе министра. Всѣ счеты этого художника весьма-умѣренны. Сверхъ-того, г. Брюннеръ, желая не выгодъ, а славы, объявилъ, что если отъ 90 тысячъ франковъ, высчитанныхъ по его сметѣ, будутъ остатки, то онъ охотно возвратитъ ихъ казначейству.

Мы надѣемся, что Палата Депутатовъ не уступитъ въ щедрости муниципальному управленію Тулузы, которое на свой счетъ построило обсерваторію, украшающую этотъ городъ. Мы предлагаемъ назначить 90 тысячъ франковъ, раздѣливъ ихъ выдачу на два года, потому-что снарядъ не можетъ быть сдѣланъ прежде этого времени.

Предложеніе было принято.

Историко-филологическое Отдѣленіе С. Петербургской Академіи Наукъ. — Гг. Броссе, Шёгренъ и Дорнъ представили Отдѣленію, въ засѣданіи 19 (31) марта, свое мнѣніе, о необходимости имѣть въ отдѣлѣ восточныхъ наукъ представителей мусульманскихъ литературъ, монгольской, китайской и тибетской; но такъ какъ въ Отдѣленіи одна только вакансія, то они предположили отдать ее г. Антону Шифнеру, изъ Ревеля, кандидату С. Петербургскаго Университета, ужь извѣстному Академіи своими многочисленными трудами, доказывающими его необыкновенную способность къ изученію языковъ и замѣчательное знаніе языковъ центральной Азіи, въ-особенности же тибетскаго. Отдѣленіе, давно оцѣнившее заслуги г. Шифнера и его

трудолюбіе, принимая, сверхъ-того, въ соображеніе, что онъ не разъ выводилъ Отдѣленіе изъ затрудненія при оцѣнкѣ сочиненій на упомянутыхъ языкахъ, положило подвергнуть г. Шифнера баллотировкѣ. Въ слѣдующемъ засѣданіи Отдѣленія, 16 (28) апрѣля, г. Шифнеръ былъ единогласно выбранъ въ адъюнкты Академіи, по отдѣлу восточныхъ наукъ.

Въ томъ же засѣданіи, 16 (28) апрѣля, г. Куникъ представилъ докладъ, о необходимости учредить при архивѣ специальную академическую библіотеку, то-есть, по-возможности, полное собраніе всѣхъ изданій, обнародованныхъ Академіей со времени ея основанія. Отдѣленіе вполнѣ признало пользу этой мѣры и назначило, для обсужденія ея, коммиссію, состоящую изъ г. непремѣннаго секретаря и гг. Шёгрена, Стефани и Куника.

Въ засѣданіи 7 (19 мая) Отдѣленію были предъявлены копіи съ писемъ Петра Великаго, на 202 листахъ, присланныя изъ Москвы, по просьбѣ г. Устрялова, княземъ Оболенскимъ.

Англійское Пароходство. — Просвѣщенный міръ начинаетъ понимать тѣ необъятныя выгоды, которыя извлекаетъ Англія для своей торговли и политики, изъ учрежденной ею системы пароходныхъ сообщеній со всѣми важнѣйшими пунктами земнаго шара. Теперь всѣ желали бы имѣть участіе въ этихъ выгодахъ, какъ относительно денежныхъ барышей, такъ и для того, чтобъ отвратить опасность отъ сосредоточенія въ рукахъ Англіи всѣхъ средствъ между-народныхъ сообщеній. Американцы, предусмотрѣвшіе эту опасность прежде другихъ и сдѣлавшіе ужь нѣсколько попытокъ отвратить ее, готовятся на новыя пожертвованія и рѣшились, повидимому, не допускать, чтобъ Англія пользовалась исключительнымъ правомъ содержать сообщенія Америки съ другими странами. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Европы стали съ недавняго времени помышлять о томъ же. Роттердамъ, Антверпенъ, Тріестъ и Генуа, то-есть Голландія, Австрія, Бельгія и Піемонтъ намѣрены учредить пароходныя сообщенія съ Америкой; во Франціи также много объ этомъ разсуждаютъ, въ-особенности журналы большихъ приморскихъ городовъ.

Учрежденіе большихъ пароходныхъ линій, для быстраго и правильнаго сообщенія между отдаленнѣйшими точками земнаго шара, принадлежитъ новѣйшему времени, точно также, какъ и учрежденіе желѣзныхъ дорогъ, которымъ они служатъ дополненіемъ, можно даже сказать, продолженіемъ. Строя желѣзную дорогу изъ Лондона въ Ливерпуль, Англія имѣла въ виду сократить разстояніе между этими двумя городами; та же мысль руководила ею и при учрежденіи постояннаго пароходства между Ливерпулемъ и Нью-Йоркомъ. Оба предпріятія родились въ одно время и тѣсно между собою связаны.

Въ 1836 году, Англія дѣятельно строила желѣзныя дороги; но въ-дѣйствительности не было еще открыто ни одной большой линіи, ни въ Англіи, ни въ Европѣ, когда лондонскіе, бристольскіе и ливерпульскіе купцы задумали строить первые трансатлантическіе пароходы, и принялись за это дѣло со смѣлостью и практической энергіей,

которыя характеризуютъ Англичанъ. Теперь это дѣло кажется простымъ, но тогда оно казалось болѣе нежели отважнымъ. Одинъ англійскій ученый, пользующійся большимъ авторитетомъ, предпринялъ въ то время, на свой собственный счетъ, крестовый походъ противъ этого, по его мнѣнію, безумнаго и невозможнаго предпріятія. Онъ читалъ публичныя лекціи въ Лондонѣ, Манчестерѣ, Ливерпулѣ и другихъ городахъ, стараясь доказать, что промышленость не достигла еще необходимаго развитія для такого гигантскаго дѣла, что капиталы, которые будутъ употреблены на эту неосуществимую утопію, неизбѣжно погибнутъ; что пассажирамъ и товарамъ, которые будутъ отправлены на новыхъ пароходахъ, также грозитъ гибель. На этихъ лекціяхъ было много слушателей, но онѣ не произвели желаннаго дѣйствія и не помѣшали учрежденію первой компаніи трансатлантическаго пароходства, которая вскорѣ послѣ того начала свои дѣйствія.

Успѣхъ этой первой попытки произвелъ въ Англіи всеобщій восторгъ и возбудилъ дѣятельное соревнованіе. Послѣ первыхъ большихъ пароходовъ «Great-Western» и «Sirius», разрѣшившихъ механическую сторону предпріятія, спущены были на воду, почти въ одно и то же время, «Royal-William», «Britisch-Queen», «Liverpool», «President» и мн. др. Англичане, строившіе въ то время свои желѣзныя дороги безъ содѣйствія со стороны правительства, думали, что и трансатлантическое пароходство обойдется безъ пособій; но значительныя финансовыя потери скоро показали имъ, что на этотъ разъ безъ пособій со стороны правительства обойдтись трудно. Въ этомъ состояла вторая часть задачи.

Благополучныя поѣздки пароходовъ разрѣшили техническій вопросъ удовлетворительно, а убытки, понесенные всѣми компаніями, объяснили истинное положеніе вопроса коммерческаго и финансоваго. Англійское правительство не заставило просить себя, вошло въ переговоры съ компаньйонами и, мало-по-малу, достигло до-того, что учредило постоянныя пароходныя сообщенія со всѣми важными въ какомъ-нибудь отношеніи точками земнаго шара.

Цифра вспомоществованій, выданныхъ правительствомъ, возрастала, разумѣется, по мѣрѣ расширенія пароходства. Въ 1849 году оно выдало 704,616 фунт. стерлинговъ (18,018,708 франковъ); въ 1850 г. — 764,236 ф. сг. (19,488,018 фр.); въ 1851 — 809,496 ф. ст. (20,642,148 фр.); въ 1852 — 870,158 ф. ст. (22,189,029 франковъ).

Одна незначительная часть этой суммы употребляется на вспомоществованіе множеству компаній, содержащихъ сообщеніе вокругъ великобританскихъ острововъ и въ сѣверныхъ европейскихъ моряхъ; другая, несравненно-значительнѣйшая часть, идетъ на поддержаніе шести большихъ компаній, для сообщенія Англіи съ неевропейскими странами. Изъ 22,189,029 франковъ, назначенныхъ въ нынѣшнемъ году на поддержаніе почтовыхъ-пароходныхъ сообщеній, эти шесть компаній получили 18,731,300 франковъ. Мы разскажемъ объ этихъ компаніяхъ подробнѣе.

1) North American steam packet Company. — Компанія Сѣверо-американскихъ почтовыхъ пароходовъ содержитъ сообщенія между Ливерпулемъ и Нью-Йоркомъ; въ четыре зимніе мѣсяца ея пароходы отходятъ черезъ каждыя двѣ недѣли, а въ остальное время года еженедѣльно; что составляетъ сорокъ-четыре рейса въ годъ, или 90,933 морскія мили. Вспомоществованія получаетъ она 145,000 фунтовъ стерлинговъ (3,697,500 франковъ), то-есть 40 франковъ 60 сантимовъ за каждую пройденную милю.

Таковы условія контракта этой компаніи съ правительствомъ; но соперничество американскихъ пароходныхъ обществъ заставило ее увеличить число рейсовъ, и теперь она отправляетъ свои пароходы еженедѣльно, несмотря на время года и безъ всякаго увеличенія вспомогательной суммы, получаемой отъ правительства.

Та же компанія содержитъ пароходное сообщеніе между Нью-Йоркомъ, Бермудскими и Англійскими-Антильскими Островами, на которое получаетъ отъ правительства 603,000 франковъ.

2) Royal-West-India mail steam packet Company. — Компанія Вест-индскихъ почтовыхъ пароходовъ, получающая 270,000 фунтовъ стерлинговъ вспоможенія (6,885,000 франковъ), обязана содержать двѣ важныя линіи.

Пароходы первой линіи ходятъ (разъ въ двѣ недѣли) между Соутемтономъ, Антильскими Островами и Мехиканскимъ Заливомъ. Изъ Соутемтона отправляются пароходы, имѣющіе неменѣе 500 лошадиныхъ силъ, и идутъ прямо во С. Томи, а оттуда ходятъ меньшіе пароходы, въ 200 силъ, въ Гавану и Шагръ два раза въ мѣсяцъ, въ Вера-Круцъ, заходя въ Ямайку, одинъ разъ въ мѣсяцъ; сверхъ-того, ходитъ такой же пароходъ въ Антильскомъ Морѣ. Возвратный путь совершается большимъ пароходомъ, который заходитъ на разные англійскіе острова и въ Лиссабонъ.

Пароходы второй линіи, въ 800 силъ, отходятъ также изъ Соутемтона, и идутъ, мимо островов Зеленаго Мыса, въ Бразилію; на возвратномъ пути они также заходятъ въ Лиссабонъ. Изъ Ріо-Жанейро, конечнаго пункта линіи, пробѣгаемой пароходами въ 800 силъ, ходятъ пароходы меньшаго размѣра, большею-частью съ архимедовымъ винтомъ, въ Ла-Плату.

3) Pacific-ocean-steam navigation Company. — Компанія почтоваго пароходства въ Тихій Океанъ получала прежде отъ правительства 20,000 фунтовъ стерлинговъ, а теперь получаетъ 40,000 (1,020,000 франковъ). Она содержитъ сообщенія съ западнымъ берегомъ Южной Америки.

4) Peninsular and Oriental Company получаетъ отъ правительства 199,600 фунтовъ стерлинговъ (5,089,300 франковъ) и содержитъ нѣсколько линій.

Вопервыхъ, между Соутемтономъ, Опорто, Лиссабономъ и Гибралтаромъ. Впрочемъ, пароходы этой линіи (въ 200 и 300 силъ) ходятъ также въ Мальту, Смирну и Константинополь, безъ всякаго за то возмездія со стороны правительства.

Пароходы второй линіи (въ 500 силъ) ходятъ изъ Соутемтона въ Александрію, гдѣ принимаютъ почту изъ Восточной Индіи. Компанія хочетъ устроить для этой линіи пароходы въ 3,000 тоннъ и 1,000 лошадиныхъ силъ; сверхъ-того, она устроиваетъ пароходы меньшаго размѣра, которые будутъ ходить между Мальтою и Марселью.

Пароходы третьей линіи (въ 500 силъ) отходятъ два раза въ мѣсяцъ изъ Суэза въ Аденъ, Цейланъ и Калькутту; эта линія имѣетъ вѣтвь вспомогательныхъ пароходовъ (въ 200 и 300 силъ), которые ходятъ изъ Цейлана черезъ Пуло-Пенангъ и Сингапуръ въ Гонг-Конгъ.

Пароходы четвертой линіи ходятъ, два раза въ мѣсяцъ, между Гонг-Конгомъ и Бомбеемъ, заходя въ Сингапуръ, Калькутту и Цейланъ; эта линія находится въ сообщеніи съ линіей военныхъ пароходовъ, ходящихъ между Аденомъ и Бомбеемъ.

Пароходы пятой линіи ходятъ, разъ въ два мѣсяца, между Сингапуромъ и Сиднеемъ, въ Австраліи, заходя въ Яву.

5) General-seren-steam navigation Company.—Главная компанія винтовыхъ пароходовъ получаетъ до-сихъ-поръ только 30,000 фунтовъ стерлинговъ вспомоществованія (825,000 франковъ), и была обязана отправлять одинъ пароходъ въ мѣсяцъ изъ Соутемтона черезъ острова Зеленаго Мыса, Сіерра-Леоне и Островъ Вознесенія, на Мысъ Доброй Надежды. Въ прошедшемъ февралѣ она заключила съ Адмиралтействомъ новый контрактъ на семь лѣтъ, на основаніи котораго она освобождается отъ обязанности посылать пароходы въ Сіерра-Леоне, но за то ея рейсы продолжены до Калькутты, съ обязанностью заходить на Островъ Св. Маврикія, на Цейланъ и въ Мадрасъ. Изъ самаго названія ея видно, что она употребляетъ только винтовые пароходы; ея флотъ будетъ состоять изъ десяти судовъ, въ 1800 тоннъ и 300 лошадиныхъ силъ каждое.

6) Royal Australian mail Company — Австралійская Компанія основана въ прошедшемъ февралѣ мѣсяцѣ; ея пароходы (винтовые) будутъ разъ въ два мѣсяца совершать рейсы между Соутемптономъ и Сиднеемъ, заходя къ островамъ Зеленаго Мыса, на Островъ Вознесенія, на Мысъ Доброй-Надежды и въ Порт-Филиппъ. Этой компаніи назначено вспомоществованія 24,000 фунтовъ стерлинговъ (612,000 франковъ).

Возьмите карту, прослѣдите по ней пути, пробѣгаемые пароходами всѣхъ шести компаній, и вы увидите, что, съ помощью 18,731,300 франковъ ежегоднаго вспоможенія, изъ котораго надо еще вычесть почтовый доходъ, Англія учредитъ правильныя пароходныя сообщенія почти со всѣми важнѣйшими пунктами земнаго шара, такъ-что можетъ сноситься ежемѣсячно со всѣми своими колоніями и мѣстами, имѣющими для нея коммерческую важность. Сѣть ея пароходныхъ линій покрываетъ почти всѣ моря земнаго шара, и теперь его можно объѣхать кругомъ съ такою скоростью, которая показалась бы, лѣтъ десять тому назадъ, баснословною. Одинъ только Тихій Океанъ не вошелъ въ составъ этой системы; но, подъ покровительствомъ Вест-Индской Компаніи, составилась уже новая компанія, которая ведетъ теперь переговоры съ Адмиралтействомъ объ учрежденіи правильнаго

пароходства между Панамскимъ Перешейкомъ, архипелагами Тихаго Океана, Новой Зеландіей и Сиднеемъ. Когда эта компанія откроетъ свои дѣйствія, можно будетъ объѣхать кругомъ свѣта въ шесть мѣсяцевъ.

Не думайте, впрочемъ, что Англія остановится на этомъ. Въ прошедшемъ мѣсяцѣ было напечатано въ англійскихъ журналахъ объявленіе отъ правительства, извѣщавшее, что оно намѣрено учредить правильное пароходное сообщеніе между Англіей и ея Сѣверо-Американскими колоніями. Оно думаетъ также объ учрежденіи пароходной линіи между Китаемъ и Орегономъ, что̀ видно, между-прочимъ, изъ послѣдняго трактата, заключеннаго англійскимъ правительствомъ съ королемъ Сандвичевыхъ Островов, на основаніи котораго Англія имѣетъ право учредить складъ каменнаго угля на островѣ Гаваи. 1-го сентября нынѣшняго года начнутся ежемѣсячные рейсы пароходовъ между Плимутомъ, Мадерой, островами Зеленаго Мыса, Сенегамбіей и Сіерра-Леоне. Сверхъ-того, въ Англіи существуетъ нѣсколько небольшихъ компаній, содержащихъ постоянныя, хотя менѣе-быстрыя и частыя сообщенія различныхъ портовъ Великобританіи съ важнѣйшими торговыми пунктами земнаго шара; такъ, напримѣръ, есть нѣсколько компаній для сообщенія съ портами Средиземнаго Моря, есть линія пароходовъ между Ливерпулемъ и Нью-Йоркомъ, между Гласговомъ и Филадельфіей, между Ливерпулемъ и Бразиліей.

Эта обширная система пароходства, несмотря на большія со стороны англійскаго правительства пожертвованія, принесетъ Англіи огромныя выгоды. Значительная часть расходовъ вознаграждается доходами, получаемыми казною за перевозку на пароходахъ почты. Г. Кьюнаръ, начальникъ компаніи, содержащей пароходную линію между Ливерпулемъ и Нью-Йркомъ, публично объявилъ однажды, по случаю одного процеса, что доходъ съ писемъ, перевозимыхъ на его пароходахъ, равняется получаемому имъ отъ правительства вспоможенію.

Но предположивъ даже, что почтовый доходъ неваженъ для англійскаго правительства, нѣтъ сомнѣнія, что оно не оставитъ столь удачно-начатаго имъ дѣла, а будетъ постоянно расширять его. Денежные разсчеты играютъ въ этомъ случаѣ второстепенную роль. Англійская система пароходства важна для Англіи въ трояком отношеніи: политическомъ, коммерческомъ и военномъ.

Вѣсти о капитанѣ Франклинѣ. — Съ экспедиціей сэра Джона Франклина соединено разрѣшеніе чрезвычайно-важнаго для науки вопроса, слѣдовательно, каждое извѣстіе объ этой экспедиціи заслуживаетъ нашего вниманія. Вотъ письмо, которое было напечатано въ одномъ англійскомъ журналѣ, и позволяетъ надѣяться, что Франклинъ не погибъ и возвратится еще, можетъ-быть, въ Европу. Письмо написано однимъ изъ моряковъ корабля «Terror», а доставили его въ журналъ гг. Боуэсъ и Вазай, ручающіеся за его подлинность.

Островъ Диско (Disco-Island), въ Баффиновомъ Морѣ, 12 іюля, 1845 г.
«Погода стоитъ тихая; мы еще не встрѣчали такой благопріятной «погоды со времени послѣдняго нашего путешествія съ капитаномъ «Россомъ. Всѣ мы имѣемъ твердую рѣшимость проникнуть чрезъ сѣ«веро-западный проходъ. Если мы не воротимся въ концѣ 1848 или «въ началѣ 1849 года, вы будете въ-правѣ предполагать, что мы на«шли этотъ проходъ. Если же мы не возвратимся впродолженіе *пяти*, «*шести, даже семи лѣтъ*, то не теряйте бодрости, а надѣйтесь на «Бога, Который насъ возвратитъ вамъ.»

Предположеніе, что экспедиція можетъ продолжиться семь лѣтъ, даетъ нѣкоторую надежду на ея скорое возвращеніе. Въ томъ же журналѣ напечатано другое письмо, изъ Гонг-Конга, подтверждающее эту надежду. Въ письмѣ, между-прочимъ, сказано, что капитаны нѣсколькихъ китоловныхъ судовъ, прибывшихъ недавно въ Гонг-Конгъ, твердо убѣждены въ цѣлости и невредимости сэра Джона Франклина, равно какъ и въ томъ, что онъ, миновавъ льды, вошелъ во внутреннія моря, откуда выйдетъ не иначе, какъ послѣ очень-теплаго лѣта, какимъ было прошедшее. Въ подтвержденіе своего мнѣнія они приводятъ то, что въ Беринговомъ Проливѣ и въ Баффиновомъ Заливѣ встрѣчаются киты одной и той же породы, изъ чего можно заключить, что на сѣверѣ Америки есть свободный проходъ, потому-что киты не могутъ опускаться южнѣе 22 градуса сѣверной широты, слѣдовательно, длятого, чтобъ пройдти изъ Баффинова Залива въ Беринговъ Проливъ, или обратно, они не могли обогнуть Мыса Горна или Мыса Доброй Надежды. Сверхъ-того, такъ-какъ киты не могутъ долго оставаться подъ водой, а всплываютъ повременамъ на поверхность, то должно думать, что сѣверный путь, которымъ они плаваютъ, бываетъ свободенъ отъ льда.

Французскіе журналы также напечатали недавно письмо, которое можетъ служить дополненіемъ предъидущему, но заключаетъ оченьнемного положительныхъ свѣдѣній. Это письмо написано г. Белло, офицеромъ французскаго флота, получившимъ отъ своего правительства разрѣшеніе участвовать въ экспедиціи, снаряженной для поисковъ о капитанѣ Франклинѣ.

Г-ну Белло былъ порученъ отрядъ изъ двадцати человѣкъ, съ которымъ онъ совершилъ экспедицію по льдамъ. Во время этого путешествія, продолжавшагося двадцать-семь дней, онъ подвергался большимъ опасностямъ, но успѣлъ сдѣлать довольно-важное открытіе, а именно: нашелъ нѣсколько вещей, принадлежавшихъ, по всей вѣроятности, экипажамъ экспедиціи Франклина.

Археологическое открытіе. — Г. Гиньйо, секретарь Парижской «Академіи Надписей и Литературы» извѣстилъ недавно французскаго министра народнаго просвѣщенія о важномъ археологическомъ открытіи, сдѣланномъ въ Аѳинахъ, г. Бёле (Beulé). Мы приведемъ здѣсь, въ извлеченіи, самое письмо г. Гиньйо.

«Господинъ Министръ.

«Честь имѣю довести до вашего свѣдѣнія, отъ имени и по приказанію Академіи, о новости чрезвычайно-важной для археологіи, искусства и исторіи. Два письма, присланныя г. Бёле, членомъ французской школы въ Аѳинахъ, и уже предъявленныя мною Академіи, извѣщаютъ, что этотъ молодой ученый—первые труды котораго, въ особенности же недавно напечатанныя по нашей просьбѣ и съ вашего разрѣшенія «Записки о трехъ надписяхъ, найденныхъ въ Олимпіи», обратили уже на себя вниманіе Академіи— оправдалъ возбужденныя имъ надежды новымъ чрезвычайно-важнымъ открытіемъ. Изъ программы, заданной въ прошедшемъ году членамъ школы Академіи онъ выбралъ себѣ очень-важное, но и чрезвычайно-трудное описаніе Акрополиса и его памятниковъ, для котораго былъ принужденъ предпринять еще неиспытанныя до-сихъ-поръ, по-крайней-мѣрѣ на такой большой глубинѣ, раскопки. Слѣдствіемъ этихъ разъисканій было открытіе настоящаго входа въ Аѳинскую цитадель, который былъ до-сихъ-поръ неизвѣстенъ и служилъ поводомъ къ множеству самыхъ противорѣчащихъ ипотезъ. Г. Бёле спустился для этого болѣе, нежели на тридцать футовъ въ глубину земли, разрушилъ семь стѣнъ, наложенныхъ одна на другую въ-теченіе вѣковъ и погребенныхъ подъ развалинами, своротилъ нѣсколько огромныхъ камней и проникъ на сорокъ футовъ далѣе нынѣ существующей лѣстницы. 28-го мая, въ самый день смерти Э. Бюрнуфа, появилась на свѣтъ мраморная лѣстница, ведшая къ Пропилеямъ, у самаго подножія Акрополиса; ея размѣры, матеріалы, изъ которыхъ она построена, наконецъ самый стиль ея, такіе же, какъ и у верхней лѣстницы. Сверхъ-того, г. Бёле открылъ, за нѣсколько дней предъ тѣмъ, остатокъ пеласгической стѣны, которая служила, вѣроятно, для поддержанія лѣстницы и была обозначена въ мнезиклесовомъ планѣ.

. . . .

«Третье письмо г. Бёле, отъ 7-го іюня, извѣщаетъ, что онъ открылъ нетолько мраморную лѣстницу, которая нисходила до Пропилей, но и самую стѣну, изъ камня и пентелическаго мрамора, превосходно-сохранившуюся. Г. Бёле усердно продолжаетъ свои разъисканія. .»

Литературныя Извѣстія.

Въ Москвѣ вышелъ второй томъ *Исторіи Россіи*, профессора Соловьева. Содержаніе его слѣдующее: Глава 1: О княжескихъ отношеніяхъ вообще; глава 2: Событія при жизни сыновей Ярослава I; глава 3: событія при внукахъ Ярослава I; глава 4: Событія при правнукахъ Ярослава I; глава 5: Событія отъ смерти Юрія Владиміровича до взятія Кіева войсками Андрея Боголюбскаго; глава 6: отъ взятія Кіева войсками Боголюбскаго до смерти Мстислава Мстиславича Торопецкаго.

Тамъ же вышелъ первый томъ, издаваемаго г. Николаемъ Фроловымъ, *Магазина землевѣдѣнія и путешествій*. Первый отдѣлъ его, посвящен-

ный физическимъ и историческимъ матеріаламъ землевѣдѣнія, заключаетъ въ себѣ слѣдующія статьи: 1) Историческое обозрѣніе изслѣдованій о фигурѣ и величинѣ земли (Д. Перевощикова), 2) О суточномъ и годичномъ движеніи земли (его же), 3) Атмосфера земли (М. Спасскаго), 4) Географическое распространеніе кофейнаго дерева (изъ Риттера, пер. Бартенева), 5) Чай и 6) Сахарный тростникъ (изъ Риттера, пер. Ѳеоктистова), 7) Хлѣбное дерево (изъ Георга Форстера), 8) О физіологическихъ признакахъ человѣческихъ породъ и ихъ отношеніи къ исторіи (письмо В. Ф. Эдвардса къ Амедэ Тьерри, автору Исторіи Галловъ, переведенное и дополненное Т. Н. Грановскимъ), 9) Рѣчная область Волги (И. Бабста). — Во второмъ отдѣлѣ, назначенномъ для географическихъ извѣстій, помѣщено девять статей: 1) Оказываетъ ли луна замѣтное вліяніе на нашу атмосферу (изъ Я. Араго), 2) О воздухоплаваніи, 3) О назначеніи и употребленіи барометра (Спасскаго), 4) Алмазы Восточной Индіи (изъ Риттера), 5) Большой водяной змѣй, 6) Сибирскія бѣлки (И. Корниловича), 7) Отаити (изъ Пёппига), 8) Поѣздка на Илецкую Защиту (И. Бабста).

Обѣ эти книги будутъ отчетливо разсмотрѣны въ отдѣлѣ Критики.

МОДЫ.

О лѣтнихъ модахъ мы уже говорили; остается повторять теперь, что радужныя платья и матеріи для платьевъ изъ глассè съ косоугольниками чернаго и бѣлаго цвѣта, на шеколадномъ или сѣромъ фонѣ, считаются самыми модными.

Кисейныя платья съ бортами и воланами такъ ужь сдѣлались общими, что многія дамы предпочитаютъ дѣлать платья изъ кисеи съ цвѣточками и съ тремя фалбалами напереди въ видѣ капота. Борты же на всѣхъ матеріяхъ начинаютъ уже надоѣдать, и есть надежда, что къ концу лѣта матеріи съ бортами вовсе выйдутъ изъ употребленія. Для утра, особенно въ лѣтніе холодные дни (которые такъ обыкновенны въ Петербургѣ), очень-красивы и нарядны платья изъ бѣлаго кашемира съ мантильей изъ такого же кашемира; но мы опишемъ этотъ нарядъ подробнѣе и въ нѣсколькихъ видахъ. Капотъ изъ бѣлаго кашемира безъ всякой уборки, лифъ сборчатый и застёгнутый также, какъ и юбка, коралловыми пуговицами. Мантилья, или, лучше сказать, широкая пелеринка съ небольшими концами напереди, обшита въ семь рядовъ узенькой бѣлой шелковой тесьмой.

Бѣлое кашемировое платье съ сборчатымъ и открытымъ лифомъ напереди. Бѣлыя шерстяныя кружева въ видѣ передника нашиты напереди платья. Лифъ и рукава убраны также кружевами. Мантилья самыя обыкновенныя со швами, на плечахъ, кру-

глая сзади и съ острыми концами напереди, обшита также въ нѣсколько рядовъ бѣлыми шерстяными кружевами. Уборка изъ шерстяныхъ кружевъ очень-удобна для лѣта, потому-что кружева эти никогда не мнутся, и платье, ими убранное, или мантилья имѣетъ видъ только-что сейчасъ-сшитаго. Наконецъ мы видѣли платье изъ бѣлаго кашемира съ вышитыми бѣлымъ шелкомъ воланами. Лифъ спереди открытый и такъ же вышитый, какъ и рукава. Пелеринка доходитъ до таліи и вышита узоромъ, который идетъ кверху пирамидально; она обшита широкой бахрамой изъ тамбурнаго шелка.

У всѣхъ шляпокъ поля дѣлаются очень-маленькія и открытыя, но уже вовсе не овальныя и попрежнему доходящія до подбородка. Кружева и солома служатъ украшеніемъ для всѣхъ шелковыхъ шляпокъ. Ленты на уборку употребляются самыя широкія. На кружевныхъ шляпкахъ съ боку тульи прикалывается большой цвѣтокъ съ висячей зеленью; подъ полями тоже цвѣты и такая же зелень. Къ креповымъ шляпкамъ очень идутъ маленькія вуали или просто широкія кружева, пришитыя къ полямъ и немного собранныя, такъ-что когда они откидываются назадъ, то имѣютъ видъ вуаля. На соломенныхъ шляпкахъ дѣлаются вуали изъ крепа цвѣтнаго или бѣлаго, который обрубляется широкимъ рубцомъ и вздёргивается на атласную ленту; такія вуали дѣлаются и изъ шелковаго тюля.

Намъ недавно сдѣлали вопросъ: какой цвѣтъ перчатокъ теперь въ модѣ? Это довольно-трудно опредѣлить; но во всякомъ случаѣ цвѣтъ перчатокъ также долженъ согласоваться съ цвѣтомъ платья или съ цвѣтомъ рисунка матеріи, изъ котораго сдѣлано платье. Такъ, напримѣръ, для бѣлаго кашемироваго платья нельзя надѣть другихъ перчатокъ, кромѣ бѣлыхъ: всѣ цвѣта на бѣломъ фонѣ покажутся рѣзкими, а между-тѣмъ довольно-странно, что иногда запросто надѣваются бѣлыя перчатки. Шведскія перчатки идутъ ко всѣмъ кисейнымъ, кембриковымъ и даже къ клѣтчатымъ шелковымъ платьямъ. Вообще же цвѣтъ перчатокъ — свѣтлый.

Бѣлые лифы для дѣвицъ въ большой модѣ, а также и короткіе рукава; но короткіе рукава дѣлаются на платьяхъ съ открытыми лифами, а сверхъ открытыхъ лифовъ надѣвается каньзу съ маленькими рукавчиками, которые едва покрываютъ рукава платья; но иногда рукава у каньзу дѣлаются длинные. Впрочемъ, такія каньзу не очень-красивы: онѣ имѣютъ видъ недошитаго лифа, потому-что бока каньзу вмѣстѣ не сходятся.

Всѣ верхніе костюмы дѣлаются фасономъ тальмы; капишоны на нихъ острые и съ кистью. Сукно — лучшая матерія для такого наряда. Впрочемъ, мы давно ужь говорили и описывали фасонъ тальмы; теперь только прибавимъ, что нѣтъ ни одной дамы въ Петербургѣ, которая не имѣла бы тальмы: это доказываетъ, что тальма скоро выйдетъ изъ моды.

НОВЫЯ МУЗЫКАЛЬНЫЯ СОЧИНЕНІЯ
у М. БЕРНАРДА,

на Невскомъ Проспектѣ, противъ Малой Морской, въ домѣ Паскаля, № 11-й.

—

Серебр. Р. К.

Пьесы для скрипки.

Alard. — Fantaisie caractéristique, op. 24, avec orchestre (4 р. 60 к.), avec piano (2 р. 30 к.). Souvenir de Mozart. Fantaisie op. 21, avec orchestre (5 р. 15 к.) avec piano 2 30

Baillot. — 24 Etudes pour le violon avec accomp. d'un 2d violon, composées selon la physionomie du ton pour faire suite à l'art du violon. En 4 cahiers, каждая. 2 30

Beriot. — 7-me Concerto op. 76 avec orchestre (5 р. 79 к.), avec piano (2 р. 85 к.). 11-me Air varié op. 79 avec orchestre (2 р. 85 к.), avec piano (1 р. 70 к.). Premier guide du violoniste. Etudes mélodiques et progressives op. 77, partie I. Exercices préparatoires et études variées avec un 2d violon (2 р.). Partie II. Etudes mélodiques et de style en forme de solos, avec piano . . . . 2 »

David. — Bunte Reihe. 24 Stücke für Violine und Piano op. 30 liv. 1 à 4, каждая 2 30

Ernst. — Concerto, op. 23, avec orchestre (6 р.), avec piano. . 2 85

Léonard. — 2d Concerto op. 14 avec orchestre (6 р. 85 к.), avec piano (4 р.) Grande fantaisie militaire op. 15 avec orchestre (4 р.), avec piano . . . . 2 »

Paganini. — Oeuvres posthumes: 1r Concerto op. 6 avec piano (5 р. 15 к.). 2d Concerto (clochette) op. 7 avec piano (4 р. 30 к). La danse des sorcières, fameuses variations op. 8, avec piano (1 р. 70 к.) God save the queen, variations op. 9 avec piano (1 р. 70 к.) Le carnaval de Venise, op. 10 avec piano (1 р. 43 к.). Le mouvement perpétuel, op. 11 avec piano (1 р. 72 к.); Non pio mesta, op. 12, avec piano (1 р. 70 к.); I palpiti, op. 13 avec piano (1 р. 70 к.); Etudes en 60 variations pour le violon seul, en 3 cahiers, каждая 1 15

Vieuxtemps. — Six divertissements d'amateurs sur des mélodies russes favorites pour le violon avec piano. op. 24 № 1. Отгадай, моя родная (1 р. 30 к.); № 2. Соловей (1 р. 15 к); № 3 Шестнадцать лѣтъ (1 р.) № 4. Бывало (съ аккомп. віолончеля ad libitum) (1 р. 50 к.); № 5 Тройка (1 р. 30 к.); № 6. Не бѣлы снѣги и Во полѣ береза стояла . . . 1 30

——Grande fantaisie sur des thêmes slaves. op. 27 avec piano (2 р. 15 к.); Fantaisie de salon sur l'opera Ernani (2 р.); Fantaisie de salon sur l'opera I Lombardi, avec piano. . . 1 72

Пьесы для фортепьяно въ четыре руки.

Beyer. — Les delassements. Recueil de petites leçons sur des motifs favoris. op. 85, liv. 1—2 (каждая 1 р. 15 к.); Emilie et

Р. К.

Beatrice. Variations brillantes et non difficiles sur un thême de Bellini. op. 120 . . . . 1 73

Brunner. — Les petites soeurs. Deux pièces faciles. op. 116 (1 р. 29 к.); Fleurs teutoniques, 6 rondinos faciles. op 224. . . 1 72

Czerny. — Le debut du jeune pianiste. Six rondinos très faciles à quatre mains op. 773 (3 р). 24 Rondinettos faciles. op. 775 en 6 cahiers, каждая 1 30

Duvernoy. — Petite fantaisie sur la Muette de Portici. op. 172 (85 к.): Petite fantaisie sur l'enfant prodigue, opéra d'Auber. op. 194 . . . . » 72

Herz. — Grand duo concertant sur le desert, musique de F. David. op. 156 . . . . 2 »

Hünten. — Trois fantaisies sur des motifs de l'opera: Martha. op. 166 № 1 à 3 (каждая 1 р. 15 к.); Grand duo à quatre mains. op. 164 . . . . 2 85

Marks. — Collection des Potpourris des meilleurs opéras à quatre mains: № 43. Beatrice di Tenda (2 р. 30 к.); № 44: Lombardi (2 р. 30 к); № 46. Ernani (2 р. 85 к.); № 48. Attila. (2 р. 30 к.); № 49. Macbeth (2 р. 30 к): № 50. I Masnadieri (2 р. 85 к.); № 51. I due Foscari (2 р. 85 к.); № 52. Giovanna d'Arco (2 р. 60 к.); № 57. Alzira (2 р. 30 к.). № 56. Freischütz (2 р. 30 к). № 57. Il Corsaro (2 р 30 к.). № 58. Le Prophète (2 р. 30 к.). № 59. Martha (2 р. 30 к.). № 60. Euryanthe (2 р. 60 к.). № 61. La Bohêmienne (2 р. 60 к.). № 62. Sophie Catherine (2 р. 60 к.). № 63. Giralda (2 р. 60 к.). № 64. La Straniera (2 р. 60 к.) № 68. Figaro. 2 60

Mendelssohn-Bartholdy.—4-e Symphonie arr. à quatre mains. op. 90 . . . . 4 30

Rosellen. — Le Prophete. Fantaisie. op. 114 (1 р. 72 к.). La fée aux roses. Fantaisie. op. 119 . . . . 2 30

Выписывающіе нотъ на сумму не менѣе трехъ рублей серебромъ, *получаютъ* двадцать пять *процентовъ уступки, а выписывающіе на* десять руб. сер., *пользуясь означенною уступкою, кромѣ того, ничего не прилагаютъ на пересылку. Выгодою этой пользуются только особы, которыя обратятся съ своими требованіями* непосредственно *въ магазинъ* М. Бернарда. *На этихъ же условіяхъ можно выписывать изъ означеннаго магазина всѣ музыкальныя сочиненія, кѣмъ бы они ни были изданы и объявлены въ какомъ-либо каталогѣ.*

Въ томъ же магазинѣ вышла 1-го іюля седьмая тетрадь НУВЕЛЛИСТА (годъ XIII), которая содержитъ въ себѣ: Mayer—Souvenir d'Espagne, bolero; Voss — Impromptu mélodique; Veit—Idylle; Pauer—Styrienne; Spindler—Marche funébre; Leontieff—Polka; Aubry—Polka-mazurka; Brunner—Air fuisse; Beyer—Les Puritains, petite fantaisie; Бернардъ — Воспоминаніе, романсъ; Arnaud — Romance. — Музыкально-литературное прибавленіе № 7. (Годовая цѣна подписки 10 р., съ пересылкою 11 р. 50 к. с.).

Печатать позволяется, 19-го іюня, 1852 г. С. Петербургскій Оберъ-Полиціймейстеръ, Свиты Его Величества, генералъ-маіоръ Галаховъ.

ОПЕКУНЪ.

ГЛАВА XV.

Годфри Марсденъ подвергаетъ строгому изслѣдованію совѣсть другихъ людей.

Леди Маргарета все еще жила въ Аспендэйлѣ: веселила Давида, забавляла Элеонору, утѣшала леди Рэймондъ и боролась повременамъ съ мнѣніями Годфри Марсдена. Послѣдняя ихъ бесѣда началась по поводу Эвфиміи такимъ-образомъ:

— Я не могу понять, отчего дочь ваша такъ мало читаетъ назидательныхъ книгъ, сказалъ Годфри Марсденъ. — Гоняясь за тщеславіемъ и суетою, вы повидимому вовсе выпускаете изъ вида нравственную цѣль воспитанія.

— Въ чемъ же, по вашему мнѣнію, состоитъ эта высшая цѣль?

— Вопросъ, кажется, совершенно-лишній, особенно съ вашей стороны. Леди съ вашимъ образованіемъ и талантами прекрасно понимаетъ, что каждый человѣкъ — будь онъ женщина или мужчина, гражданинъ или школьникъ, старикъ или дитя — долженъ прежде всего ознакомиться съ своими обязанностями въ-отношеніи къ Богу, ближнему и самому-себѣ. Въ уясненіи этихъ обязанностей и состоитъ существенная задача воспитанія.

— Очень-хорошо, мистеръ Марсденъ. Но вы должны согласиться, въ свою очередь, что, для пониманія всѣхъ этихъ вещей, необходимо нѣкоторое развитіе разсудка. Книги, о которыхъ вы говорите, содержатъ глубокія и по-большей-части отвлеченныя истины, недоступныя младенческому уму. Человѣкъ, дурно развитой, часто не въ-состояніи понимать ихъ всю свою жизнь. Для предотвращенія такого неудобства, я употреблю всевозможныя старанія, чтобъ способности моей дочери развивались съ правильною постепенностью. Она еще въ такомъ возрастѣ, когда чтеніе какихъ бы то ни было книгъ не можетъ принести ей ожидаемой пользы. Игра въ куклы или въ мячъ, прогулка въ

паркѣ и бѣганье въ саду гораздо-болѣе, по моему мнѣнію, будутъ содѣйствовать къ развитію ея физическихъ и духовныхъ силъ, чѣмъ безплодное толкованіе объ отвлеченныхъ предметахъ. Пусть Эвфимія играетъ и рѣзвится, сколько ей угодно: это не помѣшаетъ ей благовременно ознакомиться съ природой и окружающими обстоятельствами, а съ этого знакомства и должно начинаться правильное развитіе разсудка. Когда такимъ образомъ окрѣпнутъ ея физическія и умственныя силы, когда чувство достигнетъ до извѣстной степени впечатлительности, память обогатится матеріалами для воспоминаній и воображеніе сдѣлается способнымъ къ живому воспроизведенію óбразовъ и картинъ природы, тогда, но не прежде, наступитъ пора для логической мыслительности, и тогда, но не прежде, Эвфимія будетъ читать всѣ эти нравственныя книги, къ которымъ я, наравнѣ съ вами, питаю глубочайшее уваженіе.

— Все это суета! воскликнулъ мистеръ Марсденъ. — Вы говорите языкомъ свѣтской женщины, суетной и тщеславной, для которой временныя блага стоятъ неизмѣримо выше всего, чтò обусловливаетъ истинное счастье человѣка. Съ такими понятіями о воспитаніи вы сдѣлаете, конечно, изъ Эвфиміи смазливую куклу, способную заманивать и прельщать; но въ этой куклѣ никогда не будетъ души.

Послѣ такихъ сентенцій весьма неудобно было продолжать разговоръ, и леди Маргарета замолчала; но не замолчалъ мистеръ Давидъ Стюартъ, свидѣтель этой бесѣды. Онъ ужь давно сидѣлъ какъ на иголкахъ, и дерзкій, заносчивый тонъ, съ какимъ суровый морякъ произнесъ послѣднія слова, вывелъ его изъ терпѣнія.

— Кто вамъ далъ право вмѣшиваться въ дѣла леди Маргареты, милостивый государь? воскликнулъ мистеръ Стюартъ. — Кто поставилъ васъ верховнымъ судьею надъ отношеніями матери къ ея единственному дитяти?

— Я не судья и всего менѣе верховный судья, возразилъ мистеръ Марсденъ: — мнѣ, кáкъ и всякому другому, позволительно высказывать свои мнѣнія о предметахъ, близкихъ къ понятіямъ всякаго мыслящаго человѣка.

— Но ваши мнѣнія оскорбительны и обидны по диктаторскому тону, съ какимъ высказываются, отвѣчалъ мистеръ Стюартъ. — По какому-то странному заблужденію, вы всегда воображаете, что можете быть непогрѣшительнымъ наставникомъ для своихъ ближнихъ, и вамъ кажется, что ближніе должны повиноваться вамъ безпрекословно. Вы принадлежите къ эксцентрической породѣ людей, которые смотрятъ на все съ высоты неизмѣримаго величія. Суровая нетерпимость — отличительный характеръ такихъ людей. Всѣмъ навязываютъ они свои убѣжденія, болѣе или менѣе странныя, и требуютъ, чтобъ все принадлежало къ ихъ приходу. Эти-то люди въ средніе вѣка съ самою спокойною со-

вѣстью отсылали на костеръ лучшихъ своихъ собратовъ, воображая съ гордымъ смиреніемъ, что они творятъ богоугодное дѣло.

— Очень вамъ благодаренъ за эту замѣчательную характеристику *людей моей породы*, сказалъ Годфри, побагровѣвшій отъ чрезмѣрнаго гнѣва.—Позвольте, въ свою очередь, замѣтить вамъ, что люди *вашей породы* отличаются самою эластическою совѣстью, способною сжиматься и расширяться по всѣмъ возможнымъ обстоятельствамъ. Они всегда хотятъ быть правыми въ глазахъ свѣта и находятъ лучшія извиненія для всѣхъ своихъ поступковъ. Они отваживаются иной разъ на величайшія преступленія и, однакожь, прощаютъ себя съ такимъ великодушіемъ, какъ-будто совѣсть ихъ чиста и свѣтла, въ родѣ прозрачнаго ручья. Искушеніе и соблазнъ — самые уважительные поводы для всѣхъ ихъ начинаній, и они готовы летѣть стремглавъ въ бездну самыхъ безнравственныхъ поступковъ, если только...

— Годфри! воскликнула Элеонора голосомъ, прерывавшимся отъ внутренняго волненія.

Но Давидъ Стюартъ медленно подошелъ къ молодому Марсдену и ласково положилъ руку на его плечо, какъ могъ бы это сдѣлать старшій братъ. Онъ былъ смертельно-блѣденъ и говорилъ слабымъ, измѣнившимся тономъ. Леди Маргарета и Элеонора смотрѣли на него съ величайшимъ изумленіемъ.

— Годфри, сказалъ онъ: — вы правы. Я согласенъ, что вы лучше, совершеннѣе меня во многихъ отношеніяхъ. Я не способенъ давать совѣты такимъ людямъ, какъ вы. Прошу извинить меня за все, что́ я позволилъ сказать себѣ о людяхъ вашей породы. Эти люди выше того разряда, къ которому я имѣю несчастіе принадлежать. При-всемъ-томъ, именемъ особъ, которыхъ вы любите, умоляю васъ быть снисходительнымъ къ своему ближнему.

Послѣ короткой паузы, онъ прибавилъ торопливымъ и встревоженнымъ тономъ:

— Перестанемъ спорить. Не мѣшало бы теперь прогуляться. Элеонора, не хотите ли выйдти. Въ комнатѣ страшная духота: здѣшній воздухъ напоминаетъ положеніе атмосферы передъ землетрясеніемъ.—Леди Маргарета, помните ли вы землетрясеніе въ Палермо? Потолокъ и стѣны задрожали тогда въ нашей комнатѣ, и мы думали, что весь домъ провалится сквозь землю.

Леди Маргарета отвѣчала, что тогда былъ чрезвычайно-знойный день, и прибавила робкимъ тономъ, что мистеръ Стюартъ долженъ быть нездоровъ.

Печаль и задумчивость были не въ характерѣ леди Маргареты; но на этотъ разъ она казалась необыкновенно-грустною, и это возвысило какъ-нельзя-больше нѣжную красоту ея лица. Элеонора была поражена этимъ явленіемъ.

— О, возможно ли, чтобъ онъ предпочелъ меня такой красавицѣ! думала бѣдная дѣвушка. — Ему нельзя думать обо мнѣ,

какъ-скоро она здѣсь. Какъ бы хорошо было, еслибъ она уѣхала... И было бы еще лучше, еслибъ я никогда не видала ея.

Однакожь Давидъ Стюартъ пошелъ рядомъ съ Элеонорой, когда все общество отправилось гулять.

— Вы снисходительны, милая Элеонора, сказалъ онъ грустнымъ тономъ, какъ-будто разговоръ не прерывался: — вы снисходительны и великодушны. Я думаю, что вы все можете простить.

— Что́ же мнѣ прощать? Что́ васъ тревожитъ? Чѣмъ вы больны? спрашивала молодая дѣвушка нѣжнымъ, умоляющимъ голосомъ.

Не было никакого отвѣта на всѣ эти вопросы.

— У Давида Стюарта нечиста совѣсть, проговорилъ Годфри сурово, ведя за руку свою жену.

— Не-уже-ли! воскликнула Эмма. — Какъ же это?

И она проглотила легонькій вздохъ, потому-что сцены всякаго рода чрезвычайно-пугали и разстроивали мистриссъ Эмму Марсденъ. Она никогда не понимала, въ чемъ собственно состоитъ предметъ разговора или спора, и не умѣла объяснить, изъ-за чего сердятся всѣ эти добрые люди; но когда продолжалась одушевленная бесѣда, робкая супруга моряка трепетала всѣмъ тѣнами; и если Годфри начиналъ заговариваться слишкомъ-громко, она заливалась неутѣшными слезами, точь-въ-точь какъ маленькія дѣти при видѣ ссоры взрослыхъ людей.

«Да̀, нечиста у него совѣсть», думалъ про-себя Годфри. И занятый этою мыслью, онъ ужь ни слова не сказалъ женѣ во всю эту прогулку, и Эмма не обнаружила никакого покушенія прервать угрюмое молчаніе своего строгаго супруга. Робко переступала она съ ноги на ногу, глядя на цвѣтущія нивы, окаймленныя незабудками и краснымъ макомъ. Ей было жаль, что съ ними нѣтъ ихъ маленькаго сына: было бы дѣломъ минутнымъ надѣть на него соломенную шляпу и привести его сюда; но она боялась и заикнуться насчетъ этого предмета. Мистеръ Марсденъ, погруженный въ глубокія изслѣдованія относительно нечистоты совѣсти въ своемъ ближнемъ, могъ бы не на шутку разсердиться на свою жену.

Тяжелые раскаты грома, предвѣщавшіе неминуемую грозу, заставили маленькое общество поспѣшить возвращеніемъ домой. Элеонора пробыла нѣсколько минутъ въ будуарѣ своей матери. Когда она сошла въ гостиную, леди Маргарета сидѣла за работой; Годфри разсматривалъ со вниманіемъ морскую карту, стараясь опредѣлить направленіе своего корабля; Эмма чинила перо; Давидъ Стюартъ наблюдалъ у окна дождевыя капли. Ничто не возмущало общаго молчанія. Элеонора взглянула на Давида, и послѣ минутнаго колебанія, сѣла подлѣ своей прекрасной руководительницы. Леди Маргарета взглянула на нее и улыбнулась.

— Я получила письмо съ вечернею почтой, сказала она: — письмо отъ сэра Стефена Пенрайна. Онъ желаетъ подвергнуть

моему предварительному разсмотрѣнію извѣстное посланіе, которое скоро должно прійдти сюда. Смѣю думать, мистеръ Стюартъ, что Элеонора во всѣхъ своихъ длинныхъ письмахъ ни разу не потрудилась разсказать вамъ о приключеніи съ ея бѣднымъ Руллахомъ.

— Нѣтъ, она писала, что какой-то джентльменъ прибилъ Руллаха. Это было за нѣсколько мѣсяцовъ.

— И съ той поры она не упоминала вамъ объ этомъ джентльменѣ?

— Къ какой стати мнѣ упоминать о немъ? сказала Элеонора нетерпѣливымъ тономъ.

— Въ такомъ случаѣ я объявляю, что со мной поступаютъ слишкомъ-недобросовѣстно, весело отвѣчала леди Маргарета. — Какъ же иначе? Я беру съ собою въ городъ молодую леди, представляю ее на всѣ балы и вечера, и въ первые дни мы ловимъ на удочку великолѣпнаго лосося, то-есть другими словами: въ самые первые дни сезона, мы заманиваемъ въ свои сѣти un puissant seigneur, богатѣйшаго сэра Стефена Пенрайна — и что жь? Никакого довѣрія ко мнѣ, къ оффиціальной руководительницѣ, и вдобавокъ еще Элеонора спрашиваетъ, къ какой стати будетъ она упоминать объ имени сэра Стефена Пенрайна! Честь имѣю извѣстить васъ, мистеръ Стюартъ, что не далѣе какъ на этихъ дняхъ, въ половинѣ завтрака, вы получите предложеніе по всей формѣ, и затѣмъ, тоже по всей формѣ, послѣдуетъ ваше согласіе, юридическія приготовленія, брачный контрактъ и приглашеніе меня на свадьбу. Но если Элеонора не дастъ своего согласія, тогда наступитъ отдаленная перспектива другаго сезона: мы снова ѣдемъ въ городъ, и я принимаю на себя ту же должность.

Раскраснѣвшаяся молодая дѣвушка быстро подняла глаза на лицо своего опекуна. Выраженіе этого лица испугало ее. Блѣдный, изумленный и почти остолбенѣлый, мистеръ Стюартъ вперилъ свой взоръ въ Элеонору, какъ-будто хотѣлъ прочесть всю ея душу. Быстрымъ взглядомъ она окинула всѣхъ членовъ маленькаго общества: Маргарета съ лукавой улыбкой склонила свою голову надъ работой; Годфри продолжалъ водить линѣйкой по картѣ; Эмма смотрѣла безмолвно на своего мужа. Молодая дѣвушка вздохнула свободно, такъ-какъ никто ея не наблюдалъ. Она улыбнулась и сдѣлала многозначительный жестъ обѣими руками, говорившій краснорѣчивѣе всякихъ словъ: — «будь спокоенъ, милый: *тебя* я люблю, и никого больше!» Въ эту минуту Маргарета подняла свои глаза. Давидъ Стюартъ, дѣлая надъ собой необыкновенное усиліе, проговорилъ:

— Элеонора еще очень-молода.

Эти слова какъ-будто завязли въ его горлѣ. Онъ бросилъ туманный взглядъ на леди Маргарету, подошелъ къ столу, открылъ книгу, закрылъ, взялъ ножницы подлѣ рабочей шкатулки Маргареты, хотѣлъ что-то сказать, поблѣднѣлъ какъ мертвецъ и

немедленно вышелъ изъ гостиной. Яркая краска тотчасъ покрыла лобъ, щеки и шею леди Маргареты. Она взглянула на Элеонору: глаза молодой дѣвушки были прикованы къ двери, въ которую только-что вышелъ ея опекунъ. Не-уже-ли Давидъ Стюартъ самъ влюбился въ Элеонору? Возможно ли это?

Эта же мысль съ быстротою электричества пробѣжала по всему маленькому обществу. Маргарета считала это въ высшей степени невѣроятнымъ, и однакожь, что могла она подумать послѣ видѣнной сцены? Для Годфри, оглядѣвшаго съ ногъ до головы блѣднаго, отуманеннаго человѣка, подозрѣніе мгновенно приняло характеръ очевидной истины, неподверженной ни малѣйшему сомнѣнію, и гнѣвъ его закипѣлъ при мысли объ ужасной обидѣ, которую безсовѣстный опекунъ готовился нанести его сестрѣ. Даже простенькая Эмма была повидимому поражена какимъ-то внезапнымъ вдохновеніемъ, даже ей показалось, что «мистеръ Стюартъ не хочетъ почему-то выдавать замужъ Элеонору».

Но какъ изобразить чувства, вспорхнувшія въ сердцѣ молодой дѣвушки? Элеонора встрѣтила гнѣвный взоръ Годфри почти съ торжествующей улыбкой, и быстро пошла къ окну, гдѣ стоялъ Давидъ Стюартъ. Открывъ окно, она принялась смотрѣть на розы, блиставшія дождевыми каплями, и на высокія лиліи въ ихъ свѣжей, великолѣпной красотѣ. Пѣсни птичекъ, столько веселыхъ и беззаботныхъ послѣ минувшей бури, восторженно раздались въ ея ушахъ; запахъ геліотропа и гераніума разносился повсюду на легкихъ крыльяхъ свѣжаго вѣтерка. Радостный трепетъ распространился по всему организму молодой дѣвушки: теперь *знала* она, что онъ любитъ ее. До этой минуты она только надѣялась; но теперь надежда превратилась въ несомнѣнную дѣйствительность. Онъ любитъ ее — эта истина ясна какъ великолѣпное солнце, которое въ это мгновеніе распространяетъ свои животворные лучи на всѣ предметы растительнаго царства. И ужь, стало-быть, онъ слишкомъ ее любитъ, если потерялъ всякую власть надъ собою при одномъ извѣстіи о предполагаемомъ замужствѣ! Но все же онъ не можетъ любить ее глубже, чѣмъ она его любитъ: это невозможно. Довольно и того, если ихъ чувства проникнуты равномѣрною силою любви — благодареніе небесамъ!

Черезъ два дня послѣ этой маленькой сцены, визитъ леди Маргареты кончился, и она уѣхала. Ея прощанье съ Элеонорой было проникнуто искреннею нѣжностью.

— Благослови васъ Богъ, милое дитя! Какая бы судьба ни ожидала васъ — будьте счастливы!

Таковы были прощальныя слова леди Маргареты.

Не было съ ея стороны ни малѣйшаго намека на происшедшую сцену, и никто не говорилъ о ней, по-крайней-мѣрѣ съ Элеонорой. Миссъ Рэймондъ обняла свою прекрасную руководительницу съ живѣйшимъ чувствомъ искренней привязанности, какой, при всей доброй волѣ, она не могла бы обнаружить, еслибъ оста-

валась въ ея душѣ хоть тѣнь сомнѣнія о возможности соперничества между ними.

ГЛАВА XVI.

Мечта любви.

Годфри тоже ничего не сказалъ Элеонорѣ о послѣдствіяхъ своихъ наблюденій надъ ея опекуномъ; но зато слишкомъ-много говорилъ онъ съ ея матерью, такъ много, что едва ли бы самъ сэръ Стефенъ Пепрайнъ началъ столько хлопотать о своей женитьбѣ, какъ хлопотала теперь въ его пользу леди Рэймондъ. Ея подозрѣнія тоже приняли рѣшительный характеръ, и она нимало не сомнѣвалась, что *безсовѣстный* и *безстыдный* секретарь покойнаго ея мужа употреблялъ всевозможныя старанія, чтобъ овладѣть богатствомъ прекрасной наслѣдницы, ввѣренной ему съ такимъ непростительнымъ легкомысліемъ. Вотъ почему онъ и жилъ все это время въ Аспендэйлѣ и отказывался съ такимъ упрямствомъ поручить воспитаніе Элеоноры постороннимъ рукамъ: все это былъ глубоко-обдуманный планъ, предпринятый съ тою цѣлью, чтобъ пріобрѣсть надъ сердцемъ молодой дѣвушки такое вліяніе, котораго бы ужь никакъ нельзя было искоренить. Однимъ-словомъ, леди Рэймондъ, руководимая материнскою заботливостью о дочери, не скупилась теперь ни на какія обвиненія и смотрѣла на всѣ предметы глазами своего возлюбленнаго сына. Она усердно укоряла себя за несчастное приглашеніе мистера Стюарта въ ея домъ, и умоляла Годфри обсудить серьёзнѣе, какъ надлежало поступить въ настоящемъ дѣлѣ. Должно было прежде всего рѣшить вопросъ: отважится ли наглый Давидъ Стюартъ прямо и открыто просить руки Элеоноры? Годфри полагалъ, что не отважится: вѣроятно, онъ будетъ выжидать совершеннолѣтія Элеоноры, отсрочивая ея замужство подъ разными, болѣе или менѣе-хитрыми предлогами.

Леди Рэймондъ жалѣла и досадовала, что предложенія не послѣдовало со стороны лорда Эдгара: было бы пристойнѣе въ нѣкоторой степени назвать своимъ зятемъ герцогскаго сына. Она бы не прочь подождать еще два-три сезона, въ надеждѣ на блистательную партію для Элеоноры; но что̀ жь тутъ прикажете дѣлать? Сэръ Стефенъ Пепрайнъ все же мильйонъ разъ предпочтительнѣе какого-нибудь Давида Стюарта. Бѣдняжка! Голова ея, должно-быть, рѣшительно повихнулась, если она добивается чести сдѣлаться какою-нибудь мистриссъ Стюартъ. А впрочемъ, правда ли это? Быть-можетъ Элеонора вовсе не думаетъ о замужствѣ. Годфри, можетъ-быть, ошибается насчетъ мыслей своей сестры, когда она, въ тотъ бурный день, съ улыбкой прошла мимо его къ окну, гдѣ стоялъ ея опекунъ. Легко станется и то, что она думала о сэрѣ Стефенѣ. Леди Маргарета положительно

увѣряла, что Элеонора, равнодушная ко всѣмъ мужчинамъ, была, однакожь, до извѣстной степени благосклонна къ сэру Стефену. Онъ, правда, не красавецъ на ея глаза, но многіе находятъ его прекраснымъ мужчиной. Маргарета, съ своей стороны, замѣтила только то, что сэръ Стефенъ превосходный всадникъ; но вѣдь и это не бездѣлица.

При-всемъ-томъ, сомнѣніе въ чувствахъ Элеоноры было такъ велико, что леди Рэймондъ заблагоразсудила не дѣлать никакихъ разспросовъ своей дочери. Она уполномочила Годфри открыть переговоры съ мистеромъ Стюартомъ, и на первый разъ объявить ему, что родственники Элеоноры готовы изъявить полное согласіе на ея вступленіе въ бракъ съ высокороднымъ Стефеномъ Пенрайномъ, шотландскимъ джентльменомъ, вполнѣ-достойнымъ родственной связи съ фамиліей Рэймондъ.

Сверхъ всякаго ожиданія, Давидъ Стюартъ выслушалъ это извѣстіе съ невозмутимою важностью. Онъ сказалъ, что вполнѣ соглашается съ мнѣніями Годфри, и что, по его мнѣнію, чѣмъ скорѣе Элеонора выйдетъ замужъ, тѣмъ лучше. Онъ, съ своей стороны, готовъ на все, если только не нужно будетъ дѣйствовать наперекоръ сердечнымъ склонностямъ молодой дѣвицы. Лодфри оставилъ его съ положительнымъ отвращеніемъ къ глубокому лицемѣрію и той удивительной власти надъ собою, какая послѣдовала за страшными волненіями, обнаружившимися въ немъ послѣ перваго извѣстія о предполагаемомъ бракѣ.

Пришло, наконецъ, давно-ожиданное письмо сэра Стефена Пенрайна. Получивъ его съ утренней почтой, мистеръ Стюартъ послалъ сказать, что, чувствуя себя нездоровымъ, онъ не можетъ явиться къ завтраку и покорнѣйше проситъ миссъ Элеонору пожаловать къ нему, для нѣкоторыхъ объясненій, въ библіотеку, послѣ чаю. Элеонора повиновалась. Она была печальна и блѣдна ; но не трудно было прочесть слѣды неизмѣнной рѣшимости во всѣхъ ея чертахъ. Увѣренная въ его привязанности, молодая дѣвушка понимала и предчувствовала, что въ душѣ его должна происходить страшная борьба съ окружавшими обстоятельствами. Что-то будетъ, что-то будетъ ! думала она, отправляясь на эту роковую аудіенцію. Можетъ-быть, онъ скажетъ прямо, что любитъ ее и станетъ просить, чтобъ она не спѣшила распоряжаться своимъ сердцемъ и рукою. Такой приступъ былъ бы естественнѣе всякихъ другихъ, и она была бы избавлена отъ необходимости дѣлать ему болѣе или менѣе косвенные намеки. Думать надобно, что оно дѣйствительно такъ будетъ: Давидъ слишкомъ-уменъ, чтобъ безъ всякой надобности ставить ее въ затруднительное положеніе.

При входѣ въ библіотеку, она увидѣла, что опекунъ ея былъ блѣденъ и до крайности взволнованъ. Это, однакожь, не могло испугать молодую дѣвицу, потому-что она ожидала этого, и заранѣе была увѣрена, что мистеръ Стюартъ будетъ столько же

безпокоенъ, какъ въ тотъ достопамятный день послѣ бури и дождя.

— Вы, конечно, знаете, зачѣмъ я просилъ васъ пожаловать сюда, сказалъ онъ тихимъ и спокойнымъ тономъ.

— Я догадываюсь, что вы получили, вѣроятно, формальное предложеніе отъ сэра Стефена Пенрайна, отвѣчала Элеонора. — Такъ ли, *милый* опекунъ?

Послѣ утвердительнаго отвѣта, мистеръ Стюартъ прочелъ письмо, стоившее такихъ усилій и хлопотъ сэру Стефену Пенрайну. Послѣдовала продолжительная пауза, и затѣмъ мистеръ Стюартъ принялся подробно исчислять выгоды предстоявшаго супружества, объявивъ напередъ, что леди Рэймондъ выразила положительное желаніе пристроить этимъ способомъ свою дочь. Элеонора затрепетала. Сдѣлавъ, однакожь, необыкновенное усиліе надъ собою, она проговорила почти-шутливымъ тономъ:

— И при-всемъ-томъ, милый опекунъ, я должна отказать этому жениху.

На столѣ лежалъ Шекспиръ: молодая дѣвушка пододвинула его къ себѣ.

— Я должна отказать ему, какъ Оливія, продолжала Элеонора: — и по тѣмъ же причинамъ, какъ Оливія. Это мѣсто у Шекспира, если не ошибаюсь, вамъ особенно нравилось.

И граціознымъ движеніемъ руки Элеонора указала на отвѣтъ Оливіи, слишкомъ-памятный мистеру Стюарту:

«Господинъ вашъ знаетъ мое сердце: я не могу любить его. Онъ добродѣтеленъ, спору нѣтъ, благороденъ, богатъ и славенъ, образованъ и ученъ, молодъ и свѣжъ, независимъ и храбръ, красавецъ и тѣломъ и душой — все это извѣстно всему міру; но я не могу любить его. Таковъ мой отвѣтъ и былъ, и есть, и будетъ».

Давидъ Стюартъ глубоко вздохнулъ.

— Вы не хотите быть женой этого человѣка, Элеонора?

— Я не могу любить его. Я не могла бы любить его, еслибъ даже...

— Еслибъ что?

— Если бы не видѣла никого достойнѣе этого джентльмена, сказала Элеонора съ отчаянною храбростью.

Такая храбрость была необходима для молодой дѣвушки, потому-что опекунъ ея въ это время совершенно растерялся. Побѣдивъ, однакожь, свое смущеніе, онъ проговорилъ:

— Вы любите кого-нибудь другаго?

Голова закружилась у Элеоноры и руки ея охолодѣли. Съ замираніемъ сердца она выжидала, что ее спросятъ, кого жь она любитъ; но мистеръ Стюартъ не предложилъ этого вопроса. Онъ дышалъ тяжело и смежилъ наминуту свои глаза, какъ-будто желая побѣдить какую-то внутреннюю агонію. Затѣмъ, слабымъ и трепещущимъ голосомъ онъ сказалъ:

— Богатъ онъ?

Этотъ неожиданный вопросъ долженъ былъ, по разсчетамъ Элеоноры, привести ихъ къ прямому и открытому объясненію. Она отвѣчала:

— Нѣтъ, у него не больше того, сколько вамъ досталось отъ папеньки по духовному завѣщанію.

Спокойствіе духа на этотъ разъ совершенно оставило ея опекуна.

— Элеонора, сказалъ онъ съ выраженіемъ бурнаго нетерпѣнія: — не говорите мнѣ о своемъ отцѣ. Говорите о настоящемъ дѣлѣ. Этотъ человѣкъ, приславшій письмо, желаетъ быть вашимъ женихомъ. Онъ богатъ. Вы не можете выйдти за бѣдняка. Моя обязанность — согласиться съ желаніемъ вашей матушки. Я просилъ васъ сюда затѣмъ, чтобъ...

Здѣсь онъ внезапно остановился и, облокотившись руками на столъ, простоналъ громко. Элеонора встала и поспѣшно подошла къ нему, причемъ все тѣло ея было проникнуто судорожнымъ трепетомъ.

— Я люблю другаго, сказала она: — отъ всего моего сердца, отъ всей души. При такомъ положеніи дѣла, вы не можете требовать, чтобъ я вышла за сэра Стефена Пенрайна. Я не желаю бо̀льшаго богатства. Моего состоянія достанетъ для насъ обоихъ.

— Кто же избранникъ вашего сердца? Лордъ Эдгаръ?

— О, нѣтъ, нѣтъ! Какъ вы можете считать меня способною къ такому выбору? Не-уже-ли вы еще не узнали моего характера, вы, постоянный мой собесѣдникъ и наставникъ?

— Въ такомъ случаѣ назовите своего жениха. Будьте сострадательны ко мнѣ, Элеонора, или я съ ума сойду. Мнѣ должно знать вашу судьбу, бѣдное, несчастное дитя! Скажите, кого вы любите, и мы придумаемъ, что̀ можно для васъ сдѣлать. Ну, что̀ же? Назовите его!

Онъ придвинулъ ее къ себѣ съ принужденной и болѣзненной улыбкой, странно-противорѣчившей съ мучительнымъ безпокойствомъ въ его глазахъ. Онъ началъ говорить съ нею, какъ съ малюткой, и нѣжно разглаживалъ ея волосы, какъ въ бывалые дни. Было что-то странное, неизъяснимо-ужасное въ его обращеніи: каждый жестъ его обнаруживалъ какую-то принужденную ласку и какое-то болѣзненное опасеніе. Элеонора устремила безнадежный взглядъ на его лицо: она уступила силѣ его судорожнаго объятія и склонилась передъ нимъ. Ея рука оперлась на его плечо; ея неровное дыханіе касалось его безкровной щеки. Она хотѣла говорить, но слова замирали на ея устахъ.

— Что̀ же Элеонора? Будь смѣлѣе, дитя мое. Ну, шепни мнѣ на ухо.

И онъ отворотилъ свою голову, чтобъ облегчить признаніе смущенной дѣвушки; но ни одинъ звукъ не вырвался изъ устъ Элеоноры, хотя повидимому она не прочь была повиноваться Глубокая тишина нарушалась только боемъ стѣнныхъ часовъ и сильнымъ, ускореннымъ біеніемъ сердца въ этомъ человѣкѣ, упс-

треблявшемъ тщетныя усилія проникнуть тайну своей воспитанницы. Элеонора слышала это біеніе, отзывавшееся болѣзненнымъ эхомъ въ глубинѣ ея собственной души. Наконецъ силы ее оставили и она упала въ обморокъ.

Съ бурнымъ отчаяніемъ и горькими упреками самому-себѣ, Давидъ Стюартъ положилъ молодую дѣвушку на софу, недоумѣвая, должно ли позвонить служанку или дождаться, пока Элеонора прійдетъ въ чувство. Въ эту минуту дверь библіотеки отворилась, и вошла леди Рэймондъ, сопровождаемая Годфри.

Съ громкимъ крикомъ она подошла къ безчувственной Элеонорѣ и воскликнула:

— Чтó здѣсь такое, великій Боже! Чтó вы сдѣлали съ моей дочерью, съ моей Элеонорой? Такъ ли вы охраняете мое дитя? Чтó станется съ нами? Бѣдная Элеонора!

— Миссъ Рэймондъ упала въ обморокъ, когда мы разсуждали о содержаніи этого письма, сказалъ Давидъ, бросивъ черезъ столъ къ Годфри, который стоялъ съ нахмуренными бровями и наморщеннымъ челомъ, посланіе сэра Стефена.

— Отчего бы ни произошелъ припадокъ, во всякомъ случаѣ сестра моя была бы надежнѣе въ женскихъ рукахъ. Вѣдь она же не упала въ обморокъ, когда леди Маргарета впервые извѣстила ее объ этомъ сватовствѣ.

Выраженіе высокаго презрѣнія, сопрождавшаго эти слова, было потеряно для Давида Стюарта. Онъ наблюдалъ Элеонору, открывшую теперь свои глаза. Она улыбнулась и протянула руку, которую онъ поцаловалъ. Пусть весь свѣтъ соберется вокругъ него съ проклятіями на устахъ: Давидъ Стюартъ ничего не слышитъ, ничего не видитъ, кромѣ этой блѣдной дѣвушки, которая лежитъ здѣсь, въ библіотекѣ, гдѣ увидѣлись они въ первый разъ, и куда она, слабое дитя, прокралась потихоньку, чтобъ разспросить о кончинѣ своего отца, его благодѣтеля и друга, ввѣрившаго ему судьбу единственной своей дочери. Опека оканчивается. Слабое дитя превратилось въ страстную, пылкую женщину. Какая судьба ожидаетъ ее? Кого она любитъ? О! можно ли угадать, кого она любитъ?

Погруженный въ эти мечтанія, онъ сознавалъ, однакожь, что леди Рэймондъ дѣлаетъ ему какіе-то упреки, и что Элеонора ходатайствуетъ за него передъ своею матерью; но въ чемъ и за чтó, онъ не понималъ. Когда Элеонору, противъ воли, отвели въ ея комнату, Годфри, оставаясь въ библіотекѣ, настроилъ свою рѣчь на гордый и презрительный тонъ, изъ котораго значилось, что, по требованію современныхъ обстоятельствъ, опекунскія дѣла должны быть приведены въ юридическую ясность. Все это сознавалъ мистеръ Стюартъ — темно, сбивчиво, смутно, нераздѣльно, какъ-будто тревожилъ его кошмаръ въ полночный часъ. Онъ не произнесъ никакого отвѣта ни на чтó.

Наконецъ созналъ онъ, что его оставили одного. Это было значительнымъ облегченіемъ. Мистеръ Стюартъ упалъ въ кресла

и опять закрылъ руками лицо. Когда потомъ онъ оглянулся, последнее мерцаніе заходившаго солнца весьма-слабо отражалось на осеннемъ горизонтѣ. Онъ велѣлъ подать огня и принялся писать. Потомъ онъ послалъ за своимъ камердинеромъ.

— Санди, сказалъ онъ вошедшему камердинеру: — вотъ бумаги къ миссъ Рэймондъ. Она должна прочесть ихъ завтра. Какъ-скоро она одѣнется, вручи ей этотъ пакетъ. Мнѣ должно ѣхать въ Лондонъ, и я отправлюсь въ утреннемъ дилижансѣ. Твои услуги не нужны мнѣ. Я пройду одинъ черезъ паркъ.

Въ эту ночь Элеонора наблюдала Давида Стюарта. Она сидѣла у открытаго окна съ безсонными глазами и въ лихорадочномъ расположеніи духа. Онъ прохаживался по террасѣ и останавливался по-временамъ на одномъ мѣстѣ, скрестивъ руки на груди, причемъ глаза его, казалось, были обращены на ея комнату. Ясно, что какая-то мысль слишкомъ тревожила мистера Стюарта, и нельзя было сомнѣваться, что въ эту ночь онъ думалъ о своей воспитанницѣ. Не разъ молодая дѣвушка собиралась выйдти къ нему въ садъ по росистой травѣ и объяснить, при тускломъ свѣтѣ луны, чувства своего сердца; но чтó въ такомъ случаѣ подумалъ бы мистеръ Стюартъ? Въ папильйоткахъ и ночной кофтѣ было бы весьма-неудобно разсуждать о важныхъ дѣлахъ, рѣшающихъ судьбу цѣлой жизни. Къ-тому же надлежало проходить мимо спальни матери, а сонъ леди Рэймондъ всегда былъ очень-легокъ. Элеонора осталась. Продолжая наблюдать опекуна, она замѣтила, что онъ становился все блѣднѣе и блѣднѣе, быть-можетъ, отъ дѣйствія ночнаго холода.

Скоро сдѣлалъ онъ нѣсколько шаговъ и протянулъ руки по направленію къ ея комнатѣ. Въ первую минуту она подумала, что мистеръ Стюартъ замѣтилъ, кàкъ она наблюдаетъ его. Этого, однакожь, не могло быть, потому-что его руки мгновенно опустились съ выраженіемъ какого-то страшнаго отчаянія. Быстро обогнулъ онъ черезъ лужайку уголъ дома и исчезъ.

Больше молодая дѣвушка не видала своего опекуна.

Съ первыми лучами утренняго солнца Элеонора, совсѣмъ одѣтая, была ужь на ногахъ. Она не спала всю ночь и не могла спать, потому-что съ тревожнымъ безпокойствомъ дожидалась обычныхъ денныхъ часовъ, когда ей можно будетъ идти въ библіотеку и увидѣться съ опекуномъ. Элеонора думала теперь, что ей удалось наконецъ открыть самый надежный способъ къ объясненію своей тайны. Сказать прямо: «я люблю *тебя*», никакъ нельзя: нѣчего и думать объ этомъ; но вмѣсто всякихъ предварительныхъ разсужденій, она выразитъ изумленіе, будто понять не можетъ, кàкъ пришло ему въ голову, что она можетъ полюбить кого бы то ни было внѣ домашняго круга. Тогда мистеръ Стюартъ, соображая эту рѣчь съ вчерашнимъ признаніемъ, долженъ будетъ догадаться, что онъ самъ — единственный предметъ, на который могла быть обращена страсть молодой дѣвицы.

Ну, будь что̀ будетъ: за однимъ часомъ волненія и безпокойства должна послѣдовать жизнь, полная безпрерывныхъ радостей и наслажденій. И эту жизнь, со всѣми ея надеждами, она при самомъ началѣ повергнетъ къ ногамъ своего опекуна. Пусть онъ самъ распоряжается всѣми будущими планами, какъ ему угодно, только бы ее не покидалъ на жертву какому-нибудь вертопраху, котораго она не знаетъ и съ которымъ, слѣдовательно, не можетъ быть счастлива. Вѣдь въ домѣ этого вертопраха она была бы заключенной въ клѣтку птичкой, тоскующей о своемъ гнѣздѣ! Ея родное гнѣздо — Аспендэйль, и она не оставитъ Аспендэйля, если по-крайней-мѣрѣ не захочетъ этого мистеръ Давидъ Стюартъ. Съ нимъ — другое дѣло! съ нимъ она готова летѣть хоть на тотъ край свѣта; но безъ него, жизнь не въ жизнь, радость не въ радость.

Такъ думала и мечтала молодая дѣвушка, медленно спускаясь по ступенямъ дубовой лѣстницы и останавливаясь почти на каждомъ шагу. Она шла въ библіотеку съ глубоко-обдуманнымъ намѣреніемъ повергнуть свою жизнь и надежды къ стопамъ безсознательнаго идола. Вотъ наконецъ она стоитъ у малиновой суконной двери, при самомъ входѣ въ завѣтное святилище, стоитъ и улыбается при мысли, какъ часто, въ былыя времена, маленькой дѣвочкой, она останавливалась на этомъ самомъ мѣстѣ, съ аспидной доской и тетрадкою въ рукахъ, припоминая дурно-выученный урокъ и опасаясь получить выговоръ за какую-нибудь страшную ошибку таблицы вычитанія.

Эти воспоминанія ободрили Элеонору. Вызвавъ еще разъ веселую улыбку на уста, она отворила тяжелую дверь и вошла. Опекуна не было въ библіотекѣ. Должно-быть, онъ вышелъ недавно, потому-что восковая свѣча продолжала горѣть и бумаги были въ безпорядкѣ разбросаны по столу.

Элеонора позвонила. Надлежало ей послать слугу къ мистеру Стюарту съ объявленіемъ, что она дожидается его въ библіотекѣ. Это будетъ удобнѣе, чѣмъ искать его въ столовой, гдѣ, вѣроятно, ужь находились Эмма и Годфри. Дернувъ за сонетку, она подошла къ письменному столу, чтобъ потушить безполезно-горѣвшую свѣчу. Странный видъ комнаты поразилъ непріятнымъ изумленіемъ Элеонору. Было ясно, что ее не убирали со вчерашняго дня. Ея перчатка лежала на стулѣ, гдѣ она сидѣла впродолженіе разговора; Шекспиръ былъ открытъ на томъ же мѣстѣ, которое она указала своему опекуну, когда сравнивала себя съ Оливіей. Огонь горѣлъ въ каминѣ безъ всякой надобности, потому-что и вечеромъ и утромъ было очень-тепло. Подойдя ближе, Элеонора замѣтила, что тутъ сожжена огромная кипа бумагъ.

Вошелъ камердинеръ мистера Стюарта.

— Санди, сказала Элеонора: — гдѣ мистеръ Стюартъ? Отчего не убрана библіотека? Что̀ такое случилось?

Молодая дѣвушка была ужь увѣрена, что непремѣнно что-нибудь случилось.

—Мистеръ Стюартъ уѣхалъ въ Лондонъ. Онъ сказалъ объ этомъ наканунѣ. Ключница приказала вымыть и убрать хорошенько библіотеку; но горничная еще не успѣла приступить къ выполненію ея приказаній. Мистеръ Стюартъ оставилъ пакетъ для миссъ Рэймондъ, и просилъ, чтобъ она потрудилась прочесть его, прежде чѣмъ онъ воротится домой.

Элеонора вздохнула свободнѣе. Пакетъ необходимо долженъ былъ имѣть связь съ вчерашней бесѣдой. По-крайней-мѣрѣ тутъ онъ объяснилъ причину своего внезапнаго отъѣзда. Годфри и Давидъ, вѣроятно, продолжали разговоръ послѣ того, какъ вчера она принуждена была уйдти въ свою комнату. Она не видала никого изъ нихъ. Леди Рэймондъ рекомендовала ей успокоиться послѣ обморока и не приходить даже въ столовую къ обѣду. Она не знала ничего, что̀ происходило въ остальные часы дня. Теперь она все узнаетъ.

Когда Санди затворилъ дверь, Элеонора сѣла у окна и открыла пакетъ. Тутъ были дѣловыя бумаги, письма и, между, ними письмо отъ ея опекуна.

Ну, конечно, онъ рѣшился выразить на бумагѣ то, чего не осмѣливался передать словами. Вѣроятно, онъ пишетъ, ка̀къ трудно ему разстаться съ нею, ка̀къ безумно онъ любитъ ее, свою воспитанницу и ученицу, ка̀къ онъ жалокъ и несчастенъ послѣ предложенія сэра Стефена, и ка̀къ трудно ему бороться съ собственными чувствами. А, можетъ быть, и то, что Годфри наговорилъ ему дерзостей и они поссорились. Въ такомъ случаѣ, опекунъ не воротится, пока не принудятъ ее къ ненавистному браку. Сердце молодой дѣвушки закипѣло негодованіемъ противъ Годфри.

Двѣ или три минуты она продержала въ рукахъ нераспечатанное письмо, сомнѣваясь и раздумывая, какъ обыкновенно всѣ мы дѣлаемъ при полученіи письма, отъ котораго ожидаемъ рѣшительнаго отвѣта на свои недоумѣнія. Затѣмъ она бросила бѣглый взглядъ на торопливый почеркъ, и прочла первыя двѣ строки. Прошло много времени, прежде-чѣмъ она рѣшилась читать дальше — такимъ внезапнымъ ужасомъ объято было сердце молодой дѣвушки.

ГЛАВА XVII.

Обманутая надежда.

Вотъ письмо мистера Давида Стюарта:

«Элеонора, когда вы станете читать эти строки, человѣческій судъ долженъ будетъ подвергнуть вѣчному проклятію мою память. Простите ли вы меня?

«Величайшій преступникъ обыкновенно платитъ за свое злодѣйство казнію: моя жизнь обречена на казнь. Все можетъ быть выражено въ двухъ словахъ: вы — нищая, я — безчестный че-

ловѣкъ. Отецъ вашъ завѣщалъ мнѣ управлять вашимъ имѣніемъ: я рисковалъ и потерялъ все. У вашей матушки ничего нѣтъ; у васъ ничего нѣтъ: все потеряно! Еслибъ жизнь безчестнаго человѣка могла служить искупленіемъ его злодѣйствъ, я сталъ бы жить и смотрѣть на будущее; но никакой нѣтъ надежды, никакой!

«Желалъ бы писать связно; но съ этого утра я нахожу себя въ положеніи человѣка, который бредитъ наяву. Почта, доставившая письмо, которое я препроводилъ къ вамъ, привезла также мнѣ убійственное письмо, окончательно истребившее слабую надежду, которая поддерживала меня впродолженіе двухъ послѣднихъ лѣтъ. Даже при этой надеждѣ жизнь была для меня смертельной мукой; но теперь, когда не стало надежды, жизнь превратилась въ адъ. Иду, куда зоветъ меня отчаяніе, куда упреки вашихъ родственниковъ не могутъ доходить до меня. Леди Рэймондъ и братъ вашъ ужь упрекали меня, незная и неподозрѣвая настоящей вины, превосходящей самые горькіе упреки, какіе только могутъ вырваться изъ ихъ устъ. Они воображаютъ... но зачѣмъ омрачать невинный умъ вашъ подозрѣніями ихъ? Довольно сказать: я невиненъ, въ чемъ меня подозрѣваютъ; но виноватъ я въ такомъ преступленіи, которое чернѣе, презрительнѣе, ненавистнѣе всякаго другаго, воображаемаго ими преступленія. Годфри Марсденъ заблагоразсудилъ принести мнѣ послѣднее письмо вашего отца къ леди Рэймондъ: онъ изъявилъ желаніе, чтобъ я прочелъ его еще разъ. Скажите ему, что это письмо произвело ожидаемый эффектъ: оно стрѣлою впилось въ мое сердце, и безъ того сраженное неисцѣлимой раной. Не знаю, сталъ ли бы я жить, нечитая письма; но я знаю, что не могу жить теперь, когда эти предсмертныя слова горятъ передо мною. О, Элеонора! они начертаны огненными буквами въ душной атмосферѣ, окружающей меня. Память его любви и безпредѣльной довѣренности ко мнѣ есть мой смертный приговоръ!»

Здѣсь письмо прерывалось. Продолженіе написано было перомъ болѣе-спокойнымъ:

«Я былъ непослѣдователенъ и безсвязенъ. Постараюсь изъяснить вамъ въ короткихъ словахъ сущность дѣла. Когда, по смерти адвоката Кристисона, было объявлено въ газетахъ о продажѣ Донлиса, вы припомните, что я тотчасъ же уѣхалъ въ Шотландію. Мнѣ пришло на мысль купить по-крайней-мѣрѣ домъ на тѣ деньги, которыя завѣщалъ мнѣ покойный вашъ родитель: земля, принадлежащая къ дому, могла быть продана отдѣльно. Въ это самое время, по какому-то странному, гибельному случаю, индійскій банкъ, состоявшій въ сношеніяхъ съ торговыми домами въ Эдинбургѣ, отсрочилъ уплату векселей. Вы не поймете извѣстной операціи, въ какую вовлекли меня, и потому я не стану описывать ее въ подробности. Довольно сказать, что заемъ огромной суммы на извѣстный срокъ спасалъ оба банка отъ банкротства, между-тѣмъ, какъ процентами этого займа я пріобрѣталъ капиталъ, болѣе-чѣмъ достаточный для приведенія въ исполненіе за-

вѣтной мечты моей жизни: я могъ снова овладѣть Донлисомъ. Нужно ли говорить вамъ, Элеонора, что я вытерпѣлъ жестокую нравственную борьбу? Могу ли оправдаться тѣмъ, что самые опытные негоціанты считали эту операцію безопасной спекуляціей, и многіе дѣловые люди рѣшили единогласно, что я ничѣмъ не рисковалъ, ссужая на короткій срокъ ввѣренный мнѣ капиталъ?

«Когда я отдалъ ваши деньги, два торговые дома въ Эдинбургѣ и Калькуттѣ возстановили свой кредитъ и стали твердою ногою на коммерческой почвѣ. Но вскорѣ разнеслись непріятные слухи о сумасбродствѣ одного изъ партнёровъ индійской фирмы, еще прежде подозрѣваемаго въ чемъ-то хуже сумасбродства. Мое безпокойство увеличивалось со дня-на-день, съ часу-на-часъ. Моимъ первымъ наказаніемъ было то, что мистриссъ Кристисонъ измѣнила свои намѣренія относительно продажи Донлиса. Дочь не соглашалась на продажу, и мать должна была уступить. Никакія убѣжденія на нихъ не дѣйствовали, и я съ отчаяніемъ увидѣлъ, что все поставлено мною на карту для недостижимой цѣли. Затѣмъ, кто пойметъ тоску неизвѣстности и всѣ ужасы, овладѣвшіе моей душой? Когда я воротился изъ Эдинбурга, невидимый врагъ, казалось, слѣдовалъ за мною по пятамъ и безпрестанно нашептывалъ: — «а что, если все будетъ потеряно?»

«И все потеряно!

«Съ прибытіемъ леди Маргареты въ Аспендэйль, солнечный лучъ еще разъ освѣтилъ путь моей жизни. Она привезла съ собою отъ моего лондонскаго агента документы, изъ которыхъ было видно, что отданный въ ссуду капиталъ вмѣстѣ съ процентами будетъ, по всей вѣроятности, возвращенъ мнѣ мѣсяца черезъ два. Я началъ дышать свободнѣе и уже чувствовалъ себя счастливымъ. Богъ съ нимъ, съ этимъ Донлисомъ; ужь видно не владѣть мнѣ имъ никогда! Стараясь забыть прошедшее, я весь углубился въ свою будущность и съ нетерпѣніемъ дожидался времени, когда все прійдетъ опять въ прежній порядокъ. Увы! этому времени не суждено было воротиться. Послѣдовали отсрочки, нерѣшительныя обѣщанія, сомнѣнія, банкрутство другаго торговаго дома въ Калькуттѣ, находившагося въ постоянныхъ сношеніяхъ съ той же фирмой, мошенничество одного изъ индійскихъ партнёровъ и близорукія распоряженія другихъ — все это запутало коммерческіе обороты страннѣйшимъ образомъ.

«Одинъ изъ партнёровъ пріѣхалъ въ Марсель. Онъ отказался отъ поѣздки въ Англію, и я долженъ былъ увидѣться съ нимъ во Франціи. Его показанія окончательно сбили меня съ толку, хотя самъ онъ, повидимому, не терялъ надежды, и убѣдительно просилъ меня уполномочить его вести отъ моего имени переговоры съ индійской фирмой. Съ этой минуты я совершенно потерялъ голову и мрачное отчаяніе овладѣло мною.

«Страшный кризисъ разразился, наконецъ, во всей своей силѣ. Обѣ фирмы обанкрутились вдругъ. Одинъ изъ партнёровъ за-

стрѣлился, другой бѣжалъ въ Америку; не осталось ни шиллинга изъ погибшихъ мильйоновъ! Эта вѣсть достигла до меня вчерашній день. Въ то же время я получилъ отъ сэра Стефена формальную просьбу вашей руки.

«Когда леди Маргарета впервые повела рѣчь объ этомъ предметѣ, мои дѣла еще не были совершенно въ безнадежномъ состояніи, и признаюсь, я желалъ и надѣялся, что вы откажете этому жениху, что вы не любите его, и что я между-тѣмъ выиграю время прежде, нежели потребуютъ отъ меня формальнаго отчета въ управленіи вашимъ имѣніемъ. Отсрочивъ одно или два супружества, я разсчитывалъ выждать коммерческій кризисъ и оправиться отъ грознаго удара; но послѣ ужасной вѣсти, сокрушившей меня вчера, одинъ только лучъ свѣта, одна соломенка оставалась для утопавшей души моей: я началъ желать, чтобъ вы полюбили сэра Стефена, чтобъ супружество съ богатымъ Шотландцемъ избавило васъ отъ конечной гибели, которую я устроилъ для васъ. Но вы не любите его... вы любите другаго — все погибло!

«О, Элеонора! Когда они станутъ говорить обо мнѣ и предадутъ проклятію мое имя, покрытое позоромъ, противопоставьте моему злодѣйству минувшіе счастливые годы. Всѣ станутъ увѣрять, что я лгалъ, когда говорилъ, что любилъ васъ нѣжно съ самаго вашего младенчества, и что всегда желалъ выполнить добросовѣстно свою обязанность въ-отношеніи къ вамъ; но это была правда, Элеонора... это была правда!»

. . . .

Письмо опять прерывалось. Остальная часть его была забрызгана такъ, что едва можно было разобрать.

«Я выходилъ къ вашему окошку сказать вамъ послѣднее прости. О, какъ торжественно-спокойна эта жаркая ночь! Вы погружены въ тихій сонъ, и ангелы небесные охраняютъ вашъ покой. Вы молились, быть-можетъ, за меня. Я не могу ни спать, ни молиться.

. . . .

«Кого же вы любите, моя Элеонора? Я никогда не узнàю; но если онъ бѣдный человѣкъ, я поразилъ проклятіемъ его и ваше счастье. О! подумайте хорошенько, не есть ли это мгновенное увлеченіе юнаго сердца вашего? Вамъ еще не было времени утвердить на прочномъ основаніи свою склонность. Если это не болѣе, какъ скоропреходящая мечта пылкаго воображенія, постарайтесь принять благосклонно предложеніе сэра Стефена. Любовь въ вашемъ возрастѣ часто бываетъ слѣпа и неразумна. Современемъ, можетъ-быть, вы съ улыбкою станете смотрѣть на предметъ своихъ настоящихъ мечтаній.

. . . .

«Но что̀ же я за человѣкъ, дерзающій предлагать вамъ совѣты? Не я ли изуродовалъ вашу жизнь, и навсегда свернулъ

съ прямой дороги естественное направленіе вашихъ чувствъ? Увы, быть-можетъ, нѣтъ для васъ правильнаго выбора, и счастье сдѣлалось невозможнымъ! Куда умчались тѣ блаженные дни, когда мечталъ я быть полезнымъ для васъ въ рѣшительныхъ минутахъ вашей жизни? Я сгубилъ васъ, сгубилъ себя, обманулъ мошеннически вдову и сироту!

. . . .

«Скитаюсь, какъ демонъ, ищу покоя и не нахожу! Еслибъ въ эту ночь была естественная атмосфера, холодъ освѣжилъ бы мой мозгъ; но самое небо противъ меня. Я не могу дышать; зной страшный; ваше окно все еще открыто. Милое дитя! Да не возмутитъ мое жалкое прощанье твоего кроткаго и спокойнаго сна! Повѣрь мнѣ — о, именемъ прошедшаго невозвратимаго счастья, именемъ настоящей моей гибели и отчаянія заклинаю тебя!—повѣрь, что я всегда считалъ священнымъ для себя долгомъ выполнить во всей точности послѣднюю волю твоего отца. Вся жизнь моя была посвящена тебѣ. Еслибъ я разъ подумалъ о собственныхъ своихъ выгодахъ, я не замедлилъ бы промѣнять Аспендэйль на Индію или Шотландію. Но я думалъ исключительно *о васъ*. Кто повѣритъ этому? Одинъ часъ искушенія уничтожилъ всѣ плоды долголѣтнихъ усилій, всѣ мои обѣты! Упреки твоихъ родственниковъ раздаются въ ушахъ моихъ, несправедливые, но тѣмъ неменѣе заслуженные упреки. Голосъ мертвеца соединяется съ ними. Даже вы, быть-можетъ — какое право я имѣю надѣяться на ваше снисхожденіе и пощаду? — даже вы, если точно вы любите, подвергаете меня горькой укоризнѣ. Вы не можете выйдти за своего жениха, потому-что онъ бѣденъ и я довелъ васъ обоихъ до состоянія совершеннѣйшей нищеты.

. . . .

«Смерть моя была бы, кажется, не такъ мучительна, еслибъ я былъ увѣренъ, что вы простите меня. Но этого не можетъ быть. О, еслибъ я могъ растерзать свое сердце собственными руками! Оставляю вашъ домъ... оставляю заряженные пистолеты... гостепріимное жилище не должно быть осквернено моею кровью. Смерть, безвѣстная, какъ мой стыдъ, паритъ надо мною. Тамъ, гдѣ мы часто гуляли и сидѣли вмѣстѣ—гдѣ вы нѣкогда обѣщались быть снисходительною ко мнѣ—тамъ я окончу свое жалкое существованіе. Пусть сѣдой мохъ на камняхъ ревущаго Линна напомнитъ вамъ могилу несчастнаго друга. Если вы можете принудить свое сердце къ благосклонному принятію безкорыстной любви этого богача, отдайте ему свою руку. Выходите замужъ и оставьте Аспендэйль. И если, милостію Божіею, вы будете счастливы, выберите свѣтлый и ясный день, пріидите къ ревущему Линну, и пусть уста ваши произнесутъ прощеніе и благословеніе на мою погибшую память.

. . . .

«Темнѣетъ. Это часъ передъ разсвѣтомъ; но я не увижу за-

ри этого дня. О, Элеонора! пощадите память мою! Не позволяйте имъ проклинать меня прежде васъ; умоляю васъ объ этомъ ради младенческихъ дней вашихъ, когда я былъ вѣрнымъ вашимъ хранителемъ и опекуномъ.

Давидъ Стюартъ.»

Что послѣдовало за чтеніемъ этого письма, Элеонора никогда въ послѣдующіе годы не могла ясно припомнить и сообразить. Суматоха во всемъ домѣ, толкотня, восклицанія ужаса и порицанія, крикъ, брань, стоны, плачъ. Двери отворялись и затворялись; какія-то угрюмыя фигуры сновали взадъ и впередъ, суетились, толкались, перегоняли другъ друга. Разсыльные промчались мимо оконъ, и стукъ отъ лошадиныхъ копытъ болѣзненно проникъ до самаго мозга Элеоноры. На стѣнныхъ часахъ, между-тѣмъ, раздавались удары за ударами, какъ въ обычные дни, когда время измѣрялось для жизни, а не для вѣчности. И вотъ, наконецъ, общій гвалтъ сформировался въ единодушное выраженіе отвращенія и ужаса. Какъ это случилось, Элеонора не помнила и не знала. Кто-то принесъ достовѣрную вѣсть объ извѣстномъ мѣстѣ у Линна, гдѣ совершилось самоубійство. Земля была изрыта у подошвы одного дерева, выдававшагося на бездонную трясину недалеко отъ водопада. Изорванный платокъ висѣлъ на одномъ изъ сучьевъ: это послужило для сыщиковъ маякомъ, гдѣ они должны были остановиться. Тѣло не найдено. Нѣкоторые смѣльчаки, уцѣпившись за вѣтви дерева, спускались, съ заступомъ въ рукѣ, къ самой серединѣ болота, чтобъ вытащить оттуда мертвеца и предать погребенію; но старанія ихъ остались безуспѣшными. Они воротились, и Элеонора узнала, что Давидъ потонулъ въ ревущемъ Линнѣ.

Другія мысли соединялись съ этимъ происшествіемъ. У ней не было теперь никакого состоянія. Капиталъ, оставленный отцомъ, погибъ. Было ясно и то, что опекунъ не любилъ ея. Его странное волненіе и разсѣянность были слѣдствіемъ скрытаго ужаса, ошибочно принимаемаго за любовь. Мать и Годфри, нѣтъ сомнѣнія, растерзаютъ ея сердце, призывая на неумолимый судъ погибшаго человѣка. Но всѣ эти соображенія въ настоящемъ случаѣ еще неслишкомъ тревожили Элеонору. Умъ ея останавливался на нихъ впослѣдствіи часто и настойчиво; но теперь господствующій ужасъ истреблялъ въ ея душѣ всякіе разсчеты, основанные на воспоминаніяхъ. Одна только мысль вертѣлась и кружилась въ ея разгоряченномъ мозгу, мысль о его внезапной кончинѣ. Умеръ онъ, потонулъ въ ревущемъ Линнѣ. Изъ-подъ гнета этой мысли молодая дѣвушка не могла высвободить свою голову и сердце; желѣзными тисками она сдавливала весь ея организмъ и отнимала всякую возможность приковать вниманіе къ другимъ идеямъ.

Давидъ Стюартъ умеръ. Нѣтъ его больше. Потонулъ онъ въ ревущемъ Линнѣ — потонулъ, потонулъ!

*

ГЛАВА XVIII.

Перемѣна обстоятельствъ.

Вѣсть объ ужасномъ событіи распространяется съ быстротою пожара во время бури. Въ двадцать-четыре часа всѣ ближайшіе и отдаленные сосѣди знали положительно, что у миссъ Рэймондъ не осталось ни гроша, и что опекунъ ея окончилъ жизнь самоубійствомъ. Аспендэйльскія бѣдствія увеличились еще несчастіемъ, поразившимъ въ-частности мистриссъ Марсденъ. Старика Фордайса разбило параличомъ въ это утро, и Эмма должна была отправиться домой, чтобъ ухаживать за отцомъ.

Леди Маргарета, успѣвшая между-тѣмъ, на пути въ Ланаркскую Ложу, доѣхать до Эдинбурга, воротилась опять въ Аспендэйль, чтобъ утѣшать Элеонору. Никогда присутствіе друга не оказывалось необходимымъ въ такой степени. Элеонора была оглушена и отуманена своей тоской. Блѣдною тѣнью она переходила изъ комнаты въ комнату, садилась, когда уставала, и смотрѣла на всѣ окружающіе предметы безъ цѣли, безъ намѣренія. Семь лѣтъ сряду она занимала за столомъ свое мѣсто подлѣ него: часъ обѣда былъ теперь для нея смертельной мукой. Весь день глядѣла она съ неизъяснимой грустью на дорогу передъ окнами, прекрасную извилистую дорогу, окаймленную каштановыми и буковыми деревьями, гдѣ они такъ часто ѣздили верхомъ, гдѣ Маргарета кормила его лошадь изъ цвѣточной корзинки въ тотъ день, когда молодая дѣвушка впервые разгадала свою любовь. Повременамъ, заходя въ библіотеку, она смотрѣла на его книги, но не смѣла открыть ихъ, изъ опасенія увидѣть на поляхъ сдѣланныя имъ отмѣтки.

Въ комнату матери Элеонора не смѣла заглянуть: тамъ сидѣлъ Годфри. Молодая дѣвушка помнила, будто сквозь сонъ, страшную брань своего полубрата, разразившуюся утромъ, при началѣ этой ужасной бури. Громкій его голосъ громомъ раздавался тогда по всему дому. Леди Рэймондъ между-тѣмъ плакала и стонала. Одна и та же сентенція безпрестанно вырывалась изъ устъ ея:

— О, если бы зналъ сэръ Джонъ, какъ его обманутъ! О, если бы зналъ онъ!

И весь день молодая дѣвушка бродила одна съ своею тоской. Съ наступленіемъ ночи, она опять одинокая, усѣлась, у окна, думая о той другой ночи, о смерти и гробовомъ молчаніи, прислушиваясь къ завыванію осенняго вѣтра, который гудѣлъ неумолкаемо между цвѣточными куртинами, гдѣ уже не гулять ей съ любимымъ опекуномъ. О, какъ страшно долженъ былъ завывать этотъ вѣтеръ надъ поверхностью водъ ревущаго Линна!

И среди окружавшаго мрака, молодая дѣвушка начала пламенно молиться за Давида: да отпуститъ Господь Богъ всѣ пре-

грѣшенія несчастному, оставившему безъ Его святой воли этотъ дольній міръ, исполненный для него плача и скорби. Ночной мракъ исчезъ, занялась заря, востокъ озолотился первыми лучами солнца, а Элеонора, колѣнопреклоненная, все еще молилась за своего усопшаго друга!

Позднимъ вечеромъ на пятый день пріѣхала Маргарета. Элеонора никогда не плакала много, а въ настоящемъ случаѣ тоска ея была почти безмолвна. Печально сидѣла она безъ всякаго занятія въ полуосвѣщенной гостиной; но лишь-только Маргарета переступила за порогъ, молодая дѣвушка съ судорожнымъ крикомъ бросилась къ ней навстрѣчу. Глаза леди Маргареты были красны и тяжелы отъ слезъ. При этой встрѣчѣ, она опять расплакалась и, заключивъ Элеонору въ объятія, принялась цаловать ея голову, щеки, руки.

— Ахъ, Боже мой! рыдала Маргарета: — я думала, что ужь выплакала всѣ свои слезы. Какой ужасный день, милая Элеонора, бѣдное дитя мое! Но ты простишь его, я увѣрена, ты его простишь. Онъ въ могилѣ, и наша обязанность — похоронить его недостатки. Надобно подумать, чтò намъ дѣлать теперь, бѣдная моя Элеонора. О, кто бы могъ ожидать этого! Съ такимъ безпримѣрнымъ терпѣніемъ трудился онъ для своей матери впродолженіе первыхъ лѣтъ своей юности! Никому и никогда не былъ онъ долженъ ни одного фарсинга! Ахъ, Элеонора, еслибъ мать его дожила до этого страшнаго дня! Кàкъ это хорошо, что благовременно успокоилась она въ ранней могилѣ! Бываютъ скорби и лишенія, которыя должны быть признаны за дѣйствіе особеннаго милосердія Божія, а мы, слѣпые черви, не хотимъ этого видѣть... Ахъ, чтò за будущность открывается для тебя, бѣдное дитя!... Но я съума сошла. Я пріѣхала утѣшать тебя и обсудить прежде всего за чтò намъ приняться. Я оставила Эвфимію у герцогини; всѣ мои мысли и заботы должны быть посвящены тебѣ одной. Посмотримъ, въ какомъ положеніи дѣлà. Правда ли, что все погибло? Мнѣ извѣстно только въ общихъ чертахъ, что онъ умеръ и ты потеряла свое имѣніе.

Элеонора подала Маргаретѣ прощальное письмо своего опекуна, и та прочла его со слезами, вздохами и рыданіями.

— Конечно, извинить его нельзя... чтò и говорить объ этомъ? воскликнула леди Маргарета: — но Боже мой, какую пытку онъ долженъ былъ вытерпѣть!

Соболѣзнованіе Маргареты къ Давиду утѣшило Элеонору. Она не вдавалась въ разборъ ея чувствъ; но для нея ужь отрадно было общество особы, говорившей съ нѣжностью о ея другѣ, котораго всѣ порицали и проклинали, всѣ, за исключеніемъ, однакожь, старика Фордайса. Оправившись отъ апоплексическаго удара, добрый пасторъ, едва получившій нѣкоторую возможность говорить и понимать, написалъ къ Элеонорѣ записку, гдѣ она явственно поняла весьма-немного сентенцій, начинавшихся словами: «Бѣдный Давидъ Стюартъ».

Элеонора поспѣшила навѣстить благочестиваго старца, бывшаго нѣкогда ея наставникомъ и единственнымъ другомъ. Достопочтенный пасторъ лежалъ неподвижно на болѣзненномъ одрѣ, скрестивъ на груди свои безсильныя руки. При взглядѣ на него, страдавшее сердце дѣвушки исполнилось благодарности и любви. Слова старца успокоили ее, несмотря на улыбку, съ какою были произнесены: то была параличная улыбка, исшедшая изъ души, готовой переселиться въ другой, лучшій міръ, и почти ужь несознавшей присутствія любимыхъ предметовъ на землѣ.

Присутствіе Маргареты служило для всѣхъ и каждаго утѣшеніемъ и отрадой. Ея погасшая веселость смѣнилась озабоченною нѣжностью, какой до-сихъ-поръ Элеонора не замѣчала ни въ комъ. Повсюду она являлась истинною посланницею Неба, распространявшею жизнь и надежду вокругъ себя. Она успокоивала леди Рэймондъ, ободряла перепуганную Эмму; оживляла назидательною бесѣдою мистера Фордайса, ласкала малютокъ Эммы, оставленныхъ, за отсутствіемъ матери, подъ надзоромъ суроваго отца; помогала самому Годфри въ его хозяйственныхъ отчетахъ и распоряженіяхъ, сдѣлавшихся необходимыми вслѣдствіе страшнаго удара, разразившагося надъ фамильнымъ домомъ. Было рѣшено, рано или поздно, но оставить Аспендэйль. Все надлежало продать, и во всемъ должна была послѣдовать перемѣна, великая, бѣдственная перемѣна!

Леди Маргарета разсчитала, что, по окончаніи всѣхъ предварительныхъ приготовленій къ этой великой перемѣнѣ, необходимо отправить леди Рэймондъ въ пасторатъ. А между-тѣмъ, когда агенты, оцѣнщики, маклера̀ и лондонскіе юристы, занятые описью и оцѣнкою движимаго и недвижимаго имущества, ходили взадъ и впередъ отъ ранняго утра до поздней ночи, леди Рэймондъ не знала ничего, и ничто не возмущало ея покоя. Дверь роскошнаго будуара печальной вдовы казалась для всѣхъ границею какого-то другаго таинственнаго міра. Леди Рэймондъ, грустная и безпомощная, лежала тутъ на софѣ, какъ въ первые дни послѣ кончины супруга, когда Давидъ Стюартъ впервые явился въ Аспендэйль съ печальной вѣстью. Толкотня, суматоха, усиленная дѣятельность остальныхъ членовъ семейства, ранніе входы и поздніе выходы—все это нисколько не касалось до вдовствующей супруги сэра Джона, и неподвижность ея была священна для всего дома.

Не такъ было съ Элеонорой. Во всемъ, что̀ считалось необходимымъ, она принимала теперь дѣятельное и постоянное участіе. Леди Маргарета понимала цѣну и значеніе напряженной дѣятельности въ часы скорби, хотя этого въ голову не приходило вдовствующей хозяйкѣ. Богу угодно было, чтобъ молодость Элеоноры омрачилось великимъ несчастіемъ, совершенно-измѣнившимъ перспективу ея жизни: пусть же она приготовится заранѣе смотрѣть на будущность съ яснымъ и спокойнымъ лицомъ, безъ ропота, безъ жалобы и упрековъ. Впереди—мрачная неиз-

вѣстность, грозная и таинственная. Тѣмъ болѣе требовалось нравственной энергіи и присутствія духа; то и другое въ извѣстной степени пріобрѣтается терпѣніемъ и привычкою къ труду: пусть же трудится молодая дѣвушка усердно, неутомимо. Таковы были правила леди Маргареты.

И Элеонора оказала себя вполнѣ-достойною своей руководительницы. Трогательно было видѣть, какъ эти двѣ женщины, еще такъ недавно блиставшія въ модныхъ лондонскихъ салонахъ высшаго круга, несли теперь тяжелое бремя жизни, нечуждаясь самой черной работы, присвоенной служанкамъ. Утѣшая свою подругу и ободряя ее на подвигъ, Маргарета старалась въ то же время внушить Элеонорѣ, что во всѣхъ случаяхъ нашей жизни неизмѣнно дѣйствуетъ промыслъ Божій. Всегда она была дѣятельна, хотя невсегда спокойна — быть можетъ Элеонора полюбила бы ее меньше, еслибъ неизмѣнное спокойствіе составляло существенную черту въ характерѣ ея прекрасной руководительницы. Сильные и внезапные потоки слезъ весьма-часто орошали щеки бѣдной Маргареты, хотя этотъ насильственный взрывъ сердечной грусти никогда не отвлекалъ ея отъ предстоящей обязанности. Отъ первой встрѣчи съ Элеонорой въ ранній утренній часъ до поздняго вечера, когда звучный ея голосъ читалъ молитву на сонъ грядущій, она не пропускала ни малѣйшаго случая къ утѣшенію или услугѣ.

Любя и уважая Маргарету всѣмъ сердцемъ, молодая дѣвушка готова была открыть ей всѣ помышленія своей души, за исключеніемъ только одной завѣтной тайны, состоящей въ томъ, что она любила опекуна, и все еще продолжала думать, что опекунъ любилъ ее. Этой тайны никто бы не вырвалъ изъ ея сердца.

И, однакожь, Маргарета, соображая послѣднія происшествія, могла бы теперь убѣдить свою подругу, что предполагаемая ею любовь никогда не существовала въ сердцѣ Давида Стюарта. Даже его послѣднее письмо, нѣжное и исполненное отчаянія, было скорѣе письмомъ преступнаго отца къ оскорбленной дочери, чѣмъ выраженіемъ какихъ-нибудь другихъ отношеній.

Съ однимъ только Годфри, котораго молодая дѣвушка всего менѣе захотѣла бы выбрать въ повѣренные своихъ тайнъ, однажды, въ минуту скорби и досады, говорила она такимъ-образомъ, что оставила въ его душѣ неизгладимое убѣжденіе въ привязанности, какую она чувствовала.

Годфри внезапно вошелъ въ гостиную съ распечатаннымъ письмомъ въ рукѣ. Онъ остановился среди комнаты и, продолжая стоять, устремилъ пристальный взглядъ на Элеонору. Наконецъ онъ сказалъ суровымъ и мрачнымъ тономъ:

«Всѣ эти событія повергли мать мою въ ужасную болѣзнь».

Въ его голосѣ слышался какой-то отзвукъ страннаго обвиненія, какъ-будто Элеонора подвергалась отвѣтственности за прошедшіе ужасы. Губы ея поблѣднѣли, и она отвѣчала едва-слышно:

— И я также была очень-больна.

— Ты молода и, сравнительно, сильна, возразилъ Годфри: — ты не можешь страдать въ такой степени, какъ матушка. Еслибъ ты не ободряла притязаній этого негодяя на власть, онъ никогда, конечно, не забылся бы до такой дерзости и безстыдства.

— Великій Боже! воскликнула молодая дѣвушка вся вспыхнувъ. — Какъ тебѣ не стыдно, Годфри! Я была маленькой дѣвочкой, когда поселился у насъ мистеръ Стюартъ. Я ничего не знала объ этихъ дѣлахъ. Какая поразительная, страшная несправедливость!

— Однакожь, молодость не помѣшала тебѣ ободрять его до такой степени, что мать моя сдѣлалась нулемъ въ своемъ собственномъ домѣ. Вопросъ теперь въ томъ, что̀ намъ дѣлать? Я ужь перевелъ на матушку, а послѣ ея смерти — на тебя, десять тысячъ фунтовъ стерлинговъ, доставшихся мнѣ по завѣщанію сэра Джона. Остальная сумма принадлежитъ Эммѣ вслѣдствіе свадебнаго контракта, и я тутъ не имѣю никакой власти. Я могъ бы ограничить свои распоряженія назначеніемъ небольшаго пожизненнаго пансіона въ пользу матушки; но въ такомъ случаѣ, мнѣ кажется, не была бы соблюдена строгая справедливость въ-отношеніи къ тебѣ.

— Ахъ, не говори обо мнѣ, Годфри! Не включай меня въ эти соображенія и разсчеты. Пусть только маменька будетъ обезпечена.

— Тутъ идетъ рѣчь не о разсчетахъ, а о томъ, чего требуетъ долгъ строгой справедливости, возразилъ угрюмый Годфри. — Мнѣ просто кажется, что я выполняю свою обязанность, когда передаю деньги сэра Джона его дочери. Мое состраданіе къ кому бы то ни было не йдетъ здѣсь въ разсчетъ. Сэръ Джонъ не отказалъ бы мнѣ денегъ, еслибъ могъ предвидѣть, что собственная дочь его останется безъ гроша. Я объявляю, что̀ успѣлъ сдѣлать съ своей стороны: это немногимъ увеличиваетъ комфортъ моей матери, хотя окончательно разрушаетъ благосостояніе моего семейства и заставляетъ меня работать изъ-за куска хлѣба. Ты можешь сдѣлать больше меня, и обязана, какъ дочь, сдѣлать все, что̀ можешь.

— Какъ? Я могу сдѣлать больше тебя?

— Да̀. Сэръ Стефенъ Пенрайнъ все еще изъявляетъ желаніе жениться на тебѣ.

— Изъявляетъ... же-ла-ні-е?!

— Именно такъ, хотя бы эта фраза непріятно звучала для твоихъ ушей. Вотъ письмо сэра Стефена Пенрайна.

Элеонора взглянула на конвертъ: письмо было адресовано къ Годфри.

«Милостивый Государь,

«Незная, къ кому собственно должно адресоваться при настоящихъ грустныхъ обстоятельствахъ, когда приведено въ извѣстность мошенничество господина Стюарта, я пишу вамъ съ

тѣмъ, чтобъ довести до вашего свѣдѣнія, что имѣніе миссъ Рэймондъ никогда не входило въ мои разсчеты. Слѣдственно, послѣднее событіе не производитъ существенной перемѣны въ моихъ чувствахъ. Миссъ Рэймондъ, если ей угодно, можетъ включить условіе въ брачный контрактъ, что леди Рэймондъ будетъ жить у насъ. Объявляю, что такое условіе не будетъ для меня обременительнымъ.

«Въ нетерпѣливомъ ожиданіи вашего отвѣта,

«Милостивый Государь,

«Имѣю честь быть,

«Вашимъ покорнѣйшимъ слугою,

«Стефенъ Пенрайнъ.»

— Ахъ, какое письмо! вскричала Элеонора, когда пылкому ея воображенію представилась картина зависимости ея матери отъ этого человѣка, отзывавшагося съ такимъ презрѣніемъ о ея покойномъ опекунѣ.—Ахъ, какое письмо! Никогда, никогда не соглашусь я быть женою этого человѣка.

— Не знаю, какіе недостатки ты находишь въ этомъ письмѣ, сказалъ Годфри. — Сэръ Стефенъ испрашиваетъ твоего согласія.

— Требуетъ, а не испрашиваетъ.

— Ну, все-равно. Вѣроятно, такъ или иначе, ты поощрила его склонность, и вотъ онъ формально приступаетъ къ дѣлу. Что̀ тутъ дурнаго? Если ты знаешь свѣтъ, такъ знаешь и то, что сэръ Стефенъ поступаетъ великодушно въ-отношеніи къ тебѣ.

— Но его выраженія слишкомъ-невеликодушны въ-отношеніи... къ другимъ, сказала Элеонора съ грустной застѣнчивостью.

— Какъ же иначе прикажешь честному человѣку отзываться о неслыханномъ мошенничествѣ твоего гнуснаго опекуна?

— Годфри! сказала Элеонора съ необыкновенною запальчивостью:—пусть будетъ этому конецъ разъ и навсегда. Что̀ хочешь говори о немъ съ другими, брани его, порицай, проклинай, если достанетъ у тебя совѣсти, но передо мной не смѣй унижать его имя и память. Онъ погибъ за свой проступокъ... погибъ за несчастное имѣніе, которое я согласилась бы тысячу разъ подарить ему, чтобъ избавить его отъ малѣйшаго безпокойства. О! еслибъ онъ былъ здѣсь въ эту минуту, продолжала молодая дѣвушка съ возраставшимъ одушевленіемъ: — еслибъ онъ поберегъ свою драгоцѣнную жизнь по-крайней-мѣрѣ на нѣсколько часовъ, я бы сказала ему: — «не думай больше объ этомъ. Живи и будь доволенъ. Вмѣстѣ съ тобою я стану трудиться изъза куска хлѣба, буду работать для тебя, пойду въ гувернантки, въ служанки...»

— И уйдешь въ сумасшедшій домъ, я полагаю, сказалъ Годфри съ презрительной улыбкой.—Повторяю еще разъ, что имѣніе моей матери погибло вмѣстѣ съ имѣніемъ, которое ты готовилась промотать съ этимъ *великодушнымъ* джентльменомъ. Матушка доведена до нищеты; здоровье ея разстроено; послѣдніе дни ея

жизни омрачены ужасами и безпокойствами, произведенными человѣкомъ, который обязанъ былъ священнымъ долгомъ покровительствовать ей. И вотъ, вмѣсто того, чтобъ поспѣшить исполненіемъ своихъ обязанностей, какъ дочь, ты продолжаешь сумасбродствовать о человѣкѣ, который, если бъ не утонулъ, погибъ бы на галерахъ. Это ли твоя дѣтская любовь? Ну, положимъ, ты пойдешь въ гувернантки: что̀ же станется съ твоей матерью? Не прикажешь ли и ей идти въ гувернантки?

Саркастическая улыбка, сопровождавшая послѣднія слова, была потеряна для Элеоноры. Блѣдная и подернутая судорожнымъ трепетомъ съ головы до ногъ, она сѣла, ухватившись за ручки креселъ, какъ-будто слова Годфри могли провалить ее сквозь землю, если бъ по сторонамъ ея не было этой поддержки.

Въ эту минуту вошла леди Маргарета. Кто помнитъ нѣжную и умилительную ласку Пасты къ ея дѣтямъ въ *Медеѣ*, прежде, чѣмъ запоетъ она «Miseri Pargoletti» и граціозно обовьетъ руками эти маленькія головки, тотъ можетъ составить нѣкоторое понятіе о леди Маргаретѣ, когда она выступила впередъ и прижала Элеонору къ своей груди. Молодая дѣвушка слабо застонала. Яркая краска вспыхнула на щекахъ Маргареты.

— Что̀ это значитъ, мистеръ Марсденъ? сказала она.

— Ничего. Элеонора, видите ли, не любитъ, когда въ ея присутствіи зло называютъ зломъ, и не хочетъ позволить, чтобъ осуждали поведеніе мистера Стюарта. Безчестный лицемѣръ! Вотъ къ чему привели его ханжество и фальшивая филантропія!

Леди Маргарета пришла въ сильнѣйшее волненіе.

— Онъ никогда не лицемѣрилъ, сказала она. — Вы ошибочно считаете лицемѣріемъ его нерѣшительность и слабость. У него не было силы и онъ палъ. Умеръ онъ и предсталъ предъ судъ Божій—чего же вы хотите? Его обязанностью было хранить имѣніе Элеоноры: онъ не выполнилъ долга. Ваша обязанность, въ эту минуту сѣтованія и скорби, утѣшать свою сестру и помогать ей... свято ли вы исполняете этотъ долгъ? О, мистеръ Марсденъ! вы сами были когда-то безпріютной сиротой: вамъ ли обнаруживать жестокость вмѣсто покровительства тамъ, гдѣ оно всего-болѣе необходимо!

— Съ этою жестокостью, сказалъ Годфри торжественнымъ тономъ: — я вѣрнѣе, чѣмъ всѣ вы, опредѣлилъ въ свое время истинный характеръ мистера Стюарта. Послѣдствія оправдали мой судъ.

И онъ вышелъ изъ комнаты величественнымъ шагомъ. Маргарета оборотилась къ Элеонорѣ.

— Что̀ же это такое, дитя мое? сказала она: — о чемъ онъ спорилъ съ тобою?

Она поправила прическу молодой дѣвушки и поцаловала ее съ материнскою нѣжностью.

— Они хотятъ, чтобъ я вышла за сэра Стефена Пенрайна, сказала Элеонора отчаяннымъ голосомъ:—онъ писалъ опять. Год-

фри говоритъ, что матушка доведена до нищеты, и что я должна подумать объ этомъ.

— Но развѣ ты не любишь сэра Стефена? Мнѣ казалось, душечка, что предпочитаешь его другимъ, и...

— О, нѣтъ, нѣтъ!

Послѣдовала пауза. Затѣмъ Маргарета повела рѣчь звучнымъ и вкрадчивымъ голосомъ, исполненнымъ глубочайшей симпатіи.

— Элеонора, я убѣждена и знаю, что Годфри въ суровыхъ и жосткихъ выраженіяхъ высказалъ тебѣ свою мысль; но будь благоразумна, мой ангелъ, и войди хладнокровно въ его виды относительно того, чтò должно дѣлать. Ты грустишь, задумываешься, тоскуешь: я совершенно понимаю, что при такомъ расположеніи духа тебѣ трудно смотрѣть на будущее съ нѣкоторымъ удовольствіемъ; но все же, вѣдь, мой другъ, будущаго не минуешь. Этотъ джентльменъ любитъ тебя нѣжно. Безкорыстіе его въ настоящемъ случаѣ слишкомъ-очевидно. Всѣ отзываются о немъ съ хорошей стороны. Такому человѣку, мой другъ, ты можешь безопасно ввѣрить свою судьбу.

— Когда я была очень-молода, продолжала леди Маргарета, причемъ голосъ ея понизился на нѣсколько нотъ и сдѣлался еще нѣжнѣе: — когда была я очень-молода, меня задумали выдать за мистера Фордайса, который въ ту пору дожидался огромнаго наслѣдства. Я была бѣдна, хотя тебѣ трудно вообразить это, Элеонора: ничего въ свѣтѣ не можетъ быть страннѣе бѣднаго герцогства съ его великолѣпіемъ, пышностью и феодальными воспоминаніями. Единственный братъ мой продолжалъ свое воспитаніе въ одномъ изъ заграничныхъ университетовъ; отецъ мой и матушка были въ могилѣ; добрый старикъ-дѣдушка жилъ со мною въ Ланаркской Ложѣ, въ этомъ полуразвалившемся зàмкѣ, напоминавшемъ старинныя волшебныя сказки. Немногихъ людей мы видывали, но между ними я выбрала одного, который сдѣлался предметомъ моихъ дѣвическихъ мечтаній.

Вдругъ Маргарета остановилась и слезы градомъ потекли изъ глазъ ея. Затѣмъ она окончила рѣчь почти скороговоркой:

— Могу увѣрить тебя, мой другъ, что я была совершенно-счастлива съ мистеромъ Фордайсомъ, и такъ любила своего мужа, что повременамъ приходило мнѣ въ голову, могло ли всякое другое состояніе удовлетворить въ такой степени всѣмъ стремленіямъ моего сердца? Замужняя жизнь моя представляла безпрерывную перспективу ясныхъ и блистательныхъ дней, неомрачаемыхъ ни однимъ облачкомъ, и я ни на кого бы въ ту пору не согласилась промѣнять своего благороднаго супруга. Я улыбалась, когда вокругъ меня говорили о неравенствѣ нашихъ лѣтъ и объ измѣненіи нашихъ плановъ, когда, вслѣдствіе неожиданнаго супружества, наслѣдство перешло къ другой отрасли фамиліи Фордайсовъ. Я не спрашивала, кто былъ моложе, богаче и красивѣе: я любила своего мужа и гордилась, что онъ меня любитъ. Все это я говорю, мой другъ, съ единственною цѣлью

убѣдить тебя выбросить изъ головы мысль, что супружество безъ страсти не можетъ быть счастливымъ. Многія дѣвочки думаютъ такъ; но онѣ ошибаются. Я была счастлива, Элеонора.

На это Элеонора отвѣчала глубокимъ вздохомъ.

Дѣло, однакожь, не терпѣло отлагательства и надлежало рѣшить его такъ или иначе. Надобно было отвѣчать на письмо сэра Стефена. На другой день Элеонора послала за Годфри и сказала, что она согласна.

— Но предупредите сэра Стефена Пенрайна, сказала она послѣ кратковременнаго объясненія:—предупредите, чтобъ онъ никогда въ моемъ присутствіи не говорилъ о моемъ опекунѣ, и пусть онъ знаетъ, что я соглашаюсь на этотъ бракъ изъ уваженія къ матери.

— Опять *опекунъ!* воскликнулъ Годфри съ презрительной миной.

— Пусть онъ вовсе не упоминаетъ имени мистера Стюарта, повторила Элеонора съ надменною твердостью:—и я требую, чтобъ онъ не позволялъ себѣ выраженій въ родѣ того, какое употреблено въ его письмѣ. Порицаніе покойника не принесетъ никакой пользы моей матери и увеличитъ мои страданія безъ всякой необходимости.

Годфри принялся писать отвѣтъ. Онъ писалъ размашисто и гнѣвно. Странное условіе, которое она предложила своему будущему мужу, было имъ изображено буквально, въ ея собственныхъ выраженіяхъ, и онъ разложилъ почтовый листъ на столѣ, какъ-будто подвергалъ свое писаніе на разсмотрѣніе Элеоноры. Но по какому-то странному, непонятному сцѣпленію идей, воображеніе молодой дѣвушки приняло совершенно-неожиданное направленіе. Звукъ пера, быстро скользившаго по бумагѣ, привелъ ей на память ея давно-прошедшую болѣзнь, томительную горячку, когда Давидъ Стюартъ ухаживалъ за нею, какъ за ребенкомъ: она слышала тогда, какъ писалъ онъ, и смутно сознавала, что онъ неутомимо бодрствуетъ при ея болѣзненномъ одрѣ.

Вся сцена съ невыразимою быстротою возобновилась въ ея памяти: блѣдное, безпокойное лицо; впалые, нѣжные глаза, несмыкавшіеся изъ-за нея по цѣлымъ суткамъ; звукъ его голоса, произносившаго молитву; прикосновеніе его руки къ ея разгоряченной головѣ; ежедневная, ежечасная заботливость о ней несчастнаго утопленника, порицаемаго теперь и проклинаемаго всѣми... и никогда больше не увидитъ она его сострадательнаго лица въ этомъ суетномъ и тщеславномъ мірѣ, гдѣ насильственно распоряжаются ея сердцемъ и требуютъ ея руки—что̀ могло быть ужаснѣе этихъ трагическихъ образовъ и суевѣрій? Элеонора встала, когда Годфри положилъ письмо передъ ней. Съ отчаяннымъ воплемъ она закинула свои руки за голову и, падая опять въ кресла, зарыдала такимъ образомъ, какъ-будто ея сердце разрывалось на части.

Годфри взглянулъ на нее съ рѣшительнымъ негодованіемъ.

— Не будь актриссой, Бога ради! сказалъ онъ.

Любимая фраза Годфри, какъ и многихъ другихъ особъ, холодныхъ и безстрастныхъ. Никогда повидимому не приходитъ имъ въ голову, что актрисса копируетъ природу, быть-можетъ, въ ея преувеличенныхъ моментахъ, но все-таки природу. Шаги дикарей, жесты Французовъ, чужды для насъ, но естественны для нихъ. Я всегда съ улыбкою выслушила замѣчаніе: «и что за чудная лунная ночь? Точь-вточь будто въ театрѣ на сценѣ!»—Не-ужели искусственная луна, по мнѣнію этихъ особъ, превосходитъ естественную?

Но Годфри неспособенъ былъ размышлять на этотъ ладъ. Его могли разстрѣлять, повѣсить, отнять у него жену и дѣтей — всѣ эти бѣдствія онъ перенесъ бы хладнокровно и спокойно, немигнувъ ни однимъ глазомъ, непошевеливъ бровями. Онъ зналъ это, гордился своей энергіей, и ему казалось, что такой способъ перенесенія житейскихъ напастей долженъ быть образцовымъ для всѣхъ. Другаго способа онъ не понималъ и не допускалъ. Его уваженіе было исключительно обращено на свою собственную личность.

ГЛАВА XIX.

Женихъ Элеоноры.

Прибытіе сэра Стефена Пенрайна въ Аспендэйль въ качествѣ нареченнаго жениха произвело весьма-пріятное впечатлѣніе на всѣхъ, за исключеніемъ его невѣсты. Леди Рэймондъ разсматривала его съ видимымъ любопытствомъ и тайнымъ сознаніемъ тріумфа. Въ немъ видѣла она завоеваніе своею прекрасною дочерью втораго сына, столько же достойнаго уваженія и любви, какъ Годфри. Она постигнуть не могла, какъ это Элеонора не сходитъ съума отъ такого великолѣпнаго жениха. Вопервыхъ, всѣмъ было извѣстно, что сэръ Стефенъ плавалъ мастерски, на-славу, ни-чуть не хуже Леандра или Байрона: онъ держалъ и выигрывалъ богатѣйшіе заклады, переплывая огромныя пространства. Вовторыхъ, стрѣляя изъ пистолета, онъ мѣтко попадалъ въ самую середину шиллинга на разстояніи пятнадцати шаговъ. Втретьихъ, былъ онъ чудный всадникъ, непропускавшій ни одного случая принять участіе въ скачкахъ съ препятствіями, гдѣ не существовали для него никакія барьеры, рытвины, перегородки, заборы. Было множество и другихъ неотъемлемыхъ достоинствъ у сэра Стефена Пенрайна; но я не намѣрена исчислять ихъ всѣ.

Годфри принялъ его съ такимъ радушіемъ, какого еще не обнаруживалъ ни къ одному изъ своихъ знакомыхъ. Они разговаривали дружелюбно о безнравственномъ и безхарактерномъ поведеніи Давида Стюарта. Леди Маргарета обращалась всегда-ласково съ обожателемъ Элеоноры, и прежняя улыбка вновь озарила ея лицо, когда она впервые встрѣтила и поздравила его.

Элеонора всегда была застѣнчива, печальна и робка. Сначала старались извинить ее въ глазахъ жениха, объясняя поведеніе молодой дѣвушки несчастной катастрофой и тѣмъ, что она съ младенчества воспитана была мужчиной, который кончилъ жизнь самоубійствомъ. Всѣ опасались за чувства сэра Стефена; но послѣдствія вскорѣ обнаружили неосновательность такихъ опасеній.

Характеръ привязанности сэра Стефена, быть-можетъ, всего лучше объясняется тѣмъ обстоятельствомъ, что любовь къ себѣ невѣсты, послѣ того, какъ она изъявила согласіе на бракъ, считалъ онъ дѣломъ менѣе чѣмъ второстепеннымъ. Пусть только свадьба состоится, остальное — для него не важно. Давидъ Стюартъ могъ умереть на галерахъ, или погибнуть въ пыткѣ — какая до этого нужда сэру Стефену? Приключенія этого рода, какъ онъ самъ выразился, не произвели перемѣны въ его чувствахъ. Состояніе невѣсты погибло: очень-хорошо; его имѣніе не растрачено: у него попрежнему восьмнадцать тысячъ годоваго дохода и блистательная перспектива впереди. Отдайте ему невѣсту — онъ не смотритъ на случившіяся обстоятельства, которыя, въ-сущности дѣла, содѣйствовали какъ-нельзя-лучше его видамъ. Отдайте ему эту нищую красавицу — только въ ней нуждается онъ, а не въ богатствѣ ея. Отдайте ему ее теперь же на какихъ угодно условіяхъ, съ приданымъ или безъ приданаго, съ долгами или безъ долговъ, съ любовью или безъ любви — все-равно. Конечно, было бы недурно внушить ей нѣжную привязанность къ себѣ; да что̀ жь прикажете дѣлать, когда не внушается? Пусть она будетъ *его*, во-всякомъ-случаѣ *его*, пойдетъ ли она подъ вѣнецъ вся въ цвѣтахъ и съ розовой улыбкой на устахъ, или станетъ задыхаться въ траурномъ платьѣ отъ тяжкихъ вздоховъ и рыданій. Его страсть къ ней была хищною птицей, схватывающей налету свою добычу. Надежда, нѣжность, любезничанье, томительныя ожиданія столько же могли приходить ему въ голову, какъ коршуну, который, выдѣлывая круги въ воздухѣ, готовится захватить въ свои когти неосторожную голубку. При-всемъ-томъ, жизнь была для него безпокойной горячкой, прежде чѣмъ совершились окончательныя приготовленія къ свадьбѣ, и получилъ онъ право называть ее своею передъ цѣлымъ свѣтомъ.

Есть женщины, которымъ преимущественно нравится этотъ родъ страсти, и онѣ гордятся, что успѣли внушить ее. Странное заблужденіе чувственности! Такую любовь, основанную на грубомъ эгоизмѣ, время сглаживаетъ съ такою же легкостью, съ какою дитя стираетъ цифры на аспидной доскѣ. Она ничего не помнитъ изъ прошедшаго, а будущее для нея и подавно не существуетъ. Бѣдныя деревенскія дѣвушки постоянно испытываютъ цѣнность этой фальшивой страсти. Проникнутыя простодушнымъ отчаяніемъ, онѣ понять не могутъ, какъ это никакими слезами и мольбами нельзя подѣйствовать на сердце человѣка, который еще такъ недавно готовъ былъ пожертвовать жизнью изъ-за одной улыб-

ки. — «Вѣдь онъ любилъ меня — Боже мой! если бъ вы знали, какъ онъ любилъ! Онъ чуть-чуть не застрѣлился отъ любви ко мнѣ. А теперь? Теперь я увѣрена, онъ будетъ даже радъ, если я утоплюсь съ тоски». Таковы обыкновенныя жалобы этихъ простодушныхъ дѣтей природы. — «Не тебя любилъ онъ, глупенькая, сказала бы я ей: — онъ любилъ себя. Истинная любовь исполнена симпатіи и готова на всякое пожертвованіе. Оглянись назадъ и посмотри, кто чѣмъ пожертвовалъ: ты—всѣмъ; онъ—ничѣмъ. Не добивайся отъ него состраданія: его сердце—безплодная пустыня для тебя».

Сэръ Стефенъ между-тѣмъ, по своей собственной методѣ, дѣлалъ все для пріобрѣтенія благосклонности его окружавшихъ особъ. Его подарки лились на малютокъ Эммы проливнымъ дождемъ: онъ бы не прочь дарить имъ полновѣсныя куклы изъ чистаго золота, если бъ они сами этого хотѣли. Онъ отдалъ приказаніе своимъ агентамъ скупить за какую бы то ни было цѣну на аукціонной продажѣ всѣ сокровища леди Рэймондъ, ея индійскія шали, ковры, ожерелья, цѣпочки и т. д. Слуги думали, что еще въ жизнь свою они не видывали такого великодушнаго джентльмена. Каждое утро ходилъ онъ съ горничною леди и отмѣчалъ, по ея указанію, всѣ вещи, потеря которыхъ была бы непріятна ея госпожѣ; и каждый вечеръ любовался онъ на Элеонору въ ея цвѣтныхъ нарядахъ, подобранныхъ Маргаретой для лондонскаго сезона. Страшная смерть любимаго человѣка не давала ей никакого права носить по немъ трауръ. Зачѣмъ? Онъ не родственникъ. Съ той поры, какъ прошелъ первый взрывъ разспросовъ и проклятій, посыпавшихся на грѣшника, онъ ужь ничего больше не значилъ для людей, которыхъ любилъ и разорилъ, ничего не значилъ для Элеоноры.

И вотъ она сидѣла въ своемъ шелковомъ платьицѣ, вышивая какую-то фантастическую занавѣсь съ бѣлыми розами по малиновому полю, и смотря испуганными глазами на сэра Стефена, когда начиналъ онъ говорить. Бѣдняжка старалась вникнуть въ смыслъ и значенія каждаго его слова, старалась полюбить его, быть по-крайней-мѣрѣ благодарной къ нему, потому-что онъ скупилъ всѣ драгоцѣнности ея матери, и потому-что былъ онъ ея будущій супругъ, къ которому между-тѣмъ, противъ воли, она чувствовала ужаснѣйшее отвращеніе, особенно съ той минуты, какъ прочла его письмо. Несчастная Элеонора! Старанія ея были усердны, искренни, и Маргарета, сидѣвшая всегда рядомъ съ вѣчной улыбкой на устахъ, время-отъ-времени ободряла ее молча въ покушеніи завести рѣчь съ человѣкомъ, который готовился на всю жизнь заступить при ней мѣсто потеряннаго друга.

Одинъ только разъ, среди вседневныхъ приключеній, столько замѣтныхъ въ часы скорби, все мужество и самообладаніе оставили бѣдную дѣвушку. Сэръ Стефенъ сдѣлалъ предложеніе, не угодно ли ей прокатиться съ нимъ верхомъ. Верховая ѣзда, сказалъ онъ, была бы для нея весьма-полезна. Маргарета была того

же мнѣнія, такъ-какъ погода стояла тихая и спокойная въ этотъ осенній день. Элеонора, въ костюмѣ амазонки, вышла къ подъѣзду, гдѣ дожидался ея сэръ Стефенъ. Грумъ водилъ осѣдланныхъ лошадей взадъ и впередъ. Элеонора затрепетала: то были конь Давида Стюарта и ея собственная лошадь. Ничего не могло быть естественнѣе: верховыя лошади, выведенныя изъ конюшни, были приготовлены къ вечерней прогулкѣ, и аккуратный грумъ нисколько незаботившійся , кто будутъ всадники, весело поправлялъ стремена.

— Прикажете помочь вамъ? спросилъ сэръ Стефенъ.

— Нѣтъ, благодарю. Грумъ! сказала Элеонора слабымъ голосомъ.

Она стояла и осматривалась вокругъ себя. Дыханіе ея прерывалось. Маргарета была тутъ же, въ ожиданіи, какъ они поѣдутъ. Ея кроткое лицо было блѣднѣе обыкновеннаго; но она улыбалась какою-то жалкою, болѣзненною улыбкой. Вотъ тутъ стояла *его* лошадь, и Маргарета кормила ее изъ цвѣточной корзинки въ тотъ день, который, болѣе другихъ дней, былъ отмѣченъ тайнымъ воспоминаніемъ. Но гдѣ жь былъ онъ?

Давидъ Стюартъ умеръ, потонулъ въ ревущемъ Линнѣ. Онъ не станетъ больше ѣздить съ Элеонорой, не станетъ гулять, читать, разговаривать, улыбаться, писать. Холодный осенній вѣтеръ дулъ надъ безпокойнымъ водопадомъ, и журчаніе его будто раздавалось въ ея ушахъ. Слезный, умоляющій взоръ мистера Давида быстро обрисовался передъ ея памятью. Солнечный блескъ, деревья, дорожки, холмы, по которымъ они ѣздили вмѣстѣ, смутно столпились въ ея головѣ. Мраморныя колонны портика, между которыми стояла Маргарета, запрыгали какими-то странными тѣнями въ ея отуманенныхъ и помутившихся глазахъ.

— О, я не могу... я не могу! пролепетала бѣдная дѣвушка.

И въ тщетномъ покушеніи отодвинуться назадъ къ своей подругѣ, она потеряла равновѣсіе, зашаталась и упала безъ чувствъ въ объятія сэра Стефена.

Въ его объятія, она, очаровательная владычица его фантазіи, отстоявшая отъ него такъ далеко, какъ отдаленная мечта или картина! Невольный страхъ и трепетъ объялъ его сердце, когда онъ вообразилъ, что легко можетъ потерять ее, что смерть отниметъ у него нареченную невѣсту. И, судорожно прижимая ее къ своей груди, онъ самъ поблѣднѣлъ какъ мертвецъ.

— Она еще не въ-силахъ ѣздить верхомъ, сказала леди Маргарета: — она такъ больна была въ послѣднее время. Позвольте, я сниму съ нея шляпу и вуаль; дайте мнѣ привести ее въ чувство. Вы задушите ее, сэръ Стефенъ, прибавила леди Маргарета съ изумленнымъ и озабоченнымъ видомъ.

Но слова ея не произвели повидимому никакого впечатлѣнія на жениха, какъ-будто былъ онъ каменной статуей. Крѣпко продолжалъ онъ держать свою невѣсту, пока не обнаружились въ

ней явные признаки возвращенія жизни. Элеонора открыла печальные глаза и устремила ихъ на его лицо.

Случаи физическаго предпочтенія и отвращенія переходятъ за предѣлы нашего зрѣнія, и зависятъ — быть-можетъ, болѣе чѣмъ мы сами это знаемъ—отъ легкихъ нитей соединенія идей, вытканныхъ въ паутинѣ нашей памяти. Психологія можетъ разсуждать, сколько ей угодно, о причинахъ симпатіи и антипатіи; но въ результатѣ покамѣстъ остается тотъ печальный фактъ, что мы не знаемъ этихъ причинъ.

Какъ-скоро Элеонора пришла въ себя, объятія, державшія ее, были первою идеей, которая представилась ея воображенію. По неизъяснимому сцѣпленію понятій, она припомнила день, когда впервые увидѣла сэра Стефена и узнала страшную силу его руки, бичевавшей бѣднаго Руллаха. Въ то же самое мгновеніе, по естественному закону противоположностей, пришло ей на память нѣжное прикосновеніе руки Давида Стюарта, помогавшаго ей садиться на лошадь въ первые уроки верховой ѣзды. И она почувствовала, себѣ невѣдомо, какой-то особенный ужасъ къ той силѣ, которою гордился сэръ Стефенъ Пенрайнъ. Было для нея что-то страшное и отвратительное въ дикой нѣжности его объятій, въ бурномъ нетерпѣніи его безпокойныхъ глазъ. Съ болѣзненнымъ трепетомъ она отворотилась отъ жениха и протянула свою руку къ Маргаретѣ.

«Я была очень-нездорова. Я еще не могу ѣздить. Извините».

Вотъ все, чтó она сказала. Въ эту минуту женихъ и невѣста, помолвленные при такихъ странныхъ обстоятельствахъ, посмотрѣли другъ на друга съ пристальнымъ вниманіемъ, и затѣмъ Элеонора потупила глаза. Лошадей, между-тѣмъ, повели въ конюшню, и молодая дѣвушка проводила ихъ грустнымъ взглядомъ. Черезъ нѣсколько дней рѣшено ихъ продать: тѣмъ лучше. Пусть ужь за одинъ разъ истреблены будутъ всѣ слѣды прошедшей жизни.

Она была рада, что свадьбу назначили праздновать въ Эдинбургѣ, а не въ Аспендэйлѣ, гдѣ было бы ей слишкомъ-тяжело выслушать привѣтственную рѣчь отъ старика Фордайса, единственнаго свидѣтеля и друга ея дѣтскихъ и юношескихъ лѣтъ. Была рада она, что вскорѣ окружатъ ее совершенно-незнакомыми и новыми предметами, и переселится она въ новый печальный міръ, отдаленный на неизмѣримыя разстоянія отъ роднаго ея пріюта. Только Руллахъ и камердинеръ Стюарта, Санди, оставались единственными звеньями, соединявшими ее съ старыми счастливыми временами. Санди хотѣлъ, во чтò бы ни стало, остаться до конца жизни въ услуженіи при этой фамиліи. Нѣсколько лѣтъ состоялъ онъ въ Индіи при особѣ сэра Джона и послѣдовалъ за Давидомъ въ Англію. Это былъ странный и на видъ совершенно-безполезный старикъ; поэтому сэръ Стефенъ не соглашался сначала взять его, несмотря даже на просьбу Элеоноры.

— Онъ, можетъ-быть, думаетъ, сказала Элеонора: — что вы согласитесь помѣстить его въ какой-нибудь ложѣ.

— Въ какой ложѣ? Кто смѣлъ здѣсь говорить ему о такомъ помѣщеніи? Кто говорилъ о ложѣ? сказалъ сэръ Стефенъ съ такимъ внезапно-грознымъ видомъ, который испугалъ и удивилъ Элеонору.

— Прошу не прогнѣваться, сэръ Стефенъ, отвѣчалъ старикъ: — это все, вѣдь, у меня вертится на умѣ Ланаркская Ложа. Она въ Шотландіи, какъ сами изволите знать, и, должно-быть, недалеко отъ вашего помѣстья. О другихъ ложахъ я не думалъ, не гадалъ, хотя бы, признаться, радёхонекъ былъ помѣститься въ швейцарской ложѣ или у воротъ вашей милости. А ужь если не гожусь я въ привратники, то оно, пожалуй, хорошо быть и помощникомъ садовника — я не прочь: я мастеръ разводить всякіе цвѣты, и дѣлаю подчасъ букеты для дамъ. Спросите вотъ ихъ маменьку: она знаетъ, какъ я промышлялъ этимъ въ Индіи. Еще я умѣю пріискивать червячковъ и мушекъ для удочки, относительно, такъ-сказать, поимки рыбокъ; всякихъ поймаю, какія бы тамъ у васъ ни водились въ озерахъ: на томъ стоимъ. Да и мало ли что́ я знаю? Вы только возьмите меня, хоть для пробы, какъ старую собаку, примѣромъ изъяснить: вы увидите, что я пригожусь на такія вещи, которыя тебѣ, сударь, и въ голову не влѣзутъ.

— Возьмите его, какъ *рѣдкаго старика*, сэръ Стефенъ, сказала Элеонора съ искусственной улыбкой, которую сэръ Стефенъ видѣлъ довольно-часто на ея грустномъ лицѣ.

Онъ взглянулъ на ея умоляющіе глаза и, стараясь придать своимъ словамъ веселый и фамильярный тонъ, свойственный жениху, сказалъ:

— Быть по вашему, миледи. Поцалуйте же меня за эту экстренную услугу.

Но сэръ Стефенъ еще не научился искусству фамильярно разговаривать съ своей невѣстой, и неловкая его любезность походила на грубость. Какъ бы то ни было, Санди былъ принятъ.

— Очень вамъ благодарна, сказала Элеонора, протягивая ему руку, которую онъ съ жадностью поцаловалъ и прижалъ къ своему сердцу. Страстное увлеченіе снова овладѣло его организмомъ; но когда онъ взглянулъ на ея блѣдныя щеки, страхъ опять обуялъ его въ сильнѣйшей степени. Онъ облокотился на окно, гдѣ они стояли, и началъ производить умственныя вычисленія: скоро ли пройдутъ остальные дни, отдѣлявшіе его отъ свадьбы.

И прошли они быстро для всѣхъ, кромѣ него. Быстро прошли они для прислуги, вынужденной суетиться и работать вдвое-больше обыкновеннаго въ эти короткіе дни; — для леди Рэймондъ, неимѣвшей никакого желанія разстаться съ домомъ, гдѣ она жила еще прежде своего вдовства; — для бѣдняжки Эммы, страшно-запуганной мыслью, что скоро ей пріидется прожить цѣлую недѣлю одной, безъ мужа, въ обществѣ разбитаго параличемъ отца, ко-

торый, казалось, едва сознавалъ трогательное съ нимъ прощанье плачущей Элеоноры.

Годфри долженъ былъ провожать ихъ до Эдинбурга съ тѣмъ, чтобъ, впродолженіе свадебнаго обряда, сдать съ рукъ на руки свою сестру ея жениху. Леди Маргарета, какъ-само-собою разумѣется, получила приглашеніе слѣдовать за ними. Герцогъ и герцогиня ланаркскіе также изъявили желаніе присутствовать при обрядѣ съ своими маленькими дѣвочками, которыя, вмѣстѣ съ Эвфиміей, должны были заступить мѣсто невѣстиныхъ подругъ. Это была единственная честь, которую, въ настоящемъ случаѣ, они могли, съ своей стороны, оказать новобрачнымъ, и сэръ Стефенъ, гордившійся этой честью, таилъ въ душѣ сладкую надежду, что присутствіе герцога и герцогини будетъ въ равной степени пріятно и для его возлюбленной сестрицы.

Тщетная надежда! Сэръ Стефенъ потерялъ всякое право на благосклонность этой замѣчательной леди. Уже съ самаго начала, именемъ всего шотландскаго дворянства, она жестоко оскорбилась тѣмъ, что братъ ея предпочелъ Англичанку и, вдобавокъ, какую-то ничтожную дѣвочку, которой отецъ былъ незначительнымъ человѣкомъ, а мать Богъ-знаетъ чѣмъ; но это прискорбное обстоятельство выкупалось, по-крайней-мѣрѣ, огромнымъ богатствомъ невѣсты. Но теперь, когда приведенъ былъ въ извѣстность горестный фактъ, что у миссъ Рэймондъ положительно и буквально не было ни гроша, и что даже ея свадебныя тряпки были заказаны насчетъ сэра Стефена, ярость леди Макфарренъ выступила изъ всякихъ границъ. Безъ всякой церемоніи, она написала брату нѣсколько презрительныхъ строкъ, выразившись напрямикъ, что никакъ не ожидаетъ большаго веселья на его свадьбѣ послѣ «жалкаго обмана», котораго онъ сдѣлался «глупою жертвой». Для нея не существовало ни малѣйшаго сомнѣнія, что «матушка и дочка» отлично понимали настоящее положеніе своихъ дѣлъ, прежде чѣмъ свернулъ себѣ шею «этотъ отъявленный мошенникъ, мистеръ Стюартъ». Онѣ съ разсчитаннымъ искусствомъ заманили сэра Стефена въ свои сѣти, такъ, чтобъ ужь ему нельзя было отступиться. Въ заключеніе, леди Макфарренъ отрапортовала, что такъ-какъ графъ Пибльзъ, ея кузенъ, лежитъ больной въ ея домѣ подъ бременемъ подагрическихъ пароксизмовъ, то она, вмѣстѣ съ своими родственниками и друзьями, оставляетъ всякое намѣреніе почтить брачную церемонію своимъ присутствіемъ, «да и вообще, чѣмъ меньше говорить и шумѣть объ этомъ, тѣмъ лучше. Вѣнчайся на скорую руку, и безъ дальнѣйшихъ хлопотъ, привози-ка свою *ненаглядную* въ Гленкаррикъ. По секрету скажу тебѣ, что всѣ здѣшніе порядочные люди не-шутя считаютъ тебя самымъ близорукимъ сумасбродомъ, если еще не больше».

Прочитавъ это граціозное посланіе, сэръ Стефенъ вспыхнулъ благороднымъ гнѣвомъ, и впервые отъ-роду возмутился въ сво-

емъ сердцѣ противъ страшнаго самоуправства своей неукротимой сестрицы.

Извинительное письмо графа Пибльза, написанное пріятнымъ слогомъ, хотя сквернѣйшимъ почеркомъ, возстановило въ нѣкоторой степени спокойствіе его духа. Съ письмомъ препровождено было прекрасное жемчужное ожерелье для невѣсты, и графъ Пибльзъ увѣрялъ шутливымъ тономъ, что, отправляя этотъ подарокъ «первой красавицѣ Трехъ Соединенныхъ Королевствъ», онъ не имѣетъ, однакожь, никакихъ своекорыстныхъ цѣлей, тѣмъ-болѣе, что несносная подагра отнимаетъ у него всякую возможность любезничать съ красавицей.

Впрочемъ, отпаденіе двухъ главныхъ членовъ фамиліи не сокрушило сэра Стефена, и покушенія его возлюбленной сестрицы не произвели значительнаго успѣха. Былъ онъ слишкомъ влюбленъ, чтобъ обращать особенное вниманіе на эту родственную суету, и всѣ эти отношенія представлялись довольно-мелкими теперь, когда ужь нельзя было ни ускорить, ни отсрочить роковаго дня, рѣшавшаго судьбу всей его жизни.

Леди Макфарренъ, нѣтъ сомнѣнія, была бы поражена величайшимъ изумленіемъ и досадой, еслибъ знала, съ какимъ легкомысліемъ и безпечностью письмо ея было брошено въ каминъ. Сэръ Стефенъ остался равнодушнымъ даже къ отсутствію графа Пибльза, когда леди Маргарета пришла къ нему для окончательныхъ переговоровъ относительно завтрашняго дня.

Быстро пролетѣло время. Еще одинъ закатъ солнца, одинъ восходъ — и Элеонора Рэймондъ будетъ Элеонорою Пенрайнъ. Завтрашнее солнце еще не успѣетъ склониться къ западу, какъ они будутъ мужемъ и женою — неразлучными спутниками до могилы.

Однакожь, послѣдній вечеръ тянулся медленно и вяло. Маргарета говорила очень-мало; ея глаза съ нѣжностью обращались къ Элеонорѣ и слезы украдкой текли по ея щекамъ. Зато герцогиня ланаркская вдоволь говорила о своей собственной свадьбѣ, о подвѣнечномъ платьѣ, о своей чрезмѣрной юности и *naïveté* въ ту отдаленную эпоху, и о томъ, какую замѣчательную ревность ея маленькая собачка обнаруживала къ герцогу съ той поры, какъ онъ сдѣлался ея супругомъ. Случай, въ-самомъ-дѣлѣ, замѣчательный. Вообразите: нѣсколько дней сряду собачка визжала у дверей ея будуара, и никакъ не могла понять, чтобъ кто-нибудь другой, кромѣ нея, могъ проникнуть въ эту комнату. Визжитъ-себѣ, бѣдняжка, и лаетъ на ея супруга. Вообще должно замѣтить, что эти шотландскія собачки очень-умны и удивительно какъ нѣжны, гораздо умнѣе и нѣжнѣе всякихъ другихъ собакъ. И когда такимъ-образомъ герцогиня распространялась о замѣчательныхъ событіяхъ своей жизни, Элеонора сидѣла въ какомъ-то оцѣпенѣніи, безъ страха и надежды, какъ-будто погруженная въ летаргическій сонъ. Разъ только, когда всѣ ужь встали, чтобъ отправиться на сонъ грядущій, и леди Рэймондъ замѣтила, что дочь ея чрезвычайно-блѣдна, молодая дѣвушка дико по-

вела глазами, какъ-будто передъ ея отуманеннымъ взоромъ промелькнуло какое-нибудь привидѣніе. Она встала и съ трепетомъ бросилась въ объятія своей матери.

Наступилъ роковой день и часъ. Торжественный обрядъ совершился. Золотое кольцо обвило палецъ новобрачной. Послѣдовали объятія матери, брата, поздравленія родственниковъ и друзей: все кончилось. У церковной ограды стояли экипажи для леди Рэймондъ съ ея горничной и для новобрачныхъ: всѣ они тотчасъ же ѣдутъ въ Гленкаррикъ. И когда Элеонора, слишкомъ-слабая, чтобъ ступить на подножку, остановилась у кареты, супругъ мгновенно поднялъ ее одной рукою — тою сильною, крѣпкою и могучею рукою, которая нѣкогда бичевала бѣднаго Руллаха.

ГЛАВА XX.

Свадебный визитъ.

Собственно говоря, имъ бы слѣдовало ѣхать въ имѣніе сэра Стефена, въ замокъ Пенрайнъ, но Гленкаррикъ находился ближе. Притомъ, въ Гленкаррикѣ удобнѣе было охотиться, и сэръ Стефенъ, съ самаго младенчества, привыкъ по два мѣсяца въ году проводить въ обществѣ своей сестры. Тутъ ихъ ожидали и туда они отправились.

Было довольно-поздно, когда они пріѣхали въ Гленкаррикъ. Холодный мракъ осенняго вечера внезапно смѣнился теплотою и яркимъ блескомъ изъ камина, подлѣ котораго Элеонора, протирая глаза, замѣтила весьма-высокую, дюжую и дородную леди, стоявшую на коврѣ. Она разговаривала громко и смѣялась съ маленькимъ, подагристымъ, улыбающимся старичкомъ, сидѣвшимъ въ старомодныхъ креслахъ. Въ комнатѣ, большой и высокой, распространялся запахъ отъ сосноваго дерева, такъ-какъ стѣны были сдѣланы изъ этого матеріала. На нихъ, въ ровныхъ разстояніяхъ, виднѣлись рога лѣсныхъ звѣрей, вывѣшенные въ видѣ трофеевъ успѣшной охоты. Пылавшій огонь сообщалъ всѣмъ предметамъ чрезвычайно-оживленный видъ. Стоявшая на коврѣ леди, не тронулась съ мѣста при входѣ гостей, и только протянула обѣ руки сэру Стефену, когда онъ подошелъ къ ней. Она не поцаловала своего брата, но раскланялась съ нимъ очень-вѣжливо, подружески, причемъ Элеонора, съ нѣкоторымъ изумленіемъ, замѣтила, что мышцы ея были столько же крѣпки и сильны, какъ у ея мужа.

Когда сэръ Стефенъ отрекомендовалъ свою юную супругу, гордая леди выпрямила свой, и безъ того слишкомъ-прямой, станъ, чтобъ озадачить Элеонору своимъ превыспреннимъ величіемъ и затѣмъ сдѣлала ей надменный, едва-замѣтный поклонъ. Графъ Пибльзъ обнаружилъ гораздо-болѣе благосклонности и радушія. Приподнявшись съ своихъ креселъ, обложенныхъ подушками,

онъ поцаловалъ молодую въ обѣ щеки, ухмыляясь наилюбезнѣйшимъ образомъ и распространяясь въ увѣреніяхъ, что онъ на своемъ вѣку перецаловалъ многихъ невѣстъ, изъ которыхъ, однакожь, ни одна не могла сравниться съ Элеонорой. Затѣмъ сказалъ онъ, что если она станетъ любить своего мужа, какъ добрая жена, онъ, графъ Пибльзъ, не обманетъ ея надеждъ на титулъ графини Пибльзъ, такъ-какъ ужь давно отложилъ намѣреніе обзавестись своей собственной семьей. Кончивъ эту рѣчь, ласковый подагрикъ опять повалился въ кресла и принялся улыбаться на огонь. Леди Макфаренъ обозрѣла Элеонору съ головы до ногъ.

— Вы блѣдны и, кажется, устали, сказала она брюзгливымъ тономъ, приглашая ее подойдти къ камину.

— Я не устала, сказала Элеонора. — Я всегда блѣдна.

— Гмъ! гмъ! А братъ писалъ сюда, мимоходомъ, что вы слывете тамъ большой красавицей. Привычки знатной леди, я полагаю, лондонское распредѣленіе времени...

— Я очень-мало жила въ Лондонѣ.

— Гмъ! Сколько вамъ лѣтъ?

— Семнадцать.

— На видъ вы старше. Теперь, когда замужемъ, вамъ нѣтъ надобности скрывать свои настоящіе года: не развѣнчаютъ.

— Мнѣ минуло семнадцать лѣтъ прошлаго августа, сказала Элеонора довольно-гордымъ тономъ, хотя слезы начали невольно пробиваться изъ ея глазъ.

Но внезапная грусть, овладѣвшая новобрачной, происходила совсѣмъ не отъ того, что ее приняли не породственному у сестры мужа; она вдругъ припомнила день своего рожденія, послѣдній счастливый день, отпразднованный въ Аспендэйлѣ, гдѣ еще никто не могъ предвидѣть близкаго несчастья, готоваго разразиться надъ всѣмъ семействомъ. Она сѣла на указанное кресло и принялась разглаживать голову Руллаха, который, безъ церемоніи, улегся на коврѣ у ея ногъ.

— Это, однакожь, огромная собака для гостиной, леди Ненрайнъ.

— Она не будетъ входить сюда, если вамъ не угодно. Развѣ это гостиная?

— Да̀. Да̀-съ. А развѣ вы думали, что это кухня? сказала леди Макфарренъ съ сардонической улыбкой.

Сэръ Стефенъ почувствовалъ припадокъ гнѣва; но привычка повиноваться сестрѣ обуздала его. Онъ замѣтилъ, что постройка шотландскихъ домовъ до-того различается во всѣхъ отношеніяхъ отъ англійскихъ, что Элеонору должно извинить за ея наивный вопросъ.

— Впрочемъ, комната сама-по-себѣ весьма-хороша, сказала Элеонора кроткимъ тономъ: — и запахъ отъ сосны я нахожу чрезвычайно-пріятнымъ.

— А вотъ мы въ короткое время обдѣлаемъ васъ такъ, что вы

будете у насъ настоящей Шотландкой, сказалъ восторженный лордъ Пибльзъ, ласково пожимая ей руку, между-тѣмъ, какъ леди Макфарренъ отвернулась въ противоположную сторону.

Черезъ нѣсколько минутъ доложили о пріѣздѣ леди Рэймондъ, которой экипажъ слѣдовалъ позади въ незначительномъ разстояніи. Сэръ Стефенъ встрѣтилъ тёщу и представилъ своимъ родственникамъ. Леди Макфарренъ приняла ее нѣсколькими градусами еще холоднѣе, чѣмъ Элеонору.

Леди Рэймондъ, усталая отъ дальней дороги, была очень-деликатнаго сложенія, и къ-тому же, съ дѣтскихъ лѣтъ привыкла къ предупредительному и ласковому обхожденію. Поэтому она отвѣчала съ нервическою раздражительностью на всѣ предложенные ей вопросы и, въ заключеніе, залилась горькими слезами.

— Это еще что̀ за комедія? сказала леди Макфарренъ.

— Маменька! воскликнула Элеонора.

— Я, право, не знаю, рыдала леди Рэймондъ: — но все это такъ странно!

— Гмъ! Для меня вы чуть ли еще не страннѣе: мы поквитались. Однакожь пора расходиться по комнатамъ. Мы слишкомъ засидѣлись.

— Надѣюсь, сказалъ сэръ Стефенъ своей женѣ, когда, на другой день, она одѣвалась къ обѣду: — надѣюсь, что матушка ваша приметъ себѣ за правило не обижать моей сестры ни по какому поводу.

Взоръ непритворнаго изумленія, съ какимъ встрѣчена была эта рѣчь, поразилъ и вмѣстѣ раздражилъ сэра Стефена.

— Я позволяю себѣ надѣяться, сказалъ онъ: — что леди Рэймондъ постарается сойдтись съ леди Макфарренъ, на сколько по-крайней-мѣрѣ это возможно, при миролюбивомъ расположеніи духа съ обѣихъ сторонъ. Моя сестра, ка̀къ вы могли замѣтить, женщина съ умомъ необыкновеннымъ. Она всегда занимала высшее мѣсто между членами нашей фамиліи: самъ лордъ Пибльзъ ничего не дѣлаетъ безъ предварительнаго совѣщанія съ нею. Леди Макфарренъ нѣсколько-горда, и вы понимаете, что никто не отниметъ у нея права быть гордой. Къ-тому же, мой бракъ, при существующихъ обстоятельствахъ... я не нахожу надобности исчислять всѣхъ поводовъ и основаній: но дѣла пойдутъ, конечно, гораздо-правильнѣе, успѣшнѣе, если вы и матушка ваша немножко поубавите спѣси.

«Поубавите спѣси!» Задумавшись надъ этой фразой, Элеонора съ наивнымъ изумленіемъ взглянула на своего мужа, какъ-будто требуя отъ него дальнѣйшаго объясненія.

— Моя сестра, вы понимаете, умѣетъ быть ласковой, если ей вздумается; но она терпѣть не можетъ, когда ей противорѣчатъ.

— Противорѣчатъ!

— Она, говорю я, терпѣть не можетъ, чтобъ другіе считали себя независимыми, какъ-скоро имъ нельзя быть независимыми. Если вы примете на себя трудъ понять это, ка̀къ слѣдуетъ, дѣла

еще могутъ принять благопріятный оборотъ; въ противномъ случаѣ... вы понимаете, что я слишкомъ-хорошо знаю характеръ своей сестры.

— Я полагаю, что леди Макфарренъ не станетъ обижаться безъ достаточнаго повода, сказала Элеонора послѣ короткой паузы.

— У ней будутъ поводы — свои собственные поводы... понимаете? Леди Макфарренъ горда, какъ я ужь сказалъ вамъ. Мнѣ кажется, что вы отвѣчали нетерпѣливымъ... да̀, слишкомъ нетерпѣливымъ тономъ, когда она спросила, сколько вамъ лѣтъ. Вы какъ-будто обидѣлись этимъ вопросомъ.

— Нисколько. Но мнѣ показалось страннымъ, что она не вѣритъ мнѣ, и притомъ... такіе вопросы не предлагаются при первомъ знакомствѣ.

— Не вамъ объ этомъ судить, милостивая государыня: сестра моя знаетъ о чемъ спрашивать, и любитъ, чтобъ отвѣчали обдуманно и осторожно на каждый ея вопросъ. Въ противномъ случаѣ, она всегда оскорбляется. Знайте это.

«Какъ не знать!» думала Элеонора. Должно знать, если не можешь быть независимою. Всѣ фразы ея супруга и тонъ, съ какимъ онъ произносилъ ихъ, глубоко врѣзались въ ея сердце. Она поняла сущность своихъ дѣлъ и обстоятельствъ. Она и мать ея — нищія, которымъ этотъ богачъ предложилъ кусокъ хлѣба, потому-что вздумалось ему влюбиться въ Элеонору и жениться на ней.

И то сказать: если ужь онъ женился на ней, этотъ гордый богачъ, не былъ ли онъ обязанъ защищать ее и покровительствовать, необращая вниманія на то, нравится ли этотъ бракъ его сестрѣ или нѣтъ? Къ какой стати вздумалъ онъ требовать и приказывать, чтобъ она не обижала леди Макфарренъ? Не естественнѣе ли прежде всего было ему оградить собственную жену отъ всякихъ непредвидѣнныхъ и, тѣмъ болѣе, предвидѣнныхъ оскорбленій? Ужь полно, точно ли сэръ Стефенъ любитъ ее? Не-уже-ли въ этомъ должна состоять супружеская любовь?.. Бѣдная Айяга, между-тѣмъ, убрала ея длинные волосы въ самые граціозные локоны, прежде-чѣмъ Элеонора успѣла рѣшить эти вопросы. Она сидѣла передъ зеркаломъ, недумая любоваться въ немъ на отраженіе своего грустнаго лица. Умственный взоръ ея, мрачный и унылый, весь обращенъ былъ въ будущность, полную печальныхъ событій.

— Развѣ вамъ не нравится, сударыня? спросила Айяга.

— Что̀?

— Да прическа-то ваша.

Элеонора поцаловала свою старую няню и сказала съ глубокимъ вздохомъ:

— Очень-хорошо, моя милая; но я задумалась о другихъ вещахъ.

Когда гости начали собираться къ обѣду, послѣдовали многія представленія и рекомендаціи, большею-частью неинтересныя для

Элеоноры. Но одно новое имя положительно привело ее въ трепетъ.

— Леди Пенрайнъ! воскликнула хозяйка. — Мистриссъ Кристисонъ изъ Донлиса и миссъ Кристисонъ желаютъ познакомиться съ вами.

Мистриссъ Кристисонъ изъ Донлиса! Вдова адвоката, купившаго собственность мистера Стюарта, та самая особа, съ которой Давидъ вступалъ въ переговоры относительно пріобрѣтенія наслѣдія своихъ предковъ! Элеонора усиливалась что-то проговорить, но слова замерли на ея устахъ. Она взглянула на старую леди и дочь ея. Въ чертахъ дочери, жирной и толстой старой дѣвственницы, гордой своими длинными акрошкёрами и локонами, затѣнявшими ея кошачьи глаза, изобразилось такое живѣйшее любопытство, что Элеонора, наэлектризованная этимъ наглымъ взоромъ, невольно пришла въ себя. Физіономія матери, низенькой пошлой старушки, запечатлѣна была какимъ-то особеннымъ выраженіемъ, похожимъ на состраданіе.

— Вы еще здѣсь совсѣмъ-чужія, леди Пенрайнъ, сказала старушка тономъ симпатіи.

Миссъ Тавиѳа Кристисонъ еще разъ просверлила новобрачную змѣинымъ взоромъ. Тавиѳа — или Тибби, какъ обыкновенно называли ее мать и близкіе знакомые — ненавидѣла отъ чистаго сердца всё на свѣтѣ, что̀ носило на себѣ отпечатокъ молодости и красоты. Носилась притомъ молва, что когда-то она сама обнаруживала притязанія на положеніе, которое теперь Элеонора заняла въ качествѣ супруги сэра Стефена. Мысль о супружествѣ глубоко запала въ бойкую голову миссъ Тибби съ шестнадцатилѣтняго ея возраста; но въ настоящую минуту было ей ужь сорокъ-пять лѣтъ. Разъ, перемѣшавъ супружескую колоду картъ, она продолжала играть въ нихъ съ примѣрнымъ постоянствомъ, непропуская ни одного благопріятнаго случая. Были у Тибби и женихи, потому-что Тибби, какъ говорили, была въ свое время «свѣжая дѣвица», и было у Тибби богатое приданое, потому-что, послѣ дѣлежа съ братомъ, на ея долю приходилась значительная сумма наличныхъ денегъ; но бѣда въ томъ, что Тибби обраковала всѣхъ молодыхъ людей, хотѣвшихъ на ней жениться; а другіе молодые люди, за которыхъ Тибби хотѣла выйдти, не обнаружили желанія искать ея руки. Такими-то судьбами миссъ Тибби и осталась старой дѣвицей.

Должно теперь замѣтить, что существуютъ на свѣтѣ различныя породы старыхъ дѣвицъ. Самъ Кювьѐ пришелъ бы въ затрудненіе, если бы ему понадобилось исчислить во всѣхъ подробностяхъ виды этихъ породъ. Бываютъ терпѣливыя, кроткія, нѣжныя старыя дѣвицы, и есть дѣвицы тощія, желтыя, длинныя, съ синевой подъ глазами, щеголихи, сплетницы, пересудчицы, ханжи, неугомонныя, вертлявыя, злыя: всѣ онѣ жужжатъ и гомозятся въ одномъ и томъ же великомъ ульѣ міра сего и озадачиваютъ насъ своимъ удивительнымъ разнообра-

зіемъ. Несмотря, однакожь, на многочисленные оттѣнки, характеризующіе каждую изъ нихъ, наблюдатель легко отличаетъ и общія черты, на основаніи которыхъ всѣ вообще старыя дѣвицы раздѣляются на добрыхъ и злыхъ. Первый разрядъ, вообще уклончивый, податливый и мягкодушный, можетъ, смотря по обстоятельствамъ, приносить огромную пользу женатому человѣчеству. Неимѣя собственныхъ связей по части сердечныхъ ощущеній, добрыя старыя дѣвицы, тѣмъ съ бо̀льшею нѣжностью дорожатъ чужими связями и на этомъ основаніи, безкорыстно привязываются ко всѣмъ окружающимъ особамъ. Онѣ нянчатъ больныхъ дѣтей, ухаживаютъ за бѣдными, принимаютъ на себя въ родственной семьѣ всѣ хлопоты по хозяйству, дѣлаются гувернантками, няньками, ключницами, компаньйонками, или всѣмъ этимъ вмѣстѣ. Словомъ, такія дѣвицы — образецъ совершенства въ своемъ родѣ.

Но бо̀льшею извѣстностью въ этой одинокой породѣ пользуется другой разрядъ старыхъ дѣвицъ, злой разрядъ, неугомонный, интригующій, постоянно-бѣснующійся въ безсильной злобѣ на весь человѣческій родъ. Выходя изъ своихъ одинокихъ логовищъ, онѣ вторгаются въ чужіе домы подобно саранчѣ, опустошающей плодоносныя нивы, и зло повсюду слѣдуетъ за ними. Языкъ ихъ, нерѣдко выразительный и краснорѣчивый, всегда исполненный лести и клеветы, разноситъ зловѣщія бѣды повсюду, куда только удается имъ проникнуть. Разрушая въ-конецъ счастье ближнихъ, онѣ не полагаютъ никакого различія въ средствахъ при достиженіи цѣлей; и горе юной четѣ, приведенной силою обстоятельствъ, въ соприкосновеніе съ старой дѣвой!

Очень-хорошо. Тибби Кристисонъ принадлежала къ послѣднему разряду старыхъ дѣвицъ. Многія семейства ужь извѣдали бѣдственнымъ опытомъ послѣдствія неосторожныхъ сближеній съ нею; но были и такіе домы, гдѣ еще продолжали принимать ее благосклонно, и къ числу такихъ домовъ принадлежалъ Гленкаррикъ, съ которымъ ея знакомство было, повидимому, утверждено на прочномъ основаніи. Леди Макфарренъ отзывалась о Тибби какъ о доброй и полезной дѣвицѣ. Тибби въ ея присутствіи всегда была весела и любезна, хотя нерѣдко удавалось ей слышать, ка̀къ эта «добрая и полезная дѣвица» шпыняла свою старушку-мать, когда оставались онѣ въ своей комнатѣ вдвоемъ. Тибби была мастерица на многія вещи, пригодныя въ порядочной фамиліи. Она готова была весь вечеръ играть шотландскія пѣсни, или танцовать подъ чужую игру, если требовали обстоятельства. У Тибби были драгоцѣнные рецепты отъ подагры и ревматизма; Тибби умѣла сберегать дичь на самые продолжительные сроки, и знала, въ необходимыхъ случаяхъ, покупать хозяйственные припасы по самой дешевой цѣнѣ. Если требовалось исполнить какую-нибудь непріятную коммиссію, Тибби бралась за нее со всей охотой при первой же поѣздкѣ въ Эдинбургъ. Если надлежало доставить развлеченіе непріятному и

скучному гостю, Тибби являлась смиренною жертвой на весь вечеръ. Если къ извѣстному дню наѣзжало слишкомъ-много гостей, такъ-что для помѣщенія ихъ не оказывалось мѣста, Тибби охотно уступала свою комнату, и сама, безъ всякаго ропота, перебиралась на чердакъ.

Дѣйствительно, въ-отношеніи къ этому семейству, Тибби повидимому обрекла себя на самое трудное самоотверженіе. Это значило, что Тибби была себѣ-на-умѣ. Въ послѣдніе три года, или болѣе, графскій гербъ безпрестанно проносился передъ ея рысьимъ взоромъ. Ея безотвѣтныя услуги и угожденія, предлагаемыя всѣмъ, были на самомъ дѣлѣ приносимы только этому блестящему трупу въ старомодныхъ креслахъ, который обѣщалъ Элеонорѣ не обманывать ожиданій сэра Стефена передачею своего титула на жену и дѣтей. Графъ Пибльзъ былъ, однимъ словомъ, постоянною мишенью Тибби, крайнимъ и единственно-доступнымъ предметомъ ея желаній. Изъ видовъ водворенія въ замкѣ Пенрайнъ и Гленкаррикѣ, Тибби переносила всѣ возможныя безпокойства и труды. Чтобъ присосѣдиться къ замку Пенрайнъ, она удержала за собою Донлисъ, между-тѣмъ, какъ мать ея желала продать это скучное имѣніе, неприносившее доходовъ. Тибби успѣвала медленно и нерѣшительно, но все же успѣвала. Годъ за годомъ ея волокитство за маленькимъ графомъ подвигалось все впередъ и впередъ. Она лелѣяла его вязаной фланелью и ласкала ревматическими припарками. Дѣло дошло до того, что подагрикъ уже не могъ обойдтись безъ нея. Повременамъ она уставала тащить свою удочку; но ужь было ясно, что онъ виситъ крѣпко на ея концѣ. День-ото-дня становился онъ слабѣе и терялъ всякую способность къ сопротивленію. И все это время леди Макфарренъ была слѣпа (какъ часто слѣпнутъ даже великіе люди при подобныхъ обстоятельствахъ!): самая дерзость плана, по естественному ходу вещей, содѣйствовала къ ея ослѣпленію. Могло ли прійдти ей въ голову, что ничтожная дочь ничтожнаго шотландскаго чиновника вздумаетъ объявить притязанія на брачный союзъ съ графомъ, представителемъ знаменитѣйшей фамиліи?

— Позабавьте лорда Пибльза, Тибби: я выйду на часокъ. Ступайте гулять въ садъ, Тибби; дайте вашу руку лорду Пибльзу: онъ хромаетъ сегодня.

И добренькая Тибби выполняла всѣ эти и подобныя приказанія съ замѣчательнымъ усердіемъ.

Элеонора, однакожь, была не такъ слѣпа, какъ леди Макфарренъ. Изумленнымъ глазамъ ея вскорѣ представилась истина во всемъ свѣтѣ, и она увидѣла, что происходитъ въ стѣнахъ Гленкаррика какое-то странное волокитство, волокитство «*à l'envers*», потому-что въ настоящемъ случаѣ волокитой была женщина.

Когда кончился нескончаемый обѣдъ и мужская половина гостей опорожнила нѣсколько бутылокъ портвейна, было рѣшено посвятить весь вечеръ національнымъ танцамъ. Подагрическій

припадокъ, помѣшавшій лорду Пибльзу пріѣхать въ Эдинбургъ на свадьбу Элеоноры, былъ, вѣроятно, очень-слабъ, потому-что, въ короткое время изъ простаго зрителя лордъ Пибльзъ сдѣлался и самъ дѣйствующимъ лицомъ въ шумной сценѣ. Онъ плясалъ, подпрыгивалъ, кривлялся и выдѣлывалъ подчасъ преуморительныя гримасы въ назиданіе то Элеоноры, то миссъ Тибби. Нѣтъ надобности подсказывать, что Тибби, изумившая своимъ искусствомъ всю блистательную компанію, была во весь вечеръ неразлучною *дамою* своего кавалера.

Въ антрактѣ между фигурами, отдыхавшая пара дѣлала, по обыкновенію, разнообразныя замѣчанія о собравшихся гостяхъ. Лордъ Пибльзъ всегда отдыхалъ съ Тибби и подлѣ Тибби. Разъ, взглянувъ на какого-то рыжеватаго джентльмена въ пиджакѣ, онъ сказалъ ей :

— Это, кажется, мистеръ Малькольмъ, товарищъ вашего брата Кристисона, такъ ли, миссъ Тибби ? Зачѣмъ это онъ носитъ пиджакъ ? Мнѣ сказывали, будто онъ волочится за вами. Жаль, если правда: этотъ малый въ своемъ дурацкомъ костюмѣ похожъ, какъ двѣ капли воды, на привидѣніе Робы-Роя.

— Ахъ, какой вы забавный, лордъ Пибльзъ! воскликнула Тибби. —Вы уморите меня со смѣху этими сравненіями. Привидѣніе Роб-Роя! Что́ за идея! Тутъ однакожь, есть частица правды: природа, видите ли, надѣлила его обширными размѣрами. Впрочемъ, могу сообщить вамъ по секрету, что рука моя не будетъ принадлежать ни привидѣніямъ, ни бѣднымъ адвокатскимъ сынкамъ, каковъ, напримѣръ, мистеръ Малькольмъ, и волокитство его — увы! останется безъ всякаго успѣха. Привидѣніе Роб-Роя: кто́ бы могъ это подумать ? Да вѣдь это, просто, ужасъ! Объявляю, что я стану бояться васъ, лордъ Пибльзъ, если вы еще дадите просторъ своему сатирическому уму. Привидѣніе Роб-Роя! ха, ха, ха!

И Тибби хохотала съ такимъ усердіемъ, съ такою простосердечною наивностью, что графъ Пибльзъ рѣшительно убѣдился, что изъ вдохновенныхъ устъ его выпорхнула самая колкая, геніальная острота. Онъ самъ началъ смѣяться и самодовольно потиралъ руками, осматривая, между-тѣмъ, безсознательнаго Шотландца, бывшаго предметомъ его замѣчаній. Когда Тибби въ сотый разъ повторила шутку лорда Пибльза, взоръ ея внезапно встрѣтился съ глазами Элеоноры, которые произвели на нее весьма-непріятное впечатлѣніе, такъ-какъ ей показалось, быть-можетъ, не безъ основанія, будто она прочла въ нихъ выраженіе рѣшительнаго презрѣнія къ своей особѣ. Память объ этомъ выраженіи глубоко запала въ ея душу, и Тибби дала себѣ честное слово старой дѣвы, рано или поздно, расквитаться за эту обиду. Еще разъ, впродолженіе этого вечера, физіономія бѣдной Элеоноры подверглась инквизиторскому наблюденію Тибби. Лордъ Пибльзъ вздумалъ обратиться съ комплиментами къ своей бѣдной родственницѣ :

— О, если бы я встрѣтился съ вами, когда былъ помоложе! сказалъ онъ: — не прозябать бы мнѣ холостякомъ! Лилія — нѣжный и прелестный цвѣтокъ; вы нѣжнѣе и прелестнѣе лиліи, и я завидую своему кузену, сэру Стефену.

Элеонора улыбнулась на старика, когда онъ, ухмыляясь, произносилъ эту привѣтственную рѣчь. Въ ея улыбкѣ, чуждой всякой насмѣшки или колкости, выразилось какое-то состраданіе, и это не понравилось Тибби.

Передъ отправленіемъ въ спальню на эту ночь, Тибби Кристисонъ уже ненавидѣла всѣмъ своимъ дѣвственнымъ сердцемъ молодую леди Пенрайнъ. Думая о ней съ какою-то особенно-настойчивою яростью, она чуть не исколола себѣ руки, когда убирала свои локоны въ папильйотки. Бѣдная Элеонора! думала ли ты, когда читала вечернюю молитву, что въ двухъ комнатахъ отъ тебя неутомимо бодрствуетъ твой заклятой, непримиримый врагъ.

ГЛАВА XXI.

Гостепріимство въ Гленкаррикѣ.

Дà, Тибби Кристисонъ ненавидѣла Элеонору, хотя Элеонора еще ни чѣмъ не заслуживала этой ненависти. Чтò жь тутъ удивительнаго? Если бы мы наживали враговъ только за дѣйствительныя и добровольныя оскорбленія, дѣлаемыя нами, міръ этотъ превратился бы въ безконечное зрѣлище веселыхъ праздниковъ и братской любви.

Но не таковъ подлинный міръ, называемый не безъ основанія юдолью плача и скорби. Есть на свѣтѣ множество сердецъ вспыльчивыхъ и гнѣвныхъ, въ которыхъ желчь кипитъ и льется черезъ край, упадая крупными каплями на ближнихъ братьевъ и сестеръ. Одни ненавидятъ просто по наслышкѣ, другіе—за случайно-брошенное слово недоразумѣнія, третьи, терзаемые завистью, проникаются отчаянною ненавистью къ самымъ естественнымъ дарамъ, составляющимъ предметъ этой зависти. Дѣло извѣстное, что глупецъ всегда ненавидитъ умнаго человѣка; и если фортуна сосредоточила въ рукахъ глупца вещественное вліяніе на житейскія дѣла, горе умному человѣку! зависть отъищетъ въ немъ удивительные проступки, достойные кары.

Мы, однакожь, не станемъ утверждать, что Элеонора не оскорбляла никого и ничѣмъ. Всѣ человѣческія понятія болѣе или менѣе относительны, и въ глазахъ миссъ Тибби быть молодой и прекрасной уже значило быть обидчицей. Леди Макфарренъ, въ свою очередь, считала обидчицами всѣхъ, кто не пресмыкался передъ нею.

Элеонора была очень-мила и нѣжна; но въ ея характерѣ выражалось какое-то спокойное превосходство, нестерпимое для надменной и храброй ея золовки. Леди Макфарренъ думала видѣт-

у своихъ ногъ пораженную стыдомъ нищую, печальную и унылую, безъ памяти влюбленную въ ея брата, несовершеннолѣтнюю пансіонерку, безпокойную и робкую. Но когда новобрачная появилась въ Гленкаррикѣ, вся душа леди Макфарренъ взволновалась и растревожилась спокойнымъ достоинствомъ ея пріемовъ и глубиною мысли, отражавшейся въ ея умныхъ и серьёзныхъ глазахъ. Въ-добавокъ, руководимая женскимъ инстинктомъ, она вдругъ постигла, что Элеонора не любитъ сэра Стефена. Это обстоятельство увеличило подозрѣніе леди Макфарренъ, несомнѣвавшейся теперь, что семейный кризисъ былъ извѣстенъ вдовѣ и дочери, прежде чѣмъ онѣ сошлись съ ея братомъ. Она видѣла въ нихъ двухъ тонкихъ и хитрыхъ интриганокъ, которымъ, при помощи заранѣе составленнаго и обдуманнаго плана, удалось мастерски выпутаться изъ фамильныхъ затрудненій. Какъ же иначе? Развѣ можно потерять такую пропасть денегъ и оставаться между-тѣмъ совершенно-спокойными? Ясно, что все это было предусмотрѣно и предотвращено.

Оно правда, Стюартъ потонулъ, для избѣжанія позора и заслуженнаго наказанія; только что̀ жь изъ этого? Это нисколько не относится къ леди Рэймондъ и заносчивой ея дочкѣ. Деньги — вотъ въ чемъ вся сила. Какъ она смѣетъ оставаться хладнокровною при сознаніи своего нищенства, между-тѣмъ, какъ еще недавно считалась богатѣйшею наслѣдницею? Какъ она смѣетъ во всѣхъ отношеніяхъ вести себя такъ, какъ-будто за нею были мильйоны приданаго? И говорите послѣ этого, что Элеонора невиновата!

А что̀ всего хуже, не подлежитъ, вѣдь, ни малѣйшему сомнѣнію, что она не любитъ своего мужа. Сносно ли это? Стерпимо ли? Леди Макфарренъ никому бы въ свѣтѣ не простила такой отчаянной обиды. Окаменѣлое сердце ея ужь давно утратило способность къ изліянію нѣжныхъ ощущеній; но брата своего она любила, сколько могла любить. То правда, что бо̀льшую часть наслѣдства послѣ старика-отца она съумѣла прибрать къ своимъ рукамъ, вопреки интересамъ сэра Стефена; но это значило только то, что деньги любила она больше всего на свѣтѣ. Послѣ денегъ она любила сэра Стефена, не какъ брата, можетъ-быть, а какъ единственнаго представителя знаменитой шотландской фамиліи, но все же любила. Тѣмъ, стало-быть, досаднѣе, что его провели, одурачили, запутали, заманили — и кто же? блѣдная, тощая дѣвчонка, родившаяся въ Индіи, воспитанная плутомъ, тонкая и хрупкая, какъ камышъ, гордая, какъ султанша, бѣдная, какъ пастушка. А вѣдь ему бы ничего не значило жениться на герцогской дочери, богатѣйшей красавицѣ, которая, въ-добавокъ, принесла бы въ приданое пламенную любовь своему мужу! Вотъ что̀ всего досаднѣе, и вотъ за что̀ посыпались на Элеонору стрѣлы колкихъ насмѣшекъ, оскорбленій, униженій! Кто же станетъ утверждать, что все это не въ порядкѣ вещей?

На базарѣ житейской суеты интересныя сцены въ этомъ родѣ разъигрываются сплошь да рядомъ.

Понятно, что Элеонора должна была страдать, и дѣйствительно страдала подъ вліяніемъ всѣхъ этихъ враждебныхъ отношеній; но она не жаловалась, не сопротивлялась и не обнаруживала никому непріязненныхъ чувствъ. Можно было подумать, что она сама называлась на всѣ эти оскорбленія, потому-что не хотѣла и понимать, чтобъ оскорбленіе могло быть добровольнымъ и разсчитаннымъ заранѣе. Ея осторожность и апатія къ окружавшимъ особамъ возрастали въ замѣтной степени; но она всегда была спокойна и учтива. Ей въ голову не приходило, чтобъ противъ нея могъ быть составленъ какой-нибудь заговоръ, и она просто вела себя такъ, какъ-будто привелось ей жить между безпокойными и непріятными людьми. Такой образъ поведенія рѣшительно сбивалъ съ толку и выводилъ изъ себя леди Макфарренъ.

Остроумная на выдумки, леди Макфарренъ всегда сочиняла для юной своей родственницы какое-нибудь маленькое безпокойство. Знакомые съ жизнью знаютъ очень-хорошо, что эти такъ-называемыя маленькія безпокойства огорчительнѣе иной разъ величайшихъ несчастій, которымъ мы готовы противопоставить свою нравственную энергію, поддерживаемую высокой мыслью о необходимости переносить жестокіе удары судьбы. Но тутъ ужь безполезна всякая энергія; тутъ просто надобно терпѣть, невмѣняя даже себѣ въ заслугу этого терпѣнья: мелкая война, мелкій тріумфъ, мелкое страданіе, и никакого сопротивленія. Однажды рѣчь зашла о томъ, не нужно ли поставить диванъ въ комнату леди Рэймондъ? Завела эту рѣчь старушка Кристисонъ, которая находила крайне-неудобнымъ для леди Рэймондъ ложиться иногда для отдыха въ постель среди бѣлаго дня.

— Диванъ! А зачѣмъ это ей диванъ? позвольте спросить, воскликнула леди Макфарренъ.—Вы здоровы, такъ извольте сидѣть; больны — такъ раздѣвайтесь, ложитесь въ постель и посылайте за докторомъ — вотъ и все тутъ. Охъ, ужь эти мнѣ лондонскія леди! Если этакъ каждая женщина захочетъ притащить диванъ въ свою комнату, такъ на что, спрашивается, будетъ похожъ мой домъ? Да ужь не случилось ли чего-нибудь? Если она больна въ-самомъ-дѣлѣ, пошлите за докторомъ. Ну, а если не больна, такъ нечего и толковать всякій вздоръ. Въ гостиной вотъ стоитъ диванъ: пусть она лежитъ здѣсь, если хочетъ.

Въ другой разъ произошелъ страшный шумъ въ корридорѣ верхняго этажа, гдѣ спала прислуга. По всему дому раздавался громкій гнѣвный голосъ леди Макфарренъ, сопровождаемый тихими всхлипываніями и рыданіями какой-то другой особы. То была бѣдная Айяга, валявшаяся на полу, между-тѣмъ, какъ леди Макфарренъ размахивала на нее своимъ грознымъ кулакомъ.

— Не позволю я этого, не позволю! кричала леди Макфарренъ.—Прочь съ этими кострюлями и горшками! Въ жизнь не

видала я такихъ языческихъ глупостей. Если тварь эта не можетъ ѣсть здоровой пищи вмѣстѣ съ другими людьми, пусть, по-мнѣ, издыхаетъ съ голоду, или убирается, куда хочетъ. Прочь все это, прочь! Чтобъ впередъ я и не слышала объ этомъ!

Тогда Элеонора поняла причину этого гвалта: Айяга была Индіянка и, какъ одинъ изъ догматовъ ея религіи запрещалъ употреблять пищу въ сосудахъ, которые ужь были въ рукахъ особъ другаго вѣроисповѣданія, то она всегда варила себѣ рисовую кашицу въ горшкахъ и кострюляхъ, отнимаемыхъ теперь у нея безъ дальнѣйшей церемоніи.

Элеонора бросила на свою няню сострадательный взоръ.

— Ничего, моя милая, сказала она: — не плачь: я куплю тебѣ другую посуду. У тебя будутъ новые горшки и кострюли.

Ядовитъ и презрителенъ былъ смѣхъ, съ какимъ леди Макфарренъ встрѣтила это заступничество.

— Вы купите другую посуду? вскричала она. — Право, леди Пенрайнъ, вы еще молодёхоньки, чтобъ хозяйничать въ чужомъ домѣ. Вы купите другую — чѣмъ же заплатите, сударыня? Развѣ вотъ этимъ! заключила она, указывая на ожерелье изъ золотыхъ монетъ, висѣвшихъ на шеѣ Индіянки.

Элеонора не отвѣчала, и никто не могъ сказать, слышала она или нѣтъ грубую выходку своей родственницы. Склонившись надъ Айягой, она продолжала разговаривать съ нею, употребляя нѣжныя индійскія выраженія, заученныя въ дѣтствѣ. Когда Индіянка встала и пошла въ свою комнату, Элеонора послѣдовала за нею, проходя мимо слугъ госпожи ихъ и миссъ Тибби, какъбудто всѣ эти люди были древесными вѣтвями, сокрушенными бурей.

Унизить Элеонору было постояннымъ стараніемъ леди Макфарренъ, и однакожь, Элеонора никакъ не унижалась. Она не боялась громкихъ словъ, не стыдилась своей бѣдности и не понимала даже половины обращаемой на нее брани. Современемъ, впрочемъ, отъискалась въ ней одна слабая сторона, доступная оскорбленіямъ. Внезапный взглядъ на леди Рэймондъ, включенную въ эту систематическую войну, обнаружилъ, что всякая насмѣшка или рѣчь, оскорбительная для матери, была вдвое-чувствительнѣе для дочери, такъ-что, выражаясь словами миссъ Тибби, достойной собесѣдницы леди Макфарренъ, Элеонора вздрагивала, какъ кроликъ, когда запускали стрѣлку въ леди Рэймондъ. И хотя леди Рэймондъ весьма-часто утѣшала себя успокоительною мыслью о невозможности злонамѣренныхъ рѣчей, выдумываемыхъ нарочно на ея счетъ, и невинно замѣчала, что «жизнь между необразованными людьми непріятна потому въ-особенности, что нѣтъ въ нихъ никакой деликатности и такта», однакожь, были и такіе случаи, когда ужь никакъ нельзя было сомнѣваться въ злонамѣренности мѣтконаправленной обиды. И дѣйствительно, случилось одинъ разъ, что леди Рэймондъ—особа, какъ извѣстно, слишкомъ-слабонервная и неумѣющая вла-

Здѣсь даже леди Макфарренъ пріостановилась и ужь Тибби приняла на себя трудъ развить и докончить ея мысль.

— Маменька, я увѣрена, будетъ очень-рада заплатить свою долю, сказала Элеонора. —Мы не знали... сэръ Стефенъ никогда не говорилъ мнѣ... я такъ мало понимаю эти дѣла.

— За васъ собственно, леди Пенрайнъ, мы сведемъ свои счеты съ вашимъ мужемъ; но что̀ касается до вашей матушки, такъ ужь это иное дѣло. Вы понимаете?

Ка̀къ не понимать?... Такъ вотъ она, жизнь, поддерживаемая чужимъ кускомъ хлѣба! И эти люди, богатѣйшіе шотландскіе помѣщики, торгуются между собою изъ-за мелочныхъ насущныхъ удобствъ, которыя слѣдовало бы предлагать отъ чистаго сердца, единственно изъ уваженія къ священному долгу гостепріимства! И гости этихъ людей вынуждены платить наличною монетой за каждый кусокъ, предлагаемый жадными руками!

Элеонора рѣшилась спросить мужа, долго ли еще они намѣрены прогостить въ Гленкаррикѣ. Она рѣшилась на большой подвигъ — просить сэра Стефена оставить Гленкаррикъ.

Почему же не оставить? У ней есть свой собственный домъ. Правда, она не видала его, но все же онъ существуетъ, этотъ собственный домъ: для этого она и вышла за̀мужъ. Вѣдь эту жертву принесла она для своей матери, которую надлежало спасти отъ необходимости почувствовать горестную перемѣну обстоятельствъ, произведенныхъ ошибкою ея опекуна. Изъ-за этого дома отдала она свою руку: пусть же покажутъ ей этотъ пріютъ. Она хочетъ ѣхать туда, и съ нею, вслѣдствіе брачнаго контракта, поѣдетъ ея собственная мать. Завтра, если только можно, она отправится въ за̀мокъ Пенрайнъ.

Оказалось, однакожь, что никакъ нельзя. Сэръ Стефенъ выслушалъ просьбу своей жены съ мрачною раздражительностью. Онъ сказалъ, что ужь у него всегда заведено было отъ двухъ до трехъ мѣсяцовъ проводить охотничій сезонъ въ Гленкаррикѣ, и что онъ нисколько не намѣренъ сокращать свой визитъ изъ-за какихъ-нибудь недоразумѣній между женщинами. Онъ рекомендовалъ Элеонорѣ вести себя тише воды, ниже травы передъ его сестрой; и если, сверхъ чаянія, леди Макфарренъ пріидетъ опять въ раздражительное состояніе духа, то Элеонора и матушка ея должны извиниться передъ нею. Что̀ жь касается до особенныхъ расходовъ, употребляемыхъ на содержаніе леди Реймондъ, сэръ Стефенъ еще не думалъ объ этомъ; впрочемъ, пожалуй, онъ готовъ заплатить за тёщу, если желаетъ этого Элеонора, хотя лейтенантъ Марсденъ, кажется, увѣдомилъ его, что у леди Рэймондъ есть своя собственность, образовавшаяся изъ капитала, переведеннаго на ея имя великодушнымъ Годфри. Во всякомъ случаѣ, они останутся въ Гленкаррикѣ до урочнаго времени. Онъ изъявилъ положительную надежду, что впередъ до его ушей не будутъ доходить никакіе споры или недоразумѣнія. Сестра ужь и безъ того жаловалась ему, что Элеонора иной разъ отвѣчаетъ ей

грубо: этого не должно быть. Она считаетъ Элеонору гордою и надменною: Элеонора не должна гордиться. Въ порядочномъ семействѣ не будетъ никакого порядка, если станутъ поднимать носъ и чваниться Богъ-знаетъ чѣмъ: этого не потерпитъ сэръ Стефенъ и, въ случаѣ нужды, онъ не замедлитъ принять рѣшительныя мѣры. Годфри представлялъ ему поведеніе и характеръ Элеоноры совершенно въ другомъ свѣтѣ: не-уже-ли Годфри обманулъ его? И сказавъ это, сэръ Стефенъ вышелъ изъ комнаты.

То былъ будуаръ Элеоноры. Она встала, отворила окно и принялась смотрѣть на голубое озеро и на пурпуровые холмы съ лихорадочною дрожью, дикими, жадными глазами, какъ-будто ея счастье лежало гдѣ-то тамъ, далеко, за предѣлами земли. День былъ жаркій и тихій. Въ атмосферѣ распространялся сильный сосновый запахъ, какъ между древними соснами на горныхъ вершинахъ. Глаза Элеоноры машинально блуждали по настоящимъ сценамъ, между-тѣмъ, какъ сердце ея блуждало по сценамъ прошедшимъ. Такъ вотъ оно, отечество Давида Стюарта, столько имъ любимое, страна, къ которой онъ стремился всѣми силами своей души, страна, давно-знакомая ей по многочисленнымъ его рисункамъ! О, лучше бы въ тысячу разъ умереть, чѣмъ жить здѣсь при подобныхъ обстоятельствахъ! Лучше бы умереть на его груди, когда онъ ее, безчувственную, держалъ въ своихъ объятіяхъ, чѣмъ жить на его родинѣ женою другаго человѣка. Сэръ Стефенъ! ка́къ хлопоталъ онъ жениться на ней! ка́къ мало любилъ онъ ее! и ка́къ это жестоко съ его стороны—не оказывать никакого покровительства бѣдной ея матери, которая въ жизнь свою никого не оскорбляла обиднымъ словомъ! Глаза юной супруги наполнились гнѣвными слезами, ея щеки запылали и она выставилась изъ окна, чтобъ еще жаднѣе смотрѣть на отдаленные холмы.

Есть въ Лансдаунской Башнѣ картина Ван-Гольста, чрезвычайно-похожая на Элеонору въ этой ея позѣ. Она представляетъ плачущую Джиневру въ моментъ величайшаго отчаянія. Художникъ геніальной кистью изобразилъ гнѣвъ женщины и ея тоску, смѣшанную съ какимъ-то дикимъ и бурнымъ безпокойствомъ, черезъ которое, однакожь, тускло проглядываетъ инстинктъ возможности избавленія.

Случилось такъ, что въ это самое время старушка Кристисонъ гуляла передъ домомъ на лужайкѣ. Взоръ ея упалъ на это молодое, блѣдное, гнѣвное, отчаянное лицо и нѣсколько минутъ она наблюдала его съ безмолвнымъ изумленіемъ. Мистриссъ Кристисонъ была добрая старушка. Она взбѣжала на сосновую лѣстницу и, непереводя духу, вошла въ комнату Элеоноры.

— Душечка моя, сказала мистриссъ Кристисонъ, когда Элеонора обернулась, какъ испуганная лань: — я все смотрѣла на васъ издали, вонъ тамъ, смотрѣла да и думаю себѣ: пойду-ка я къ ней; авось словцо другое-третье перемолвимъ. Народъ-то здѣшній, видите ли, все сорви-голова, такъ-что и Боже упаси! Леди Мак-

фарренъ, нечего сказать, всегда была съ норовомъ; а теперь ужъ просто изъ рукъ вонъ. Никакой сноровки и ничего на деликатную ногу!

Элеонора вздохнула. При этомъ совершенномъ одиночествѣ, среди непріязненныхъ людей, участіе даже мистриссъ Кристисонъ показалось ей трогательнымъ. Она отвѣчала съ кротостью:

— Я думала о матушкѣ, мистриссъ Кристисонъ, и это привело меня въ печальное расположеніе духа.

— Это дѣлаетъ вамъ много чести, леди Пенрайнъ: добрая дочь всегда заботится о своей матери (Тибби никогда не заботилась о старушкѣ, Богъ съ ней!). Мнѣ-таки, признаться, и самой пришло въ голову, что вотъ, молъ, оно какъ! Я перебросилась двумя-тремя вопросцами съ этимъ старикомъ, Санди, и вашей индійской нянькой: они объяснили мнѣ почти все, что относится къ леди Рэймондъ. Нехорошо, Богъ ихъ помилуй, нехорошо, да и стыдно! Я готова, съ своей стороны, сдѣлать все, чтобъ утѣшить леди Рэймондъ: авось будетъ ей и получше. Вы ужь, пожалуйста, не дичитесь меня, душечка, потому-что, съ позволенія сказать, я вамъ *не чужая*, да и полюбила-то васъ съ перваго взгляда. Я знала всѣхъ этихъ Стюартовъ и могу сказать по чистой совѣсти, что мистриссъ Стюартъ была превосходнѣйшая женщина. Мое сердце кровью обливается, когда припоминаю, что она должна была вытерпѣть, бѣдняжка! Я-таки частенько выхожу изъ дому на кладбище и смотрю на ея могилу, и мнѣ, право, очень-больно, что я завладѣла Донлисомъ. Да-съ! И дѣтки-то ея, что твои цвѣточки, молоденькія, хорошенькія, всѣ перемерли, бѣдняжки, всѣ до единаго-единственнаго! А ужь лучше-то ихъ всѣхъ, и добрѣе, и статнѣе, и красивѣе, былъ Давидъ — помяни Богъ его душеньку! И, вѣдь, онъ приходилъ къ намъ, года, этакъ, за два передъ этимъ... не къ намъ то-есть, а въ свой незабвенный Донлисъ, въ садъ прокрался, и гулялъ тамъ, и землю цаловалъ, и плакалъ, такъ-что у моего садовника, который все это видѣлъ и намъ пересказалъ, сердце надорвалось. Вотъ съ той-то самой поры мнѣ все и мерещется, будто я воровски завладѣла Донлисомъ!.. Но вы еще молоды, леди Пенрайнъ, а жизнь, вѣдь, то же, что колесо: перевернется и покатится по гладкой дорогѣ. Господь вѣдаетъ, что для насъ идетъ къ лучшему или худшему. Не унывайте, душечка, и крѣпко вѣруйте въ милосердіе Божіе. А я ужь сдѣлаю все, что могу для леди Рэймондъ. Только помалчивайте.

И точно, мистриссъ Кристисонъ сдѣлала все, что могла, хотя это не доставило большаго утѣшенія Элеонорѣ. Аккуратно каждый день старушка приносила въ комнату леди Рэймондъ горячій картофель, сладкія варенья, свѣжія яица и усердно угощала всѣми этими лакомствами не далѣе, какъ черезъ часъ послѣ скучнаго завтрака, который обыкновенно оканчивался очень-рано. Она ставила небольшую скамеечку подъ ноги немощной леди и тщательно наблюдала, чтобъ въ ея каминѣ горѣлъ неугасимый огонь.

Но леди Рэймондъ не то, что Элеонора: всѣ эти угощенія и ласки мистриссъ Кристисонъ дотого разнѣжили печальную вдову, что она залилась горчайшими слезами, когда услыхала, что Тибби съ матерью уѣзжаютъ домой, и сказала при всѣхъ, безъ малѣйшей церемоніи, что въ несравненной мистриссъ Кристисонъ она теряетъ единственнаго нѣжнаго друга, присутствіе котораго служило для нея драгоцѣннымъ утѣшеніемъ въ этомъ несносномъ Гленкаррикѣ. Прощаясь съ ними, леди Рэймондъ изъявила надежду, что матушка и дочка не замедлятъ пріѣхать къ нимъ изъ Донлиса въ Пенрайнъ, и что она съ Элеонорой тоже за первый долгъ сочтутъ навѣстить ихъ въ Донлисѣ. На все это Элеонора согласилась съ выраженіемъ изумленной грусти. Лордъ Пибльзъ, какъ само-собою разумѣется, тоже получилъ приглашеніе, и подагрикъ замѣтилъ Элеонорѣ шутливымъ тономъ, что она пріиметъ на себя трудъ сама варить для него кашицу и нагрѣвать его туфли. Леди Маргарета обѣщалась пріѣхать, какъ-скоро отпустятъ ее Ланарки. Годфри и Эмма должны были явиться съ визитомъ по окончаніи своего траура. Старикъ Фордайсъ скончался. Параличъ былъ столько силенъ, что достопочтенный пасторъ никогда не могъ совсѣмъ оправиться отъ удара и никогда не могъ произнести связно двухъ словъ сряду. Онъ угасалъ постепенно — и угасъ.

То была темная жизнь, проведенная въ безвѣстной деревнѣ; но жизнь тѣмъ неменѣе исполненная добрыхъ дѣяній. Бѣдные оплакали съ единодушнымъ усердіемъ великодушнаго пастора; а Элеонора, оплакивая въ немъ перваго друга своего дѣтства, остановила свое вниманіе на томъ послѣднемъ днѣ, когда онъ, одинъ изъ всѣхъ, пожалѣлъ «бѣднаго Давида Стюарта.»

ГЛАВА XXIII.

Новый домъ Элеоноры.

Лучезарное осеннее солнце сіяло во всемъ своемъ торжественномъ величіи въ тотъ день, когда Элеонора выѣхала изъ Гленкаррика въ замокъ Пенрайнъ. Озеро, тихое и спокойное, казалось сапфирнымъ. Серебристая береза и величественная сосна, сгруппированныя въ дружномъ сосѣдствѣ съ листьями буковаго дерева, проносились прекрасною мечтою передъ глазами путешественниковъ. Цвѣтъ вереска, распростертаго на цѣлые десятки миль, журчаніе быстрыхъ потоковъ, пробѣгавшихъ черезъ камни и утесы, трудный въѣздъ на крутыя горы, представляющія на своихъ вершинахъ новый міръ холмовъ и долинъ посреди живописныхъ окрестностей — такова была двигавшаяся панорама, продолжавшаяся во весь день. Наконецъ роскошный свѣтъ началъ увядать, малиновые и пурпуровые холмы потемнѣли до степени желѣзнаго цвѣта, и нѣжная луна быстро взошла

на горизонтъ, прежде чѣмъ закатилось солнце, какъ-будто желая утѣшить землю, покидаемую великолѣпнымъ свѣтиломъ.

Элеонора была почти-весела этотъ день. Чувство освобожденія отъ мелкихъ пытокъ, мысль о возможности защищать и покровительствовать мать въ своемъ собственномъ домѣ, красота мѣстностей, свѣжесть горнаго воздуха — все это производило чувство оживленія и веселости, столько чуждое ея сердцу въ послѣднее время. Она разговаривала и улыбалась, какъ-будто сэръ Стефенъ доставлялъ ей величайшее наслажденіе; но самъ онъ былъ, однакожь, мраченъ и задумчивъ. Сестра, на прощаньи, повидимому вылила на него весь остатокъ своей желчи. Слова сомнѣній и двусмысленныхъ совѣтовъ еще раздавались въ его ушахъ, и веселость Элеоноры противорѣчила, какъ-нельзя-больше, настроенію его собственной мысли. Въ немъ проглядывали какое-то странное торжество и жестокость, бывшія плодомъ непосредственныхъ внушеній леди Макфарренъ, увѣрявшей его поутру, что «вотъ, посмотри самъ, твоя Элеонора будетъ сегодня веселёхонька, такъ-какъ ей приходится теперь разъигрывать свою собственную роль». Теперь онъ и самъ начиналъ вѣрить, что его дѣйствительно «провели какъ дурака», что мать и дочь знали положеніе своихъ дѣлъ, прежде чѣмъ онъ сдѣлалъ предложеніе. И сэръ Стефенъ смотрѣлъ съ крайнимъ неудовольствіемъ на улыбку своей жены.

Прошелъ первый пылъ чувственной страсти, и сэръ Стефенъ ужь былъ способенъ смотрѣть спокойными глазами на свой выборъ. Прекрасною была она въ его глазахъ, какъ статуя или картина, и онъ думалъ о ней безъ всякаго романическаго увлеченія, какъ собиратель рѣдкостей думаетъ о вновь-купленной статуѣ или картинѣ. Ужь не дорого ли заплатилъ онъ за свою покупку? Не обманули ли его?

Другія мысли и другія опасенія, относившіяся къ тому времени, когда онъ еще не былъ знакомъ съ Элеонорой, равномѣрно тревожили сэра Стефена, и потому былъ онъ въ самомъ угрюмомъ расположеніи духа. Онъ неохотно отвѣчалъ на вопросы жены, и сидѣлъ облокотясь съ зажмуренными глазами, какъ-будто спалъ. Но когда они стали подъѣзжать къ зáмку Пепрайну, летаргическая апатія оставила его. Тревожимый какимъ-то внутреннимъ безпокойствомъ, сэръ Стефенъ опустилъ окно, и глубокіе вздохи начали поминутно вырываться изъ его груди.

— Вамъ скучно? спросила Элеонора.

— Да. Нѣтъ. Ничего.

— Вы, можетъ-быть, утомились продолжительностью пути?

— Можетъ-быть.

— А я нахожу, что это—очаровательная поѣздка. Не правда ли?

— Правда для тѣхъ, кто любитъ путешествовать. Я не люблю. Я желаю всегда быть на ногахъ. Чтó за удовольствіе быть закупореннымъ въ каретѣ?

И онъ съ нетерпѣніемъ выглянулъ изъ окна.

— Вы очень любите это мѣсто?

— Какое? Чтó вы подъ этимъ разумѣете?

— Зáмокъ Пенрайнъ. Любите ли вы свое помѣстье?

Сэръ Стефенъ отвѣчалъ съ выраженіемъ очевидной досады. Онъ сказалъ, что нелѣпо и смѣшно разсуждать о любви къ какому бы то ни было мѣсту. Можно любить общество, людей, а не вещи. Зáмокъ Пенрайнъ — ничего, такъ-себѣ, хотя Ланаркская Ложа гораздо-лучше. Впрочемъ, онъ замышляетъ произвести различныя улучшенія въ зáмкѣ. Валлійское помѣстье во всякомъ случаѣ лучше Пенрайна, и ему очень-жаль, что Гленкаррикъ не достался на его долю: Гленкаррикъ—чудесное мѣсто для охоты. Элеонора могла это видѣть.

Покончивъ эти сентенціи, онъ впалъ въ глубокое молчаніе. Замолчала и Элеонора. Ей пришло въ голову, полюбитъ ли она зáмокъ Пенрайнъ. Она думала о Донлисѣ.

Карета остановилась у высокихъ каменныхъ воротъ, окаймленныхъ густою массой огромныхъ соснъ. Что-то суровое, торжественное, величавое обнаруживалось въ ихъ архитектурѣ, лишенной всякаго искусственнаго украшенія. Позвонили, и этотъ звонъ въ тихую вечернюю погоду загудѣлъ на огромномъ пространствѣ. Послѣдовала пауза. Дверь ложи отворилась и захлопнулась опять. Сэръ Стефенъ разразился бранью.

— Вѣроятно, забыли ключъ отъ воротъ, замѣтила Элеонора.

— Я ужь давно здѣсь не былъ, отвѣчалъ угрюмый супругъ. — Въ мое отсутствіе, по всей вѣроятности, ни одна карета не проѣзжала въ эти ворота. Впрочемъ, дано было знать, что мы ѣдемъ, и насъ ожидали.

Онъ устремилъ нетерпѣливый взоръ на ложу, изъ которой наконецъ вышла молодая женщина, сопровождаемая сильнымъ мальчикомъ трехъ или четырехъ лѣтъ. Уцѣпившись за подолъ матери, мальчикъ вперилъ глаза въ экипажъ.

— Ну, Бриджетъ, здравствуй! Отвори ворота, и не задерживай насъ на всю ночь, сказалъ сэръ Стефенъ полу-гнѣвнымъ и полу-фамильярнымъ тономъ.

Приказаніе было выполнено. Женщина торопливо отперла ворота и стремительно раздвинула обѣ половины.

Зáмокъ Пенрайнъ былъ пустъ и одинокъ; сэръ Стефенъ былъ раздражителенъ и вспыльчивъ; леди Рэймондъ немощна и тѣломъ и духомъ; Элеонора скучала и задумывалась со дня на день, съ часу на часъ. Когда Тибби пріѣхала въ гости, ей удалось найдти въ своей комнатѣ копію забытыхъ тутъ стиховъ. Тибби любила свѣтскія общества и распорядилась своимъ визитомъ въ такое время, когда ожидали въ зáмкѣ Ланарковъ, и леди Маргарету, и графа Пибльза. Вскорѣ также пріѣхала Эмма съ дѣтьми, и весь домъ наполнился народомъ. Для Тибби отвели маленькую солнечную комнату, окнами въ садъ, настоящую бесѣдку, куда Элеонора уединялась рисовать, мечтать и писать. Это былъ одинъ изъ уютныхъ и веселыхъ уголковъ, обыкновен-

но выбираемыхъ для себя владѣльцами великолѣпныхъ домовъ, какъ-будто для доказательства, что великолѣпіе несовмѣстно съ комфортомъ. Поселившись въ комнатѣ, носившей очевидно слѣды недавняго обитанія, Тибби немедленно принялась рыться, какъ хорёкъ, и вскорѣ, какъ сказано, отъискала портфейль, забытый здѣсь при переборкѣ. При этомъ старая дѣва обрадовалась, какъ бѣлка, отъискавшая цѣлую кучу прекраснѣйшихъ орѣховъ. Съ жадностью начала она перебирать портфейль, надѣясь поживиться какимъ-нибудь маленькимъ секретомъ, или инымъ способомъ распорядиться драгоцѣнной находкой.

Сначала тревожныя ожиданія старой дѣвы почти не оправдывались, потому-что содержаніе портфейля казалось весьма-неинтереснымъ. То были полуоконченные рисунки, болѣе или менѣе мелкіе: образчики бесѣдокъ и палисадника, проекты хижинъ, планъ новой школы, подъ которымъ рукою Маргареты было подписано карандашомъ: «вы забыли лѣстницу: развѣ школьный учитель будетъ карабкаться въ свою комнату по стѣнѣ?» Бросился еще въ глаза подробный проектъ общей деревенской кухни, въ которой бѣдные за извѣстную еженедѣльную плату могли бы приготовлять для себя кушанье. Тибби хохотала вдоволь надъ этой странной затѣей; но не того искала она. Ей бы въ тысячу разъ пріятнѣе было наткнуться на какое-нибудь нѣжное посланіе, которое могло бы послужить матеріаломъ для изслѣдованія сердечныхъ отношеній нашей героини. Посланія не оказалось; но все же, къ величайшей своей радости, старая дѣва отъискала копію стиховъ, озаглавленныхъ: «Аспендэйль». Тибби припомнила, что такъ называлось мѣсто, гдѣ Элеонора провела первые годы своей юности. «Ого! тутъ, авось будетъ чѣмъ поживиться!» воскликнула Тибби. Конечно, думала она, въ стихахъ бо́льшею-частью говорится вздоръ, нестоющій вниманія; но бываетъ и такъ, что сантиментальныя дуры выбалтываютъ иной разъ стихами все, что́ у нихъ на умѣ. И подъ вліяніемъ этой мысли, она прочла стихотвореніе леди Пенрайнъ съ глубочайшимъ вниманіемъ. Ничего особеннаго: почти въ общихъ выраженіяхъ Элеонора описываетъ свою родину и послѣдніе годы, проведенные въ Аспендэйлѣ. Тамъ была она счастлива и спокойна; тамъ надѣялась провести всю свою жизнь. Но вотъ колесо фортуны обернулось, и волны жизненнаго океана занесли ее на чужбину, въ край невѣдомый, далекій и неласковый. Ей грустно; тоска сжимаетъ ея сердце; мечты погибли, лучшія надежды исчезли, молодость увядаетъ безплодно — какой же будетъ этому конецъ? И только. И больше ничего.

Никакъ нельзя сказать, чтобъ Тибби отличалась особенною наклонностью къ поэтическимъ произведеніямъ; но этотъ стихотворный отрывокъ она прибрала къ своимъ рукамъ и, при первомъ представившемся случаѣ, показала леди Макфарренъ, предъявивъ напередъ свое мнѣніе относительно того, что леди Пенрайнъ, должно-быть, удивительная охотница до слезъ и вздо-

ховъ. Леди Макфарренъ замѣтила, въ свою очередь, что ей просто житья нѣтъ съ такой несносной плаксой. «И о чемъ она все хнычетъ? добавила леди Макфарренъ. — Есть у ней домъ, и хлѣбъ, и всякая роскошь, какую только можно купить за деньги: чего жь еще не достаетъ? Плакса, глупая плакса!»

Но замокъ повеселѣлъ съ прибытіемъ леди Маргареты, которой повидимому суждено было повсюду разносить съ собою всякія удовольствія и отраду. Тоскливость Элеоноры произвела на нее непріятное впечатлѣніе, и она вызвала ее на откровенныя объясненія, въ которыхъ не могло быть ей отказано, какъ единственному искреннему другу, и само-собою разумѣется, что Элеонора сообщила ей всѣ подробности относительно своего житья. Леди Маргарета съ изумленіемъ выслушала грустную повѣсть юной супруги, столько любимой въ невѣстахъ, и пренебрегаемой теперь суровымъ мужемъ, который не стыдился даже браниться въ ея присутствіи. Этого ли должно было ожидать отъ сэра Стефена, который съ такою настойчивостью домогался ея руки?

Глубокій вздохъ вырвался изъ ея груди, когда Элеонора перестала говорить, и было ей жаль, что она первая подала совѣтъ на этотъ бракъ. Затѣмъ леди Маргарета высказала нѣсколько простыхъ мыслей, драгоцѣнныхъ для каждой молодой супруги.

— Милая Элеонора, сказала она: — жребій брошенъ: каковы бы ни были недостатки этого человѣка, или недостатки его родственниковъ, отъ него и отъ нихъ тебѣ нельзя освободиться, потому-что судьба связала тебя съ ними на всю жизнь. Слѣдовательно, такъ или иначе, должно поладить съ ними. Это было бы полезно во всякомъ случаѣ, независимо отъ твоего долга; но теперь именно въ этомъ состоитъ прямая твоя обязанность. Много есть вещей, болѣе или менѣе-полезныхъ въ этой жизни, также, какъ много бываетъ дорòгъ, по которымъ мы можемъ идти; но есть только одна истинная, прямая дорога. При нѣкоторомъ размышленіи нетрудно понять, чтò предстоитъ намъ дѣлать въ извѣстное время, хотя невсегда можно различать послѣдствія, какія могутъ произойдти отъ нашего поступка. Пусть нравственнымъ правиломъ для жизни будетъ для тебя старинный французскій девизъ: «Fais ce que dois, advienne qui pourra». Будь весела, снисходительна, терпѣлива; смотри впередъ, не оглядывайся назадъ. Старайся смотрѣть на всѣ бѣдствія жизни, какъ на искушенія, ниспосылаемыя самимъ Богомъ, независимо отъ человѣческой воли — и тогда въ сердцѣ твоемъ навсегда утвердится отрадная надежда, безъ которой нѣтъ и быть не можетъ душевнаго спокойствія.

Такое утѣшеніе, нѣтъ сомнѣнія, было въ тысячу разъ благодѣтельнѣе для Элеоноры, нежели какъ еслибъ кто сказалъ ей, что мужъ ея — эгоистъ, и что съ такими совершенствами, физическими и нравственными, она заслуживаетъ лучшей участи. Весь домъ рѣшительно повеселѣлъ. Одна Тибби еще продолжала

повременамъ надувать свои дѣвственныя губы; но примѣръ ея никого не заражалъ. Герцогиня ланаркская играла на арфѣ своими прекрасными бѣлыми руками, и смотрѣла на потолокъ своими бархатными большими глазами каждый вечеръ, къ величайшему наслажденію и удивленію молодыхъ спортсменовъ, пріѣхавшихъ на недѣлю въ Пенрайнъ бить оленей и дикихъ козъ. Лордъ Пибльзъ блаженствовалъ всякій разъ, какъ, при звукахъ очаровательной музыки, начинались танцы, и Тибби, исполненная дѣвственнаго величія, однажды замѣтила даже подагрику, чтобъ онъ не изволилъ забываться. Даже леди Макфарренъ въ такомъ хорошемъ обществѣ значительно поубавила спѣси, такъ-какъ вообще было у ней заведено презирать низшихъ себя и унижаться безъ всякой церемоніи передъ всѣми, кто стоялъ выше.

Не разъ предпринимались разныя увеселительныя поѣздки въ ближайшія мѣста, и одна изъ такихъ экспедицій привела Элеонору въ сильнѣйшее волненіе, потому-что цѣлью путешествія былъ Донлисъ. Какъ всѣ шумѣли и радовались, за исключеніемъ Элеоноры и Маргареты! Какое множество лошадей и экипажей собралось у воротъ этого восхитительнаго зáмка, между-тѣмъ, какъ многочисленные гости, джентльмены и леди разсѣялись по всѣмъ алеямъ въ густомъ саду! Какой сытный, роскошный завтракъ старушка Кристисонъ изготовила для своихъ гостей! Донлисъ оживился, помолодѣлъ. Красный песокъ сверкаетъ на его дорожкахъ, обставленныхъ статуями, вымытыми, выбѣленными; самый циферблатъ солнечныхъ часовъ, вычищенный и выглаженный, блеститъ поновленными буквами, какъ-будто мощною рукою человѣка сглажена вся тѣнь прошедшихъ часовъ, и воспроведена новая жизнь на многія и многія лѣта.

Съ тоскливой нѣжностью и со слезами на глазахъ смотрѣла Элеонора на эти солнечные часы, и воображеніе ея живо нарисовало добрую и несчастную мистриссъ Стюартъ, учившую тутъ своихъ дѣтей и вмѣстѣ размышлявшую о безпечности своего мужа... О, Донлисъ, вѣчно-любимый Донлисъ! Какими это судьбами допустилъ ты въ своихъ стѣнахъ этотъ буйный разгулъ? Развѣ ты не похоронилъ на холодномъ кладбищѣ своего безпечнаго владѣльца и благородную его супругу? Развѣ эта женщина не истощила всѣхъ своихъ усилій, чтобъ удержать тебя за своимъ сыномъ? Развѣ Давидъ Стюартъ не погубилъ изъ-за тебя свою жизнь и доброе имя? Чему жь ты радуешься, о безчувственный Донлисъ?

Элеонора углубилась въ чащу сада и сѣла подъ вѣковой сосной. За ней послѣдовалъ обожатель Тибби, молодой мистеръ Малькольмъ. Онъ сѣлъ подлѣ нея въ меланхолической позѣ, растянувъ свои ноги во всю ихъ длину.

— Эхъ леди Пенрайнъ! сказалъ онъ съ глубокимъ вздохомъ: — э-э-ихxъ! Вѣдь если подумать хорошенько, чтó можетъ быть совершеннѣе этого мѣста? Такъ или нѣтъ-съ? А и она тоже совершеннѣйшее твореніе — миссъ Тибби, то-есть, миссъ Тавиѳа

Кррры́стисонъ — э-э-ни́хххъ! По-моему, сударыня, въ Донлисѣ можно прожить весь вѣкъ припѣваючи, да облизываясь. Я бы, смѣю сказать, ни шагу не сдѣлалъ дальше Донлиса. Вы какъ думаете насчетъ этого, леди Пенрайнъ?

И Элеонора сказала, что Донлисъ хорошее мѣсто. Она слышала изъ рѣчей своего собесѣдника на столько, чтобъ произнести приличный отвѣтъ; но мысль ея была теперь далеко, за предѣлами Донлиса. Она думала о тѣхъ невозвратныхъ дняхъ дѣвической жизни, когда, веселая и счастливая, она сидѣла подлѣ своего опекуна на утесахъ Ревущаго Линна.

ГЛАВА XXIV.

Новая надежда.

Но взошла радость на пустынномъ горизонтѣ элеонориной жизни, и замокъ Пенрайнъ засіялъ величіемъ и славой. Родился наслѣдникъ. Элеонора сдѣлалась матерью двухъ сыновей-близнецовъ. Она была здорова и счастлива. Не сбылись предсказанія деревенскихъ кумушекъ, издавна толковавшихъ, что «не бывать въ Пенрайнѣ законному наслѣднику по прямой линіи».

Надежда озарила колыбель милыхъ дѣтей. Они расли и расцвѣтали — не съ одинаковой быстротою. Фредерикъ, младшій сынъ, былъ силенъ, крѣпокъ, миловиденъ; Клефанъ, старшій, былъ слабъ и блѣденъ. Матери поймутъ, кого изъ нихъ Элеонора любила больше, если только можетъ-быть разница въ материнской любви. Кто былъ меньше для другихъ, тотъ больше былъ для матери, и Элеонора предпочитала дитя слабое, немощное, некрасивое. Эти томные, смышленые глазки, исполненные безпредѣльной любви, эти тощія маленькія ручки, распростертыя для всегдашней ласки, были дороже для нея, чѣмъ розовая красота отцова любимца, рѣзваго, бойкаго, игриваго и веселаго, какимъ былъ маленькій Фредъ.

Счастье имѣть дѣтей — священное счастье. Ихъ мѣсто въ нашемъ сердцѣ отмѣчено божественною волею Провидѣнія. Примѣромъ ребенка Іисусъ Христосъ увѣщевалъ и вразумлялъ своихъ учениковъ, когда они хотѣли отстранить отъ Его присутствія малютокъ.

Ближе чѣмъ мы, они стоятъ къ божественной славѣ, здѣсь и тамъ, въ этомъ мірѣ и будущемъ. Португальскій художникъ Сикуэра былъ, по моему мнѣнію, вдохновленъ благочестивою и глубокою мыслью, когда, въ одной изъ своихъ картинъ, изобразилъ райскій полъ изъ милліона младенческихъ лицъ, междутѣмъ, какъ внизу подъ огненнымъ сводомъ, томятся группы осужденныхъ и погибшихъ душъ. Надобно быть женщиной, чтобъ понять глубокій смыслъ подобной картины. И сколько женщинъ спаслось отъ грѣха и отчаянія одною улыбкою этихъ невинныхъ

Отечественные записки
1852 г. т. 83
№ 7.